

Вступление

Питательно только зерно; кто же станет сдирать шелуху для тебя и меня?

Если что-нибудь священо, то тело людей священо...

(Уолт Уитмен. Листья травы)

Люди становятся тупыми, когда перестают быть охваченными
страстью.

(Гельвеций. Об уме)

Смутно помню довоенную Москву - всю в рельсах трамваев, еще тесную, булыжную и по всем окраинам деревянную, глухую заборами. А за окраинами - сосновые боры, луга. Я босиком бегал купаться на Москву-реку.

Москва военная - в памяти тросы аэростатов, синева прожекторов, рев сирен. В парках валили вековые деревья, разделявали и закатывали на щели. Эти глубокие щели выкапывали тут же, возле клумб, аллей, фонтанов. И, конечно, стекла - все в нахлестах бумажных полос. Весь огромный город в бумажных лентах, черный с первыми сумерками - ни огонька, лунно-призрачный.

Разве думал я мальчишкой, гоня зимними вечерами консервную банку вместо мяча по ледяной мостовой, что настанет время и я буду пробовать в этом родном мне городе свою силу и свои первые мировые рекорды? Мы, голодные, одетые кто во что, забывали о консервной банке-мяче в мгновения победного салюта. Как неожиданно ярко расцвела затаенная ночью Москва под залпами ракет!..

Как же мы мечтали о силе, как завидовали сильным! Уже тогда я услышал имена Куценко, Амбарцумяна! Какие чудеса мне рассказывали об их силе!

Помню великое торжество Мира - всеобщее паломничество на Красную площадь. В день 9 мая, под утро которого было объявлено об окончании войны, с места тронулся весь люд: и дети, и старики, и взрослые - все шли к Красной площади. Помню скрепление прожекторов над Красной площадью и гул голосов, наверное, миллионов голосов... Я протиснулся с братом и мамой на Каменный мост. Сердце русского народа было распахнуто перед

нами: Кремлевская и Москворецкая набережные, бастионно-строгая зубчатость стен Кремля, святой народной памятью собор Постника и Бармы, звонница Ивана Великого, черный глянec Москвы-реки, переливчатой огнями. Толпа кидала в воду монетки - каждый на счастье.

Я за братом закрутил с пальца и свою - она потерялась в дожде монеток. Каждый загадывал, ждал, желал счастья!

И лежит, лежит на дне Москвы-реки мой пятак. Хранит мое счастье.

Чемпионат первый (1959)

Глава 1.

Год моего первого выступления на чемпионате мира 1959-й.

После пяти лет и шести месяцев учения, в феврале 1959 года, я защитил диплом. В первые дни марта явился в Петровский дворец - штаб Военно-воздушной академии имени Жуковского, получил диплом и направление для "дальнейшего прохождения службы".

15 марта, в воскресенье, я выиграл международные соревнования на приз Москвы в тяжелом весе (буду вести речь лишь об атлетах этой весовой категории). Болгарин Иван Веселинов отстал от меня в сумме троеборья на 67,5 кг. В тот вечер Алексей Медведев отнял мировой рекорд в рывке у американца Дэвида Эшмэна.

Однако жить рекорду было суждено всего 37 дней.

22 апреля я выиграл звание чемпиона Вооруженных Сил в Ленинграде, выступив уже за Московский округ ПВО. Я установил два мировых рекорда - в рывке и толчковом упражнении. В сумме троеборья я набрал третий результат за всю историю тяжелой атлетики. К рекорду в рывке

примеривался давно. Опробовал этот вес еще в декабре 1958 года на командном чемпионате СССР в Горьком. Понял: вес мой, запас есть. А вот знаменитый рекорд Эндерсона прихлопнул, можно сказать, в запальчивости.

15 августа я добился золотой медали чемпиона II Спартакиады народов СССР, то есть впервые стал чемпионом страны. На Спартакиаде забрал рекорд СССР в жиме. Прежде рекорд довольно долго принадлежал Евгению Новикову. Он и занял второе место, проиграв 37,5 кг в сумме троеборья. Ему тогда было 37 лет. На 2,5 кг в сумме троеборья от Новикова отстал бронзовый призер Спартакиады Сергей Ромасенко (455 кг).

4 октября в Варшаве в переменчивой схватке я выиграл звание чемпиона мира, утяжелив свой же мировой рекорд в рывке на 2 кг. В тот день до 24 лет мне недоставало двух месяцев.

Исключая мои последние международные соревнования - Олимпийские игры в Токио, моими неизменными противниками являлись американские атлеты. Кроме того, в предшествующие годы в борьбе за титулы сильнейших советские атлеты столкнулись с энергичным противодействием американцев не только в тяжелом весе. Именно в этой борьбе закалялась и мужала советская тяжелая атлетика. Поэтому целесообразно проследить развитие этого спорта в США.

Еще до второй мировой войны на американскую тяжелую атлетику наложил опеку Роберт Хоффман - миллионер от спортивной индустрии. Много десятилетий, порой в убыток, издавал он ежемесячный журнал "Стрэнгт энд хэлт" ("Сила и здоровье"). У Хоффмана была печатно-издательская компания с центром в Йорке (штат Пенсильвания) - "Стрэнгт энд хэлт пабблишинг компани". Хоффман печатал десятки книг под своим именем. Темы неожиданные, учитывая его признание, что он "не читает ничего, кроме рецептов коктейлей". Среди самых "тиражных" книг: "Возможность прожить на 10, 20 и 30 лет дольше" (500 с.), "Лучшее питание" (256 с.), "Успешная счастливая женитьба"...

В одном из номеров "Стрэнгт энд хэлт" есть фотография - бледноватый мальчонка с метлой возле крыльца. И в духе американской рекламы представление:

"Более пятидесяти лет назад в чаду и дыму сталелитейных заводов, сделавших знаменитым город Питтсбург, некий честолюбивый юноша зарабатывал себе на пропитание медными монетами. Он подметал тротуары и крылечки домов, свозил мусор на городскую свалку в тачке, выручал пять центов за рулон макулатуры и еще восемь - за бочонок золы. После он стал зарабатывать на продаже родниковой воды из источника "Индийская весна"

в парке Шэнли - несколько центов за галлон. Бегая за газетами, разделявая рыбу в лавчонке на базаре и приторговывая земляными орехами на Форбс Филд, где тренировалась местная бейсбольная команда - чемпион США 1907 года, юноша начал откладывать деньги как потенциальный миллионер. Тренировки знаменитых бегунов того времени на Форбс Филд захватили его. Он вступает на длинную дорогу преданности спорту, расходуя впоследствии для его нужд немалые средства. Он много помогал другим. Вы хотите знать его имя? Хоффман! На фотографии ему восемь лет, но этот мальчик уже брызжет энергией и преисполнен честолюбивых замыслов". Да, это будущий глава американской тяжелой атлетики и основатель авторитетного атлетического объединения "Йорк Барбэлл клуб". Почти все лучшие американские атлеты были воспитанниками или представителями этого спортивного клуба. В наше время слава американской тяжелой атлетики уже миф, а в 40-е, 50-е и в начале 60-х годов не было грознее противников, чем американцы. Еще в 1956 году на XVI Олимпийских играх в Мельбурне команда США добивается превосходства над советской. А отдельные американские атлеты господствуют на помосте до начала 60-х годов. Во всяком случае, самые сильные люди мира носили на трико эмблему США.

Определенные сведения об американской тяжелой атлетике содержит книга самого Роберта Хоффмана (Хоффман умер в июле 1985 года, восьмидесяти семи лет от роду) - "Тяжелая атлетика". Это своеобразный гимн прошлому.

Первое издание книги состоялось в 1939 году. Далее следуют издания с дополнениями 1940, 1941, 1943, 1952 и 1960 годов. У меня - шестое издание. "Поднятие тяжестей - это малоизвестный спорт для публики,- пишет Хоффман.- Оно понятно лишь кучке спортивных журналистов. Однако на деле поднятие тяжестей практикуется людьми гораздо чаще, чем какой-либо другой спорт, за исключением бега или плавания. В 52 странах мира поднятие тяжестей является организованным и признанным спортом. Во множестве других стран рассеяны преданные сторонники этого замечательного спорта. Ему и посвящается эта книга.

Поднятие веса включено в программу Олимпийских игр уже с 1896 года - I Олимпийских игр в Афинах. На первых олимпийских соревнованиях по штанге атлетами были европейцы. В 1928 году мир тяжелоатлетов потряс Эль Сайд Носсейир из Египта (Носсейир - атлет среднего веса, на IX Олимпийских играх в Амстердаме выжал 100 кг, в рывке и толчке зафиксировал соответственно 112,5 и 142,5 кг. Сейчас этому атлету ошибочно приписывают приоритет в преодолении 400-килограммового барьера в сумме троеборья.-Ю. В.). В 1932 году на Олимпийских играх в Лос-Анджелесе США были представлены полной командой, тогда как другие страны - отдельными атлетами. В 1936 году на Олимпиаде в Берлине

тяжелоатлеты представляли уже 23 страны (для сравнения: на чемпионат мира в Париж в 1946 году своих атлетов прислали 13 стран, на чемпионат мира в Вена в 1961 году - 33 и в 1978 году на чемпионат мира в Геттисберг (США) - 52. - Ю. В.). Кроме того, имелось немало стран, которые не являлись членами международной федерации, но чьи атлеты устанавливали мировые рекорды...

В последние годы прошлого столетия тысячи людей славились крепкими мускулами, среди них - великий и бессмертный Евгений Сандова. Были штангисты и в нашей стране. Но поднятие тяжестей не получало достойного распространения. К сожалению, во время зарождения этого спорта в нашей стране большинство атлетов были массивными, жирными - типичнейшего европейского ("континентального") склада и отнюдь не отличались крепким здоровьем... Это были громоздкие, мастодонтообразные люди - люди-тяжеловесы, как лошади. Наделенные сверхаппетитом, они отличались гигантским весом. Считалось, чем объемистее человек, тем могучей.

Лишь незначительное количество сильных людей Европы, посетивших наши берега, можно отнести к нормальному физическому типу. Все прочие являлись оплывшими, тучными и медленными. Конечно, Сандова исключение..." "1929 год представляется мне важнейшим в истории американской тяжелой атлетики",- указывает Хоффман. В том году, несмотря на сопротивление лидеров самостоятельных атлетических клубов, происходит объединение клубов в рамках AAU ("Любительский атлетический союз").

Первый чемпионат AAU по поднятию тяжестей состоялся в 1929 году (Спортивная энциклопедия Менке годом первого общенационального чемпионата США (Senior National champions) называет 1928-й. Сам Хоффман ведет им счет с 1929 года. (Здесь и в дальнейшем под британской спортивной энциклопедией Менке подразумевается "The Encyclopedia of Sports", Frank G. Menke, South Brunswick and New York: A. S. Barnes and Company Zondon Thomas Josoloff Z. t. d.).

Спортсменов принял Нью-Йорк. Основные участники - представители любительских атлетических клубов из "Нью-Йорк-сити". Активно участвовал в объединении атлетических союзов и в организации первого официального чемпионата нового объединенного союза Роберт Хоффман. Бизнес от спортивной индустрии был тогда еще делом новым, хотя на профессиональных поединках деньги делались. Хоффман начал с небольшого - месячной прибыли в 400 долларов. Но это не значит, что он был удовлетворен. К тому же на новом поприще имелись конкуренты. В борьбе с ними сжигание чучел ненавистных противников было всего лишь внешней, комической стороной... Через господина Стейта - бывшего

секретаря Международной федерации тяжелой атлетики - я получил ответы из США на ряд вопросов. Вот некоторые из них.

AAU был основан в 1888 году. Гарри Макмиллан из Филадельфии стал его первым президентом.

Комитет тяжелоатлетов (будущая Национальная федерация) примкнул к AAU в 1927 году. Дитрих Вортманн стал первым председателем этого комитета при AAU. AAU - федерация, которая объединяет все национальные федерации США в единый спортивный союз.

В системе AAU "Йорк Барбэлл клуб" нет равных. Вторая мировая война. Хоффманские капиталы делают свое дело отнюдь не только в спортивной индустрии. Влиятельность хоффманского "Йорк Барбэлл клуб" отчетливо просматривается в списке чемпионов США. В 1932 году из восьми чемпионов страны - четыре из "Йорк Барбэлл клуб" (Тогда в США существовала своя система весовых категорий), в 1936 году - шесть. А в год, когда я впервые испытал свою силу на чемпионате мира, шесть из семи чемпионов США представляли "Йорк Барбэлл клуб"! Но этот клуб был всего лишь скромной недвижимостью в хозяйстве Хоффмана.

Наиболее известные спортсмены в истории тяжелой атлетики США по весовым категориям:

Легчайший вес (до 56 кг, или до 123¹/₄ фунта) (Коммерческий (американский, английский) фунт равен 16 унциям, или 7 тысячам гранам, или 453,6 г. Его не следует путать с фунтом аптекарским (373,27 г). Но существовал и фунт русский- 409,5 г. Один пуд содержал 40 фунтов, или 16,38 кг. Существовали также итальянский фунт-317,6 г, австрийский фунт-560 г, немецкий (датский, голландский) - 500 г. Отсюда путаница в нынешней исторической литературе о спорте: перевод в метрическую систему мер (килограммы, граммы) не учитывает неодинаковости национальных фунтов. Результаты атлета исчислялись в фунтах стран, где устраивались соревнования. Кроме того, слово "рекорд" в прошлом необязательно означало мировое или национальное достижение, оно указывало на высшее достижение данного атлета и в этом смысле являлось не чем иным, как просто результатом). Эта весовая категория утверждена в 1947 году:

Артур Левэн, чемпион с 1930 по 1936 год включительно;

Джозеф ди Пиетро выиграл чемпионаты 1942- 1951 годов, пропустив чемпионаты 1944 и 1945 годов;

Чарлз Винчи, победитель национальных первенств 1954-1956 и 1958-1961 годов.

Полулегкий вес (до 60 кг, или до 132¹/₄ фунта): в этом весе начал выступать знаменитый Энтони Тэрлаццо, выиграв чемпионаты 1932 и 1936 годов; в 1932 году он поделил первое и второе места с Ричардом Бэчеллом-тоже известным атлетом;

самый победоносный полулегковес Исаак Бергер - чемпион 1955-1961 и 1964 годов.

Легкий вес (до 67,5 кг, или до 148 ³/₄ фунта):

Тэрлаццо - чемпион в 1933 и 1935 годах, с 1937-го и включительно по 1945 год первенствует без перерыва;

Тэрлаццо-13-кратный чемпион США!

немного уступает в победах Тэрлаццо и Джозеф Питмэн-10-кратный чемпион страны: 1947-1951 и 1953- 1957 годы;

- в легком весе начал выступать и прославленный Томас Коно - за ним национальное первенство 1952 года; тогда же он перебирается в средний вес; свою первую медаль в 1936 году здесь завоевывает Джон Тэрпак.

Полусредний вес (до 75 кг, или до 165 фунтов):

Тэрпак продолжает счет золотым медалям, побеждая в 1937-1942 и 1944-1945 годах; затем он перекочевывает в средний вес;

в 1953, 1958-1960 годах титул сильнейшего в этой весовой категории у Коно; в 1947 году победа за Стэнли Станчиком.

Средний вес (до 82,5 кг, или до 181¹/₄ фунта). До 1951 года тяжелый вес начинался сразу за пределом 82,5 кг:

начинает свои победные выступления Джон Дэвис - чемпион США 1939 и 1940 годов;

Тэрпак прибирает свои последние золотые медали на чемпионатах США 1943 и 1947 годов - всего 11-кратный чемпион США;

с 1948 по 1951 год и в 1953 году побеждает Станчик;

в 1954, 1955, 1957, 1961-1963 годах титул чемпиона у Коно; итак, он- 11-кратный чемпион страны.

Полутяжелый вес (до 90 кг, или до 198 фунтов) (В 1978 году введена новая весовая категория - второй полутяжелый вес (90-100 кг). Весовая категория учреждена в 1951 году:

с 1951 по 1953 год побеждает Норберт Шемански (у нас ошибочно было принято написание Шеманский).

Тяжелый вес (242'2 фунта) (В американской системе измерения приняты коммерческие фунты. Тут дана увязка с принятыми в мировой тяжелой атлетике разделениями по весовым категориям). После 1968 года разделен на первую тяжелую (100-110 кг) и вторую тяжелую (свыше 110 кг) весовые категории. У американцев вторая тяжелая весовая категория называется супертяжелой, то есть сверхтяжелой:

в 1941-1943, 1946-1948 и 1950-1953 годах побеждает Джон Дэвис, в общем сложении он 12-кратный чемпион страны;

в 1949, 1954, 1962, 1964 и 1965 годах титул сильнейшего опять за Шемански (В таблицах чемпионатов, приведенных в книге Хоффмана и спортивной энциклопедии Менке, расхождения. В 1957 году у Менке чемпион США в тяжелом весе Норберт Шемански. Но в 1956 и 1957 годах, оправясь после операции, он приступает к тренировкам. Чемпион 1957 года - Дэвид Эшмэн. Это подтверждает и протокол чемпионата в книге Хоффмана);

в 1955 и 1956 годах на помосте хозяйничает Пол Эндерсон (Правильное звучание своих имен дали для моей книги сами атлеты (не все, разумеется). У нас принято было писать: Пауль Андерсон, но сам хозяин этого имени считает верным произношение - Пол Эндер-сон. У нас писали: Дэвид Ашман, но американцы произносят только как Дэвид Эшмэн); его вслед за Ригуло именуют сильнейшим человеком мира, но только не французы;

с 1956 по 1965 год чемпионами страны становятся Дэйв Эшмэн, Джеймс Брэдфорд, Сид Генри и Норберт Шемански.

Левэн, Винчи, Тэрлаццо, Бергер, Питмэн, Тэрпак, Дэвис, Станчик, Шеппард, Эшмэн, Брэдфорд-все из "Йорк Барбэлл клуб".

"...На чемпионат мира 1937 года в Париж было решено послать сборную команду. Каждый клуб обязывался внести плату за своего представителя. В сборную вошли четыре атлета из команды Йорка. Я оплатил их сборы и поездку в Париж..."- вспоминает Хоффман.

В 1978 году генеральным директором объединения "Йорк Барбэлл клуб" был Джон Тэрпак. К тому времени прошло уже 12 лет с кончины великого атлета Энтони Тэрлаццо.

Итак, Хоффман финансирует сборную команду с 1937 года. Возможно, он взял бы ее на обеспечение и раньше, но лишь с 1937 года чемпионаты мира следуют каждый год. После первой мировой войны тяжелая атлетика довольствовалась лишь олимпийскими турнирами. Исключение-чемпионаты мира 1922 года в Ревеле (нынешний Таллинн) (на первом месте команда Эстонии) и 1923 года в Вене (первое место у команды Австрии).

На Олимпийских играх 1896, 1904, 1920, 1924, 1932, 1936 годов и в международных турнирах побеждают немцы, австрийцы, французы, итальянцы, египтяне и эстонцы. Поражают эстонцы. В пяти практикуемых в довоенной тяжелой атлетике весовых категориях каждая медаль - гораздо большая редкость, нежели теперь. И все же в 1920 году на Играх в Антверпене первое место в легком весе у Альфреда Нейланда и второе в полулегком - у Альфреда Шмидта. Через четыре года на Играх в Париже у Нейланда и Киккаса - соответственно второе и третье места в полусреднем весе, а у Там мэра - почетное третье место в тяжелом весе!

В 1928 году на Играх в Амстердаме серебряная медаль в тяжелом весе - у Арнольда Лухаэра! Лишь в 1932 году эстонцев нет среди призеров олимпийских соревнований тяжелоатлетов. Зато в 1936 году у Лухаэра бронзовая медаль и сумма троеборья - 400 кг. У второго призера, чеха Пшенички,- 402,5 кг, у олимпийского чемпиона Мангера - 410. Проиграв в жиме и в рывке Мангеру и Пшеничке, Лухаэр толкает 165 кг - на 10 кг больше любого из соперников! Таким образом, достижения тяжелой атлетики Эстонии значительней американской вплоть до предвоенных Олимпийских игр в Берлине (1936). У американцев на пяти Олимпийских играх между двумя мировыми войнами одна золотая и две бронзовые медали, у эстонцев - одна золотая, три серебряные и три бронзовые медали (хотя с 1932 года США выставляют полную команду!). Достойные традиции Георга Луриха, Александра Аберга и Георга Гаккеншмидта! Недаром "отец русской тяжелой атлетики" доктор Краевский как-то обмолвился, что "Ревель - родина самых сильных людей". Сильнейшей женщиной России называли во времена Краевского и эстонку Марию Лоорберг.

Глава 2.

С 1937 года начинается неуклонное продвижение американцев на первые места во всех весовых категориях. В 1937 и 1938 годах у американцев уже по две золотые медали.

"Двое атлетов из Йорка - Тони Тэрлаццо и Джон Тэрпак - завоевали звание чемпиона мира в 1937 году. В Париже - с призами за великие победы"- эта подпись под фотографией в книге Хоффмана свидетельствует не столько о самих победах, сколько о роли "Йорка", то есть самого Хоффмана.

На чемпионатах мира 1937 и 1938 годов в Париже первое место за командой Германии. После войны Париж продолжает счет чемпионатам. В 1946 году командное первенство за американцам.и. Чемпионы Стэнли Станчик и Джон Дэвис - из "Йорк Барбэлл клуб". И уже без перерыва чемпионаты восходят к нашим дням (лишь в 1967 году чемпионат мира не состоялся). И все выезды сборной США оплачивает Хоффман. По его утверждению, это ему обходилось примерно в 50 тысяч долларов каждый год. Себя в книге он величает "лидером мировой физической силы", "американской знаменитостью и авторитетом во всем мире". Однако титул "отца американской тяжелой атлетики" приедается Хоффману, и в 70-е годы он уже производит себя в "отцы мировой тяжелой атлетики"! Заметим, что, несмотря на вторую мировую войну, в США аккуратно разыгрывались национальные чемпионаты.

С 1946 по 1952 год американцы поочередно захватывают золотые медали во всех весовых категориях и уступают командное первенство лишь раз: в 1949 году египтянам.

На чемпионате мира 1947 года в Филадельфии американские спортсмены побеждают во всех весовых категориях: Джозеф ди Пиетро, Роберт Хиггинс, Питер Джордж, Стэнли Станчик, Джон Тэрпак и Джон Дэвис! Следует иметь в виду физический и материальный уроны, которые понесли народы Европы во второй мировой войне. В этом отношении США находились в выгодном положении).

На XV Олимпийских играх в Хельсинки (1952) впервые серьезный бой дает наша команда. Для СССР это и первые Олимпийские игры. В Хельсинки к

золотым медалям прокладывают дороги Иван Удодов, Рафаэль Чимишкян, Трофим Ломакин. Остальные золотые медали - у Томаса Коно, Питера Джорджа, Норберта Шемански и Джона Дэвиса. Впервые в истории "железной игры" верх за командой СССР: 40 очков против 38. Однако по количеству первых мест впереди пока "мальчики" Хоффмана.

Подавляют превосходством американские атлеты тяжелой весовой категории. Самые известные: Джон Дэвис, Пол Эндерсон, Норберт Шемански, Джеймс Брэдфорд, Дэвид Эшмэн и Джозеф Дьюб. Кроме Брэдфорда, каждый в то или иное время осваивал мировой рекорд. Джон Дэвис, Норберт Шемански и Пол Эндерсон имели право на титул "самый сильный человек мира" (В печати официально "самым сильным человеком мира" из этих американских атлетов титуловали лишь Эндерсона. Такое же разделение сохраняет в основном и справочно-энциклопедическая литература, кроме французской). Зорек на самых сильных Хоффман!

С 1953 года команда СССР уже соревнуется на всех чемпионатах мира. На чемпионате 1953 года в Стокгольме у советской команды 25 очков против 23 американских. Золотые медали по весовым категориям у И. Удодова (СССР), Н. Саксонова (СССР), П. Джорджа (США), Т. Коно (США), А. Воробьева (СССР), Н. Шемански (США), Д. Хэпбёрна (Канада). До сих пор сборная СССР появлялась лишь на парижских чемпионатах 1946 и 1950 годов. В 1946 году чемпионом мира в среднем весе (полутяжелой весовой категории еще не существовало) стал Григорий Новак-единственная золотая медаль нашей команды. На чемпионате 1950 года сборная СССР спасовала перед сборными США и Египта. Среди победителей ни одного нашего атлета.

С 1953 года под натиском советских атлетов непоправимо усыхает "победная доля" американцев. Уже через год сборная СССР побеждает на чемпионате мира с 29 очками против 23 американских. Золотые медали у Б. Фархутдинова (СССР), Р. Чимишкяна (СССР), Д. Иванова (СССР), П. Джорджа (США) (Забавно, что сейчас в своих историко-спортивных описаниях ряд журналистов принимает за одно лицо братьев Джима Джорджа и Питера Джорджа, впрочем, как и известных русских атлетов Моор-Знаменского и Морро-Дмитриева), Т. Коно (США), А. Воробьева (СССР), Н. Шемански (США). К концу 50-х годов в игру включаются поляки, японцы, болгары, шведы, финны, немцы...

Однако превосходство американских атлетов в главной весовой категории, наиболее почитаемой (как говорят сейчас-престижной), столь велико, что, как на Олимпийских играх 1952 года, так и на чемпионатах мира 1953, 1954, 1955 годов, а также на Олимпийских играх 1956 года - вплоть до ухода Эндерсона в профессионалы, советская команда вообще не выставляет

своего . участника. Мы побеждаем, мы первые, но бал силы закрываем не мы.

Ошибочно вести речь о тяжелоатлетах США в отрыве от духа нации, ее стремления к победам и в других видах спорта, требующих наибольшей силы и напористости.

Метатели Молота, диска и толкатели ядра - обычно рослый и могучий народ. Имеет здесь значение и собственный вес.

На IX Олимпийских играх (1928) золотая медаль в толкании ядра у Джона Кука, серебряная - у Германа Брикса. Оба американцы.

На X Олимпийских играх в Лос-Анджелесе (1932) золотая медаль в толкании ядра у Лео Секстона, в метании диска - у Джона Эндерсона, серебряные - соответственно у Харлоу Роберта и Анри Ляборда. Все - американцы.

На Берлинской олимпиаде 1936 года в толкании ядра первый - немец Ганс Вёлке. И в броске молота первый тоже немец - Карл Хейн. Лишь у дискоболов чемпион Кеннет Карпентэр из США. На штангистском помосте тоже хозяйничает немец - Йозеф Мангер. Тогда "коричневый" режим через спорт доказывал принципы арийства. На спорт отпускались средства так же серьезно, как и на подготовку войны. Даже в силовой женской программе - метаниях - тотально первенствуют немки...

На Олимпийских играх в Лондоне (1948) снова американец опережает всех в толкании ядра - Уимбер Джонсон. У дискоболов в "королях" - итальянец Адольфо Консолини (я познакомился с ним в Риме: он от имени всех спортсменов приносил олимпийскую клятву), а в метании молота - венгр Имре Немет. В Хельсинки (1952) фанатичный и неутомимый в работе с ядром Пэрри О'Брайен добывает золотую медаль для США. Это он изобретает новый способ посылы снаряда. О его преданности спорту ходили легенды. Все было пылью для него, кроме тренировки. Второе и третье места в Хельсинки также за его соотечественниками. И самый дальний бросок диска - у американца Сима Айнесса. Только в метании молота опять первый венгр - Йожеф Чермак. Через четыре года в Мельбурне все виды метания, предполагающие атлетическую силу, уже "собственность" американцев. В толкании ядра - у Пэрри О'Брай-ена (серебряная медаль тоже у американца - Уильяма Нидэра), в метании диска-у Альфреда Ортэра (второе и третье места и здесь за американцами), в метании молота - у Гарольда Конноли. Атлет из дерзких духом! С искалеченной рукой от рождения подчиняет себе мировые рекорды! Он первый применяет анаболики. В двух последующих Олимпиадах (1960, 1964) принял участие и

я. О них рассказ дальше.

В метаниях физическая сила в значительной мере определяет успех. И едва ли не главное в тренировке метателей - накопление силы, то бишь упражнения с тяжестями.

Уже в мое время многие женщины-метательницы вгоняли в краску известных штангистов. В станке для жима лежа эти представительницы слабого пола работали на весах 110-150 кг! А сколько еще других упражнений с тяжестями "исповедуют" спортсмены и спортсменки - метательницы! Недаром чемпион XVII Олимпийских игр (1960) по метанию молота Василий Руденков выполнил норму мастера спорта СССР по тяжелой атлетике.

Поэтому на Олимпийских играх в Риме (1960) первыми и самыми прилежными зрителями на моих тренировках в Аквиа Асетоза были американские метатели: Уильям Нидэр-31 августа он выиграл золотую медаль в толкании ядра (19 м 68 см); славный атлет Пэрри О'Брайен - на своей третьей Олимпиаде он отступил на второе место (19 м 11 см); бронзовый призер Даллас Лонг (19 м 01 см); золотой и серебряный медалисты в метании диска Альфред Ортэр (59 м 18 см) и Ричард Бабка (58 м 02 см)... Они загромаждали зал (Пэрри О'Брайен первым преодолел 18-метровый рубеж, его рост 192 см, вес 114 кг. Нидэр первым взял 20-метровый рубеж, его рост 191 см, вес при установлении рекорда мира 115 кг. Лонг в 1962 году продвинул мировой рекорд - 20 м 08 см (рекорд принадлежал ему до 1964 года), его рост 194 см, вес 126 кг. Ортэр при росте 192 см весил 115 кг. Бабка был самым высоким - 198 см, весил 128 кг. Сразу темнело, когда они вваливались в небольшой разминочный зал Аквиа Асетоза. Я своей внешностью явно разочаровывал этих парней). Высокие, плечистые, с накачанными ручищами, они невольно привлекали внимание. И держались, как часто держатся сильные, снисходительно-лениво ко всякой прочей "мелочи". Но за мной следили с азартом. К чему, к чему, а к силе они не могли оставаться равнодушными. И еще их задевала моя некрупность, что ли. Ростом пониже (во мне 187 см), весом не уступаю, но нет во мне "внушительности". И еще эти очки. И стулья подо мной не трещат. С какой стати рекорды?..

3 сентября столкнулся я на виа Фламино с Биллом Нидэром. Он в белой полурукавке на выпуск. Волосы по моде - "ежик". Итальянские газеты в полстраницы высаживали жирно, черными буквами: "Супермен!" И на всех снимках Нидэр раздаривает автографы. На одном даже полицейский пособляет ему... Мне работать еще через неделю, а он, как говорится, уже гуляет. Улыбаемся. Я поздравляю супермена. А Нидэр - за столик кафе, руку выставляет. Заломил я ему и правую и левую, как он и предлагал. Нидэр

покраснел, тычет в плечо кулаком (надо сказать, очень внушительный кулак). Жест понятный: не дури, боксируй. Может быть, в другое время он так и не поступил бы, а тут в подпитии. И желает, так сказать, публично вразумить меня.

Драться на улице?

А Нидэр напирает. Подхватил я его под мышки, благо был в отличной форме - весил Нидэр немало, под 120 кг,-и переставил в сторону. И до того это американца поразило (его, наверное, с пяти лет никто на руки поднять не силился), что он поначалу оцепенел, а потом засмеялся. А мне, слава богу, дорога свободна...

Позже понял, что Нидэр вовсе не случайно предложил побоксировать. Он уже в ту пору слыл классным боксером. Метил на профессиональный ринг. Самые сильные люди из американцев атаковали метания. Но еще много раньше они начали наступление в боксе - профессиональном, конечно. Практически все чемпионы мира здесь, в тяжелом весе,- американцы.

Первый официальный чемпион мира - Джон Сулливан из Бостона. С 1882 года в течение десяти лет он король ринга. Потом 26-летний Джеймс Корбэтт отправляет его в нокаут...

17 марта 1897 года на 14-м раунде Корбэтт - без сознания.

Виновник-Фитцсиммонс (о нем с почтением упоминает Джек Лондон). Чемпиона в тяжелом весе заваливает боксер-средневес! Корбэтт весил около 83 кг, Фитцсиммонс - 76! Корбэтту было 32 года, а Фитцсиммонсу - 36! И в росте Фитцсиммонс уступал сопернику на шесть сантиметров! О славе Фитцсиммонса только могли мечтать американские президенты. До 30-х годов нашего столетия боксеры воспитывались на советах Фитцсиммонса. Они и поныне не утратили смысла.

9 июня 1899 года в Коии-Айленд сошлись Джеффрис, по прозвищу Жестянщик, и Фитцсиммонс. Куш победителю - 20 тысяч долларов. О встрече сохранился памятный репортаж Джека Лондона, перепечатанный в русском журнале "К спорту". Джеффрис удивил принятой ныне боксерской стойкой (он ее и нашел). Фитцсиммонс очнулся за канатами... Уйти вовремя - драгоценный дар! Джеффрис ушел сам, ушел непобежденный...

А дальше смена чемпионов. И почти все - янки. Особым почетом пользовался Джэк Дэмпси ("Солнышко Дэмпси"). Всепробивающий Джин Тэнни (от одного из его ударов в грудь Джэк Дэмпси, по собственному признанию, чуть не умер на ринге) скопил миллион и женился на дочери

миллиардера. Потом Джо Луис... Мохаммед Али...

Мохаммеда Али я заметил в римской Олимпийской деревне. "Полутяжи" и "тяжи" в боксе меня интересовали, как и в борьбе. И, понятно, из разряда самых сильных. Уж никак в вихлявом пареньке по имени Кассиус Клей я не предполагал знаменитого из знаменитых боксеров-профессионалов. Казалось, Нидэр, да и не только он, прихлопнет его одним ударом. Уж очень жидковато смотрелся будущий чемпион чемпионов. Но руки запомнились - длинные, плотные мышцы. Значит, выносливы при большой силе. Неприятное впечатление производили его хвастливость и какое-то недержание речи...

О Клее после победы в финале над именитым поляком Петшиковским все заговорили как о "думающем боксере", как о бойце, у которого в каждом движении расчет, о его способности мгновенно оценивать положение в общей схеме намеченности боя.

Финал его блестящей карьеры мрачен, но типичен для профессионалов. "Мухаммед Али обладал великолепными данными. Это был идол, которому поклонялись миллионы болельщиков. А теперь? Обрюзгший, рыхлый, с трудом произносящий слова, Мухаммед Али представляет собой лишь жалкие обломки того, что считалось "лучшим экземпляром человеческой породы". После 549 боев Али страдал тяжелой формой фиброза - ненормальным ростом мышечных тканей, вызванным повреждением волокон нервного ствола" (За рубежом, 1984, № 15). Неистово, темпераментно домогались американцы превосходства там, где игру решала наивысшая сила. Эта повальная склонность и тяга к наивысшей силе и не могли миновать американскую тяжелую атлетику (Вообще понятие "тяжелая атлетика" охватывает борьбу, бокс, поднимание тяжестей. Однако последнее время все чаще и чаще под ним подразумевают только поднятие тяжестей). Вовсе не случайна эта борьба за титул "самый сильный", которая заварилась в последующие два десятилетия, если положить за отсчет год 1935-й. К тому времени поднимание тяжестей вербует в США достаточно дюжих парней. Американская тяжелая атлетика из детства и юности вступает в зрелость. Несомненно, это стремление к силе явилось лишь отражением мировых политико-экономических процессов. После первой мировой войны США - самая могущественная страна. Весьма показательное усиление позиций Германии в спорте после прихода к власти нацистов. Немцы фанатичны в спортивной борьбе ради доказательства превосходства арийской доктрины. На подъеме спорт и в фашистской Италии. В покровителях его сам дуче.

"В 1936 году в Берлине состоялись Олимпийские игры,- вспоминал Гюнтер Гереке, бывший имперский министр кабинета Гитлера.- К моему ужасу, я

должен был признать, что они были на руку нацистам не только в Германии, но и за границей. Спортсмены всех стран мира продефилировали мимо Гитлера. Он приветствовал их поднятой рукой - фашистским приветствием..." (Герике Гюнтер. Я был королевско-прусским советником. М. Прогресс, 1977. С. 265). Многие выдающиеся спортсмены, как и большинство людей, считали кощунством проведение Олимпийских игр в странах, где человек ничто перед властью, где сама власть - глумление над справедливостью вообще и независимостью взглядов. Через большой спорт действует идеология. Перестановка международных сил всегда оборачивалась перестановкой сил и в спорте. Причем незамедлительно.

Не все, конечно, столь прямолинейно и обнаженно. Однако... Вот именно-однако! Какими бы ни были побуждения спортсменов, в них прежде всего дух времени. А этот дух порождают экономика, идеология... Все это не исключает и подлинной привязанности к спорту, но не она рисует физиономию явления. И это не противоречит существованию спорта как естественному побуждению человека...

Глава 3.

В официальной любительской тяжелой атлетике самым сильным атлетом в 30-е годы слыл немец Йозеф Мангер. Однако с конца 20-х годов почти четверть века сохранялся высшим достижением силы толчок двумя руками француза Шарля Ригуло (более точное написание фамилии: Ригулё)-186 кг (по другим данным- 185 кг). Таким образом, создалось своеобразное двоевластие. Чередовались самые сильные атлеты, а добрая часть титула "самый сильный" принадлежала Ригуло. В отличие от блестящих атлетов прошлого он поднял этот вес по современным правилам. Ригуло уже давно зарабатывал на жизнь профессиональными выступлениями, не имел права на встречу с чемпионами-любителями, а рекорд его оставался незыблемым.

Таким образом, Мангер с его рекордной суммой троеборья и рекорд Ригуло в толчке стояли на пути американских атлетов. Первым добился титула "самый сильный" Джон Дэвис - ладно скроенный негр из США. Однако и он поделил этот титул с Ригуло.

Предшественника Дэвиса - американского атлета Стэна Станко - нельзя считать обладателем подобного титула. Во-первых, права на это есть у советских атлетов Серго Амбарцумяна и Якова Куценко. Во-вторых, Станко проигрывает в поединках Мангеру по всем статьям.

Йозеф Мангер родился 26 мая 1913 года. В 1934 году Мангер получает

серебряную медаль на чемпионате Европы, в 1935-м - золотую. В 1936 году на Олимпийских играх в Берлине у него золотая медаль. Затем он выигрывает чемпионаты мира 1937 и 1938 годов. За ним числятся 18 мировых рекордов. Из них десять в жиме (от 133,5 кг-его первый мировой рекорд в 1935 году-до 145 кг в 1939 году), один в рывке - 131,5 кг, установленный в 1936 году, и семь - в сумме троеборья. Так как рекорды в сумме троеборья представляют особый интерес, привожу их: 402,5 (1935), 410 (1936), 412,5 (1936), 420 (1937), 425 (1937), 430 (1937), 435 (1938).

Официальный статистик федерации тяжелой атлетики ФРГ Шерер писал мне: "Мангер закончил спортивную карьеру в начале второй мировой войны. В 1938 году на встречах команд США и Германии Мангер дважды одержал победу над известным Стэном Станко. Американский атлет Станко был первым, кто улучшил рекордную сумму Мангера и превысил заветный барьер в 1000 фунтов".

Такие улучшения рекордной суммы Мангера (и неоднократные) еще раньше совершили наши атлеты Серго Амбарцумян и Яков Куценко. К прискорбию, выдающиеся рекорды советских атлетов не регистрировались Международной федерацией и, следовательно, не принимались за рекорды вообще. Регистрация наших достижений началась после второй мировой войны, когда мы вступили в Международную федерацию тяжелой атлетики. Я много слышал и читал о Дэвисе. Мне пришлось выступать против его товарищей по команде, но самого Дэвиса я уже не встретил. Он ушел из спорта в год, когда я выполнил второй разряд. Правда, норму мастера спорта СССР я выполнил, можно сказать, вдогонку-спустя 17 месяцев, а через несколько месяцев последовали и первые всесоюзные рекорды. Нас разделили несколько лет...

Дэвис был атлетом, что называется, из настоящих. Без намека на вислость живота, без жировых отложений и чрезмерно затяжеленных ног. Богатырские ноги, но не такие, как у Пола Эндерсона: тот в ходьбе закатывал одну за другую. Нет, Дэвис был подвижен, мускулист и героически предан спорту. И весил около 105 кг, немного больше Ригуло. По нынешним представлениям - детский вес для тяжеловеса.

Опробовал себя Дэвис на чемпионате мира в Вене осенью 1938 года. Тогда титулы оспаривались в весовых категориях: 60-67,5-75-82,5 кг. Тяжелая весовая категория, как водится, без верхнего ограничения. Дэвис выступил в категории 82,5 кг и победил, ему было всего 17 лет. После войны Дэвис первенствует уже в тяжелом весе на чемпионатах мира: 1946 (Париж), 1947 (Филадельфия), 1949 (Шевенинген), 1950 (Париж), 1951 (Милан), а также на Олимпийских играх 1948 (Лондон) и 1952 (Хельсинки) годов. Внушительный перечень!

Дэвису не дает покоя профессиональный рекорд Ригуло. Понять Дэвиса можно. Титул есть, но вроде бы из оципанных, без прописей по всем статьям, да и французы не признают за самого сильного, покуда цел рекорд Шарло (прозвище Ригуло).

Дэвис носит на плечах штангу весом тяжелее ненавистного рекорда француза. На тренировках кладет ее на плечи, просеменит, остановится и снова несколько шажков назад, к стойке. Так по многу раз. Сродниться с тяжестью! Подавить робость!..

Весь 1950 год он пытается свалить рекорд француза. Одну из таких попыток наблюдает и "господин самый сильный". В этой погоне Дэвис первый в США узаконил рекордом в толчковом упражнении 400 фунтов (181,44 кг)- "круглый" вес по американской системе измерения. Лучший же результат вообще в этом упражнении-182,35 кг (Британская спортивная энциклопедия Менке ошибочно считает высшим достижением Дэвиса результат 400 фунтов, показанный в 1951 году)-достигнут на чемпионате США 1951 года в Лос-Анджелесе. Советский рекорд в толчке Якова Куценко того времени составлял 175 кг. Разрыв ощутимый.

Тогда же в Лос-Анджелесе Дэвис выдает свою лучшую сумму - 1062 фунта (481,72 кг). Ни эту сумму, ни рекорд в толчке 402 фунта ему уже не суждено утяжелить. Решением судей Дэвису присуждается приз "Лучший атлет". Год высшей силы и славы Дэвиса! Чемпионат СССР в том же году за Яковом Куценко с суммой 427,5 кг. Здесь разрыв просто сокрушительен!

Так и пребывал в поделенности между Джоном Дэвисом и Шарлем Ригуло титул "самый сильный в мире", пока в 1953 году не нарушает это вынужденное равновесие Норберт Шемански-один из самых славных атлетов в истории американского спорта.

Дэвис владел абсолютно самой большой суммой троеборья, а Ригуло - абсолютно самым большим весом, поднятым над головой по современным правилам. Два высших достижения, характеризующие наибольшую силу, пребывали в разных руках, хотя формально рекорд Ригуло можно сбросить со счетов: профессионал! Но какой же ты атлет, если смирен чужой силой?!

В 1953 году на чемпионате мира в Стокгольме 32-летний Дэвис, по прозвищу Геркулес (величали его и Черным Аполлоном), сломлен канадцем Дагом Хэпбёрном. Однако проигрыш не лишает его прежней части титула "самый сильный". И рекорд в сумме троеборья пока запечатан им - первым из восьмикратных чемпионов мира!

В 1978 году 57-летний Дэвис служил рядовым полицейским в нью-йоркской подземке.

Даг Хэпбёрн поразил современников силой рук. К слову, рекорд в жиме до 1962 года ни разу не принадлежал советскому атлету. Мне удалось установить его в 1962 году. Три года владеет Хэпбёрн мировым рекордом в жиме. Ненадолго этот рекорд присваивает Умберто Сельветти. За эти три года Хэпбёрн внушительно "раскачивает" жим. Его последний рекорд в жиме - 172,5 кг, а первый - 153,5 кг! Я много слышал доброго об этом интеллигентном человеке.

За Хэпбёрном рекорд подминает Пол Эндерсон на долгие восемь лет...

Глава 4.

Норберт Шемански пристрастился к спорту из-за старшего брата. До второй мировой войны Дэннис Шемански - один из искуснейших бойцов с тяжестями.

В 1945 году Норб "прикладывается" к тренировкам, и никто и ничто не могут уже отлучить его от "железа". Сила отзывчива на привязанность. В 1947 году на чемпионате мира в Филадельфии Норб второй за Дэвисом. Разница в сумме троеборья - 27,5 кг, в толчковом упражнении - 7,5 кг! Но дело не в одной силе. Дэвис несколько поувесистей.

В 1951 году несправедливость устраняет Международная федерация. Отныне есть новая 'весовая категория-полутяжелый вес (82,5-90 кг). И Шемански тут же ныряет в новую весовую категорию. На чемпионате мира 1951 года в Милане у Шемански первая золотая медаль в полутяжелом весе. Вот он, простор! Через год на Олимпийских играх в Хельсинки Шемански по сумме трех упражнений опережает на 35 кг Григория Новака. В Стокгольме на чемпионате мира 1953 года Шемански тоже без особых забот опережает соперников - третья золотая медаль! Есть и мировой рекорд в толчке - 181 кг!

12 февраля 1953 года в Йорке Норб неожиданно пробует себя в тяжелом весе (собственный вес-99 кг). В толчковом упражнении новый мировой рекорд - 187,5 кг! Достижение Ригуло как высшее проявление силы, доказанное современным способом (не "континентальным" толчком), стерто. Нет человека сильнее Норберта Шемански, хотя лучшая сумма пока за Дэвисом.

С тренировками обильнее мускулатура. Собственный вес выкатывает за весовую границу, но не это главное. Сколько чемпионов на годы замораживают свой вес! Все дело в том, что ни в полутяжелой, ни в тяжелой весовых категориях Шемански нет равных. И в 1954 году Шемански как бы возвращается в родную весовую категорию - тяжелую. При собственном весе 102 кг он коронуется в Вене чемпионом мира. Четвертая золотая медаль! Самый легкий из официальных чемпионов мира в тяжелом весе (после введения полутяжелой весовой категории)! Его вес под стать весу легендарного Ригуло. Настоящая династия сильных! Могущество силы, мужество - и никаких следов искусственного увеличения веса! Подлинно чистая сила!

Попутно Норб сворачивает мировые рекорды в толчке, рывке и сумме троеборья (487,5 кг). К его рекордам того года в толчке не успевают привыкнуть: 188,5 кг (Вена, 26 июня), 192,5 кг! Рекорд в толчке-192,5 кг-установлен через несколько дней после чемпионата мира - 17 октября в Лилле.

Наконец-то настигнуты и великие рекорды австрийца Карла Свободы: на чемпионате Австро-Венгрии за два года до начала первой мировой войны он в толчке "континентальным" способом поднимает 195 кг (Согласно правилам, штанга должна быть взята на грудь одним приемом. В "континентальном" толчке штанга захватывается на грудь в два приема, три, а то и пять. К примеру, в пять приемов закатывал штангу на грудь Карл Свобода. Знаменитые атлеты Штейнбах и Графль выполняли толчок в три приема). Вену Шемански ошеломляет "континентальным" толчком 200 кг! Потрясение не может стусевать даже киноплёнка. Весь мир обходит зрелище поединка с заветным весом. Рекорды в сумме троеборья и толчке явились абсолютными рекордами силы. Никогда и никто в мире не поднимал чисто 195 кг! Отныне титул "самый сильный человек в мире" в одних руках - у Шемански! И по праву! К примеру, всесоюзный рекорд Алексея Медведева тогда равнялся 175,5 кг.

Итак, у американцев высшая сила в спорте. В боксе - первые, в секторах для метаний - первые, на помосте - самые сильные. Нет популярнее атлета, чем светловолосый поджарый Норб! В те годы он представлял один из клубов Детройта.

И вдруг взрывается силой Пол Эндерсон. Его результат в толчке - 193 кг, показанный 22 апреля 1955 года, сразу возводит его в ранг сильнейшего, человека мира (Данный результат не был официально утвержден мировым рекордом, но 15 июня того же года Эндерсон его повторяет в Москве. Этот повторный результат принят мировым рекордом, как и московский результат в жиме- 182,5 кг.

Первоначально эти результаты (жим-182,5 кг, толчок-193 кг, сумма троеборья - 518,5 кг) Эндерсон показал на соревнованиях 22 апреля 1955 года в США. На чемпионате США в Кливленде 5 июня 1955 года он стирает три прежних мировых рекорда ("Советский спорт" от 9 июня 1955 года дает ошибочные сведения). Толчок- 196,5 кг! Но и жим, и сумма троеборья тоже замечательны. А ведь Эндерсон лишь успел сыграть свои первые партии! Какую же силу обрушит на "железо" этот атлет с кроткой, застенчивой улыбкой, если ему нет еще и 23 лет?!

Эндерсон первым преодолевает 500-килограммовый рубеж в сумме троеборья (400-килограммовый рубеж первым преодолел немец Мангер). На Панамериканских играх 1955 года в отсутствие Эндерсона Шемански побеждает, но результат хуже, чем в Вене, на 33 фунта (14,96 кг). Пусть недоступны рекорды в жиме и сумме троеборья, но рекорд в толчке? Шемански торопится первым застолбить 200 кг. Но "железо" частенько наказывает первых.

В 1956 и 1957 годах Шемански переносит две операции - смещены межпозвоночные диски. (В свое время мне повезло- я лишь ущемил позвоночный диск и выправился без операции. Травма - ни шага без боли. Идешь по улице и делаешь вид, что поправляешь ботинок: на корточках боль отпускает...) Несколько месяцев Шемански практически неподвижен.

"Оправившись от второй операции,- вспоминал он,- я понял: если мне дорог спорт, следует немедленно приступить к тренировке".

В январе 1958 года Норб приковылял в спортивный зал, а в мае уже выступал на соревнованиях. В 1959 году его результат шестой среди лучших в мире! Норб задается целью пробиться на олимпийский помост. Успеть за год вернуть не только былую силу, но и набрать новую. Оседлать новые результаты! На пути двое соотечественников - Эшмэн и Брэдфорд.

На Олимпийских играх в Риме я увидел возвращение этого замечательного атлета на большой помост. Я, Брэдфорд и Шемански сошлись в борьбе за звание олимпийского чемпиона...

В год Римской олимпиады Шемански исполнилось тридцать шесть.

Глава 5.

Итак, титул "самый сильный в мире" - у Пола Эндерсона из "Йорк Барбэлл

клуб". Явление его на помост оказалось неожиданным и всепокрушающим. За ним не теснились годы натужных тренировок, выучка на чемпионатах, мелочное подчинение результатам. Спортивная Америка прослышала о нем в 1954 году. Уже тогда, 11 декабря, он показывает высокий результат в троеборье-485,2 кг (167,8 кг + 136 кг+ 181,4 кг).

В 1955 году Эндерсон учиняет подлинный разгром на чемпионате США в Кливленде. Результат в жиме - 390 фунтов (176,9 кг), в рывке-320 фунтов (145,15кг), в толчке-435 фунтов (197,32 кг)-мировой рекорд! В сумме троеборья цифра невероятная- 1145 фунтов (519,37 кг) (Из протоколов чемпионата США, приведенных в книге Хоффмана (с. 80). Данные Хоффмана не всегда согласуются с другими источниками. В ряде мест он противоречит и себе)! Детской мнится прежняя рекордная сумма троеборья Шемански - 487,5 кг, но умопомрачительна и разница в собственном весе атлетов - 62 кг! Эндерсон в весовом выражении - это своего рода "полтора" Шемански.

На том же чемпионате США второе место за Дэвисом: в троеборье 955 фунтов (433,18 кг). Сопrotивляться "полтора" Шемански на таком уровне безнадежно. Этот чемпионат поистине роковой для американских атлетов. Чудовищная сила Эндерсона, подкреплeнная не менее чудовищным собственным весом, выметает с помоста Дэвиса, Брэдфорда и всю молодежь. Намерение противостоят Полу в самом производительном движении - толчке - увечит позвоночник Шемански. На тренировки смотрят как на безнадежную трату времени. Ведь большой спорт не для забавы и накачивания красивых мышц. Здесь свои законы и свои истины. И основная - огромный расход себя в тренировках. Жизнь в ускоренном ритме. Атлет ищет, добивается успеха. Плата - годы, отнятые у жизни. Укороченная жизнь. Вычерпанная сила, невозполнимый расход страсти, силы...

Летом американская команда во главе с Хоффманом в Москве. Гордость команды - Пол Эндерсон!

Я взял 16-миллиметровую кинокамеру "Болекс" - подарок отца, надел кожаную куртку и двинул напрямик в Зеленый театр, это в парке Горького. Я молчал - и меня принимали за иностранца. Любительских кинокамер в ту пору у нас вообще не было. К тому же я повесил через плечо фирменную сумку с набором объективов - ну чем не кинооператор! Словом, миновал все посты и кон-троли и оказался на сцене! И там никто не спрашивал документы. Я делал вид, что снимаю, а сам глазел на Эндерсона! Я заглянул к нему и в раздевалку. Как же я был счастлив!..

16 октября в Мюнхене Эндерсон вкушает триумф. В жиме новый мировой рекорд- 185,5 кг! Превосходство над соперниками поистине оскорбительно.

Рядом с Эндерсоном все эти мужчины, кичливые на силу, как дети! Брэдфорд занимает второе место, уступив Эндерсону в сумме троеборья 37,5 кг! Венский мировой рекорд в сумме троеборья Норба Шемански подправлен на 25 кг-512,5 кг! Собственный вес Эндерсона-атлета взвешивают при установлении рекорда - 164,5 кг. Разрыв в сумме с третьим призером чемпионата финном Эйно Мякиненем 90 кг! Цифра невиданная! И это при неудаче в толчке: Эндерсон толкнул лишь 182,5 кг - на 2,5 меньше, чем выжал! Смахивает на шутку - выжимать руками меньше, чем толкать с груди! Если не знать медлительности Эндерсона, можно решить, что в руках у него такая же сила, как в ногах. Конечные результаты Эндерсона на чемпионате: жим-185,5 кг, рывок- 145 кг, толчок-182,5 кг. В жиме Брэдфорд проиграл Эндерсону 20 кг, Мякинен - 58 кг.

В Мюнхене команда СССР выиграла первое место с 29 очками против 25 команды США. Золотые медали получили в порядке весовых категорий: В. Стогов (СССР), Р. Чимишкян (СССР), Н. Костылев (СССР), П. Джордж (США), Т. Коно (США), А. Воробьев (СССР), П. Эндерсон (США).

За год Эндерсон нагребает новую силу. Результаты чемпионата США 1956 года опять оглушают. В толчке Эндерсон фиксирует 440 фунтов (199,58 кг)- результат тут же провозглашается вечным! Сумма троеборья 1175 фунтов-532,98 кг (данные из книги Хоффмана, с. 84. В книге Хоффмана рекордом в жиме ошибочно представлены 402 фунта. Это меньше 185 кг. Вообще цифры "гуляют" произвольно). Ей тоже прочат вечность. И это отнюдь не восторженность ура-патриотов. Надо было видеть и самого Эндерсона - невысокого, но впечатляющих габаритов человека. Вкупе с результатами это не могло не производить впечатления нереальности. И вопреки здравому смыслу знатоки спорта ставят точку в развитии атлетики после имени Эндерсона. 14-кратный чемпион СССР в тяжелом весе Яков Куценко - свидетель многих выступлений Пола Эндерсона - называл его человеком-скалой. Действительно, под тяжестью американец держался неколебимо.

372 фунта (168,74 кг) - наибольший собственный вес Эндерсона. По признанию Хоффмана, этот вес уже мешает тренироваться Полу.

В Филадельфии на чемпионате страны 1956 года Эндерсон весит 300 фунтов (149,69 кг). Судя по всему, оптимальный вес для его силы.

Эндерсон был вне досягаемости даже в мечтах. Кто-то громадный, задвинутый в мускулы, смахнет его рекорды, но сие случится когда-нибудь. Мне советовали бросить тяжелую атлетику. В метании тренировка сулит успех, на помосте его быть не может! И было отчего так думать.

В июне 1956 года рекорд СССР в жиме составлял 161 кг. Лучший жим

Эндерсона - 185,5 кг. Разница - 24,5 кг! (Чемпионат США 1956 года проходил в июне. Кстати, эти чемпионаты всегда проходят в одно и то же время: первые две недели шестого месяца каждого года). Тогда же рекорд СССР в толчке составлял 180,5 кг. Лучший результат Эндерсона - 199,5 кг. Разница тоже невеселая - 19 кг! (Е. Новиков (Минск) с 1 января по 1 ноября 1956 года устанавливает следующие рекорды СССР в жиме: 23 февраля - 155,5 кг, 18 марта - 156, 9 апреля - 160, 27 мая - 160,5, 3 июня - 161 и 10 августа - 162,5 кг. Для сравнения с результатом Эндерсона нужно брать результат, показанный Новиковым до августа, то есть 161 кг.

Евгений Васильевич Новиков-автор десятков всесоюзных рекордов. В 1957 году выиграл звание чемпиона страны, а 22 сентября при собственном весе 118,8 кг выиграл и чемпионат Европы (480 кг в троеборье). Начал же выступать Новиков в полусреднем весе (до 75 кг). Он скоропостижно умер в Минске 16 ноября 1973 года, 49 лет). И наконец, рекордный результат Медведева в сумме троеборья - 472,5 кг А. Медведев (Москва, "Крылья Советов") 5 июля 1956 года установил всесоюзный рекорд в толчке - 180,5 кг, а 10 августа набрал рекордную сумму - 475 кг. В том же году Медведев значительно улучшил данные результаты. Однако для сравнения необходимы результаты, показанные до августа. Таким образом, сумма 475 кг тоже не может быть принята. Поэтому как рекордная взята предыдущая сумма в 472,5 кг (даже по конечному результату 1956 года - 485 кг - разрыв с Эндерсоном в сумме чрезвычайно велик-48 кг!). Лучшая сумма Эндерсона - 533 кг. У нашего рекорда недостача в 60 кг! Эндерсон предстает гигантом. Расстояние между результатами уже просто из неприличных. На килограммы от рекордной суммы троеборья Мангера до суммы Шемански мировой тяжелой атлетике понадобилось едва ли не два десятилетия (американцы нагуливали силу и в годы второй мировой войны). Результат этого продвижения - около 50 кг.

Новая разница в рекордах Шемански и Эндерсона - 45,5 кг: практически те же 50 кг, но воздвигнуты они не за два десятилетия несколькими атлетами, а за какие-то полтора года одним Эндерсоном! Вот это и потрясало современников! Следует учесть, что мировой спорт не знал тогда противозаконных химических препаратов. Победы добивались только искусством и мужеством тренировок. Эта "чума" - губительные препараты, убыстряющие восстановление и, стало быть, рост силы, - обрушилась на большой спорт в 1967-1969 годах.

Результаты и слава "полтора" Шемански обеспечивают американской тяжелой атлетике исключительное положение. Что бы ни случилось, но самый могучий - Эндерсон! Последние доказательства всегда за ним! "Вечные" рекорды есть вечные. Убеждайтесь...

Ни один тяжелоатлет даже отдаленно не переживал до той поры подобной известности. Вице-президент США Ричард Никсон почитает долгом навестить Эндерсона. Так появляется фотография-документ, удостоверяющий "государственность" силы Эндерсона. На фотографии "звезды" сборной США, в середине - Роберт Хоффман: правая рука на плече Эндерсона, левая - Никсона. В обнимку, пиджак по-свойски распахнут, с высоты роста в полуулыбке косится на вице-президента...

Олимпийские игры в Мельбурне (1956) едва не обернулись бедой для Эндерсона. Совершенно неожиданное противодействие оказывает одноклассник Эндерсона - аргентинец Сельветти. Спорт учитывает лишь факты, а факты поистине трагические. В своем излюбленном движении - жиме - Эндерсон уступает Сельветти 7,5 кг, недобирая до своего лучшего результата 17,5 кг! Кое-как третьей попыткой в толчке Эндерсон достает аргентинца. У него и у Сельветти равные суммы троеборья. Победа в данном случае за атлетом с меньшим собственным весом. И золотая медаль попадает к Эндерсону (бронзовая - у итальянца Пигаяни). Именно попадает...

"Мой вес в Мельбурне на XVI Олимпийских играх 1956 года был в пределах 303,5 фунта (137,68 кг), - вспоминает Эндерсон. - Я спустил вес в течение лета из-за болезни горла. Болезнь развилась в пору пребывания в Австралии. В ночь, когда я выступал, температура поднялась до 104 градусов по Фаренгейту (около 39 по Цельсию. - Ю. В.). Прошу извинить, я не могу сообщить вес Сельветти на соревнованиях в Мельбурне..." (Из письма П. Эндерсона автору от 29 мая 1978 года).

Данные о весе аргентинца сохранили протоколы - 143,5 кг. Таким образом, накануне соревнований Эндерсон худеет на 12,69 кг. И в день выступления судьи отметили в протоколах рекордно "маленький" вес большого Эндерсона: 302 фунта (137 кг) - данные из книги Хоффмана. В Токио на Олимпийских играх 1964 года я оказался всего на 0,5 кг легче.

Разумеется, с восстановлением веса и здоровья к Эндерсону вернулись и прежние возможности. Однако последнее выступление на любительском помосте было то - олимпийское, в Мельбурне. Несколько печальное.

Глава 6.

С азартом вычитывал все о поединке Эндерсона - Сельветти. Не смел и помышлять о подобной силе, хотя среди московских атлетов числился среди первых. Я лишь пытался решить задачу: как люди организуют такую силу?

Ведь и Сельветти, и Эндерсон практически мои сверстники, всего на три года постарше.

Я исключал значение громадного собственного веса как главную причину успеха. Неужели все в природной одаренности? Тоже не исчерпывающий довод... Умение?

Сочетание всех трех обстоятельств и есть искомый путь. Вес, без сомнения, играет роль. Иначе не существовали бы деления спортсменов на весовые категории. Но вес должен идти мышцей, организованной тканью.

Природная одаренность - без нее нет побед в большой игре. В сильные можно себя вытащить при любой наследственности. В самые сильные, в первые среди сильных - только при выдающихся физических качествах.

К победе ведет знание законов построения силы. Я не разумел это четко, однако уже поворачивал на верное направление.

Сверхбольшой собственный вес продолжает оставаться одним из почитаемых средств добывания результата. С ним до сих пор связано в тяжелой атлетике самостоятельное и, к сожалению, преобладающее направление. Атлеты тяжелой весовой категории стараются довести вес до наибольшего. Уродливость во внимание не принимается. Результат любой ценой!

1956 год Хоффман относит к самому важному в истории американской тяжелой атлетики. Эндерсон вколачивает в таблицу высших достижений свои "вечные" рекорды в жиме, толчке и сумме троеборья - официальный и неофициальный, набранные на чемпионате США в Филадельфии. В 1956 году команда Хоффмана торжествует на Олимпийских играх (из семи атлетов - четыре из "Йорк Барбэлл клуб". К данной четверке фактически примыкает и Томас Коно). Успех команды столь громок, что Хоффман пускается в рекламный вояж. Его самая козырная ценность - Пол Эндерсон! Его выступлениям сопутствует грандиозный успех. "Небывалую сумму потратил репортер, который сопровождал нашу команду в турне, - вспоминает Хоффман. - Он выложил пятьдесят тысяч долларов". Значит, изрядно покрутили по свету атлеты США. И доллары репортера, надо полагать, окупались...

Любительскому спорту Эндерсон оставляет в качестве официальных мировых рекордов:

в жиме - 185,5 кг;

в толчке - 196,5 кг;

в сумме троеборья - 512,5 кг.

Мировым рекордом не был засчитан результат в толчке 199,5 кг, и это непонятно, так как он значится в официальном протоколе первенства США 1956 года. Можно лишь предположить, что судейство не было обеспечено тремя арбитрами международной категории или допущено отклонение от правил при выполнении упражнения. С середины 50-х годов действовало правило: рекорды мира действительны лишь при совпадении мнений всех троих судей на помосте. Скажем, при судейской оценке 2:1 рекорд не проходил мировым, но результатом засчитывался.

Сумма троеборья 533 кг (как и предыдущие рекордные суммы) не вошла в таблицу мировых рекордов совершенно законно из-за действующего тогда правила, согласно которому ее засчитывали мировым рекордом только на международных соревнованиях с участием не менее трех стран. В 1960 году данное правило упразднили.

"Полагаю, что я побил два мировых рекорда,- писал мне Эндерсон о своих рекордах,- в Москве и Мюнхене в 1955 году... Мне сообщили, что два рекорда, которые я побил в Филадельфии летом 1956 года, никогда не направлялись в Международную федерацию для регистрации. Насколько я понимаю, мои лучшие результаты в тяжелой атлетике были достигнуты в показательных соревнованиях или уже после, когда я стал профессионалом..."

Согласно протоколам Международной федерации, Эндерсон - автор трех официальных рекордов мира в жиме, трех - в толчке и одного - в сумме троеборья.

В книге Влада Михайловича "Тяжелая атлетика" Эндерсону приписывается ряд несуществующих рекордов (впрочем, как и мне). Михайлович не учитывал, что рекорды, установленные в проходном порядке, не засчитывались мировыми до решения конгресса Международной федерации в 1963 году. К примеру, в Днепропетровске я установил рекорд в рывке 160 кг, а через несколько минут вновь улучшил его, утяжелив до 163 кг. Результат 160 кг уже не учитывался мировым рекордом. С принятием же данного правила значительно увеличилось число мировых рекордов у современных атлетов по сравнению с атлетами прошлого.

Как ни странно, Эндерсон помимо воли сыграл отрицательную роль в развитии национальной тяжелой атлетике. Из-за огромного собственного веса Пола (поди наешь такой!) и гнета его результатов прекратили

тренироваться молодые способные атлеты. Именно поэтому на чемпионате США 1957 года побеждает малоизвестный "тяж" Дэйв Эшмэн. Он лишь повторяет теперь уже посредственную сумму троеборья Дэвиса, показанную еще в 1955 году, - 955 фунтов (433,18 кг). По той же причине впервые команда США на чемпионате мира оказывается без тяжеловеса. Слышанное ли дело: американцы без тяжеловеса?! Спортивный мир в недоумении. С далеких 30-х годов всегда и везде в команде США первоклассные тяжеловесы.

На чемпионате 1957 года в Тегеране золотая медаль на кону между Алексеем Медведевым и Умберто Сельвети. В Тегеране из семи разыгрываемых золотых медалей шесть у наших атлетов. До сих пор это высшее достижение сборной СССР. Впервые в тяжелой весовой категории чемпион - советский атлет.

Медведев первый из наших атлетов переваливает и через 500-килограммовый рубеж. Но титул "самый сильный в мире" по всем статьям незыблемо за Эндерсоном.

Я учился у наших атлетов и тренеров, но полезнейший урок извлек из опыта Пола Эндерсона. Этот атлет вел себя так, будто рекордов нет, а есть лишь его сила. Массированность его тренировок по главным силовым упражнениям, неразбросанность, смелая работа на больших тяжестях и сам его образ - спокойная мощь, деловитое сокрушение тяжестей - произвели на меня глубокое впечатление. Я многое понял в том, как нужно поворачивать тренировку. Самый сильный человек - это не чемпион мира. В последнем случае уместны именованья "самый сильный атлет" или "первый атлет".

Самый сильный человек в спортивном толковании должен, прежде всего, иметь высшие физические достижения вообще, то есть высшую сумму классических упражнений (совокупность усилий) и самую большую из поднятых дотолы на вытянутые руки тяжестей, - значит, абсолютный рекорд в толчковом упражнении. Разумеется, эти условия нигде не записаны. Они выражают характер спортивных состязаний и, на мой взгляд, с наибольшей достоверностью отражают действительность.

В самом деле, сумма результатов по упражнениям свидетельствует о разнообразных качествах силы (скоростных, координационных способностях атлета). Здесь сила обретает как бы "гибкость", "звучание", всесторонность владения ею.

Толчковое упражнение (Наименование упражнения-толчок-не самое удачное, хотя выражает смысл действия) доказывает силу вообще, ее предельное достижение. Кроме того, в отличие от жима в толчке

невозможно спортивное жульничество, то есть подлог. Ведь в 60-е годы атлеты выполняли жим как толчок. А это вещи сугубо разные. В зависимости от добросовестности атлета находился и его результат. Искусный "махинатор от жима" всегда имел преимущество. Да и на тренировку такого жима затрачивалось гораздо меньше энергии. Особенно влиял на результат в жиме собственный вес атлета. Этот вес и наедали всеми доступными средствами.

Подчеркиваю условность подобного определения и в то же время историческую закономерность.

Куценко тоже причисляет толчок к главному упражнению: "Жим всегда бывает разведкой, началом борьбы, рывок - ее развитием, толчок - это уже завершающая битва за победу. Сила, координация, динамичность, решительность - все эти необходимые атлетические качества оттачиваются именно в толчке. Будучи одним из трех общепринятых способов поднятия штанги, толчок позволяет взять наибольший вес. Это и определяет его и соревновательный, и тактический, и зрелищный интерес... Но наибольшее уважение приходит, естественно, к тому атлету, который поднял... самый большой вес". Если под самым сильным человеком понимать не умение побеждать в рукопашных схватках, а наибольшую мускульную силу, то работа со штангой выявляет наибольшую силу и, следовательно, такого человека.

Опыт научил меня не верить в результаты, которые избежали проверки официальными соревнованиями. Чаще всего они весьма преувеличены, если вообще не мифичны, или же выполнены с недопустимыми нарушениями. Законным в большом спорте является лишь результат, подтвержденный официально, то есть при авторитетном судействе и на публике. И в самом деле, что мешает показать настоящую силу официально? К чему утайка?

Одно это уже вызывает недоверие. Есть сила - докажи!

В одном из номеров журнала "Айрон мэн" атлету с мировым именем приписывался жим в солдатской стойке в 440 фунтов (199,6 кг). Учитывая время, о котором идет речь, результат колоссальный! Но я свидетель выступлений этого атлета. Он 182,5 кг выжимал, изрядно отвалиясь назад, на пределе правил. Как я могу поверить в такой "домашний" рекорд? Это рекламный трюк для непосвященных! "Бумажные" рекорды должны быть изъяты из практики исторической спортивной науки. Исключение в какой-то мере можно отнести к эпохе зарождения спорта, однако все, что происходило в "железной игре" после первой мировой войны, может быть достоверным только при документальном свидетельстве.

И еще нелишне понимать разницу в рекордах на крупных соревнованиях, когда обычна плотная конкуренция, и на так называемых "вечерах рекордов", то есть на выступлениях единственно ради рекордов.

Рекорд на крупных соревнованиях (чемпионаты мира, страны) стоит несравненно больше. Ожидание схватки с соперниками, нервное горение, изменчивый характер борьбы, длительность испытания и усталость - в подобных условиях утяжелить рекорд непросто.

Были и остались в истории спорта атлеты, специальностью которых являлись рекорды в тепличных условиях. Были и турнирные бойцы, не уступающие, а превосходящие первых силой, но их специальностью были победы.

Поэтому следует учитывать разницу в рекордах как итог различных условий спортивной жизни вообще. У настоящего бойца она много сложнее.

Глава 7.

Моими первыми соперниками за звание чемпиона мира оказались американские атлеты Дэвид Эшмэн и Джеймс Брэдфорд.

Эшмэн заполняет пустоту в американской тяжелой атлетике после Эндерсона. С первого и до последнего дня Эшмэн работал за "Йорк Барбэлл клуб". Эшмэн - чемпион США 1957, 1958 и 1959 годов. Ему удается утяжелить рекорд Шемански в рывке. На чемпионате мира 1959 года в Стокгольме Эшмэн второй за Медведевым. Однако в толчковом упражнении у американца преимущество над чемпионом мира.

Эшмэн редкий, я бы сказал, исключительный тип атлета. У него чрезвычайно развиты мышцы ног. Это качество обеспечивает мировой рекорд в рывке и подводит вплотную к мировому рекорду самого Эндерсона в толчке! Вот результаты Эшмэна в толчковом упражнении (данные Хоффмана):

чемпионат США 1957 года - 385 фунтов (174,63 кг);

чемпионат мира 1958 года - 420 фунтов (190 кг);

Панамериканские игры 1959 года - 430 фунтов (195 кг).

Это уже совсем близко к "вечному" рекорду! На одной из прикидок Эшмэну

удается взять 435 фунтов (197,32 кг)! Даже американский рекорд Эндерсона почти притравлен, недостает какой-то ерунды - 5 фунтов (2,26 кг)!

В то же время у Эшмэна настолько хилые руки, что в жиме он едва ли не последний среди участников чемпионатов. И даже зачетные веса он скорее выталкивал, чем выжимал. При строгом судействе в жиме с ним могли состязаться полусредневесы! Лучший из жимов ему удается на чемпионате США 1959 года-310 фунтов (140,61 кг), а рекордный результат Эндерсона-185,06 кг! Из-за хилости рук у Эшмэна капризничает и посыл с груди.

С 28 сентября по 1 октября 1959 года сборная США выступает на Панамериканских играх в Чикаго. В этот раз у Сельветти в сумме троеборья лишь 1047 фунтов. Мельбурнский результат обеспечил бы ему безоговорочную победу, но он далек от той формы. И снова досадное равновесие: такая же сумма - 1047 фунтов - у Эшмэна! И опять, как более тяжелый, Сельветти довольствуется серебряной медалью! Точь-в-точь мельбурнская "ничья"! Вот она, победа,- и уплывает!..

Итак, накануне встречи на чемпионате мира Эшмэн имел официальные результаты (данные Хоффмана. К воспоминаниям даже самих атлетов следует относиться с осторожностью, если они не документированы (часто переводчики допускают ошибки, часто неофициальные, тренировочные результаты выдаются за мировые рекорды и т. п.). Но и сами документы требуют тщательной проверки. Книга Хоффмана "Тяжелая атлетика" насыщена цифровыми сведениями. Однако за высшие мировые достижения выдаются и такие, которые уже не являлись ими в данное время, а зачастую и не регистрировались в качестве мировых рекордов из-за спорности. Хоффман вообще небрежен до всего, что неамериканское):

жим-310 фунтов (140,61 кг);

рывок-333 фунта (150,5 кг), рекордный результат, показанный на чемпионате мира в Стокгольме;

толчок-430 фунтов (195,04 кг).

Сумма троеборья по лучшим результатам в отдельных упражнениях 485 кг. Все цифры я не знал тогда в Варшаве, но видел Эшмэна на тренировках: жим безобразный. Зато Эшмэн мог присвоить главный рекорд в толчке! А какой же ты чемпион мира, если есть атлет, который поднимает в одно время с тобой относительно самый большой вес?!

Глава 8.

Поистине "боги пали, троны опустели...". Чемпионат США 1957 года Эшмэн выигрывает с суммой 955 фунтов, но ведь Брэдфорд еще в Хельсинки за пять лет до этого показал 964 фунта.

На чемпионате США 1958 года у Эшмэна - 1000 фунтов. У Брэдфорда в Вене за четыре года до этого сумма опять-таки была поувесистей на 19 фунтов. На чемпионате США 1959 года Эшмэн первый с суммой в 1040 фунтов, но уже до того в Мюнхене Брэдфорд отличился суммой 1047 фунтов (475 кг).

Не без основания можно считать эти чемпионаты утраченными для Брэдфорда по "вине" Эндерсона. Так нередко в жизни: сильные схватываются - слабые выигрывают. И тогда слабые господствуют, слабые сливуют за сильных...

За сборную США Брэдфорд впервые выступил на чемпионате мира 1951 года в Милане: сумма троеборья 940 фунтов (426,38 кг) и серебряная медаль. Проба вполне почетная: второй за самим Дэвисом! Думал ли я тогда, будучи в девятом классе Саратовского суворовского училища, о поединке с этим атлетом за звание чемпиона мира!

На XV Олимпийских играх в Хельсинки (1952) Брэдфорд снова за Дэвисом. Бронзовая медаль - у 20-летнего Сельветти.

Следующий год явился годом низложения великого Дэвиса. В Стокгольме, на чемпионате мира, он уступает первенство канадцу Дагу Хэпбёрну. За третье место дает бой Сельветти. Ох уж этот вечно подстерегающий Сельветти! Брэдфорд рискует - и получает нулевую оценку в толчковом упражнении. На чемпионате мира 1954 года в Вене первый - Шемански. У Брэдфорда снова серебряная медаль! Третья серебряная медаль!

И всех превращает в ничто сила Эндерсона. Брэдфорд пытается еще сопротивляться на чемпионате мира 1955 года в Мюнхене - четвертая серебряная медаль! Но разрыв с Эндерсоном безнадежен: в жиме - 20 кг, толчке - 17,5 кг, сумме троеборья - 37,5 кг. А ведь "малыш" Эндерсон выступил лишь на своем первом чемпионате мира. То ли еще впереди!

Брэдфорд сворачивает тренировки. Его нет на чемпионатах США до 1959 года. Летом 1959 года он серебряный призер чемпионата США. В тот год - год моего первого чемпионата мира-ему исполнился 31.

Глава 9.

Эндерсон, Эшмэн, Брэдфорд, Шемански, Зирк, Генри, Губнер - не все, конечно, равнозначны по силе и месту в мировой тяжелой атлетике, но так сложилось, моими соперниками оказались они. Все до единого - американцы.

В те годы атлеты других стран в тяжелой весовой категории очень уступали нам. Поэтому речь идет в основном об американских атлетах. О той волне могучих американцев, которых вынесла на помост страсть к высшей силе, борьба за силу, надежда утверждать эту силу. Я испытывал их неослабный натиск все годы в большом спорте, кроме последнего. Но и тот, последний, в Токио, явился последним и для американцев (всего раз, начиная с 1960 года, чемпионом мира среди атлетов сверхтяжелого веса станет американец - Д. Дьюб).

Высшее выражение силы всегда итог предельного напряжения, беспощадных тренировок и героического волевого подъема. Для Сандова или Гаккеншмидта рекорды являлись тем же, что наши - для нас и новые - для грядущих поколений: всегда рекордами! Независимо от цифр. Время не умаляет силу. Силу взламывания преград в новое, опрокидывания почтении, благоговения и смирения.

Время. Рекорды. Пределы силы. Отношение к весу, иначе говоря, решимость, с какой берется вес и на тренировках, и на соревнованиях, - вот важнейшая часть силы, сознание силы. Безусловно, от этого и зависит степень задействования мышечной ткани. В этом и проявляется фактор времени.

Я не пишу о классных атлетах Польши и Венгрии тех лет, о других незаурядных чемпионах. Я стараюсь проследить по возможности историю высшей силы. Пока еще детство, если не младенчество этой силы...

Глава 10.

Я быстро поднимался в силе, очень быстро.

На первых соревнованиях в декабре 1953 года (штангу я тогда впервые взял в руки) выжал 85 кг, вырвал 80 и толкнул 95 кг (на грудь взял 105, но с груди не толкнул).

Уже в январе 1954 года, то есть через месяц, выжал на десять килограммов

больше.

Через месяц я прибавил к жиму еще 10 кг и поднял 105 кг. В толчке я зафиксировал уже 115 кг. Зато в рывке прибавил мало - всего 5 кг. Чуть более чем через полгода выжал 115 кг, вырвал 107,5 и толкнул 140 кг. Силу набрал, несмотря на невозможность тренировок во время студенческой практики и летнего отпуска. Если учесть экзаменационную сессию, я не тренировался с мая по сентябрь.

Итак, за десять месяцев, а точнее за шесть, увеличил результат в жиме с 85 до 115 кг, в рывке-с 80 до 107,5 и толчке - с 95 до 140 кг.

Рост силы продолжался столь же энергично. Уже в декабре 1956 года выхожу в жиме на 142,5 кг, рывке- 130, толчке- 180 кг.

Следующий шаг мог быть только во всесоюзные рекорды (мировые принадлежали Эндерсону и представлялись мне волшебными-недоступными).

Я набрал силу для этого за три года, но поскольку прекращал тренировки каждый год с мая по сентябрь, да еще пропускал зимой месяц на экзаменационную сессию, и в году очень часто не успевал на тренировки из-за вечерних лекций или лабораторных занятий, а то и различных военных нагрузок (до четвертого курса был рядовым, с четвертого и до выпуска из академии - лейтенантом), то эта сила сложилась за какие-то два года.

Рост силы был внушительный, просто ураганный. Энергия переполняла меня. И еще я был постоянно влюблен. Я ухаживал за женщинами непрерывно, до самой женитьбы. Влюбчив был до крайности. Вспыхивал чувствами мгновенно, наверное, быстрее пороха...

Каждый день озаряли сила, любовь и академическое братство. Мне нравилось учиться, нравились юные и молодые люди, которые окружали меня.

Я просыпался утрами - и казалось, солнце разгорается в груди. Благословенные дни молодости...

"Чудо веры лучше бытия..."

Глава 11.

До чемпионата мира в Варшаве я участвовал в трех международных

турнирах: Приз Москвы 1957 года, I летняя Спартакиада дружественных армий в Лейпциге (28 сентября - 1 октября 1958 года) и Приз Москвы 1959 года.

На первых международных соревнованиях я выступал больной: Москву, как и весь мир, поразила тогда эпидемия "азиатского" гриппа. Мне "повезло" заболеть в канун соревнований. Однако не грипп отравил мышцы - страх. И даже не страх перед заданными весами или соперниками, а непреодолимая оторопь перед необычностью обстановки. Я привык к тесной комнатенке с двумя помостами впритык - таким был спортивный "зал" ЦСКА тех лет на Ленинградском проспекте (нынешняя раздевалка баскетбольного зала). А тут необъятность лужниковского Дворца спорта. Я сомлел в ней. Спас от позора врач сборной, списал по болезни с соревнований.

Мне нравилось тренироваться, нравилась сила, а выступать... Я считал это ненужным. Я крепнул, сила радовала, я становился другим - зачем сравнения мускулов? Видел в этом нечто балаганное, рассчитанное на дурной вкус, нетребовательность воспитания. А сила все прибывала и буквально насильно затаскивала меня в круговорот турниров.

В Лейпциге тренер поставил задачу: обойти результат победителя чемпионата мира Алексея Медведева. Чемпионат в Швеции только закончился. Из Стокгольма в Лейпциг прилетели участники чемпионата - мои соclubники Стогов, Минаев, Ломакин, Воробьев. 28 сентября днем в "Конгрессхалле" соревновались атлеты тяжелого веса. Я опять сплоховал: в сумме троеборья не дотянул до заданного 5 кг. Не только из-за скверного владения собой. Повязала боязнь новой травмы. Второй призер соревнований отстал от меня на 50 кг в сумме троеборья.

На Лейпцигской спартакиаде я опасался за сустав: не пускает в глубокий "сед". И вообще побаивался травм. Еще бы, в 1955 году повредил плечевой сустав - буквально разнес его, в 1957 году досталось позвоночнику, в 1958-м - коленному суставу, затем порвал паховые связки.

Через страх переполз спустя два месяца после соревнований в Лейпциге на командном чемпионате СССР. Тогда в Горьком я перекрыл победный результат Медведева на чемпионате мира 1958 года. Но это явилось лишь превосходством формальным. Медведев на матче сборных команд США и СССР в тот сезон выдал сумму 507,5 кг-свой самый "тяжелый" результат. Но тот год оказался и последним, когда кто-либо выдавал результаты по сумме трех движений лучше моих: с будущего года (1959), когда я стал чемпионом мира, исключая последнюю схватку с соперниками в Токио (1964), я нигде и никому не проигрывал и за всю свою спортивную жизнь ни разу не получал нулевой оценки. И тогда, в Токио, я ушел с помоста, имея в

таблице мировых рекордов три из четырех фиксируемых. Очень трудно не знать поражений. Я не знал их, и то единственное, в Токио, по-своему было победой. Я уступил золотую медаль, однако в бою, который дал мне два новых рекорда и неофициальную сумму троеборья выше победной, "золотой", а в соревнованиях олимпийского достоинства это очень сложно - выдать серию рекордов.

15 апреля 1958 года на чемпионате СССР в Донецке (мой собственный вес тогда- 112,4 кг) я повредил левый коленный сустав - огрехи освоения нового стиля в толчке. Из Донецка вернулся с загипсованной ногой. Через 29 дней гипс сняли. Пропуск в тренировках солидный (и в занятиях на пятом курсе академии - тоже). Чтобы не только сохранить, но и умножить силу рук, я стал гонять себя в жимах на параллельных брусьях с привязанными к ногам тяжестями в 120-130 кг по пять-шесть раз в одном подходе. Это очень развило "жимовые" мускулы.

Для выздоровления и восстановления крепости связок требовалось время. Сустав "протестовал" против нагрузок. Однако 14 августа я выиграл чемпионат Вооруженных Сил. Ни о каком порядочном результате мы с Богдасаровым и не помышляли. Лишь бы обеспечить зачет команде Московского военного округа.

Пожалуй, первым среди наших атлетов я освоил на уровне мировых рекордов толчковый стиль "низкий сед". Этот способ взятия веса на грудь широко и очень успешно практиковали американцы. Понаблюдав за их выступлением и тренировками в Москве летом 1955 года, я решил освоить этот новый стиль как несравненно более экономичный. Учиться было не у кого. Пробовал. Привыкал. На травмах постигал секреты. Надо сказать, что овладел новым толчком в считанные месяцы. Приблизительно тогда же выучился на этот способ выполнения толчка и Курынов.

За сборную команду страны я впервые выступил на международных соревнованиях в 1958 году. Тогда в составе сборной ни один атлет не выполнял толчок способом "низкий сед". Овладение этим стилем и обошлось мне той тяжелой травмой.

На московских международных соревнованиях в марте 1959 года я справился с намеченной программой, но был квёл. Утомили месяцы работы над дипломным проектом, его защита. Обкорнал тренировку, временами вовсе не тренировался. Выступал через три недели после защиты диплома. Чувствовал нечто похожее на пренебрежение к штанге и всему "празднику силы". Вообще долго не мог приспособиться к суженности спортивной жизни. Теперь чемпионат мира!

Глава 12.

В Варшаве я с любопытством наблюдал за "многомедальными" чемпионами. Томми Коно явно наслаждался славой. На том чемпионате не было атлета более знаменитого. Семь побед на чемпионатах мира и Олимпийских играх, десятки мировых рекордов, легендарная непобедимость и звучно-гордый титул - Железный Гаваец! Коно с Гавайских островов. Помню его еще по Москве. 15 июня 1955 года американская и советская сборные встретились в Зеленом театре парка имени Горького (Вообще первая в истории официальная встреча между советскими и американскими спортсменами в СССР, не только тяжелоатлетов). Накануне американцы разминались в спортивном зале "Динамо", под трибунами стадиона. В юношеском благоговении я взял тогда автографы у Коно, Станчика и Эн-дерсона. Поморщились Куценко и Шатов - тренеры нашей команды: что тут путается солдат? Первые три с лишком года в академии я ходил рядовым, а в зал меня исхитрился провести мой первый тренер - Е. Н. Шаповалов. Преодолею с ним все заслоны и в немом восхищении шлепнулся на низенькую скамейку у стены. Ноги сами подогнулись: Эндерсон! Вот он!!!

А его выступление в Зеленом театре!..

"Когда исполинская фигура Андерсона появилась на помосте, в зрительном зале началось оживление, которое увеличилось, когда Андерсон начал упражнение со штангой. Он выжимает 182,5 кг. Это новый мировой рекорд. Андерсон улучшил прежний мировой рекорд, принадлежавший Хэпбёрну (Канада), на 14 кг. В рывке Андерсон фиксирует 142,5 кг. В толчке он показывает 193 кг. Это в сумме троеборья составляет огромный вес - 518,5 кг. Медведев набрал в сумме троеборья 450 кг (145+135+170) (Тогда в Москве Эндерсон весил 155 кг)..."

...Теперь Варшава. И я не зритель в Зеленом театре. И нет в американской сборной Станчика, нет Эндерсона. Нет у меня и листочка с автографами: "увели" из раздевалки. Вечерами Коно засиживался в ресторане с хорошенькими женщинами. Компанию разделяли то грубовато-бесцеремонный Эшмэн - верзилистый, бритоголовый, то беспечно-веселый Бергер, но никогда - Брэдфорд.

Коно, да и Бергер тоже, пренебрегал режимом, даже вызывающе. Я пялил глаза: а как же сила? И почему не вмешиваются тренеры? У нас за такое из сборной в десять минут отчислили бы.

Нудные, темные вечера выхаживал то один, то с тренером подле гостиницы.

Уже к девяти часам вечера на главных улицах автомобили почти вовсе исчезали, да и прохожих - раз-два и обчелся. И словно по уговору все вечера моросило.

Я еще только обучался искусству ждать поединок. Каждый день натужно переваливал через меня. Мечтал лишь об одном: уехать. Забыть все, бросить - и уехать. Зачем этот чемпионат, это хвастовство силой, это изнурительное ожидание, эта обязательность победы?! Только победа! До сих пор я всегда мог уступить сопернику - здесь это исключалось! Ожидание изнуряло.

Это брал свое очередной приступ малодушия. Малодушие не в чистом виде, конечно.

После я кое-как приводил мысли в порядок.

И все вокруг проступало иным.

А вот Коно и Бергера соревнования не беспокоили. И то правда: за десять с лишним лет тренировок и выступлений Коно свикся с ними, как с работой. Да, по существу, это и была работа.

Хоффман всех, кто так или иначе интересовал его, независимо от возраста оделял жевательной резинкой и своими журналами. За ним поспевал Кларенс Джонсон. Хоффман никогда и ни к кому не приноравливал шаг.

Рабочим тренером американской команды являлся Тэрпак. Я ни разу не слышал, чтобы этот выходец из Западной Украины (он кое-как изъяснялся по-русски) повышал голос. Тэрпак ровен с атлетами, даже если они проигрывали по досадной оплошности.

Я чувствовал себя неприкаянно. Я привык к работе, заботам, беготне, а тут жди. Никаких забот: жди. Диковинный уклад: не учись, не работай, а только упражняйся с "железом".

Уходил в номер - точнее, взлетал в лифте. А в номере один на один с собой. И начиналось: разыгрывал в воображении все каверзы будущего поединка. Как раз то, чем не следовало заниматься.

И еще о чем только не думал!

Из американцев ко мне навевался Бергер. Объяснялись на пальцах и цифрами в блокнотах. Понял: у Эшмэна грозная сила в толчковом движении, но повреждена стопа, а Брэдфорд зарится на мировой рекорд Эндерсона в жиме.

От таких объяснений бросало в жар. А тут еще прикидка Брэдфорда! Он закатил ее на второй или третий день после нашего приезда в Варшаву. В самоутверждение и для самоободрения я закатил ответную. Богдасаров умолял остановиться - я настоял на необходимости ответа. И теперь усталость прикидки во мне. "Переел", а времени на восстановление нет.

Хоффмана увлекла легкость, с которой я работал. Проскрипел через весь зал: "При собственном весе сто пятнадцать килограммов никто в мире не работал так четко и с такой скоростью! Таких я не знал!"

А эта легкость на прикидке - от возбуждения, в урон силе и нервной свежести, от страха, рисовки и бравады. Теперь в мышцах тупость. Я вял. Зато что за сладость поразить публику, знатоков, репортеров!

...Ел кое-как. Развлекала роскошность ресторана. Ресторанная роскошность, конечно, тоже в диковинку... От пищи мутило. Уже горел. Но вес следовало держать, и я напихивал себя едой.

И опять вечера. Дождь приземлял дымы. Пахло вокзалами и одиночеством. Выступали весовая категория за весовой: все уезжали в зал, и Богдасаров - тоже. Я в зал только раз сунулся. Понял: нельзя смотреть, сгорю.

Несколько раз видел, как Брэдфорд откуда-то возвращался на такси. Он выносил из "Волги" саженные плечи медленно, неловко. Сначала появлялись ноги, а потом выдергивался необъятный торс. Он приятно басил, небрежно распахивая пальто и рассчитываясь с таксистом.

Я возвращался, пробовал читать. Страницы перелистываю, а в голове ни словечка.

Должен выстоять, должен... Не думайте: жизнь сама не складывается. Она всегда - проявление воли, по-иному не бывает.

Глава 13.

От итальянского тренера Эрманно Пиньятти я проведал, что на чемпионате "Йорк Барбэлл клуб" несколько месяцев назад Эшмэн "накрыл" Брэдфорда. Победу обеспечило преимущество в толчковом упражнении на 45 фунтов (20,41 кг). Об этом в своей книге Хоффман пишет: "Эшмэн придушил Большого Вашингтонца".

Не придушит ли Эшмэн и меня в толчковом упражнении? 1 сентября в Чикаго он толкнул 195 кг, а в Стокгольме год назад чисто взял на грудь и встал с весом 202,5 кг! И рывок - ведь Эшмэн всего семь месяцев назад владел мировым рекордом! И Эшмэн молод. Лишь на два года старше меня.

Большой Вашингтонец затрет в жиме, Эшмэн - в рывке и толчковом упражнении. Собьют, вымотают...

Эх, Владимир Владимирович, и в самом деле, зачем я "такой большой и такой ненужный"?..

Я тогда зачитывался любимым поэтом Маяковского Уитменом, понемногу самим Маяковским, а также Верхарном и Байроном. А Шелли, сколько ни вчитывался, оставался чужим. Зато странно сильно переболел Державиным...

"Упал двенадцатый час, как с плахи голова казненного..."

В Варшаве я не знал, что на тренировке в Йорке Эшмэн повторил рекорд Эндерсона в толчковом упражнении - 440 фунтов! Не знал, что с подставок вытолкнул на прямые руки 451 фунт (204,5 кг)! По тем временам ошеломляющие результаты! Впрочем, любой из них все равно не давал Эшмэну первое место. Это определило и его поведение в Варшаве, и решение затем бросить спорт. Летом 1960 года Эшмэн внезапно уходит. Навсегда. Его время уже в прошлом. Брэдфорд и Шемански подрезали всякую надежду, а на подходе и другие...

Итак, я ждал, ждал...

Даже во сне подпоясывался широким ремнем для страховки позвоночника и шнуровал штангетки...

Но как звала сила! Какой вдруг непреодолимой становилась жажда к испытаниям силы! Как славно носить в себе силу!

Глава 14.

Во второй половине 40-х годов не просто слава, а подчас истеричная, безудержная слава сопутствует Григорию Новаку. Он был не только первым чемпионом мира в СССР, но и своеобразной фабрикой мировых рекордов в жиме. Тогда любой мировой рекорд советского спортсмена являл событие. А Новак рекорды клепал десятками. В итоге их набралось свыше 60!

Имя Новака знали даже подростки: человек-легенда! И даже проигрыш Шемански не шибко отразился на его популярности. Для молодых атлетов он был идиолом. Лишь уход в цирк и годы постепенно стерли память о нем.

Трофим Ломакин. Знатоки понимали и ценили его самобытную силу. Жаль, сгубил он талант и погиб рано, едва переступив за пятьдесят. Мы тренировались вместе с 1956 по 1961 год, и я неоднократно оказывался свидетелем того, как после трех-четырех месяцев вольного режима (он заходил в зал один-два раза в неделю, дабы показаться начальству), этот уже немолодой атлет за три месяца входил в форму и выигрывал чемпионаты мира или страны. А ему уже тогда хорошо было за тридцать. И какова же физическая одаренность, если он на "своем режиме" держался почти десять лет на уровне мировых результатов!

Ни в одном атлете я не встречал такого звериного чутья на нагрузки. Ломакин не интересовался выкладками, графиками, но свои нагрузки определял безошибочно. Предметом его постоянных вышучиваний были мои расчеты, осмеивал он и тех, кто участвовал со мной в экспериментах. Наедине он всегда повторял одно и то же: "Гони ты их!.." И это была не обычная грубость. Он искренне считал всех, кто сам не несет нагрузки, но зарабатывает от спорта, дармоедами...

Помню одно из его писем. Взволнованно, трогательно он спрашивал, что случилось, почему, как смею я бросать спорт, советовал отдохнуть - тогда изменю решение...

Помню потрясение, какое он перенес в Риме после проигрыша Воробьеву. Олимпийские соревнования полутяжеловесов закончились далеко за полночь. Ломакин собрал вещи и, ни с кем не простясь, спозаранку улетел в Москву, оставив мне записку с пожеланиями победы, хотя и разошлись мы с ним в те дни крупно...

От того поражения Ломакин уже не оправился. Что-то надорвалось в нем (Есть книга воспоминаний Трофима Ломакина "Путь штангиста" М., Молодая гвардия, 1953).

Глава 15.

Последние часы перед взвешиванием я провел в кресле у окна вестибюля гостиницы: все отвлечение. Здесь я меньше копался в себе.

Обращали на себя внимание Хоффман и Джонсон, иногда к ним приставал Тэрпак. Снуют по этажам. Хоффман необычно багровый и не говорит, а будто диктует. Вполглаза слежу: что у них там?! И эта унылость Эшмэна.

- ...Соревнования затянулись за полночь.- Это Пиньятти о поединке Сельветти - Эндерсон на Олимпийских играх в Мельбурне.- Первый драматический момент: проигрыш Эндерсона в жиме. И сколько! А потом равенство в рывке. Сельветти в толчковом упражнении поднимает 180 килограммов, Эндерсон заказывает 187,5 - только тогда победа за ним. И тут самое драматическое! Первая попытка - неудача, вторая - неудача! Что за страсти!..

Вытираю платком руки. Не просыхают - горю...

- Сельветти? Актер кино и телевидения. Мы знакомы. Он из Буэнос-Айреса.

Подсаживается Богдасаров. Рассказывает что-то. Вовсе не смешно, однако смеюсь. Этот беспечный смех и молодечество перед выступлением - из правил игры. Пусть видят: все нипочем.

Болтаю, а не понимаю, не помню что. Стараюсь сидеть поразвалистей. Сам горячий-горячий - одежда ранит. Воспален. Напиться бы, а нельзя. Теперь до последней минуты будущего выступления - нельзя. Вода квасит. Слабеешь, если пьешь.

Кто-то фотографирует. И все вокруг не люди - тени. В голове лишь помост, штанга и ощущение "железа" - все предельные тяжести "железа".

- ...У американцев семейный скандал. Эшмэн отказывается работать. Как чувствуешь?..- Это Эрманно. Прошу:

- Повтори. И медленнее, медленнее... Эрманно с полуулыбкой объясняет. Я перевожу. Богдасаров говорит об Эшмэне:

- Мандражирует,- и, не глядя на Пиньятти, добавляет:- Ответь: ты в хорошей форме.

Мы еще не знали Эрманно. Для чего его вопросы? От кого?...

- Дэвис? Что там! Атлет из настоящих! А как нравился женщинам! Помню, в Стокгольме ждала толпа молоденьких шведок...- Эрманно улыбается.

- Пошли в номер.- Это Богдасаров.

- Может, здесь? Не так скучно.
- Пойдем, уже время. Бинты постирал?
- И новые и старые.
- Пошли.

Отлипаюсь от кресла. От горячки, наверное, температура. Себя на ногах не могу держать! Однако не забываю улыбаться, болтать - все по правилам игры.

И в то же время затаиваюсь в себе. Что же будет?

Глава 16.

Вот какими видел соревнования старший тренер нашей сборной Я. Куценко:

"...Трудно предвидеть, как сложится спортивный поединок, но еще труднее уберечь спортивную форму. Власов излишне волновался и начал соревнование не совсем удачно. На следующем подходе (второй попытке в жиме.- Ю. В.)... он допустил грубую ошибку, и вес так и не был засчитан. Плохо, очень плохо для начала!.. Брэдфорд сразу уходит вперед на 10 кг. А ведь это только после жима! Что же будет, если такой же срыв случится у Юрия Власова и в рывке? Тогда поражение... Недаром многие считают, что победа в жиме - это все равно что попутный ветер для остальных движений. Неужели Власов, подлинный мастер рывка и толчка, даст себя растерзать "мышечному чуду"- Брэдфорду!

Эпическое спокойствие Гофмана (так писали в те годы имя Хоффмана в газетах и журналах.- Ю. В.) сменилось оживлением: срыв русского атлета увеличивает шансы его питомца взойти на высшую ступень пьедестала почета. Товарищи Брэдфорда тоже возбуждены. Ему предлагают серые таблетки протеина, в мощное тело втирают белую согревающую жидкость, бережно, словно ребенка, его пеленают в теплые одеяла.

Советский атлет неторопливо выходит во двор, на свежий воздух. Он не переносит запаха растирок, которыми за шесть дней пропитался зал, не любит он также коллективной опеки и хора советчиков. Конечно, хорошо почувствовать рядом с собой друзей, но советы Юрий привык получать только от своего тренера Сурена Петровича Богдасарова...

В рывке Власов действовал осторожно, без риска... но перед третьим, последним подходом новая беда! Уходя с помоста, Власов зацепился за выступ, и нижний слой подошвы ботинка оторвался. Судейские правила суровы: только три минуты между подходами отведены спортсмену для того, чтобы отдохнуть и сосредоточиться. Стрелка неумолимо отсчитывает секунды, а лихорадочные поиски ножниц и проволоки продолжались.

Лишь перед самым вызовом на помост подошва была кое-как скреплена у носка. Можно действовать. Борьба продолжается. Блестяще зафиксировав последний вес, Власов попросил разрешения использовать четвертую, незачетную попытку для установления мирового рекорда. И вот штанга... взлетела в воздух и замерла.

Но дело было не только в мировом рекорде: у Власова появилась уверенность. Сейчас он готов сделать все, выложиться в этом захватывающем поединке до конца, лишь бы догнать Брэдфорда...

"Кто силен в толчке, тот силен и в троеборье!" - гласит старая штангистская истина. Власов уже после первого подхода догнал американца в сумме трех движений и выиграл звание чемпиона мира: он ведь был легче Брэдфорда. Но в запасе оставалось еще два подхода! Судья вызывает его к штанге. Легко и грациозно - если так можно сказать о человеке, поднимающем штангу... Юрий фиксирует вес. Брэдфорд позади!.."

Глава 17.

И сейчас не припомню, где и как разминались. А вот зал "Гвардия" помню. Я только ступал из-за кулис, а он напирал жаром, враждебностью. Невозможно нагретый воздух! Беспомощность перед тишиной, жалкость...

В жиме я срезался вчистую, подняв на 15 кг меньше, чем на прикидке. Сказать, что дрогнул, - значит ничего не сказать.

Не воспринимал, не слышал усилия, не мог сложить его в мышцах. Соперника не существовало. Меня душили знакомые, давно прирученные веса. Штанга прессовала так, будто на нее накрутили против заданных лиг дие 20-30 кг.

И совсем потерялся, когда напоролся на строгость Джона Тэрпака. Конкуренция между мной и Брэдфордом сказалась на характере судейства. Центральным судьей, без команды которого запрещается выполнение жима с груди, был пристрастно-объективный Тэрпак. Стой, задыхайся, не

шевелились и жди хлопка: достаточно протянуть пять-шесть лишних секунд - их зритель и не заметит,- а жим потерял: мышцы затекли, запас воздуха на исходе, а новый нехватишь - при вдохе разрушишь опору из мышц.

До сих пор вижу круглое белое лицо над помостом, вылизанно-правильный пробор, злую неторопливость рук...

Я напоролся на необычную строгость. Можно получить хлопок-команду на выполнение жима "в темп" и "не в темп", а можно и "вовсе запоздало". Я получал "вовсе запоздало". Следовало ожидать преднамеренность затяжек с командами. Вместо того чтобы приспособиться, принять старт, рассчитанный на удлиненную паузу, не дать провалиться груди под штангой, держать разворот мышц, я тупо следовал привычке - и терял опору. К общей растерянности добавилась и эта, от жестокости судейства. Я не слышал себя, не управлял собой.

Зато после той беспощадной науки обучился работать при любом судействе. Совершенно изменил характер жима. Вытенировал старт в расчете на затяжку. И никогда никто уже не в состоянии был сбить меня в жиме...

Но все началось с разминки. Не узнал себя: выжеван, медлителен, неточен. Штангу гоняю не по нужной траектории. Силу будто отняли, усекли.

Я не узнал себя - и пережил потрясение: не донес силу, размотал, сгорел! Беззащитен перед Брэдфордом! Отныне все будут тыкать: мандражист, трус!

И тот первый вес, единственно взятый мной, выжал без срыва, на голой силе, будто не владел искусством переката напряжения по мышцам - расслаблять, выводить из работы ненужные мышцы. Одеревенел в усилии. И, словно новичок, грубо выпер штангу.

Слова ободрения не задевали.

Груз беды принял тренер. Ничем не выдал сомнений, а это единственное, что требовалось. Правда, в этом единственном и проявлялось все настоящее. Казенными были слова и забота одних - и по сердцу ударяли слова других. Не всякий способен расплачиваться искренностью. Искренность забирает жизнь... Я видывал немало людей начитанных, образованных, незаурядного ума, но все их способности обращались в прах, когда надлежало быть человеком - не искателем или сторожем места.

В каждом жесте тренера, интонации я искал: безнадежен? И не находил. И это была поистине золотая помощь! Дрогни он - и я проиграл бы.

Значит, не все пропало! Значит, могу!

Как важна неокрепшей воле поддержка! И сколько

раз потом пытались отказать Богдасарову в праве быть со мной на чемпионатах мира! Но ведь мы с тренером делали одно дело и жили этим делом и ради него! Разделять нас - значит разрушать дело. Впрочем, это и могло быть так.

Я отнюдь не безгрешен. Но, во-первых, ситуация была не из простых - сразу оказаться в центре внимания публики и прессы, во-вторых, я по натуре горяч и склонен к резкостям, но самое главное - я без всякой подготовки и опыта был перенесен в совершенно новую для себя среду и предназначен для роли, в которой не все согласовывалось с привычными представлениями, да и глупостей допускал достаточно.

Но что примиряет меня со всеми глупостями молодости (за некоторые до сих пор неловко), так это дело: я подчинял ему все, безоглядно все...

Богдасаров рассчитал правильно. Повел в рывке по заниженным весам. Я шутя взял первые два. К третьему очнулся, узнаю себя. Не растягиваю губы в назначенных улыбках, а почувствовал губы, и еще - руки массажиста. И слова пробиваются...

Зрителям пришелся Большой Вашингтонец. Все ряды приветствовали его, звали к победе. За ним ухаживали Бергер и Коно.

Для всех я был битым фаворитом, пустышкой. Репортеры переметнулись к американцам: самые "оплатные кадры" и слава там. В Большом Вашингтонце не сомневались. Слишком дрянным бойцом выказал я себя. На прикидке поражал знатоков, а тут в минуты просадил 10 кг в одном жиме!

В рывке мы шли бок о бок с Брэдфордом. Оба работали "ножницами", но я техничнее. Может, оттого, что я весил меньше и в скорости выигрывал - это свойства возраста, да и связки у меня были получше разработаны, - мне удавались стелющиеся "ножницы". Брэдфорд вырывал штангу силой рук. Сначала выхватывал ее, а потом медленно и с топтанием разбрасывал ноги, - новички работают экономнее. Помню, даже в те минуты это позабавило.

Отыграл 2,5 кг. При троеборье в этом движении много и не отыгрывалось.

Четвертая попытка. Мировой рекорд необходим был для победы, хотя и не попадал в зачет. Я утверждал себя, обнажал силу.

Оставалось третье, и последнее, упражнение - толчок. Я стремился возбуждением отогнать усталость - уже свыше трех часов спор с тяжестями,- на возбуждении от рекорда протянуть сорокаминутное ожидание, разминку и все попытки на большом помосте.

И вот позади канитель ожидания.

Разминка. Со всех сторон я начал заходить на нужное движение.

Живое "железо"! Мое!

Я вписался в зазубренное движение, опередил тяжесть. Это наслаждение - владеть собой в критических напряжениях. Я уже знал: в толчковом упражнении наберу свое. Я уже торопил это упражнение. Нет усталости, нет! Я только почувствовал вкус к схватке.

Теперь другая забота. В торопливости не потерять контроль. Работать холодно, точно...

А я горел. Впрочем, теперь это не опасно! Созидательность волнения! Могучий напор! Только быть в контроле!

У Брэдфорда по-прежнему преимущество в 7,5 кг. Сработать в последнем упражнении аккуратно, не потерять ни один подход! Ничтожная оплошность - и конец! Выстоять мало - набрать новые килограммы! Не просто сократить разрыв, а уйти вперед! Тогда - победа!

В перерыве между рывком и толчком мы понадежнее закрепили подошву. Ох, эти ботинки! Суеверие, преданность давним, испытанным "друзьям". Уже истлели от пота сотен тренировок, а расстаться жаль, даже мысль об этом кощунственна. И потом эти штангетки: первые рекорды, победы, горе травм, возрождение... И уже в дырах по бокам...

Между рывком и толчком я не стал отлеживаться в раздевалке. Бережливо расходовал энергию, но все время двигался, сопрягая это с разминочно-возбуждающими упражнениями. Ощущение веса, его прохождение через мышцы - боялся потерять эти чувства.

Вперед, мой друг, жизнь - это всегда акт воли!

Я видел все ярко, выпукло, но не пускал этот мир к своим образам. Не забыть главные чувства. Они должны понести будущие усилия. Слышать, видеть лишь команды управления "железом".

С Брэдфорда стягивали ляжки трико - что за махина из черных мускулов! Обтирали полотенцем - он жмурился, покачиваясь. Один помост за кулисами - мы против друг друга. Вроде безразличны, не замечаем ничего, а чутко пропускаем через себя каждую из разминочных попыток соперника.

С детства в моем представлении атлет - это не гнущийся ни перед чем и ни перед кем боец. Сила - ради гордости и чести. Особый дух - сознание значения достойной жизни. Та самая крепкость чувств, которая не ржавеет в невзгодах, та физическая и душевная стойкость, когда человек - всегда человек. Спортивный праздник, спортивные испытания, торжество силы без этого смысла - занятие, не столь уж отличное от развлечений животных.

Глава 18.

Толчковое упражнение - самое любимое. Я практически не тренировал его в бытность атлетом. В нем естественность для моих мышц. Я ощущал штангу в каждой точке, управлял какой-то особенной приспособленностью к ней. Все для меня в этом упражнении от безошибочного природного инстинкта. И я ждал поединка, холил это упражнение, гладил, нежил в воображении.

Время от времени повторял резкие, не на всю силу прыжки вверх. Это держало мышцы в тонусе и соответствовало характеру будущего усилия. В толчковом упражнении, сняв штангу и мощно, плавно подорвав от колен, как бы подпрыгиваешь - это удар ногами в помост - и ныряешь под вес. Ныряешь, пластично обтекая гриф: чем ближе, тем меньше паразитные нагрузки. И тут же из глубокого "седа" вверх - ни секунды промедления! И непременно в заданной плоскости - иначе тяжесть сразу возрастет. Распрячься, встать, встать! Успеть выйти на запасе дыхания!

Только раз в жизни подвел меня толчок. Да и по существу, не он, а так и не преодоленная робость перед травмой всю жизнь таилась во мне. Я считал - владею собой, а она в мгновение наивысшей борьбы по-своему оберегала меня, пресекала риск. Так и не смел по-настоящему вклинить себя в посыле с груди под вес. Намертво вклинить. Боль в позвоночнике (не по-живому глухо и неправдоподобно медленно стало вокруг) навсегда прорубилась в память. Впрочем, не только я потерпел из-за прихотей старых травм. Шемански в самые решающие мгновения, когда мог достать победу, пасовал. Так с ним было в Риме (1960), потом в Будапеште (1962): раненый позвоночник отказывался принимать запредельную тяжесть в посыле, не пускал в то единственное, клинящее положение, из которого при неудаче очень сложно вывернуться, но зато упор - из самых устойчивых. Мозг

исключал положение, в котором снова таилась опасность.

...Я видел, как собирали к первому подходу Брэдфорда. Он опять потел. Видно, не очень налегал на режим. И верно, есть что-то в его обилии мускулов, их характере от сдобности, от склонности к земным радостям.

Мне помогал Воробьев.

За кулисами в буфете, даже не скинув плаща, сидел Медведев. Без всякого выражения, мрачно следил за нами. В прошлом году вот так выступал он, а теперь кто-то другой. А он едва ли не полтора десятилетия копил силу...

Так и не обронил слова Медведев, не вышел из-за стола. Долго я видел перед собой этот синий плащ, темную бутылку, неподвижность рук и головы.

После поражения на II Спартакиаде народов СССР Медведев еще раз попытался остановить меня на чемпионате страны в Ленинграде ранним летом 1960 года. Но это произошло через восемь месяцев после нынешнего чемпионата в Варшаве. И еще впереди были те годы, когда тренером Жаботинского станет Медведев. Три года отделяли нас от нового противостояния...

Зал охал, аплодировал - это поднимал штангу Альберто Пигаяни. Неудачи повергали итальянца в отчаяние. Он вздевал руки к зрителям, что-то бормотал, плакал. Его выводили, встречали Пиньятти и Маннирони - призеры многих чемпионатов Европы и мира.

Маннирони, Минаев, Бергер, впрочем, как и все "сгонщики", уже успели раздобреть. "Сгонщики" годами отказывают себе, в нормальном питании, даже воде. Зато после чемпионата они на недельку-другую отменяют пост. И за эту недельку успевают перебраться в новую весовую категорию, толстая буквально на глазах...

В своем коронном упражнении я тоже не стал рисковать. В разгон вернее. И вес не осадил, не задавил. И я накатом пошел по остальным. Заправлял один лучше другого. С разгона оно вернее, факт.

Я не только вернул потерянные килограммы, но и переиграл Большого Вашингтонца по сумме троеборья на 7,5 кг.

Конец гонке! На несколько недель я свободен от "железа" и мыслей о завтра. Долой все заботы! Через несколько недель начну снова гонку, снова игра в "кто кого", а сейчас можно все забыть! Все!..

Мир светлел. Я смеялся, не раздвигая губ. Как ласков, как чудесен мир! Как добры люди! Как заманчиво будущее!..

И на пьедестале почета я был все с той же улыбкой.

И на протяжении всей церемонии возведения в чемпионы мира и Европы одно и то же нелепое воспоминание - этот петух! Я крепился в серьезности - фанфары, цветы, медали... Но этот петух!..

Сборная три недели тренировалась в Балашихе под Москвой. Оттуда выехала в Варшаву. Ну что за отважный петух водил кур за соседней оградой! С какой яростью атаковал! Самые сильные ребята улепетывали.

Надо быть серьезным: гимн! А я боюсь разжать зубы. Очевидно, разом начал отходить от многонедельного зажима чувств...

Итак, у меня первая золотая медаль чемпионата мира. Большой Вашингтонец в пятый раз стал серебряным призером чемпионата мира. Вечно "серебряный" Джим Брэдфорд!

Я слышал глубокое дыхание и косился. Этот человек сходил в поединках с Дэвисом, Шемански, Сельветти, Эндерсоном!

Каким же милым казался он!

У меня особенность - не выношу соперников. Ненавижу, пока подставляем друг друга под веса все тяжелее и тяжелее. Это не красит, но такова природа моей силы. Ярость возбуждает мышцы, будит силу. Ни риск, ни отношение зала, ни боль - ничто уже не имеет власти. Только сопротивление, бой! Какое благоразумие? Какая жалость к себе? Достать, сбросить соперника! Из невозможного - достать!

Мне вручили две медали - чемпиона мира и Европы. Из двух одна принадлежала тренеру. Без него в тот день едва бы выстоял. Я снял с груди медаль чемпиона Европы - по виду медали ничем не различались - и отдал Богдасарову.

И в Риме, когда я, больной, с высокой температурой и воспаленной ногой, ждал поединка с Брэдфордом и Шемански, многие сомневались в моей победе, а проигрыш повел бы к очень неприятным последствиям, Богдасаров не оставил меня. Поверил не только в физическую силу, устоял против формального осуждения, не отступил. С печального для меня дня - 2 сентября - не расставался со мной: семь дней до выступления на

олимпийском помосте.

Поэтому в Риме, в миг победы, в миг сокрушения не только Брэдфорда и Шемански, но и Эндерсона, я обнял его и увлек на помост. Быть вместе! Да я и не представлял, что может быть иначе. В таком деле одно сердце на двоих...

Бронзовая медаль в Варшаве досталась болгарину Ивану Веселинову. При сумме 455 кг он уступил мне 45 кг. Четвертое место занял финн Эйно Мякинен (447,5 кг), пятое-Альберто Пигаяни (445 кг) и шестое-Дэвид Эшмэн (435 кг)...

Эшмэн выступал демонстративно плохо - назло. Еще бы, 1 сентября в Чикаго толкнуть 195 кг, а в Варшаве - всего 170 кг!

Потом Хоффман писал, будто у Эшмэна болела стопа. Но зачем тогда его включили в команду? Ведь стопа была повреждена еще в Йорке.

Конечно, Эшмэна утомили выступления. Возможно, и тренировки, прикидки тоже. Но скорее всего, Эшмэн увидел в Варшаве, что не на что надеяться. Отставание в жиме безнадежно. К тому времени Брэдфорд уже входил в форму. Да и я кое-что выдал на тренировках в Варшаве. И еще: кто может поднять 170 кг, готов к напряжениям и на 190. Если болен, не осилишь и 100 кг. Боль задушит. Это закон.

В тот вечер на чемпионате мира Эшмэн выжал ничтожный вес - 130 кг. В этом упражнении одолеть большой вес травма никак не препятствовала. Эшмэн не хотел выступать, а так как Хоффман сие допустить не мог, Эшмэн сваял дурака.

В зале "Гвардия" я принял посвящение в чемпионы...

Через одиннадцать месяцев в Риме на Олимпийских играх спектакль силы должен был повториться...

Неудача оставляет след: это свои чувства, свое поведение, отношение к предельным тяжестям, обстановке соревнований. Нет успеха без преодоления этого подсознательного недоверия к себе, привычности сомнений. Надо ломать себя, не позволять укореняться инстинктам. Я пережил рецидив этой болезни - ив очень постыдной форме - на чемпионате Европы в Милане весной 1960 года. И уже совсем в летуче-незаметной - на Олимпийских играх в Риме (1960).

Трусость не подчиняется доводам. Для нее доказательно лишь преодоление

действием. Только после второго испытания на звание сильнейшего атлета мира (1960) я почувствовал себя уверенно, но только после четвертого (1962) мог безоглядно доверять себе. За тем четвертым чемпионатом многое уже утратило власть надо мной, и все же я не был до конца свободен. Я нарабатывал тренировками силу гораздо большую, чем выдавал,- типичная страховка трусости. Прибереженным запасом охранял мышцы и суставы от критических напряжений, держал за собой возможность ухода из рискованных положений.

Даже в последних соревнованиях я еще управлял собой неудовлетворительно. Был запас, я вплотную приблизился к высшему умению - быть механизмом воли. Вот-вот должен был отдавать силу без ущерба, всю силу. Но уже миновало мое время в спорте. Я научился тому, что теперь уже становилось ненужным, отчасти ненужным, так как умение ради цели отказываться от себя вовсе не лишнее в жизни.

Преодоление страданий, невзгод делает очередные испытания не столь существенными. Цель и смысл борьбы обретают ясность и незамутненность. Любовь к себе, страх за себя уступают другим чувствам. Всю жизнь держался и держусь правила: мечтаешь быть сильным - будь им.

Глава 19.

В Варшаве я увидел конкурс на звание "Мистер Универсум"- самого совершенного в мускульном выражении мужчины. Состязались победители национальных первенств: "Мистер Франция", "Мистер Египет", "Мистер Америка" и т. д. Первым среди "универсумов" стал Гюи Мерчук - француз из Монако. Истый джентльмен - приятный, воспитанный. От него я узнал о сложностях тренировок культуристов.

С Гюи я встречался не раз и в разных странах. Он не менялся: все тот же застенчивый, с приятными манерами. Только иногда нервничал. Его задевала необъективность судейства на конкурсах. Мало быть действительно мощным и одновременно изящным. Нужен влиятельный покровитель вроде Хоффмана. Гюи не на кого было рассчитывать. А труд требовал возмещения - победы. Труд культуриста кропотлив. Надо лепить себя совершенной лепкой. Для любой ничтожной мышцы - свои упражнения. Сколько мышц, столько и упражнений,- каждым проявить схождение мышц, крепления, форму, все линии! Зато какая красота! И ведь не богом даренная, а добытая потом и настойчивостью. И разве сама по себе красота не достоинство, не одна из целей общества? И разве красота вообще не есть схождение ряда таких достоинств - душевного, интеллектуального,

воли, наконец, и физического? Разве физическая красота не предмет восторга людей и привязанности?

Александр Иванович Герцен выразился о красоте физической вполне однозначно: "Я же всегда уважал красоту и считал ее талантом, силой".

Победа в Варшаве открывала Гюи возможность лучше зарабатывать. Он преподавал физкультуру и вел занятия с теми, кто стремился хотя бы физически походить на мужчину. Тренировка культуристов наделяет не только телесной красотой, но и силой, так как предполагает упражнения с тяжестями...

Второе место за Томми Коно получил Мерчук и третье - Абдель Хамед.

Занятная публика понаехала. Я сидел в зале "Гвардия" и не узнавал его: туалеты, женщины... Я больше следил за их реакцией, чем за подиумом. Дамы впадали в экстаз...

По мне, так Мерчук был сложен совершенней, но Хоффман есть Хоффман: победителем оказался Коно.

Несколько лет спустя в Париже я опять стал свидетелем соревнования культуристов, но уже только на титул "Мистер Универсум" Европы. Захотелось глянуть на ребят поближе. Я был тогда достаточно известен для того, чтобы проникнуть без помех в любое место, где ценили силу. За сценой дворца Шайо меня окружили обнаженные смуглые парни (условия конкурса требовали выступления лишь в плавках). Что за проработка мускулов! Я любовался ими, а парни сквозь костюм трогали меня. Затем сучились на корточки у моих ног: массивные мышцы бедер их заворожили. Мы фотографировались поодиночке и вместе, смеялись шуткам. Я объяснял свою тренировку.

Хоть и бранят это направление в спорте, а видеть этих парней - удовольствие. Что за грудь, посадка головы, талия! Добавить бы к их методике бег и упражнения на гибкость - и огрехи культуризма сведены на нет. А достоинства - вот они: сильные и красивые люди. Ведь, организуя мускулатуру, они обязательно и помногу упражняются с тяжестями. Стало быть, насыщаются силой.

Кстати, большой спорт мало общего имеет со здоровьем. Это неистовый труд, и часто в ущерб здоровью. Иначе не награждали бы первых спортсменов высшими орденами. Этого никак не скажешь о культуризме, если его кое-чем дополнить. И вообще, почему позволительно беспокоиться о красоте бездушных предметов - мебели, домов, улиц, тортов, платьев,

обуви, автомобилей, клумб, а вот совершенство сложения, энергия мускулов - это "извращение", "эгоизм"? Логика не совсем внятная.

Культуризм заботится о величине и ладности мышц и в общем-то укрепляет здоровье. Сложить могучие мышцы - сколько же надо работать! А это не может не влиять на обменные процессы и сердечно-сосудистую систему. Организм не может быть безразличным к подобным нагрузкам. "При добавлении к культуристской методике бега на выносливость, упражнений на гибкость и ограниченность собственного веса получается добротная оздоровительная система. В данном случае культуризм преобразуется в атлетическую гимнастику, принятую и пропагандируемую в нашей стране.

Доказывать уродливость какого-то явления ссылкой на его крайности - прием недобросовестный. Издержки сопутствуют любому явлению. Литература славна не только совершенными образцами. Из этого не следует, что ее необходимо запретить. Крайности отталкивают. Уродливы и перегруженные мышцами люди, хвастливые пышностью форм, но ведь это всего лишь издержки! Культуризм потерпел урон от превращения в отрасль коммерции. Отсюда и несуразности. Впрочем, продается не только красота. Талант был и есть предмет купли-продажи.

Глава 20.

На банкете Эшмэн нашел меня, пил водку и твердил, что здесь, в Варшаве, "прима - Власов, но Рим - Власов ноу прима".

Большим пальцем он показал, где встанут американцы на пьедестале почета и где - я. Подошел Хоффман, чокнулся и в своей обычной манере, не меняя выражения лица, отбубнил:

- В Риме у нас будут четыре золотые медали. Сколько я ни подсчитывал, мне не выпадала ни одна. Хоффман сказал:

- Ты хороший парень, но в Риме разберемся,- оглядел зал и длинно зашагал к столу президента Международной федерации финна Ньюберга. Там же стояли польские должностные лица, Джонсон и вице-президент Международной федерации француз Жан Дам. Последний говорил темпераментно - глаза крупные, выпуклые, в прожилках, жесты несколько бесцеремонные.

- Вот это дело,- ухмыльнулся Эшмэн и вдвинул между тарелками непечатую бутылку водки.

- Голова гудит, скорее бы закруглялись,- сказал Богдасаров.

Я не подошел к Брэдфорду, а он к нам.

Радости - большой радости победы - не было. Чем дотошливей старался разобраться в себе, тем явственнее приходило понимание того, что для всех я всего лишь победитель чемпионата. Но первенство в силе за мной не признается. И я уже догадывался почему: между мной и победой - Эндерсон. У Эндерсона - сила, Эндерсои и внешне несокрушим. Лишь за такими будущее, уже доказано. А я?..

Богдасаров по обыкновению пил минеральную воду. Глаза ввалились, тени по щекам. Отсоревновались вместе.

Зачитывают итоги.

Золотые медали чемпионов мира: легчайший вес- Владимир Стогов (СССР), полупулегкий вес-Исаак Бергер (США), легкий вес-Виктор Бушуев (СССР), полусредний вес-Томас Коно (США), средний вес- Рудольф Плюкфельдер (СССР), полутяжелый вес- Луис Мартин (Великобритания), тяжелый вес- Юрий Власов (СССР).

Серебряные медали у наших Евгения Минаева (полупулегкий вес), Федора Богдановского (полусредний вес) и Аркадия Воробьева (полутяжелый вес).

В Варшаве Коно закончил счет своим золотым медалям, навечно став восьмикратным победителем чемпионатов мира (с учетом олимпийских побед).

Командное первенство за сборной СССР - 43 очка. Второе место у сборной Польши - 29 очков. Сборная США с 22 очками впервые после второй мировой войны отвалилась на третье место.

Назвали мое имя. Вернулся с двумя хрустальными вазами - призы за победу на мировом и европейском турнирах. Первенство мира являлось (и является) таким соединенным турниром.

Эшмэн кивает на полуведерную вазу - приз за победу на чемпионате мира: "Лей водку, емкая посуда".

Звучат новые имена. Памятные подарки, грамоты, жетоны - руководители спорта награждали друг друга.

Свет в зале притушен. Все держатся тесными национальными кучками. Многие улетали в ночь - и торжество катилось на скоростях...

Эшмэн трепанул меня за шею и двинул к своим.

А я вдруг вымерил себя глазами соперников. Они не чувствовали себя слабее. Я дал им несомненное превосходство. Я дрогнул. Отыгрыш явился актом отчаяния. По их разумению, при более плотной конкуренции я не выстою. Да и не видели они во мне мускульного колосса. Откуда взяться новой силе, где запас? И как же щупл я в сравнении с любым из "медальных" атлетов! Не люди - кряжи! Даже Шемански - выкованный, энергично определенный в движениях, напористый. Но главное - я ненадежен. Спасся лишь удачными попытками в толчке.

Не набрал, а сляпал эти самые 500 кг, будучи начинен силой, готовый утяжелить всесоюзный рекорд Медведева в сумме. Чувствительно отозвалась эта неудача на ярости столкновения за золотую медаль в Риме, через год.

Побаливали набитые мышцы. Жестокость схватки потрясала. Победа не принесла веры. Но я таил и другое.

Я знал способность своих мышц к изменению, отходчивости от нагрузок. Знал: у меня сильные ноги. Только Эндерсон мог посрамить меня в силе ног. А ведь я в отличие от всех атлетов еще не работал над силой. До сих пор учился - окончил одну из славнейших академий страны. Учение не увязывалось с тренировками, не щадило силу. И потом, постоянные перерывы на месяцы для прохождения практики по будущей специальности. И при всем том я завершил инженерное образование и стал чемпионом мира. И это без послаблений в занятиях. Следовательно, запасы силы порядочны, если я победил, даже не приступив толком к их разработке.

Характерная черта подобных приемов - стремление побыстрее сплавить гостей. Насколько горячи и ожесточенны спортивные схватки, настолько черство-пусты эти банкетные торжества.

Служебным автобусом мы вернулись в гостиницу. Я отнес вазы и грамоты в номер и вернулся на улицу. Почти до утра бродил. Новые улицы, новые дома, остовы домов. Места, где могли рухнуть, ограждали заборы. И ни фонарей, ни огней. Уже в десятке метров над головой в дождливом мраке растворялись дома. К утру посвежело. Тепловатый, угольно пахучий воздух полегоньку смывал балтийский ветерок.

После выступления не сплю.

Я очень возбужден. Немало спортсменов возбуждают себя искусственно: кто сверхкрепким кофе, кто еще чем, а мне понадобилось несколько лет выступлений на большом помосте, прежде чем научился превращать возбуждение в расчетливую ярость

Глава 21.

Я пробыл в спорте не столь мало: отработал в шести чемпионатах мира и Европы. Ушел отнюдь не потому, что исчерпал себя. Недаром мой преемник выигрывал звание чемпиона мира еще три года на результатах хуже моей рекордной суммы, а ведь она была промежуточной на пути к самой главной - 600-килограммовой. Я ей предназначал все тренировки. Именно тренировки. Ведь я не прибегал к форсированному прибавлению собственного веса до 150-165 кг, за которым неизбежно утяжеляются и результаты. Мой вес изменялся, но вместе с мышцами. Я грузнел новыми мышцами. К сожалению, то, что добывалось новыми приемами тренировки, выносливостью к нагрузкам и жизненной выносливостью, приходило к соперникам несколько проще...

Я не знал ничего, что было бы связано с искусственным вмешательством в наращивание силы... Мы глохли от грохота "железа". Наши залы были тесны, часто на один-два помоста. Мы мокли потом, меняли просоленные рубахи, грубели силой...

Меня не привлекала тренировка единственно ради побед. Мять себя, пытаться, но брать новую силу, подчинять новые килограммы. Только новое, способность нести новое и быть новым - вот истина большого спорта. Просто выигрывать золотые медали и чемпионаты - ради этого я не остался бы в спорте ни на один день. Для меня спорт исчерпывал себя с потерей возможности прибавлять в силе. Копить медали и победы казалось мне извращением смысла борьбы. Быть в новом. Искать силу. Знать силу. Подчинять силу.

Именно поэтому я отрицал прибавление собственного веса. Это была борьба за существование в спорте и от спорта. Я подобной жизнью не дорожил. Меня занимала лишь возможность побед с новой силой. Наедание же веса помимо физического безобразия означало погоню за победой любой ценой. Мир знал такого атлета, как Шарль Ригуло. Он весил едва сто килограммов, а показал результат, у которого толклись добрую четверть века атлеты чудовищных по сравнению с ним пропорций и веса.

Тяжелая атлетика - это не просто поднимание тяжестей, это владение силой. Не использование силы в строго заученных движениях, а владение всеми направлениями силы, надо полагать, и душевной. Могучий человек - у меня о нем определенное представление... Меня часто упрекают в сгущении красок. Но, чтобы судить об этом "сгущении", прежде всего нужно иметь на то моральное право: пройти современные тренировки, хотя бы насмотреться толком.

Наивно полагать, будто тренировки в прошлом вообще являлись забавой. Еще в 1914 году известный атлет Иван Романов писал в журнале "Геркулес": "Половина волос у меня седые, а ведь жизни прошло очень немного - мне всего 32 года. Но судьба побросала меня по белу свету, помыкала везде и всюду, и в результате - серебряные волосы. Мне кажется, что жизнь профессионального борца надо считать не годами, а месяцами, как участнику Севастопольской обороны".

Мы ведем жизнь не профессиональных борцов, но наши тренировки много жестче. Это итог непрерывного взвинчивания результатов и ужесточения спортивной конкуренции. И по всему свету - чемпионатам, турнирам - нас судьба бросает... И не сахарны победы. Это естественно. Мой последний рекорд мира в толчковом упражнении - 215,5 кг, сейчас этот рекорд превышает 260 кг, а настанет время - перевалит за 300! Объяснять, какие перегрузки испытывает при этом атлет, излишне. Впрочем, это и объяснить невозможно...

Однако и сам атлет не всегда даст правильный ответ. Все зависит от того, как прожить в спорте. Впрочем, это имеет отношение к жизни вообще.

Глава 22.

...В жиме я срезался по нескольким причинам. Разбазарил силу в тренировках, до выступления: поражал публику, красовался. На соревнованиях не сумел приспособиться к затяжному старту, навязанному Тэрпаком. Привык работать с груди в темпе - и, конечно, скис! Прибил первый чемпионат!

Стать другим. Успеть за одиннадцать месяцев стать другим!

Учиться не у кого: новый результат требует своей методики. Тренировка индивидуальна. Даже у найденного, нового ограниченная и строго личная практика применения...

Из Варшавы мы возвращались поездом. Люблю поезд, когда соседи недокучливы и умеют себя вести. Дорога вырывает из жизни - и сама жизнь тогда виднее.

Смотрю на часы: ресторан еще не закрыт. Снимаю костюм сборной, точнее - только куртку с буквами "СССР". На рубашку накидываю пиджак. От Бреста поезд торопится. Вагоны мотает, гулкие. Октябрь не сезон отпусков, в школах занятия. Даже ресторан пуст. Взял бокал цинандали. Растягиваю глотки, радуюсь освобожденности, скачке огней за окном. Прощайте, Польша, Варшава, чемпионат, новые друзья!

...Эшмэн! Как расставлял будущих призеров в Риме! Но ему уж там не бывать. Пусть прибавит к лучшему жиму 15 кг, ну пусть 20 - все равно сумма не сложится. Задавят его. Но кто? С кем тот поединок, на какой штанге? А Шемански?..

Долго раскладывал будущие тренировки.

Учиться не у кого, учиться не у кого...

Вино не допил. Вернулся и почти до утра слушал рельсы. Верил. Особенно верил, что все сбудется. А что именно - толком не знал. Что-то большое, радостное впереди. Жизнь не обманет, не ошибусь в ней.

Не ошибусь, не ошибусь...

Угадываю слова индийской "Упанишады". Да, древний путь, ведущий вдаль, повстречался мне, найден мной! Отрешенные идут по этому пути. "На этом пути,- говорят они,- белое, синее, желтое, зеленое и красное... Этот путь найден, по нему идет знаток, добротворец, состоящий из жара..."

Белое, зеленое...- вехи знаний.

Отрешенные - те, кто не щадит себя, выдерживает направление только на цель, утрачивает чувство страха за себя...

Состоящий из жара - труд на этих кругах постижения силы, страсть постижения - жар!

Конечно же, незнание - саморазрушение в такой борьбе, но и знание доступно лишь через опыт тренировок. Да, да, большой спорт исключает жалость к себе! Отрекись от себя - и добудешь силу. Ты всего лишь объект высших усилий и напряжений. И поистине лишь с помощью мысли можно видеть и здесь, быть зрячим и здесь. В большой игре на помосте.

В игре, в игре...

Знаю: сколько ни буду выступать, а конец неизбежен. И приду к тому, с чего начал. Спорт провалится в прошлое - на забвение и ненужность. А я все начну сызнова. От нуля. Ведь к той жизни все рекорды и золотые медали ровным счетом ничего не добавят. Если я мечтаю о литературе, мечтаю писать, то все победы никак не обучат искусству точных слов. И хватит ли сил все повести от нуля? И когда оборвать эту игру?

Хватит ли сил, хватит ли сил?

А сейчас тренироваться, искать!

Искать, искать...

Достойная жизнь, достойная...

Так и отстучали рельсы в ту ночь.

Может быть, она запомнилась потому, что это было единственное путешествие на чемпионат поездом. А может быть, и потому, что сам чемпионат оказался первым, самым первым.

И не были еще скоплены тревоги, обиды, усталости. И спорт казался розово умытым, доверчивым к доверчивости.

Глава 23.

Турнирные испытания 1959 года, несмотря на их внешнюю благополучность для меня, почетную выгодность титулов, овладение двумя из четырех фиксируемых мировых рекордов, сделали ясным существо моего отношения к спорту, обнажили тот тайный, но всегда присутствующий элемент: я не мог, не смогу довольствоваться спортом, не признаю его назначением своей жизни. Это всего лишь игра, но игра, которая грозит лишить энергии в другой жизни.

Глава 24.

Во времена моей юности считали: чем больше физически работает человек,

тем лучше; чем лучше ест, тем здоровее. Из похожих принципов исходил и спорт.

О том, что научная работа только налаживалась, свидетельствуют и воспоминания бессменного врача олимпийской сборной команды СССР многих лет З. С. Мироновой:

"Я уже говорила о том, что мне пришлось принимать непосредственное участие в подготовке нашей сборной команды к Олимпийским играм в Хельсинки в 1952 году.

Однако... опыта работы в этом направлении у нас еще не было. Лишь через два года была предложена идея создания комплексных научно-исследовательских бригад. Именно возникновение научно обоснованных рекомендаций могло вывести нашу работу из поисков вслепую на путь систематической и эффективной помощи спортсменам.

А спустя еще пять лет, в 1959 году, было принято решение об организации комплексных научно-исследовательских бригад в каждой сборной команде СССР. В эти бригады входили врачи, физиологи, психологи, преподаватели - сотрудники учебных и научных институтов физической культуры".

Но и результаты работы подобных бригад никак не сказались на характере наших тренировок. Определением параметров тренировки занимались сами спортсмены, в меру своих способностей. Впрочем, сама тренировка в то время сосредоточивала внимание на технике упражнений. Что касается набора силы, тут все шло стихийно.

Итак, за работу. Но сначала привести себя в порядок. Весь год меня трепала ангина. С сильнейшей ангиной я выступал и на Спартакиаде народов СССР. Поэтому вскоре после чемпионата я удалил гланды. Это отняло месяц тренировок.

Глава 25.

Без экспериментов с тренировками и нагрузками, которые начались вскоре после возвращения из Варшавы, я бросил бы спорт гораздо раньше. Я не мог говорить только его языком, стать придатком "железа". Слава от спорта всегда казалась ущербной, вернее, преувеличенность этой славы, ее ненормальное место в обществе.

Эксперимент с нагрузками, поиск кратчайших путей к силе на какое-то

время увлекли. Правда, большой спорт в своем чистом виде прельщал обнаженной честностью. Здесь не было, выражаясь языком Герцена, "временно великих". Истинная сила утверждала сильного. Здесь не мог первенствовать заморыш от силы, хитрец от силы, умелец по части бессовестных компромиссов и сделок с честью. Нет, нечестность и здесь отыскивала лазейки. Однако большая сила, могучесть предполагались даже в таком случае.

Эта игра обладала своим очарованием. И одно из них - единение людей в братство сильных. Оно действительно существовало и существует. В легендах, историях, часто вовсе не запечатленных словом книги, от поколения к поколению передавались подробности поединков столетней давности - подвигов силы.

И что интересно, часто это уважение к именам шло вразрез с официальной версией - баснями газет, лжепатриотическими выдумками, надуманностями заказных книг. Все это груз прошлого. Уважение к подвигам сильных передавалось изустно от поколения к поколению атлетов. И потом, при обращении к забытым документам, я поражаюсь точности этой памяти.

Так в наше время возродилась память о старых русских атлетах-борцах и "королях гирь" - не только Поддубном и Елисееве. Вернулась к нам и великая тройка эстонцев - Гаккеншмидт, Лурих, Аберг. Заново узнали у нас и о великой силе Евгения Сандова, Луи Сира, Артура Саксона, Карла Свободы...

Выстроились в последнем и вечном параде герои силы, поединков и благородства духа. А за ними-имена позднейших поколений...

Попробовать сыграть в игру самых сильных представлялось заманчивым. Пусть не с их отрешенностью, но испытать удары могучих, напор могучих, попытаться выстоять среди самых сильных своего времени, попробовать дотянуться до высшей силы, владеть силой. Азарт этой игры лишал убедительности все прочие доводы. Я поддался искушению. Но разве я не поддавался ему и прежде?

В крови каждого страсть к борьбе, к победе. Эта страсть принимает разные формы и выискивает выражение в различных действиях - от борьбы на ринге, ковре, помосте до схождения выкладок, формул, сцепления строф. Обратная сторона познания вообще (не всегда осознанная)-это страсть к обладанию "высшим"- пусть знанием, пусть любым другим умением. Конечно, это правило не претендует на абсолютность. Но разве стремление к высшей силе в конечном итоге не есть стремление к высшему знанию силы, а следовательно, умению найти ее? Разве владение высшей силой не

есть результат познания вообще? И разве спорт - не стремление владеть самым совершенным познанием природы человека? И поэтому разве не от уродства эта подмена высшего смысла спорта грубостью наедания веса, то есть извращение самого существа спорта, насилие над ним? Ведь самое высшее - совершенно и поэтому неизменно приближается к красоте. У красоты и у высшего в любой созидательной деятельности человека единая природа - совершенство. Именно ради совершенства разветвляется, усложняется жизнь. Многообразием путей ищет человечество совершенство, открывает краткость и выразительность конечного познания.

И еще: долго-долго мне не давала покоя запись в дневнике Льва Толстого: "Надо быть сильным или спать". И лишь после просветления пришло понимание. Быть сильным - значит действовать; значит иметь такую силу духа, чтобы борьба никогда не вызывала стона слабости, жалобы; значит иметь направление в жизни, а не следовать бездумно жизни; значит в какой-то мере воздействовать на само направление. Если нет этой силы - спи, дремли, не отравляй жизнь бессилием, дряблостью - лучше спи!..

Глава 26.

Несколько месяцев спустя после чемпионата Хоффман приписал к новому и уже последнему изданию своей "Тяжелой атлетики":

"...На чемпионате (в Варшаве.-Ю. В.) Брэдфорд показал себя очень сильным, набрал лучшую сумму... большую, чем когда-либо у Дэвиса, и на 10 фунтов больше, чем Шемански (подразумевается лучший результат Шемански,- О. В.), но и этого оказалось мало для победы над молодым русским... Эшмэн из-за поврежденной стопы почти не мог тренироваться. На чемпионате он взял последний вес чисто на грудь и в случае успеха занял бы третье место. Однако не справился - и оказался шестым... До настоящего времени (начало 1960 года.- Ю. В.) американские атлеты выиграли 46 титулов чемпионов мира и по одержанным победам являются лидерами мировой тяжелой атлетики..."

Ни моего имени, ни результата Хоффман не назвал. Кроме высокомерия в этом проявился и определенный расчет. Зачем оставлять в книге память о случайной победе? Ни Хоффман, ни американские атлеты не приняли мою победу всерьез. Еще не остыл гриф от захватов Дэвиса и Эндерсона. И уже наливался силой знаток тренировки Норб Шемански. И Джим Брэдфорд на своем шестом будущем поединке за титул первого имел все шансы на золотую медаль. В Варшаве он почти дотянулся... Наступал самый жестокий год поединков - олимпийский.

Выступлением в Варшаве завершился спортивный сезон 1959 года. Я выступил на четырех соревнованиях (из них - в двух международных) и выиграл все. Установил мировой рекорд в толчковом упражнении, два мировых рекорда в рывке и рекорд СССР в жиме.

Но главное - я защитил диплом и смог заняться литературой. Путь к ней оказался околист. В 1953 году я сменил форму воспитанника суворовского училища на форму рядового с погонами в серебряной окантовке авиационной технической службы. И только закончив академию, я получил возможность писать. Но в конце 1959 года и в начале 1960-го я еще не сумел этим воспользоваться - должен был работать по специальности. Лишь в феврале 1960 года положение изменилось. Не справляясь с двойной нагрузкой - службой и тренировками, я подал рапорт о переводе в Центральный спортивный клуб армии (ЦСКА). Приказ о переводе в клуб на должность инструктора по спорту последовал через несколько недель. Таким образом, спорт открыл для меня возможность писать. Загвоздка была лишь в том, как это совместить с тренировками.

Глава 27.

Я ценю честолюбие. Оно чрезвычайно благотворно. Честолюбивый человек - это работа, это движение, это энергия жизни. Но тщеславие - уже болезнь души. Много лет спустя я прочел в дневниках Толстого: "Тщеславие есть какая-то незрелая любовь к славе, какое-то самолюбие, перенесенное в мнение других... он любит себя не таким, какой он есть, а каким он показывается другим Эта страсть чрезвычайно развита... для человека, одержимого ей, она... отравляет существование..." Эта страсть действительно казнит людей. И уничтожает в конечном итоге и физически, точнее - самоистребляет.

Если я встречаю писателя, родственного по духу, я схожусь с ним в немом диалоге на всю жизнь. Он делает как раз то, что в достаточной мере не удается мне: помогает понять мир и себя. Ему удается вдруг лучше увидеть и сложить в слова то, что выражает искомую суть. Уже и суть моего движения. И, как ни странно, слова книг имеют значение силы - материальной силы. Они помогают проявлению воззрений, следованию им, крепят убежденность.

Инстинкт самосохранения бережет и взлелеивает чувства из разряда предающих. Для движения нужно переступить через себя. Ведь и то, чему ты отдаешься, не твое. Оно с виду только представляется главным одному

тебе. Только с виду. Разве рекорд, или удачная глава повести, или чудный танец могут насытить одного творца? В основе - желание всех, оно лишь переработалось, усвоилось и стало волей творца. И отречься уже нельзя - это цель всех.

И о пределе движения. Большое, нравственное дело не может иметь предела. Оно есть существо, естественность жизни. Очень точно об этом говорит Лев Толстой:

"Если есть предел тому делу, которое ты делаешь, то все дело не имеет смысла или имеет только один ужасный смысл лицемерия". Я думал об этом, уже заранее отделяя себя от спорта, видя и примеряясь к другим целям и задачам. Поэтому считал недостойным всякое пребывание в спорте, если утрачена способность к движению. Любая жизнь на затухании движения, на доходах от славы есть иждивенчество. Я определил для себя спорт как то состояние, когда присутствует способность к движению. Без него смысл спорта извращен, эгоистичен, затхл. Уход из спорта я предполагал в двух случаях непременно: потеря способности прибавлять в результатах, осознание своей способности делать другое дело, более важное. Это второе было своего рода выражением другого явления - истощаемости смысла спорта. Это истощение смысла могло наступить, когда ты был очень силен и впереди по-прежнему ждали победы. Но они уже не имели значения. Внутреннее "я" перерастало смысл происходящего и стремилось к новому приложению жизни.

Итак, когда сила упрется в физический предел - необходимо уйти.

С первой и до последней победы я не верил, будто всерьез нужно, чтобы игра в результаты становилась "делом". Однако игра увлекала, не могла не увлечь. И только когда она стала предъявлять права на всю жизнь, на подчиненность подниманию "железа" всей ее без остатка, я воспротивился.

Не все столь объяснимо. Я запутывался, ошибался, отступал, прежде чем снова находил решимость не изменять убеждениям. Я заново открывал эти убеждения. И ко всему еще липла усталость. Все усугубляла усталость, искажая действительность. Иногда возвращается сожаление по упущенным возможностям, но я уже знаю: это слабость. В слабости, душевном упадке человек склонен к утрате стойкости. Я помню: не все почитаемое есть таковое по существу.

Для всех, кто мечтает, кто никогда не соглашается с законченностью своей мечты, кто в глубокой внутренней борьбе сопрягается с мужеством построения нового, пусть не обозначенного ежеминутной утилитарной потребностью, а следовательно, не принимаемого как необходимость,- в

напутствие слова Льва Толстого:

"Говорят, одна ласточка не делает весны; но ежели от того, что одна ласточка не делает весны, не лететь той ласточке, которая уже чувствует весну, а дожидаться. Так дожидаться... и весны не будет..." (Из записи в дневнике 5 октября 1893 года).

Чемпионат второй (1960)

Глава 28.

Зимой 1959/60 года я тренировался, что называется, с усердием. Во всяком случае, в спорте никто тогда не работал на подобных весах и "объемах" (показатель интенсивности ряда тренировок - по данным доктора педагогических наук, профессора Московского института физической культуры и спорта Л. П. Матвеева - не превзойден никем до сих пор, то есть до 1982 года).

В теории спорта лишь намечались направления развития. И все ученые выкладки лишь подытоживали, чаще всего откровенно описывали уже пройденное. Работать по-старому мы не могли. Новая сила требовала своих приемов тренировки. Именно с той зимы я отказался от "зубрежки" техники упражнений и всю энергию обратил на вспомогательные упражнения, необычно расширив и общефизический тренинг. Уложиться в часы тренировок я не мог, а недостаток времени возрастал с каждой новой задачей. Растягивать тренировку на целый день чересчур накладно. Она и без того съедала его большую часть. Тогда я стал заимствовать это время у классических упражнений. Почти не обращался к ним. Так, за всю зиму я провел всего семь тренировок в толчковом упражнении! Я не сомневался: к силе "техника" отлично приложится. Было б к чему прикладывать. Но вскоре изъятия из тренировок классических упражнений потребовала сама идея новой методики.

Спортивный сезон 1960 года я открыл резово - с рекорда СССР в жиме: 173 кг. Я установил его 10 апреля в Москве на чемпионате спортивного общества "Локомотив", выступая вне конкурса.

29 апреля сборная команда страны вылетела в Милан на чемпионат Европы. В олимпийский год чемпионат Европы разыгрывается отдельно, несоединенно с чемпионатом мира, за который теперь засчитывается выступление на Играх (данное правило введено с 1964 года).

От соревнований в Милане мы с Богдасаровым ждали подтверждения правильности изменений методики. Через четыре месяца после чемпионата Европы открывались Олимпийские игры в Риме. Миланский турнир и должен был дополнить опыт выступлений. Рассчитывал я и на мировые рекорды, особенно в толчке. На соревнованиях 10 апреля я пять раз брал рекордный вес на грудь, но не удавался посыл. Взял страх за позвоночник.

За зиму я вместил в себя нагрузки двух предшествующих лет - почти двойное прибавление! На тренировках баловался с весами, о которых прежде не мечтал. В Милане рассчитывал на уверенную победу.

Чемпионат в Милане, чемпионат СССР в Ленинграде и олимпийский помост в Риме - вот разгон к победе. Главная победа - в Риме! В каждом выступлении осваивать новые веса, свыкаться с ними, учиться владеть собой при любом судействе.

Зимние тренировки качнули и собственный вес. Я прибавил к весне пять килограммов, а меня продолжали пластовать мышцы.

Глава 29.

Дни раскрывались светлые, радостные. Я бродил по Милану. Италия очаровала меня.

Мы остановились в пансионате "Дюк", что рядом с вокзалом. Но разве усидишь в номере, хотя даже небольшая ходьба противопоказана!..

Я завидовал энергии итальянской весны. Спектакль силы в "Палаццо дель Гьяччио" мнился чем-то от затянувшегося детства. Впрочем, май для Италии уже не весна, а лето. Его первые благословенные дни.

И я уже был влюблен в этот новый для меня город, гибкую, свободную от закрытых носовых гласных речь итальянцев, неизменность голубого неба, а тут заботы о силе, репортеры и цифры, цифры. Я никак не мог обучиться играть серьезно, а "железо" и правила игры требовали раз и навсегда однозначности настроения.

Я был убежден (и сохраняю это убеждение и поныне), что сила, если она не от силы духа или силы сопротивления, достоинство для рабов.

Глава 30.

Здесь, в Милане, маркиз Луиджи Монтичелли в 1896 году организует первый в Италии атлетический клуб. Схожая картина для многих европейских стран - дворяне с высокими титулами у колыбели спорта. И часто это истые поборники спорта, с немалыми заслугами, как, например, граф Рипобьер в России.

В 1902 году появляется Всеитальянский союз атлетов. Членами Международной федерации тяжелой атлетики итальянцы становятся незадолго до VII Олимпийских игр, в 1920 году. На этом олимпийском турнире в Антверпене в пяти весовых категориях соревнуются 14 стран. Из 15 разыгрываемых призовых медалей - две у итальянцев: в полусреднем весе серебряная - у Бианки Убальдо и в тяжелом золотая - у Филиппе Боттино. На этих играх соревнуются в троеборье, но не в том, что было принято после. Боттино толкает 115 кг.

В 1907 году на первом официальном чемпионате Италии звание чемпиона оспаривалось в трех весовых категориях: легком - победитель Гаргано, полусреднем - Гамба и тяжелом (свыше 90 кг)- Руджери.

На чемпионате 1908 года медали опять-таки оспаривались в тех же трех весовых категориях.

В 1909 году чемпионат не состоялся. Зато с 1910 года и вплоть до наших дней Италия исправно организует все чемпионаты, кроме кризисных для страны 1915, 1917, 1918, 1944, 1945 годов, а также 1920 года.

Привлекают внимание победами на чемпионатах Италии:

Бескапэ - 15-кратный чемпион страны в полулегком весе (1929-1940, 1946, 1948, 1949);

Де Дженова-11-кратный чемпион страны, четыре золотые медали в полулегком весе (1951-1954) и семь-в легком (1955-1958, 1960, 1961, 1965);

Маннирони - 14-кратный чемпион в полулегком весе (1955-1968);

десять раз чемпионом Италии в легком весе был Кадрелли (1910, 1914, 1921-

1924, 1926-1929);

феномен по числу национальных титулов - Галимберти: 19-кратный чемпион страны! С 1921 по 1931 год он первый среди атлетов полусреднего веса, с 1932 по 1936 год - среди атлетов среднего веса и с 1937 по 1939 год - снова первенствует в полусреднем весе. Его можно отнести к лучшим атлетам Италии и по победам на международных турнирах. В нем слава итальянского спорта!

Пиньятти - 10-кратный чемпион. В 1950 и 1951 годах среди атлетов легкого веса и в 1952-1959-м - полусреднего.

В истории же мировой высшей силы наиболее известны и почетны два имени: Филиппе Боттино и Джузеппе Тонани - атлетов тяжелого веса.

Боттино - чемпион VII Олимпийских игр 1920 года в Антверпене.

Тонани - чемпион VIII Олимпийских игр 1924 года в Париже. На этих Играх соревновались в пятиборье.

Сумма по пяти движениям у Тонани 517,5 кг. В толчке он берет 130 кг.

Боттино-6-кратный чемпион Италии (1913, 1914, 1916, 1919, 1921, 1922).

Тонани-8-кратный чемпион Италии (1923, 1924, 1926, 1928, 1931-1933, 1937). В таблице официальных мировых рекордов международной федерации самый первый из вообще зарегистрированных результатов - 112,5 кг. Это мировой рекорд Тонани в жиме.

В какой-то мере известен был и за пределами Италии Альберто Пигаяни - 12-кратный чемпион Италии в тяжелом весе (до введения второй тяжелой весовой категории): 1954-1963, 1967 годы. В Мельбурне на XVI Олимпийских играх у Пигаяни бронзовая медаль - после той жестокой рубки между Сельветти и Эндерсоном, когда заколебался и чуть было не рухнул легендарный "человек-скала". Злые языки утверждали, будто без помощи центрального арбитра, американца, Эндерсону не удалось бы фиксация веса в последней попытке.

Итак, первыми призерами-итальянцами на Олимпийских играх стали Бианки Убальдо (серебряная медаль в полусреднем весе) и Филиппе Боттино (золотая медаль в тяжелом весе) - 1920 год.

Через четыре года в призерах Парижских игр Пьетро Габетти (золотая медаль в полулегком весе), Карло Галимберти (золотая медаль в

полусреднем весе), Джузеппе Тонани (золотая медаль в тяжелом весе). По числу золотых медалей сборная Италии первая!

Еще через четыре года в Амстердаме у итальянцев две медали - серебряные. У тех же самых Габетти и Галимберти.

На очередных X Олимпийских играх 1932 года в Лос-Анджелесе за итальянской сборной бронзовая медаль в легкой весовой категории - это Гастоне Пьерини, и серебряная - в полусредней весовой категории - это блистательный Карло Галимберти! Как жаль, этот атлет погиб в расцвете таланта силы!

В Берлине (1936), Лондоне (1948), Хельсинки (1952) у итальянцев ни одного призового места. И лишь в 1956 году среди призеров олимпийского турнира в Мельбурне - Эрманно Пиньятти и Альберто Пигаяни. В истории же розыгрышей золотых медалей на чемпионатах мира итальянцам не дается ни одна из них.

Следует отдать должное итальянской тяжелой атлетике. На ранней стадии организации олимпийского движения ее атлеты сыграли крупную, если не ведущую, роль.

Немало сделал для итальянской тяжелой атлетики Эрманно Пиньятти. Без него Италия вообще не имела бы классных атлетов в 1960-1980 годы.

Глава 31.

В субботу 7 мая я вышел с парадом участников турнира на сцену миланского "Палаццо дель Гьяччио". Для меня это был самый скоротечный турнир. Нас соревновалось всего семеро. "Советский спорт" писал:

"...Власов начал выступление со 160 кг. Если бы до него никто не подходил к штанге, то зрители могли бы подумать, что атлет поднимает не металлическую громаду, а макет из папье-маше: так легко осилил Власов десятипудовый вес. Следующий подход он сделал к 170 кг и без особого труда поднял штангу. И лишь 175 кг оказались "непослушными".

Всем стало ясно, что русский атлет недотягивает. Начиная со второй части троеборья основная борьба уже разгорелась за второе место. На него претендовали Веселинов и Пигаяни... В толчке Иван Веселинов зафиксировал 175 кг лишь со второго подхода. Казалось, что больше сделать он не в силах. Однако, к удивлению зрителей, он попросил установить на

штангу 185 кг и толкнул снаряд вверх. С этого же веса вступил в борьбу Юрий Власов.

У него после двух упражнений было 315 кг. Чтобы обновить рекорд Советского Союза в сумме троеборья, ему достаточно толкнуть 195 кг, то есть тот вес, с которым так уверенно справлялся на тренировках. Однако в первой же попытке снаряд, вылетев на грудь, упал на помост. По залу пронесся вздох разочарования... Вторая попытка. Юрий излишне торопится. Он поднимает снаряд на грудь и... не удерживает его на прямых руках.

Нависла угроза проигрыша. Тренеры ушли за сцену: "не хватает нервов", чтобы смотреть на последний подход атлета. Но на этот раз Юрий толкнул снаряд вверх, правда ценой огромного напряжения..."

Разминка в жиме изумила. Свежести нет и в помине - затянута-сонный, неуклюжий. Однако тревожиться излишне. В крайнем случае, выступлю похуже. Здесь, на чемпионате Европы, по силе равных нет. Но все же, что со мной?! Поясница вихляет. Разминочные, пустячные веса осаживают. Решили с тренером, что все образуется. Так часто у атлетов: за сценой потерянный, штанга мнет, а на зрителе - легкость, изящество.

Тщетные упования. Штангу в жиме я не срывал с груди, а коряво выпирал руками. Третья попытка и на жим была не похожа - ноль от судей. А ведь всего четыре недели назад я с запасом утяжелил рекорд страны! Но, может быть, я не сумел подвести себя только в жиме, а в рывке сработал четко. Так тоже бывает: не всегда удается совместить лучшую спортивную форму в темповых упражнениях с жимовой. Противоречат друг другу. "Закачанные" руки препятствуют хлесткому рывку.

На разминке к рывку я окончательно сник. И рад работать, да не тот: полная раскоординация! А ведь это рывок. В жиме при потере слаженности можно работать на силу, а здесь грубой силой дело не поправишь. Любое закрепощение исказит движение, утяжелит штангу.

Я грязно взял первый вес. Нарушена согласованность в работе ног, спины и рук. Проволок без ускорения - силой. С первым весом этот номер прошел, а дальше - провал! Я опаздывал с вводом одной группы мышц, сковывал другие - и тыкался невпопад. Прежде я контролировал штангу в каждой точке траектории, подправлял, вписывался в схему...

Неужто опять стреножила трусость?

На разминке к толчку я старался избавиться от сонливости - и разбито, устало перебирал разминочные упражнения. В посыле штанга юлила, я

гулял за ней по всему помосту...

Мертво, обреченно вышел на сцену. Вес на грудь прихватываю чисто. Встаю на зависть быстро. Толкаю с груди, а держать нечем: расквашен, жидок. Едва успеваю вывернуться из-под штанги.

Есть еще две попытки. Должен взять первый вес! Шутейный вес. На тренировке забавлялся...

Снова с запасом беру штангу на грудь. Встаю на одном дыхании, без малейшего замедления. Толкаю - и сразу обозначается весь позвоночник. Опоры в руках нет. Ломает. Мышц нет, одни кости в упоре. Поди удержи!..

Уворачиваюсь от штанги. Еще срыв!..

Остается последняя попытка. Последняя!!

Ну, уймись, "железо"! Уймись!

А чем держать? Нет опоры!..

Конец! Позор! Уже не возьмут в сборную. Есть запасные. Зачем же команде тот, кто дает нулевую оценку? Выставят двух легковесов - первое и второе места наши. В легком весе у нас "монополия"...

Конец моему спорту! Все!..

Не иду, а тащу себя. Измочален, потерян, оглушен.

Даже мысли о крушении не будоражат.

Спускаюсь со сцены. У кого на лице любопытство, у кого - радость, кто качает головой.

Вокруг тишина, а поодаль галдеж. Оглядываюсь: где же тренер? Нет. Ищу старшего тренера команды-тоже нет! И ребят-никого!

Почему я один?! Почему?!

Судейская пауза на отдых - три минуты, ни секунды сверх - иначе попытка считается использованной, а она у меня последняя!

Мокр. Ноги дрожат. Стул куда-то запропастился. А пот после напряжений - обтереться бы...

Где тренеры?

Неужто крышка?

Догадываюсь: помощи не будет. Переминаюсь, жду.

Вдруг руки - кто-то властно вытирает полотенцем затылок, шею. Эрманно! Он принял на себя хлопоты. Командует своим что-то. Сам оттягивает трико и промокает мне спину. Вот и стул. Маннирони сует нашатырь. А массажист наш. Показываю, где усталость, - на слова нет сил.

Эрманно достаточно натаскан в "железной игре", не из "синтетических" тренеров, сам обмялся в тренировках и турнирах. Его лучший результат в легком весе - 325 кг (троеборье), в полусреднем-382,5 кг (третье место на XVI Олимпийских играх в Мельбурне, 1956). С 1959 года - тренер сборной Италии. Когда мы познакомились в прошлом году в Варшаве, он выступил последний раз и выиграл звание чемпиона Италии (с 1973 года у Пиньятти звание международного тренера).

Помощь опытная. А главное - я не один. И верят в меня. Правда, азарт итальянцев подогревался желанием прорваться на призовое командное место - это обеспечила бы моя победа над Веселиновым.

Вокруг лишь итальянская речь. Наш массажист не смотрит на меня. Дышу поглубже. Распускаю мышцы. Последняя попытка...

По трансляции мое имя! Эрманно подталкивает: давай, давай!

Встаю. Привожу в порядок трико.

Меня в упор разглядывает Хоффман. Не поленился, вышел из-за стола официальных представителей, что на сцене. Ну-ну...

Толпа расступается на окрики Пиньятти. И ярче, ярче свет - это сцена.

В сознании разыгрываю поочередность усилий. Зал растревожен. Игра на высшем накале. Азарт. Репортеры у рампы! Еще бы, кадры...

Сушу пот на груди куском магнезии. Гриф должен пристать плотно. Удержать бы штангу над головой. Почему мнет?..

Обнимаю гриф пальцами, большой - под хват, это "замок". В "замке" пальцы не развернут никакие тяжести: проверено.

Выпрямляю руки. Плечи - к грифу, складываю ноги: "пружина" готова.

Пора!

С помоста вес трогается послушно. Ухожу в "подсед". Есть, на груди! Чуток перетащил, заваливает назад. А запас в ногах! Встаю просто. Не дышу, чтобы сохранить опору из мышц.

Пора! Ногами, грудью, руками бью в гриф-вытолкнуть! Иду в "разножку". Поймать, поймать! Упираюсь руками.

Подвожу себя под гриф, а он елозит! Дрожу, даже диски звенят.

Держать! А вес вихляет, не в равновесии. Удержать, выстоять судейскую паузу без болтанки! Держать!..

"Есть!"- кричит центральный судья и обозначает отмашку.

Я взял победу на отчаянии. Оказывается, отчаяние тоже продвигает жизнь...

Глава 32.

Итак, золотые медали получили В. Стогов (СССР), Е. Минаев (СССР), М. Зелинский (Польша), А. Курынов (СССР), Р. Плюкфельдер (СССР), В. Двигун (СССР), Ю. Власов (СССР).

В Милане я во второй раз стал чемпионом Европы. Болгарин Веселинов набрал в сумме на 40 кг меньше и получил серебряную медаль (460 кг). Бронзовой медалью наградили итальянца Пигаяни (445 кг). Он уступил мне в сумме 55 кг.

Хоффман неспроста навестил Милан: примерялся к нашей команде. Мое же выступление еще раз убедило его в ненадежности моих бойцовских качеств. Об этом он скажет мне позже.

Я дал американским тренерам направление удара: решительно давить меня в каждом упражнении, для этого выставить двух атлетов в тяжелом весе - и я дрогну.

Доказано. Слабодушен я на помостах - нести мне теперь это клеймо.

Но ведь сила была! Я добыл ее! Веса вспомогательных упражнений я продвинул на 20-30 кг! Это безошибочный признак новой силы! Она - в мышцах, я не сомневался. Что же тогда?!

Я не верил в страх. Тогда что помешало?..

Глава 33.

Провал в Милане явился подлинным даром. Он позволил вовремя осознать недомыслия в новой методике. И уберег, таким образом, от неприятностей на чемпионате страны и Олимпийских играх.

Цена за познание оказалась горькой. Но другой не существовало и не существует. И в будущем я исправно платил ее. Только не терялся - знал, что и отчего.

Организм весьма инерционная система. Как таковая, хранит по возможности свое состояние. На серьезные перемены отзывается весьма неохотно, даже если они безусловно полезны организму. Поэтому тренировка почти всегда есть процесс преодоления сопротивления организма. Однако присутствует угроза нанести ему ущерб. В общем-то, на грани таких тренировок и балансирует большой спортсмен.

Провал на чемпионате Европы выявил основной недостаток новой методики - незнание, как сбрасывать нагрузки, за сколько недель, по каким зависимостям. Старые, привычные приемы не сработали. Новая методика - все по-новому...

Еще более глубокое понимание пришло позже: эта вялость и потеря координации - результат могучей силовой работы. Мышцы еще пребывали в процессе освоения силы.

Но теперь я осознал и другое, очень важное: тяжелая силовая работа ведет не только к потере скорости, но и координации. Это закон... Для восстановления скоростной слаженности нужны время и своя система нагрузки. Это тоже закон! На этом-то я и попался!

И еще очень многое предстояло узнать.

Глава 34.

Я не представлял тогда, что национальный рекорд США в толчковом упражнении - 199,5 кг, а не 196,5 кг, которые я утяжелил в Ленинграде 22 апреля 1959 года.

Но и без того рекорды в сумме и жиме оставались за Эндерсоном. Таким образом, при его национальном рекорде в 199,5 кг я без всяких оснований считал, будто часть титула "самый сильный в мире" уже моя. Эндерсон владел обеими почетными "половинами" титула. Я был лишь очередным чемпионом мира. Подлинный же "монарх силы" колесил по Америке, зарабатывая на жизнь. Со дня его ухода из любительского спорта еще не было ни одного чемпиона и вообще атлета, которого он не мог бы посрамить своей силой.

Бывший "самый сильный" - маэстро Шемански - тоже включился в борьбу. Надо полагать, не для того он залечивал позвоночник и сносил боль тренировок, дабы читать о чужих победах. И таким, как Норб, плевать на жалость: для побед он готов сделать с собой что угодно. Не из-за денег (их-то Норб как раз и не видел), а из спортивной страсти. Поединки, риск составляли его натуру. Это был суровый реалист и в то же время романтик борьбы. Американцы по-настоящему и не оценили этого атлета в своей спортивной истории.

Я складывал возможные килограммы - у Брэдфорда они превосходили официальный мировой рекорд в сумме троеборья Эндерсона. Стало быть, будущий поединок за олимпийскую медаль столкнет рекордные суммы. Та, чья окажется увесистей, и победит. Прояснились и победные килограммы каждого из трех классических упражнений.

Я ждал вестей из США. Олимпийский год рано погнал атлетов на высокие результаты. Этот чемпионат поможет прояснить мои предположения.

В память запал визит Хоффмана в Милан - и это бесцеремонное разглядывание перед последней попыткой. Хорош же я был в Милане...

И вот новости: чемпионат США в тяжелом весе впервые выигрывает Джэймс Брэдфорд! Его сумма - 1085 фунтов (492,16 кг). У Шемански второе место и сумма на 4 кг меньше. Итак, Шемански уже в строю. Великая гонка назвала все имена!

Для Эшмэна Большой Вашингтонец и маэстро "железной игры" Шемански вне досягаемости. "Гипноз" Эндерсона изжит. Наступает эпоха борьбы за его наследство - рекорды и титул "самый сильный в мире". Для атлетов

склада Эшмэна в этой игре нет места. Самые сильные снова на помосте.

С учетом миланского опыта мы перекроили тренировку. По-прежнему основное время - едва ли не три четверти энергии - пускаю на жим. Здесь надлежит стереть преимущество Брэдфорда! И потом там, впереди, рекорд Эндерсона! Я работаю в станке для жима лежа (наклон доски под спиной около сорока пяти градусов). Усердствую с жимом широким хватом, несмотря на его болезненность для позвоночника. Чередую эти жимы с жимами штанги из-за головы - чистейшая силовая работа, важная для последней фазы классического жима, - и отжимами с отягощениями на брусьях. В отжимах на брусьях не гонюсь за весом. Оптимален вес, который способен повторить четыре-пять раз. Это по старой методике, без "восстановителей"...

...Я привязывал к ногам 130 кг и отжимался на брусьях по несколько раз в трех-четырех подходах. Одновременно происходила и весьма благотворная вытяжка позвоночника. Благодаря этой работе я утяжеляю рекорд СССР в жиме за один олимпийский год четырежды, и отнюдь не по 500 граммов.

Миланское выступление вызвало нарекания - скучные и несправедливые, но обязательные при каждой неудаче. В подобной критике всегда что-то недоброкачественное. Действительно, пока ты силен и не пошатнулся, ты и замечательный "техник", и великолепный турнирный боец, и повелитель рекордов...

Меня сразу зачислили в посредственные "техники". Формально критики были правы, а по существу я не сумел в тренировках обжить новую силу, не обеспечил мышцам и нервам отдых. Спад в нагрузках оказался чересчур запоздалым и выполненным на ошибочных весах.

Итак, снова впереди все было неизвестным. Впрочем, это судьба больших атлетов - проявлять неизвестность, превращать ее в четкость привычного и подчиненного.

Да, жизнь - все-таки акт воли!

Тренировался я с декабря 1959 года в небольшом зале на три помоста, что примыкает к гимнастическому и поныне в спортивном комплексе ЦСК.А на Ленинградском проспекте. Зал радовал после душевных каморок. Теперь он и сам кажется убогим, а я отработал в нем все годы в большом спорте, до единого дня. До сих пор чувствую грузный ход двери. Ручка длинная, а низ двери - в чугунной вязи. Три шага - дверь приникает неслышно за спиной - и шаг вниз. Справа - лестница, а слева - дверь раздевалки. Впереди голоса,

гулкие голоса - гимнастический зал. Справа за стеной молотит настилы штанга. Мой мир...

Глава 35.

Чемпионат СССР я встречал с напряжением. Ошибка в расчетах - значит, беда в Риме. Есть ли новая сила? И в конце концов, когда научусь выступать? До сих пор в основном срывы или недоборы в результатах.

В Ленинград приехал 7 июля. Время подогнал в обрез к выступлению, дабы на месте ограничиться лишь разми-ночной тренировкой.

Ленинград... Быть может, оттого, что был юн, помню каждый день.

И этот молодой город! Город возмужания России...

Дожди и ветры не омрачали белые ночи.

Я шел от скамейки к скамейке. Надлежало беречь мышцы. Ходьба до выступления не показана.

За новыми названиями улиц я стремился отгадать прежние, еще пушкинские. Это город, в котором мечта не ошиблась. Ничто не разочаровывало. Мечта и явь не спорили, а сливались в единое чувство...

Поймал себя на том, что знаю лишь "школьного" Пушкина. И Лермонтова тоже знаю... "программного". И вообще все мои знания скудно "программны"...

По привычке спал мало. Да и как заснуть после 15-тонной тренировки, занятий в академии (а такими были все дни тех лет) и почти часового пути домой? Но я любил спорт и нес все годы это переутомление. Не знаю, может быть, это покажется не совсем убедительно, но усталость я принимал блаженством, вестницей новой силы. А ведь тренировки я делил и с литературной практикой - другого выхода не было. И еще эксперименты с нагрузками, перетренировки. Ответы на вопросы в перетренировках... Теперь диву даюсь, как все выдерживал. Впрочем, я и сейчас тренируюсь по два часа в день, непременно по многу часов занимаюсь литературой и еще разными делами.

...На Зимнем стадионе выкликали имена новых чемпионов. Газеты с утра помещали отчеты и фотографии героев схваток с "железом". В шумном

общежитии для участников чемпионата я был обречен на бессонницу. Выручил судья чемпионата СССР М. Л. Аптекарь. Я ночевал у него в номере гостиницы "Европейская".

Глава 36.

После Милана решил: быть отныне и вовек первому подходу таковым, с которым справлюсь в любой форме и при любом настроении, а затем прибавлять 10-15 кг и уже работать на результат. Готов - не сорвешься.

8 Ленинграде впервые применил данное правило. И уже не изменял ему до последнего выступления.

9 июня "Советский спорт" напечатал отчет о выступлении атлетов тяжелого веса:

"И снова рукоплещут трибуны.

...Мы уже привыкли к тому, что на любых крупных соревнованиях наших штангистов вносятся поправки в таблицу рекордов.

Нынешний год начался новым энергичным наступлением наших атлетов на "золотой запас" Международной федерации. Из шести новых всесоюзных рекордов, родившихся на помосте Зимнего стадиона, три превышают рекорды мира.

Отличным оказался и финал соревнований: тяжеловесы постарались не разочаровать зрителей (вот уж до чего дела нет в спортивной борьбе, это ведь не фестиваль народного танца.-Ю. В.). Они восхищались отточенным искусством прославленного А. Медведева, горячо аплодировали спартаковцу из Ашхабада Ю. Вильковичу, который обновил четыре рекорда Туркмении, энергично подбадривали эстонского спортсмена молодого перворазрядника О. Коола... любовались богатырской силой 22-летнего харьковчанина Л. Жаботинского, которому лишь не вполне совершенная техника помешала достичь более высокого рубежа.

И все же триумфатором состязаний тяжеловесов был, несомненно, москвич Ю. Власов. Несколько лет назад мы видели на ленинградском помосте "американское чудо", как окрестила падкая на громкие прозвища зарубежная печать Пауля Андерсона. "Самый сильный человек" произвел на нас довольно своеобразное впечатление. Огромная мускульная сила была облечена в противоестественную форму. Красота, воля, мужество - то, что

мы прежде всего хотели видеть в спорте,- казалось, полностью отсутствуют в манипуляциях Андерсона со штангой.

И вот на помосте тот, кто посягнул на фантастический рекорд Андерсона,- русский богатырь Ю. Власов. Каждый раз, когда штанга замирает над головой этого отлично сложенного атлета, нельзя не радоваться за человека, подчинившего себе мертвую мощь металла. Три всесоюзных рекорда, один из которых выше мирового, установил Власов в течение нескольких часов.

Главным соперником Власова был Медведев. Правда, в жиме заслуженный мастер спорта довольно скоро уступил позиции. В дополнительном подходе Власов... на 2,5 кг превысил всесоюзный рекорд в жиме. Отличное начало не было случайным. Каждый подход в рывке заканчивался торжеством спортсмена... И снова на штанге рекордный вес - на сей раз выше мирового рекорда в рывке... И снова рукоплещут трибуны.

Сумма, которую набрал Власов в двух упражнениях, не оставила соперникам никаких надежд.

Власов после первого подхода (толчкового упражнения.-Ю. В.) ...уже набрал сумму, которая еще недавно считалась недостижимой... Штанга над головой (второй подход.-Ю. В.). Рукоплещут зрители. Вспыхивают три белые лампочки. Юрий выходит за кулисы и попадает в объятия друзей. Но борьба не завершилась. Если нет соперников на помосте, то есть незримый соперник - рекорд. Юрий просит установить вес, который еще не удавалось взять ни одному атлету в мире,-201,5 кг... Власов поднял на грудь штангу и великолепно вскинул вверх (точное выражение! Именно вскинул - я не верил в себя.-Ю. В.), но не удержал..."

Глава 37.

Красота, воля, мужество не отсутствовали в выступлениях Эндерсона. Работал он не похоже ни на кого, но разве это неумение? Он и руки пропускал в "седе" между ног. По-моему, никто еще, кроме Эшмэна, не принимал такой старт. Знатоку ясно, этот старт - результат отчасти малой длины рук и, с другой стороны, очень массивных ног. Но без массивных ног штангу не зацепишь на грудь.

А в самой манере работать со штангой у Эндерсона была своя красота - мощь и легкость мощи. Он опрокинул представления о физических возможностях человека не только рекордами, но и тем, как их устанавливал. В работе не ощущалось надрывности. Порой казалось, он забавляется. И

ведь это с тяжестями, о которых люди в те годы и не помышляли. Разве не есть мужество брать их без примеривания и столь уверенно? Не его беда, что у нас прежде не водилось ему соперников.

Конечно же, большой собственный вес имеет значение, но разве сам человек ни при чем? Сколько я видел атлетов чудовищных пропорций и веса и с хорошими условиями для тренировок, а без воли и совершенно пустых силой!

Глава 38.

Когда меня называли богатырем, я чувствовал совершенную непригодность к данной роли из-за отсутствия ратно-кавалерийской подготовки. Уж очень трудно мне представить себя на коне рядом с Ильей Муромцем, Добрыней Никитичем и Микулой Селяниновичем. И еще это слово - силач. Так и просятся на язык созвучия: тягач, пугач, толкач, портач...

Рекорд в рывке я не собирался улучшать. Еще не вышел из скованностей зимних тренировок. Рекорд рассчитывал улучшить Медведев. Если не в Ленинграде, то в ближайшие месяцы. Он и сказал об этом в раздевалке. Я пообещал не трогать рекорд. Мы были одни. Отдыхали перед рывком.

Я пообещал и... через сорок минут утяжелил свой же мировой рекорд. Это явилось неожиданностью и для Медведева, и для меня. Крепко разобиделся на меня Алексей Сидорович!..

На разминке к рывку я внезапно проникся легкостью. Той легкостью, о которой мечтал в Милане. Она выявляла каждое из необходимых движений. Веса, которые корежили меня в Милане, не поддавались на тренировках последние недели, уступали охотно, и даже оставался запас на доработку в изысканные. Первый, второй, третий подходы - один вроде нагоняет другой, и четче, рисованной. Я уходил с помоста свежий, неутомленный. Тьма за рампой возбуждала. Этот восторг публики! Что значит вера в тебя! Как эта вера способна управлять человеком! Какая вообще сила в вере!

Рекорд мира сам лег в руки. Я только распахнулся ему навстречу движением. И это рекорд?!

В тот день я извел бы рекордную сумму Эндерсона, не будь досадная необходимость повторить вторую попытку. Я мазнул локтем колено в подхвате веса на грудь, что запрещается правилом. Это было единственное за весь мой спортивный век касание локтем бедра. Но эта неряшливость

продлила до сентября жизнь официальному мировому рекорду Пола Эндерсона - 512,5 кг.

Зато теперь уже все рекорды страны - мои! Последним достал рекорд в сумме троеборья - 510 кг.

В рекордах я не заблуждался. Знал: в тяжелой атлетике выражение человеческой силы невероятно занижено. Что за рекорды, память о которых - изящество, воздушность и ощущение недобора?! Я не кокетничал, когда повторял журналистам, что нынешние рекорды - вздор.

Мышцами понимал: на штангу доступно навешивать и навешивать новые "рекорды". Главное же - сокрушать "пороговый страх"! Новые веса не из-за громадности заставляют мышцы работать не в оптимальном режиме, даже очень далеко от оптимального режима. Причины психологического свойства влияют на поведение мышц. Они слышат не действительную тяжесть, а воображаемую. Ту, которая создана всеобщим почитанием, гипнозом. Любая тренировка есть не только совершенствование мускульной силы, но и соскабливание предрассудков. В действительности энергия, заложенная в мышцы, много превосходит ее практическое выражение. Любая тренировка прежде всего воспитание чувств. По существу, спортсмены несут больший результат в мышцах, чем доказывают рекордами.

Я это остро чувствовал еще и потому, что образ жизни не соответствовал нужному. Сначала загрузил себя академическим учением, теперь - литературной практикой и опять учением. Не выезжал на сборы, питание явно не соответствовало расходам энергии, отдых не возвращал растраченную энергию. Жил в режиме перенапряжения. А что можно сделать, если жизнь до единого дня подчинить целям большого спорта!..

Глава 39.

В Ленинграде я свел счеты не с тяжестями, которые потешались надо мной в Милане, а с собой, своим неумением. Свел счеты с ошибками и осознал предрассудки времени. Понял: почтение к рекордам, канонам тренировок - это отравка, это черепашня доблесть. Рвать с традициями! Борьба - прежде всего отказ от повторения чужих слов, не зазубривание смысла, а вера, и потом уже не битые дороги и поклонение, а свой путь...

Самый опасный противник - ты сам. Инстинкт самосохранения действовал не в лобовую. Он находил оправдание малодушию, превращал его в трусливость движений, выучивал особому стилю работы со штангой.

Основную победу я стал видеть прежде всего в том, чтобы отныне подавлять свое "я" везде и во всем. Борьба не может быть успешной, если придаешь значение благополучию.

Чемпионат страны в Ленинграде снял груз тревоги. Зима не оказалась потерянной. Иначе исправить ошибки за три месяца до главного соревнования было бы невозможно. Сила - не из качеств, которые поддаются изменению за десять недель. Ее можно загробить сверхтренировками, растрепать на прикидках, но никогда не обрести заново в считанные недели. Риск с зимними тренировками держал в напряжении.

Мы исключили старые способы работы - и не ошиблись. Неудача в Милане и успех в Ленинграде позволили весьма точно определить характер кривой нагрузки перед выступлением. В Риме можно играть партию безошибочно. У нас были выкладки, график, которые позволяли собирать силу не только к дням, а к определенному дню. На соревновании следовало лишь не уступать мнимой тяжести веса и робости перед соперником. Но и это искусство уже давалось. К тому времени я выиграл два чемпионата страны, два чемпионата Европы и один чемпионат мира, установил более десятка мировых и всесоюзных рекордов.

Однако неудача в попытке первым перемахнуть 200-килограммовый рубеж доказала неистребимость боязни за позвоночник, живучесть страха, турнирную незакаленность.

Я вел травлю 200-килограммового веса настойчиво - это тоже от великой гонки. На чемпионате мира в Варшаве зацепил чисто этот круглый вес на грудь, встал, но не зафиксировал в посыле. Пять раз брал этот вес на соревнованиях 10 апреля. Пять раз подряд брал на грудь, вставал и не толкал! Каков же запас! Потом в Ленинграде зацепил тот же вес - и как легко! А с груди - снова осечка!

По нынешним меркам вес смешон. Но рекорд необходимо соотносить со своим временем. Его нынешняя малость не означает, будто мы уступали в силе. Мы уступали во времени. Только во времени. Ибо рекорд - это время, переведенное в сознание и состояние мышц. Не в силу мышц, а в их состояние.

Таким образом, для опрокидывания "вечных" рекордов Эндерсона и новых больших рекордов я должен был вместе с силой менять отношение к традициям. Большой атлет в тренировках и отношении к результатам должен быть своего рода еретиком.

Понадобилось время, пока я научился искусству притирки к рекордам. Я

считал себя свободным от сомнений, гордился, а инстинкт самосохранения, то бишь страх, видоизменялся, скрываясь в сознании под другими, непохожими образами. Я упоминал о том, как это сказалось на судьбе Шемански. Первый мастер толчка в начале 50-х годов, подлинный маэстро техники, он так и не сумел стать таковым после травмы. Это и отняло у него победы, а он приближался к ним. На себе испытал, как близко...

Глава 40.

Я выиграл чемпионат СССР в Ленинграде при собственном весе 119,1 кг. Второе место при собственном весе 119,4 кг занял Медведев, отстав в сумме троеборья на 20 кг. На третьем месте закрепился Вилькович с суммой 462,5 кг.

После второго поражения от меня на чемпионате страны Медведев согнал вес и попытался работать в первой тяжелой весовой категории. (Новую категорию ввели в стране с 1961 года.) Дело не пошло.

Последнее ответственное выступление Медведева (снова в старой весовой категории - втором тяжелом)- чемпионат ЦС ДСО "Труд" 18 ноября 1963 года - 460 кг. По итогам того года он оказался пятым в СССР с суммой 482,5 кг (155+145+182,5), собранной на чемпионате страны - III Спартакиаде народов СССР 1963 года.

В те же годы Алексей Сидорович приступил к кандидатской диссертации по основам тренировки, надолго и часто наезжал ко мне в зал. Ни свои методы, ни слабости, ни планы я не таил. Для будущего тренера, соперника это было многовато. Можно было строить план осады моих результатов с учетом всех обстоятельств.

Спортивная слава.

В ней всегда вкус горечи. Слава для спортсмена - это прежде всего необходимость ужесточения тренировки, необходимость нового уровня работы, ибо она отмечает лишь достигнутый порог умения и силы.

Слава в спорте может быть смыта в один день громовым успехом соперника. У писателя остается книга, у музыканта - ноты, у ученого - его формулы, у рабочего - машины, дома. У атлета - сила, отныне ненужная, ибо в своей чрезмерности она неприменима к обычной жизни. И выходит, огромная сила, физическое умение что-то делать, доведенное до виртуозности, совершенно непригодны для жизни, даже обременительны.

Через десять лет не всякий вспомнит прежде знаменитое имя. А суть не в обидах: стерт труд. Выступать в осознании этих чувств сложно; понять верно свое положение - еще сложнее;

думать справедливо далеко не всегда и не всем удается.

Поэтому я был и остаюсь противником участия подростков, тем более детей, в большом спорте. Что и почему - объяснять излишне, если учесть и общий характер физических нагрузок...

Глава 41.

Большой спорт привлекателен свободой действий, возможностью проявления инициативы, относительной независимостью в средствах и путях достижения задуманного. Это не может не воодушевлять.

Большой спорт привлекателен и тем, что в нем практически отсутствуют всякого рода люди, которые выдают себя за его приверженцев, не являясь таковыми по существу. Здесь в разной степени, но все одержимы общей страстью. Быть среди одержимых, разделять эту одержимость, служить ей - все это награждает светлым чувством общности, братства. Тут иступленность труда вызывает не удивление, но единственно желание понять ее направленность, организацию, приложимость и к своей тренировке.

Не все здесь строго соблюдают пост, но все готовы на любые испытания. Здесь никто и никогда не зовет к труду - здесь удерживают от чрезмерного увлечения трудом. Здесь понимают друг друга по жесту, колонке цифр в записи тренировки. И мне всегда казалось лишним, когда в управленческом аппарате появлялись новые должности, отделы, разбухали штаты, а это никак не изменяло наш труд. Дармоеды плодились, как крысы...

Глава 42.

Подражание - это ранняя, младенческая стадия творчества, точнее - его рождение. "Каждый большой художник должен создавать свои формы", - я вспоминал эти слова Льва Толстого всякий раз, наблюдая тренировки по-настоящему крупных атлетов. Везде этот принцип выявлял свою правоту, однако с незначительной поправкой: талант, сознавая себя, должен действовать в границах своих возможностей.

Для самого спортсмена тренировки - это процесс бесконечного обновления и преобразования. В этом их притягательность.

"Я верю в необходимость регулярной работы и никогда не жду вдохновения"- это правило Джека Лондона отвечает и отвечало моим взглядам на организацию работы вообще. Если бы я считался со своим состоянием, тем более настроением, я не прошел бы и части пути. Даже больше того, усталость и настроение от усталости являлись ведущим настроением тренировок. Да и быть иначе не могло. Все время шла проба организма на прочность.

Большой спорт отнимает все больше и больше энергии, предъявляет права на всю энергию. Спортсмен из разряда первых лишь поспевает отвечать на требования борьбы. Все меньше остается сил на другую жизнь...

И еще: победить великого атлета вовсе не означает перешагнуть через него как человека. Эта истина действует в спорте неумолимо. Перед ней пасуют самые впечатляющие рекорды. Всегда за всем стоит человек. И одолеть его, усмирить его победы, стереть память о нем не удастся подчас и самой громадной силе...

Глава 43.

Неудачи. Опрокидывание неудачами. Живучесть... "Поступай всегда так, чтобы твое поведение могло стать всеобщим законом",- советовал Кант. Его рекомендацию почти дословно заново сформулировал через сто лет Лев Толстой. Счастлив, кто добивается такого единства поступков и чувств. И еще Канту принадлежит мысль о том, что нельзя превращать в средство тех, у кого есть свободная и разумная воля. Люди так радовались моим победам! Я получал столько свидетельств в уважении!

И я работал с упоением. Нет чувства слаще, чем твоя нужность всем. И трудно одинокому человеку сохранять в здоровье и равновесии все свои чувства и цели.

Высшая из сил, которая возвышает человека над обыденностью и эгоизмом интересов,- убежденность, то есть идеал или идеалы. "...Атеизм, уничтожая теологическое нечто, стоящее над человеком, не уничтожает тем самым моральной инстанции, над ним стоящей. Моральное высшее, стоящее над ним, есть идеал..." (Фейербах Л. Избр. философ, произв. М., Политиздат, 1955, т. 2. С. 609). А идеал не есть нечто мертвое, всасываемое бездумно,

наподобие церковного догмата: верую, не разумея. Разумение места, направление движения, борьба за идеал и есть та настоящая жизнь. Животное в человеке преодолевается идеалом, убежденностью. Слепой, бездумный идеал - то же животное состояние.

"Впрочем, мне ненавистно все, что увеличивает мои познания, не призывая меня вместе к деятельности, не переходя непосредственно в жизнь" (Гёте). Отрыв знаний от жизни, обманные идеалы, преследование выгод - это уже болезнь духа. Спорт по-своему подводил меня к осознанию этих в общем-то несложных и давно изжеванных истин. Но так устроено: каждый все для себя заново открывает...

Да, убеждения доказывают. Для того жизнь.

Глава 44.

Первые из известных историкам Олимпийские игры были проведены в 776 году до н. э. Имя первого олимпийского чемпиона Корэб.

"В 146 году до н. э. начинается римский период в истории Олимпийских игр древности. Греция превращается в римскую провинцию... Значение Игр падает, сужается круг участников..."

Многотысячный список имен победителей Игр древности завершает варвар Вараздет, который вышел победителем в состязаниях по кулачному бою на 291-х Олимпийских играх (385 г. нашей эры). А в 393 году нашей эры император Феодосий издал в Милане эдикт о прекращении Олимпийских игр.

Игры были общим своеобразным центром эллинского мира, своего рода общегреческим конгрессом, слетом. Они облегчали переговоры между представителями различных древнегреческих полисов, способствовали установлению взаимопонимания и связей между государствами, культурному единению эллинов. Олимпийские игры благоприятствовали росту искусства, особенно скульптуры и поэзии...

В гонках на колесницах участвовал Филипп Македонский. Победителем Олимпиады в кулачном бою был философ и математик Пифагор. Философ Платон побеждал на Истмийских и Пифийских играх. На Олимпийских играх присутствовали также философы Сократ и Аристотель... оратор Демосфен, писатель Лукиан..." (Соболев П. Олимпия. Афины. Рим. М., Физкультура и спорт, 1960. С. 25).

В короткой программе I Олимпийских игр 1896 года в Афинах тяжелая атлетика как древнейший из видов спорта - на своем законном месте. В турнире тяжелоатлетов первенствует шотландец Лаунсестон Эллиот и датчанин Вигго Йенсен.

Однако на Играх 1900 года в Париже тяжелая атлетика вычеркнута из программы соревнований. Но на популярности тяжелой атлетики это никак не сказалось.

На III Олимпийских играх 1904 года в Сент-Луисе турнир "железнодорожников" возобновляется. Золотые медали - у американца Оскара Пола Остхоффа и грека Пе-рикласа Какоузиса.

На так называемых внеочередных Олимпийских играх 1906 года доказательства в первой силе за греком Димитросом Тофайлосом и австрийцем Иосифом Штейнбахом.

Затем наступает период отступничества Международного олимпийского комитета: до 1920 года организаторы Игр пренебрегают турнирами "железнодорожников". Их нет в программах Игр. Однако это время расцвета профессиональной силы и рекордов. Плеяда великих атлетов-Артур Хённиг (Саксон), Ян Краузе, Вильгельм Тюрк, Пьер Бонн, И. Триа, Иосиф Штейнбах, братья Дериац, Г. Ронди, И. Графль, К. Мерке, Сергей Елисеев, Евгений Сандова (настоящее имя - Карл Фредерик Мюллер), Карл Свобода (в ту пору уже не выступали с демонстрацией силы Луи Сир и Георг Гаккеншмидт).

Из этой плеяды славных поднять самый тяжелый вес над головой удалось Карлу Свободе (этот рекорд в пределах 192,5 и 195 кг-в "точных" данных разночтение). Зато в других упражнениях атлеты из названных столбили результаты, кои тоже являются высшими проявлениями силы.

Турниры тяжелоатлетов возобновляются и продолжаются без перерывов лишь с VII Олимпийских игр 1920 года в Антверпене. Первый на Играх среди атлетов тяжелого веса - итальянец Филиппе Боттино. Атлеты соревновались в троеборье, но это не троеборье, узаконенное позже. Сумма Боттино-270 кг (70+85+115).

В данной работе речь о преемственности высшей силы. Поэтому не названы победители в других весовых категориях. Чемпионы Игр уступают профессионалам в силе, но до определенного времени. Уже Норберт Шемански и Пол Эндерсон выдают в классических упражнениях поистине наивысшую силу. Для этого, однако, олимпийскому движению надлежало

одолеть путь в тридцать лет, хотя в ряде специальных упражнений рекорды великих конца XIX и начала XX столетия в неприкосновенности и донныне. Но это не относится, к высшей силе - толчковому упражнению, ибо только здесь поднимается самый большой вес.

В Олимпийском музее хранится, пожалуй, самый древний из "рекордов"-гантель в форме продолговатого, грубо обтесанного камня с мелким углублением посредине для хвата. На гантели (ее вес 143 кг) вырублены письмена: "Вывон поднял его над головой одной рукой". Как поднял, к сожалению, не указано. Но результат, если таковой был, замечателен!

В канун VII Олимпийских игр, летом 1920 года, создается Международная федерация тяжелой атлетики (ФИХ) - так начинается официальная история древнейшего вида спорта.

Чемпион Олимпийских игр 1924 года в Париже - снова итальянец - Джузеппе Тонани. Его сумма в пятиборье-517,5 кг. По движениям: рывок одной рукой- 80 кг, толчок одной рукой - 95, рывок двумя руками - 100, жим двумя руками - 112,5, толчок двумя руками - 130 кг. Рывок одной и толчок одной разрешалось выполнять любой из рук.

В Амстердаме на IX Олимпийских играх 1928 года торжествует немец Йозеф Штрассбергер с суммой троеборья 372,5 кг (122,5+107,5+142,5). Это уже наше, современное троеборье, то есть жим двумя руками, рывок двумя руками, толчок двумя руками. Предпочтение троеборья перед пятиборьем породили сугубо практические нужды. Турнир по системе пятиборья сводят ради экономии времени к троеборью. Однако национальные чемпионаты согласно решению Международной федерации тяжелой атлетики по-прежнему следуют по традиционному пятиборью. Надо отдать должное силовой выносливости атлетов-пятиборцев. Какой же длительности соревнования! Каковы физические затраты! А тренировки! Какое многообразие подсобных упражнений! И ведь каждое из упражнений пятиборья требует своих вспомогательных упражнений, своей крепкости мышц, своего навыка! Пять классических упражнений! Пять разных направлений тренировки!

На X Олимпийских играх 1932 года в Лос-Анджелесе немец Йозеф Штрассбергер и чех Ярослав Скобла меняются местами. Теперь на третьем (как Скобла в 1928 году) - Штрассбергер, зато на первом - Скобла. У чеха сумма троеборья - 380 кг (112,5+115+152,5).

XI Олимпийские игры 1936 года в Берлине. В победителях немец Йозеф Мангер, сумма троеборья - 410 кг (132,5+122,5+155). В толчковом упражнении увеличение результата за четыре года всего на 2,5 кг. Правда,

блеснул толчком бронзовый призер эстонец Арнольд Лухаэр - 165 кг! Но еще далеко любителям до лучших результатов профессионалов в данном движении.

Время XII и XIII Олимпийских игр выпало на 1940 и 1944 годы. Из-за войны Игры невозможны, но согласно уставу им присваивается нумерация, будто они имели место.

XIV Олимпийские игры 1948 года в Лондоне. У атлетов тяжелого веса в самых сильных - двадцатисемилетний американец Джон Дэвис - 452,5 кг (137,5+137,5+177,5). Продвижение в толчке и определяет новую сумму.

XV Олимпийские игры 1952 года в Хельсинки. Впереди снова американец Джон Дэвис - 460 кг (150+145+165). В самих цифрах усталость атлета. Сказывается спортивный возраст. И еще этот казус - чемпион Игр в полутяжелом весе Норберт Шемански фиксирует в толчке 177,5 кг. Абсолютная сила не за атлетом тяжелого веса!

XVI Олимпийские игры в Мельбурне. Коронуется американец Пол Эндерсон-500 кг (167,5+145+187,5).

В Токио на XVIII Олимпийских играх 1964 года Умберто Сельветти говорил мне о своей серебряной медали в Мельбурне. Досажен проигрыш по весу при равных суммах (с Эндерсоном конечный результат одинаков), досадно судейство центрального арбитра из США, досажен итог борьбы еще и оттого, что соперник был надломлен и растерян.

Мы стояли в обнимку с Умберто. Что случилось с его необъятной грудиной, ручищами, плечами? Обвислые мышцы, безвольный живот. Лицо отечное, с мешками под глазами. Не верилось, что Умберто всего на три года старше меня.

Не знаю, почему так радовался Сельветти. Он заставил своего товарища много фотографировать. Улыбался. Опять мял меня за плечи. Через несколько дней вызвал меня из корпуса, где размещалась наша делегация, передал на память фотографии, тогда и разговорились. Опять поразила его болезненность. Не усталость, а какой-то внутренний недуг, надлом. Он радовался встрече. Обнимал, смотрел в глаза - глаза не лгали, светились искренностью...

А после Мельбурна - XVII Олимпийские игры в Риме! Мое испытание!

Глава 45.

Из письма историка тяжелой атлетики М. Л. Аптекаря автору:

"...Лаунсестон Эллиот родился осенью 1874 года в Индии. Он не англичанин, а шотландец (и по отцу, и по матери). В Англии поселился лишь тридцати лет и ненадолго (когда победа на Афинской олимпиаде была уже лишь далеким юношеским воспоминанием). В 1896 году в Афинах в дни Олимпийских игр ему было 22 года, он весил 98 кг при росте 185 см, имел бицепсы по 45 см и объем груди 134 см...

Олимпийский турнир атлетов проходил в Афинах отдельно по двум упражнениям. Определялись два чемпиона: по подъему штанги одной рукой любым способом и подъему штанги двумя руками любым способом...

На Олимпийские игры в Афины известные атлеты тех лет из Европы и Америки не приехали. Это и позволило сравнительно слабым англичанам, датчанам и грекам разыграть призовые места. Значимость и важность Олимпийских игр пришли значительно позже. Германия послала в Афины борцов, гимнастов, бегунов, метателей и велосипедистов, а чемпион Европы по поднятию тяжестей (только так тогда и до начала 50-х годов именовали тяжелую атлетику) баварец Ганс Бек варил в Мюнхене пиво. Знаменитые венцы из "Клуба кучеров" Тюрк, Биндер и старик Штэр легко расправились бы на разминке с рекордами афинских победителей. Русские атлеты из команды доктора Краевского в отсутствие венцев и баварцев тоже бы без труда их победили.

Спортсмены Америки добились успеха во многих видах олимпийской программы, но в конкурсе силачей являлись только зрителями. Великий атлет канадец Луи Сир таскал в Оттаве пьяниц по домам (он был полицейским). Про чемпионат в Афинах он узнал из газетного репортажа через месяц после Игр.

Протокольные материалы о состязаниях по поднятию тяжестей на Играх I Олимпиады у разных авторов разные. Наибольшего доверия заслуживает серьезная справочная книга венгра Ференца Мёзе (историк олимпийского движения, автор работы "Современные олимпийские игры".- Ю. В.). Но и он к штанге отнесся с меньшим вниманием, чем к другим видам программы. У него много путаницы в подсчетах, распределении мест, противоречий на разных страницах. Я перерыл кучи бумаг, скрестил протоколы нескольких очень серьезных авторов начала века и теперь свидетельствую своими данными (сверенными по афинскому историку, греку, профессору Политису - данные киевского журналиста Гомолацкого - "Русский спорт", № 19, 11 мая 1914 года).

Афины, Игры I Олимпиады нового времени. Поднятие тяжестей. Восемь участников от пяти стран. Без взвешивания участников.

Распределение мест в поднятии тяжестей одной рукой:

1. Лаунсестон Эллиот (Великобритания)-71 кг;
2. Вигго Йенсен (Дания) - 57,2 кг;
3. Александрос Николопулос (Греция) -57,2 кг.

Распределение мест в поднятии тяжестей двумя руками:

1. Вигго Йенсен (Дания) - 111,5 кг;
2. Лаунсестон Эллиот (Великобритания) - 111,5 кг;
3. Сатириос Версис (Греция) - 110 кг.

Недомолвок пока много. Неясно, почему при равном подъеме двумя руками предпочтение отдано датчанину...

В журнале "Русский спорт" №50, от 16 октября 1911 года на шестой странице Чаплинский пишет о том, что Лаунсестон на тех же Играх занял второе место по борьбе. Но Мёзе приводит лишь три места в соревнованиях между победителями весовых категорий, вообще не упоминая Лаунсестона. Кстати, по Мёзе, Лаунсестон - это имя, а не фамилия... Интересно отметить, что грек Сатириос занял на Играх еще и третье место по метанию диска - 27 м 78 см, а Йенсен, кроме толчка двумя, отличился и в стрельбе из револьвера - получил второе место (30 выстрелов на 30 м).

После победы в Афинах Лаунсестон больше не прославился спортивными успехами. Он стал цирковым актером - демонстрировал античные пластические позы. Величественная осанка, мягкая, лоснящаяся мускулатура, изящные телодвижения обеспечивали ему кассовый сбор, уважение антрепренеров и популярность партера и галерки. Его дочь Нэнси Мед свидетельствует, что Эллиот до последнего дня жизни не расставался с гириями, несмотря на то, что непомерно прибавил в весе. Накануне смерти он достиг 300 фунтов, то есть 140 кг. Он умер в 1930 году в возрасте 56 лет от раковой опухоли на позвоночнике.

Игры III Олимпиады 1904 года в Сент-Луисе.

Программа соревнований по поднятию тяжестей идентична 1896 году.

Путанны и противоречивы протокольные данные венгра Мёзе, финна Ньюберга, англичанина Кларка, итальянца Паретто - у всех разные цифры. Видимо, победа присуждалась не по килограммам, а по очкам за неоднократное поднимание стандартного (одного веса) снаряда с оценкой судьями по балльной системе. Но это мое мнение. Вызывают сомнение и данные по справочнику Мёзе: неужели Остхофф двумя руками поднял меньше, чем одной (86,7 и 84,5 кг?!), а здоровяк Канглер, занявший на этих же Играх второе место по борьбе в тяжелом весе, не сумел двумя руками поднять больше 68 кг? Видимо, все же это очки, а не килограммы, как считает по неведению Мёзе.

Победители Игр-Оскар Остхофф (США) и Перик-лес Какоузис (Греция).

Внеочередные юбилейные Игры проведены в Афинах в 1906 году 2-22 мая. МОК их не признал. Путаница в протокольных цифрах у тех же авторов опять несусветная. Чаплинский утверждает, что Штейнбах протолкал дважды с груди огромный по тем временам вес - 10 пудов 22 фунта, то есть 172,8 кг. Дядя Ваня (И. В. Лебедев, выдающийся атлет и спортивный деятель) считает первым грека Тофайлоса: толчок двумя 355 фунтов, то есть 145,4 кг. Наиболее серьезен Ирвинг Кларк.

Поднятие веса одной рукой:

1. Йозеф Штейнбах (Австрия) - 76,5 кг;
2. Тулиа Камилотти (Италия) - 73 кг;
- 3-4. Генрих Шнайдерайт (Германия), Генрих Ронди (Германия) -70,5 кг.

Поднятие веса двумя руками:

1. Димитрос Тофайлос (Греция) - 142,5 кг;
2. Йозеф Штейнбах (Австрия) - 134,7 кг;
- 3-4-5. Александр Масполи (Франция), Генрих Ронди (Германия) и Генрих Шнайдерайт (Германия) - 129,7 кг.

Поднимали шаровую штангу. На концах невращающегося грифа - полые шары, куда для веса насыпалась охотничья дробь, а Тофайлосу еще и металлические пластинки подвесили. Соревновались прямо на земле. 1920 год, Игры VII Олимпиады, Антверпен. Программа - рывок одной рукой,

толчок - противоположной и толчок двумя.

Штанга была "допущена" в программу Игр как неофициальный, условный вид. Жим и рывок двумя были исключены из программы из-за опошления, неэтичности исполнения этих упражнений. Следует вообще осторожно относиться к цифрам Мёзе...

Протокол я сверил с дипломами Нейланда и Шмидта во время чемпионата СССР в Таллинне в декабре 1962 года. Тогда оба еще были в здравии. Почти одновременно с турниром в Антверпене немцы и австрийцы организовали чемпионат мира в Вене. Их ведь в 1920 году не допустили на Игры. В Вене было пятиборье, а результаты всех в "антверпенских движениях" - выше олимпийских чемпионов. Особенно у немецкого тяжеловеса Карла Мерке.

Пятиборье включалось в программу национальных чемпионатов до начала 30-х годов. В СССР последний раз проведено в Москве в 1935 году 22-24 июня в заводском Дворце физкультуры (ныне-"Крылышки"). Проводились в два и три дня. Все дни взвешивания проводились вновь. Если прибавлялся лишний вес (или убывал), то участника снимали с соревнований. Я сам участвовал еще в 1937 году на первенстве Московской области по программе пятиборья. Рекорды в пятиборье фиксировались до конца 30-х годов, а в упражнениях на одну руку мировые и СССР - до середины 50-х годов.

Следует понять и еще следующую деталь. Еще в 1935 году в таблицах мировых и национальных рекордов фиксировались семь упражнений: рывок левой и правой, толчок левой и правой, а двумя руками - жим, рывок и толчок...

Лишь когда Мангер 5 декабря 1935 года перешагнул 400 кг, - это настолько потрясло планету, что задним числом начали восстанавливать суммарные достижения, начиная с Игр 1928 года в Амстердаме, и тоже называть рекордами. (В этот год и день угадал родиться и я.- Ю. В.)

Первым президентом ФИХ стал ее основатель (вернее, восстановитель) и пламенный поклонник силы, близкий друг Кубертена француз Жюль Россе. Он возглавлял ФИХ со дня ее основания - с 1920 по 1937 год, а потом с 1946 по 1952 год. Умер он не столь давно - 18 марта 1973 года на 97-м году жизни. Похоронен в местечке Мессане (Бретань). Дочь хранит его бумаги.

Еще: в начале января 1936-го Пшеничка в Праге сделал 407,5 кг, перекрыв мировую сумму Мангера 405. Рекорд официально не признали, но 15 января в Нюрнберге Мангер ответил-тоже 407,5 (130+120+157,5) при официальных судьях и эмиссаре ФИХ.

5 августа в присутствии бесноватого фюрера Мангер закрыл олимпийский турнир атлетов рекордной суммой - 410 (132,5+122,5+155). Немцы возликовали-самый сильный у них!

Тогда французы жмут на объявившего себя сильнейшим человеком мира профессионала Ригуло. За крупный гонорар Ригуло, имея уже десяток лет профессиональной работы под гримом, в Трокадеро "поднял" престиж нации-он сделал 5 октября $110+130+175=415$ плюс рекордный толчок. Все это шло под грохот шовинизма в обстановке националистических выпадов. Не признавшего профессиональный рекорд Ригуло президента ФИХ Жюля Россе сами французы помогают убрать с поста...

В Лондоне самый легкий из рекордсменов тяжелого веса (рывок 135 кг) Вальтер Уоккер при весе 89 кг сделал "свое" рекордное троеборье- $120+137,5+172,5=430$. Это было так: рывок двумя и два толчка двумя - швунг с двух закатов на грудь... Однако впечатляюще!

В 1937 году Мангер оторвался от всех: 420 кг на чемпионате мира в Париже 12 сентября и 425 кг в Бамберге на чемпионате Германии 15 октября. Через год он на первенстве Германии 10 октября собрал $142,5+130+162,5=435$ кг.

У нас сделали вид, что ничего не знают, и 30 декабря - шум во всех газетах: Серго Амбарцумян сдержал слово, данное товарищу Сталину,- на 8 кг 500 г побил рекорд фашиста!

С 30 декабря мировая абсолютная сумма - 433,55 (136,05+130+167,5).

Так завершился, в грохоте тяжелоатлетических рекордов, 1938 год..."

Глава 46.

К Олимпийским играм команда брала силу в два захода. С середины июня и до середины июля - в Леселидзе, между Сочи и Гагрой. И после трехдневного перерыва - на Рижском взморье. В Майори - почти до конца третьей недели августа.

Нерв тренировок горячел с каждой неделей. Из разных стран заносчиво возвещали о домогательствах новых и новых результатов. Сенсации неизвестных имен и скачки рекордов вызывали тревогу и споры о победных цифрах в Риме. Однако я как-то утратил обязательную для таких дней озабоченность. Может быть, оттого что упражнения с тяжестями доставляли

в этот раз удовольствие из неиспытанных - безнатурное, как бы шутовское овладение весами.

Почти не было тренировок без захвата новых килограммов во вспомогательных упражнениях. Со стороны можно было подумать, будто я не прихлопываю атлетические пределы, а дурачусь. Выдуманы все тяжести, выдуманы! И рекорды я не сворачиваю на взбешенных мышцах, нет! Я околпачиваю штангу! Разве это азартная игра? Веселое приручение "железа"!

От зала до моря триста метров. Я раздвигал воду еще с грузом "железа" в суставах и мышцах. Рывками посылал себя дальше от берега. Постепенно гаснул звон "железа" - с головы до пят уходил этим звоном. Распрягал мышцы, отдавая усталость. Покато, гладко натягивала зыбь воду.

"Ах, если задохнуться, кому из нас утеша, уж лучше задыхаться от радостного смеха!.."

Разве там, в зале, это всерьез? Разве та забава имеет значение смысла?.. Я был противоречив. Наверное, остаюсь таким. Я высмеивал то, что любил.

Тренировочные нагрузки проигрывали партию. Я верно вел свою. Вычеркнуты фальшивые ноты...

Я оглядывался - прозрачный нахлест прибоя замывал следы. Напрасно. Все равно я уносил память - смуглость от солнца. И еще выбеленность волос. И от моря - беловатую припорошь соли...

Я ни разу не испытал тупости утомления. Тренировки собирались естественно, без принуждения. Грубовато, ласково встречала утрами штанга. Я прочищал гриф тряпкой - от пота чужих ладоней. У меня был любимый гриф: упругий, отзывчивый на подрыв. Я мог ему многое открыть, и он не молчал: я уже научился смыкать себя с упругостью штанги. На едином колебании слиться в усилия. И затем раскрыться в ударе всех мышц. Нет, не раскрыться, не распахнуться - войти в строй тяжестей...

Мой мир!..

Я набирал форму в ощущении непочатости запаса. Все срывы - от усталости, я тянул двойной воз: вот прошлое. Да, да, срывы не от неопытности - от усталости! Всегда от усталости. В опасениях оказаться слабее соперников я объедался "железом", в надежде побеждать я тоже объедался "железом". Но отныне и во все дни выше чувств - расчет!

В этих тренировках ничего не было от самоистязания. Все в жадной ненасытности, в охоту, в веселую, но торжественную молитву Силе.

В мальчишских забавах меня обычно подводило дыхание. Не хватало его и в борцовском зале, на ринге, на лыжне. Виною, наверное, моя плотность. Я вышел из суворовского училища семнадцати лет, при росте 187 см и весе под 90 кг. Однако вес не замечался. И когда я весил 110 кг, мне давали 90 кг. И когда, замускулясь по-мужски, скорее даже атлетически, потянул 120 кг, упорно давали 100 кг. Только покуда я не снимал одежду...

От весовой плотности зависит выносливость. Поэтому с 1961 года мы ввели кроссы. Как правило, километра на три, с частыми отключениями на скорую ходьбу. В итоге, обогащаясь, общая выносливость переносилась на специальную, то есть работу с тяжестями.

Глава 47.

...Но город с фантастическим именем - Рим! Каков он? Неужто увижу? Как же так, проба результатов, озорство силы - и вдруг это все проложило дорогу в сказочный город? Несерьезное оборачивалось полной неожиданностью, и еще такой серьезной!

Рим, Рим...

Спортивные страсти брали свое.

В интервью корреспонденту "Экип" Хоффман заявил:

"Русские становятся нашими самыми опасными соперниками. Но из Рима мы уедем непобежденными. Если в Варшаве мы завоевали один титул, то теперь возьмем три... В этом году мы отправим в Рим самую большую и сильную команду".

Где, в каких весовых категориях будут взяты эти три медали из семи? В Варшаве Хоффман толковал о четырех золотых медалях. Осторожничает...

Рим - разве там интересно толковать о килограммах, цифрах? Сколько увижу! Как славно, когда люди могут встречаться с прекрасным! Без ограничений находить прекрасное. Как естественно это право! А люди, люди! Сами люди...

Глава 48.

Я пренебрегал расслаблениями и много плавал, очень много. Обычно это ухудшает способность мышц "переваривать железо". Я хорошо держусь на воде. До увлечения штангой уплывал от берега часа на три-четыре.

И очень любил нырять. А то брал камни и опускался с ними. Раскол воды, игра света, водоросли очаровывали. Солнце, самое прямое, палящее, я сносил легко. Наверное, из-за материнской крови. Мама из коренных кубанских казачек. От нее унаследовал привычку к солнцу и труду. Тяжелые трудом руки мамы...

Я закончил академию, был свободен - и организм сразу отозвался силой. В те месяцы я забросил литературные опыты и вообще всякий иной труд - только игра с "железом". Еще раз в жизни я так долго и освобождение готовился к соревнованиям летом 1964 года - к Играм в Токио, но тогда подобный режим оказался вынужденным. С апреля 1964 года у меня установилась температура 37,5 градуса - повышалась, понижалась, но нормальной не бывала. Анализы ничего не выявили. Тренироваться с температурой - казалось, к штанге подбавили диски: исходил потом, скорой усталостью и был отравлен нежеланием двигаться. Я едва тащил ноги из зала, даже после тренировки-разминки - она необходима в чередке больших и средних нагрузок.

С температурой отработал и на чемпионате Европы 1964 года. Я горел не обычным возбуждением - калил дополнительный, высокий градус. Но к тому времени я уже приспособился выступать в любом состоянии.

Врачи "назначили" диагноз: нечто вроде неврогенной лихорадки. Я просыпался в мыле: свалянные, мокрые простыни. Затем отвращение к еде. На тренировках вялый, влажный. И озноб. Постоянный озноб. А мне в ответ одно и то же: температура неврогенного порядка.

Так и "проневрогенился" я май, июнь, июль... Проволокли меня эти месяцы полуживым по вздернуто-обязательным предолимпийским нагрузкам. В залах мордовал ледящий озноб. Порой и недоставало на подмену сухих рубах. И скидывал не рубахи, а какие-то тряпки, хоть выжимай.

В августе температура благополучно спустилась к нормальной. И я снова услышал авторитетное врачебное:

отдохнул, вот и выздоровел. А я не отдыхал! Я вообще не ведал об этом с тех пор, как понес звание сильнейшего. В этом была моя сила и моя слабость. Выше всего - необходимость победы, наступление результатами.

Организовать тренировки иначе я не мог. Исключить литературную практику? Ведь будущее при всех самых громких победах всегда одно и то же - выпадение из спорта, другая жизнь. А эта другая жизнь еще не была мной подготовлена. И я изо всех сил старался соединить несоединимое - тренировки высокого уровня и расход энергии в освоении будущей профессии. Это буквально стирало меня, но я не видел других путей.

Я и не просветился бы насчет той самой "неврогении", не будь необходимости в рентгеновском осмотре при увольнении из армии несколько лет спустя. На легком объявились спайки. Откуда, почему? Ведь отроду не водились. Ответ гласил: вы на ногах выбаливали воспаление легких и сухой плеврит. И все сразу прояснилось. В зале нагорячен. Сквозняки - кому до них забота. Конвейер силы. А за плечами десятилетие тренировок.

Вообще 1964 год приналег бедами. Неожиданно захворала маленькая дочь, а я должен выхаживать свои болезни и утрамбовывать силой мышцы! Газеты нахваливали мою силу. Брал разбег к победе Жаботинский. Я понимал: Москва слезам не верит. Я носил улыбку счастья, раздавал автографы и барабанил общеобязательные слова-штампы во все микрофоны, а чувство такое, будто признаю правоту: "Каждый, знаете, сам - свой дьявол, каждый-ад свой создавал..." (Беранже). И все же...

Глава 49.

В Майори основательно потяжелели штанги. Что ни тренировка, кто-то сокрушает рекорд, а это обычно рекорд страны или мира. На сборах работали два состава. Все метили в первый, несмотря на то что его, в общем-то, определил чемпионат СССР. Однако прикидки угрожали износом силы, преждевременным расходом сил. Тренерам не всегда удавалось сдерживать нас...

Команда тренировалась в зале юношеской спортивной школы. Старшим тренером, как всегда, был Яков Григорьевич Куценко, тренерами - Николай Иванович Шатов, Александр Иванович Божко, Сурен Петрович Богдасаров. За здоровье сборной отвечал врач Марк Борисович Казаков.

В месяцы интенсивных тренировок спортсмены раздражительны и склонны к выходкам. Но мы не переносили соперничество на личные отношения. То были месяцы корректной, дружеской работы.

Вообще череда больших нагрузок действует изнуряюще, если не физически,

то нервно. И тогда вроде бы без видимых причин спортсмен способен на совершенно неожиданные поступки. Эта готовность сорваться всегда тлеет в больших спортсменах, особенно в канун соревнований,- нагрузки изнашивают нервную систему.

В Майори пришло время и для моих прикидок.

29 июня я впервые выжал 185 кг! Повторение рекорда Эндерсона (без 500 г)! Кружочком и тремя восклицательными знаками отметил Богдасаров эту цифру в тренировочной тетради.

13 августа в зале рижского общества "Динамо" я утяжелил рекорд СССР в жиме. Вес 185 кг я пробовать поостерегся. Уверенности не было, а оставлять неудачу в памяти перед ответственным соревнованием опрометчиво.

16 августа я провел и генеральную прикидку. В жиме взял чисто, "под хлопок", 180 и 185 кг-оба результата превышали рекорд СССР. В рывке поднял 155 кг (фактическое повторение мирового рекорда) и затем 160, однако мазнул коленом по помосту, то есть нарушил правила. Но сам по себе вес был поднят свободно. И шутка ли - почти на пять килограммов оказался увесистей рекорда мира!

В толчковом упражнении я наконец обратился с 200 кг! Взял необыкновенно легко. И сумма сложилась по тем временам ошеломляющая: чистая - 540 кг, с нарушением правила в рывке - 545! А ведь на соревнованиях атлет обычно показывает результаты гораздо более высокие, чем в тренировках! Каков же тогда запас!

И сам вес 200 кг! Тогда он представлялся чем-то сказочным, нереальным-..

В потрясении от прикидки и особенно толчка знаменитый старый атлет Ян Юрьевич Спарре вместо обычной присказки "ельки-пальки" (он говорил с акцентом) закрыл лицо руками, заплакал и вышел из зала. Это были те самые 200 кг, о которых мечтали поколения атлетов и подступы к которым столь впечатляюще атаковал Карл Свобода в канун первой мировой войны. До сих пор никто их не поднимал в официальных чемпионатах. Ни один судейский протокол не хранил заветные цифры...

Заведующий кафедрой теории и методики физического воспитания Московского института физической культуры и спорта Александр Дмитриевич Новиков в волнении выкрикнул: "Талант! Величайший талант!" И, уже позабыв обо мне, прибавил: "Но интеллект преобладает!" Я так и не сообразил, что досказка выделяла: недостаток моей силы, ненадежность, возбудимость или своеобразие методики.

Какая тут тренировка! Все загалдели. На лицах- блаженство. И одновременно - оцепенение, нечто близкое к шоку. Вон, на грифе, 200 кг, еще не тронуты диски.

А сумма?

Я ощущал запас на новые результаты, и эти уже не мнились особенными. Да разве могут быть особенными килограммы, которые так стройно, без боли и усталости пропустили мышцы? А 200 кг - теперь им некуда деться!

Этот результат настолько поражал воображение, что, когда я спустя несколько недель показал его официально - на Олимпийских играх, сообщение о нем и кинограмма были наспех включены в книгу "День мира". Это была вторая книга из серии подобных книг, выпускаемых каждую четверть века. Первая книга "День мира" - о том, что произошло на Земле в пятницу, 27 сентября 1935 года,- была создана по инициативе Горького. Второй выпуск "Дня мира" запечатлел события вторника 27 сентября 1960 года. Мое спортивное достижение, несмотря на то что было показано на шестнадцать дней раньше, все равно оказалось на ее страницах в главе "Эхо Олимпиады".

Я не представлял, что отличной спортивной форме сопутствует ослабление защитных функций организма. Парадокс, но достоверный. В наивысшей спортивной форме спортсменов податлив болезням из-за ослабленности тренировками. Липнет всякая зараза. После я выдерживал перед соревнованиями специальный режим. Во всем - осторожность.

За несколько дней до отъезда я нарушил запрет тренера. Все холодное да холодное море! Окунусь на прощание! Сходили и не такие "ванны"... А наутро - воспаление среднего уха. Вода все-таки семь градусов. Выручили заушные инъекции пенициллина. В три дня вернули равновесие. Знал ли я, что эти инъекции не последние перед олимпийским помостом? И что перекачают мне лошадиные дозы пенициллина в Риме...

Накануне отъезда сборная избрала меня своим капитаном. Я почел это несправедливым. Кто я рядом с победами и рекордами Аркадия Воробьева? И я отказался в его пользу.

После Олимпийских игр в Риме я был бессменно капитаном сборной до 1965 года.

Глава 50.

Титул "самый сильный атлет" - за него упорнейший спор. Да и публика доказывает, в чем смысл соперничества. Зал может пустовать, но не в часы поединка самых сильных. Я выходил на такую пробу шесть раз (1959- 1964) - и всегда зал тучнел зрителями. Ни единого пустого места. И репортеры - полный сбор. И за кулисами не протолкнуться. Шагаешь на помост среди неприязни, восторга, шипения, притворства и одобрений...

И это не только на чемпионатах мира. Состязания сильнейших всегда нагребают публику и обнажают страсти. Усталость, боли, судейские штучки - не в счет. Отвечай высшей силой. Найди ее, вывернись ею, но выстой...

Везде и всюду ты должен сражаться за почетное звание, которым владеешь, отстаивать его от посягательств, а о нем мечтают и ждут твоей слабости, ждут. И настигают новой силой. Это - спорт!

Но я видел и другое - залы покоряет сила...

До сих пор Рим не проводил Олимпийских игр. В 1908 году Италия отказалась от этой чести. Теперь ждала нас, звала.

Итак, Рим!

Глава 51.

"Вот как это было,- вспоминает в очерке после возвращения из Рима старший тренер сборной Куценко.- ...Нет-нет да кто-нибудь из американских репортеров сообщал, будто среди прочих сюрпризов, которые готовятся в Йорке, вызревает, по намекам Гофмана, еще и некая тяжелоатлетическая "межконтинентальная бомба". О том, что в этих известиях была доля правды, мы узнали уже в Риме. Едва приехав в Италию, из сообщений, которые из уст в уста передавались итальянскими тренерами и журналистами, мы поняли, что американская команда, которая прибыла в Рим значительно раньше нас и проводила здесь тренировки "акклиматизационного" характера, помимо своих обычных фаворитов - Винчи, Бергера, Коно,- рассчитывает на огромный успех негра Брэдфорда. Да, именно Брэдфорд, тяжеловес, показавший на тренировках в Италии значительно превышавшую мировой рекорд сумму в 520 кг, и был "главным козырем" Гофмана..."

Мы приехали в Вилладжио Олимпико, когда американские атлеты уже

успели обжиться и в последний раз попытались силу. Но первое, что мы постарались узнать,- это где и когда нам выступать.

Первый день соревнований по тяжелой атлетике - 7 сентября. Атлетам тяжелого веса выступать в ночь с субботы на воскресенье - с 10 на 11 сентября. Место соревнований - "Палаццетто делло спорт" великого архитектора Нерви. Он первым применил арку без распора. Вот он, мой день!.. Вот она, сшибка в великой гонке.

Всех назовет своими именами великая гонка.

Мой мир. Мой!..

Глава 52.

Церемония открытия Игр - 25 августа.

К стадиону все делегации следовали пешком, но организованно, строем. Это был долгий путь, медленный, с остановками. Шли раскаленными улицами, затем, перед самым стадионом,- через Тибр, кажется, мостом Герцога Д'Аоста. Однако от приморенности зноим - ни следа. По тротуарам - толпы. Каких только флажков нет! И выкрики на всех языках. Но в памяти осел взволнованно-звучный глас: "Здорово, Русь!" Вырвался из-за голосов - неожиданный, счастливый...

И потом я понес знамя среди рева трибун и выкриков "Браво, Россия!" Мы шагали за командой Венгрии.

В ответственности нести знамя, отвечать за него я одеревенел. Нести знамя, как у нас на демонстрации? На плече? Упереть древко в живот, как большинство? А уже вот поле, аплодисменты! Я и захватил древко за самый кончик, а руку вытянул. Стадион дрогнул и заревел.

Знамя команды США держал негр Рафэри Джонсон, легкоатлет-десятиборец, хозяин отменного мирового рекорда. Мог ли кто предположить, что спустя неполных восемь лет, 4 июня 1968 года, на его глазах в кладовой гостиницы "Амбассадор" будет смертельно поражен в голову сенатор Роберт Кеннеди - брат застреленного в Далласе 22 ноября 1963 года президента США Джона Кеннеди? Рафэри Джонсон был телохранителем сенатора Роберта Кеннеди - кандидата в президенты США, вознамерившегося покарать, кроме всего прочего, и убийц брата...

"...Люди бегали, падали, вставали. Векер сгреб убийцу... пытаюсь вырвать у него револьвер. Вместе с Минасяном (Векер, Минасян-служащие отеля "Амбассадор". - Ю. В.) они прижали его к стальному кухонному столу. Но кулак убийцы словно окаменел, и восьмизарядный револьвер продолжал стрелять...

В этот момент через толпу прорвался огромный, почти двухметровый, негр, весящий 130 килограммов,- личный телохранитель Кеннеди, бывший профессиональный футболист Рузвельт Грайер,- и припечатал всех троих к столу своим мощным телом. Сверху навалились и другие, в том числе и второй телохранитель Кеннеди, бывший олимпийский чемпион в десятиборье Рафэри Джонсон. Он и подобрал револьвер...

А в центре этой сцены лежал упавший навзничь Роберт Кеннеди, 42 лет, разбросав руки в стороны и слегка подогнув ноги, временами открывая глаза..." (За рубежом, 1968, 5-11 июля. С. 23-24 (перепечатано из "Ньюсуик", Нью-Йорк).

Из приведенного отрывка видно, куда подаются бывшие чемпионы...

Но тогда еще сам Джон Кеннеди в здравии и благополучии завершал предвыборную кампанию против Ричарда Никсона. И в канотье, светлом форменном костюме беззаботно вышагивал Рафэри Джонсон. Советская команда промаршировала раньше и встала по соседству с командой Венгрии. Мы смогли наблюдать шествие многих команд... Разве наблюдать? По шеренгам имена знаменитых спортсменов: "Вот, вот! Да смотри!.." Да, вот они, аристократы побед! Могу увидеть каждого!..

То было время, когда я в каждого готов был влюбиться. Мне казалось, все люди несут добро. И все наши шаги-для добра. А любить- наше назначение. Мы пришли в этот мир для любви и для открытых чувств. Откуда скука? Ненависть? Подозрения? В обман я не верил, не понимал...

Председатель Организационного комитета Игр Андреотти приветствует спортсменов. За ним у микрофона осанистый президент Международного олимпийского комитета Брендедж, поодаль вельможи от спорта разных стран. Брендедж, состарившийся на своем посту, весьма прозаичным тоном предоставляет слово президенту Италии Гронки.

- Объявляю XVII Олимпийские игры, знаменующие XVII Олимпиаду современной эры, открытыми!

После призыва фанфар появляются восемь итальянских спортсменов с белым олимпийским стягом. Грохочет артиллерийский салют. Хор

исполняет олимпийский гимн - стяг уже на мачте. И тут же с факелом вбегает на стадион итальянский бегун Перис. Ударяют в колокола все церкви Рима. Шляпы, руки - все вскидывается в восторге к небу. В чаше бесцветно возгорается пламя. Что за восторг на трибунах - итальянские страсти! Слава! Слава!.. Наперекор реву стадиона - команда! И знаменосцы смыкаются в полукружье перед трибуной. Эта трибуна на поле. Мы прошли репетицию накануне и действуем дружно. Вот мы уже перед трибуной плечом к плечу. Все мы молоды и не разучены верить в обещания счастья. И мы верим во все, что его сулит,- это все на наших лицах. С трибуны звучат слова:

- От имени всех спортсменов я клянусь, что мы будем участвовать в этих Олимпийских играх, уважая и соблюдая правила, по которым они проводятся, в подлинно спортивном духе, за честь своей страны и во славу спорта...

Смотрю в упор на Рафэри Джонсона, почти не обращая внимания на Адольфо Консолини, дающего клятву от имени всех. Адольфо старается придать голосу значительность и басовитую рокотность, но у него это не получается. Я по солдатской выучке стою "смирно", но всюду стреляю глазами. Не знаю почему, но меня больше других интересовал тот, кому доверен флаг США. Стройный, даже скорее поджарый, Рафэри был невозмутим. Таким же бесстрастно-спокойным он выглядел и при прочих встречах. Говаривали, будто в Риме он стартует последний раз. Его ждут в Голливуде. Да, не предугадать ни ему, ни даже Голливуду, на какого рода съемки...

Рим. То были беспечностью овеванные Игры.

Игры, на которых не посылали пули снайперы, не страшились покушений и бомб. И нас оберегали лишь от неистовых болельщиков. Великих в победах называл каждый день. Не забывал никого, кто в божество возвел страсть к победе...

Рим. Он был распахнут всем.

Солнце дожигало дни итальянского лета. Оно обкорнало все тени. Какое-то солнечное безумие! Я впервые оказался в южных широтах. И это постоянство солнечных дней, немеркнущая голубизна, всякий раз после пробуждения встреча с солнцем воспринимались каким-то чудным подарком.

Наверное, причиной были молодость и классная спортивная форма - наивысшая физическая собранность. Тогда я опять, как в юности и детстве,

пережил ощущение необыкновенного единства с миром, землей, солнцем и всем, что есть наше бытие...

Каждый год я жду голубую освобожденность февральских дней. После мглы, ненастий этот омут голубых дней! Будто свидание с жизнью, обещание новых дней, новой молодости чувств. Это схождение с жизнью, ее изначальным чистым смыслом, схождение всех строф, совершенств музыки, холстов, воскрешение ребячьего оцепенения перед открытием дней...

Чувства богаче, сложнее слов. Лишь музыка владеет всеми их оттенками. Я стыдился, скрывал чувства. Они мнились слабостями. Лишь один на один я открывал ту спрятанность чувств в музыке. Я даже подавлял эти порывы, считал, что они от непригодности к испытаниям. И уже много позже уразумел, что сила чувствования - это и есть мощь сопротивления: его искренность, неразменность, верность... и выносливость движения. Ведь убежденность - единственно от разума, убежденность без чувств, нищета чувства - это болезнь...

Рим.

Иногда Пиньятти, иногда Марсано - знаток судейства на помосте (он отличался принципиальностью; как-то на моих глазах чересчур патриотически настроенная публика едва не избил его, а он продолжал врубать красный свет на прекрасно отработанный жульнический швунг вместо жима) - составляли мне компанию. Мы пропускали стаканчик-другой легкого вина. До выступления столько дней! А все так необыкновенно!

Это Марсано шутил: "Париж - город для развлечений, а Рим - для глаз". И повторял любимый тост: "Долой всех недовольных!" И запало в память его суждение о поговорках. Я назвал поговорки народной мудростью. Марсано возразил: "Поговорки? Есть поговорки - опыт злых и жадных".

Улицы ворочались избытком людей. Прохожие спускались с тротуаров в запруженность автомобилей - на шутки и ворчание водителей. Шведы, англичане, французы, немцы, римляне, канадцы... и совсем редко русские... Большой праздник. Искренний.

А газеты - слова, снимки! Я развлекался размерами выпусков и ворохами новостей. Ведь всему верят! Раз напечатано - верят!.. Сочинение зла представляется мне какой-то испорченностью природы, как и многое другое в профессии критика. А спорт? Ведь в срыве, неожиданных поворотах судьбы - свои причины. В них смысл неудачи. Однако, если есть понимание, как оправдать зло? Ведь зло - это желание боли, это рассчитанная боль, это

удар. Отнюдь не воспитание. Что значит воспитание - без учета существа события или явления?..

Я осознаю природу борьбы и критики. Но ведь должна быть и душа. Как явно это сочинение зла в прогляди газетных столбцов! И еще узость суждений! И все это поглощается читателями, становится правдой, травит истинную правду. Я диву давался, копаясь в газетах...

Я подружился с Рольфом Майером. Мы встречались в разных странах, бывал он и у меня в гостях. Майер выступал в полусредней весовой категории. Одно из его писем, относящееся к 1978 году, выходит за пределы личного и достойно внимания читателя.

"...С Пиньятти мы говорили о Вас. Я никогда не забуду те дни, которые провел на соревнованиях с Вами и Вашим тренером... Вся моя маленькая семья живет тяжелой атлетикой. Два моих сына серьезно тренируются. Младший - он приехал со мной в Афины - на моих глазах совершил не столь давно настоящий подвиг.

В 1968 году семи лет он перенес операцию на сердце, а в 1978 году, уже семнадцати лет, на IV Европейском чемпионате юниоров и на IX Всемирном, набрал в легчайшем весе сумму в двоеборье 200 кг, показав в рывке 92,5 (французский рекорд) и 112,5 в толчке (тоже французский рекорд). И это после более чем десяти хирургических вмешательств со дня рождения!.. Это заслуживает того, чтобы я поделился с Вами первым этой новостью..."

Я всегда считал силу великим, исцеляющим даром. И поныне поклоняюсь силе, радуюсь встрече с ней. Горжусь теми, кто умеет носить ее. Настоящая сила всегда смыкается с достоинством и самостоятельностью убеждений.

Глава 53.

Международные выступления, особенно чемпионаты мира, я недолюбливал. Не из-за обостренности столкновений. Вся жизнь атлета - поединки. К ним не то чтобы привыкаешь, скорее, приноравливаешься. Как привыкнуть к предельным выходам силы?..

Международные соревнования дают ответственностью. Именно дают, не гнетут. Ты уже воплощаешь нечто, и это нечто исключает ошибки. Личное имеет самое последнее значение - на том мы стояли. А это и есть готовность сойтись с запредельными тяжестями и невозможность ошибок...

При всем том молодость брала свое. Спал я неплохо. Может быть, оттого, что мало думал о выступлении. Пусть Шемански и Брэдфорд считают победные килограммы. Я свои знаю, надо - схлестнусь на рекордных.

Я не держался вызывающе - это противно мне, но всеми тренировками показывал форму. Я верил в свое превосходство. Прошное не повторится. Важно без суеты сыграть заданную партию. Не промахнуться. В Ленинграде дважды повторил подход к одному и тому же весу в жиме; затем судьи обязали меня повторить подход в толчке. Это и даровало жизнь рекорду Эндерсона. Но в Ленинграде на чемпионате СССР я находился вне досягаемости даже при оплошностях.

Не горячиться, не спешить выкладывать силу, все время быть в ритме усилия, слышать его - здесь это главное. Теперь у меня не грошовой преимущество, большая сила во мне...

Судя по тренировкам, от робости, такой, как в Варшаве, я избавился. Есть нетерпение силы. Я никогда еще не выступал как хотел и мог. Еще ни разу не был хозяином своей силы. Я подчинялся обстоятельствам борьбы, но не подчинял их себе.

Изящно, ровно вобрать в упражнениях силу. Лишь ту и только так, как повелевает упражнение. Забыть о публике. Отрешиться от всех чувств. Я просто работаю. Не слышу и не вижу ничего. Нет ничего - только работа. Это повторение тренировки. Зала нет. Соперники - только я, только владение собой...

Я старался проникнуться этим настроением на тренировках в Аквиа Асетоза. Старался держать эти ощущения - да, да, прежде всего раскрепощенность! Не позволить ей распасться. Ничего от закрепощенности, спешки!.. Я ценю спорт и за то, что в нем нет лукавства, подлогов,- открытый поединок. Это высокое чувство - честный бой...

Вот только болезнь. Подлость этого разрушения силы. Температура. Порой досадный жар этой температуры. Нарывы, проросшие по всему бедру. И пенициллиновые инъекции. Есть невоготу. А вес следует удерживать - это мощь, сила. Любая потеря аукнется. Донести силу, не дать сгореть в лихорадке. Продолжать тренировки. Тянуть силу по расчетным кривым к заданному часу. Не уступать результат.

А сколько же зрителей собирали мои тренировки! Слух о них всполошил знатоков и атлетов...

Тренировки успокоиться воспалениям не давали. После каждой они вспыхивали с новой злобой. А я не имел права на пропуск ни единой тренировки. Сила складывалась из каждой. Каждая возводила ее на новый уровень. Пропуск каждой разрушал всю "пирамиду сил". Мне оставалось всего три-четыре шага. Я тверд и думал лишь об одном: выступить, дотянуть-и выступить!

Меня залихорадило 3 сентября. В два дня бедро превратилось в сплошной нарыв. Девять фурункулов слились в один от колена до паха.

И еще задевали пророчества Ломакина. Он в открытую говорил, что не бывать мне атлетом, то есть никогда не работать мощно и победно в публичных поединках.

Его сипловатый смешок, хитрый прищур были ответом на любую мою прикидку...

Сотру клеймо слабодушия.

Глава 54.

Впервые я увидел Шемански в фильме о чемпионате мира 1954 года и Панамериканских играх 1955 года- просмотр для узкого круга преподавателей и слушателей академии. Сенсационные кадры: Норб выводит на прямые руки "континентальным" способом 200 кг! Я ничего не знал о Норбе, а хотел знать все, чтобы понять его силу, причину власти над "железом", которое на тренировках столь громадно, столь неуклюже и уступает с такой медлительностью, издевательской ленью каждые 2,5 кг - наименьшая из допустимых добавок к штанге - и ранит за любую промашку! Как люди умеют совмещать мягкость, тепло, уступчивость тела с твердостью "железа"? Как живое и мертвое могут быть едины?!

Через пять лет я встретился с Норбом в Виладжио Олимпико. Он изменился - в плечах горбоватые мышцы от жимовой пахоты, и поширел, раздался. Я слышал: Норб скуп на слово. Но это чересчур слабо сказано. На откровенную мы потолковали лишь после чемпионата мира 1963 года в Стокгольме. Мы соседствовали номерами в гостинице "Мальмё". За переводчика сошел американский тренер Липски, сохранивший, несмотря на эмиграцию еще в далекие дореволюционные годы, жаргон и замашки одессита. И пил, надо сказать, Яша Липски прямо по-биндюжному - "для восторга", - и на другой день от выпитого вовсе не слабел. И уже очень по-русски сетовал на меня: даже удивительно, такой видный человек и не пьет.

В той короткой ночной откровенности Норб обнаружил всю непримиримость к моим победам, всю страсть бойца, несогласного быть вторым, и в то же время благодарную искренность...

Брэдфорд производил впечатление человека, весьма потерпевшего от доверчивости. Держался не то чтобы сухо, но в себя не пускал. Как он переменялся! Грудь в верхнем отделе позвоночника добротна разработана под жимовой старт. Тут штанга, как в станке, и удерживать лишне, опускай руки - не скатится. На таковскую в старину атлеты ставили графин с лафитничками: разуй глаза на силу, экая наковальня!.. При встречах мы улыбались, помахивали рукой: ничего, кроме добра, не желаю. Однако метили взглядом каждую подробность. Все пытались отгадать силу.

Скрипуче рычал приветствия "отец американской тяжелой атлетики" Боб Хоффман. Но какой же он "отец" - босс, стопроцентный босс ходко сбитой спортивной машины! Босс со слабостью к самым сильным. И держит марку: удлиненное лицо надменно, глаза смотрят мимо - в слабость чужую, что ли...

"...Юрий Власов. Уже потом, после победы, его имя и фамилия набирались самым крупным шрифтом в газетах и журналах,- напишет о тех днях старший тренер сборной Куценко.- А ведь совсем недавно это имя упоминалось только для того, чтобы сообщить, что в поединок между американцами Шемански и Брэдфордом намерен вмешаться какой-то русский. Правда, сами американцы были иного мнения об этом "каком-то" русском. Гофман и Тэрпак, эти действительно тонкие ценители мастерства штангистов, с блокнотами в руках не пропускали ни единой власовской тренировки (пропускали.-Ю.В.). Американские тренеры были изумлены. Но все же чувствовалось, что и у наших главных соперников тоже есть какие-то планы. Прежде всего нас заставило задуматься заявление Гофмана, что он запустит в Риме "межконтинентальную бомбу". Кого он имел в виду?.."(Физкультура и спорт, 1961, № 1. С. 30).

Тренироваться тайком - это не по мне. На римских тренировках я притупил озорливость. Хватит, сваял дурака в Варшаве. Здесь, на разминках в Аквиа Асетоза, каждый подход класть только на дело. Та ночь в Палаццетто - для публики, а тренировки - мне. В "технике" забочусь о чистоте, чтобы без помарок - один механизм, но каков! Вымах без задержки в перекатах, где усилия передаются главным мышцам.

Находил особый день - отрицание исключительности силы Эндерсона, доказательство способности нести бремя переворота, совершенного Эндерсоном в представлениях о возможности человека, сокрушение его

рекордов.

В те дни выросла великая гонка силой - прозрение силы, умирание традиции долгой неизменяемости силы, обстоятельной постепенности в ее накоплении. Мы этого не знали определенно, но чувствовали. Весны еще нет, но аромат воздуха предвещает...

Сшибка за победу в Риме не сулила обыкновенности очередной золотой медали. Нет, настоящее решительно отделялось от прошлого. Все в спорте становилось другим. И с ним - взрыв результатов, их обновление уже по новой экспонентной зависимости. Вопрос отныне стоял не о первенстве силы, а о способности справляться с темпом ее изменения, умении ее извлекать и нести последствия - растущую плотность тренировок.

Я осознавал лишь необходимость поиска новых средств извлечения силы, отказа от догм. В Риме должна была возобладать не какая-то новая "порода" спортсменов, а результат тех других условий, в которые они прежде не ставились. Спорт, отражая изменения в обществе, преображался. Время стремительно изменяло все масштабы...

Глава 55.

О характере наших тренировок в Риме и обстановке дает некоторое представление очерк Оскара Стейта - одного из организаторов современной английской тяжелой атлетики. Очерк тем любопытен, что, несмотря на дружеский тон, Стейт не относился к числу моих доброжелателей. Он это доказал на чемпионате мира 1962 года в Будапеште и еще много лет спустя, когда уже и память затирала подробности поединков.

"Если поднятие веса является высшим мерилем деятельности атлета всех времен, тогда Юрий есть тот человек! "Считаете ли вы возможным набрать в сумме троеборья 1322 фунта (600 кг.- Ю. В.)?"

Я был потрясен, когда чемпион мира Юрий Власов из России задал мне этот вопрос. О чем думал этот человек? Ему еще предстояло одолеть олимпийский рекорд в 1185 фунтов.

Я осторожно ответил: "Быть может, это и возможно, но не очень".

Я полагал взять интервью у Власова, однако не владею русским. Решил найти переводчика и приятно поразился, когда мне сказали, что Власов владеет французским. Это открывало возможность беседы без помех.

До сих пор я считаю это интервью с человеком, который добился высшего мирового достижения, огромным событием. Для меня Юрий новый и ценный друг.

Власов совершенно не походит на некоторых темпераментных штангистов, любящих покрасоваться, такой он везде - на публике и без нее. Поэтому он не со всяким расположен говорить. Однако тем, кто понимает толк в тяжелой атлетике, он доступен.

Я сидел, очарованный легкостью, с какой он поднимал веса. В паузах он присаживался ко мне, готовый объяснить свои приемы работы и вообще взгляды на спорт. Другие штангисты, возможно, держат в секрете свои методы тренировки, но Юрий ответил на все вопросы и сообщил много интересного. Я получил привилегию наблюдать его во всех трех упражнениях классического троеборья, делая при этом соответствующие записи.

Его тренер - Богдасаров - показал даже тренировочную тетрадь Юрия, что позволило получить любые данные. Несомненно, между Власовым и тренером близкое и гармоничное взаимопонимание. Тренер консультировал его перед каждым подходом. Богдасаров гордится Юрием, как сыном. Он с той же гордостью объяснил мне, что "Власов не является исполином-тяжеловесом, но настоящий атлет со сложением Геркулеса!".

В ту тренировку Власов поднял около 12 тонн (заурядная по тоннажу тренировка.-Ю. В.}\

Как я уже отметил, Власов потряс меня вопросом: возможен ли результат в 600 кг?.. На последней римской тренировке в Аквиа Асетоза Юрий сказал мне: "Я, вероятно, очень быстро оставлю помост. Хочу посвятить себя другому делу. Тренировки и чемпионство отвлекают. Поднятие штанги ведь еще не все..."

К дням наших встреч на Олимпийских играх он закончил Военно-воздушную инженерную академию имени Жуковского. Врожденное дарование, научно обоснованные методы тренировок, настойчивость, стремление к победе и совершенству открыли возможность для Юрия Власова стать сильнейшим в мире!"

Я тренировался в брюках, финальные разминки постарался отработать без свидетелей, не считая Оскара Стейта. Никто не должен ведать о болезни. Рассказ Стейта подтверждает, что мне это удалось. А нарывы выперли по голубиному яйцу каждый. Врач олимпийской команды Зоя Сергеевна

Миронова неукоснительно прокачивала через меня пенициллин. До сих пор помню дюжину игл в бедре сразу. Баллон насасывался пенициллином, соединялся с иглой, опустошался. И опять в насасывание... А потом меня рвало. Не дай бог об этом узнают! Готов на все - лишь бы работать! Я столько к этому дню шел! Если бы я знал, что меня ждут!..

Нарывы опадали, чтобы после очередной тренировки снова ожить. Все же лошадиными дозами антибиотиков удалось держать воспаление в границах (нарывы, проросшие уже едва не до кости, вскрывали в Москве).

Эх, уторопить бы время!

Я вел себя так, будто совершенно здоров. Встречался с Брэдфордом. Он производил куда более сильное впечатление, чем Шемански. Большой Вашингтонец был превосходен. Что там наколдует на помосте, увидим. Борьба рассудит. Но как великолепно эта мускулистая грудь-наковальня! А энергия жима! Этот чистый жим! Плавный, неукротимый...

Доброе мастерство. Добрый жим. Штанга теряла внушительность в его руках. И при всем том ничего от искусственной силы-ожирения, звероподобности. Могучий, неторопливый бог-атлет.

Маэстро Шемански избегал тренироваться при посторонних. Я практически и не видел его в Аквиа Асетога (возможно, Шемански избегал публику из-за нелюдимости, природной скрытности). А высиживать, дожидаться я почитал недостойным. Никогда не опускался до высматривания тренировок соперников. Хитрость в поединках, искусство темнить - все это допустимо, но я был брезглив к таким спортсменам, пусть знаменитым. От того, что часто называется "тактикой", на деле порой шибает жадностью и неразборчивостью. В назначении быть светлой силой, возвышением человеческого вижу спорт и по сию пору.

...И опять Рим! И солнце прямое, но совсем не тяжелое. Творящая сила солнца. Я забывал о тренировках и несчастье. А несчастье привалило за болезнью. И накликал его я.

2 сентября после обеда я отдыхал в шезлонге - тень под домом густая. Дома Олимпийской деревни подпирали бетонные столбы. Жарко, далеко за тридцать.

Меня окликают. Узнаю: Владимир Булатов, Игорь Петренко - "шестовики" и Виктор Липснис - толкатель ядра.

Булатов объясняет: "У Виктора четвертое место! Скобла, Роу - позади! Не

откажи, выпей с нами за победу. У нас самая малость - бутылка бренди".

Я почти не знал их. Тем более тронуло приглашение. Не от потребности выпить - победа ведь! Значит, я для них свой - это тоже приятно. К тому же не только я еще не выступал, но Булатов и Петренко - тоже. Ссылаться, стало быть, на режим грешно. До выступления все прокачается бесследно, ведь мне работать 9 сентября, на следующий день после Воробьева, то есть через неделю. Пошли к Липснису.

Вернулись вроде удачно: никто не приметил...

Но подняли меня с постели на суд команды. Был суд короткий и беспощаден: ходатайствовать о запрещении выступать на Играх, отправить домой, а пока для назидания держать меня в бойкоте.

Донес Воробьев. Наши комнаты имели общую дверь. Услышал, чуть свет поставил в известность "инстанции".

Очень обходительные люди вызывали и убеждали: "Назовите, с кем пили, и вам все простят". Не сказал. В один из дней меня пригласил Романов (Романов Н. Н.-председатель Всесоюзного комитета по делам физической культуры и спорта. Настоящий друг спорта): "Забудь все. Для боя готовились. Ни о чем не думай, кроме победы. Больше дергать не станут. Готовься к выступлению..."

Все циничней и проще. Думаю, решающую роль в моей судьбе сыграла моя исключительная форма, а точнее - тренировка. Я провел ее вслед за собранием. Зал ломился от репортеров и публики. Каждый подход рождал аплодисменты - такого никто не слышал и не знал. Я не щадил себя. Да и что щадить, не буду ведь выступать. По тем временам я отработал на неслыханных весах.< br> Известие о тренировке не могло не дойти до руководства, оно добавилось к его осведомленности о моей редкостной готовности. О ней сообщали не только римские, но и ведущие газеты мира. Спортивный раздел у них самый подробный. А рубка между нами и американцами за "золото" склонялась в нашу пользу. Ну как не выложить козырь - победу "самого сильного человека в мире", да в самый последний день: наши выступления закрывали Игры.

Для меня это означало непереносимо громадное напряжение - до сверхнатуги взводилась пружина риска. А проиграю?.. Сотрут... Именно после работы на внушительных весах (и болезнь с бойкотом не приморили) Романов и молвил: больше дергать не станут. Искренняя поддержка Романова тоже имела значение.

Господи, за одну глупость платить практически жизнью, генеральным изломом ее! Дикость ведь! Тогда многие карьеры строились на доносах. Многих сметали с пути (из жизни тоже) доносами. Исключают из партии, погонят из армии - и скребись на карачках по жизни с "волчьей" характеристикой. И будь это единичный случай! Господи, оглянись! На что ж направлялись и измалывались силы во все десятилетия: не на развитие способностей, спокойное созидание, а на преодоление среды, иначе говоря - всех этих мокриц, этой злобы, зависти, неправды.

А вот бойкотом я был обложен по-прежнему. Тяжкий крест, когда впереди такое испытание. А ну коли сорвусь? Болезнь грызет, мысли о будущем... Как же я клял себя!.. Дурень, кругом виноват!

Катастрофа, но уже не только для моей спортивной жизни. Вообще катастрофа, так не оставят - это гражданская смерть!

Я не сомневался в силе. Но случайность... Вот такая случайность, как эта болезнь. И мало ли прочих случайностей? Одна объективность судьбы чего стоит! И все может решить ничтожная случайность - вдруг травма!

А кругом веселье: все постепенно заканчивают соревноваться. Лишь мне выступать в самый последний день Игр. Круче не закрутить пружину испытания. Весь на излом - выдержу ли. И только тренер со мной...

Мой друг, жизнь- это всегда акт воли!

Глава 56.

Но Рим! Я, верно, вытоптал все площади, выщупал тепло его щербатых стен. Город породило солнце - этот оборот не ради красоты. Нет, солнце имеет прямое отношение к духу города и народа.

Красота наднациональна, она для всех, она ради человека, она в общем потоке созидания. Она сплавляется в сознании всех. Она для преодоления животного в людях. Нет прекрасного, невозможно прекрасное, если оно унижает достоинство. Скучна и опасна лишь национальная мера великого. Все одежды малы и скоморошливы для великого. Оно, прекрасное,- общее; оно стирает ограниченность и тупость шовинизма. Красота по природе исконно национальна и в то же время разрушительна для национальной узости, для национальной обособленности, тем паче исключительности. Я сидел на полу и, задрвав голову, читал росписи Микеланджело в Сикстинской капелле - фрески на потолке и алтарной стене. Рядом сидели,

вставали люди.

И тот, не музейный Рим, очень задел сердце. Я входил в него без слюнявой восторженности. Вот оно, "прекрасное далекое", - здесь складывались и неповторимые "Мертвые души". Как заметны они отсюда! Как уродливо нелепы те мертвые души для России! Сколько слов, холстов, лиц! Без временной очередности они выговаривали самые важные чувства!

Я разделяю слова Герцена: "Наука, имеющая какую-либо цель вместо истинного знания, - не наука. Она должна иметь смелость прямой, открытой речи". Я распространяю это определение и на искусство. Нет смелости прямой речи - нет искусства, есть только расчет.

Бесплатный проезд по Риму упрощал бродяжничество: стоило показать удостоверение участника Олимпийских игр. На моем черном вытиснуты цифры: 14538.

Этот город не для туристов. Этот город надо принять сердцем. Не в туристском пробросе мерить "музейные" километры.

Глава 57.

Я привез с собой транзистор - приз за победу на соревновании. Один из первых советских транзисторных приемников, весьма далекий от совершенства.

Перед сном рылся в эфире. Редкую ночь не выуживал созвучные настроению "Кончерто гротто" Генделя или "Бранденбургские концерты" Баха; а то скрипичные "барокко" Корелли и Вивальди. Раз почти до рассвета слушал скрипичные дивертисменты Моцарта. Сами дивертисменты отзвучали за какие-то полчаса, но я их слышал до рассвета. И они казались развлекательными, как это утверждает Музыкальная энциклопедия. Но какое же это искусство - удерживать мысль, чувство в гармонии единственно "простым"! Как на поворотах "простого", приемами "простого" торжествует, образует сложное!..

Помню свою комнату до мельчайших подробностей. Под подушкой всегда приемник. Днем не до него. А вечерами я с ним уходил в тишину. Музыка - это величайшая тайна, в которой вдруг начинаешь слышать себя и других...

Об этом приемнике не ведал даже тренер. Я стыдился, почитал слабостью и ни с кем не говорил о музыке.

Я полагал тогда, будто лишь для юности характерно преобладание духовных интересов над практическими. А потом убедился, годы часто превращают в ничто именно смысл практических интересов. Дух, мысль отменяют все ценности, превращают их в ничтожество. Железный частокол мнений и выгод ничто перед правдой. Постылы жизнь и люди, когда ничего от души, когда все на выгоду.

Глава 58.

Для меня спорт чудесен решительным отсечением прошлого. Все старое не имеет смысла в приложении к новым целям. В новом движении время сбрасывает прежний смысл. А здесь, в Риме, - ожидание. Обилие времени. Возможность наконец разобраться в каждом шаге. Это может показаться не совсем понятным, но в гонке за результатами, в непрерывности гонки такие дни ошеломляющи.

Нет ничего. Ты, время...

И вот тогда начинаешь видеть все, что проскальзывало серыми, смутными образами под усталю. И еще, конечно, заявлял о себе напор высвобождаемых сил - следствие отдыха, сосредоточения энергии.

За сутки до выступления я подвергся ударному обкалыванию. Нарывы запрятались в толщу мышц, багровость опять засмуслил загар. Нарывы зрели, я слышал, как пульсируют в толще, но антибиотик их укротил... на время. На время, нужное для соревнования. Жидкая боль, поразившая ногу до паха, блаженно растворилась, одарив свободой движений. И горячка поостыла, особенно после новокаина - уже перед самым помостом. Самые беспокойные нарывы залепили пластырями. Они заметны на римских фотографиях.

Стеной находил тот день.

Жар, жара, затравленность одиночества. Кусок в горло не лезет. Я ступал по кафельному полу, запирался. Не напрасно не сдал ключ, который истерично потребовал от меня Громов - в знак недоверия. Я наотрез отказался: или сразу отправляйте, или буду хозяином своей комнаты...

Я брал из сумки маленькие бутылки пива и складывал в раковину, пускал холодную воду. Сидел, ждал четверть часа. Если не запирается - могут застукать с пивом, тогда уж точно конец. Открывал пиво - бутылку за

бутылкой - и выпивал. Теперь можно идти есть. От жара и жары и горьких мыслей меня тошнило. После пива это чувство исчезало. Теперь можно, преодолевая отвращение, напихиваться едой. Надо напихиваться.

Из столовой нес сумку с фруктами, молоко. Жгуче грело солнце. Прихрамывал - от нарывов тянущая боль, в паху - шишки лимфатических узлов.

Не развалиться под гнетом жары, жара и зла. Сохранить вес и силу.

У себя в комнате смотрел сквозь жалюзи на плывущий в зное город...

Глава 59.

Воробьев вспоминал: "В сопровождении почетного эскорта - четырех чемпионов Игр - наш тяжеловес направляется в "Палаццетто делло спорт..." Разыгрываются последние медали.

Вес у Юрия боевой - 123 кг, негр Брэдфорд самый тяжелый - 143, а второй американец, Шемански, легче советского атлета. Команда толпится около Власова.

Атлет начинает готовиться к выходу на помост. Тщательно бинтует кисти рук, колени. В прошлом у него были травмированы колени. Кроме того, если колени забинтованы, легче встать с весом, так как улучшается амортизационная отдача мышц ног..." (Воробьев А. На трех Олимпиадах. Хельсинки. Мельбурн. Рим. Свердловское книжное изд-во, 1963. С. 167-168)

Вес Брэдфорда был не 143, а 132,8 кг. Шемански весил 112,5 кг, я- 122,7 кг.

Бинты не могут помочь встать с весом. Это глупость.

Почетный эскорт? В "Палаццетто делло спорт" я пришел с Богдасаровым и массажистом Л. Н. Смирновым, кстати, виновником нарывов. Он втер под кожу тальк.

Команда не толпилась возле меня. Бойкот сохранял силу. На всех чемпионатах, кроме варшавского, я выступал в одном составе: тренер, массажист и я (кстати, об этом писал и Куценко в отчете о варшавском чемпионате)-не из-за пренебрежения к товарищам, а из-за ненужности и бесполезности толчеи. Неотлучно дежурил врач с камфорой, но она понадобилась после соревнования не мне, а Романову, сердцем

пережившему ту ночь в "Палаццетто". Ему стало худо в четвертом часу утра, сразу после моего последнего подхода.

"...Сумма троеборья изумительна - 537,5 кг. Сразу на 25 кг побит мировой рекорд Андерсона. После взвешивания восторженные зрители на руках выносят русского триумфатора со сцены. А любители сувениров, воспользовавшись случаем, присваивают себе довольно потрепанные ботинки Власова. По-видимому, впоследствии собиратель спортивных реликвий будет с гордостью показывать ботинки, в которых Власов установил феноменальный рекорд и которые якобы "преподнес" ему..."

Меня никак не прельщало красоваться на сцене и за кулисами в носках. Да и как возвращаться в гостиницу? Не босым же... Эти ботинки некому "с гордостью показывать". Они в музее спорта у Майера, в Амьене.

Спортивная литература принимает характер научного исследования. Она и без того уже перенасыщена фальшивыми цифрами, фактами и отсебятиной, которые не делают достоверной самые громкие титулы и звания. Наука начинается там, где факты подтверждаются документами, показаниями очевидцев, но не переписыванием статей из забытых журналов. Правда, такой труд требует работы в архивах с подлинными документами, сличения документов. Словом, иного качества труда...

Глава 60.

Атлеты тяжелого веса сошлись на помосте вечером, в девять часов. Последний подход я выполнил поутру, около трех. Им и закончилось соревнование самых сильных.

В турнире доказывали силу 18 атлетов из 15 стран, в том числе по два атлета из США, Канады и Австралии.

Шемански оказался вторым среди самых легких атлетов тяжелого веса, Брэдфорд - среди самых грузных. То была эпоха полегчания атлетов - перекормленных атлетов римский помост почти не видел. Это с конца 60-х годов ради победы начали вновь использовать искусственную громадность собственного веса. Достоинство силы рухнуло перед неразборчивостью достижения цели. Позволительно иметь громадный собственный вес, но его нужно собирать из мышц, из умения работать, из беспощадностей тренировки.

Президентом Международной федерации был финн Бруно Ньюберг,

генеральным секретарем - Эмиль Гуле. Апелляционное жюри составляли четыре человека, в том числе вице-президент Международной федерации Назаров. В молодости Константин Васильевич Назаров выступал под... патефон. Ставил пластинку - ария тореадора из "Кармен"! Впадая в экстаз - не дай бог кто помешает!- подступал к штанге. Какой допинг сравнится!..

Тяжелый вес в Риме судили Тэрпак (США), Спарре (СССР) и Рубино (Италия). Тэрпак опять засел за центральный пульт - судья-фиксатор. От его команд, особенно в жиме, кое-что зависело. На табло олимпийские рекорды: Сельветти в жиме-175 кг (1956), Дэвиса в рывке-145 кг (1952), Эндерсона в толчке-187,5 кг (1956) и сумме троеборья-500 кг (1956).

Двое из 18 атлетов после нулевых оценок выпали из зачета, и среди них Веселинов - атлет не из слабых.

Соревнованиями управляли на английском, итальянском и французском языках. Итальянцы добились порядка. Из-за кулис вымели не только "знатоков", даже репортеров. Так можно делать дело. А то и дышать, случалось, нечем: толпа! Да еще ощупывают, охлопывают, как лошадики. Это называется "дружеское расположение". Такую очищенность служебных помещений я видел потом только раз - на Московской олимпиаде 1980 года.

"Штангисты встретили наступление последнего дня в "Палаццртто",- писала "Комсомольская правда" 13 сентября 1960 года.- Несмотря на поздний час, трибуны почти не пустели - поединок Юрия Власова с американцами Шеманским и Брэдфордом захватил всех присутствующих. И те немногие, кто предпочел домашнее ложе интереснейшей схватке на помосте, потом глубоко раскаивались. Такое увидишь не часто. Это было поистине историческое событие в спорте. Пять лет назад, когда швед по происхождению, американец по паспорту Пауль Андерсон в классическом троеборье набрал свыше 500 килограммов, тренер сборной США Боб Гофман утверждал, что новый рекорд останется вечным...

Шеманский, чемпион Хельсинкской олимпиады, вновь после многолетнего перерыва вернувшись на помост, если не был готов к спору за золотую медаль (которую должны были разыграть Брэдфорд и Власов), то, по крайней мере, своей тактикой хотел оказать серьезное влияние на исход поединка в пользу товарища по команде. Достаточно сказать, что после двух движений (в которых были обновлены олимпийские рекорды) Власов лишь на пять килограммов шел впереди Брэдфорда: в жиме показали равный результат - 180 килограммов, а в рывке у москвича были 155 килограммов. И вот толчок, венчающий троеборье. Брэдфорд... заканчивает состязание, повторив официальный мировой рекорд в сумме, значительно превзойдя свое личное достижение. У Шеманского, предпринявшего известную по

прежним временам авантюру (идти на вес, к которому не подготовлен, желая этим выбить из колеи соперника), тоже отличный результат - 500 килограммов. А Власов пока не выходил на помост. Сообщение диктора о том, что установлено новое мировое достижение (после моего первого подхода.- Ю. В.) - 520 килограммов,- тонет в горячих аплодисментах. А у москвича еще два подхода. Он берет 195 килограммов и просит установить 202,5 килограмма. По залу проходит гул. Еще ни один атлет в мире не переходил заветный 200-килограммовый рубеж (мы не берем попыток в показательных выступлениях, мало имеющих общего со спортивными). Нам пришлось встать со своих мест, так как сцену окружили плотным кольцом фотокорреспонденты и кинооператоры. Никто не хотел пропустить этот исторический момент. И вот снаряд на вытянутых руках. Зажглись три белые лампочки (значит, вес взят правильно!). Зал содрогнулся от оваций, гремевших около семи минут.

На табло, где вывешиваются результаты, появляется число, написанное мелом,- 537,5 кг (кто из организаторов мог подумать, что будет показан такой невероятный результат!)..."

И у меня возникло такое чувство, будто американцы вдвоем вышибают меня из равновесия. Оно и было так, но лишь до определенных результатов. А там им уже стало не до меня. Схватились за серебряную медаль. Зло схватились.

...Окаянные полчаса до разминки в жиме. Проверка сил впереди. Ничто не известно, пока не опробую веса.

А сейчас жди, жди. Не давай себе гореть. Не думай о "железе". Да, там, на разминке, узнаю о силе. Опробую себя несколькими подходами - и все ясно. Не подвели ли новые приемы тренировки? Не раскачала ли болезнь?

В жиме следовало взять штангу на грудь, встать неподвижно и ждать команду центрального судьи (фиксатора). Эта команда подавалась хлопком в ладони. Лишь после хлопка разрешалось выполнять сам жим. Таким образом, возникала пауза, зависящая от воли судьи. При недобросовестности судьи эта пауза могла растягиваться (для зрителей это было незаметно), атлет терял силу, задыхаясь. Это ставило под угрозу попытку, а их всего три в каждом классическом упражнении (жим, рывок, толчок) . И, наоборот, этот же судья мог дать команду "в темпе", когда атлет еще обтягивался, принимая наивыгоднейшее положение для жима. Это создавало весьма выгодные условия для подключения к усилиям рук движений тела, которые хотя и воспрещались правилами, но при определенном навыке вполне проходили. Все это создавало довольно широкие возможности для судей влиять на результат борьбы.

...Расчетная сила. Где она, в мышцах или только в кривых на графиках?.. Не сожрали ее болезнь и беда?.. Как американцы? Ребята из опытных. Свыше десяти лет в самых отчаянных свалках. Научены отвечать силой.

Тренер все о Тэрпаке. Это "удар" от Варшавы. Твердит, чтобы не забывал о поправке на "ладошки". Да пусть затягивает! Не прикуплюсь. На что зиму стравливали... Отшучиваюсь: Тэрпак джентльмен, не станет из-за бутылки сводить счеты! Тэрпак накануне проспорил мне бутылку отменного виски. В общем, мы в добрых отношениях. До помоста...

Где сила - в мышцах или только в нашем воображении?..

Борзо бежали дни, и совсем зачихали минуты предстартового ожидания.

Итак, на кону силы последние медали. Последние. В жиме я и Брэдфорд споткнулись на 180 кг, дальше ни-ни. Как более легкому, олимпийский рекорд присудили мне. Так Большой Вашингтонец и не поимел ни одного рекорда. Жаль, атлет из славных. Дрался не по-крохоборному, от души.

В жиме я дрогнул. На разминке штанга утратила зна-комость. Сказались болезнь, переживания из-за вынужденного одиночества и все та же неуверенность. Эта неуверенность смяла, но лишь на время, дабы уже никогда не возвращаться. Однако последний подход я все же замарал. Нет, не сробел, а на какое-то время себе стал чужой. На миг почужели сердце, кровь, ладони. Неужто обманулся? Неужто клеймен трусостью и бессилием?

"Быть выше сомнений" - просто пишется, часто пишется, привычно... А вот оказаться выше их на самом деле, когда один на один с соперниками да еще обставлен неудачами... Ведь до сих пор были только срывы. Ни одного чистого выступления. Удается ли?..

Началось с разминки. Горел я от возбуждения, сомнений, и жар от бедра под 38 градусов. Грызет: правильны ли прикидочные килограммы Большого Вашингтонца? Не придержал ли силу? И каков маэстро Шемански?..

Странная закономерность. В Мельбурне, когда схватились Сельветти с Эндерсоном, центральным судьей, от которого зависит очень многое, был американец. В Варшаве, когда самая почетная золотая медаль снова на кону между опытными американцами и мной (новичком), - снова центральный арбитр американец. В Риме, на Играх, центральный судья в тяжелом весе опять-таки американец. Какой уж тут закон чисел!

И уж почувствовал выжеванность от дней болезни, усталость от травли и

одинокости, всю сумасшедшую натянутость ожидания.

Это подавал голос старый знакомый - слабодушие.

Веса на разминке я выжимал нескладно и без срыва. Не из-за желания перестраховаться от судей. Снова упустил контроль над собой.

Богдасаров просит: "Не спеши! Пусть даст команду, а ты по-своему! Без суеты!" Это он о Тэрпаке. В общем же работаем без лишних слов. Как-никак уже четыре года в поединках и тренировках.

В жиме все не так, как рассчитывали. Насколько я был сильнее в тренировках! И легче, управляемое...

Я в оторопи: неужто не донес силу, неужто и здесь позор чемпионата Европы? Позор! А ведь мысли тут же утесняются в строй мышц, вяжут силу. Эх, лепить бы подходы без перерывов - с ходу бы отшиб сомнения! А тут после жима около полутора часов до рывка. После возбуждения и мощнейших физических напряжений - ожидание. Пустое ожидание! Сомнениям простор! Лежи и размышляй о провале в жиме, прикидывай будущее. Времени - вагон!.. Сотрут... проиграю... сотрут в Москве!..

В жиме недобрал свои килограммы. Очень недобрал. Значит, снова позор миланского выступления?..

Сомнения парализуют убеждением, а убеждение - это взятые веса. Но где они, когда ждешь?.. В эти часы и проигрываются соревнования. Порой самые верные победы. Там, на помосте, лишь отмечается то, что утверждает себя раньше, когда один на один с собой. Не борьба стирает силу - мысли.

Между жимом и рывком я пережил постылые минуты. И температура обрадовалась, калит. Пытка!

Каков же он - мой мир?! Где я - настоящий?..

Воды в раздевалке - залейся, ящики с бутылками от лучших фирм, а пить нельзя до последней минуты выступления. Я спалил в ту ночь около шести килограммов веса. И температура - нога пульсировала от паха до колена. Однако нарывы не в счет. Массажист всю обрабатывает бедра. По нарывам прет. Какая тут стерильность! Мышцы подавай в тонусе. Все в топку для результата.

Молотит сердце, молотит. Сбивчиво на ритм...

Дышать? На улице, поди, посвежело к ночи, а "Палац-цетто" за день вобрал солнца, да и от людей черно. Задыхаюсь. Вспомнил о несчастье на велосипедном марафоне. 25 августа на стокилометровой шоссейной гонке стало дурно датчанину Курту Енсену. Перегрев при сумасшедшей работе - сердце вразнос. Международный олимпийский комитет присудил ему посмертно золотую медаль в знак сочувствия и почтения. Да, но лучше медаль живым...

А работать надо. Отработали же мои товарищи по команде: четыре золотые медали, одна серебряная. Я что, другой? Работали в 40-градусном пекле. И я как-нибудь проскребусь.

Рот отказываюсь полоскать. Знаю: не удержусь, наглотаюсь. Нет, обязан прорваться. Не дам топтать себя!

В рывке, однако, нащупал движения. Не в лучшем состоянии - это факт, но силу не растрепал, драться можно. И этими мыслями себя все ближе, ближе подвожу к идеальному сочетанию. И расковываюсь, уже слышу мышцы. Не затушено однообразен, а в переливах напряжений. Это надо уметь: из одних мышц изымать всю силу, а другие держать в те же мгновения совершенно расслабленными. И расширять это распадение жесткости. Мышцы отработали - сразу распустишь, иначе приморят размашистость. И вот эту партию играю без фальши, во всяком случае, мышцы слышу на всех участках вымаха штанги...

В общем-то, ждать нового результата не следовало. Главные соревнования - для победы! Рекорды достают на других соревнованиях, а тут важна победа! Учен-учен, а изменил учености спустя четыре года в Токио. Сохранить в себе способность к рекордам в гнете ожиданий и самой борьбы сложновато. В последние годы я избегал сочетаний высшей борьбы с высшими результатами, хотя на первый взгляд эти явления нераздельны.

Между вызовами к штанге прохаживаюсь у прохода на платформу с помостом. Душно. А тут Брэдфорд кутается в шерстяной плед, и в глазах: когда кончится эта молотилка? Может быть, я их выражение на свой лад толковал? Но такая тоска в них! О таких минутах пишут: "радость покорения тяжести", "торжество воли"... Что и толковать, встряска подходящая. Это ж надо придумать такой спорт! После каждого упражнения перерыв. Жди, раскисай, теряй возбуждение, тонус, жди! По коридору удушье растирок. Ребята разгоняют усталость - сколько же часов работа на главных весах! Где-то за стенами в зале ухаёт штанга. Кофе дразнит - запах! Им в основном руководители взбадриваются. Тоже ведь пашут. Притомились, друзья побед...

Бочком, незаметно, на цыпочках вернулся Смирнов. Рассказывает: между подходами первой тройки в жиме, рывке и толчке зрители спят. Самым натуральным образом спят. Выкликают первого из тройки - и зал впросып: закуривают, выпивают, галдят. Как тройка отсоревнуется - в дрему. Тогда в залах не возбранялось курить - дымина! Затяжка сразу в тысячи сигарет. Воздух на диво...

Это игра в качели. На исходе шестой час игры, а еще впереди разминка к толчку и само выступление. Все доказательства впереди... Выдержать эти качели, а с последним упражнением и все семичасовые, даже при надежной спортивной форме, надсадно. Какие тут удовольствия от борьбы? Давишься ими... Три раза вставать, разминаться, приводить себя в высшую нервную и физическую готовность, затем выкладываться на помосте и снова ждать... Впереди последняя встряска - к толчку. А в толчковом упражнении берут самые большие веса. Недурен "посошок".

Радости покорения тяжести...

Сколько ж можно вздергивать себя, прокалывать воодушевлением, а затем проваливаться в бездействие?! Со всеми неудачами - прокисай, жди. Уже ночь на исходе!

Распластанно-тяжелым отрывал себя для разминок. Уже ни желаний, ни сил... Какое счастье ничего не делать! Глазеть, сидеть, дремать...

Столь долго это было и в действительности - не только в моем воображении. После, когда вышли из "Палаццетто", я вздрогнул: светало. От зари до зари!.. Поклон тебе, новый день! Умой, прими меня, новый день!

К половине третьего ночи подоспел и мой черед.

В разминке к толчку "железо" опять живое, мое. Все на высшей приспособленности. Гриф обтекаю - паразитные рычаги сведены к наименьшим. Ухожу под вес мягко. И посыл с груди - на замыканье лопаток. Из такого штангу не роняют. Клинит вес над головой.

Богдасаров даже счернел, щеки запали, но деятелен и точен, понимаем друг друга по взгляду, жесту. В обоюдной воле и вере.

Наш мир!

Большой Вашингтонец с головы до пят омыт потом. Упарился. В молитве руки проворны.

Маэстро Шемански нервно подвижен, схлестнулся с Брэдфордом, схлестнулся, а позвоночник не дает работать на полную.

Зал! При таком отношении зрителей грех срывать и не цеплять рекорды! Им же о бойкоте неизвестно.

К первому подходу, однако, еще в опасливой чуткости. Этот зачет, это чувство зачета! Как заработаешь его - сразу другой. Во всех ощущениях - преобразование. И сила, сила!

...Есть зачет! И уже ничто не гнетет! Не сломали!

В последнем подходе штангу и не услышал. Самый тяжелый вес из поднятых людьми, а не услышал. Ушла с помоста на грудь прирученной. Выпрямился с запасом - и просто, очень просто: все положения рычагов в нужных соотношениях, стою без надрыва. И еще глазом публику выхватываю. Уже не зыбкая пелена, а отдельные лица. Думаю, сыграю партию: в мышцах запас - могу по высшему классу...

Обычно публику не воспринимаешь: нельзя пускать другие мысли, все замыкается на мышцах. Да и чаще всего не до нее - мгла, все размывает натуга.

...Не мешкай! Твое мгновение!

Проверяю: готов!..

Раскрылся силой - сочетания изящные, точные. Даже не вывешиваю штангу наверху - сразу впечатываюсь в равновесие. Прочно, плотно зажат. Есть!

И тут же мысль: можно еще! Есть запас на новый рекорд!

И хрипловатая команда Тэрпака - уже поднасадил за ночь горло: "Опустить!" Кричит по-английски, а я слышу, как привык, за годы привык: "Опустить!" Тэрпак вскочил, жестом дублирует команду.

Есть, есть, голубушка! Припечатана...

И уже зал дыбом - и все к платформе. Полицейские разбрасывают руки - куда там!

И уже все смешивается! Я тоже счастлив, ребята!

Сколько чувств!..

Глава 61.

Отзывы на победу ошеломили. Я считал, что все впереди, я только начал искать и собрал лишь наименьшее из возможного. И все рекорды, испытания, настоящие нагрузки еще так далеки от заданных!

А уже днем итальянская "Гадзетта делло спорт" напечатала: "Не говоря уже о силе и "технике", какую волю, мужество и выносливость должен был проявить Власов, чтобы около трех часов утра (после семи часов напряженных, изнурительных соревнований) поднять в толчке 202,5 кг - вес, не доступный никому в мире. Это героический спортивный подвиг..."

В тот вечер я первым в мире официально преодолел заветный барьер в 200 кг (Это и подтверждает протокольно Дэвид Уэбстэр в своей книге "Железная игра"- краткой истории мировой тяжелой атлетики).

Думал ли я, что через семь лет на чемпионате Москвы выжму этот вес (без одного килограмма)? Думал ли, что в руках будет такая же сила, как была в ногах на римском помосте?! Как же все ласковы со мной!

Изменил сдержанности и Роберт Хоффман: "Это потрясающе! Я уверен, что Власов не достиг еще своего "потолка". Меня не удивит, если вскоре он сделает 560- 570 килограммов (я добился больших килограммов. - Ю. В.). А главное-он не "робот", а настоящий образцовый спортсмен, который сознательно и досконально постиг тонкости "железной игры"".

Чем выше возводят рекорды спортсмены, тем энергичней приближают свой конец в спорте, если это, конечно, не крохоборные начеты. Я знал все это, но времени... не было. Результаты обращали все лишь в более жесткий тренинг. Да и весь этот спорт стоит вне подобных чувств. Важен результат - остальное не в счет. Остальное - это для тебя. Только для тебя. Важен результат.

Я еще только открывал счет новым результатам, примечал пути к ним, мечтал о длинных ногах побед...

Шведская "Идроттсбладет" поместила отчет своего главного редактора о поединке атлетов тяжелого веса в Палаццетто:

"Феноменальный, непостижимый рекорд русского титана Юрия Власова - это ответ Советского Союза на вызов, брошенный несколько лет назад американским "чудо-силачом" Полом Эндерсоном. Теперь он побит

окончательно. Власов молод, гармонично сложен, чертовски силен и к тому же блещет интеллектом... Власов - это сенсация из сенсаций! Его выступление было настолько потрясающим, настолько сказочно-необыкновенным, что с ним не может сравниться ни одно событие в истории Олимпийских игр. В мировом спорте еще никто не был столь велик и недосягаем. Он эталон настоящего спортсмена и блестящий представитель своего народа" 9 Комсомольская правда, 1960, 14 сентября; Спорт за рубежом, 1960, 8 октября).

После окончания соревнований президент Международной федерации тяжелой атлетики Бруно Ньюберг заявил на пресс-конференции: "Это самые фантастические Игры, которые я видел. Поразителен юный профессор тяжелой атлетики Власов. Его отполированная техника венчает феноменальную силу. Не секрет, многие атлеты тяжелого веса тучны и неуклюжи. Власова же мы называем настоящим атлетом, а не котлетой. Он элегантен, изумительно сложен, его выступление - радость для всех. Трудно теперь придется атлетам огромного наеденного веса. Результат Власова приведет к новому бурному развитию тяжелой атлетики во всем мире".< br> Не так уж трудно пришлось "атлетам огромного наеденного веса". Они скоро, очень скоро вернулись на помосты...

Бывший классный спортсмен-любитель, главный редактор "Идроттсбладет" Торстэн Тэгнер еще раз выразил восторг поединком: "Для меня нет сомнений: величайший спортсмен Игр - это атлет Юрий Власов. Он объединяет все качества, которые можно требовать от спортсмена: силу, гармоническое сложение, приветливость и ум. Это всесторонне развитый человек. Власов - самый великий из олимпийских чемпионов прошлого и настоящего, во всяком случае самый разносторонний" (Правда, 1960, 12 сентября).

Тэгнер видел все Олимпийские игры, кроме самых первых. Видел триумфы Нурми, Оуэнса, Мэтиаса, Затопека и Куца. Я был горд, что оказался достойным олимпийской клятвы - "за честь своей страны и во славу спорта"! Славно дышать чистым воздухом.

Корреспондент "Советской России" сообщал: "Зарубежная печать широко комментирует поединок атлетов тяжелого веса. Римские газеты публикуют фотоснимки Юрия Власова и восторженные отзывы. Корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Интернэшнл отмечает, что "спокойная уверенность русского в красном трико была почти устрашающей". По окончании соревнований спортивный дворец взорвался от бурных аплодисментов в честь русского". Это означало, пишет корреспондент, конец прославленного господства США в этом виде спорта...

Победа знаменовала не физическое превосходство, тем более какую-то национальную исключительность. По мне, она явилась доказательством верности жизненных принципов вообще, то есть методики постижения цели: быть неизменным для цели, не поступаться убеждениями, не уклоняться в следовании к цели, не дробить волю. Наивность и непрактичность, как часто называют подобное поведение, восторжествовали. Мир мечты столкнулся с реальностью. Мечта легла в борьбу и стала жизнью.

...Физическое тем и привлекательно человечеству, что за ним таится нравственное, выявляется это нравственное. Иначе большой спорт просто воспроизводил бы возню и удаль животных.

По диалектике явления в противоположностях смыкаются. Животное и высоконравственное присутствуют в спорте. Противодействуют. И животное в известных условиях может определять характер явления. Не сила присваивает титул "чемпион чемпионов", а победа над животной стороной явления, привнесение в борьбу высокого человеческого начала.

Тяжелая атлетика - грубый, малоподвижный спорт, но его освещает внутренний смысл. Именно он не дает мускульной потехе скатиться до уровня манипуляций робота... Дерзость духа. Обуздание инстинктов самобережения. Какое счастье подняться, где чистый воздух и тебя не сбивают с голоса!

Разумеется, большой спорт знает и свои болезни. Два начала вечно противоборствуют в нем. Впрочем, как и везде в жизни...

...После победы меня всячески прельщали на снимки в "выразительных" позах: обнаженный торс, слепленный явной или скрытой натугой мышц. Я же всегда испытывал отвращение к этой бравате, опошлению победы.

А просьбы на замеры мускулов? Ох уж эти замеры! Эта богатырская внушительность! Слов нет, все это в какой-то мере имеет отношение к силе, но именно в "какой-то". Сколько в жизни недоумков с широкими лбами и мудро-тяжелыми головами!..

Качества мышцы и другие ее свойства прежде всего определяют природу силы. Измерения же мышц не могут доказать ее и не доказывают. Поэтому Евгений Сандова и был такой обычный, даже слишком обычный, а сила его - в легендах...

Агентство Франс Пресс так охарактеризовало столкновение сильнейших

атлетов в "Палаццетто": "Героем последнего дня состязаний тяжелоатлетов - а этот день можно с полным правом назвать самым блистательным из всех - был русский богатырь Власов. Именно он унаследовал золотые олимпийские лавры американского "подъемного крана" Пауля Андерсона. Установив олимпийские рекорды в жиме и рывке, Власов поступил еще лучше. После того как он в великолепном стиле поднял 202,5 кг, зал словно охватило общее безумие. Десятки зрителей бросились на помост и торжественно унесли на руках русского триумфатора..." (Советский спорт, 1960, 12 сентября).

Бойкот усох без распоряжения сверху, и Воробьев снова называл себя моим другом. Справедливость силы.

Откликнулась даже "Литературная газета" (13 сентября): "Ночь перед последним, заключительным днем Олимпиады была ознаменована еще одной такой громовой победой нашего спорта, что весть о ней наутро прокатилась по всему свету. Наш Юрий Власов в эту ночь доказал, что он не только самый сильный человек на Земле, но и сильнейший из всех атлетов, когда-либо бравшихся за штангу. На диво сложенный, обаятельный всей своей повадкой, чуждый каких бы то ни было дешевых эффектов, он выходил раз за разом на помост "Палаццетто делло спорт"... Простым движением, точным и исполненным скромной богатырской грации, он брал штангу прямо вмертвую..."

Потом, после многих побед, славы и награждений всеми существующими титулами в спорте, я все чаще и чаще приходил к одним и тем же вопросам. Победа ничего не меняет в человеке. Ведь и до победы он сложен из тех же чувств и работы. Почему же он после победы иной для всех? Он, который ни в чем не изменился; он, которому до победы было во сто крат труднее; он, который остается таким, каким был всегда?... Неужто истина ничего не значит вне публичного ее объявления через победу?

Глава 62.

Не противостояние весам было самым трудным, но ожидание. Постылые часы.

Работа на помосте вносит ясность. К ней атлеты, можно сказать, профессионально приспособлены. Их работа. На это пускают годы. И лишь другая часть борьбы - ожидание - требует единственно нервного напряжения без физического выхода... Час за часом набавлялись диски... И все сходилось на ожидании - часы с самим собой. В этом столкновении уже

не сила определяет победу - невосприимчивость к неудачам, провалам, капризам мышц, умение держать себя, когда соперник вдруг поднял мощные килограммы...

С отвращением слышу, вижу те часы ожидания. Долгое терпение - я снес его в ту ночь. Вот и все. Шемански никогда не был авантюристом, как утверждает один из корреспондентов. Если авантюризм - попытка, в которой надежда на победу, то, как говорится, дай бог всякому такое. Как может быть авантюризмом решение загнать себя под опасный вес?

Маэстро Шемански еще в 1953 году толкнул 187,5 кг, в 1954-м - 192,5 и тогда же "континентальным" способом - 200. Все предпосылки для успеха. Оставалось преодолеть инстинктивную боязнь перед уже знакомым весом - память о поврежденном позвоночнике, а это мужество.

Согласно той же логике и я авантюрист. Ведь я не поднимал 202,5 кг, однако рискнул. А в жиме американцы меня задиристо стиснули, по-футбольному. Сорвется Шемански, Брэдфорд на подхвате. Давись, хлебай напряжения, не уступай ни грамма! У них сложился настоящий охотничий смычок. Только ненадолго...

И Тэрпак давал хлопок при затяжке, но в правилах. Все по законам турнирной рубки. Зато я уже вызубрил старт под его "ладошки". Год ломал доверчивость навыка.

Через шесть месяцев, когда американская команда наведальась в Москву, я назвал Брэдфорда в гости. Переводчик напечатал очерк о встрече:

"...Москвич просит извинения за свой вопрос:

- Вы с Шемански думали разбить меня в Риме?

- Откровенность за откровенность. Думали, надеялись...

Брэдфорд много и настойчиво готовился к этой борьбе (Брэдфорд рассказывал мне, как на месяцы отрекся даже от самых естественных радостей ради тренировок, забыл семью-только "железо", только накопление энергии и жизнь для победы!-Ю. В.).

- Лишь в Риме я понял, как вы сильны,- говорит он, обращаясь к Власову.- Это сыграло психологическую роль. Я почти не волновался, спокойный за второе место. Лишь за несколько часов до соревнований меня "навестило" волнение. Поздно, очень поздно. Лучше бы начать волноваться пораньше, чтобы к состязаниям совершенно освободиться от этого чувства, чтобы оно

выдохнулось и не давало знать на помосте.

- Я волновался несколько дней и ночей до старта,- замечает Власов.- Ощущение не из приятных. Одним словом, мы с вами волновались, как новички. Кстати, вы долго стояли над штангой, что-то шептали - это выглядело таинственно.

- О да! Своеобразный талисман, несколько слов, которые я всегда повторяю в ответственные моменты. - Хорошо, что вам в голову еще приходят какие-то слова,-смеется москвич.-Я, наоборот, обо всем забываю, ничего не вижу, кроме... грифа.

- Да, я помню, вы бросались с налета на штангу. Кое-кто полагал, что в вас еще слишком играет молодость, неопытность, что этим вы будете наказаны, но... как известно, этого не случилось. Я, откровенно говоря, не думал, что вам удастся выжать 180 кг.

- На тренировках я выжимал и 185,- говорит Власов,- и, должен признаться, результат 180 кг, с одной стороны, обрадовал меня, поскольку он не уступал вашему, а с другой - заставил поволноваться. Подумал:

"Что, если я и дальше буду недобирать по 5 кг?"

- Рывок, видимо, вас успокоил. Вы ушли от меня на 5 кг.

- Наоборот,- отвечает Юрий и погружается в какие-то очень сокровенные и известные, может быть, только ему воспоминания.- То, что вы вырвали 150, походило на гром. Я понял: американцы в блестящей форме. Перерыв между рывком и толчком, вы помните, составил полтора часа. Мое любимое движение - толчок. Любимое, но и приносившее мне столько огорчений. Всего четыре месяца перед этим, на чемпионате Европы в Милане, я очутился перед пропастью. Потерял две попытки на 185 и лишь третьей зафиксировал вес.

- Хотите знать, что я думал эти полтора часа?- перебивает Юрия американец.

- Конечно!

- Как это ни странно, но после жима и рывка я сложил оружие. Я понял: не имея запаса, бороться дальше против Власова в толчке - утопия. Все, что мне теперь было нужно,- второе место. Я решил толкать ровно столько, чтобы меня не обошел Шемански. Семь часов борьбы были сверхизнурительны. Меня несколько раз бросало в пот, и вы видели меня в

странном одеянии - закутанным в плед.

- Да, это меня озадачило,- отвечает Юрий.- Меня, наоборот, тянуло на свежий воздух.

- Усталость и уверенность во втором месте настроили меня только на 182,5 кг в толчке. А вы толкнули на 20 кг больше! Я был счастлив, что присутствовал в величайший момент истории спорта и что поднял гигантский вес мой соперник и друг.

- В этот толчок я вложил все силы,- задумчиво произнес Власов.- В моем успехе и ваша заслуга. Ваши результаты в жиме и рывке настроили меня на атакующий лад... Правда, у меня был... порыв толкнуть еще больше...

- Но вам не дали это сделать,- замечает Брэдфорд.- Психологически все объяснимо: люди были так ошеломлены! Они не понимали, что делали. Мы бросились на помост и начали подбрасывать вас. В зале бушевала буря.

У Брэдфорда голос тихий, спокойный. Власов говорит громко и раскатисто смеется. Негритянский атлет сидит, скрестив руки на груди, и поглаживает свои бицепсы, горой вздымающиеся под рукавами. Юрий улыбается:

- Не могу без зависти смотреть на ваши руки и плечи, мои кажутся в два раза тоньше.

- О, вы опять бросаете мне под ноги оливковую ветвь,- смеется тот.- Я готов менять свои руки и плечи на власовские ноги.

Брэдфорд объясняет, как он развил силу рук, подробно объясняет, чему он обязан своим великолепным жимом. Помимо обычного выжимания штанги, он делает различные вспомогательные жимовые упражнения. - На первом месте так называемый "брэдфордский жим",- смущенно поясняет он.- Это в мою честь назвали мое любимое упражнение. Штанга весом 120 кг кладется на спину, за голову, и выжимается вверх. Затем снаряд опускается на грудь и после выжимания опять идет за голову. Вот это чередование и есть "брэдфордский жим".

- В чем ценность упражнения?

- При жиме из-за головы работают только одни руки. При всем желании от корпуса, ног не жди помощи. А когда тут же я прожимаю штангу с груди, то мускулы рук, не успев ничего "понять", опять работают без "посторонней помощи". Это выкристаллизовывает жим чистый, силовой, без отклонов и прогибов.

Юрий рассказывает, что шел к силовому жиму иным путем...

И тут же Власова осеняет догадка:

- Да ведь мы ставим себя в одинаковые условия. При отжимании на брусьях рукам ничто не помогает: ни ноги, ни мышцы живота.

- А как вы тренируете толчок?- интересуется американский тяжеловес.

Юрий так воспроизводит подрыв, будто у него в руках действительно стальной гриф, нагруженный многочисленными дисками. Он "берет" его узким хватом и энергично тянет к подбородку.

- Но позвольте,- недоуменно спрашивает Джеймс,- ведь такое узкое взятие штанги предназначено для толчка?

- Вы правы. Именно так я развиваю большую тяговую силу. А это - главное! Раньше я по отдельности делал тягу и широким и узким хватом. Берешь шире - меньше вес, уже - больше. Но по мере роста силы, когда я мог брать таким образом (широко) 170-180 кг, мне пришла в голову мысль объединить рывковую и толчковую тренировки. Теперь "тяну" до 240! Брэдфорд покачивает головой:

- А ноги? Ноги? Как вы их сделали такими сильными?

Юрий усмехается:

- Да они у меня от природы, видимо, очень сильные...

- Я ничем не занимаюсь, кроме штанги,- сообщает Брэдфорд.- Вес. Большой собственный вес. В 15 лет он был у меня уже 105 кг.

- А я пришел к такому собственному весу к 20 годам. А в 16 лет у меня было около 90. Сейчас я собираюсь набрать еще десяток килограммов.

- Зря,- замечает Брэдфорд.- Я однажды нагнал большой вес и тут же потерял результаты в рывке и толчке.

- Но я думаю делать это постепенно. Нарращивать не жир, а мускулы.

- И все равно не советую,- заключает Джеймс.

- Но я не похож на тяжеловеса!- парирует Власов.- Находились храбрецы,

которые пытались даже набить мне физиономию...

- О, я им не завидую. Они, конечно, убедились, что вы - настоящий тяжеловес!- под общий хохот заключает Брэдфорд.

- Жду вас летом на матч штангистов СССР - США.

- Не уверен, что приеду,- отвечает Брэдфорд.- Много работы, учусь на курсах. Наверное, вам придется бороться с Шемански. Он упорно готовится к этим встречам. В свои 37 лет он силен, как никогда..." (Физкультура и спорт, 1962, № 6. С. 12-13).

Силен, как никогда!..

Итак, Шемански - умная сила, отвага на помосте, опыт полутора десятилетий выступлений, бывший "самый сильный человек мира", атлет, которого не смущает ничья и никакая сила... А Брэдфорд действительно друг мне.

"Семь минут гремела овация",- отмечает один из корреспондентов. Эти минуты понадобились для удаления публики с платформы. Правила требуют взвешивания рекордного веса и самого атлета. Время для четвертой, незачетной попытки пропало. А я хотел пойти на 205 кг.

"Всех охватило какое-то безумие,- вспоминает Куценко.- Все рвались к помосту. Творилось что-то невообразимое. Лишь позывная мелодия олимпийского гимна внесла некоторое успокоение (и вмешательство карабинеров.-Ю. В.). Я взглянул на Боба Гофмана. Он стоял осунувшийся, усталый. Да, теперь он уже не может сказать то, что повторял много лет: "Русские сильные, но все же лучшие атлеты тяжелого веса - из США "".

Эпизод в великой гонке! Не отдых, а ужесточение гонки. Застолблен еще результат - очередной среди множества. Я знал: этот результат решил борьбу сегодня, но завтра с ним провалишься - вот и все его величие.

Великая гонка искала имена, чтобы забыть; открывала новые имена; все время предполагала новую силу, не спускала ничтожную слабость...

Глава 63.

В три часа десять минут ночи фанфары вызвали победителей на пьедестал почета. Зрители обложили платформу: тысячи вскинутых лиц!

Не знаю, отказываюсь уразуметь, почему в памяти тогда ожили пастернаковские стихи. Их автограф, датированный 1938 годом, прикочевал ко мне сам по себе - с десятков случайных размеров, исхлестанных высоченными, причудливо-хвостатыми, властными письменами, досадливой нетерпеливостью правки, жадностью более точного смыслового и музыкального созвучия. Я люблю письмо живой руки. Необычность почерка всегда настораживает - это встреча с незаурядностью. Я редко ошибался...

...Лежим мы, руки запрокинув

И к небу головы задрав...

Я поддаюсь очарованию чувств в ритмах. Сколько помню себя атлетом, всегда перед хватом шептал... Брэдфорд молился. И я, если угодно, молился, но стихами. В слове для меня предметная и решающая сила. И разве не слова впереди всех дел?!

...С младенческим однообразием,

Как мазь, густая синева

Ложится зайчиками наземь

И пачкает нам рукава...

Спустя несколько лет на банкете Юрий Гагарин (я с ним был знаком, когда мы оба были старшими лейтенантами и он не носил звания космонавта номер один) представил меня осанистому седоватому господину. Тот и другой улыбались. Я не сообразил, в чем дело, и прямодушно назвал себя. Старый господин, налегая на трость, протянул руку - тяжелую, но не возрастом. Я успел поймать взглядом перстень. Что-то шевельнулось в памяти. Но, быть может, оттого, что один из болельщиков подарил мне похожий, разумеется, не из золота, как этот, но с высеченной по сардониксу фигуркой атлета - доподлинной инталией? Переводчик, однако, освежил память:

"Вы напрасно называете себя, товарищ Власов. Ведь герр... (переводчик назвал имя) по поручению МОК награждал вас золотой олимпийской медалью..."

И я все вспомнил! И старого господина. Там он не был бледен. Итальянское солнце тоже осмуглило это породистое, умное лицо. И держался он, пожалуй, статнее. Там, на платформе "Палаццетто", он зашагал к пьедесталу

без трости, чуть вперевалку. И сам такой крупный, будто атлет. Он поразил меня. Обратился по-немецки, потом по-английски, а когда я отозвался на французский, грассируя, наговорил любезностей.

"...Теперь можно немного от вина, ласк и неба..."- и это он сказал тогда.

Почему же "немного"? Мне и в самом деле хотелось обжечься, выгореть во всех радостях жизни.

И теперь старый господин вспомнил мой вопрос-ответ, но с грустью. Понятной грустью. Одет он был в мертвящую тяжесть многих лет. Понимал возраст, но не признавал. Почему, по какому праву вдруг последние шаги?..

Теперь можно немного от вина, ласк и неба...

Как коротки эти мгновения радостей и как длинны шаги к цели! Как ничтожно коротка простая радость! Какая ценность - неотравленная, чистая радость!

А тогда старый господин извлекал медали из белых продолговатых коробок, расправлял бронзовые цепи-лепестки и опускал на шею: мне. Большому Вашингтонцу, маэстро Шемански. И всех нас после гимна разметала толпа. Затем меня высвободили карабинеры, и я отсиживался в комнатке. Журналистов тоже отсекли, оцепление пропустило только спецкоров "Советского спорта" Б. Бекназар-Юзбашева, А. Кикнадзе и еще Н. Озерова. Полугодом позже Николай Николаевич Озеров презентовал мне ролик со звукозаписью действия в "Палаццетто". Забавное слушание. Гвалт, тишина, какая-то невозможная тишина, провал всех звуков, тут же звон, вколачивающие удары ступней, хриплый, ожесточенный вопль Тэрпака и осатанелый свист, сотрясение пола, топот, всхлипывания... Не отняли!..

Глава 64.

Итак, я опередил Брэдфорда на "четвертак" - 25 кг, Шемански - на 37,5 кг. Это уже не варшавская победа - милостыня от сильных. В Риме я утвердился на первом месте. Джеймс Брэдфорд получил шестую, и последнюю, серебряную медаль (512,5 кг-повторение рекорда Пола Эндерсона), в чемпионаты мира он больше не играл. Норберт Шемански с новым для себя результатом 500 кг оказался на третьем месте: это третье место стоило иной золотой медали - из праха и забвения поднял себя этот человек. Четвертое место занял египтянин Мохаммед Ибрагим (455 кг). Как он рвался к победе! Как горяч был борьбой и как огорчался срывам! Пятое

место занял финн Эйно Мякинен (455 кг), шестое - канадец Джон Бейли (450 кг) и седьмое - бронзовый призер Игр в Мельбурне итальянец Альберто Пигаяни (450 кг). Возмутитель спокойствия аргентинец Сельветти не приехал, а жаль... Друзья, мы вместе сражались...

Любопытно сравнение собственных весов первых шести атлетов Олимпийских игр в Риме (1960) с собственными весами первых шести атлетов Олимпийских игр в Монреале (1976).

У первых шести победителей в Риме: Власов - 122,7 кг, Брэдфорд-132,8 (В "Официальном отчете Организационного комитета XVII Олимпийских игр" вес Брэдфорда указан ошибочно - 122,5 кг. В действительности он весил 132,8 кг. Допущены ошибки и в других случаях. Так, вес Шемански не 108,7, а 112,5 кг. Совершенно достоверные данные приведены в "Спорте за рубежом" (1960, № 8). В остальном сведения "Официального отчета" верны), Шемански - 112,5, Ибрагим - 107,5, Мякинен - 112,2, Бейли - 130,8.

В Монреале победители соответственно весили: Алексеев - 156,8 кг, Бонк - 151,3, Лош - 110,6, Надь - 137, Уилхем - 147,3, Павласек - 159,2 кг.

Четко прослеживается увеличение собственного (в основном жирового) веса как одного из самых надежных средств достижения победных результатов.

Глава 65.

В Риме я утяжелил рекорд СССР в жиме, а также мировые рекорды в толчке и сумме троеборья. Значительным явилось прибавление в сумме троеборья - 27,5 кг по отношению к всесоюзному рекорду и 25 кг - мировому. Такое прибавление никому никогда не удавалось, кроме Эндерсона на чемпионате мира в Мюнхене. В ту ночь все четыре олимпийских рекорда стали моими.

"Общество не принимает векселей на будущее, а требует готовую работу за свое наличное признание" (Герцен А. И. Полн. собр. соч., 1956, т. 10. С. 344) - точнее не выразишь. Меня ждала та будущая работа. Римский вексель оплачен победой. Но только римский...

Меня назвали лучшим спортсменом СССР и Олимпийских игр. В тот же год я напечатал очерк в "Огоньке" (1960, № 48, 49). Я еще не знал, во что обойдется это совмещение. И как придется натягивать жизнь. Не играть в литератора, а делать дело.

Всего в 1960 году я пять раз обновлял рекорды СССР - четыре раза в жиме и

один в сумме троеборья. Обновил и три рекорда мира - по одному: в рывке, толчковом упражнении и сумме троеборья. Таким образом, уже поднятыми килограммами я был готов к результату в 550 кг!

После Олимпийских игр в Риме (1960) весовые категории на чемпионатах стали делить на две группы - обычную и сильнейшую. Обычная выступала утром, сильнейшая - вечером. Соревнования в Риме по семь - десять часов (легковесы отработали десять часов кряду!) оказались мучительными. До и после нас никто не испытал ничего подобного.

Команда СССР, набрав 40 очков, впервые выиграла Олимпийские игры: пять золотых медалей (Е. Минаев, В. Бушуев, А. Курынов, А. Воробьев, Ю. Власов), одна серебряная (Т. Ломакин). Всего шесть призовых мест. Р. Плюкфельдер не выступал из-за острого радикулита.

Команда США в качестве второй оказалась вне досягаемости: 34 очка при одной золотой медали (Ч. Винчи), четырех серебряных (И. Бергер, Т. Коно, Д. Джордж, Д. Брэдфорд), одной бронзовой (Н. Шемански). Всего шесть призовых мест. Д. Пулскэмп занял четвертое место. И на третьем месте - команда Польши: 20 очков при одной золотой медали (И. Палинский), одной бронзовой (Я. Бохонек). Всего два призовых места.

В "Официальном отчете Организационного комитета XVII Олимпийских игр" выведены средние показатели в тяжелом весе по шести первым местам каждого упражнения классического троеборья Игр в Хельсинки (1952), Мельбурне (1960).

За восемь лет (с 1952 года) средний результат в жиме возрос на 17 кг, рывке - 19, толчке - 20,4 и сумме троеборья - 55 кг (для первой тройки эти цифры разительно выше).

Невозможность выступления Плюкфельдера Воробьев "квалифицировал" как сознательный саботаж "немца". И повел травлю, многолетнюю...

Не обошел вниманием Воробьев и Медведева. Спустя десятилетия кляузами и различными подкопами трижды срывал присвоение ему докторской степени, пока я, будучи президентом Федерации тяжелой атлетики СССР, не составил в числе других товарищей соответствующий документ в ВАК.

Попал под пресс Воробьева и Курынов. Но Сашка не смог защититься.

И этот список можно продолжить, но стоит ли... На всех и на всё хватало и хватит Аркадия Никитовича.

По завершении Игр президентом Международной федерации тяжелой атлетики и культуризма вместо Бруно Ньюберга был избран американец Кларенс Джонсон. В 1953-1955 годах Джонсон справлял обязанности менеджера американской сборной (Менеджер-не тренер, а управляющий делами сборной, администратор-организатор, но не заведующий хозяйством).

Вместо француза Эмиля Гуле генеральным секретарем федерации избрали англичанина Оскара Стейта.

Глава 66.

В ту ночь я присовокупил к нашим золотым медалям последнюю - 43-ю.

Для меня минули всего шесть лет более или менее последовательных (отнюдь не благополучных) тренировок. Они совпали с потрясениями и переменой воззрений в тяжелой атлетике.

Поразил силой самый легкий из чемпионов в тяжелом весе - Норб Шемански. В первые годы выступлений на большом помосте Шемански весил меньше Джона Дэвиса - атлета очень легкого для тяжеловеса. В 1952 году Дэвис выиграл свою последнюю, восьмую золотую медаль первого атлета при собственном весе 104,3 кг. Атлетика тогда стремилась сочетать силу с соразмерностью сложения, во всяком случае, не признавала жирности и слоновости за идеал силы. Атлеты чурались тучности, а история спорта и ее хроникеры сохраняли понятие о красоте как свойстве, нераздельном с силой. Но вскоре постулат: "Победитель - это в любом случае замечательно" - прочно утверждает себя. Не беда, что поиск силы предполагает неизбежным громадность личного веса, важен результат! Хозяин первой силы всегда прав, велик и заслуживает поклонения!

Такой взгляд постепенно извращает представление о высшей силе.

Смятение и смирение вызвал на помостах Пол Эндерсон - явление даже среди самых сильных. С ним в новом ритме повелась великая гонка (в жиме несколько раньше этот темп предложил Хёпберн) (Кстати, Дэвид Уэбстэр в своей "Железной игре" объявляет наших атлетов губителями честного силового жима. Я выступал на большом помосте с самыми прославленными атлетами с 1957 по 1967 год- канун отмены жима. Упадок качества жима поразил атлетов всех стран - следует полистать протоколы международных соревнований. Причина вырождения жима в швунг - сложность его объективной оценки. Именно эта слабость оценки жима потворствовала

развитию трюкового, нечестного жима. Эта причина в равной мере обуславливала характер жима во всех странах, действуя независимо. Утверждение Уэбстэра лишено понимания сущности процесса. Сама же форма упрека, развязность и грубость недостойны работы, претендующей на объективную обстоятельность).

В ту ночь могли быть живы все из моих предшественников по олимпийскому титулу, даже самые первые. Их еще можно было счесть по пальцам:

Лаунсестон Эллиот и Вигго Йенсен (Игры 1896 года);

Оскар Паул Остхофф и Периклес Какоузис (Игры 1904 года);

Филиппе Боттино (Игры 1920 года);

Джузеппе Тонани (Игры 1924 года);

Йозеф Штрассбергер (Игры 1928 года);

Ярослав Скобла (Игры 1932 года);

Йозеф Мангер (Игры 1936 года);

Джон Дэвис (Игры 1948 и 1952 годов);

Пол Эндерсон (Игры 1956 года).

Я стал первым олимпийским чемпионом из России среди самых сильных атлетов - спортсменов тяжелого веса. Высшая атлетическая ценность - титул "самый сильный человек в мире" был отнят у Пола Эндерсона (Для составителей энциклопедии Менке не существуют наши атлеты из числа выступавших до 1965 года - времени моего практического ухода из спорта. Не назван ни один, исключая меня. И вообще нет ничего о советской тяжелой атлетике 1917 - 1965 годов. Это, по крайней мере, странно, если учесть роль наших атлетов в мировом спорте.

Нет ничего о Джоне Дэвисе. Весьма скупы сведения о Шарле Ригуло. В цифрах же допускаются искажения.

Французская энциклопедия Дэноэля не относит этот почетнейший титул вообще ни к одному из атлетов, помимо Шарля Ригуло и меня. Мангер, Дэвис, Шемански и Эндерсон не приняты в качестве "самых сильных людей". Нет даже оговорок об исключительности их силы. Выдерживается,

так сказать, принцип вкуса) и впервые с далеких предреволюционных турнирных столкновений по всем статьям перешел к русскому атлету.

Не сужу, получилось ли, но я старался так, чтобы моя сила возбуждала любовь к спорту и жизни и никогда не была сокрушающей, всезапретной для порывов, надежд...

"Давить!" - это я стал слышать потом...

Глава 67.

Я сознавал неизбежность своего утяжеления до 130- 140 кг. Вес даст мышечная масса. Поэтому я сохраню скоростные качества и выносливость. Без выносливости к нагрузкам не стоит загадывать и о результатах. Одаренность одаренностью, но прежде - труд. Свирепый труд. Десять, двадцать, тридцать тонн тяжести в тренировочный заход при заданной интенсивности - это изменит мышцу, обеспечит направленные приспособительные процессы. Это тысячи тонн в строгостях соотношений, определенностях расчета...

Мне нравилось строить силу. Ошибки тренировок не могли укротить меня. Особенное отвращение вызывало (и вызывает) благоразумие. Беречь себя, лелеять, мелочно брать все, что дают выгоды силы, расходовать себя скаречно, вообще скупиться на выдачу себя - не умел так, не понимал этих слов, презирал, как ползучую мудрость. Опрокидывать все, на что достает силы, а отдав ее, добыть сызнова! Гадливость я испытывал и к тем анализам историков спорта, которые лишь сводили результаты в столбцы. Без соприкосновения с чувствами цифры и факты мертвы и часто лгут вопреки самому принципиальному объективизму. Восторг силы наделял дерзостью. Упадки духа - это от усталости, это ухабы дерзости. Это и есть счастье борьбы - отдав, заново взрастить силу.

Нет, слишком многое оставалось и остается за столбцами цифр. Я не умел отказываться от цели. Просто не ведал, как это бывает. Если живешь - значит, всегда сохраняешь способность к движению. Всегда остаются иные заходы к цели. Ошибки благословенны. Они могут быть трагичны по форме, но не по существу.

Ошибки поворачивают на цель, когда умеешь читать их. Искусство обращения с ошибками и отличает удачника от неудачника, победителя от просителя, талант от посредственного умника...

Впрочем, случалось и по-другому. Сяду - и нет желания шевелиться. Кажется, везде и всюду теряешь себя. Жизнь ускользает. Все дни - мимо. Ничего не помнишь. Только помосты, диски... Я непростительно сорю днями, а смысл спорта ради результата бледен, ущербен, и вся игра преувеличенно серьезна.

Не проще ли, не честнее сразу заняться чем дорожу?

И однозначность ответа: к той, другой жизни я не готов, скорее даже беспомощен, а там борьба. И гораздо более суровая, изощренная - на знаниях и воле, которых у меня еще нет!

И еще - о молчании. Кто молчит, изменяет истине, навешивает тяжесть и боль на других. И принципы - они для выводов! Непрерывности выводов. Новых упорств жизни.

Не лгать, не играть в кумира, не выдумывать себя. Быть собой. Быть преданным движению, устоять в себе. Не дать себя выдумывать. Быть собой.

А пока искать себя, пусть через спорт. Выходить на верное направление, главное... Но и тогда я знал твердо: не буду приживальщиком от побед, не дам себя раздавить, обезличить победами. Это не позволяло самолюбие, но еще в большей степени это соответствовало убеждению: большой спорт имеет смысл, пока ты сохраняешь способность к росту. Нет этой способности - нет спорта, лишь голый смысл выгоды вместо спорта. Поэтому я не страшился поражения. Его не могло быть. Не пустые слова - ведь впереди жизнь, новое приложение себя.

Я спешил. Достать заветные килограммы - и уйти! Есть это внутреннее обязательство, радость и злость постижения цели, а за ними - все новое, все сброшу с плеч... Перевод слова "атлет" с греческого означает "бороться, трудиться, терпеть, переносить бедствия". Точно так!

Глава 68.

Я, конечно, тешил себя выдумками, но в веренице тренировок, освоении новых весов, озорстве натиска на новые рекорды и поединках я слышал свою музыку. Дней в жизни мало, как мало! Вышагнуть за убогость "килограммового" движения.

Заложенная природой страсть к владению телом, подчинению борьбы своей

воле - великое искушение! Тяготы тренировок смывала музыка настроения.

Эйнштейн утверждал: научное творчество-это процесс одной природы с искусством вообще. Я жил именно таким ощущением. И спорт я не представлял без этого приложения. Я многое выдумывал, многое идеализировал, но разве можно без мечты? Мечта и лишённые мечты. Расточительство силы и скупость расхода. Копеечность каждого шага. Торжествующий мещанин, вооружённый дипломом и чином, везде и по мере возможностей столбит участки...

Жизни ещё предстояло вколачивать некоторые истины, противные всему моему существу.

Очень скоро я уверился: слава - это необходимость новых побед, это долг перед обществом, причем долг с процентами. И очень высокими. А со стороны она казалась такой уютной, удобной...

"Когда общество доходит до известной высоты развития, тогда оно начинает требовать от своих членов, чтобы у них были определённые и сознательные убеждения и чтобы они держались за свои убеждения. Кроме обыкновенной честности, является тогда высшая честность, честность политическая..." (Писарев Д.. И. Соч., т. 3. М., 1956. С. 95-96). Я понимал это как самостоятельную твердость убеждений. И разве от отсутствия похвал хуже то, чему ты предан?

Спорт давал и здесь предметные уроки. Ещё бы, это такая жизнь!

Разве ограниченная духовность силы не есть насмешка над человеком, издевательство и обнажённость наживы? Разве победа - только победа, высшая правота, и все? Разве она по своей природе лишена разборчивости? Если победитель - значит, уже прав?

Как ни странно, спорт воспитывал отвращение к самонадеянности силы и победам, которые нередко приучают к неразборчивости средств. Я презирал победы от барышей. Барышей любого порядка.

Я старался понять смысл силы. Силы вообще. Справедливость силы. Да, вышагнуть за убогость только "килограммового" движения!

Глава 69.

11 сентября. Воскресенье.

Если церемония открытия Игр - шествие колонн, то в торжестве закрытия вместо команд участвовали лишь знаменосцы.

Я шагнул на дорожку "Стадио Олимпико" из тоннеля со стороны малого, "мраморного", стадиона - все плыло в мареве прожекторов! Нести флаг по стадиону долго. Я знал, зрители следят, буду ли перехватывать древко. Это было как бы небольшим продолжением соревнования. Новым маленьким испытанием.

Агентство Юнайтед Пресс Интернэшнл поместило в заголовок: "...в течение десяти минут рука знаменосца ни разу не дрогнула..."

Уже в ночи знаменосцы выстраиваются против почетной трибуны. Под гимн Греции на флагшток поднимается ее стяг. Погода взвиваются флаги Италии и Японии - страны будущей Олимпиады.

Прощай, Рим! Прощай, город щедрого солнца!..

Команда СССР набрала 683 очка, 43 золотые медали, 29 серебряных, 31 бронзовую. Всего- 103 медали.

Второе место заняла команда США: 463,5 очка, 34 золотые медали, 21 серебряная, 16 бронзовых. Всего - 71 медаль.

На третье место вышла объединенная германская команда: 282,5 очка, 12 золотых медалей, 19 серебряных, 11 бронзовых. Всего - 42 медали. Сборная США впервые уступила первенство и в легкой атлетике.

"Нью-Йорк тайме" писала: "Русские подавили американцев по всем видам подсчетов, посвященных Олимпийским играм. Они забрали больше нас золотых, больше серебряных и больше бронзовых медалей. Они победили американскую команду по числу очков. И русские выиграли все это совершенно честно".

Глава 70.

До римского выступления едва ли не все в один голос твердили, что из меня не выйдет атлета: я не умею выступать, чересчур горю, не управляю собой. Я убедился: этот недостаток преодолевается. Да и недостаток ли - ожидание могучего выплеска силы?..

В Милане завершилось ученичество. В Риме я навсегда расстался с ученичеством. С тех пор я уже не выступал, а строил силу. Все заменил расчет. Даже выход чувств - я управлял ими. Но, как я уже писал, положиться на себя смог лишь после своего четвертого чемпионата мира, будапештского (1962).

Норму мастера спорта СССР я выполнил 22 февраля 1957 года на показательном выступлении в Зимнем манеже ЦСКА - это на Комсомольском проспекте. Значок тут же вручил Маршал Советского Союза Буденный.

И орден Ленина мне вручил Буденный. Это дало ему повод для шутки, что и следующую награду он вручит мне, такова, видно, судьба. Однако новый орден в 1964 году я получил из рук А. И. Микояна.

Память о римской победе запечатлелась и в почтовой марке, выпущенной зимой 1961 года. Я изображен на марке в рывковой фиксации.

Радовался очень. И лишь сознание того, что каждый день уносит те мгновения счастья, что их будет меньше, пока они не превратятся лишь в газетные строки - бумажный мусор, мнилось несправедливостью. Спорт - это постоянное расставание с дорогим, большим, потеря этого дорогого, превращение в заурядность, если не в курьез. Всему этому надо противопоставлять волю движения, презрение к мнениям от выгод, сытости и, если угодно, достоинство художника, сознающего ценность своего творения. В большом спорте всегда опасно превращение в кумира, идола, ибо оно выхолащивает первородную любовь, разменивает ее на выгоды, грозит потерей движения. И опошляет жизнь. Ибо в поклонении всегда есть доля унижения, незаметная, но очевидная: признание своей неспособности, отказ от активности, уступка этой активности другой воле или волям. Восторг талантом и победой естествен, но превращение восторга в поклонение - болезнь...

Спортсмен исполняет общественную функцию. Я всегда считал определения роли художника Петровым-Водкиным самым близким и к определениям назначения таланта от спорта: "Искусство-движение человека, его вечный путь, вечная борьба за новые и новые откровения... В искусстве есть закон для художника: что не для тебя, то никому не нужно. Если твоя работа не совершенствует тебя - другого она бессильна усовершенствовать, а иной социальной задачи, как улучшение человеческого вида, и нет". Трудная задача большого спорта - противоборство с навязанным ему самой природой (отчасти и обществом) грубого, прямолинейного смысла быть лишь мускульным механизмом.

Мужество, мудрость большого спортсмена не только в понимании данных обстоятельств и определении верного поведения, но и в уважении к спорту как творчеству, как самостоятельной ценности. Отсюда и осознание стратегии тренировок, решительный отказ от мелочного разбазаривания таланта ради соблазнительных условностей, умение видеть за лишениями главное назначение, определенное спортивным дарованием: достижение предельно возможных результатов. Да, сосредоточение для этого всей энергии, подчинение всех обстоятельств. Ведь в конце концов победы и высшие достижения - меньше всего эгоизм, но выражение способностей людей вообще, доказательство этих способностей, что в итоге совпадает и с интересами коллектива.

Довольно часто мое поведение и подчинение достижению высших результатов всего уклада тренировок истолковывались как спесивость, заносчивость и эгоизм. Даже один из моих близких друзей в спорте заметил: "Тяжеловесы все капризны". И это заметил тот, кто видел всю подноготную труда. Очевидно, чтобы это понимать до конца, надо самому нести что-то в жизни, не просто складывать дни...

Я за понимание достоинства спортивного труда, понимание всех необходимостей риска, потерь, усталости. И нелепо после пересматривать это прошлое. Ничто не напрасно: ни настоящее, ни прошлое-осознание этого чувства, имеющего объективную обоснованность, до конца дней должно определять достоинство спортсмена. Полотна художника - в музеях, музыка композиторов - в нотах, все прошлые свершения в спорте - в физическом совершенстве и красоте каждого.

"Как должны быть герои духа и вдохновения,- писал теоретик российского спорта и атлет Чаплинский,- так нужны и апостолы, и носители силы. И те и другие являются верстовыми столбами культуры, все равно духовной или телесной... Вот почему человечество всегда будет интересоваться необыкновенными деяниями, выдающимися проявлениями духовной и физической мощи и энергии. А к числу последних относятся и рекорды..."

Безусловно, спорт противоречив. Противоречив и в то же время велик. Его болезни - фетишизация, превращение в оружие, средство. Однако его заблуждения вообще так же естественны, как заблуждения в искусстве и науке. Но изначальная суть спорта благородна, чиста и в тысячелетиях напроць спаялась с культурой. Не глумливым придатком культур упадка, культур разрушения, а общим, благородным порывом за совершенного человека.

Горькие падения не следует распространять на все явление. Спорт - и это заложено в его существе - предмет прекрасного, добывание совершенного.

А это добывание свойственно человечеству, неотделимо от его сознания. И есть не что иное, как история его развития. Но политизация губит спорт, уродуя его изначальную суть.

И нелишне помнить: спортсмены таковы, какими их создают условия общества, они только отзываются и следуют этим условиям. Самостоятельного, обособленного мира спорта не существует. Он такой же продукт общества, как и культура вообще.

Глава 71.

Я выступил 10 сентября, а через день агентство Ассошиэйтед Пресс оповестило мир:

"Токкоа, штат Джорджия, 12 сентября.

Американский силач вызывает советского.

Силач Пол Эндерсон, чьи мускулы вызывали когда-то благоговейное уважение в Советском Союзе, послал тяжелоатлетический вызов русскому, который вырвал у него олимпийские рекорды.

"Я поеду куда угодно", - заявил вчера Пол Эндерсон, вызывая Юрия Власова, чья победа в 1960 году в Риме среди атлетов тяжелой весовой категории была событием. Власов поднял 537,5 кг в трех подходах, затмив рекордные эндерсоновские 512,5 кг. Сейчас 360-фунтовый тяжелоатлет из Джорджии, а также профессиональный боксер говорит: "Мое профессиональное выступление далеко превысит все, что он сможет показать".

Вызов подали крупнейшие американские газеты, в том числе и "Нью-Йорк тайме". Не только у Эндерсона, но и у Хоффмана были все основания надеяться на реванш. Американцы по-прежнему преобладали в тяжелом весе.

На 31 декабря 1960 года первые шесть лучших результатов года соответственно распределялись: Ю. Власов (537,5 кг), Д. Брэдфорд (512,5), Д. Эшмэн (503), Н. Шемански (500), А. Медведев (490), Р. Зирк (483 кг) - четверо американцев и двое русских, но Медведев выбывал из борьбы. А поодаль, в стороне, еще не совсем развенчанный "монарх силы"- Пол Эндерсон, в решимости навести порядок.

Так законами большого спорта победа всегда предполагает новые испытания, гораздо более серьезные. Миг победы и есть покой. Другая форма покоя несовместима с природой большого спорта.

Глава 72.

"Победителей Олимпийских игр награждали венком, свитым из оливковой ветви. Эту ветвь срезал золотым ножом со святого оливкового дерева двенадцатилетний отрок, мать и отец которого были еще живы. На счастливых победителей судьи возлагали венки в Олимпии, в храме Зевса, и оттуда они, сопровождаемые пением и музыкой, начинали свое шествие через священную рощу. Подлинное величие, блеск и торжество достигали здесь своей кульминации. Все облачались в тканые золотом и серебром праздничные одежды, сияние солнца отражалось в сокровищах и драгоценностях, которые несли делегации государств и городов. При этом в честь победителей раздавались песенные экспромты и пели импровизированные хоры..." (Мёзэ Ференц. Современные Олимпийские игры. Будапешт, изд. Корвина, 1961. С. 14. В этом фундаментальном справочнике серьезные неточности. Ничего нет об олимпийских соревнованиях по тяжелой атлетике 1896, 1905 годов. Неверны написания имен. Не разъяснены изменения в программе соревнований, что дает неверное представление о турнирах).

Еврипид - один из творцов классической драмы. Реалист-трагик не одобрял пристрастия сограждан к атлетике, точнее - к силе во имя силы: "...среди известных в Греции профессий нет более несчастной, как профессия атлета! Во-первых, эти люди никогда не умеют хорошо жить! В самом деле, как может человек, превратившийся в раба собственного желудка, работать, чтобы создать средства, достаточные для поддержания своей семьи?! И к тому же они совершенно непривычны к бедности, живя всегда в полном довольстве; характер у них тяжелый, ибо в молодости в расцвете сил и своей славы они мнят себя гордостью своих городов; в старости они стараются свалить все заботы о себе на своих сограждан..."

А жил Еврипид в эпоху расцвета Олимпийских игр. В 440 году до н. э. ему исполнилось сорок лет. В тот год проходили 85-е Олимпийские игры.

В 67 году до н. э. Нерон выступал на 211-х Олимпийских играх. Император, разумеется, не имел соперников. Однако "олимпиец" ухитрился сверзнуться с колесницы.

И все же судьи, не дрогнув, провозгласили Нерона победителем. Нерону

везло и на благодарную память, когда не то чтобы судьям, а любому римлянину он уже не мог ничем угрожать. Светоний пишет не без удивления и досады: "Тем не менее было немало и таких, которые еще долго спустя весною и летом украшали его гробницу цветами; на рострах выставляли также его изображения в ширококамчатой тоге или его эдикты, словно он был жив и словно ожидалось скорое его возвращение..." (Светоний Гай Транквилл. Жизнеописание двенадцати цезарей. М., Академия, 1933. С. 420). Надо полагать, ожидали возвращения не на олимпийский стадион. Кнут и плаху не все принимают несчастьем.

Искуснейший врач древности Гален высказался не менее определенно: "...атлеты не способны в силу своей тучности и лени помочь друг другу в беде, скорее способны лишь советовать, чем делать, выполнять что-либо... Толстый живот не делает ум острее" (Высказывания Еврипида и Галена приведены в журнале "Геркулес" Иваном Лебедевым - дядей Ваней).

Поэт Пиндар считает: "Победитель всю свою жизнь пользуется сладостным спокойствием за свои подвиги, и это счастье, не имеющее границ, - высший предел желаний каждого смертного" (Соболев П. Олимпия. Афины. Рим. М., Физкультура и спорт 1960. С. 35).

В юности мое представление об атлетах вполне соответствовало дохристианским суждениям Еврипида и Галена (впрочем, так думали в древности не только они, высказывались еще более непримиримо).

Гиревой же спорт меня отталкивал. Что увлекательного в однообразном накачивании мышц! Каким умом надо обладать, дабы находить удовольствие в животных и самодовольных упражнениях! Не мог взять в толк я и восторга соревнований: что за красота в безобразном натуживании, раскормленных телесах, где, в чем праздник изящного, совершенного?! Балаган! Балаганное зрелище! И чувства наипростейшие, низшего разряда. Я решительно относил тяжелую атлетику к спорту ограниченных, соревнования - к ярмарке силачей. Именно силачей.

Зато легкая атлетика, а в ней метания, покоряла. Я бредил тренировками, победами, и знай я тогда Еврипида, ни за что не согласился бы с ним. Для меня легкая атлетика являлась совершенством движений, естественностью и благородством состязаний.

Я был слушателем первого курса Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского - рядовым по званию. В декабре 1953 года мне приказали выступить за факультет на академических соревнованиях ("Власов, шаг вперед!") Я сделал шаг. "Будете выступать за факультет по штанге". По шеренгам ехидный шепоток. "Явитесь в шестнадцать ноль-ноль в

спортивный зал академии. Становитесь в строй"). Там же, на соревнованиях, научили приблизительному жиму, рывку и толчку. Я выжал 80 кг, вырвал 75 (ну и мерзким мне показался рывок!), толкнул 95 (взял же на грудь 105 кг). Азарта и в помине не было.

Однако я поддался уговорам тренера по тяжелой атлетике. Знал: сила понадобится для метаний, а зима все равно пропадала для легкоатлетических тренировок. Москва имела единственный зимний манеж - при МГУ, даже сборной команде страны не хватало места. В последнем классе Саратовского суворовского училища я выиграл на Всесоюзных соревнованиях суворовских, нахимовских и военных подготовительных училищ (свыше 30 команд) первое место в метании гранаты и второе - в толкании "мужского" ядра. До сих пор привязан к стадиону, жаден на зеленое поле, сектор для метаний... Не сомневаюсь: в метаниях достиг бы гораздо более внушительных результатов. Я привязан к ним был по-настоящему, понимал и был отлично подготовлен. Даже 100 м при собственном весе около 100 кг я пробегал почти за 12 секунд. Для тех условий, в которых я вырос, и того времени - недурной показатель.

В 1961 и 1962 годах на всесоюзных сборах в Леселидзе - в то время центральной спортивной базы страны - специальные исследования проводил Юрий Иванович Черняев. На полидинамометрическом стенде определялась относительная сила различных групп мышц (сила в перерасчете на 1 кг личного веса) и скрытые периоды двигательной реакции. Что самые производительные и, следовательно, важные мышцы у тяжелоатлетов - разгибатели бедра, голени, стопы, измерения свидетельствовали безоговорочно. От силы ног зависят результаты в рывке и толчке. Руки являются своего рода лямками. Они как бы привязывают штангу к атлету, а тяжесть поднимают, разгоняют и выкатывают на прямые руки мышцы ног и туловища. Поэтому непреложным законом темповых упражнений является выключение рук из работы. Этот закон формулируется тренером кратко: "Выключи локти (руки)!"

Только при данном условии получается мощный отрыв штанги от помоста и полноценный подрыв от колен. Именно с выключением рук при удержании веса на груди и удается полноценный посыл в толчке. Самостоятельно руки лишь ничтожно действуют в заключительной фазе подрыва штанги.

В рывке и толчке тяжесть снаряда в основном преодолевается мышцами ног и спины (К 1973 году жим был исключен из программы соревнований решением, принятым Международной федерацией тяжелой атлетики после Олимпийских игр 1972 года в Мюнхене). Поэтому столь массивны ноги у атлетов. Их тренируют особо - от них зависит конечный успех. Поэтому у атлетов горбы мышц на спине, здесь вторые по мощности группы мышц. Их

тоже готовят, не щадя сил. Отсюда и общая несоразмерность в сложении. Относительно тонкие руки, недостаточно развитые грудные мышцы и вроде бы непомерно объемистые ноги, трапециевидные мышцы и прямые мышцы спины.

По общему суждению, атлеты тяжелой весовой категории - вялые, малоподвижные. Скоростно-силовые показатели в опытах Черняева доказали обратное. У меня, атлета абсолютно самого большого веса сборной команды, двигательные реакции являлись лучшими. Сверх того, они по большинству групп мышц превзошли показатели первых легкоатлетов, конькобежцев, фигуристов и боксеров страны. По совокупному результату всех измерений впереди меня оказался лишь рекордсмен по прыжкам в высоту В. Брумель. Трудно поверить, но я, самый тяжелый из спортсменов и к тому же занятый поднятием тяжестей, практически оказался вторым среди лучших спортсменов страны по двигательной реакции.

"Кроме специфического развития групп мышц, несущих на себе основную нагрузку при выполнении определенного вида упражнений, очень важным является и общее силовое развитие. В этом отношении интересно привести некоторые данные измерения силы отдельных групп мышц у самого сильного человека в мире - Юрия Власова... Интересно отметить, что Власов, обладая огромнейшей физической силой, является в то же время и очень быстрым. Исследования показали, что по скорости двигательной реакции при сокращении всех основных групп мышц он стоит на одном уровне с самыми быстрыми легкоатлетами. Все это лишний раз доказывает значение силовой подготовки в спортивной тренировке" (Советский спорт, 1962, 12 декабря).

Результаты измерений явились для меня дополнительным доводом в пользу общефизической подготовки. Узконаправленная тренировка, тренировка лишь с тяжестями есть пережиток. Она не способна раскрыть возможности организма. Поэтому я с тренером столько времени уделял гибкости, ловкости, прыгучести, выносливости и даже чисто балетным упражнениям: надлежало подготовить и связочный аппарат. Подготовка исключала наперед те травмы, которые я пережил в спортивной молодости.

Значению общефизической подготовки особое место в своих исследованиях уделил крупнейший теоретик физической культуры и спорта Л. П. Матвеев. Он, пожалуй, первый в мире обобщил опыт исследований, заложил основы понимания самой тренировочной нагрузки и ее динамики в циклах работы.

Главным условием для достижения классных результатов я считаю научно организованную тренировку и непрерывное расширение общефизической базы - это не итог рассуждений, это из опыта. Всеобъемлющая

общефизическая база позволяет вести специальные тренировки во всевозрастающем ритме. И тогда первенствующую роль приобретает правильная периодизация тренировки. В исследовании этого вопроса мы и сошлись с Матвеевым. Под специальные тренировки необходимо подкладывать новую общефизическую базу, непрерывно расширять эту базу. Все будущее большого спорта покоится на обращении к этой базе, грамотном использовании ее богатств... Вообще ее нужно разрабатывать как можно раньше, лучше всего в детстве и юности.

Отсюда очевидна и бесперспективность направления в тяжелой атлетике, связанного с наеданием собственного веса. Возможность выколачивать новые результаты посредством наедания веса - свидетельство низкого уровня результатов вообще. Истинно крупные результаты еще за горизонтом нынешних побед. И для их достижения немышечный вес всегда обуза. Только ряд субъективных обстоятельств сообщает направлению, связанному с увеличением собственного веса, выгоду. Но эта выгода временная. Тот, кто осознает преимущества подлинной тренировки, вырвется вперед и поразит воображение современников. У организма великолепные и достойные возможности для освоения результатов без наедания веса и специальных препаратов, ранищих организм. В противном случае спорт превращается в свою противоположность и выступает в разрушительной роли.

Вес вяжет силу, не позволяет вести энергичный тренинг. В будущем атлет станет тренироваться много плотнее. Организм тучного человека не вынесет подобной нагрузки. На моих глазах Эндерсон восстанавливал дыхание после попытки минут пятнадцать. Я же подходил к весу через три-четыре минуты. Только в приседаниях пауза удлинялась до пяти-шести минут. В итоге я мог за то же время выполнять значительно большую нагрузку. И это не была тренировка на измор (не путать с экспериментальными тренировками). Я выдерживал эти тренировки, потому что был к ним приспособлен всем родом предварительной физической работы.

И вес должен увеличиваться естественно, как следствие приспособления организма к нагрузкам. Лишь в таком случае допустим собственный вес в 150 и 160 кг, хотя эти веса неизбежно ухудшат выносливость и скорость.

Не из кокетства я старался держать свой вес в пределах управляемости на любых упражнениях. Я стремился доказать существование новых путей, их неизбежность. Будущий спорт принадлежит атлетам 130-140 кг веса, но подобранных, быстрых, лишенных жировой ткани. И это требование борьбы. Атлеты силы Геракла и резвости бегунов-спринтеров станут повелевать рекордами.

В приседаниях, тягах и прочих вспомогательных упражнениях я мог приучить себя к весьма большим весам, таким, которые прописаны в энциклопедиях как легендарные. Но для них нужна своя тренировка. Она несовместима с тренировкой для классического троеборья. Этот путь великого "раскачивания" силы в определенных направлениях лишен смысла, не нужен для жима, рывка и толчка. Всегда в спортивном троеборье, теперь в двоеборье, веса в любых вспомогательных упражнениях строго соответствуют поставленной цели. Нелепо затрачивать энергию, тренировочное время, дабы освоить приседания в 500 кг, хотя это вполне достижимо, как достижимы и более высокие показатели. Скажем, для толчкового упражнения в 200 кг такой запас прочности, такая его цена в переводе на энергию и время излишни. Для взятия на грудь, распрямления и посылки на вытянутые руки достаточны тяги 215-225 кг и честные глубокие приседания "на разы" с 215-225 кг без подпружинивания ногами вниз. Веса во вспомогательных упражнениях совершенно однозначно соответствуют весам, подготавливаемым для взятия в классическом упражнении.

В то же время существуют специальные соревнования на самый большой вес, поднятый в тяге до пояса, просто оторванный от помоста или поднятый в приседаниях и т. п. (как, например, в США). На мой взгляд, спортивное многоборье наиболее разносторонне характеризует силу, все ее качества. Доказывать силу свертыванием пятка можно, но это всего лишь сила пальцев, кисти, и она беспомощна, если такому человеку взвалить на плечи 300 кг и предложить присесть. Этот вес его изувечит. Только спортивное многоборье развивает силу по всем направлениям.

Я не хочу умалить великие рекорды, скажем, Луи Сира или нашего современника Пола Эндерсона. Хочу лишь внести ясность в вопрос о пределах силы. Спортивное многоборье здесь идет своим путем. И в итоге за ним доказательство самой высшей силы - вес, поднятый на вытянутые руки. Именно к этому подвигу готовит спортивное многоборье, именно оно решает задачу многообразия силы. И за ним - самая большая сила, только за ним.

Глава 73.

Как же я почитал силу! Как мечтал быть сильным!

- Тебе под силу 220 и 230 килограммов! "Заправишь" обязательно!

Я тренировался всего несколько месяцев. Я полагал: Евгений Николаевич Шаповалов "заводит" меня. Однако он повторял это все время, пока

тренировался у него в спортивной секции академии. Для посторонних это звучало бредом. Всесоюзный рекорд в толчке тогда был легче 180 кг! Если 230 кг кто-либо и поднимет, нас уже в ту пору не будет - так полагали атлеты. А Шаповалов свое мнение не скрывал. На меня смотрели как на явно ненормального. Ведь я не отказывался от его цифр. Я гордился ими. Гордился и... страшился!

Шаповалов не играл в веру - верил. И я поверил в назначение быть сильным. Я и без того был помешан на тренировках. Но когда в тебя верят! ...Я пил тренировки, хмелел тренировками, черствел к неудачам. На лекциях в академии против желания чертил цифры тренировочных килограммов! Вот бы освоить! Я наслаждался приливом новой силы. Упоительная обозначенность новых мышц! Я искал слабые мышцы, воспитывая силу - быть сильным во всех измерениях.

Без Шаповалова я никогда не занялся бы тяжелой атлетикой, и моя жизнь, безусловно, сложилась бы совершенно иначе. Вспыльчивый, крутой, он самозабвенно любил тяжелую атлетику, а еще больше - сильные и ладные мускулы. И сам был сложен на загляденье. Недаром столько лет он подрабатывал натурщиком в Московском художественном институте имени Сурикова, а потом из-за нужд большой семьи вынужден был пойти в грузчики.

Вторую половину жизни он увлекался скульптурой и для человека без специального образования лепил совсем недурно. Он мечтал о собственной мастерской и выставках...

Я мял себя исступленно: вот новые мышцы, вот новый объем прежних мышц, вот незнакомая упругость мышц... Я другой, с каждым днем другой! Я злился. Время чересчур лениво. Ведь там, впереди, моя сила и победы...

Мои результаты росли так стремительно, что Шаповалов не верил мне. Он полагал, будто я тренируюсь дополнительно, тайком. Поймав меня за руку, улыбаясь, он выпытывал: "Ну, малыш, признайся, где еще подкачиваешься?!" Он звал меня малышом. А я нигде не подкачивался. Я сам удивлялся своим мышцам - их редкой отзывчивости. Я захватывал все новые и новые "пределы" упражнений.

На соревнованиях, когда я еще сам недостаточно уверенно управлял собой, поведение тренера служило опорой. В глазах, жестах, голосе читал его чувства: есть ли надежда на победу, возьму ли вес? Я еще не умел бороться, когда в тебе сомневаются.

В первые годы тренировок эта вера возвращала меня на помост после травм

и учебных перерывов на месяцы.

А травмы безбожно метили меня в те годы. Осенью 1954-го на первенстве Москвы я пробую в рывке норму второго разряда. Я очень силен, много сильнее тех тяжестей, что собираюсь поднять. Однако в "технике" я беспомощен. Очень легко вырываю заданный вес, но он закручивает меня вокруг оси. Я креплюсь, хочу удержать штангу, а она буквально вывинчивает плечо из сустава. Только когда боль прожигает меня до последнего нерва, бросаю вес. Два месяца я не мог одеваться без чьей-либо помощи. И еще полгода спустя плечо било болью при полном включении сустава. Я стал тренироваться через три недели, когда начала спадать опухоль. Вгонял штангу в положение фиксации, когда сустав замкнут полностью, и в глазах у меня темнело от боли. Через год, пробуя вес в рывке, меньший на пять килограммов нормы мастера спорта, я получаю неприятную травму в паху. Недель пять ковылял с палкой. А затем последовали травмы в колене - досадные и опасные. Долго я не мог сообразить, в чем же дело. Ответ пришел сам собой. Связки не окрепли, были еще по-детски слабы, а в мышцах уже созревала большая мужская сила. Пришлось изменить технику толчкового движения для смягчения динамического удара в "седе" при захвате веса на грудь, но эту работу мы уже проделали с новым тренером - Суреном Петровичем Богдасаровым.

Обычно же к травмам ведут три причины: утомление, внезапное охлаждение или неуверенность в себе. Неуверенность нарушает движение, приводит к непривычным и опасным положениям суставов...

Я настолько проникся мечтой в будущность своей силы, что убежденность Шаповалова тоже уже не имела значения. Я тренировался истово, словно знал все наперед! Меня пытались отрезвить, отговаривали, доказывали нелепость надежд, острили. Травмы возводили в неопровержимость доводов. Но ведь движение всегда сопрягается с риском и ошибками.

Евгений Николаевич Шаповалов был фанатично предан тяжелой атлетике. И до самой смертельной болезни вставал в пять утра, чтобы потренироваться с тяжестями. Он умер 31 декабря 1979 года, далеко не достигнув старости. Как рассказывал об атлетах прошлого! И не только рассказывал - сам выступал на чемпионатах Москвы, когда ему было далеко за сорок.

Я любил его слушать. На мелькомбинате, где он долгие годы работал грузчиком, его почему-то прозвали Серебряным Тренером. Был он поджар, черен и длиннонос - ведь наполовину грек.

Вскоре после окончания академии я начал писать. Ковылял по словам.

Ученичество тем более было жестоким, что я верю лишь в самостоятельность познания. Я считаю, что только то научит, что становится очевидным. Это начисто отвергало опыт других и страшно замедляло подчинение слова. Не верил и по сию пору не верю в полезность того, до чего сам не дорос. Бесплезно все, что не является органическим следствием развития. В таком взгляде - и слабость познания, и сила.

Жестокость же отказов и суждений никак не учили - подтачивали веру. Разбираю папку - стопки писем. Рецензии на рассказы, очерки, повести. Надо уметь найти такие обессиливающие слова. Дух нелюбезной критики...

Величайшая сладость и ошибка - делать мечту зависимой от мнения близких и авторитетов. Источник веры должен быть в тебе. Природа борьбы предполагает эту веру. Пока человек верит, победить его нельзя. Именно поэтому - мне по душе слова Уитмена: "И ты оттолкнешь те руки, что попытаются тебя удержать". И его же: "Питательно только зерно; кто же станет сдирать шелуху для тебя и меня?"

Несчастьем литературного ученичества являлся и недостаток времени, а рукописи требовали "вылеживания". Для меня рукопись обретает законченность после года "вылеживания" (это наименьший срок) и соответствующей правки. Я же был подчинен ритму спорта. Он определял время ученичества, наделяя достатком, снимающим житейские заботы. Я спешил - это время в спорте ограничено. Рукописи приносил в редакции сырыми. Свое несовершенство они сохраняли и в публикациях. Этот принцип "вылеживания", к сожалению, вообще туго выдерживать.

Глава 74.

Титул самого сильного человека...

Применительно ко мне его пустили в оборот с 1959 года. На чемпионате Вооруженных Сил в Ленинграде 22 апреля я впервые установил мировые рекорды: погасил рекорд Медведева в рывке и рекорд Эндерсона в толчковом упражнении.

При установлении этих рекордов я весил 113 кг-на 52 кг легче Эндерсона.

В Варшаве 4 октября того же года я впервые победил на чемпионате мира, утяжелив на полтора килограмма свой же мировой рекорд в рывке.

Однако окончательно титул "самый сильный человек в мире" закрепился за мной после победы на XVII Олимпийских играх в Риме. Там я свалил самый грозный из рекордов мощного Эндерсона - неофициальный рекорд в сумме троеборья (533 кг). Я набрал 537,5 кг. С той поры титул "самый сильный в мире" закрепился за мной. Даже уступив в Токио звание олимпийского чемпиона, я отчасти сохранил титул сильнейшего. Мой рекорд в сумме троеборья продержался до 18 июня 1967 года.

Ошибочно полагать, будто рекорды прежде давались проще. Плата за них, в общем, одна. Потому и называются они неизменно - рекорды. Рекордная тяжесть всегда весит как истинно предельная. Для данного момента она и есть предельна. И так же обрывает руки, изымает силу мышц и чувств. Знаменитому Гакку рекорд обходился не меньшим напряжением, чем нашим современникам.

Средства постижения рекорда соответствуют его уровню. Отсюда и те же сверхпредельные напряжения. На большее нет сил. Большее за чертой возможностей...

У меня отвращение к националистической спеси. При чем тут патриотизм? Ведь нет и не может быть нации избранной. А из зала порой веяло звериным. Вглядывался: вроде каждый там, в кресле, ничем не выделяется - дамы, девицы, молодые люди, почтенные господа. Отчего эта ненависть, вопли, знамена? Были залы, которые я сам ненавидел. Работал в яростной собранности. Во зло "патриотам". Что разумели они под пятью сцепленными кольцами? Презираю победы, которые для унижений. Видел, как тонка и непрочна культура, как в один миг смывается под напором шовинизма, как уступает инстинктам, как эти инстинкты сплачивают, как могут быть бездушны, жестоки и несправедливы залы, как могут быть слепы тысячи...

В 1959 и 1960 годах я вынес могучий натиск американских атлетов. Дэйв Эшмэн (в США его звали -Американский Лось) в толчковом упражнении, Норберт Шемански в рывке, Джеймс Брэдфорд в сумме троеборья имели возможность добиться успеха. И каждый шел ради этого на все. Только крутым прибавлением результата в каждом из упражнений я мог обезопасить себя.

Брэдфорд не был дряблым при всей физической громадности. Отличался четким жимом. Прежде чем взять штангу, что-то басил. Перед предельным весом украдкой крестился. В те годы я желал ему срыва, настраивал себя неприязнью к нему. Следовало собирать все чувства для поединка, даже злость. Меня прокаливало неприятие соперника. Кстати, несколько лет спустя в Токио на Олимпийских играх штанга наказала меня еще и за

пренебрежение этим законом. Для меня важно не принимать соперника, быть в ярости к нему, а я поверил, будто противник сдался. Штанга стала лишь весом, простым набором "железа", а уже одно это выхолащивает силу. Нельзя бороться просто с килограммами - я всегда видел за ними соперника. И атаковал штангу, как живое существо. После поединка это чувство неприятия иссыхало.

Теперь, когда я вижу в старой хронике Брэдфорда, я желаю ему удач. Этот негр-атлет выжимал штангу без ухищрений, ровно и без остановок - единственно силой рук. "Напевный жим" - называл я про себя жим Брэдфорда. В плечах атлет был раза в полтора шире меня. Руки, плечи, грудь - литые; грудь - она казалась постаментом для штанги. Зимой 1961 года Брэдфорд побывал у меня в гостях. Держался настороженно, после подобрел, нянчил мою дочку, и его бас рокотал уютно. Джим, по-моему, опасался переводчиков и вообще любого третьего...

Что Шемански? И действительно ли Большой Вашингтонец унялся? И как там Эндерсон?..

Что ждет меня? Кто? Какая сила? Где?..

Однако зиму 1960/61 года я колебался. Может, остановиться, не напрягаться дальше? Может, обойдусь? Выйду к другому делу и без этих проб силы? Я медлил: может быть, выучусь в литературе и без средств от спорта... "Я полюбил тебя, куда теперь шагнуть?"

Это надежда на чудо...

В итоге необычайный простой в тренировках. Я не тренировался с сентября по январь. В конце февраля, после поездки в Минск (я там ухитрился провести показательные тренировки), вернулся в спортивный зал. Даже четырехнедельный перерыв требует месяцы для достижения прежней тренировочной формы, а тогда мне удалось оживить силу недель за пять. Мои мышцы, точнее - организм, отличала редкая способность к восстановлению буквально от любых нагрузок. Эта способность, по сути дела, и вывела в чемпионы.

Соединить в себе все рекорды! Ничего, что это не удалось Эндерсону! Рывок наказал его за тучность и завязанность огромной силы. Я видел, как на тренировке в зале "Динамо" Эндерсон вырвал 150 кг-вес по тем временам сумасшедший! Руки скучновато вели штангу, сила подменяла скорость. Гриф не выкатил на прямые руки, завис и медленно провалился, стукнув Эндерсона по темени. Он досадливо покраснел, натужился и дожал штангу...

Итак, завладеть рекордами! Отнять у соперников надежду на победу. Утяжелить тренировки. Навязывать свой темп. Я молод, я моложе - выдержу! Опережать время.

То, что пройдено первым, уже доступно всем, ибо познано, открыто, доказано. Когда думаю о современной тренировке и о той, которая будет, вспоминаю миф об аргонавтах: Ясон вспахал поле огнедышащими быками и засеял зубами драконов. Вся тренировка - вот такая огненная пахота. И засеять ее дерзостью, откровениями познания, страстью к победе...

Глава 75.

В состав сборной команды страны я вошел несколько неожиданно для себя. В 1957 году я учился на четвертом курсе академии - лишь считанные месяцы носил лейтенантские погоны. На лично-командном первенстве Московского гарнизона 9 марта я установил свой первый рекорд - всесоюзный рекорд в толчковом упражнении. Случилось это в спортивном зале академии. А 18 марта во Дворце тяжелой атлетики спортивного общества "Строитель", что на Цветном бульваре, я уже вполне рассчитанно утяжелил рекорд. Бог ты мой, что за счастье! Неожиданное, невозможное счастье! Я был потрясен - именно так! Рекорд утверждал во мне то, что я любил и чему поклонялся, - силу! Словно в вальсе меня кружило от счастья целые недели. Я улыбался всем людям. Чудесно, славно в этом мире! Я люблю людей! Люблю все дни и никогда не устану любить!..

Спустя несколько месяцев на чемпионате Вооруженных Сил во Львове я занял первое место с всесоюзным рекордом в рывке. Я победил неоднократного рекордсмена СССР Евгения Новикова. Он уже был в годах, ведь еще в войну служил моряком-подводником. С Новиковым мне доводилось не раз выступать и вообще много быть вместе. Однажды он поразил меня. В ту пору не существовало патентованных разогревающих паст, а выступали мы в апреле, зал уже не отапливался. Да, помнится, это было во Львове. Перед каждой разминкой к жиму, рывку, толчку Евгений Васильевич нещадно нахлестывал себя здоровенным пучком крапивы. На спину жутковато было смотреть - вспухшая, кожа вроде бы даже приподнялась, в бело-красных волдырях...

"...Юрия Власова считали специалистом в толчке. Однако он показал свои способности и в рывке. На втором подходе он уверенно вырвал 145 кг. Штангу взвесили. Она оказалась на 150 г легче. Таким образом, был зафиксирован новый рекорд Советского Союза - 144,5 кг. Рекорд, принадлежавший Медведеву, превышен на 1,5 Кг. В толчке Новиков взял

175 кг, а Власов с этого веса начал соревнование. Затем он подошел к весу 187,5 кг. Удивительно четко штанга была взята на грудь, а затем послана на прямые руки. Но удержать вес атлету не удалось..." (Советский спорт, 1957, 1 мая). Этот рекорд и первый титул чемпиона Вооруженных Сил я завоевал 28 апреля в спортивном зале Прикарпатского военного округа. Мой собственный вес был 111 кг.

Через месяц во Львове Новиков неожиданно отнимает звание чемпиона СССР у Медведева. В сумме троеборья Новиков утяжеляет рекорд СССР на 7,5 кг - 492,5 кг. Ему удается и толчок-187,5 кг-новый рекорд СССР. В этой борьбе Медведев сбивает и мой рекорд в рывке, новый - 145 кг. Сумма троеборья Медведева - 487,5 кг.

Я учился и принять участие в чемпионате СССР не смог, даже если бы оказался здоров. Во Львове я схлопотал одну из тех скверных травм, которые дают знать о себе весь спортивный век. Я надсадил позвоночник. Страх перед повторением травмы все время присутствовал в посылках штанги с груди. Он страховал неправильным движением на предельных весах, понуждая освободиться от веса. Он зашифровался в движения. Я полагал, будто подавил его, а он сидел во мне. Власть и страх той боли прошли через все рекорды и преодоления. И в Токио, когда я ослабил волевой контроль, когда посчитал соперника сломленным, а рекорд на штанге - всего лишь рекордом, та далекая боль, уже перекрытая в других травмах другими болями, вроде бы изжитая победами, привела к сбою. И главным образом эта травма привела меня к тяжелой операции в 1983 году.

Я неуверенно толкал вес с груди именно из-за этой травмы. Не всегда решался подставить себя под вес, не решался заклинить себя под рекордной тяжестью - и посыл выходил корявый.

Однако в состав сборной я вошел формально, так как учился в академии и в сборах участия не принимал. Лишь перед чемпионатом мира 1959 года я впервые поработал три недели с командой в Балашихе.

Из сборной я вышел в апреле 1967 года после установления своего последнего мирового рекорда. Вышел опять-таки формально. Уже с ноября 1964 года я правильно не тренировался и вообще похоронил мысль о выступлениях после отказа предоставить мне год перерыва в тренировках. Перерыв! Я тренировался бы в облегченном режиме, главное - не выступать, восстанавливаться нервно. Однако на мое место инструктора по спорту в Центральном клубе армии обозначился кандидат. Его считали перспективней, он победил на Олимпийских играх. Теперь в моей силе клуб не нуждался. Я чувствовал себя измученным после многих лет гонки по рекордам и чемпионатам. Верю: перерыв обернулся бы возможностью

новых тренировок и результатов. Но - отказ. Чиновники - эти "вечно занятые трутни" - решили мою судьбу на свой лад.

Противоречие: мечтал бросить спорт, а потом вцепился в тренировки. Я стремился добрать результаты, уже вложенные в мышцы, но без отдыха этот последний натиск срывался.

Уйти же, не выдав результаты, давно добытые в тренировках, казалось несправедливым. После своего мирового рекорда (15 апреля 1967 года) я понял: без отдыха нечего и думать о последнем броске, но время для отдыха пропущено, не смогу больше совмещать тренировки с писательством.

Тогда рекорд в жиме впервые за многие годы побывал в чужих руках-у Виктора Андреева. 15 апреля я и вернул рекорд. Как-то мы прикинули с Суреном Петровичем, сколько тонн тяжестей приблизительно "перелопатили" на тренировках (с 1954 по 1967 год). Цифра сложилась подходящая: свыше 20 тысяч тонн! И ведь собрана не на обычных весах, а преимущественно намного выше средних, да еще в экспериментах, на ошибках.

И все годы гнал без отдыха: успеть с ученичеством в литературе!

Расточительность. Чтобы выбрать из сотен тысяч спортсменов лучшего, расходуются изрядные средства, но как расточительно относятся к дарованию, порой поистине редчайшему!

Без расчета на будущее пускают человека из соревнования в соревнование, из тренировок в тренировки! А бывает, нет ему замены доброе десятилетие.

Помню слова председателя Комитета по физической культуре и спорту Николая Николаевича Романова тренерам нашей сборной: "Его не трепать, не дергать!- Он кивнул на меня.- Пусть готовится по плану. Его задача - Олимпийские игры в Риме!"

Эх, не слышал я после таких слов! Зато слово "давай" твердили все. И не всегда вслух высказываемый не то совет, не то предостережение: "Знай место". Я держался независимо, не позволял бездоказательно и без оснований дергать себя и товарищей и органически терпеть не мог бездельников.

Для некоторых руководителей весь спорт - в набранных очках. От этих очков зависит продвижение. Прочее их как-то не увлекает. Курьезом вспоминаю историю с обязательствами. В клуб "спустили" указание: от каждого спортсмена и тренера затребовали бумагу с обещанием ударным

трудом добиться за год такого-то количества всесоюзных и мировых рекордов (и цифры самих рекордов надлежало проставить) и выиграть такие-то соревнования.

Я от этого вздора отмахнулся. Наседают. Приглашают на беседы. Объясняю: "Как можно безоговорочно обещать? А сорвусь? А коль тренировки не сложатся? Ведь не механический процесс, не станочный! Подступ к рекордам весь из неизвестного. Да и от травм не заговорен".

С неделю, пожалуй, выдерживал осаду умельцев "ставить огромные точки над крошечными "и"". Но осаду не выдержал. И перевел я лист на пламенные заверения ознаменовать очередную годовщину такими-то рекордами и победами на таких-то соревнованиях. Будто прежде нежил себя на тренировках! Будто не служили они единственной задаче - прорыву вперед. Будто не вел счет каждому дню и не жадничал на каждый час отдыха. Схоластически истолкованная затея, противная самой природе спорта, смысл которого и есть соревнование - соревнование высшего типа: только для победы, отбор самых стойких в борьбе, тренировка ради первого результата, ради доказательств преимуществ нашего строя.

Я не скрывал отношения к такого типа руководителям, какими бы лозунгами они ни прикрывались. Меня ярлычили. Щедро. Не прощали, ждали: ведь не всегда буду сильный. Сейчас, когда пишу, верится с трудом, а ведь так: губят дело мертвые души. Зато как наловчились толковать о долге, вставать первыми и аплодировать, как этой внешностью скрывают пустоту и никчемность! Как умеют себя отождествлять с обществом!

В свое время меня привлекли слова А. К. Вронского из его автобиографической книги: "...Личность, общество. Я знал, что личность, лишенная крепких органических связей с коллективом, обречена на духовную и физическую смерть, но коллектив, подавляющий разнообразие и богатство, тоже вырождается".

Эти слова помогали мне порой верно понять события, держаться определенной точки зрения.

Вронский - один из крупнейших советских критиков, старейший член партии (0 Вронском см.: Шешуков С. И. Неистовые ревнителы (из истории литературной борьбы 20-х годов). М., Московский рабочий 1970).

Думаю, среди множества причин, опрокинувших Маяковского в смерть, была и эта - месть тупой породы присыпкиных. Она мстила ему ежеминутно, отравляла дыхание. Не прощала обещания:

Надеюсь, верую: вовеки не придет

Ко мне позорное благоразумие...

Глава 76.

В марте на очередной Приз Москвы приехали Хоффман, Джонсон, Коно, Бергер, Брэдфорд.

Брэдфорд отработал неважно, да и не стремился что-либо доказывать. Он хотел напоследок посмотреть Москву. Проезд в одну сторону оплачивали мы, в другую - Хоффман. Как не прокатиться, тем более сила на исходе!

На прощальном банкете в честь участников турнира зал "Метрополя" был переполнен.

- Атлетов не видно,- сказал я. Их действительно была горстка, совсем потерянная в толпе руководителей.

- Как всегда,- рокотно-низко отозвался Брэдфорд.- Один поднимает, а десять пируют. Хорошо бы у порога положить штангу, скажем, в сто килограммов. Поднял - значит, ты атлет, ты гость, входи...

Глава 77.

Когда вспоминаю тренировки - и те, мальчишеские, в суворовском училище, и те, злые, в зимы между чемпионатами мира (почти полтора десятка лет),- для меня бесспорно подчиненное значение честолюбия для цели.

Только любовь (преданность искренняя и горячая) могла провести и проведет других через препятствия. Из всех чувств любовь - самое надежное в испытаниях. Особенно если испытание - время. Время длиною едва ли не в целую жизнь или в лучшие ее годы.

И еще я убедился: не менее любви созидательно чувство благодарности, тепла, отзыва. За доброе слово, за встречный порыв души готов на все. Медали, награды, газетные похвалы, титулы - ничто перед единственным словом добра. Оно вырывалось ко мне из всех прочих. Я тогда не замечал все прочие: мнились казенной одеждой, пустым обозначением чувств. В искренности, доверии сердца, добром взгляде-своя сила! В ней вдохновение,

безразличие к испытаниям, готовность к новым испытаниям! Эти чувства представляются мне светом. Встреча с ними подобна осветлению. Доброе чувство другого человека сразу обнажает и делает ясным все фальшивое и чужое во мне и на мне. И я уверен: нравственный стержень человека - способность любить, сила любви. Что до честолюбия, оно лишь посылка к действию, вспышка.

Убеждение само по себе, убеждение без чувства любви - это хромые ноги и падения. Жестокость падений для тебя и других. Тщеславие склонно обращаться к ошибочным ходам, решениям, лишенным души. Голое убеждение - основа карьеризма, в нем преобладает фальшь. Человек, способный к любви, способен и видеть мир, не схемы, корысть, а мир, даже если жизнь порой горька...

Наклоняюсь с пьедестала почета, почти приседаю, но не потому, что мне неловко пожимать протянутую руку старика. Стараюсь удержать в памяти каждое слово.

Неужели это возможно: Лондон, мировой рекорд, "Скала-театр" и мне вручает медаль Георг Гаккеншмидт? Не свожу глаз с него и когда он поздравляет второго и третьего призеров соревнований в тяжелом весе финна Эйно Мякинена и американца Ричарда Зирка.

Поздно вечером, когда наконец остаюсь один в номере гостиницы "Ройял", я разглядываю фотографию молодого Гаккеншмидта. На ней энергичная, отнюдь не старческая скоропись: "Юрий Власову от Г. Г. Гаккеншмидт. Лондон. 29-го Юля 1961". И этот коренастый, по-эстонски белый, даже цветом кожи, старик действительно Георг Гаккеншмидт!

Грамматические ошибки в дарственной надписи... Он уже успел позабыть русский-с 1911 года живет за границей.

Его имя связывается в моем сознании с именами Морро-Дмитриева, Крылова, Луриха, Моор-Знаменского (Дмитриев, Знаменский - русские. Приставки Морро и Моор - всего лишь дань дурной моде. Некоторые литераторы путают и принимают их за одно лицо), Александровича, Копьева, Кнутарева, Заикина, Краузе... И, вспоминая одного из них, я невольно вспоминаю остальных. И там, в памяти, фотография: зима, все в пальто, кряжистый человек, расставив ноги, держит на руках двоих мужчин - один из них, что с бородкой клинышком и сонным взглядом, Александр Иванович Куприн, а тот, у кого они на руках, - Иван Заикин.

И другая фотография: Заикин с ласковой небрежностью обнял Куприна, чуть притянув к себе. Заикин вдвое шире, на круглом лице с усами стрелкой

- крепкая мужицкая уверенность, сознание своей силы и хватки. У Куприна утомленный, пристальный взгляд из-под тяжелых, набрякших век. Заикин говорил: "Каждому свое: сильному - кротость, юному - любовь, а старцу - глубокий сон..."

Заикин был на два года моложе Гаккеншмидта и на десять - Куприна. И в ту пору им всем еще было далеко до старости...

Глава 78.

Забываю, что я в Лондоне - в крошечном, наподобие пенала, гостиничном номерке. Я снова воспитанник суворовского училища. Я в классе на вечернем приготовлении уроков. Выучены они или нет, но передо мной рассказы Куприна. Что за часы! Когда не могу совладать с чувствами, откидываюсь к спинке парты и смотрю в окно. Там ночь, сиротски подсвеченная изреженной цепочкой лампочек вдоль трамвайных путей. Уже несколько лет как закончилась война, однако этот тыловой город еще не ожил по-настоящему. Глухи и черны его улицы... Но я в Москве Куприна, на Знаменке,- усаживаюсь с юнкером Александровым в розвальни. Сейчас Фотогеныч надаст ходу. Бал! Впереди бал!..

Английская речь в коридоре?.. Ах да, я в Лондоне! И сегодня закрылся турнир, посвященный 75-летию Британской ассоциации тяжелой атлетики. Раздумываю о рекорде: зацепил-таки, не сорвался! Сейчас я доволен им совсем по другим причинам. Он подтвердил правильность расчетных нагрузок - я обрел бойцовскую форму за четыре месяца! Это веское доказательство в пользу эксперимента, который мы ведем уже несколько лет - Богдасаров, Матвеев и я. Ведь после Олимпийских игр в Риме по ряду причин я не тренировался едва ли не пять месяцев. Я вообще не хотел тренироваться. Не видел, потерял смысл спортивной жизни. Зачем тренироваться? Что доказывать? Разве я дал обещание себе быть всегда только "господином-мускулом"? Или я в самом деле ничего не значу без спорта, не способен принять вызов жизни и слить ее с мечтой? Кто я?..

Победы. Ведь я люблю победы. Зачем обманывать себя?

Это славно - быть первым...

Наслаждаюсь покоем. Ничего нет приятней пустоты после удачного выступления. Разом отсыхают все заботы. Время берет новый отсчет - начало созревания новой силы.

Новая проба на выносливость и силу! Через два месяца чемпионат мира в Вене!

Но что бы там ни было, здесь я победил. Теперь покой. Впереди сорок восемь часов свободы от силы. О ней можно не думать, не прислушиваться к себе: никому ничего не должен, долг взял свое, долг может подождать сорок восемь часов. А уж потом - в тренировки! Но пока я свободен, я волен каждым мгновением. Тому, кто не был зажат в тиски тренировок десятилетиями (каждая на счету), сложно понять это ощущение свободы и блаженной пустоты.

За тонкими стенами номера голоса постояльцев, шаги. На ночном столике воскресный выпуск "Обсервера" и перевод отчета о турнире. Строки обо мне: "...Перед вчерашним выступлением Власов был пессимистически настроен относительно возможности нового рекорда. "Не хватает пищи,- говорил он.- Нет массажиста..." Ни одного признака того, что его выступление в Лондоне может стать историческим событием..." Далее следует описание моих мышц, похожих на "отполированные уличные булыжники", моих движений, "напоминающих движения робота"... Автор отчета - Додди Хэй.

Тот самый мистер Хэй?!

Мы вернулись с приема в полночь. В вестибюле гостиницы подстерегали репортеры. По-московски уже третий час ночи. Чувствовал себя я неважно. Мой номерок, в котором можно находиться только с открытой форточкой - иначе задохнешься, крайне скудное питание, утомление от последних разминок, необходимость присутствия на официальных приемах - все это противопоказано силе, а я рассчитывал на рекорд.

Я извинился, попросил репортеров задать вопросы утром: ведь завтра, а точнее - сегодня, мне выступать, я обязан подчиняться режиму. Среди репортеров стоял человек на костылях, с болезненно-худым лицом. В отверстии пиджака - нашивка боевого ордена.

Я прошел за лестницу и попросил переводчика вернуть человека на костылях. "В конце концов,- решил я,- какие-нибудь десять минут не изменят спортивную форму". К тому же я и не выдерживал режима. Все пошло комом сразу.

На вопрос мистера Хэя о рекордах я ответил, что ничего определенного обещать не могу. Рекорд есть рекорд. Кроме того, условия для него складываются неблагоприятные. Я не жаловался мистеру Хэю, я старался объяснить.

Перечитываю первую половину отчета и краснею. Осрамил! Я здесь как животное! Прав тренер: нечего миндальничать, чемпион - это вроде сана.

Пусть ловят каждое слово, домогаются чести услышать...

На турнире я оказался в незавидном положении. В Москве распорядились: раз соревнования личные и очки не будут начислять - участник обойдется без тренера: к чему расходы? Переводчик поехал и еще руководитель делегации, а Богдасаров - нет. Я должен был следить за подходами соперников, то есть поминутно справляться о количестве оставшихся подходов. Нельзя опоздать с разминкой - тогда остынешь до вызова к весу и будешь вынужден выполнять новые разминочные подходы, а это дополнительный расход энергии, весьма нежелательный, ежели подводишь себя к рекорду.

Между попытками я среди чужих за кулисами. Мне необходимо присесть, расслабить мышцы, взболтнуть их, сбросить усталость, забыться на несколько мгновений. Простые операции, но весьма существенные для восстановления и сосредоточения силы. Я покрутился - нет стула. Пауза между подходами ограничена тремя минутами. И вот тогда я потешил репортеров. Я сел на пыльный дощатый пол среди декораций, тросов, чьих-то ног. Сразу же в глаза ударили фотовспышки. До улыбок ли? Меня о чем-то спрашивали, я молчал. Однако для мистера Хэя я вновь сделал исключение. Не ручаюсь, с довольным ли выражением, но ответил. На разминке штанга была очень тяжелой. И меня занимало лишь это...

Улица приносит голоса и шаги прохожих. Перевожу переключатель программ радиоприемника, встроенного в стену, на цифру "1": не просплю, разбудит спозаранку. С утра в аэропорт Хитроу - и домой! А Лондон так и не увидел. Разве можно увидеть его из окна автомобиля в нескольких поездках с Ганиным - моим старинным товарищем по академии Жуковского, теперь сотрудником нашего военного атташата! Не побывал даже в Британском музее - стены за чугунной оградой всякий раз видел, разминаясь ходьбой у гостиницы. Ожидание соревнований, затем выступление и тут же возвращение домой - неизменный порядок любой поездки. Увидеть нечто большее - значит рисковать результатом. Оберегать силу - закон дней и часов накануне выступления. Лишь один раз не выдержал однообразия ожидания и сбежал из номера. Я запоминал названия улиц, потому что опасался заблудиться. Вышел на Саутхэмптон, которая перешла в улицу под названием Кингсвей, пересек Стрэнд и оказался на набережной Темзы - у скверов с вереницей фонарей. Справа в дождливой дымке зависал мост Ватерлоо...

Смотрю на свою фотографию в газете. Перемогаю себя и принимаюсь за вторую часть перевода репортажа мистера Хэя.

"...Но вот начинается последнее упражнение - толчок. Власова не узнать! Какое преображение в течение часа! Вразвалку, уверенно выходит он на помост. Переставляет ноги, напрягает массивные бедра, руки, строго подгоняя себя под то единственно правильное стартовое положение. Первой же попыткой он наносит поражение финскому и американскому соперникам. И вот последний раунд - незабываемые мгновения! Власов прилаживается к рекордной штанге и... Георг Гаккеншмидт в своей ложе затаил дыхание. А потом бормочет: "Изумительно, непостижимо!" И торопливо направляется через заднюю дверь, чтобы приветствовать нового Льва... Это событие, и я его никогда не забуду! Гаккеншмидт, все еще сильный и проворный, несмотря на свои годы, пожимал руку Власова и высказывал свое восхищение. Власов был заметно тронут неожиданной встречей с легендарным, могучим человеком из России, чье имя до сих пор невероятно уважается там, в стране его происхождения. На моих глазах происходит потрясающее преображение. С гигантской высоты своего положения Власов незаметно соскальзывает. И вдруг я вижу одинаковость выражений их лиц, произвольную схожесть осанки, жестов, какую-то органическую общность - замечательные мгновения! Я сражен! Власов спокойно, естественно и искренне вошел в роль молодого поклонника старого Гаккеншмидта".

Я лишь смутно сохранил в памяти, что было после установления рекорда. И вот сейчас я вдруг все вижу. И уже нет обиды на Дэвида Хэя! Наоборот, я благодарен ему! Он помог увидеть те мгновения, вернул их...

И опять с именем Гаккеншмидта в сознании оживают образы русских атлетов.

В 1975 году у нас праздновали 90-летие отечественной тяжелой атлетики. Юбилею и были посвящены соревнования в Подольске.

Рядом со мной за столом апелляционного жюри - первый советский чемпион мира Григорий Новак. Не только по тяжелой атлетике, а первый вообще в советском спорте.

Шепотком переговариваемся. Нам нравится, как организованы соревнования. Что рядить - у Михаила Аптекаря, директора подольской спортивной школы "Геркулес", любые соревнования - праздник силы! У Аптекаря редчайшие фотографии, протоколы соревнований вековой давности, письма атлетов, сотни страниц исследований по истории тяжелой атлетики в различных странах и чего еще только нет!

Слушаю рассказ Новака о праздновании юбилея тяжелой атлетики в 1945 году. Юбилей отмечали в Ленин-градском цирке. Среди приглашенных-Иван Михайлович Заикин. Встречали его на улице все атлеты и гости. Каково же было общее изумление, когда к цирку подкатила... пролетка.

- Пролетка, понимаешь? Ума не приложу, где в Ленинграде тогда он разыскал извозчика? А разыскал ведь! И пролетка - на дутых шинах, лакированная!

Руки Новака в рубцах и мозолях, ссадинах. Руки рабочего человека. Мои за пишущей машинкой изнежились, в тот момент они мне даже показались неприлично изнеженными. Думал ли я, что это одна из последних моих встреч и за какую-то неделю до XXII Олимпийских игр в Москве Григорий Ирмович умрет? И ему будет еще очень далеко до старости.

Косит "железо" атлетов.

После соревнований отдаю Аптекарю давно обещанную репродукцию - портрет Заикина, написанный Давидом Бурлюком во Владивостоке летом 1920 года. В английском тексте к репродукции сообщается, что портрет исполнен к сорокалетию Ивана Заикина - русского атлета с мировым именем, одного из первых наряду с Уточкинским и поэтом Каменским среди шестнадцати авиаторов, получивших образование под Парижем у знаменитого Анри Фармана.

Репродукцию мне подарил тамбовский коллекционер Николай Алексеевич Никифоров. Я еще тогда хаживал в "самых сильных мира". Я взял и сунул дареные журналы и репродукции промеж книг на полке. Жил я заботами тренировок и надеждами выхода на новые результаты. И гасил в себе всякий интерес к другой жизни, если она не приближала к победам. Впрочем, его гасить и не приходилось. Слишком ничтожные силы оставались той, другой жизни.

Большой спорт вбирал в себя все заботы, помыслы, желания, распоряжался каждой минутой...

Отдал репродукцию Аптекарю, а она почему-то не идет из памяти. Все резче выделяет сознание то новое, что уловил художник в Заикине,- под замятым дешевеньким пиджаком замускуленные плечи, грудь, а взгляд искоса - настороженный, жестковатый: травленный зверь. Ни следа добродушия.

Где портрет? При чем тут Бурлюк и Заикин? Отчего они во Владивостоке?

"...Портрет Ивана Заикина, написанный маслом, хранится у меня,- отозвался на мои вопросы Никифоров.- Большая дружба с 1956 года связывала меня с милейшим Давидом Давидовичем Бурлюком. Мы не раз встречались с ним у нас и за рубежом. Бурлюк был в дружбе с Иваном Заикиным, и Давид Давидович рассказал мне однажды нечто любопытное. На одном из выступлений Бурлюка в первом ряду сидел Заикин. Молодчики монархо-белогвардейского толка попытались сорвать выступление криками и свистом. Тогда встал Иван Заикин (О себе Иван Заикин рассказывает в книге "В воздухе и на арене". (Куйбышевское книжное изд-во, 1963), поднял над головой стул и начал крошить руками. Зал притих, и он отчетливо произнес: "Это я сотворю с каждым, кто попробует мешать слушать Бурлюка". В гробовом молчании продолжалось выступление Давида Давидовича...

Бурлюк умер в Америке 15 января 1967 года в своем поместье в окрестностях Нью-Йорка, где находились его мастерская и музей. Прожил без малого восемьдесят пять лет..."

А журналы - издание Бурлюка. Это главным образом история русского футуризма. Письма, дневники и, конечно, репродукции картин и стихи самого Бурлюка. Стихи последних лет...

Идем и падаем среди зеркал

И издеваемся, кривые видя лики...

И эта музыка, что тянется века...

И в каждом журнале фотографии Бурлюка - старика Бурлюка. И повсюду с ним Маруся - Мария Никифоровна. Она умерла через шесть месяцев после кончины мужа. Надо полагать, не захотела без него жить.

Мой дом захвачен сплошь тенями;

Я, оставаясь в их плену,

Последними живыми снами

Теней скопленье помяну...

Опечатки в журнале выправлены не шариковой ручкой - пером. Размашистые, расплывчатые буквы. Наверное, рука Марии Никифоровны. Журнал печатался ничтожным тиражом.

В эту ночь предвесеннюю,

В час как март раздет, разут,

Про весны стихотворение

Кто осмелился шепнуть?

...Да, я зачитывался в юности Куприным, а писатель дружил с Заикиным, так тесно знакомым с Бурлюком. Да и судьбу мою в известной мере определил Гаккеншмидт! Не преувеличение: тогда в лондонском "Скала-театре" мне посчастливилось встретиться с человеком, который помог мне понять себя и силу.

Глава 79.

Спрятать что-либо понадежнее можно лишь под матрасом - это единственный тайник. О нем, разумеется, осведомлены офицеры-воспитатели, но другого не существует. В стенах старинного здания за многие годы учения все всем известно, вплоть до числа ступенек широких чугунных лестниц, из узоров которых к праздникам нас заставляют выскребывать грязь. Для этого нет сподручнее инструмента, чем трехгранный штык дневального, если, конечно, тебе его одолжит дневальный...

Прятать нам нечего, кроме паек хлеба для приятелей, отпущенных в увольнение. Но мой одноклассник Толя (мы в одном взводе) прячет под матрасом нечто необыкновенное. Посвящены в это несколько человек, среди доверенных и я. Однако упоминать о книге, запрятанной под матрас, не в изголовье, а в ногах - там реже проверяют, при непосвященных нельзя. Книга у Толи с воскресенья до следующей субботы - очередного увольнения. Он читает ее на уроках, но так, чтобы, кроме соседа, никто не видел.

И вот наконец книга у меня на полчаса. Я пробираюсь в актовый зал. Здесь нам обычно запрещено появляться. Со стен на меня взирает генералиссимус Суворов. Огромный портрет: Суворов положил руку на лист бумаги, надо полагать, диспозицию сражения. На другой картине Суворов гарцует на саврасой лошадке подле ущелья, а вниз, выкатив от ужаса глаза, скатываются его чудо-богатыри. Это известное полотно Сурикова. И вообще Суриков и Верещагин богато представлены в нашем актовом зале. Там, где я устраиваюсь читать, на меня с картины супятся мужики с топорами: ждут,

когда по зимнику поедут наполеоновские фуражиры. Я провожу упоительнейшие полчаса с генералиссимусом и мужиками. Забываю о времени и, если бы не стук Толи в дверь, читал бы до отбоя.

Книга издана до революции. Я читаю ее, засунув в толстенный том Горького (тогда почему-то классиков печатали в одном здоровенном томе, при падении его во время уроков с парты все вздрагивали). Надо сказать, нашим офицерам-воспитателям вменялось в обязанность проверять, какие книги мы читаем. А я держал в руках книгу Георга Гаккеншмидта "Путь к силе и здоровью". Каковское название! Что мне еще нужно, как не этот путь к силе?!

Я с детских лет равнодушен к силе и сильным. А тут Георг Гаккеншмидт - Русский Лев!

Под клятвенным секретом Толя нашептал, будто Гаккеншмидт околачивается за границей. Но до чего же интересна книга! Начинаю понимать, как, в сущности, мало и много нужно для того чтобы стать сильным. И самое первое условие - режим: не пить, не курить, закаляться обливаниями. Потом непрерывность занятий. Ни в коем случае не пропускать тренировки. Силу вынашивают постепенность в прибавлении нагрузок и непрерывность нагрузок.

Подумать только, я могу обойтись даже сорока минутами тренировки в день или через день - их достаточно для воспитания силы. Я запоминаю упражнения. Запоминаю тут же повторением движений. Без гантелей, конечно. Откуда быть гантелям? Гантели - роскошь, не смею и мечтать...

Узнаю о некоем докторе Краевском. Ему автор "обязан всем, чего добился...". Я уже тогда упражнялся на брусках, перекладине, или, как мы выражались, "качал мышцы". Преподаватели физкультуры выколачивали из нас неловкость, слабость, и безуспешно. Меня соблазняли сила и совершенство форм.

Но быть сильным - достижимо ли, не удел ли избранных, не жалок ли я? Гаккеншмидт властно заявил: нет, не жалок, сила награждает любого, кто предан ей!

Я искал силу в кустарных упражнениях, а эта книга столько рассказала о силе, о порядке упражнений, перечне упражнений! И все же главное не в этом, каждое слово ее - от любви к силе, но от любви одухотворенной, освященной поклонением прекрасному. Книга убеждала: прекрасное - в человеке, гармония невозможна без физического и духовного совершенства.

Итак, поиск силы! Болтаясь между спинками коек в спальне - они заменяли брусья,- я не помышлял о золотых медалях чемпионатов мира. Мечтал отжаться на перекладине вместо двенадцати раз - двадцать. Потом отжимался до тридцати, а на брусьях без маха ногами, строго из вертикального положения - сорок три раза. Сорок три - это предел. А думал отжаться сорок пять раз. И на кону была бутылка портвейна - я уже учился на первом курсе академии,- недотянул двух раз. Проспорил.

С тринадцати лет тренировался два-три раза в неделю, а с пятнадцати - каждый день, точнее - утро. У нас не было гантелей, штанги, которые так горячо рекомендовал Гакк, но я мог отжиматься на полу, между спинок сдвинутых коек, на наклонной лестнице. Позже в ротных помещениях появились брусья и гири, но время для тренировок в распорядке дня выкроить сложно. Все в училище исполнялось под команду, и каждая минута - под командирским оком.

Тогда я стал подниматься за полчаса до подъема. Эти сладчайшие полчаса!

Буквально выдираю себя из постели, но я хотел быть сильным.

В эти полчаса отпадала необходимость торчать в очереди к умывальнику, за сапожной щеткой, гербовкой для чистки пуговиц. Я управлялся с делами к общему подъему и в сапогах и шинели рысил вместе со всеми по сонной запустелости города. Ничто, казалось, в целом свете не могло отменить утреннюю процедуру: бег в строю, а летом еще и вольные упражнения на площади, но опять-таки в строю. Зато полчаса, отведенные после такой зарядки на туалет и приборку, были свободными для меня. Я вбивал в эти полчаса солидное число упражнений, иногда даже на завтрак пропадал аппетит, что со мной в молодости случалось лишь в чрезвычайных обстоятельствах.

Попутно выучивал каждое утро полтора десятка новых французских слов - это я тоже ввел в закон.

Я был не одинок, и в эти полчаса тренировались и другие, правда, не столь последовательно и постоянно. Но находились и такие, кого только чрезвычайные обстоятельства могли оторвать от упражнений.

Именно эти занятия явились фундаментом для тех тренировок со штангой, которые за какие-то три года как бы шутя подвели меня к первым всесоюзным рекордам. В шестнадцать лет я признавал лишь девиз Лессинга, повторенный потом Чернышевским: "Человек рожден для действия, а не умствований". Что жизнь без движения? Не воля собственного движения, а бездумное кочевание по дням и годам жизни. Нет, сам выкрою свою судьбу.

Я прятал дневник в недра парты, но кто-то после каждой моей записи начал оставлять глумливые приписки. Ума не приложу, когда он исхитрился! Мы жили уставом, все вместе с утра до ночи. И почерк - я знал почерк каждого. Ведь мы учились вместе с четвертого класса! А эти приписочки были выведены печатными буквами. К тому времени я уже был достаточно осведомлен в приключенческой литературе. Решил вести записи... лимонным соком! Но поди купи лимон в Саратове в те годы... Лимон я все же купил. Его хватило на несколько страниц. Нужда же проглаживать страницы горячим утюгом отпадала. Сок сам отчетливо желтился на страницах. И я перешел на записи... молоком. Но не тут-то было. Если молоко подрабавлено, писать им совершенно бесполезно, а другое в училище не водилось. И я перенес самые важные записи в блокнотик. С ним я уже не расставался.

Нет, книга Гакка не была лишь голым спортивным учебником. В ней звучали слова о высоком назначении силы как о прекрасном, присущем жизни вообще. А эта жизнь ждала нас за стенами училища. Я верил...

Глава 80.

Снова воспроизвожу в памяти выступление. Здесь, на турнире в Лондоне, я действительно оказался в незавидном положении. Рекорд требует отрешенности от всех иных чувств и мыслей, кроме тех, что управляют мышцами. Должен быть поглощен собой до невосприимчивости окружающего. Как бы проваливаешься в мир грядущего усилия, становишься существом этого усилия...

Юный, могучий Гакк! Пристально смотрю на фотографию. Я научен читать мышцы. Угадываю, какие упражнения формируют те или иные группы мышц. Огромное дарование и работа в этих мышцах!

И вот новое свидание с Гакком (я забыл: так называли современники Гаккеншмидта), теперь уже в Москве. Неспроста мой училищный товарищ берег ту книжицу. Даже в Библиотеке имени Ленина она из разряда редких.

Сверху на розовой обложке поясной портрет обнаженного Гакка. Под портретом надпись: "Георг Гаккеншмидт". (Путь к силе и здоровью. Под ред. Морро-Дмитриева. Вместо предисловия "Воспоминания о Гаккеншмидте" профессора атлетики И. В. Лебедева. Москва, 1911, изд. братьев Поповых.)

"Мои личные воспоминания относятся к 1897 году.-

Это из предисловия И. В. Лебедева.- Раньше в кружке покойного доктора Краевского члены кружка, бывшие в курсе всего русского тяжелоатлетического спорта, знали о Гаккеншмидте понаслышке как о первоклассном атлете, выкручивающем одной рукой 6 пудов (98,28 кг.- Ю. В.}, что для того времени было большой редкостью.

В Петербург его привез богатый прибалтийский помещик барон Иксуль, который и ввел его в кружок Краевского. Гаккеншмидт был тогда скромным молодым человеком, одетым, как сейчас помню, в серый поношенный пиджак. Когда он разделся перед упражнениями, то мы увидели прекрасно выработанную мускулатуру. В первый день Гаккеншмидт выкрутил одной (правой) рукой 6 с половиной пудов (106,47 кг.-Ю. В.}, побив всероссийский рекорд. На следующий день он выкрутил 7 пудов 2 фунта (115,48 кг.-Ю. В.) и 7 пудов 5 фунтов (116,71 кг.-Ю. В.), побив считавшийся тогда мировым рекорд Сандова. В молодом рекордсмене принял горячее участие покойный "отец русской атлетики" В. Ф. Краевский, который начал его тренировать по своей системе...

К Краевскому в его заботах о Гаккеншмидте присоединился сначала князь П. Д. Львов, а впоследствии граф Г. И. Рибопьер. Благодаря поддержке этих лиц и началась карьера Гаккеншмидта, который из маленького профессионального атлета Ленца (его псевдоним) сделался всемирной известностью на атлетическом горизонте..."

Кстати,о графе Рибопьере, одном из покровителей и по-своему - строителей русского спорта. Его предок - бригадир Рибопьер - пал при штурме Измаила. Как сообщал в рапорте Г. А. Потемкину граф Суворов-Рымникский, "шестая колонна под начальством генерал-майора и кавалера Голенищева-Кутузова единовременно с первой и второю колонною, преодолев весь жестокий огонь картечных и ружейных выстрелов, дошла до рва, где бригадир Рибопьер положил живот свой..."

Я прочитал книгу Гаккеншмидта и понял ее влияние на поколения атлетов.

Понял, и чем обязан ей сам.

Из главы "Введение":

"...Из дальнейшего чтения книги будет видно, что я вовсе не хотел ограничиться изложением ряда правил, предназначенных исключительно для сильных людей и атлетов, я, наоборот, хотел дать указания, как достигнуть силы и здоровья..."

Оскудение сел и деревень за счет чудовищного прироста городов; увеличение числа прикованных к конторскому стулу и ведущих сидячий образ жизни и лишь слабые попытки урегулировать неправильную жизнь этих последних путем единственно правильного метода - именно рациональной гимнастики.

Многие смешивают всеобщее, необходимое каждому развитие тела с созданием из этого развития своей специальности и только потому пренебрегают гимнастикой, что не хотят заниматься атлетикой, а это вещи совершенно разные. Люди не хотят болеть, а между тем зачастую они кажутся примирившимися со своими несчастиями, полагая, что таков жребий...

Представляется странным, зачем должен человек болеть, если он может поддерживать свое тело в состоянии, способном противостоять всевозможным заболеваниям; 15-20 минут ежедневных упражнений для этого совершенно достаточно. За величайшее из земных благ - здоровье - это невысокая плата... Упражнения должны быть разумно выбраны и назначены так, чтобы укрепить весь организм; чтобы в стройной работе участвовал каждый орган и развивался каждый мускул..."

А вот и та глава, которая ошеломила меня тогда в училище: "Мы должны быть сильными!"

"Всем известно, что огромное большинство современных людей отличается безнадежной физической слабостью, хотя никогда раньше борьба за существование не требовала большего напряжения.

Благосклонный читатель подумает, что для современной борьбы не нужна физическая сила, но я постараюсь доказать ему, что истинные радости жизни возможны только при условии обладания здоровым телом. Один знаменитый врач высказывается по этому поводу следующим образом: "Когда я вспоминаю различные случаи моей тридцатилетней практики, я не могу сказать, чтобы ко мне приходили многие переутомившие себя физическим трудом; между тем изнуренных умственной работой были сотни, и излечение этих последних было особенно трудно и требовало много времени..."

...Мы знаем, каждый орган, если он правильно несет свои обязанности, требует обильного прилива крови. Если убедиться, что мускул во время работы нуждается в большем количестве крови, нежели в бездействии, станет ясно, что это же правило можно перенести на мозг. Мы должны все время поощрять и упражнять отдельные органы и части нашего тела, если

хотим поддержать весь удивительный механизм в состоянии правильного, непрерывного движения...

В то время как человек, ведущий сидячий образ жизни и не обладающий сильным телом, часто жалуется на умственный столбняк и отсутствие энергии, другой, уделяющий много внимания развитию своего тела, получает не только силу, но и требуемое самообладание и как следствие этого - спокойное состояние духа.

Общее укрепление силы воли содействует развитию всех частей нашего тела и делает его способным исполнять то, что иначе было бы тяжело, болезненно и даже совсем невозможно. Человек делается независимым и энергичным; он не будет уже ничего бояться, и в случае действительной опасности все возложат на него свои надежды. Сознание собственной силы влечет за собой самообладание; сила создает энергию и бодрость, помогает решать самые запутанные вопросы и дает истинное удовлетворение и истинную радость жизни..."

Из третьей главы - "Мнения знаменитых атлетов о тренировке"- я узнаю, что Гакк не выделялся сверхфизическими данными. Помню, старик был заметно ниже меня. В своей книге он называет рост: 176 см.

Книга появилась в 1911 году. Гакк считал в то время "безусловно лучшим специалистом по поднятию тяжестей Артура Саксона" (Правильней перевести бы Артур Саксонец, так как "Саксон"- Это с французского "саксонец").

Мнение Гаккеншмидта не вполне согласуется с фактами. Очевидно, ему не были известны все лучшие достижения других атлетов, а также и другие системы тренировок). Артур Саксон - уроженец Саксонии, а "Восточная Пруссия - родина Сандова, Штурма и Зигфрида".

А вот и те слова из четвертой главы "Физическое совершенство и сила", которые стали девизом моей спортивной жизни:

"...На вопрос, может ли всякий сделаться сильным, я отвечаю утвердительно... Все дело в том, чтобы быть господином своего тела... Если хотите сделаться сильным и здоровым, то необходимо найти досуг на это, точно так же, как всякому приходится находить время для еды... Первым и основным правилом тренировки является, на мой взгляд, ее правильность и регулярность".

Главы с VIII по XII включительно - практические наставления к тренировке.

Читаю и ловлю себя на том, что рекомендуемые упражнения настолько хороши - сейчас бы с удовольствием потренировался!

Глава XIII: "Доктор Краевский, "отец русской атлетики" и его система жизни"- признаться, я думал, что так Краевского нарекли мои современники.

"...Доктор Краевский, который был одним из известных врачей Петербурга, стал интересоваться физическим развитием, так как видел в этом средство, с помощью которого развивалась подвижность и достигались здоровье, сила, а также все телесные и духовные способности. Он начал изучать это дело, произвел свои наблюдения - и тотчас же приступил к работе, чтобы организовать и построить свою систему..."

Краевский и в жизни придерживался своих принципов. Сон - строго восьмичасовой. После туалета и решения неотложных дел - занятие гимнастикой, которой предшествовал прием ванны "в такой холодной воде, какую он мог только достать... После ванны он никогда не вытирался, но сейчас же начинал свои упражнения, которые у него продолжались полчаса. По прошествии этого времени он совершенно обсыхал... но всегда работал с гирями...

...Доктор Краевский, у которого была громадная практика, был в высшей степени отзывчивым человеком и лечил безвозмездно бесчисленное множество пациентов из беднейших классов населения. Его приемная была всегда наполнена ищущими помощи..."

Больных из бедняков, отмечает Гаккеншмидт, Краевский просил приходить после восьми вечера и принимал допоздна. В ранние часы дня он занимался своими платными пациентами. Доктор Краевский работал столь много, что это бы "подорвало силы даже самого выносливого человека. И, однако, доктор Краевский был всегда здоров. Он сам объяснял свое хорошее самочувствие единственно своими ежедневными физическими упражнениями. ...Как я уже заметил, он начал свои физические упражнения на сорок первом году жизни и достиг таких успехов, что еще двадцать лет спустя выглядел гораздо свежее и здоровее, чем когда ему было сорок лет.

Он был настолько удовлетворен успехом своей системы физического развития, что не жалел никаких сил распространить как можно шире относящиеся сюда его наблюдения и опыты. Он был также неутомим в привлечении и тренировании многообещающих молодых атлетов".

Последняя глава - "История моей жизни":

"Я родился 20 июля 1878 года (по старому стилю) (В своей книге "Георг Гаккеншмидт" (изд-во "Ээсти раамат", Таллинн, 1971), Олаф Лангсепп указывает год рождения Гаккеншмидта - 1877. Лангсепп установил его по церковной книге. Вообще работа Лангсеппа - лучшая из посвященных Гаккеншмидту). Город, в котором я родился, был Дерпт. Насколько я могу припомнить, я с самого детства всегда очень увлекался физическими упражнениями... Окончив в 1895 году реальное училище, я поступил в качестве ученика на одну большую машиностроительную фабрику в Ревеле с тем, чтобы впоследствии стать инженером. Но человек предполагает, а бог располагает.

К этому времени я вступил в члены ревельского атлетического и велосипедного клуба. Самым любимым времяпрепровождением в клубе было поднимание тяжелых гирь и борьба... В декабре 1897 года я развил свою силу до того, что мог вытолкнуть обеими руками двенадцать раз штангу в 216 фунтов (88,45 кг.- /О. В.), вытолкнуть штангу в 187 фунтов (76,58 кг.- Ю. В.) семь раз одной рукой, вытолкнуть штангу в 216 фунтов одной рукой. Около этого времени я познакомился с одним замечательным человеком, который оказал огромное влияние на мою последующую жизнь. Незначительное повреждение руки, которое произошло на моих занятиях в качестве инженера, заставило меня обратиться за советом к врачу. Этот врач находился в обществе одного выдающегося коллеги, именно доктора Краевского. Этот доктор Краевский был основателем атлетического и велосипедного клуба в Санкт-Петербурге (президентом клуба был граф Рибопьер.-Ю. В.)... Доктор Краевский, несмотря на свои 56 лет, был все еще очень подвижный, энергичный человек и большой сторонник физического развития и поднимания тяжестей. Доктор, конечно, посетил наш клуб и тотчас узнал меня. Когда я разделся для того, чтобы можно было тщательно исследовать мое поранение, доктор Краевский вместе с моим врачом начал осматривать меня... Доктор Краевский обратил внимание на мое сложение, которое ему очень понравилось, и пригласил меня в Петербург... пожить у него, так как он возлагал надежды на то, что из меня может выработаться профессиональный борец.

Я узнал от него, что он тренировал некоторое время и Луриха, и я был очень обрадован, когда он мне сказал, что во мне есть материал для того, чтобы стать самым сильным человеком в мире.

Под влиянием увещаний моих товарищей по клубу, которые усиленно советовали мне воспользоваться предложением доктора Краевского, но против воли моих родителей я отправился весной 1898 года в Петербург.

Доктор Краевский - холостяк, жил в большом доме на Михайловской площади в Санкт-Петербурге... Я был принят весьма гостеприимно в доме

этого покровителя атлетики. Доктор относился ко мне, как к родному сыну, и в течение моего тренировки предоставил в мое распоряжение все то, что он знал в деле атлетики. Одна комната в его доме была украшена портретами лучших атлетов и борцов всего света... Доктор Краевский был, кроме того, основателем частного клуба, в котором еженедельно происходили упражнения с тяжелым весом, гантелями и другими гимнастическими аппаратами и где также усердно боролись. В своей гимнастической зале у доктора Краевского находились в громадном выборе многочисленные штанги, гантели, гири, а также всякого рода аппараты для развития силы - словом, все, что нужно атлету... Это была превосходно устроенная школа физического развития. Все профессионалы и борцы, приезжавшие в Санкт-Петербург, являлись к доктору Краевскому и экспонировали свое искусство в его гимнастическом зале; при этом они подвергались тут же тщательному измерению, взвешиванию и исследованию. Благодаря этому доктор Краевский приобрел превосходный материал и выдающиеся познания относительно способностей к физическому развитию и различных систем тренировки...

Я пил исключительно молоко... ел все, что мне хотелось. Я купался ежедневно с доктором. После ванны мы занимались подниманием тяжестей, пока не обсыхали.

В феврале я сопровождал доктора Краевского в Москву. Здесь я взял несколько призов... Тренирование у доктора Краевского было весьма разносторонне, и я скоро приобрел значительную силу. Кроме того, я тренировался регулярно и в борьбе...

В апреле 1898 года клуб организовал состязание в поднимании тяжестей на звание чемпиона России, в котором я получил первый приз и смог вытолкнуть следующее: обеими руками я поднял 114 кг. Это было только на 1 кг менее мирового рекорда, установленного французом Бонном...

К концу апреля в Петербург приехал знаменитый французский борец Поль Понс, и я победил этого борца в 45 минут...

Я в то время был в очень хороших условиях и продолжал регулярно тренирование у доктора Краевского. Доктор Краевский решил теперь выпустить меня на всемирный чемпионат и чемпионат Европы, который должен был иметь место в конце июля того же года в Вене, вместе с выставкою спорта..."

В Риге в 1898 году на глазах у Гаккеншмидта в помещении атлетического клуба Краевский - тогда уже в весьма преклонных летах - выжал "много раз подряд шаровую штангу в 154 фунта (63,06 кг.- Ю. В.), а затем совершил

еще целый ряд трудных упражнений. Все были поражены..."

"Между тем пришло время отбывать мне воинскую повинность; я был зачислен в Преображенский полк, но по прошествии пяти месяцев отпущен со службы..."

Преображенец Гаккеншмидт...

Глава 81.

Летом 1898 года Гаккеншмидт отправляется в Вену. Там первый официальный чемпионат мира по штанге (первый чемпионат Европы по штанге состоялся несколько раньше - в 1896 году в Роттердаме).

До Варшавы Гаккеншмидт едет "Норд-экспрессом", но сначала в пограничном Вержболове проверка паспортов, тогда единственная в Европе, если не в мире, и какая дотошливая! Особые приметы прилежно выписаны в отдельную страничку паспорта.

Прямого поезда до Вены нет, и в Варшаве Гаккеншмидт пересеживается на австрийский экспресс Варшава - Вена.

Вена пышно справляет августейший юбилей: пятьдесят лет восшествия на престол императора Франца-Иосифа. Состязания самых сильных людей должны украсить торжества. К гордости австрийцев, побеждает их соотечественник Вильгельм Тюрк. У юного Гакка третье место. Еще не существуют деления по весовым категориям - все соревнуются в одной группе. Собственный вес Тюрка 120 килограммов, Гаккеншмидта - 89. Разница, по нашим представлениям, чудовищная. Впрочем, в снисхождении Гакк не нуждается. Его ждут и мировые рекорды и славные победы на ковре.

После одного из самых представительных борцовских турниров в Париже, в сентябре 1899 года, публика стала называть Гаккеншмидта Русским Львом. А в 1902 году в Англии он уже с трудом находит противников.

Американец Каркик (Каркик Джек - один из тренеров знаменитого американского борца Фрэнка Гоча (К спорту! 1912, № 10, 11, 50) -весьма сильный борец-начал свои гастроли в лондонском "Альгамбер-театре", лишь прослышав об отъезде Гакка. Каркик, как водилось в те времена, вызывал на арену всех, готовых помериться силой. Однако Гакк не уехал, а как обычный зритель, купив билет, отправился с товарищем в "Альгамбер-

театр". Когда американец бросил вызов, Гакк выбежал на арену, а его товарищ вынес за ним в пакете двадцать пять фунтов необходимого залога. Каркик, узнав Гакка, отказался бороться. В "Альгамбер-театре" грянул скандал: ведь американец сам вызывал любого. Каркик "победил" Гакка... с помощью полиции: она увела Гакка с арены.

Равных на континенте Русскому Льву, как продолжали величать Гакка, не приискивалось, и в 1904 году он отправляется в Австралию, где, несмотря на болезнь, тоже всех побеждает. В 1905 году в нью-йоркском "Мэдисон сквер-гарден" Гакк берет верх над чемпионом США Томом Дженкинсом.

"Я бы положил его гораздо скорее,- пишет Гакк,- но несколько раз, когда я его крепко схватывал, он становился бледным, как полотно, и так как я боялся повредить что-нибудь у него, я его снова выпускал".

В этом турне по США и Канаде Гакк укладывает на лопатки и всех прочих знаменитых борцов.

Говоря о множестве титулов, которые необходимо подтверждать из года в год, Гакк пишет:

"...То обстоятельство, что я в то же время получил и титул чемпиона, было для меня второстепенным делом. Настолько второстепенным, что я впоследствии никогда не давал себе труда возобновлять эти звания чемпиона..."

И последние слова книги:

"В течение всей моей карьеры борца я никогда не придавал большого значения тому, буду ли я чемпионом или нет. Единственный титул, под которым я хотел, чтобы меня знали, есть просто мое имя Георг Гаккеншмидт".

Глава 82.

Среди объявлений, напечатанных в конце книги, привлекают внимание два:

ШКОЛА

атлетики и физического развития профессора И. В. ЛЕБЕДЕВА.

Атлетика, бокс, борьба, гимнастика, фехтование. Преподаватели:

И. В. ЛЕБЕДЕВ, господа ИВАНОВ, КАЛИНГЕН, КРЕСТЬЯНСОН,
НИКИТЕНКО.

Санкт-Петербург, Эртелев пер., 5.

Профессор И. В. Лебедев - дядя Ваня Лебедев. Профессором он не был, однако спорт знал профессорски. Славился и силой, но главным образом как антрепренер и ведущий "чемпионатов мира", проводимых во множестве каждый год по городам Российской империи. Был душой русских спортивных журналов.

И второе объявление:

К сведению начинающих атлетов-любителей,

1-я московская арена физической культуры Атлета-рекордсмена С.

МОРРО-ДМИТРИЕВА. Существует с 1898 года.

Атлетика, борьба, состязания на призы. Плата ежемесячно 5 р., учащиеся - 4р.

Адрес: 3-я Мещанская, дом Шевлягиной, кв. № 33.

Морро-Дмитриев - один из чемпионов России (не местечкового чемпионата, а подлинного, всероссийского), основатель московской школы тяжелой атлетики (Как писал журнал "К спорту!" в ноябрьском номере 1912 года, "сколь велико число "чемпионов мира", если их принимать за действительность, полагаясь на слова господ организаторов и арбитров, хорошо видно из следующей таблицы, приводящей статистику "чемпионов" в одной Москве за четыре последних года...". В этой таблице сорок четыре имени).

...Мои выступления в Париже манили старых русских эмигрантов. Они мялись у раздевалки, представляясь в несколько странной манере: "Поручик третьей батарее первого гвардейского дивизиона...", "Прапорщик лейб-гвардии Семеновского полка...", "Сотник конвоя...". Со мной уже был один из них - Красовский из Чернигова.

Позже самый старший из них по званию - отнюдь не дряхлый старик - снисходительно обронил Красовскому:

"Поприсваивали чины, а на деле - статские или в лучшем случае прапоры из студентов. Картинка для Аверченко или Дорошевича". Красовский

ухмыльнулся: "Амфитеатров тоже не заскучал бы". А мне шепнул: "Я сам из студиозов. Юрист без двух курсов".

На мои выступления они сходились, потому что тяжелая атлетика была самым популярным и едва ли не единственным развитым из видов спорта в дореволюционной России наряду с конным и фехтованием. И, конечно, наведывались за кулисы те из них, кто имел к тяжелой атлетике хоть какое-то отношение.

Я выходил на помост, возвращался, а в дверях завязывались разговоры о памятных гастролях, местечковых силачах. Забальзамированный русский язык начала XX века, приправленный французскими словечками!

В ту пору я был первый с их бывшей Родины, кто после революции носил почетный титул "самый сильный человек в мире",- это-то и манило стариков. Они не скрывали, что гордятся русской силой.

Я смотрел, слушал и вспоминал Дон Аминадо Шполянского:

Живем, бредем и медленно седеем...

Плетемся переулками Пасси...

И скоро совершенно обалдеем

От способов "спасения" Руси!..

Правда, теперь никто из них не вел речи о спасении Руси.

После моего выступления на парижском помосте (в тот раз мы выступали вместе с Сашей Курыновым) старики размякли, подобрели и, прикладывая платки к глазам, пустились в самые проникновенные воспоминания...

Нет даже слова такого

В толстых чужих словарях.

Август. Ущерб. Увяданье.

Милый единственный прах...

Правда, диковато было слышать, когда спрашивали: "Из какой вы губернии?" И совсем поставил меня в тупик бывший поручик Селенгинского полка (полк прославился в Крымскую войну 1854-1856

годов; один из редутов, прикрывавших Малахов курган, носил его имя, так как селенгинцы его возвели и все там полегли). Бывший поручик попросил переслать в Киев платок для его любимой. Расстался он с нею в июле 1919 года! И ее последнее письмо-он положил передо мной конверт: в штемпеле - 1935! Я постарался убедить, что не имеет смысла посылать по этому адресу платок. Бывший поручик заупрямился: он десятилетиями слал ей письма. Я запомнил имя той: Вера Кобецкая. "Невеста", -пояснил он погодя, складывая платок. А за его спиной стояла пожилая француженка - жена, судя по всему так и не ставшая любовью. Он перехватил мой взгляд и с горделивой улыбкой пояснил: "Она у меня мила. Правда, не дашь шестидесяти? Умеют быть женщинами..."

...Русское лето в России,

Запахи пыльной травы,

Небо какой-то старинной,

Темной, густой синевы...

Несколько трагикомический случай вышел у меня с другим бывшим офицером. Старик вынашивал мечту - умереть на Родине. На Западе толком не прижился, относился к нему как к глупому недоразумению. Брак оказался бездетным, даже в этом обидность, запустение дней...

Слово за слово, попросил похлопотать.

И я по возвращении из Парижа отправился на прием в Секретариат Президиума Верховного Совета СССР. Там сказали: "Пожалуйста. Пусть оформляет документы, но нужно, чтобы его кто-то принял. У нас трудно с жильем. Выделить что-то отдельное не можем. У него есть родственники?"

Таковой отыскался, но принять парижского родича наотрез отказался. Мне написал: "Знали бы, сколько я из-за него натерпелся!" Вообразить совсем несложно.

Словом, возвращение моего парижанина сорвалось. Долго я получал от него письма. Иногда он присылал книги, газеты. И нет-нет в письмах прорывалось недоумение: вот какой год треплю костюмы, рубахи, туфли... из тех, запасенных впрок; вещи немодные, даже страшноватые нынче, а конца им нет...

...Утро. Пастушья жалейка.

Поздний и горький волчек.

Эх, если б узкоколейка

Шла из Парижа в Елец!..

Шполянский

И вот тогда от стариков я впервые услышал о знаменитой московской школе атлетики Морро-Дмитриева, где "драконили железо жадно и по всем правилам". Точностью, обилием фактов меня поразил рассказ младежавого старика с выпуклой грудью. Я уже знал: он спортивный репортер одной из парижских газет, подрабатывает массажем, а в прошлом... надежда русской тяжелой атлетики, обладатель всероссийского рекорда накануне революции. С каким же благоговением отзывался Александр Григорьевич Красовский о своем учителе Морро-Дмитриеве!

Не забыл он и Гаккеншмидта. Припомнил: "Однажды портной принес доктору Краевскому новые брюки, серые в полоску - под визитку. Гаккеншмидт вперился с вожделением. Щупал добротное сукно, млея. Доктор ободрения ради посулил: "Побейте рекорд Сандова - и получите такие же". Спустя некоторое время Гаккеншмидт выкрутил правой 282 с лишним фунта. Награда от доктора последовала незамедлительно - серые штаны в полоску!"

Впоследствии я нашел документальное подтверждение его рассказу-анекдоту, как он выразился тогда.

Глава 83.

Закрываю книгу Георга Гаккеншмидта. На обложке в обводном прямоугольнике цена: 1 рубль.

Внезапно с удивительной ясностью вижу себя в лондонском "Скала-театре". Операторы Би-би-си свернули кабели и увезли аппаратуру, но в воздухе еще запах подгоревшей краски. Он смешался с запахом растирок, табачного дыма и пива. Уже разбрелись репортеры и знатоки, от них всегда тесно и тошно за кулисами. Торопятся в автобус спортсмены и тренеры. Вразвалку, громко хохоча, проходит финн Кайляярви-младший - рекордсмен мира, отчаяннейший из турнирных рубак. Медлительно вышагивает высоченного роста господин с застывшим продолговатым лицом - это Роберт Хоффман. Рядом с Гаккеншмидтом его жена, маленькая, изящная. А Гаккеншмидт

действительно элегантен в черном строгом костюме.

- Вас очень помнят у нас,- бормочу я.- Я не преувеличиваю - это так! Вас помнят...

Гаккеншмидт напряженно вслушивается. Он не сразу схватывает смысл слов. И вдруг, улыбаясь, закидывает голову - это его характерный жест.

- Давно, как это было давно!- И, раскланиваясь, говорит:- Надеюсь, увидимся вечером.- Он трудно произносит слова, с акцентом.

Смотрю вслед. У старика мощный костяк, шея по-борцовски широка и крепко держит голову, но особенно впечатляет грудь, когда он поворачивается и еще раз раскланивается. Она раздвинута и выгнута чисто по-гаккеншмидтовски (теперь-то, наглядевшись на фотографии молодого Гакка, я прежде всего отмечаю в сознании эту подробность).

А вечером перед банкетным залом Гаккеншмидт дарит мне ту свою фотографию и копию телеграммы Краевского.

"Его Высочородию Георгию Георгиевичу Господину Гаккеншмидту, Всемирному Атлету Любителю. Москва. Тверская, Пассаж Постниковой, Атлетическая арена Баронессы Кистер.

Санкт-Петербург. 4.02.1898. Георгий Георгиевич! Поздравляю Вас с Вашим новым всемирным рекордом. Вы выжали одной рукой 282 и 3/4 фунта (115,79 кг.- Ю. В.), как я вчера узнал. Вас вдохновила Москва. Да здравствует победитель всемирного Сандова. Честь и слава России! Ваш обожатель доктор Краевский".

В тот день, 3 февраля 1898 года, в Москве Георгом Гаккеншмидтом был установлен первый - и не только в тяжелой атлетике - мировой рекорд в истории русского спорта.

Банкет... У меня на коленях эти драгоценные подарки Гакка. Официальная часть банкета дотошно расписана. Можно следить по бланку приглашения (отменная мелованная бумага в два листа), кто за кем будет говорить, какова должность оратора и кого представляет.

Приглашение забавляет. Несколько раз перечитываю:

"Британская любительская тяжелоатлетическая ассоциация. Золотой юбилейный турнир. Банкет в честь атлетов и официальных представителей. Суббота, 29 июля 1961 года..." Далее следует список ораторов. В конце -

меню, читаю: "Салат из фруктов - "Власов", крем - "Курынов"".

Забавляют не эти названия в меню, а количество официальных представителей. Атлетов значительно меньше. И так всегда, где бы ни проходили приемы.

Отпечатан и адрес банкетного торжества: "Тотам корд роад. Лайонс Карнер Хаус".

Нет, это не в нашу честь торжество. Старый доктор назвал его имя: "Честь и слава России!.."

Рассказываю Аптекарю о Гаккеншмидте.

- А знаешь, он ответил на письмо,- говорит Миша.

- У тебя письмо Гакка?

- Я списал адрес с визитной карточки у тебя на столе после твоего возвращения из Лондона.- Он подходит к шкафу, достает папку.- Вот письмо.

Если говорить о суеверном трепете, то я испытываю именно это чувство. Осторожно извлекаю из узкого продолговатого конверта листок. Сверху по-английски печатными буквами: "Георг Гаккеншмидт. 21 Честнут Роад. Вест Норвуд, Лондон. С. Е. 27. Англия".

Мелкий неровный почерк:

"27 февраля 1963 года.

Многоуважаемый Михаил Лазаревич!

После восьми месяцев во Франции я вернулся в Лондон. Здесь мне передали Ваше письмо. Чтение писем из Москвы и Ленинграда мне более приятно, чем из других стран мира. И это иначе не может быть из-за чудных воспоминаний, которые я собрал: в 1898 году в Москве я выжал правой 282 3/4 фунта (в то время мировой рекорд) . В Москве я и собрал звание чемпиона города Москвы и чемпиона города Петербурга.

В Петербурге победил Поля Понса (чемпиона мира), Шмеллинга, Тэдди Михайлова, поляка Зариковского, Петрова и много других очень сильных атлетов. В клубе доктора Краевского я победил Замукова, Шемякина, Трусова, Медведева и так далее.

В Москве тоже я победил очень сильных борцов, как Констан ле Буше, Рауль ле Буше, Эмбаль де ля Кальметт... (неразборчиво.-Ю. В.), Моор-Знаменский и прочие.

Такие победы скоро не забудешь.

С удовольствием я Вам отвечаю на Ваши вопросы, насколько я их отвечать могу.

1. Елисеев меня никогда не побеждал. Ни по гилям, ни по борьбе. Я вышел победителем Елисеева по тяжелой атлетике на чемпионате в арене графа Рибопьера и в борьбе у доктора Краевского. Как борец Елисеев был неважным, несомненно из-за его легкого веса.

2. Победа Елисеева в Милане не давала Елисееву считать себя чемпионом мира. Он мировых рекордов, как я помню, ни одного не имел, и мировые чемпионы не участвовали в этом чемпионате.

3. Я участвовал во всех крупных чемпионатах в 1898 году. Их мало было.

4. В 1900 году контракты меня обязывали покинуть Россию.

5. Я был в Юрьеве, когда доктор умер. Мне прислали телеграмму, и я немедленно возвратился в Петроград...

Желаю Вам всего хорошего и наилучшего.

Г. Г. Гаккеншмидт.

Фотографий не имею. Когда найду - я Вам их вышлю".

Глава 84.

- В начале зимы девятисотого года Краевский сломал ногу на Литейном мосту,- поясняет Аптекарь.- Первого марта девятьсот первого года умер, проболев около шести месяцев.

Спрашиваю:

- По документам Гаккеншмидт действительно самый сильный человек своего времени?

- С восьмьсот девяносто восьмого года по девятьсот десятый - безусловно, первый среди первых! Близок к нему Лурих, но Гаккеншмидт посильнее (не совсем так, Лурих показывает результат в толчке больший, чем Гаккеншмидт, но это случилось несколько позже 1898 года.- Ю. В.). А как личность Георгий Георгиевич несравненно крупнее. Человек выдающийся во всех отношениях! Великий атлет, оригинальный философ, создатель собственной школы физического воспитания. Что касается силы, к девятьсот десятому году всех оттесняет чех Карл Свобода. Титул сильнейшего в мире по праву переключивается к нему...

Книга и в самом деле рассказала далеко не все.

Не без удивления я обнаружил, что своего первого спортивного триумфа юный Гаккеншмидт добивается в Ревеле на велосипедных гонках. Там, в Ревеле, под присмотром Андрушкевича он приступает к тренировкам в тяжелой атлетике. Восемнадцати лет на равных борется с Лурихом. Узнаю и причину необыкновенных рекордов и побед Гаккеншмидта - тщательная общефизическая подготовка.

Даже самая самоотверженная тренировка с одними тяжестями не даст прочной победы. Для большой силы нужна прежде всего разносторонняя общефизическая подготовка. Без нее нет классного спортсмена. Только на основе разносторонних физических качеств можно воспитать настоящую силу. Тогда атлет выдержит любые тренировки. Сможет наращивать нагрузки. Будет способен усваивать непрерывно нарастающие нагрузки. И отвечать новыми результатами любым соперникам.

Юный Гакк тренируется в прыжках в длину: 4 м 90 см - по тем временам недурной результат. В высоту с места прыгает на 1 м 40 см. Пробегает за 26 с 180 м. Для укрепления ног практикует подъемы по винтовой лестнице к шпилю церкви Олевисте с двухпудовыми гириями в руках.

Невольно сравниваю свои "забавы". У меня прыжок в длину - около 5 м 70 см. Прыжок с места в высоту - тоже 1 м 40 см. Бросок 700-граммовой гранаты - чуть дальше 80 м. Я любил плавать. Плавал не быстро, но очень долго. В семнадцать - двадцать лет заплывы по четыре-пять часов были развлечением. Совсем неплохо бегал на лыжах. А все это явилось опорой для будущей силы, точнее - мощных многолетних тренировок.

...Уже в 1897 году Гакк лежа выжимает "бульдоги" совокупным весом в 143,3 кг. Никто в мире проделать подобное не мог.

Накануне достопамятной поездки в Москву на тренировках у доктора Краевского Гакк берет в толчке двумя руками 125 кг, правой же рукой выталкивает 110 кг. А ему нет еще и двадцати.

За "новый всемирный рекорд", установленный на атлетической арене баронессы Кистер, Гакка награждают 4 марта золотым жетоном с чеканкой - "Победителю Сандова".

"25 марта (1898 года - Ю. В.),- сообщает "профессор атлетики и физического развития" Лебедев,- грандиозный атлетический праздник, чистая прибыль 3 тысячи рублей! Цифра небывалая. Для победителей - призы, пожалованные августейшим покровителем "Общества поощрения всех видов охоты" Его Императорским Высочеством Великим князем Николаем Николаевичем. Почетный кубок достался Гаккеншмидту. После представления члены Велосипедно-атлетического общества закончили вечер в ресторане "Медведь" за пирушкой до шести утра..."

В апреле того же года Гаккеншмидт побеждает на всероссийском чемпионате. Есть мировой рекорд - 143,8 кг в толчке двумя руками! Второе место у Сергея Елисеева из Уфы.

В 1900 году Гаккеншмидт становится чемпионом Петербурга по прыжкам в высоту - 1 м 55 см. В том же году он доводит результат до 1 м 65 см. На I Олимпийских играх в Афинах в 1896 году второе место в прыжках в высоту с результатом 1 м 76 см занял американец Джеймс Конноли, а через четыре года на Олимпийских играх в Париже третье место с результатом 1 м 75 см занял венгр Лайош Гёнитци. При соответствующей тренировке Гаккеншмидт мог завоевать здесь одну из олимпийских медалей. Для тяжелоатлета это явилось бы истинным подвигом!

Гакк мечтает, однако, о славе самого сильного! И тогда в Москве в 1900 году броском на лопатки опрокидывает "чемпиона мира" болгарина Николу Петрова. Приз - золотой пояс и 975 рублей.

В пасхальные дни 1901 года спортсмен из России впервые добивается звания чемпиона мира на турнире профессионалов в Вене. В 1902 году Гаккеншмидт трижды туширует знаменитого ирландского борца Томми Каннона. Собственный вес ирландца 300 кг!

Слава Гакка столь велика, что репортеры в отчетах о соревнованиях непременно сообщали о его присутствии даже в качестве простого зрителя.

"В понедельник состоялась в "Павильоне-театре" в Лондоне борьба между

Поддубным и Збышко-Цыганевичем,-оповещает русских читателей "Спортивная жизнь" 1 декабря 1907 года.- Несмотря на прямо-таки баснословно дорогие билеты, театр оказался совершенно переполненным. За борьбой со сцены с большим интересом следил Гаккеншмидт. Поддубному часто делали замечания. Так, он ударил Збышко кулаком в подбородок и толкнул головой в лицо. После 15 минут сделали перерыв, во время которого судья заявил Поддубному, что на сцене происходит состязание по борьбе, а далеко не кулачный бой, и поэтому он должен просить Поддубного держать себя корректно. По истечении 25 минут Поддубный, однако, снова так сильно толкнул противника, что пришлось заметить ему, что при следующей неправильности с его стороны он будет считаться побежденным. 10 минут Поддубный боролся корректно, но затем подставил Збышко ногу, после чего Збышко признали победителем. Оба противника были страшно взволнованы, и Збышко пытался броситься на Поддубного. Лишь с трудом удалось удалить Збышко со сцены. Как только Збышко успокоился, он по требованию публики должен был явиться на сцену, где долгое время был предметом шумных оваций со стороны многочисленной толпы".

Апрель 1908 года. Чикаго. В борьбе по американским правилам через два часа три минуты верх берет Фрэнк Гоч. Гаккеншмидт отказывается признать себя побежденным. Борьба велась не по правилам, заявляет он. Действительно, правила вольной борьбы были ему новы и во многом непонятны. Сам Гоч вспоминал:

"Вот уже девять лет я состою чемпионом Америки по свободной борьбе и тринадцать лет выступаю как профессионал, но за все время я ни разу не заслужил такой чести и славы, как за два часа борьбы с Георгием Гаккеншмидтом в апреле 1908 года. Моя победа над этим непобедимым Русским Львом наделала шуму во всем мире, так как репутация Гаккеншмидта как первоклассного борца была известна всему свету. Он многие годы подряд был гордостью всех европейских борцов и победил столько сильнейших противников, что на его матч со мной смотрели как на шутку не только по ту сторону океана, но и в Нью-Йорке. ...Что же касается тонкости борьбы, то у Гаккеншмидта много недостатков. Он слишком много думает и не умеет привести своего противника в замешательство неожиданной хитростью. Каждый его прием преднамерен... Кроме того, он не умеет использовать всю свою феноменальную силу... В то время как Гаккеншмидт дошел до полного изнеможения, я боролся вполне обдуманно и экономил свои силы, так что смог после двухчасовой борьбы поднять его и с силой бросить на ковер".

После этого на встречу с Гочем поехал Збышко - борец из великих! Гоч тушировал его через... семь секунд!!

4 сентября 1911 года встреча Гакка с Гочем повторяется. И снова поражение! Об этом последнем поединке рассказывает очерк в журнале "Русский спорт" (1911, № 54):

"...Гаккеншмидт о своем поражении.

Во французском журнале "La Culture Phisique" помещено письмо по поводу его последней борьбы с Фрэнком Гочем. Гаккеншмидт пишет, что всеми силами добивался возможности вновь встретиться с Гочем, победу которого над собой три года назад не мог признать правильной. Получив известие, что все устроено и борьба назначена на 4 сентября в Чикаго, Гаккеншмидт начал усиленную тренировку, которую продолжал даже в гимнастическом зале на палубе парохода "Олимпик". ...Тренировка шла успешно, и, по словам борца, он в первый раз в жизни находился в такой прекрасной форме. Но за две недели до матча случилось несчастье. Во время борьбы с доктором Роллером у Гаккеншмидта вывихнулось левое колено. Пришлось лечь в постель и лечиться до самого момента борьбы. Надежды на победу, конечно, исчезли, и Гаккеншмидт согласился бороться, только чтобы не разорить организаторов матча и при условии, чтобы за него не держали пари. Гаккеншмидт не жалуется на неправильность матча, но заявляет, что не только Гоч, но любой борец мог его тогда победить. Во время борьбы он не мог ступить на левую ногу..."

Очерк заканчивается уверениями в том, что Гаккеншмидт "будет иметь еще много успехов в борьбе, в которой все же считает себя первым".

Расставаясь, Георгий Георгиевич спросил, нравится ли мне Лондон. Я признался, что не успел увидеть город, а завтра спозаранку - отъезд.

Сколько я помню выступлений за границей, правило "выступил - и тут же уезжай" выдерживалось с завидной и обидной неизменностью, в совершеннейшем соответствии с русской поговоркой: "Коня в гости зовут не медом поить, а воду возить".

Разумеется, я не сказал о том Георгию Георгиевичу. Впрочем, не сказал и другое: Лондон показался мне неприветливо-мрачным.

Тогда я решил, что его вопрос - дань вежливости. И лишь теперь могу предположить, что Лондон Георгий Георгиевич полюбил всей душой. К тому же из него было удобнее совершать свои победные набеги на все прочие города. Может быть, Георгию Георгиевичу пришелся уклад английской жизни, столь похожий на родной, эстонский. В 1911 году он принял английское подданство.

Впрочем, писал же Герцен в середине XIX века: "Здесь можно устроить удивительную жизнь, я повторяю с полным убеждением, что во всей Европе один город, и это - Лондон... Он имеет все недостатки свободного государства в политическом смысле, зато имеет свободу и религию уважения к лицу... этот город своеобразный, надобно привыкнуть к нему..."

После матча с Гочем Гаккеншмидт хочет забыться. Он буквально бежит в Россию. В сентябре он еще в Америке, а в ноябре его принимают Киев, Москва, Санкт-Петербург. Здесь друзья, прежнее почитание и привязанность публики. Здесь верят и понимают.

Последнее свидание с Россией.

Киевский корреспондент откликается очерком "Встреча с Гаккеншмидтом" (Русский спорт, 1911, № 55):

"Вечером 16 ноября на обычном уроке в Немецком гимнастическом обществе мне сказали, что в Киев приехал Гаккеншмидт. Прежде всего я усомнился в подлинности... но на другой день, узнав от знакомого... что Георгий Георгиевич Гаккеншмидт действительно здесь, я помчался в "Прагу", где остановился Русский Лев.

Естественно, разговор зашел о недавней борьбе с Гочем. Как писал еще Дериац (Э м и л ь и Мори ц Дериац ы - прославленные атлеты из Швейцарии. С наибольшим успехом выступали в 1905-1912 годах), так теперь и подтвердил Гаккеншмидт: борьба в Америке нечестная. Гоч борется только тогда, когда уверен, что его противник ляжет под него. Вот почему Гаккеншмидт искал встречи с Гочем три года и должен был депонировать 20 тысяч долларов для ставки. Больное колено (о чем спортсмены уже знают)- несчастный случай в борьбе, и Гаккеншмидт отказался от победы. По его словам, Збышко несравненно сильнее Гоча, но, наверное, ляжет под него...

Из борцов во французской борьбе выше всех Гаккеншмидт ставит Поддубного, который всегда борется серьезно и начистоту... "И я его очень люблю!"- добавил атлет...

В недалеком будущем Гаккеншмидт собирается издать новую книгу по физическому развитию, где полнее разовьет те мысли, которые он изложил в первой книге. "Борьба мне надоела, и я теперь решил отдохнуть"-так закончил беседу знаменитый и непобедимый атлет".

Автор очерка - Анохин. Доктор Анохин первым в России получил диплом

тренера, выдержав испытание перед специальной комиссией Киевского атлетического общества.

На приезд Гаккеншмидта отозвался и петербургский корреспондент "Русского спорта": "Гостивший на прошлой неделе в Петербурге Георгий Георгиевич Гаккеншмидт навестил по старой памяти Санкт-Петербургское атлетическое общество. Рассказывая о своих делах, находившихся с материальной точки зрения в блестящем состоянии... он сообщил, что отказаться от борьбы с Гочем в Чикаго (4 сентября.- Ю. В.) значило разорить своего же импресарио. Поражение, хоть и неизбежное, так удручающе подействовало на Гаккеншмидта, что он уехал на пароходе под чужим именем..."

Чемпионы. Баловни публики. Неутомимые ловцы славы. Рабы великого труда и мужества. Математики будущих падений. Своих.

В ноябре 1911 года Гаккеншмидту пошел 34-й год, а с ним - усталость и отвращение к борьбе. Он долго не может приступить к правильным тренировкам, а настоящие тренировки - тренировки не за деньги - он любит. Любит до последнего дня жизни. В журнале "Стрэнгт энд Хэлт" Хоффмана я видел фотографию Георгия Георгиевича на тренировке. Ему 86 лет. Он в трусах и беговых туфлях. По-стариковски жилист, морщинист, но широк и мускулы еще не извела старость. А тогда... его еще ждали концентрационный лагерь в Германии - с 1915 по 1918 год- и голод...

Большой спорт ни для кого не делает исключений. Через год после второй встречи с Гаккеншмидтом "Русский спорт" (1912, № 50) печатает более чем горькие признания Гоча. Это даже не признания, а отчаяние и одновременно ненависть к публике. Ведь на потеху ей не щадят себя чемпионы.

Журнал сообщает о намерении знаменитого американского борца покинуть арену. Причина - переутомление: "Я с ужасом думаю, что опять должен заняться борьбой. Дрожь пробегает по телу при мысли, что придется работать над своей формой... Я никогда не забуду тех мучений, которые мне пришлось испытать при тренировке. Людям кажется, будто я имею призвание к борьбе и поэтому слава досталась мне без всяких забот. На самом деле вряд ли кому успех доставался столь тяжелой ценой..."

И сейчас многие из великих спортсменов не отреклись бы от слов Гоча. Спортивный труд жесток и опасен.

Глава 85.

И уже в самолете я прочитал перевод репортажа о турнире, напечатанного в "Тайме" 31 июля 1961 года. Характерен подзаголовок: "Нет веса, который не могли бы поднять эти русские".

"...Юрий Власов из России, сильнейший человек мира, толкнул 453 и 3/4 фунта. После этого три человека носили взвешивать штангу... Снова поцелуи, объятия на помосте, взволнованный гул и замечания в зале: "Фантастически, невообразимо". Уже противники Власова, включая громадного Зирка, который растит цветы на собственной ферме в Америке и тем добивается большего бизнеса, чем с магнезией, оставлены далеко позади. Власов - сверхчеловек в очках, увлеченный философией, литературой и музыкой. У него обширное поле деятельности, и, однако, наряду с этим он аттестован как спортсмен номер один. Он получил трофей от легендарного Георга Гаккеншмидта - старого Русского Льва. И новым связующим звеном стало рукопожатие, которое всколыхнуло память..."

Я понимаю: воспоминания всегда более личный документ, чем объективно-исторический. Я и воспринимал события именно пристрастно. Это естественно. Дабы в какой-то мере выправить данный недостаток, внести фактическую достоверность, я и привлекаю газетный материал.

Глава 86.

Мировая печать своеобразно откликнулась на кончину сильнейшего из атлетов.

Вот что написал в некрологе, посвященном Георгию Георгиевичу, бывший русский рекордсмен Красовский:

"...Не так давно я заехал проведать старого французского чемпиона Луи Вассэра, который мне сообщил, что на девяносто первом году жизни в Лондоне 19 февраля скончался Русский Лев - Георг Гаккеншмидт. О смерти этого великого спортсмена, кумира парижской публики начала этого века, французская спортивная пресса не была даже осведомлена. Так проходит слава мира!"

Французскую публику и оповестила эта единственная заметка, напечатанная в русской газете на русском языке 2 августа 1968 года.

Поклон тебе, Великий Гакк! Поклон старому доктору! Пусть будут вечны

над вами слова: "Честь и слава России!"

Как-то меня спросил болгарский тренер (он изучал спортивную психологию), что я шепчу, когда выхожу на помост. Я остерегался предельного "железа", старался подавить неуверенность, никому никогда не признавался в ней, искал слова - опоры в других. Шептал стихи. Разные. Когда я сказал о стихах болгарскому тренеру, он с сомнением глянул мне в глаза. А напрасно! Никакой допинг не сравнится со словом. Недаром на Востоке говорят: "Рана от ножа заживает, рана от слова - никогда".

Помню свою первую победу на командном чемпионате СССР в Горьком 16 декабря 1958 года. Мы с тренером решили перекрыть результат Медведева, показанный на чемпионате мира. В жиме и рывке я взял намеченные веса (я весил тогда 114 кг). Все понимали, куда клонится борьба, и каждый подход взвинчивал зал. Но в толчковом упражнении я мог сорваться. Я и устал, и еще худо управлял собой, и главное - едва залечил травмы. Последняя попытка! Я стоял за занавесом, уже готовясь шагнуть на сцену. Богдасаров помогал мне расправлять трико. И вот в тишине, решающей судьбу и которая тем так памятна спортсменам, я услышал скороговорку Ивана Любавина - тренера Медведева (он не видел меня, а я стоял в двух шагах): "Этому... не взять вес!"

Я задохнулся яростью - и не потому, что Любавин покрыл меня... Нет! Он не сомневался в моей трусости! Насмехался! Я трус!

И я уже больше не чувствовал пола, не слышал зала. Я ослеп, и лишь штанга, точнее - ощущения в мышцах существовали для меня. Выполнил упражнение, как на учебном весе. Мне показалось, будто в "низком седе" я надел штангу на себя: так ладно тяжесть распределилась по мышцам и суставам. Я выпрямился почти мгновенно. Если бы даже травмы ожили, не пустил бы страх и боль в сознание. Я и не пускал ничего в сознание, кроме команд борьбы. Две едва залеченные травмы - коленного сустава и позвоночника - даже не дали знать. Я, на языке спортивного жаргона, заштамповал подход.

Потом я узнал "железо", узнал себя... Скорее, не узнал, а научился верить... А стихи... Поди отделайся от воли слов...

Я взбудоражен, я взволнован,

Во мне звучат разливы нив,

Я вдохновеньем коронован...

Стихи Бурлюка из журнала, посвященного его 80-летию. Журнал из той пачки, втиснутой между книг на долгие годы, пока большой спорт распорядился мной. Там же отрывки из дневника Маруси Бурлюк за 1930 год с записями высказываний Бурлюка.

"Публика чувствует себя прекрасно, пока с ней беседует посредственность" (Оскар Уайльд).

"У неопытного поэта слова грызутся, как звери в клетке" (Бурлюк).

"Искусство, доведенное до простейших форм, перестанет существовать... у него нет трудностей, которые необходимо преодолеть, чтобы достигнуть мастерства..." (Бурлюк).

И отдельно: "Стихи часто писались и пишутся в обмен на кредитки. Коммерческое, продажное "искусство"- знак наших дней" (* Из коллекции Н. А. Никифорова. Тамбов, Литературный музей).

Рассказ поэта Василия Васильевича Каменского о себе и своем времени (это он учился вместе с Заикиным летному делу у Анри Фармана).

"...Восемнадцать лет увлекся театром, уехал в Москву, стал актером. Играл в Севастополе, Тамбове, Кременчуге и Николаеве, где работал в труппе В. Э. Мейерхольда. В этом Николаеве волею обстоятельств жил у приятеля в бюро похоронных принадлежностей - спал в сторублевом дубовом гробу, на складе. Было страшновато, но уютно. Мейерхольд посоветовал мне бросить сцену: увидел во мне литератора. Я послушался. И случайно попал в Константинополь, а потом уехал на Урал. Начал печатать стихи в газете "Урал".

В 1905 году был избран делегатом на I съезд Железнодорожного союза. И все время забастовки состоял председателем забастовочного комитета громадного Уральского района от Бисера до Екатеринбурга. Зимой был арестован и посажен в одиночку Николаевской тюрьмы Верхотурского уезда. Освобожден летом 1906 года. В 1908 году устроился секретарем редакции "Весна" у Н. Шебуева. Познакомился с Леонидом Андреевым, Куприным, Блоком, Ремизовым, Сологубом. Встретился и подружился с художником Давидом Бурдюком. Занимался в студии Бурлюка живописью. Выставлял свои картины на левых выставках. Много работал по литературе под мудрым руководством мастера-знатока Д. Бурлюка.

В 1909 году написал первый роман "Землянка". Увлекся авиацией, уехал в Германию, Англию, Францию, где летал на аэропланах. В России сдал экзамен на летчика. Приобрел себе аппарат. Летал в Польше. В Чен-стохове

разбился в грозу, едва спасся. В 1910 году в Петербурге вместе с Бурдюком, Хлебниковым и Еленой Гуро основали ядро футуризма, издав первую книгу "Садок Судей". В Москве присоединился к нашей группе Владимир Маяковский. И еще - А. Крученых.

В 1913 году мы, три главаря нового движения, предварительно выпустив ряд своих книг, поехали (Д. Бурлюк, В. Маяковский и В. Каменский) в турне по городам России, революционизируя умы и сердца молодежи, читая доклады и стихи.

В Москве я встретил революцию Октября, с первых дней активно встав на путь власти Советов, ибо видел в этой пролетарской революции социальную правду... В первую годовщину Октябрьской революции в Москве и всюду в провинции шла моя пьеса "Степан Разин". Дальше я, как поэт, работал во славу великих завоеваний Октября..." (Каменский Василий. Автобиография. Поэмы. Стихи. Акц. общество "Заккнига", 1927. С. 5-7).

"Днем у меня вышло стихотворение,- вспоминает Маяковский в автобиографии 1912 года.-Вернее- куски. Плохие. Нигде не напечатаны. Ночь. Сретенский бульвар. Читаю строки Бурлюку. Прибавляю: это один мой знакомый. Давид остановился. Осмотрел меня. Рывкнул: "Да это же вы сами написали! Да вы же гениальный поэт!" Применение ко мне такого грандиозного и незаслуженного эпитета обрадовало меня. Я весь ушел в стихи. В этот вечер совершенно неожиданно я стал поэтом... Всегдашней любовью думаю о Давиде. Прекрасный друг. Мой действительный учитель Бурлюк сделал меня поэтом... Не отпускал ни на шаг. Выдавал ежедневно 50 копеек. Чтобы писать, не голодая".

Тут же под письмом Каменского с рассказом о смерти Маяковского:

"Памяти великого друга:

11 ноября сего 1961 года, в Москве, после многолетних тяжелых страданий скончался наш, с 1910 года ближайший друг-брат, собрат по перу - великий русский поэт-футурист Василий Васильевич Каменский.

Могучая кучка (квадрига), собратство футуристов: Витя Хлебников, Вася Каменский, Володя Маяковский, Додичка Бурлюк - явились основоположниками и ярыми глашатаями новой русской литературы, шедшими под лозунгами футуризма, призывавшими к отрицанию старых форм жизни - во имя великой нови!..

Спи с миром, наш незабвенный друг и собрат.

Давид, Маруся Бурлюк".

И на четырнадцатой странице:

"Хлебникову (этих стихов, Витя, ты никогда не прочтешь!).

Он тонул в истоках века,

Чтоб затем звучать в веках,

Русской речи мудрый лекарь,

Ныне он - лишь легкий прах.

Но его стихи бессмертны.

И в окраинах земель,

Русской речи где инертность,

Хлебников - бездонья цель!"

Здесь уместны и слова из отклика Маяковского на смерть Виктора Владимировича (Велемира) Хлебникова (1885-1922):

"...Хлебников - не поэт для потребителей. Его нельзя читать. Хлебников - поэт для производителя... он ставил поэтическую задачу, давал способ ее разрешения, а пользование решением для практических целей - это он предоставлял другим... Его биография - пример поэтам и укор поэтическим дельцам... Для Хлебникова слово - самостоятельная сила, организующая материал чувств и мыслей. Отсюда - углубление в корни, в источник слова, во время, когда название соответствовало вещи... Во всех вещах Хлебникова бросается в глаза его небывалое мастерство. Хлебников мог не только по просьбе немедленно написать стихотворение (его голова работала круглые сутки только над поэзией), но мог дать вещи самую необычную форму... Я знаю Хлебникова двенадцать лет. Он часто приезжал в Москву, и тогда, кроме последних дней, мы виделись с ним ежедневно. Меня поражала работа Хлебникова. Его пустая комната всегда была завалена тетрадами, листами и клочками, исписанными его мельчайшим почерком... при переездах рукописями набивалась наволочка, на подушке спал путешествующий Хлебников, а потом терял подушку... Приехал он обратно этой зимой, в вагоне эпилептиков, надорванный и ободранный, в одном больничном халате... Во имя сохранения правильной литературной перспективы считаю долгом черным по белому напечатать от своего имени

и, не сомневаюсь, от имени моих друзей, поэтов Асеева, Бурлюка. Крученых, Каменского, Пастернака, что считали его и считаем одним из поэтических учителей и великолепнейшим и честнейшим рыцарем в нашей поэтической борьбе.

После смерти Хлебникова появились в разных журналах и газетах статьи о Хлебникове, полные сочувствия. С отвращением прочитал. Когда, наконец, кончится комедия посмертных лечений?! Где были пишущие, когда живой Хлебников, оплеванный критикой, живым ходил по России? Я знаю живых, может быть, не равных: Хлебникову, но ждущих равный конец.

Бросьте, наконец, благоговение столетни:, юбилеев, почитания посмертными изданиями! Живым статьи! Хлеб живым! Бумагу живым!"

И в номере журнала "Пятьдесят лет с Маяковским" воспоминания Марии Бурлюк о "Хлебникове в Михалеве":

"... "Эй, слушай!" - уныло и как будто не одну сотню лет простегивал темную ночь глухой, притаившийся голос Александра, обходившего парк по красному глиняному валу... Чахлого ельника было пятнадцать десятин, и примыкал он к участку фабриканта Арманда. Александр пришел в усадьбу Бурлюков странником, попросился ночевать, да так и остался при семье.

В описываемом здесь 1915 году Хлебников жил в Михалеве с июня месяца... С правой стороны в комнате Хлебникова стояла крепкая чугунная кровать с волосяным матрасом, с двумя простынями и шерстяным жестким "тигровым" одеялом... Рядом - стол, лакированный, старый, с выдвигаемым ящиком... Чернильница толстого белого стекла с медной крышкой, коричневая, выкопанная из земли в Керчи чашка неправильной формы (из нее по ночам Хлебников пил чай)... Хлебников работал в 1915 году над биографией Пушкина и над "Дневниками Башкирцевой", искал "кривую" творчества и делал свои математические выкладки... Хлебников курил много, и его пальцы были желтоватого тона... На стенах комнаты Велемира Владимировича висели натюрморты Бурлюков, иногда только законченные. Велемир Владимирович менял картины, но не сюжеты. Работал Хлебников не торопясь, по ночам..."

А вот и рассказ о роде Бурлюков - потомков знатных татар, подавшихся в Запорожскую Сечь и там получивших свое имя. "Бурлюк учился в тамбовской гимназии и незадолго перед смертью на чужбине с нежностью вспоминал "родной Тамбов" и "голубку Цну"" (Из коллекции И. А. Никифорова. Тамбов, Литературный музей).

Кстати, в обширном и доскональном исследовании Гарле "Крымская война"

внезапно выплывает название деревни Бурлюк.

"Наши зажгли около моста сад и деревню Бурлюк...

Бородинский полк тем не менее отбросил англичан за Бурлюк и, только потеряв половину состава, отступил...

Участвовавший в битве герцог Кембриджский, на глазах у которого 36 русских орудий расстреляли картечью первую бригаду легкой дивизии, пытавшуюся занять виноградники близ Бурлюка, выразился о сражении под Альмой в том смысле, что если англичанам суждено одержать еще одну такую победу в Крыму, то они останутся с двумя победами, но без войск" (Тарле Е. В. Крымская война. Соч., т. 9. М., Изд-во АН СССР, 1959. С. 108, 112, 141).

4 февраля 1945 года в Большом Ливадийском дворце открылась конференция глав трех союзных держав - СССР, США и Великобритании, названная Ялтинской, хотя Ливадия примерно в полутора десятках километров от Ялты и правильнее было бы назвать Ливадийской. Главы государств заседали в Белом зале. Сталин сидел слева от двери лицом к огромным овальным окнам, за которыми во всю ширь горизонта стелется море. Напротив Сталина сидел Черчилль, спиной к камину - Рузвельт.

В один из дней Черчилль навестил могилу родственника. Где именно пал этот потомок герцога Мальборо - под Альмой у деревни Бурлюк, под Инкерманом, под Балаклавой или под бастионами Севастополя,- можно установить по документам, но это, в общем, неважно. Вероятнее всего, под Балаклавой.

"Эта легкая кавалерия, легшая под Балаклавой, числила в своем составе представителей самых аристократических фамилий. Впечатление в Англии от этого известия было потрясающее. Долгие годы вплоть до начала войны 1914 года из Англии прибывали временами паломники со специальной целью посещения "долины смерти", где погибла английская кавалерия" (Тарле Е. В. Крымская война. Соч., т. 9. С. 162).

Погребен же потомок герцога Мальборо наверняка под Балаклавой - в этом городке базировались англичане, французский лагерь располагался ближе к Севастополю - у Камышевой бухты. Турки, которых "освободили" англичане и французы, в лагере вообще не засиживались. В перерывах между боевыми дежурствами работали в траншеях вместо вьючной скотины. И без разбора всех косила холера...

Что касается достопамятных виноградников и деревни у Альмы, то они

когда-то принадлежали Бурлюкам. И еще долго в годы Советской власти колхоз назывался "Бурлюк". Сам же Давид Бурлюк родился в Тамбове.

"...Эти стихи я видел во сне - спросили меня: ты можешь кратко написать о счастье и о горе? Ответил - могу.

Счастье - озеро, где солнце,

Отразясь, поет!

Горе - речкой мутной

Без конца течет...

А унынье - женщина

В черном газе тьмы,

Где кладешь ты вещи

На сугроб зимы".

Я убеждался: человек может быть безразличен к музыке, живописи или стихам, но человек, безразличный вообще к искусству, - опасен. Ничто так не агрессивно и самодовольно, как ограниченность.

Глава 87.

После турнира в Лондоне я, по выражению спортсменов, посыпался. Боли в позвоночнике, нарушение координации, точнее - ухудшение скоростной реакции и какая-то зачумленность. Штанга чужая, неудобная.

Я винил зимние тренировки (сплошное экспериментирование), чрезмерные нагрузки, недобро поминал Матвеева. Он предлагал различные опыты. Богдасаров угрюмо ворчал: "Разве на спортсмене такого класса пробуют научные штучки?" Будто мы сами мало пробовали...

Сейчас вижу: не только зимние тренировки тому виной.

27 июня 1961 года в Кисловодске на стадионе "Трудовые резервы" выступала сборная команда страны. Я утяжелил рекорд СССР в жиме и мировой рекорд в толчковом упражнении.

Рекорд мы отпраздновали несколько своеобразно. На вино запрет. Дисциплина на сборах строгая, а ела сборная в ресторане. Тут уж не закажешь ни рюмки. Тогда попросили официанта подать шампанское в суповых тарелках, как бульон. И действительно, никто не обратил внимания. Правда, официант подшутил: присыпал "бульон" зеленым луком, петрушкой, укропом...

Через девять дней, в пятницу 7 июля, на матче сборных команд СССР и США в лужниковском Дворце спорта я утяжелил рекорд СССР в рывке. В сумме тоеборья я перекрыл американца Сида Генри на 77,5 кг. Команда же победила американцев со счетом 7:0.

Спустя несколько дней выступил в Ленинграде на чемпионате Вооруженных Сил. Занял первое место. Пытался опять обновить мировой рекорд в толчке, поторопился с посылом, потерял опору. Этот окаянный посыл с груди!..

С тех пор на чемпионатах Вооруженных Сил я не выступал. Всего я выиграл четыре армейских чемпионата: 1957, 1958, 1959, 1961 годов.

В конце все того же июля оказался в Лондоне и уж на этот раз "припечатал" мировой рекорд в толчке.

За какой-то месяц четыре выступления (два международных), два рекорда СССР и два рекорда мира! Спешил я тогда, спешил...

Гордостью осталось в душе заявление Генри на пресс-конференции: "...Власов - самый совершенный атлет за всю историю гиревого спорта. После рекордов Пола Эндерсона мы утратили веру в то, что нормальный человек способен добиться в тяжелой атлетике подобных результатов. Стоило ли заниматься штангой? Ведь без соревнований нет спорта, а соперничать с Эндерсоном, мы думали, бессмысленно. Я не преувеличу, если скажу, что Власов открыл нам новые двери на тяжелоатлетический Олимп..."

Чемпионы обыкновенно честолюбивы. На том и зиждется спорт: состязание за право быть первым. Честолюбие принимает порой болезненный оттенок. Не всегда спортсмен виноват. Обстановка обостряет и низменные чувства. В достатке напитываешься этим дурманом и от болельщиков.

Запал мне в память эпизод из той встречи. На сцене лужниковского Дворца спорта советская и американская команды. Моего соседа слева ("полутяжа" Воробьева) не узнать: побледнел, напрягся. Его выкликнули - публика в

восторге, а я слышу горячий шепот: "Подожди, подожди, тебя не так встретят. Увидишь, увидишь..." Я от удивления едва не забыл о шаге вперед на вызов судьи-информатора. Какое значение, как будут хлопать мне, ему? Сейчас соревнования, борьба...

А примечательный шепот! В мгновение - весь человек! Мучает его, у кого больше славы...

"Злые завидуют и ненавидят - это их манера выразить восхищение", - говаривал Виктор Гюго.

В ту зиму опытных нагрузок я тренировался с одиннадцати утра. Если не было массажа, возвращался домой к четырем. Наваливался на дверь и звонил или садился на корточки - от изнурения. И после пил, пил... Тренировки иссушали. Есть не хотелось, пищу тогда ненавидел. Если задерживал массаж, возвращался к шести вечера. Отдохнув, писал до трех-четырёх утра. Отзывы из редакций убеждали - необходимо спешить.

К лету подоспели известия из США. Чемпионат выигрывает Джим Брэдфорд с суммой 1070 фунтов (485,35 кг). Итак, Большой Вашингтонец-двукратный чемпион Америки. Маэстро Шемански сшибает в рывке мировой рекорд. Есть о чем поразмыслить. Один рекорд по-старому - у Эндерсона в жиме, а в рывке - у Шемански. Опять я стиснут в высших достижениях американскими атлетами. Правда, за мной пока главные рекорды - в сумме и толчке. Но характер событий предвещает борьбу именно за них. Мне пишут из Америки, что Шемански очень прибавил в жиме. Бесспорное свидетельство его желания свалить меня в сумме троеборья, вернуть себе титул "самый сильный в мире". Итак, гонка без остановок. И главный удар маэстро Шемански.

Надо отвечать новой силой. Не уступать ни в одном из упражнений. И наконец, взять рекорд у Эндерсона!

Брэдфорд отстает. Но Шемански?! И Эндерсон - этот вызов, настойчивое повторение вызовов?.. Всего отчетливее личность проявляет... страсть. Это - признак необычного дарования.

В середине августа мы с тренером уехали в Ригу. Я терял надежду на успех. Болезнь позвоночника сузила тренировку. Спина болела до немоты в ногах. Богдасаров бодрился, убеждал, что я выиграю чемпионат мира даже больной и без подготовки. Действительно, разрыв с соперниками был впечатляющий. Однако позвоночник буквально вязал тренировки. Профессор Вилде после осмотра заявил о неизбежности операции. "Вы через год будете моим пациентом,- сказал профессор.- Такая травма сама по

себе не излечится. Вам не избежать инвалидности". Я уже к тому времени перенес столько травм, что позволил себе усомниться. И я оказался прав, но только отчасти.

Рижский август походил на осень. Зябкие и ветреные дни перемежались с дождями. Я исходил город до самых неказистых окраинных улочек.

Как быть, если даже хожу надорванно, полсотни метров - и присаживаюсь на корточки: боль и тяжесть стекают? Досаждала глупая мысль: вскрыть бы спину у позвоночника - и боль вытечет с отравой, распрямлюсь..

. Новая сила Шемански?

А если Брэдфорд будет другой? Ведь как он изменился за год от Варшавы до Рима! Напорюсь на куда большую силу!

Чем отвечать?

Болезнь не пускает в зал. Потерять чемпионат после всех тренировок, всех рекордов?! Сколько сделано! Я уже другой, доказано рекордами, а теперь... Выходит, все испытания впустую. "Я так устал резать эту воду!.."

Эта травма явилась следствием повреждения позвоночника в 1957 году при попытке установить рекорд страны в толчковом упражнении - мне был тогда 21 год. Спустя 26 лет я расплатился за свою юношескую дерзость тяжелыми и опасными операциями на позвоночнике. Нашелся знаток спорта, бывший "полутяж", и такую беду оклеветал. Как не вспомнить любимое присловье Пушкина: "Было бы корыто, а свиньи найдутся". Таких немало: беды и страдания других для них как желанное корыто - ну как не вывозиться, не подбавить мук и горя...

Я прочитывал газеты. Все знают обо мне: мои мечты и привязанности, новые результаты и силу. Еще бы, рекорды в Кисловодске, Лужниках, Лондоне!

Но смею ли быть жалким? Выступать жалким... Ведь команда и без меня победит. Разве я атлет? Едва таскаю ноги.

А маэстро Шемански? В Риме (1960) результат в жиме утяжелил на 20 кг! А почему не прибавит к Вене? Прихлопнул же мой рекорд в рывке.

Этот неослабный напор. Ни месяца передышки! И еще проклятый зимний простой в тренировках! А ошибки с выступлениями?! Выхолостил, загнал себя!

Глава 88.

Я похоронил мысль о выступлении. Воспользуюсь днями в Риге. Приведу себя в порядок. Всю силовую работу я опять перенес на брусья: отжимы многие десятки раз с весами 120-130 кг, привязанными к ногам.

Слукавил доктор команды Казаков. Он прилетел в Ригу для организации консультаций: позвоночник отказывался служить. Казаков предложил: "Махнешь в Вену. Зачем выступать? Посмотришь чемпионат. Уже твое присутствие укрепит наше положение".

Богдасаров твердил, что я должен сражаться за титул в любом случае. "Никто тебя не сломает",- убеждал он.

В августе Хоффман оповестил читателей своего журнала о впечатлении от поездки в Москву. Обмолвился и обо мне: "...Власов приобретает знания для будущего. Когда-нибудь Россия сможет извлечь иную, более высокую пользу из своего атлета. Его интеллект столь же велик, как и сила..."

Меня утешали не похвалы интеллекту. Нет, из Хоффмана не вытрясти похвалу, если ему есть чем отрезвлять силу конкурентов. Значит, Брэдфорд и Шемански не в порядке. Рекорд в рывке маэстро Шемански еще не есть победная сумма троеборья. Что там у них?..

Тогда, в Балтиморе, Шемански установил мировой рекорд в рывке- 159,5 кг. Грозный намек.

Я послушался обоих - и тренера, и врача команды, учтя и хоффмановские публикации. Но выступать я не намеревался - слабость от болезни перекочевала в тренировки.

Я не подозревал, что поездка уже сама по себе обязательство. В Вене понял. Но настоящую школу понимания подобных истин прошел через семь месяцев. То понимание обернулось потрясением. Однако для этого еще следовало наворочать ошибок...

Ф. И. Тютчев писал князю М. Д. Горчакову (товарищу Пушкина по Лицею): "Если, среди многих других, существует истина, которая опирается на полнейшей очевидности и на тяжком опыте последних годов, то эта истина есть несомненно следующая: нам было жестоко доказано, что нельзя полагать на умы безусловное и слишком продолжительное стеснение и гнет без существенного вреда для всего общественного организма. Видно, всякое

ослабление и заметное умаление умственной жизни в обществе неизбежно влечет за собой усиление материальных наклонностей и гнусно-эгоистических инстинктов... Не более других и я нисколько не желаю скрывать слабые стороны и подчас даже уклонения современной литературы; но нельзя по справедливости отказать ей в одном достоинстве, весьма существенном, а именно: что с той минуты, когда ей была дарована некоторая свобода слова, она постоянно стремилась сколь возможно лучше и вернее выражать мнение страны..."

Глава 89.

Мы еще мыкались в подобиях тренировок и с медицинскими обследованиями, когда венский "Югенд Форан" напечатал очерк своего корреспондента К. Частки. "Юрий Власов приедет в Вену.

Город кажется вымершим. Тысячи людей устремились в бассейны и купальни большого города, спасаясь от тропической жары. В это же время в городе нашлась группа молодых восторженных людей, добровольно перетаскивающих тысячи килограммов стали. Когда я связался по телефону с Августом Вундерером, то должен был дважды переспросить его о том, действительно ли речь идет о времени, которое он назвал. "Да, в два часа пополудни на Херналзерхауптштрассе, 13",-ответил мне этот весьма занятый руководитель, который, несмотря на нехватку времени, нашел его для журнала "Югенд Форан". Именно в тот день жара казалась почти непереносимой. В трамвае можно было испытать лишь некоторое облегчение, открыв настежь все окна. Однако, как только я вышел из трамвая, солнце обрушилось на меня с новой силой. Очувтившись перед домом 13, я поспешил в нем исчезнуть... В зале для тяжелоатлетов царило оживление... После энергичного рукопожатия с "хозяином" дома Вундерером и "грузчиками" (атлетами.- Ю. В.) Хербстом, Додоячком, Шубертом и Зуметсбергером я уселся рядом с человеком, ответственным за проведение мирового чемпионата 1961 года. Пока я выслушивал информацию по подготовке чемпионата, сильные мужчины поднимали штанги... Действительно, тяжелая работа!

Президент Австрийского союза штангистов Август Вундерер - он одновременно и член Международной федерации тяжелой атлетики - больше всего любит штангу. С 1928 года он связан с нею, а с 1952-го - президент Австрийского союза штангистов...

Улыбка разлилась по лицу президента, когда я заговорил о том, что Австрия в последние годы дважды получала право проводить мировое первенство.

"Вы знаете, проведение первенства мира осенью 1954 года в венском Концертхаусе было одобрено всеми странами. Таким образом, после нескольких лет нам вторично обеспечено это право, что, безусловно, является наградой для Австрийского союза штангистов, который ценит эту честь. Мы приложим все усилия, чтобы участники чемпионата не разочаровались и им были созданы все условия для приятного пребывания в Вене. Как президент Австрийского союза штангистов, я особенно рад возможности приветствовать лучших атлетов мира в Вене. Венский Штадтхалле будет, видимо, достойным местом для спортивного праздника, и наша публика с восторгом воспримет спортивные достижения".

На вопрос о том, как он оценивает возможности различных стран, президент Вундерер ответил: "На первом плане чемпионата будет борьба двух стран - СССР и США. Лично я полагаю, что СССР победит со счетом 4:3. Как наиболее интересного штангиста, который взойдет на помост мирового чемпионата в Вене, я назвал бы советского олимпийского чемпиона и мирового рекордсмена в тяжелом весе Юрия Власова. Он стал образцом для штангистов всего мира. Его успехи последних месяцев свидетельствуют о том, что от Власова и в Вене можно ожидать улучшения результатов..."

Глава 90.

Вот ответы представителя Австрийского союза штангистов (атлетов) и президента Международной федерации тяжелой атлетики Шодля на вопросы о развитии тяжелой атлетики в стране:

"Австрийский союз штангистов не располагает какими-либо материалами о силовом спорте; мы не можем подтвердить документами ни один из ваших вопросов: архив погиб во время военных действий 1945 года; в какой-то мере интересующие вас сведения содержат три брошюры (к сожалению, они могут быть и не свободны от ошибок - нет документов для контроля):

"Тяжелая атлетика в Австрии", издание 1920 года, "Силовой спорт в Австрии", издания 1926 и 1937 годов; данные работы - библиографическая редкость, у Австрийского союза штангистов их нет в своем распоряжении;

своим самым выдающимся атлетом мы считаем Карла Свободу (18.2.1882-19.4.1933), родился и умер в Вене;

из официальных бюллетеней, опубликованных в спортивных журналах тех лет, можно восстановить определенные моменты его биографии;

Карл Свобода приступил к тренировкам с тяжестями в 1899 году; тогда спортсмены работали без тренеров; в последние годы жизни Свобода купил ресторан, где любили посидеть атлеты;

он выиграл чемпионат мира 1911 года, а также установил эпохальные рекорды в толчке: 1909 год - 175,7 кг, 1910 год- 177 кг, 180 кг, 182,2 кг; 1911 год- 183,7 кг (Берлин), 4 ноября того же года - 185,6 кг (Вена)- результаты прошли официальными мировыми рекордами;

данные о других рекордах не подтверждаются и, насколько известно, нашим союзом не регистрировались; совершенно нет никаких оснований с уверенностью приписывать ему результаты в толчке, превышающие 190 кг;

датой образования Австрийского союза штангистов мы считаем не 1896 год, а 1891-й; поэтому в эмблему чемпионата мира 1961 года и были включены данные цифры как юбилейные".

Глава 91.

Самого пристального внимания заслуживает очерк Людвиг Адамовича Чаплинского "Пределы силы" двухнедельный спортивный журнал "Сила и здоровье", 1912, № 22-24. С. 996-1006; материальные затруднения заставили редакцию выпустить такой объединенный номер):

"Вопрос о рекордах всегда остается интересным для спортсмена вообще и атлета в частности. За последний десяток лет и даже за один последний год гиревые рекорды настолько изменились, что читателям "Силы и здоровья", наверное, не покажется лишним полное выяснение "рекордного" вопроса...

...Мы не будем приводить подробно истории рекордного движения за значительный период времени, приблизительно за 70-80 лет, но проследим все же вариацию наиболее интересных рекордов, начиная с Ганса Века, Зелоса и Тюрка - для немецких стран; Андре Брандели. Аполлона и Батта - для латинских, и Эллиота и Сира -для английских.

Перечень рекордов мы начнем, как ранее делали, с толкания двумя. Во-первых, потому, что в этом движении человек дает максимум разносторонней атлетической силы, и, во-вторых, еще потому, что рекорды по толканию двумя, как не допускающие никакого трюкажа, ранее других стали регистрироваться. Единственное (правда, крупное) различие в исполнении толкания двумя руками заключается лишь в способе взятия на грудь. Одни берут на грудь красивым силовым темпом, по-французски, то

есть сразу с земли на уровень плеч, ни разу притом не касаясь штангой корпуса. Другие предпочитают вкатывание веса на грудь по животу в два и более темпов, следуя немецкому, нерегламентированному способу. Третьи, наконец, применяют не только одновременное, обеими руками, вкатывание, а еще допускают поочередное вкатывание каждого края штанги...

Некоторые искусники из старых атлетов, например Вайн, проделывали всю процедуру менее чем в две секунды, затрачивая притом очень малое количество энергии, нужной им для дальнейшего толчка. Тем не менее нам лично два последних способа взятия на грудь представляются неприемлемыми...

Надо, наоборот, стремиться к изысканию способов, наиболее выгодных в техническом отношении, но в то же время не идущих вразрез с требованиями гигиены и эстетики. На наш взгляд, атлетика должна явиться могучим средством в деле создания идеального человека, а рекорды - чисто привходящий, хотя и необходимый, фактор. Как должны быть герои духа и вдохновения, так же нужны и апостолы, и носители силы. И те и другие являются, так сказать, верстовыми столбами культуры, все равно духовной или телесной. Вот почему человечество всегда будет интересоваться необыкновенными деяниями, иначе говоря, выдающимися проявлениями духовной и физической мощи и энергии. А к числу последних и относятся рекорды.

Лет двадцать назад сильнейшие атлеты толкали двумя руками обыкновенно пудов семь, не более. Так, одно время принято было считать всемирным официальный рекорд Эмиля Фосса - 6 пудов 31 фунт. На самом деле этот рекорд в лучшем случае можно было признать немецким, так как уже значительно ранее, а именно в марте 1885 года, маленький атлет Андре Брандели ("малыш Андре" - см. мою статью в "Русском спорте" за 1910 г. по поводу смерти Брандели) толкнул двумя, правда с взятием на грудь в два темпа, 8 пудов 10 фунтов - действительно мировой рекорд для того времени, долгое время остававшийся непревзойденным... Родился он в 1860 году и умер в октябре 1910 года от воспаления легких.

Наиболее правдоподобным мировым рекордом до 1885 года можно признать толкание двумя румынского атлета и борца князя Сан-Марена 7 пудов 15 фунтов, рекорд которого побил Андре в присутствии Шарлемона - отца и сына, Мерата и многих других атлетов, заслуживающих полного доверия. Рекорд Аполлона в толкании двумя, к сожалению, неофициальный и потому обычно не принимаемый в расчет, - 9 пудов 7 фунтов - был повторен несколько раз между 1886 и 1890 годами. Во всяком случае, штанга в 8 пудов 26 фунтов, вытолкнутая Аполлоном в Париже в 1892 году, была взвешена официально...

Официальные рекорды Вильгельма Тюрка последовательно были: 368 фунтов и 392 фунта; Ганса Бека - 367 фунтов и 385 фунтов, оба эти атлета оспаривали в течение почти десяти лет первенство мира в этом движении. Позднее Елисеев поставил свой первый официальный рекорд-391 фунт. Правда, неофициально Елисеев толкал больше, но официальный русский рекорд, бывший одно время мировым, поставлен был как бы то ни было Георгом Лурихом. Он один из русских атлетов, несмотря на собственный небольшой вес, толкнул 165 кг, то есть ровно 10 пудов 3 фунта. Из других русских атлетов Георг Гаккеншмидт толкал 8 пудов 24 фунта, Крылов Петр - 8 пудов, Моор-Знаменский - 9 пудов 26 фунтов... Замечательный рекорд В. В. Зеберга-Знаменского; этот маленький, удивительно энергичный атлет в 19 лет толкнул 360 фунтов (9 пудов) при собственном весе в то время 4 пуда 18 фунтов, то есть более двойного своего веса. (Почти мировой рекорд в то время и, безусловно, русский рекорд, никем еще не достигнутый.) Характерно, что объемы, особенно рук Зеберга, очень невелики (39 см), да притом еще и вовсе не рельефны.

В 1904 году Арвид Андерсон поставил новый мировой рекорд, толкнув 419 фунтов. Вскоре, однако, рекорд этот был побит Иозефом Штейнбахом, вытолкнувшим в конце 1907 года 175 кг, то есть ровно 10 пудов 28 фунтов, в три темпа... Подобно тому как Ганс Век соперничал в течение почти десятка лет с Вильгельмом Тюрком, также и Штейнбах имел своего соперника в лице Карла Вицельсбергера из Вены...

Вицельсбергер, не говоря о других его мировых рекордах, толкнул двумя 5 сентября 1905 года 9 пудов 39 фунтов, побив на один фунт прежний рекорд Штейнбаха (от 5 марта 1905 года), побившего, в свою очередь, последний рекорд Тюрка на 6 фунтов. Две недели спустя (20 сентября) Штейнбах снова отнял свой рекорд у Вицельсбергера, побив его на 4 фунта. Еще через два месяца Вицельсбергер толкнул свой максимум - 10 пудов 9 фунтов, но уже 14 декабря 1905 года Штейнбах обогнал его на целых 13 фунтов, оставшись бесспорным рекордсменом вплоть до 3 мая 1910 года, причем за это время он повысил свой рекорд, как уже сказано, еще на 6 фунтов, то есть до 428 фунтов.

В апреле 1910 года Карл Свобода толкнул 10 пудов 32 фунта, но в пять темпов, тогда как Штейнбах все свои толкания выполнял в три темпа. 3 мая Иосиф Графль толкнул в три темпа 10 пудов 29 фунтов; так что рекорд Штейнбаха оказался безусловно побитым. Весь вопрос сводился к тому, считать ли рекордсменом по толканию Свободу или Графля ввиду разнокачественного исполнения ими своих рекордов. Вот еще лишний довод в пользу большей регламентации гиревого спорта и принятия новых правил в духе французской системы, где такие сомнения, конечно, не могут

иметь места.

В конце концов последнее слово осталось за Свободой, так как он все более и более повышал свой рекорд, толкнув 8 октября 1910 года ровно 11 пудов (440 фунтов), и к концу года довел его до чудовищного веса в 11 пудов 8 и 1/2 фунта. Вряд ли скоро найдется другой атлет, способный еще более повысить рекорд толкания.

Если от немецкой системы мы перейдем к французской, то увидим значительно более медленное возрастание рекордов. До 7 ноября мировой рекорд в толкании двумя руками по французской системе, то есть так, чтобы при взятии на грудь штанга не касалась тела (сразу ложилась на грудь.-Ю. В.), принадлежал Пьеру Бонну- 8 пудов 24 фунта (неофициально Бонн толкал даже 8 пудов 34 фунта), пока Андерсон не побил его на целый 21 фунт. Толчок двумя 9 пудов 4 фунта по французской системе - безусловно, лучший номер шведского геркулеса. Интересно отметить, что самый большой вес, который когда-либо был взят человеком на грудь в один темп, также принадлежит Бонну, а именно 9 пудов 28 фунтов (388 фунтов). Колоссы-рекордсмены нашего времени, как Свобода, Графль и Ронди, толкающие около 11 пудов, и те едва ли имеют много шансов на правильное исполнение рекорда Бонна по взятию на грудь, хотя на побитие рекорда Андерсона они при соответствующей тренировке могли бы рассчитывать. Кстати, 288 фунтов не могут быть признаны официальным рекордом Бонна, хотя и исполнены им в атлетическом зале Арассо, так как не было уполномоченных счетчиков - измерителей Гальте-рофильного клуба Франции. Официальный же рекорд Бонна равен 374 фунтам. Из атлетов-любителей наибольший вес по французской системе толкал до последнего времени французский художник Масполи, исполнивший 18 июня 1905 года 8 пудов 11 фунтов (331 фунт). Ныне его побил Вассэр, толкнувший в 1909 году 8 пудов 25 фунтов, а 7 февраля 1910 года - 8 пудов 28 фунтов (348 фунтов)".

Примечание редакции журнала: "Все веса безусловно точны до 1/2 фунта".

И ведь в подавляющем большинстве случаев эти атлеты работали на штангах с невращающимися грифами! Это чудовищно усложняло упражнение.

Глава 92.

Дополняет сведения о Свободе архив Аптекаря:

"В Австрии современная "штанга" зародилась много раньше, нежели в России и других странах Восточной Европы; возникновение первых атлетических клубов относится к 70-80-м годам XIX века (Спорное утверждение. Русский силовой спорт зародился в те же годы, а оформился официально в атлетический союз доктора Краевского даже раньше австрийского на пять лет (1886); наиболее известными были "Венский клуб кучеров" и "Альтер винер клуб"; в ФИХ австрийцы вступили в 1921 году, имея уже историю, богатую яркими победами и громкими именами (Россия к тому времени имела и замечательную историю, и плеяду не менее замечательных атлетов со своими мировыми рекордами. Это доказывает очерк Чаплинского "Пределы силы"). Вильгельм Тюрк, Карл Свобода, Иозеф Штейнбах, Бертольд Тандлер, Иосиф Графль, Эугоен Данцер - колоссы с могучими фигурами и огромным весом (тот самый мастодонтообразный тип атлета, о котором пишет Хоффман в своей книге, вспоминая европейских чемпионов, их отрицательную роль в "популяризации" тяжелой атлетики среди американцев.- Ю. В.);

Карл Свобода - самый выдающийся представитель австрийской силовой школы, сильнейший человек мира накануне первой мировой войны, силовыми подвигами предвосхитил достижения атлетов 30-40-х годов, а в некоторых упражнениях - и 60-х годов XX века; его вес достигал 170 кг;

в 1909 году на чемпионате мира в Вене Свобода - второй за своим земляком Графлем; в 1911 году Свобода выигрывает два мировых первенства: в Берлине, победив австрийца Тандлера и немца Бухгольца, а также в Вене, оттеснив на второе и третье места Графля и Тандлера;

1911 год-время наивысших успехов Свободы; на чемпионате мира в Вене он по немецкой системе толкнул совершенно сказочный по тем временам вес - 188,5 кг (по данным Австрийского союза штангистов этот вес несколько меньше- 185,6 кг.-Ю. В.).

Свободу хоронили как ни одного атлета: 50 тысяч венцев и делегации от разных городов и спортивных союзов провожали гроб; катафалк везли шесть отборных лошадей; трактирщики и рестораторы брели в чинном строю в своих профессиональных одеждах, венские атлеты - в костюмах Атлетического союза; вдову держал под руку самый грозный соперник по бывлым спортивным схваткам Штейнбах, опоясанный чемпионской лентой с медалями".

Оригинальный, самостоятельный историк русской атлетики (и мировой также) А. А. Суханов существенно дополняет биографию Свободы:

"Карл Свобода - типичный представитель немецкой системы атлетики, то

есть грузный, с животом, малоподвижный, отличающийся большим аппетитом; к сорока годам нагнал вес до 170 кг (без анаболиков!) и разошелся на рекорды;

работал исключительно на силу; штангу закатывал на грудь по толстому животу; сколько закатит - столько и толкнет;

в 1913 году выжимает двумя руками 170 кг; с помощью ассистентов, которые укладывают штангу на грудь, выталкивает на прямые руки 200 кг;

"Первенство Европы 1913 года. Карл Свобода весит почти 10,5 пуда (172 кг), в удивительной форме, хотя весьма заживевший" (Сила и здоровье, 1913, № 28);

"Вена. Знаменитый рекордсмен Карл Свобода на этих днях вытолкнул двумя руками 195 кг и выжал 162 кг. В настоящее время Свобода в блестящей форме: весит 170 кг, окружность бицепсов до 55 см..." (Геркулес, 1913, № 22)".

Итак, Свобода все же толкнул 195 кг, пусть "континентальным" способом.

Невозможно рассказать все о высшей физической силе - для ее систематизации нужно специальное исследование. Этого требуют великие имена атлетов прошлого. Я углублюсь в прошлое лишь в той мере, в какой скрещивался мой путь с памятью об этих людях или с самими носителями славного прошлого.

Результаты Свободы в толчке, безусловно, эпохальны, но они не соответствуют нашему способу выполнения. Захват веса на грудь осуществлялся в несколько приемов. По современным правилам (прежде французским) штанга на грудь должна быть взята в один темп с помоста на грудь - без каких-либо закатываний и промежуточных остановок.

Немецким способом (его американцы называют "континентальным") 200 кг поднял в 1954 году Шемански. Однако тот же вес взять в один прием, как этого требуют правила, Шемански так и не сумел. Это доказывает, насколько труднее одготемповое (французское) поднятие штанги в толчке (по этой причине рекорды данного стиля растут медленнее, отмечал Чаплинский). Именно в сравнении с облегченным захватом веса на грудь по немецкой ("континентальной") системе и проявляется необычность силы Шарля Ригуло. При собственном весе, уступающем Свободу едва ли не 70 кг, он по современным правилам толкал штангу в 182,5 и 185 кг и даже 186 кг - по непроверенным данным, названным им в автобиографии. Сила Свободы огромна, но несовершенна и лишена пластичности (на это же

указывает и Чаплинский)-после достижений Ригуло можно так говорить, ведь Ригуло - молодой современник Свободы. Ригуло начал тренироваться, когда Свободе едва минуло сорок лет - возраст вполне спортивный. Ведь сорокалетним со мной в Токио соревновался Шемански, повторив свой лучший результат.

Вес 200 кг первым удалось толкнуть мне. Это случилось на Олимпийских играх в Риме 11 сентября 1960 года.

Глава 93.

Смирясь с невозможностью выступить на чемпионате, однако полностью не исключая выступление, я в последние недели свернул тренировки. В Вене ограничивался разминками (О выступлении команды - в моей книге "Себя преодолеть". Там же подробные рассказы о чемпионатах мира 1959, 1961 и 1962 годов).

Остановились мы, как и все участники, в "Молодежной гостинице" - "Югендгестехауз" - на Шлосбергассе, 8. Это 13-й район Вены-Хюттельдорф-Хаккинг. Гостиницу окружали газоны, а за ними - парк почти до самого подножия горы Хагенберг. Полежать на траве доставляло удовольствие - никто не прогонял и не поминал родителей всуе. А дни дразнили погожестью!.. "Качай" силу, помни о форме, следуй рецептам силы - эх, забыть бы все!..

От мутноватого неба - зной, будто и не осеннее солнце. Но уже вперед забегали сумерки: тягучи, затяжны были вечера.

Несколько дней я прожил вместе с Михаилом Михайловичем Громовым, но чересчур хлопотливы обязанности президента Федерации тяжелой атлетики СССР, и я от него перебрался в дом подле гостиницы. В самой гостинице по случаю чемпионата были заняты все номера, даже с двухъярусными навесными полками. Впрочем, я не жалел - в гостинице толчея, шум.

Глава 94.

Если бы только от нас зависели наши поступки. В Вене на меня обрушилось всеобщее предвкушение нового триумфа. Я чувствовал себя несостоятельным перед уверенностью всех. Никто не задумывался, насколько возможно это - постоянно работать на новых результатах.

Большой спорт исключает снисхождение публики. Залы не понимают и не прощают отступлений от лучших результатов.

Долгими днями примерял себя к схождению с "железом" - всем неожиданным весам. Настоящих соперников нет, но что я могу? С какими весами справлюсь? На каких стережет срыв?

По минутам раскладывал часы поединка. Есть ли запас? А если нет, каковы надежды в столкновениях с предельными весами? Можно ли рисковать? Какова степень ослабленности? Сколько я потерял в лучших результатах?..

И потом, это ведь не выступление без соперников. Нет, все соперники со мной. Самые злые. Скверное выступление - это новая сила соперников, это воодушевление их новых тренировок. Я натравлю их на себя. Каждое выступление должно утверждать силу, не уступать добытое. Я возьму чемпионат, но психологически окажусь в проигрыше. Для соперников я предстану исчерпанным. Нужен результат. Нужен...

Как повести себя?..

А вдруг вовсе срежусь? Заклинит спина. Стряслось же похожее с Плюкфельдером в Риме. Объявят: струсил. Как насели на Плюкфельдера! Воробьев даже требовал, чтобы Плюкфельдера не брали на этот чемпионат, - ненадежен: мол, "немец"! Я ходил в "инстанции", доказывал, что это не так... Поверили.

Срежусь - и поражение смывает честь побед. Все потерять - это каких-то десять минут - три неудачных подхода. И всю жизнь - горечь. За месяцы подготовки ни одной обнадеживающей прикидки, ни одного контрольного веса, даже отдаленно близкого к прежним. Упадок. Случалось, зверски уставал, нахлебавшись зла и клеветы. С ненавистью думал о жизни: дыхание - истина и истинно, а все прочее - книги, теории, поиски правды, верность принципам - тлен, бред, химеры!

А может быть, укрыться за болезнь и вообще, в будущем, работать только тогда, когда сильный, когда победа наверняка моя? Не рисковать, разрешать споры только на большой силе, самым сильным...

На разминках я скрывал плохую форму. И молчал, когда хвалили мою силу. Ведь столько рекордов наворотил тогда, за считанные недели лета!

Что такое искусство вести борьбу? Разве поединки лишь для самой большой силы? Разве я не обязан управлять собой, когда ослаблен?.. Искусство борьбы.

Своеобразно встречал утро Михаил Михайлович. Я за шнур выбирал дюралевые жалюзи. День ослеплял избытком света. Это как счастье, как радость - солнце!

Одни деревья, сжелтев, уже скучнели обнаженностью ветвей, другие тучной зеленью заслоняли дома, и чернь их теней прилежно пасло солнце. И всякий раз Михаил Михайлович изрекал одну и ту же восторженную сентенцию. Для первого раза, прямо надо признать, несколько неожиданную. Поначалу я даже усомнился, не ослышался ли. А после смеялся. Смеялись мы оба: хвала жизни и творению жизни! Итальянцы говорят: смех выдергивает гвозди из гроба. После сентенций Михаила Михайловича оных вообще могло не сыскаться.

Любо нам было вечерами устроиться где-нибудь в кафе. К сожалению, украдкой,- "порядок" запрещал и карал подобные вольности. В этих улочках вблизи от Аухофгассе и Винтальштрассе кафе дешевые и не по-нашему благочинно-трезвые. Выбор всегда падал на столик поукромней. Со всех точек зрения мы вели себя предосудительно. Не мешало побеспокоиться и об укромности. Мера всегда не лишняя.

Я ограничивался кружкой-другой светлого швехатского пива. Михаил Михайлович заказывал коньяк или датское пиво "Карлсберг", жалуясь на сердечную аритмию.

Сплетал истории обычно Михаил Михайлович. Как ни странно - никогда о полетах, хотя носил до начала 40-х годов почетное звание "летчик номер один" и счет орденам имел внушительный. Недаром Международная авиационная федерация наградила Громова за его полеты в 30-х годах медалью Анри де Ляво. Второй медали через тридцать лет будет удостоен Юрий Гагарин. Как-то обмолвился: "Я жив благодаря правилу не доверяться техникам, какими бы те умелыми ни слыли. Сам проверял материальную часть - порядок, для которого не делал отступлений. В противном случае не сидел бы здесь".

Я понял: за любым полетом - продуманность, рассчитанный риск. Удачливость - видимость, за ней только расчет. Расчет от умения и таланта. Но над всем - расчет. Михаил Михайлович рассказывал, с кем сводила судьба. Выписка фамилий из всемирной истории! И век пилотный - десятилетия за штурвалом. Первые самолеты-"этажерки" пилотировал. Жаль, в его воспоминаниях, так куце напечатанных "Новым миром" (1977,

№ 1, 2, 3), нет и части того, что я слыхивал...

За обрядностями теней и тенями крались сумерки. Не те, глухие, а светлая мгла, рассеянные тени, какая-то ласковость воздуха. Шаги прохожих слышны были за добрые полквартала. Сумерки сглаживали строгость предметов, придавали словам особое звучание.

Глава 96.

Публика устает. До времени я не подозревал об этом, а уж в год своего шестого чемпионата мира был просвещен достаточно. Но тогда, к третьему чемпионату, я еще не успел примелькаться.

В 1964 году положение изменилось. Отчасти поэтому я и не выступил на чемпионате СССР накануне Олимпийских игр в Токио. Чемпионат проводил Киев. Там страсти столкнули бы нас с соперником в поединке без уступок. Следует испытать на себе, испытать, как сходятся страсти сотен тысяч в тебе и в твоём сопернике. Ведь внимание зрителя - не только спортивная арена. Это сотни писем, телефонных звонков, поучения людей на улице, злые телеграммы, которые поднимают ночами. Это и выстеганные штемпелями бандероли с иностранными газетами, журналами (письмами тоже), в которых на тебя совсем нередко лгут или с кем-то стравливают (тогда с Эндерсоном). Это и весьма требовательные, даже агрессивные отношения доброжелателей ("давай дави!.."). Это и постоянный интерес к твоим тренировкам (не секретить же их!), и звонки фоторепортеров, корреспондентов, и различные очерки с прогнозами, которые распалют болельщика и порой несправедливо хлещут тебя. Это и неудачи с тренировками, заседание соперников (отваливают одни, начинают заседать в надежде победить другие), необходимость уходить от соперников, уплотнять нагрузки, откликаться новой силой. И это обычные болезни, которые ломают графики (начинай все сызнова!), -и "парадная" необходимость присутствия на различных заседаниях (не откажешься, хотя после тренировки колода колодой), и мысли о завтра -днем и ночью, от них не отделаешься: твоя кровь, твой пот, твой труд! Что будет завтра?!

А тогда, в 1964 году, поединок на чемпионате страны грозил потерей права выступать в Токио. Ни я, ни соперник не отдали бы победу без сопротивления на высших, даже непосильных, весах. Я не говорю о возможности травмы. В подобной схватке готов на все. Безусловно, проигравший пережил бы потрясение, которое повлияло бы на способность работать на Олимпийских играх.

Еще я не смел нарушать ритмичность тренировок. Наибольшая сила должна была подоспеть к сентябрю, но не раньше - нельзя долго находиться в лучшей форме, это трудно и опасно для силы. В октябре я должен был окончательно избавиться от последствий силовых нагрузок. Конец сентября - начало октября должны были принести мышечное раскрепощение, обостренную мышечную реакцию и слаженность. К середине октября я по расчетам завладел наивысшей силой и готовностью к борьбе. Допуск: плюс-минус неделя. А чемпионат в Киеве - это выход из нагрузок за пять-шесть недель до встречи. Слишком ответственна проба, дабы пренебречь "восстановлением". И еще недели две в упадке после встречи. Не столько мышцы "переваривают" килограммы соревнований, сколько нервная система. Словом, тренер и я решили не рисковать. Все же инициатива была моей.

Потом опыт чемпионата в Будапеште: зал горой встал за Шемански (и я встал бы горой за маэстро Шемански, будь я зрителем). Такой гвалт встречал, что я не слышал команду судьи. Я показал ему с помоста: давайте жестом, пойму, обойдусь... Это и вовсе взбудоражило зал. Я захлебывался слабостью и необходимостью выворачиваться силой, а этот немолодой атлет творил чудеса. Мужество его умножалось поддержкой зрителей. На меня словно надвигалась стена. Отвечать надо, а как? Себя едва таскаю.

Я страдал из-за перегрузок по своей вине. Я не довольствовался победами. Искал способы целесообразной и действенной тренировки. Поиск предполагал неизвестными все нагрузки. Их следовало пропустить через себя для определения единственно верных. Это, в свою очередь, предполагало перегрузки, и более чем значительные. Когда подобные тренировки наслаиваются годами - не выдержишь, поддаешься болезням и слабостям. Можешь пожаловаться и на неудачи, плохую форму, несправедливость спортивной судьбы. Ищешь сочувствия. А напрасно - это тоже не прощают, убедился...

Глава 97.

Я не принимаю упреки в чрезмерном сгущении красок. Все зависит от того, как жить свой век.

По-моему, ни в коем случае недопустимо хоронить способность к большому результату под грудой заурядных побед. Это равнозначно деятельности математика, бесконечно решающего одну и ту же давно решенную задачу. Строить свой план, всю тренировку на предельно возможном и якобы невозможном результате - вот задача большого спорта. Бескомпромиссное

наступление на рекордные достижения, какими бы ошеломительными они ни казались (но не бестолково зазубренные тренировки единственно ради одних выступлений), - та же задача. Ибо в чем величие спорта: в десятках побед с одним и тем же результатом или в немногих, но выдающихся достижениях?..

Я всегда являлся приверженцем формулы: спортсмен до тех пор остается спортсменом в высшем смысле этого слова, пока способен подчинять природу результата. И пусть короток его спортивный век... Конечно, можно выступать и не ставя перед собой таких целей, наслаждаясь самим процессом состязаний, подготовки и... славы, копить титулы. Это очень тешит честолюбие. Не только твое.

Главным элементом в созидании новых результатов я видел силу. А сила - качество, как известно, из самых консервативных. Наращивание ее - сложный, малоизученный и поэтому наиболее длительный физиологический процесс. Мы всегда будем знать о нем очень мало. Всегда все открытия - впереди.

Я не жаловал традиции тренировок. Они платили той же монетой. Однако, оправясь от последствий очередной ошибки, я заводил серию новых проб. В науке это новое направление возглавлял Матвеев. Будущий профессор, доктор наук провел со мной немало дней в зале, но 100 кг, которые обещал выжать, руководствуясь в тренировке своими принципами, так и не выжал. Меня подмывало процитировать римскую поговорку: "Если это и не верно, то все же хорошо придумано". Графики и расчеты выглядели внушительно, с каждым годом внушительнее. Словом, хорошо придумано. Но это лишь моя невысказанная шутка. Никто кривые не выдумывал, в них - сотни и сотни тонн моего "железа". Мы разрабатывали богатую жилу. Той рудой была сила. Только мы постоянно сбивались с направления. Я "съедал" много больше тонн, чем нужно...

Жестоко ошибался я. Жестоко ошибался Матвеев. После размолвок или провалов в работе из-за ошибочных рекомендаций он исчезал на многие месяцы. Потом, взяв у тренера тетрадь, опять вычерчивал по цифрам поднятых килограммов кривые. Рулоны графиков, различные индексы, как в доподлинном конструкторском бюро. Я сличал с нашими. Забавно: кривые теряли себя. Я читал усилия: в скатах кривых - сопротивление силы. точнее - те тренировки с тупой, зачумленной силой. Вдруг радовался: на кривой узнавал пробуждение силы, уступку старого врага - нового результата. Вот гнул, гнул к нему, обжигался, и вот он, мой!

Богдасаров настороженно встречал Матвеева. Тренер не сомневался, что я гублю себя экспериментами. Эти тренировки наделяли силой, но и прежде

времени старили, изнашивали. Однако мой тренер не понимал другого - иначе я вести себя не мог. Другой спорт я не признавал. Союз с Матвеевым был интересен не корыстью - мы сами достаточно много знали и узнавали. Нет, в союзе был свет поиска. И поэтому цена союза теряла значение. Зато оживало "железо": через ошибки пробивалось понимание. Я всегда открывался любой новой возможности движения.

А меня поучают: преувеличиваете, сгущаете. Стонать, верно, не годится: взялся за гуж, не говори, что не дюж...

Сколько раздражения вызвал отказ выступить в Киеве! Начальник клуба не преминул затеять очередное разбирательство - свое понятие долга. Много снес тренер, немало скрыл и принял на себя.

Проскользнуло раздражение и в отдельных репортажах (даже одной из центральных газет - за подписью Денисюка; ни до, ни после не слышал об этом знатоке тяжелой атлетики). Сейчас, бесспорно, скоморошен весь этот околоспортивный мусор. Тогда недобросовестная возня, столь безобидная снаружи, была по живому: отравляла, лишала равновесия, нужного для тренировок, взвинчивала. Усталость двойной жизни - большого спорта и работы за письменным столом - препятствовала справедливо оценивать факты. Платил я не только душевной энергией - и понять не мог, за что попреки: свое дело - и тренировки, и рекорды, и победы - я делал честно, с лихвой перекрывая необходимое! Из моих нескольких десятков рекордов всего два или три выколочены прибавлением на 500 граммов. Остальные я сразу утяжелял на 5, 7, 12 и даже 25 килограммов! С выходом на чемпионаты мира не проиграл ни единой встречи! Впервые в истории спорта все четыре рекорда в самой тяжелой весовой категории (жим, рывок, толчок, сумма троеборья) принадлежали советскому атлету. А критики не унимались, клеили ярлыки... Не скрою, я был резок. Презирал кое-кого, как презирают "трутней". Сегодня они начальствовали в спорте, завтра - ведали снабжением санатория, послезавтра - командовали каким-нибудь отделом, в обществе "по связям"...

Спорт пронизывает идеологический мотив. Главным образом по этой причине и еще за щедрое кормление чиновничьих "трутней" большой спорт и разогнали до таких вселенских масштабов. Без того дышать бы ему, как, скажем, медицине (с ее жутковатыми "рекордами"), на ладан...

А тогда в Киев мне лучше было не ехать - и я не поехал. Но в своем решении я оказался одинок. Вообще понятия "публика" и "справедливость" не всегда совпадают. К примеру, нельзя выдавать обыкновенную физическую боль. Я ухитрился нахватать травм - и все до 1960 года. Потом благополучно обходился без них (кроме 1962 года), хотя самые большие

веса поднял именно после 1960 года. Grimаса боли нарывалась на шиканье и смех. А травмы я зарабатывал злые. С тех пор зарекся показывать публике чувства. Работай так, будто в восторге от борьбы. Никто не должен знать, что с тобой.

Глава 98.

Я не даю оценок товарищам. Считаю, что мало знаю их. Соперников же я изучал намеренно, к ним примеривался годами, сходил в поединках.

Критика спорта. Критика литературы. Выправления.

Много о критике в дневниках Льва Толстого. Писал Толстой не для сведения счетов, в пристрастности такого рода его обвинить невозможно. Другого склада человек. Окунаешься в тома дневников - и в ином мире. Пространство этого мира - совесть. Разве она - мятущаяся? Она вся из отказа следовать традициям лжи, суевериям авторитетов, привычкам зла, из вечных попыток выщупать справедливость, слить ее с жизнью. Чтобы не существовали раздельно справедливость и совесть, поступки и совесть...

Критика слишком серьезный инструмент. Толстой все выскребывал нутро явления - "критика". Записи о том разбросаны по разным годам. Со всех сторон подступает.

"...Светские критики - нравственные кастраты, у которых вынут нравственный нерв, сознание творимости жизни своей силой" (Запись в дневнике 22 ноября 1890 года).

О старом писано и круто, но сколько созидательной силы в словах: сознание творимости жизни своей силой! Критика должна не разрушать. Созидание - вот приложение рук человека и его совести.

"Дело критики - толковать творения больших писателей, главное - выделять; из большого количества написанной всеми нами дребедени выделять - лучшее. И вместо этого что же они делают? Вымучат из себя, а то большей частью из плохого, но популярного писателя, выудят плоскую мыслишку, коверкая, извращая писателей, нанизывая их мысли. Так что под их руками большие писатели делаются маленькими, глубокие - мелкими и мудрые - глупыми. Это называется критика. И отчасти это отвечает требованиям массы - ограниченной массы - она рада, что хоть чем-нибудь, хоть глупостью, пришпилен большой писатель и заметен, памятен ей; но это не есть критика, то есть уяснение писателя, а это затемнение его..." (Запись в

дневнике 14 февраля 1892 года). Понимание природы того, о чем судишь и чему выносишь приговор. Понимание значимости труда. И труда и личности.

Спорт - это явление современной жизни. К нему приложимы и оценки культуры вообще.

И вовсе неплохая памятка для критики и критика:

"Биограф знает писателя и описывает его! Да я сам себя не знаю, понятия не имею. Во всю длинную жизнь свою только изредка, изредка кое-что из меня виднелось мне" (Запись в дневнике 27 октября 1889 года).

Человек в росте, в движении. Он всегда другой. Что знаешь об этом движении? Как знаешь? Каким днем судишь?

Стоячая вода...

И об ошибках, коими зло попеняют иной раз: "Чтобы люди не ошибались и не страдали? Да ведь это одно средство познания своих ошибок и направления пути" (Запись в дневнике 7 ноября 1889 года).

Кстати, Шаляпин писал, скорее даже жаловался: "Думается... критика и недоброжелательство - профессии родственные..."

Справедливость силы во имя творения жизни...

А вот в документах о Толстом выкопал я любопытное свидетельство жандармского генерала А. И. Спиридовича - светила розыска и его теоретика. Оставил генерал о партиях социал-демократов и социал-революционеров подробнейшие исследования. Бесценный материал для историка. Признанием способностей генерала явилась его карьера: почти до самой революции отвечал за личную безопасность царя. Справлялся успешно. Но начинал карьеру жандарма Спиридович в Москве при Зубатове, и тогда кое-какой розыск прямехонько привел его в Ясную Поляну. И тут - шалишь! Предъявил начальник молодому Спиридовичу высочайшее повеление, по которому запрещалось когда-либо беспокоить Толстого (Жандармы смели беспокоить Толстого. При Александре II нагрянули с обыском. Однако мировая слава писателя сделала невозможным повторение подобного. Поэтому уже для внука Александра II Толстой был неприкасаем). Выше царя оказался Лев Николаевич! И еще раз подтвердилось пророчество Пушкина: талант - это сила!

Глава 99.

Только голая сила, и человек ради силы есть несчастье, явление уродливое, своего рода ущербность. Ум, самостоятельность мышления и отсюда определенность поведения (а это и есть интеллигентность)-едва ли не основной закон человеческой красоты. Лишь в сплаве этих свойств сила становится благородным "металлом". К людям одной силы, поклонениям только силе, воспитанным на голой силе, вполне уместны слова Альберта Эйнштейна: "Я глубоко презираю тех, кто может с удовольствием маршировать в строю под музыку; эти люди получили мозги по ошибке - им бы хватило спинного мозга. Нужно, чтобы исчез этот позор цивилизации..." Эйнштейн считал интеллигентность высшей красотой человека.

Борьба за высшее достижение - это наука, искусство, разум. И это присуще человеческой красоте, ибо открывает жизнь. Борьба во всей ее многообразности есть открытие жизни.

Ле Корбюзье в письме к группе архитекторов Йоханнесбурга писал 23 сентября 1936 года: "...Я хотел бы, чтобы архитекторы стали... людьми с богатейшим духовным миром, а не ограниченными и бездушными ремесленниками, чтобы они... не замыкались в своей узкой мещанской скорлупе. Архитектура - это не профессия, это определенное состояние духа..."

У творческой деятельности общая природа. Эта деятельность в высших проявлениях так или иначе смыкается с искусством. Гегель писал об искусстве как высшей потребности духа. И по Гегелю, дух трудится над предметами лишь до тех пор, пока в них есть нечто нераскрытое (весьма примечательно и суждение Гегеля о том, что расцвет литературы на путях сближения с философией).

Высшие достижения требуют узкой специализации, но не культурной ограниченности, замыкательства в профессии. Это угроза самому развитию и постижению.

"Человек одухотворен поэзией, и именно это позволяет ему овладеть богатствами природы..." (Корбюзье Ле. Архитектура XX века. М., Прогресс, 1970. С. 274). У искусства и науки общая природа. Наука, лишенная органичной связи с искусством, нравственно вырождается. Познание непосредственно зависит от одухотворенности, а последняя - от способности поэтически воспринимать мир. Но ученые степени, регалии, академические титулы не имеют отношения к таланту, скорее даже созданы людьми серыми, составляя предмет их тайного вожделения:

хоть в этом приблизиться к истинному дарованию, само собой, застолбить и блага, им не причитающиеся. Именно - постные труженики науки, копающиеся на ее заднем дворе, добывающие себе место интригами и власть титулов...

"У нас сложилось ложное положение в науке. Основная наука по численности - ведомственная, которую и наукой назвать не совсем корректно. Это обслуживание чьих-то интересов на некоем уровне. В 30-е годы у нас в стране был выбит целый слой интеллигенции - высококвалифицированных ученых, инженеров. А наплодили эту ведомственную армию псевдоученых. Ведь что такое наука? Это прежде всего торжествующая объективность..."

А борьба за добывание академических званий? Сколько же здесь постыдного! Разве можно представить Эйнштейна или по существу нищего Циолковского в роли интриганов от науки - ну не обойтись им без званий!

Когда на столь высоком уровне интеллигенция дает нравственный сбой, predetermined в основном корыстью, это отзывается на всем обществе. Поэтому это никогда не будет только их узкоакадемическим делом. Ведь это не только утечка достоинства...

Ничто так не агрессивно и самодовольно, как ограниченность. И в спорте (среди чемпионов) можно быть бездушным ремесленником и расчетливым стяжателем.

Культура создана не ремесленниками, хотя ремесленник может быть виртуозом. Подлинно замечательное исключает в своем создателе сугубо материальный расчет. Ибо замечательное требует нечто большее, что не окупается и не может окупиться выгодами, наградами...

Спорт заманчив творческой сутью. Тренировки - это овладение сутью явления, глубоко одухотворенный процесс. В этом и ответ на вопрос о росте результатов. Познание бесконечно. В этом смысле человеческая сила, бесспорно, бесконечна.

В искреннем познании любовь к себе теряет значение. Человек цели не может не рассматривать жизнь как средство постижения цели. Исчезают страх, колебания. Человек обретает всемогущество.

Глава 100.

Атлеты тяжелой весовой категории исконно выступают в последний день чемпионата. Из зрелищ чемпионата это наиболее привлекательное. Чего стоит парад представления! Выводят на сцену десять - пятнадцать атлетов, один другого шире в плечах. Мнутя в шеренге, косятся друг на друга, ловят взгляды почитателей, подтягивают животы, покатывают мышцами. Жужжат кинокамеры, скачет свет в фотовспышках. По залу гул. На помосте новенькая штанга, вокруг знамена стран-участниц. Гремит голос в трансляции. Зрители под хмелем возбуждения, каждое имя встречают криками. В первых рядах знатоки "железной игры". Здесь немало истинных фанатиков. Сколько я ни выступал и где бы ни выступал, знал: в первом ряду пожилая чета из Австрии и англичанин - они всегда приезжали на мои выступления, в любую точку земного шара. С англичанином - Рэджем Айландом - мы сдружились. Он не только влюблен в тренировки с "железом" и сильных людей, но и считает свою жизнь обязанной тренировкам - и тому есть серьезные основания. Он являлся свидетелем едва ли не всех послевоенных чемпионатов мира, знаком с великими атлетами 30-х и 40-х годов и с одного взгляда понимает силу. Напряженность ожидания и усталость от чемпионатов, а также сдержанность Рэджа мешали сближению. Лишь на Московских Олимпийских играх 1980 года мы поговорили, что называется, от души. Я чувствую себя обязанным Рэджу. В ночь поражения на Олимпийских играх в Токио, преодолев сдержанность, он внезапно пришел ко мне. И как? Переоделся в спортивный костюм, полицейский пост не задержал. Было далеко за полночь. Я проиграл.

Среди пустоты, которая вдруг образуется в таких случаях, появление человека казалось чудом. Ведь он не был моим тренером, моим близким, не был даже соотечественником. Смущаясь, запинаясь, он сказал фразы, которые врезались в память: "Я буду помнить вас. Победителей много, чемпионами же бывают единицы. Из сотен победителей - всего несколько..."

Глава 101.

Как бы ни владел собой, а ждать семь - десять дней томительно. Неизбежен дополнительный нервный расход. Побеждают, срываются, хватают "баранки" атлеты легких, средних и других весовых категорий. Рушатся спортивные карьеры. Замечательные атлеты получают к титулу в награду за десятилетия труда звучную приставку "экс". Бывший - часто это относится ко всей жизни, ибо вся жизнь после мерещится вымышленной, чужой, а та, до "экс", единственно стоящей.

Видишь одинаковую понурость или нарочитость ухмылок. Узнаешь о срывах стопроцентных фаворитов, о травмах, предвзятости судей, промахах.

Читаешь газеты. Угадываешь отчаяние великих проигравших, игру в мужество потери всего. Ведь для большинства из них спорт - все в жизни, после него - заботы, неизвестность, часто нужда. И вместо почитания - безразличие, безличие, угасание. Вместо азартной, любимой и очень интересной жизни - вялость будней, потеря себя, пустота, порой алкоголь в утешение и болезни - счет за победы. Какое-то мгновенное изменение масштабов личности, безжалостный пересчет ценностей. Из громадности славы, почитания - в подвал забвения, тишины, оцепенелости. Вместо громадной нужности всем - вдруг никчемность и непригодность к другой жизни. Ведь этой борьбе в спорте отданы десятки лет. Сызмальства к ней приноравливаются...

Милости будущего...

Давно ли бельгиец Серж Рединг клялся мне достать в сумме троеборья заветные 600 кг. Я,- грешен, не верил. Думал: "Ты просто не ел эти тренировки..." Я ушел из спорта и погодя уже едва узнал в огромном мужчине того русого доверчивого юношу. И результат Серж подвинул за 600 кг. И вдруг смерть!

Рубят ошибки в тренировках, насилие поединков, напряжения лет и потрясения неудач. Рубят даже могучесть.

Счет за силу...

Справедливость силы...

Не о спорте эти стихи Анны Ахматовой. Совсем не о спорте. Даже кощунственно их приложение, а слова сами плывут в память:

Что ты бродишь неприкаянный,

Что глядишь ты не дыша?

Верно понял: крепко спаяна

На двоих одна душа.

"Железная игра" и ты...

Надо видеть все - и обрезать, не пускать в себя. Умение не из простых. И классные атлеты теряют победы именно в днях ожидания. Перегорают в себе.

Если соперники вровень с тобой, ожидание поединка - своего рода искусство. Искусство поведения. Надо уметь не поддаваться соблазну: после выведения из нагрузок будто выпадаешь из спячки. Необыкновенная освобожденность! Привычные веса легчают - не узнать! Звенишь радостью, избытком силы и просто счастьем. А соблазн караулит: азарт новой силы, азарт публики (она всегда на разминках), азарт предстоящей схватки, неосознанное стремление превзойти соперника в разминочных результатах, поразить публику - все грозит свежести силы.

Нужен опыт, нужны неудачи - тогда вырабатывается мелочное следование назначенным для разминок весам, скупость на расход чувств, безразличие к выходкам публики и суждениям газет. Суровое умение быть глухим к себе.

На опасно завышенные веса заносят и сомнения. Тоже следует уметь верить, понимать состояние и не уступать настроению.

Случается, сбивает на риск прикидок перед выступлением и намеренное поведение соперника. А иногда самому приходится идти на подобный прием: вот моя сила! И пусть соперник горит...

В ожидании много искуса притупить нервную свежесть, размотать силу на пустяки...

В Вену не приехали ни Шемански, ни Брэдфорд. Что Большой Вашингтонец вообще уйдет, я уже догадывался. Судя по всему, не ладилась у него отношения и с Хоффманом.

Часто я вспоминал по таким случаям слова философа: "Чти начальство и повинуйся ему, даже хромоту начальству! Этого требует хороший сон. Разве моя вина, если начальство любит ходить на хромоте ногах!" Давно ли при встрече Серж Реддинг жаловался мне, что нет для кровно дорогого дела страшнее, чем зависимость, невозможность собирать его с наибольшей целесообразностью и беречь к главному испытанию. И в самом деле, тяжело говорить на разных языках, думать разными словами, когда несешь это главное, добываешь и отстаиваешь это главное.

Лев Николаевич, как же не поклониться вам за такие слова: "Роскошь, нищета, разврат... Собрались злодеи, ограбившие народ, набрали солдат, судей, чтобы оберегать свою оргию, и пируют..."

Прищур у Хоффмана - сразу соображать начинаешь, кто заказывает музыку. Сложит губы, лицо удлинится, окаменеет...

Выпив у меня дома, размякнув, Хоффман по обыкновению полоснул

взглядом: в этот раз по книжным полкам. Заметил: "У себя книг не держу!" Помолчал, наслаждаясь воспоминанием об отсутствии у себя книг, и счел необходимым уточнить: "Есть одна: рецепты коктейлей". И выдал прищур, как бы отпускающий грехи. Не свои, конечно, а мои, книжные... Крепко сидела в нем неприязнь к книге. В Варшаве, первый раз увидев меня, защемил плечо пальцами и ввел в холл. Там переваривали обед Тэрпак, старый Джонсон и Эшмэн. Я тогда еще не привык к подобным манерам и, что называется, был захвачен врасплох. Не скандалить же и не выворачиваться...

Хоффман выщупал меня вмиг. Багровел от натуги (работал он пальцами лихо), что-то откладывая себе в память. Потом так же, не распуская зажима пальцев, объявил: "Университетский пай-мальчик!" Насыпал мне в карман жевательной резинки, вколол в отворот пиджака значок. Тэрпак вложил мне в руку журнал. А Хоффман, очень довольный собой, сел - глаза холодные...

Я мало видел среди "экс" (из настоящих чемпионов) людей, довольных судьбой. Еще реже видел расцвет человека после ухода из большого спорта. То ли разница в жизни, то ли другие способности отсутствовали и жизнь тяготила... Я не абсолютизирую выводы. Я о тех многих, кто вызывал жадный интерес, а после начисто исчезал. Пересадка из славы не из легких. Для спортсмена, конечно. Бывшего спортсмена...

Теперь наступил черед и для Брэдфорда, как до этого для Дэвиса и всех других. Это мгновение жизнь приберегает для каждого.

Глава 102.

Боли в позвоночнике отпустили совершенно неожиданно. Раз их нет - я обязан выступать. Но как? Ведь я не вел нормальные тренировки уже с месяц, если не больше. Но и это полбеда, не будь я заезженным сверхчастыми наступлениями на рекорды. Последние недели я и без болей в спине ничего не мог сделать: тупая сила, ущербная сила - полная потеря слитности усилий, единства с железом", энергии движения. Все эти смещения и ущемления позвонков - это только следствие усталости, перенапряжения одной из систем тела. Я загнал себя. Надо же изловчиться и размотать силу! Быть в форме, освоить рекорды - и приехать на главные соревнования развалиной. Я ударил мимо цели - на рекордах затупил силу. И теперь здесь, на чемпионате мира, я в нелепом положении создателя рекордов без рекордной силы. Кому какое дело до моего больного позвоночника? Я потерял силу - вот что важно и что учитывается.

У меня есть одна возможность: попытаться приблизиться к победным результатам на свежей силе - чистых, незагруженных мышцах. Я уже не раз убеждался: часто после перерывов (не более двух-трех недель) показываешь результаты, близкие к лучшим, а ведь мне не надо выдавать лучшие результаты, здесь у меня нет настоящих соперников. Зирк слишком слаб. Я могу выиграть и не на лучших результатах. Да, вести спокойные тренировки, главное - не пытаться вернуть силу, не загружать себя тренировками, а лишь держать в тонусе мышцы. И ни в коем случае не повторять ошибок чемпионата в Варшаве: не удивлять и не поражать силой, не красоваться на разминках - скупое вести счет подходам. И на разминке, уже на чемпионате, каждый подход учитывать: беречь силу, беречь! И там, на помосте в Штаттхалле, попытаться на свежих мышцах приблизиться к лучшим результатам.

Я тренировался строго, очень строго. Опасался возвращения боли - немоты в ногах, и не смел перетренироваться, даже просто загрузить себя, если спина не станет ограничивать в работе. Тренер следил, чтобы я ни на килограмм не превышал задание. Постепенно я проникался верой в победу. Я, несомненно, сильнее любого из участников чемпионата. Лишь бы не промахнуться, суметь сыграть так, чтобы даже срыв в каких-то попытках невозможность взять важный вес списались бы за небрежность, единственно лишь за небрежность. Именно так: выступать невозмутимо-равнодушно (только с виду, конечно), тогда любые промашки спишутся за беспечность. Сыграть эту партию с возможно доступной естественностью. Меня принимают как большого чемпиона. Пройти вплотную к риску, но не рисковать.

План выступления сложился не сразу. И решение не было столь осознанным. Однако смысл его сводился именно к этому. Без горячей веры тренера в меня я не отважился бы на это испытание и скорее всего еще тогда бы ушел из большого спорта. Его вера стала моей верой.

Глава 103.

В понедельник 25 сентября "Правда" писала:

"...Последними состязались атлеты тяжелого веса. Еще до начала венского чемпионата австрийские газеты единодушно называли будущего победителя в этой весовой категории - Юрия Власова, "самого сильного человека в мире", "самого сильного человека всех времен". И они не ошиблись..."

26 сентября "Советский спорт" поместил отчет из Вены старшего тренера

сборной Шатова:

"...Всего десять тяжелолюбцев завершили грандиозную баталию в венском Штадтхалле. Зрители тепло встретили Юрия Власова. Они не сомневались, что советский богатырь будет чемпионом мира. Никто из его соперников не мог составить ему ни малейшей конкуренции. Власов выжал 180 кг, в рывке показал 155. Попытка установить рекорд мира (160) не удалась...

В толчке Власов зафиксировал 180 и 190 кг. Третий и четвертый подходы он предназначил для рекорда мира. К сожалению, 207,5 кг наш богатырь не осилил..."

В тот же день, 26 сентября, "Комсомольская правда" под заголовком "Богатырский финал" так рассказала о соревнованиях:

"...Попытка нарушить дружеский дух чемпионата была предпринята уже в ходе соревнований. Когда все тяжелолюбцы закончили жим, на помост вышел Юрий Власов. Лучший из его соперников, Ричард Зирк, выжал 155 кг. Юрий же начал первое движение со 160 кг. Он очень уверенно и красиво поднял штангу. Но двое из судей почему-то зажгли красный сигнал. Вес не засчитан.

Кто были эти судьи? Кому они хотели угодить? Зрители, конечно, не могли знать. Но одно они понимали отлично: это был нечестный ход, рассчитанный на то, чтобы помешать советскому атлету показать высокий результат. На трибунах поднялся невероятный шум. Семь тысяч человек криком и свистом выражали свое возмущение поведением судей. Власов снова вышел на помост, движением руки успокоил болельщиков и попросил... увеличить вес снаряда на 20 кг. Стальная громада легко подчинилась ему. Власов стоял, держа над головой штангу, и с улыбкой смотрел на судей. Что они скажут сейчас? Это была страшная пощечина тем, кто разными махинациями попытался отравить атмосферу честной спортивной борьбы..."

Глава 104.

24 сентября в воскресенье в Штадтхалле я без какого-либо серьезного противодействия соперников взял третью золотую медаль первого атлета мира и Европы. Я победил с результатом хуже, чем год назад в Риме. Однако серебряный призер отстал от меня в сумме троеборья на 50 кг - убедительная разница. Его результат при собственном весе 129,8 кг - 475 кг. Третье место занял мой старый знакомый финн Мякинен (462,5 кг). С тех

пор Зирк не выступал, хотя на год был моложе меня. Он ушел внезапно, как и появился...

Я спускался со сцены, выжав 180 кг,- настоящая удача! Все именно так, как я рассчитывал! Я выступаю, как в лучшие дни! Вынужденный отдых, тренировки вполсилы обернулись свежестью мышц и незагрубленной скоростной реакцией. Все, что сковывало меня последние месяцы, разрушалось, отпадало, даже память страховки на боль,- вся система защиты против неосторожных движений. Я был свободен. Значит, борьба! Мой мир! Мой!

Зал бушевал. У лестницы грудились люди. И над семи долговязая фигура Хоффмана: ведь выступление атлетов тяжелого веса для него самый азартный день в году. Когда я подошел, он сказал переводчику:

- Жаль, этот парень не родился в Америке.

- Зато я родился в России,- слова эти сами сорвались с языка.

С каждым движением мне становилось легче. Я узнавал силу, подчинял себе, забывал, пока и вовсе не забыл, о позвоночных болях.

В рывке даже прихватил мировой рекорд, но судьи опять включили красный цвет, посчитав касание помоста коленом. Я выстелился, ушел почти в "шпагат". Я не сомневался: вес поднят чисто. Наши подали протест в апелляционное жюри. А зал разошелся! Семь тысяч зрителей приняли нашу сторону. Сцену на всякий случай заслонила полиция.

Рев заглушал обращения по трансляции. Брань, свист, топот! Я поднялся на сцену и жестами объяснил публике: виноват я, а не судьи - и показал на колено - мол, вот касание. Тут же взяла протест назад и наша команда. Я не мог поступить иначе. Скандал грозил срывом выступлению тяжеловесов.

В Вене наша команда уверенно сохранила первое место - 41,5 очка. Команда США пока держалась за нами - 24 очка. Впервые на третье место прорвалась сборная Венгрии - 19 очков.

На чемпионате участвовали 33 страны, хотя заявки прислали 38. Титулом "Мистер Универсум" увенчали Томми Коно.

В 1961 году Коно выступал в трех весовых категориях: полусреднем, среднем и полутяжелом! В среднем весе он установил мировой рекорд. Однако в Вене Коно не сумел избавиться от последних нескольких десятков

граммов,- он хотел выступить в полусреднем весе. Ему даже остригли волосы, но... напрасно. И он не был допущен к соревнованиям.

Глава 105.

По просьбе Австрийского союза штангистов наша команда дала два показательных выступления.

30 сентября "Комсомольская правда" сообщила:

"Снова Власов, снова сенсация.

...Вчера наши атлеты выступили в небольшом городе Швехате близ Вены. Посмотреть советских богатырей пришли не только местные жители, но и многие венцы, которые надеялись, что станут свидетелями рождения новых рекордов. Их ожидания оправдались. Юрий Власов в первом же подходе толкнул штангу весом в 207,5 кг. Когда судьи взвесили снаряд, оказалось, что в нем 208 кг. Таким образом, Власов улучшил свой же мировой рекорд сразу на 2 кг..."

"Советский спорт" поместил отчет под названием "Самая тяжелая штанга" (30 сентября). Газета подробно рассказала о выступлении, охарактеризовав рекордный вес как "самую тяжелую штангу в истории спорта, которую когда-либо поднимал человек". Я несколько неожиданно для себя снова сдвинул мировой рекорд в толчковом упражнении. Неожиданно, потому что я еще не успел прийти в себя после выступления на чемпионате, да и месяцы болезни, ослабленность из-за ограниченных тренировок, казалось бы, исключали такую возможность.

Я не сразу заказал 207,5 кг. Опробовал себя на 185. Подивился слаженности и силе. Расходовать себя на промежуточные подходы было уже опрометчиво. Рекорд вылутился противоестественно легко. Мой вес при этом оказался равным 126 кг. Приняли рекорд судьи международной категории Вундерер (Австрия), Шимек (Австрия) и Шатов (СССР). В Австрии выступать приятно. Австрийцы понимают толк в "железной игре". Об этом писали и наши газеты.

Для меня рекорд в Швехате имел свой смысл. Значит, созревает сила, утомление перемолото, травма позвоночника преодолена без операции и мучений на госпитальной койке. Именно две подобные операции перенес Шемански. Я их "удостоился" в 1983 и 1986 годах.

Каждую тренировку я всеми доступными упражнениями растягивал позвоночник. И после благодаря неукоснительному следованию этому правилу я так и не узнал в годы большого спорта, что такое заурядный радикулит и различные позвоночные боли, столь обычные у атлетов.

И какой же ценный опыт! Сразу на виду все ошибки. Основная - опять в неправильности определения длительности этапа выведения из нагрузок. Я выступал часто, поневоле напрашивался другой режим, а я ломил работу по старым меркам.

Стало быть, внести поправки в расчеты - и тогда попытаться выгрести всю силу. Нагрузки же пересчитать на чемпионат страны, то есть на декабрь. В три месяца проиграть весь цикл, но по найденным правилам. Сцепить последовательности этапов и характер нагрузок в новые закономерности. Богдасаров звал к рекордам.

Сразу же после возвращения домой мы внесли изменения и в кривые нагрузок, и в соотношения между интенсивностью и объемом тренировок. Это уже был не эксперимент, а однозначное следствие опыта.

Я крался к рекордам, опасался спугнуть. Берег каждый шаг! Превратился в мнительность. Еда сугубо определенная. Ни глотка холодной воды. Во всем осмотрительность. И ближе, ближе к заветному дню! Наконец-то соберу результат, который ускользнул в Риме. Теперь не уйдет. Чем ближе назначенный день, тем осторожней и я.

В пятницу 22 декабря - последний день чемпионата СССР - я наконец убедился в правоте тренировок и поиска.

"Спортивный подвиг Юрия Власова" - так озаглавила газета "Советский спорт" (1961, 23 декабря) отчет о соревновании атлетов тяжелого веса на чемпионате СССР в Днепропетровске:

"Мы счастливы, что видели это. Все, что произошло позавчера вечером в Днепропетровске, сейчас стоит перед нашими глазами. В спорте есть великие минуты. Мы пережили их.

Мы боялись упустить хотя бы одно мгновение из этих минут, хотели видеть все или, по крайней мере, знать обо всем. Вот почему двое из нас остались на сцене, а двое ушли за занавес (авторы отчета: Л. Николов, В. Сердюк, С. Токарев, А. Чайковский.-/О. и.). И мы будем рассказывать вам обо всем происшедшем по очереди - и о том, что было на помосте, и о том, что скрывалось за кулисами рекорда.

Штангу видят все.

Власов сидит в раздевалке, утопив голову в огромных ладонях. Зевнул.

- Не выспался?

- Нет, это нервное.

Комната переполнена голосом судьи-информатора и звоном падающей штанги.

- Выключите радио,- говорит тренер Сурен Петрович Богдасаров.- Совсем.

- Можно оставить тихонько,- это Власов.

- Нет, совсем.

...А потом Власов разминается - выжимает 160 кг. И к штанге подходит Алексей Медведев, задумчиво смотрит на нее, толкает ногой и отходит...

Мы видим Власова на помосте в тот момент, когда штанга вырывается из его рук в первом подходе. 170 кг выжать не удалось. Ой, как плохо! И кто-то сзади шепотом вскрикивает:

- Как схватит сейчас "баранку"!

А через несколько минут Власов опять выходит на сцену. Выходит не под аплодисменты, а под молчание. Встревоженное молчание зала. Но Власов другой. Уже не бьется на его шее нервная жилка, уже не блуждают руки по грифу, они ложатся сразу и намертво. 170 кг- вверху. Ну, отлегло от сердца. Кажется, все в порядке.

Движения его стали плавными, как бы отобранными. Ни одного лишнего жеста...

Есть и 180!

...И опять голова в ладони.

- Рывок пойдет хорошо, ноги свежие (авторы отчета имеют в виду меня.-Ю. В.).

...Восьмой раз Власов на помосте. Восьмой раз натирает руки магниезией, восьмой раз поправляет очки. Перед ним 162,5 рекордного килограмма. И

нужно бить собственный рекорд-160 кг, установленный несколько минут назад. Он сделал это во втором зачетном рывке. Третий был безуспешным. Но для нас три слились в один, потому что даже неудачный был настолько красивый, по-спортивному благородный, что он тоже показался нам рекордным. И это впечатление не исчезло даже после того мгновенного касания коленом помоста, вызвавшего вспышку красных лампочек, ибо Власов тотчас отложил штангу, почти весело похлопал себя по колену, объясняя зрителям, в чем тут дело, и убежал за кулисы, чтобы сразу же вернуться назад.

Рывок удался. Чуть пошатываясь, Власов сошел с помоста. А потом уже выяснилось, что штанга весила ровно 163 кг.

Потом было так. Сидим в раздевалке и разговариваем. Не так, как раньше. Не о том, что было, а о том, что будет. Сурен Петрович говорит:

- В рывке начинать со 160, а затем сразу 165. Разрыв надо сделать больше, чтобы они не догнали. Чтобы не сунулись.

И мы понимаем, кто это "они". Речь идет о ребятах Боба Хоффмана.

- Публика здорово принимает. Просто хочется отблагодарить. И еще: это я вам, Сурен Петрович, рекордом обязан. Вы меня заставили хват изменить... (Я перешел на более широкий хват.- Ю. В.)

А в зале идут соревнования. Все зрители ударились в арифметику. У всех в блокнотах, на программах, на билетах записаны результаты штангистов после двух движений и их возможные суммы троеборья.

...Власов по-прежнему мерно шагает в полутемной глубине сцены. По-прежнему, старясь попадать в ногу, идет рядом Богдасаров. Теперь это уже не просто средство унять волнение. Ясно, куда ведут шаги - к новому рекорду...

Жим шел тяжеловато. Рывок был уверенным. Толчок оказался изящным и легким. Смотришь и думаешь: неужели эта штанга и вправду весит 190 кг? В повадке атлета не видно мускульного надрыва, непосильной натуги. Кажется, подошел бы и сам взял вес. Вот почему Власов всегда так близок зрителю. Такое мастерство, что его даже не чувствуешь.

А между тем на штанге уже 200 кг. Те самые, которые нужны для рекорда в сумме.

Какая же царит тишина! Слышны только шаги Власова по сцене и в такт им

- "один, два"...- это включил свой магнитофон радиокomentатор, с тем чтобы через несколько секунд произнести ставшую традиционной на этом чемпионате фразу: "На штанге рекордный вес, спортсмен обхватывает руками гриф..." Конечно, мы понимаем, что в такие минуты просто не хватает слов. Тут только дыхание успевай переводить.

Все, что делал Власов, было великолепным. Ритм его выступления был таким, что никто не верил в промежуточные остановки. Все ждали чего-то большего. Кульминационного, наивысшего! И, видимо, ни один зал в мире не воспринимал так спокойно (разумеется, относительно спокойно) такой невероятный рекорд в сумме троеборья - 540 кг.

За кулисами тоже спокойно. Вернее, спокойно - не то слово. За кулисами - ожидание. Молчаливое и в общем-то нервное. Пошептавшись с Власовым, Богдасаров проходит на сцену и просит установить 210 кг. И опять Юрий мерит разминочный зал, но шаги стали быстрее. Он даже не надевает тренировочного костюма. Рубашка просто наброшена на плечи.

- Дорогу, дорогу...- слышится шепот. У самой грани света и полутьмы они остаются лицом к лицу - Власов и Богдасаров. Две огромные теплые руки ложатся на плечи учителя. Власов смотрит на Богдасарова.

- Ну, я пошел.

А Богдасаров даже не может поднять головы, чтобы не показать слез.

Человек стоит над штангой. На ней вес, который не поднимал еще никто. И это, наверное, очень страшно - быть первым и единственным из двух с половиной миллиардов обитателей планеты.

А может быть, и нет никакого страха. Вообще нет ничего, кроме одной мысли: могу!

Лицо его ничего не выражало. Оно только на секунду исказилось от напряжения, когда он брал штангу на грудь, потом лицо снова стало спокойным. И выражение его застыло до того момента, когда пришел черед улыбнуться. После того как вес уже был поднят, штанга, немного "поведя" вперед, окончательно сдалась на милость победителя..."

Мой мир! Мой!..

Ленинград, Рим, Днепропетровск... Для того времени это был неслыханный рост результатов. Без преувеличения - он потрясал современников. А я уже накатывал в мышцах новые рекорды. Чувствовал их по тренировочным

весам.

В Днепропетровске я при собственном весе 126,8 кг на 3,5 кг утяжелил рекорд мира в рывке, на 2,5 - в толчковом упражнении и на 12,5-опять свой же рекорд в сумме троеборья. После Рима второй успех такого рода, не считая памятного 22 апреля 1959 года (кстати, тогда в Ленинграде я весил 113 кг). В Ленинграде я получил поздравление от председателя Всесоюзного комитета Романова.

Откликнулся на победу в Днепропетровске и ветеран российского спорта Александр Григорьевич Красовский.

"Фантастический рекорд Юрия Власова.

...Великий русский спортсмен, сильнейший человек земного шара не есть силач-самородок, каковыми были когда-то Иван Максимович Поддубный, Иван Михайлович Заикин или Данило Посунько. Власов - продукт физической культуры, которая так высоко поставлена в Советском Союзе. Во время Олимпийских игр в Риме он удивил весь мир, толкнув 202,5 кг. Летом в Кисловодске он еще превысил свой мировой рекорд, сделав 205. В Лондоне на советской выставке он превышает свое достижение еще на одно кило, а после первенства мира и Европы в Вене толкает 208! Такое постоянство формы доказывает, что Юрий Власов может прогрессировать еще долгие годы.

Сумма его троеборья по лучшим результатам - 553,5 кг, - сделанная на берегах Днепра, является новым мировым рекордом. После днепропетровского подвига парижская спортивная газета "Экип" ставит вопрос: будет ли Власов первым человеком, который перейдет рубеж 600 кг? Теперь это можно считать возможным.

"Пари-пресс" говорит, что Юрий Власов на первенстве СССР в сумме троеборья собрал на 200 кг больше, чем Шарль Ригуло - победитель Олимпийских игр 1924 года в Париже. Мы приведем еще более яркое сравнение. В декабре 1913 года разыгрывалось первенство Петербурга, где первый раз в России применялись современные правила поднятия тяжестей. Я тоже принимал участие в этих состязаниях. Победителем в тяжелом весе вышел рижанин Ян Краузе, неоспоримо сильнейший атлет старой России. Состязания в то время разыгрывались в пятиборье. Кроме трех движений двумя руками, принятых теперь, нужно было еще вырвать штангу одной рукой и толкнуть ее другой. В сумме этих пяти движений Краузе сделал 1250 фунтов (511,87 кг. - Ю. В.). Он выжал 230 фунтов (94,18 кг. - Ю. В.) и толкнул 320 (131,04 кг.-Ю. В.). Сумма же Власова в троеборье 553,5 кило-1360 фунтов! Эти цифры являются наглядной иллюстрацией прогресса,

который совершил атлетический спорт - спорт чистой силы - на нашей Родине за 48 лет...".

Мне стало казаться, что конец спорта - моих выступлений - очень далек, не стоит торопить это славное: оставлю спорт - оставлю часть души. Это уже говорило благополучие.

Почта превзошла римскую. Письма, письма - ящики писем! Кто-то, проведав о моей привязанности к старой книге, прислал наиредчайшую - "Русские и Наполеон Бонапарте.... Писано Московским Жителем 1813 года. Москва. В Типографии С. Селивановского". Экземпляром данного издания пользовался Толстой в работе над "Войной и миром". В 1813 году Москва вообще издала чрезвычайно мало книг, а эта сохранилась всего в нескольких экземплярах, и даже не во всех старых библиографиях помянута.

Я не задавался ловить книжные редкости. Выискивал для работы. Работы по документам. Но старая книга не может не вызывать благоговения.

Книгам необходимы ласка, нежность. Книги - живые! А сила! Изводили, шельмовали, память отшибали, а вот: шьют по строчкам правду. Разве не о книгах можно сказать:

Тебе покорной?

Ты сошел с ума

Покорна я одной господней воле.

И господней непокорны...

Что до помет, на экземпляре карамзинского первого издания "Истории государства Российского" уже в гораздо более позднее время приписаны стихи на полях первой страницы. Чьи? Лишь погодя несколько месяцев я определил - Омара Хайяма: "Хочешь знать, существуют ли адские муки? Жить среди недостойных - вот истинный ад!"

Глава 106.

В 1961 году редакция "Советского спорта" и Московское отделение Союза писателей СССР организуют конкурс на лучший короткий спортивный рассказ. Участвовали 500 человек - от профессиональных писателей до школьников. Жюри решило первую премию не присуждать. Вторую

премию получил я.

В 1961 году я уже основательно сотрудничал с "Известиями". Помимо "Известий" мои работы печатали журналы "Физкультура и спорт", "Огонек", "Юность". Окружающие принимали это за прихоть. Я же - за смысл жизни.

Американцы со своей страстью ко всему самому первому, а также и монументальному преувеличению остались верными себе. В "Лайф" появилась публикация о самых знаменитых русских. Меня безоговорочно причислили к ним.

Цветная фотография на полосу. Филипп Холсмэн нарочно прилетал в Москву для съемок. Уже отсняв две-три катушки, он возился у станка, хлопоча над новым кадром. Я сложил руки на груди и о чем-то задумался. Погода я услышал смех - рядом в такой же позе Холсмэн. Я заулыбался. Тут же сработал затвор - это сделала свое дело ассистентка известного фотографа, молодая гречанка - его жена. Так в "Лайф" появился второй снимок.

Этот второй снимок долго не давал покоя Хоффману. В кадр затесалась конструкция станка для жима лежа:

замысловатые схождения труб, перекаладин, узоры сверлений. Хоффман все допрашивал, что это за сооружение, почему прежде не видел. Я понял: он всерьез полагал, 'будто сила взята мной из секретов станков.

И что значит разряд журнала! "Лайф" щеголял первым среди первых. С ним тягался лишь "Тайм". Надо бы-ло увидеть и услышать американцев на чемпионате мира, когда они, загалдев, стали мне наперебой рассказывать о фотографиях и очерке! Реклама!..

"...Последние Олимпийские игры подтвердили: 24-летний Власов - самый сильный человек в мире,- сообщает "Лайф". - Он побил первых в мире атлетов, показав в сумме троеборья 118¼ фунта. Когда-то он считал поднятие тяжестей "невежественным, вульгарным и бессмысленным занятием". Однако его убедили испытать силу в военной академии. И в 1959 году он начал снимать рекорды мира. Этот не особенно мускулистый человек, по профессии авиационный инженер, бегло говорит по-французски..."

Английский журнал "Уорлд спорте" в январском номере 1962 года подвел итоги своего новогоднего конкурса под заголовком "Спортивные звезды 1961 года". Меня снова назвали самым сильным человеком мира.

Для меня же все рекорды имели один смысл - новый уровень будущих тренировок. Прежние методы и приемы уже не могли обеспечить необходимой силой. Я мог лишь скучновато наращивать силу, мусолить силу. Будущие результаты требовали совершенно новой тренировки. Я решительно отказывался ради этих результатов умышленно наедать вес, хотя прибавка в пять - семь килограммов веса приносит ощутимый скачок в результатах.

Мне часто говорили, что я не прибавляю в весе, так сказать, по природному складу. Не будь жесточайших ограничений в питании, мой вес и сейчас, когда мне за пятьдесят, был бы под 130 кг. Физическая работа и ограничения в питании позволяют держать вес в пределах 103 кг. Стоит ослабить контроль, как вес в считанные дни подскакивает на 3-4 кг.

Глава 107.

Всего несколько дней перерыва я позволил себе после чемпионата в Днепропетровске. Сила не терпит неряшливости и снисхождений. Последний год я тренировался вообще без перерывов, даже если прихварывал. Мысль об отпуске представлялась кошмарной. После расходуешь время для наверстывания старой силы, а необходима новая! Соперники не ждут: за эти месяцы, даже месяц, что-нибудь да добудут от новой силы. И только ли в соперниках дело! Непрерывность предполагает сам процесс постижения силы.

В Днепропетровске я не реализовал запас силы в жиме не только из-за возбуждения. Я лишь догадывался, что лучшая форма в жиме не соответствует лучшей форме в рывке. Это сложно - соединить потребные физические состояния для каждого из упражнений в общую форму. Но я не был убежден в противоречиях этих форм, их практике. Ведь для жима нужно развивать силу рук, а для рывка эти мышцы не имеют существенного значения.

Больше того, рывок любит руки, не загрубленные силой,- тогда свободней и стремительней вымах.

Сопоставив все выступления, я и тренер выявили причину сбоев, а выявив, стали искать оптимальный режим. Через год я уже умел соединять в единое целое каждую из лучших форм трех упражнений.

И еще следовало писать. И вообще учиться. Время, время...

Долго непонятным шифром являлись для меня слова Белинского: "Всякое прекрасное явление в жизни должно сделаться жертвою своего достоинства".

А 16 августа 1857 года Лев Николаевич Толстой заносит в дневник: "...хотелось бы все писать огненными чертами".

Огненно метить дни!

Глава 108.

Маэстро Шемански не пожаловал в Вену из-за травмы. В 1961 году он явился инициатором создания независимого от Национальной федерации тяжелой атлетики комитета по развитию в США гиревого спорта. Но что значат благие порывы без капитала? Комитет Шемански исчез бесследно.

Оставив помост, этот замечательный атлет познал нужду и забвение. О том подробно поведал Марк Крэм в одном из номеров "Спорте иллюстриейтед" за 1967 год. "Советский спорт" тогда же перепечатал очерк:

"...Сотни медалей, призов, кубков, поцарапанных и пыльных, заполняют комнату. Бутылка вина, которую он привез из Парижа десять лет назад, стоит на телевизоре. Это вино, как он сам говорит, единственная вещь, которая кажется ему теперь реальной. Медленно передвигая свое гигантское тело по комнате, он приводит в порядок свои трофеи, достает из угла большой красивый кубок, в котором почему-то оказались детские теннисные туфли.

Вечера его сумрачны и спокойны, но каждое утро вновь оживляет в его мыслях сотни забытых лиц и тысячи обид. Они возникают перед ним, так что вся жизнь начинает ему казаться странной и невесомой, как сон.

"Черт побери, я мог бы кое-чего добиться в жизни..."

Как отлучают и сводят счета забвением, я могу представить. Могу представить и что такое несправедливость. И жестокость тоже. Тут бы устоять на ногах.

Что до трофеев, не берег я их. Раздаривал сразу же после чемпионата. Ни одного приза дома нет. Не принимал всерьез...

Глава 109.

Подвел итоги года "Спорт за рубежом" (1962, №3. С. 3-4), автор отчета-Тэнно:

"...В десятках сильнейших штангистов мира 1961 года в семи весовых категориях (тогда категорий было семь.- Ю. В.) подавляющее количество мест принадлежит атлетам Советского Союза - 43 места (из них четыре первых), США-12 (одно первое), Венгрии-пять, Японии - четыре (одно первое), Польши - три (одно первое), Финляндии-два, Великобритании, Ирана, Италии и КНР - по одному месту.

...Ныне нашим штангистам принадлежат 16 мировых достижений (из 28), спортсменам США-четыре, Польши - три, Венгрии и Японии - по два и КНР - один.

...Мощным аккордом прозвучало выступление Юрия Власова на первенстве страны, которым он прочно закрепил за собой титул "сильнейшего из сильных". Власов достиг в троеборье астрономической суммы - 550 кг, установив мировые рекорды в рывке - 163 кг и толчке - 210,5 кг. По-видимому, недалек тот день, когда будет стерт последний след эпохи могущества Пола Эндерсона -его результат в жиме 185,5 кг.

Ветеран Норберт Шемански (США), блеснув в начале года отличной формой (жим 175 кг, рывок 159, толчок 192-на различных соревнованиях), снова получил травму и не сумел собрать воедино эти результаты. Однако он все же отметил свою "вторую молодость" лучшим за многолетнюю спортивную карьеру достижением в троеборье, заняв абсолютное второе место за Власовым.

...Среди американских тяжеловесов, сохранивших за собой четыре места в мировой десятке, наибольшие надежды в США возлагают на девятнадцатилетнего Гэри Губнера. Этот самый молодой атлет в десятке сильнейших уже успел прославиться в легкой атлетике (среди толкателей ядра.- Ю.В.)... Следует напомнить, что в его возрасте никто в истории гиревого спорта не имел в троеборье столь высокого результата (490 кг). Обладающий выдающимися атлетическими и волевыми качествами, Губнер стремительно прогрессирует (за год он прибавил в сумме троеборья 52,5 кг), и есть все основания видеть в нем штангиста с большим будущим..."

В первой шестерке сильнейших атлетов тяжелого веса 1961 года по-прежнему четверо были американцы - Шемански, Брэдфорд, Губнер, Зирк. Медведева сменил Жаботинский. В тот год покинул помост и Брэдфорд.

Большой спорт единственное в своем роде явление, где люди, достигшие мастерства, становятся ненужными. Что для библиотечной службы Брэдфорда вся мощь его мускулов? Всю жизнь собирай заново...

Итак, в 1961 году с конца июня я выступил в семи соревнованиях (из них четырех международных). Установил два рекорда СССР и пять - мира, всего семь высших достижений. Рекорд в толчковом упражнении утяжелил на 8 кг. Для шести месяцев результат внушительный. И без экспериментирования с тренировками было от чего надломиться.

Понадобились еще время и опыт новых ошибок, пока я убедился в чрезмерности подобной соревновательной нагрузки. С конца 1962 года я принципиально изменил отношение к соревнованиям. Частые выступления путают очередность нагрузок, искажают годовой цикл. Рассматривать выступление как рабочую, проверочную нагрузку я считаю ошибкой. В любом случае это физическая и нервная мобилизация. К тому же начинаешь побаиваться больших весов: из-за усталости, точнее, памяти на вес усталых мышц, не выводишь себя из нагрузок, работаешь на усталых мышцах. Такие выступления достаточно изымают сил, нельзя их относить к безобидным прикидкам. Впоследствии я придерживался правила: три-четыре выступления в год, зато с мощной отдачей и рекордными результатами. Лучше - три выступления. Опять неизбежность конфликтов. Я как мог отстаивал право подчинения тренировки назначенному смыслу: идти к самой большой силе, не отвлекаться от работы. Но я был профессионалом, мне платили за выступления. Поэтому от меня и требовали подчинения календарю.

Не хочу навязывать свой взгляд. У каждого атлета высокого класса свой тип тренировки. Важную роль играют особенности нервного склада. Однако объективно присутствуют и общие закономерности поведения организма под нагрузками.

Спортивный век определяется временем, за которое атлет добивается лучших результатов. Принято приводить количество рекордов, установленных атлетом. Можно утяжелять рекорд по наименьшей допустимости - на полкилограмма, а можно на многие килограммы и даже десятки килограммов за одну попытку. Опять - как жить свой век. Есть порыв, невозможность иного поведения, а есть и голый расчет.

В искусственном ограничении силы рекордами своя опасность. Для рекорда атлет так или иначе предельно организует силу, а это физический и нервный износ. Богатство дарования, достойные свершения можно утопить в бестолочи мелких успехов. Помимо прочего, топтание возле одного веса и замедленность продвижения вырабатывают почтение к рекорду, которое не

должно быть у атлета. Так возникает психологический барьер.

Я не бравировал силой. Разом оседлав предельный вес, обрезал для себя все пути доения рекордов. Поневоле я начинал собирать новую силу, примеряться к новым рубежам, а эта новая сила и пути к ней всегда существуют. Что более приложимо к определению возможностей научно организованной тренировки, чем замечание французского ученого Жана-Анри Фабра: "Область инстинкта - точка, область разума - вся вселенная". Вся природа, все бесконечное сочетание приемов, бесконечность познания вообще - в распоряжении пытливого и настойчивого ума.

Современные Олимпийские игры, история спорта и рекордных достижений - лишь пролог к борьбе за постижение природы организма, а большой спорт из того же постижения. Он как бы осуществляет физическое посредничество между природой и человеком. Причем посредничество на высочайшем уровне. За суетой рекордов, побед, газетных славословий и всяческих почитаний кроется этот смысл. Каковы бы ни были практические истоки, побудительные причины движения результатов, они вскрывают физическую и духовную сущности человека.

Большой спорт - одна из форм познания. Какие угодно причины могут приводить в большой спорт: любовь, мужество, преданность силе, испытаниям, честолюбие, корысть. Однако объективно все это будет оборачиваться не чем иным, как познанием. Большое, малое, но познание. И этот процесс необратим.

Рекордсменство, вызывая порой раздражение в обществе, само того не желая, обогащает то же общество. Знание о силе есть прежде всего знание о человеке. И уже не только о его силе, а вообще о нем. И эти знания так или иначе становятся достоянием всех, не любопытством строк, а практикой поведения, культурой управления организмом, новой красотой человека, одной из форм его мышления.

Большой спорт не только искусство, как модно сейчас писать. И, я бы сказал, не столько искусство с его приверженностью к прекрасному и совершенному. Обобщать характеристику большого спорта означает исследовать экономическую, общественную и нравственную эволюции общества. Меньше всего взрыв интереса к спорту связан с прогрессом радио и телевидения, доступностью зрелищ. Не даст ответ и объяснение желанием порадоваться, отойти от забот. Существует сложная совокупность объяснения. Коренным образом заблуждается и тот, кто относит громадный прогресс спорта к явлению искусственному. Большой спорт вызван к жизни и никогда не оставит людей. Это в природе самого развития человечества. И это, повторяю, одна из форм его мышления.

В ту пору жил я по Герцену: "Порой забываешься и говоришь свободное слово. Оглянешься, а на тебя смотрят с укором". Если бы только с укором...

Я бы никогда не стал тем атлетом, которым меня узнал мир, без благородных и богатых традиций русской силы. Сколько помню себя, любил силу, но одно это чувство не выработало бы из меня классного спортсмена.

Русская школа тяжелой атлетики сформировалась во второй половине XIX столетия. Кстати, в России задолго до революции уже издавалось несколько спортивных журналов. Поколения атлетов по крупице добывали драгоценный опыт. Эти знания о тренировке постепенно складывались в строгие методические приемы. Талант русских самородков и это знание явились причиной выдвижения отечественной тяжелой атлетики на ведущее место в мире. Мир знал и уважал наших атлетов.

В 30-е и 40-е годы тяжелая атлетика в Советском Союзе переживает качественно новый подъем. Следствием его оказался необыкновенный рост достижений советских атлетов. Стремительно это прохождение - от первой, и единственной, победы могучего Григория Новака на чемпионате мира 1946 года в Париже до нашего бесспорного лидерства в мировой тяжелой атлетике со второй половины 50-х годов. Мы являемся единственной страной, в которой счет рекордсменам и чемпионам мира уже можно вести на сотни!

Силой и умением побеждать наделяли меня тренировки с такими прославленными атлетами, как Трофим Ломакин, Владимир Стогов, Александр Курынов, Рудольф Плюкфельдер. Каждый из них был замечателен и самобытен в постижении истинно выдающейся силы.

Да, в каждом человеке есть материал для того, чтобы воспитать в себе силу. В сильном же от природы человеке есть задатки того, чтобы стать самым сильным, если это его манит. Но воля определяет силу. Единственный непреложный талант, без которого беспомощна и сила, - это воля, воля, освещенная разумом.

Почему даже к благу людей нельзя идти, а надо прорываться, теряя силу, близких?..

Я оглядывался: странная революция - царя нет, а вот как бы рабов... очень много. Работа в моем сознании на эту тему не прекращалась ни на один день. Вокруг споры о Сталине. Ведь те годы - это часть правды о нашем прошлом. Хрущев приоткрыл ее народу.

"Ничего особенного Сталин не совершил,- постепенно наполнялся я выводами.- Он обратился к привычной практике революций - террору, то есть диктатуре, но разве не она, диктатура пролетариата,- главное в учении о революции? Именно террор помог удержать власть после Октября 1917 года. Только Сталин распространил этот самый террор во все стороны без ограничений. Но это тотальное насилие вовсе не его изобретение.

Результат (тоже как рекорд)-уродливейшая экономика, миллионные жертвы, разгромленное крестьянство, почти стертая с лица жизни русская интеллигенция, а с ней и русская культура (не казенная)... Созданный государственный механизм окостенел и обюрократился в считанные годы. Уродливый нарост на теле экономики - бюрократия. Ни одно дело - без нее, и каждое дело - безразлично ей.

Догматизм устройства жизни лишил разум простора и самостоятельности. Идеи и мысли могли существовать только в строго заданном замкнутом пространстве. Это делало людей послушными и легкоуправляемыми. Блаженны нищие духом..."

В самые горячие спортивные годы я писал, не забывая о главной книге - о революции. Я жадно собирал материал - жизнь щедро наделяла им. И сколько же читал!..

Понять, понять!..

Чемпионат четвёртый (1962)

Глава 110.

Пол Эндерсон обладал чрезвычайно большим собственным весом - свыше 160 кг. Это давало возможность вести тренировки с высокой интенсивностью. Его тренировки поразительно длительны; часто он тренировался весь день с перерывами. Работал Пол преимущественно на больших весах, тогда как в те годы атлеты набирали силу и шлифовали "технику" в основном на средних. Пробы больших весов (на 10-15 кг ниже предела в упражнениях классического троеборья) производились редко, чаще всего недели за две до соревнований. Однако основное завышение веса у Эндерсона наблюдалось во вспомогательных силовых упражнениях: тягах,

приседаниях и других специально-подготовительных упражнениях ("подсобках"). Здесь, опровергая все привычные представления, Пол работал на весах, перекрывающих его высшие достижения в жиме, рывке, толчке на многие десятки, а то и сотни килограммов. В те годы желательным превышением высших личных достижений каждого атлета (в жиме, рывке, толчке) считались 10-15 кг.

Поясню эту мысль. Если я, положим, имел в толчковом упражнении личный рекорд в 200 кг, то приседания и тягу толчковую отработывал на 220-225 кг. Подобный взгляд являлся общепринятым для 30-х, 50-х и начала 60-х годов.

Именно в те годы складываются определенные методические приемы набора силы. Тренировку, как правило, вели на средних и малых весах.

Этой, технической стороне тогда отдавалось очень много времени: до шестидесяти - семидесяти процентов каждой тренировки.

Упражнения доводят не только до автоматизма, но и доподлинного технического блеска; их заучивают по элементам (фазы подрыва, ухода в "разножку" - одна нога резко идет вперед на сгиб в колене, другая отбрасывается назад прямой - получаются как бы "ножницы", поэтому данный стиль называют еще "ножницами"); отшлифовываются положения старта, локтей, ног, плавность отрыва с последующим взрывом усилия. И лишь в конце тренировки незначительное время отводится вспомогательными силовым упражнениям: различным тягам, приседаниям, взятию штанги на грудь малым подседом и т.д.

После выполнения нормы мастера спорта в начале 1957 года я повел свои тренировки в ЦСК.А. Там преобладала типичная для того времени школа Божко - в ту пору главного тренера Советской Армии по тяжелой атлетике, в недавнем прошлом отличного атлета.

Эта школа основу роста результатов видела в работе над "техникой". Бесконечно отработывались одни и те же элементы упражнений классического троеборья. Нарращиванию силы отдавали строго ограниченное и до смешного малое время.

Поэтому нас и били тогда американцы во главе с Хоффманом. Объем их силовой работы значительно превышал наш.

Конечно, у нас существовали и другие школы, точнее - методики тренировки. Случалось, что атлеты нащупывали пути набора результатов самостоятельно, - к примеру, Стогов. Они опытным путем определяли свои физические возможности и посильно нагружали свой организм, опираясь на

природное чутье. По существу, их тренировочный опыт сводился к хорошему знанию одного лишь своего организма. В применении к любым другим спортсменам их опыт оказывался малоэффективным.

Словом, к концу 50-х годов (кануну революции в результатах) тренировка еще опиралась на опыт старой тренировки. Время осознания ее как научно организованного процесса было еще впереди.

Вряд ли Эндерсон специально обдумывал новые приемы тренировки. Скорее всего, их диктовала необходимость. Он связывал свое будущее с профессиональным спортом, и не просто выступлениями, а достижениями абсолютных рекордов силы. Кстати, один из них до сих пор стоит незыблемо - отрыв от стоек плечами 2844 кг!

Такая задача требовала от Эндерсона подготовки в приседаниях и тягах, да и в жиме тоже, на весах, соизмеримых с несколькими сотнями килограммов. Эту подготовку он повел, еще будучи атлетом-любителем, в 1955- 1956 годы. Однако в любительском спорте его сила не могла реализоваться с достаточной действенностью. Очень тучный и малоподвижный, он не мог похвастать гибкостью. Его плечевые суставы не способны были выполнять замыкание, скажем, в рывке. В рывке он снимал вес, складывался в подрыв, выхватывал штангу на прямые руки, будучи скованным, напряженным, то есть, как выражаются атлеты, работал на силу. Это предопределили его неудачи как в рывке, так и в толчке при взятии штанги на грудь, но особенно - в рывке. Уже отрывая от стоек плечами около двух тонн, приседая по несколько раз с весами в 300 кг, он не мог вырвать штангу весом более чем в 150 кг. И в толчковом упражнении взять вес на грудь было для него трудной задачей, и вовсе не из-за недостатка силы. Ее хватало с избытком. Но он не успевал уйти в сед и подвернуть локти. Недостаток скоростных качеств, неизбежный при таком собственном весе и такой силовой работе, губил толчок. Если же он захватывал вес на грудь, то вставал очень легко: приседание - одно из самых его любимых упражнений. А вот послать вес на вытянутые руки ему было сложновато. Руки, загруженные огромным мышечным массивом, не имели полного включения в локтевых суставах. В результате штангу Эндерсон держал как бы "на крючках". Из-за отсутствия должной скоростной реакции и гибкости, разработанности суставов, чувства равновесия он имел практически одинаковые результаты в толчке и жиме, хотя они должны различаться килограммов на двадцать - тридцать.

Вся тренировка Эндерсона была направлена на выработку огромной силы спины и ног и предназначалась для спокойного, затяжного отрыва тяжестей от пола по простейшей траектории, в подавляющем большинстве случаев - по отрезку прямой. И в самом деле, для отрыва 2844 кг от стоек техническая

подготовка не нужна. Все решала голая сила. Этот результат был достигнут 12 июня 1957 года и, как я уже писал, до сих пор является абсолютным рекордом человеческой силы.

Так или иначе, но тренировки Эндерсона обратили на себя внимание. Во всяком случае, для меня они послужили толчком для решительного пересмотра основных принципов тренировки. В этом не было ничего удивительного. Ведь Эндерсон носил титул "самый сильный человек в мире". Рекорды, установленные им в те годы, потрясли воображение: жим-182,5 кг, толчок-196,5, сумма троеборья-512,5 и неофициальная-533 кг. Эти рекорды казались недостижимыми. Самые лучшие атлеты казались едва ли не жалкими в сравнении с Эндерсоном. Его авторитет был велик и непререкаем.

Но еще до рекордов Эндерсона я пришел к убеждению, что работа над "техникой" не оставляет ни сил, ни времени для самого главного - наращивания мышечной мощи.

Пример Эндерсона позволил разом покончить не только с этим, но и со многими другими предрассудками тренировки. Приложение его опыта к тренировкам классического троеборья навело меня на важные выводы.

Эндерсон почти не отработывал технику упражнений, профессиональному атлету это не нужно. У нас же бесконечная шлифовка технических элементов упражнений съедала половину тренировочного времени, если не больше. Того самого времени, которого так недостает для наращивания силы! Мы бесконечно долбим рывок и толчок, упуская самое главное - освоение силы. Надо сократить работу над "техникой", а высвобожденное время отдать поиску силы (ведь мы не могли тогда обратиться к химическим препаратам, их в ту пору просто не существовало, а если кое-какие и появлялись, еще никому в голову не приходило пускать их в работу).

Впоследствии меня упрекали за недостаточное совершенство рывка и толчка. Об этом писали и говорили Куиенко, Божко и другие. Конечно, урон "технике" таким сокращением (я бы сказал, революционным) времени работы над ней наносился, но этот урон возмещался могучим приливом силы.

Таким образом, сбереженное время преобразовывалось в силу. Эта сила с лихвой перекрывала все потери результатов из-за определенных погрешностей в "технике". Впрочем, она была вполне мастерская, может быть, не столь прозрачная. Да и потери из-за нее не были столь значительны, исключая разве посыл с груди в толчке, но тут сохранялся неосознанный страх перед болью - новой травмой позвоночника, так что в

известном смысле "техника" оказывалась ни при чем.

В будущем я совсем отказался от работы над рывком и толчком в главные тренировочные месяцы. Все добытое время я обратил на специальные силовые упражнения.

Однако я должен был решить еще одну задачу.

Если тренировать силу по многим мышцам, а они нужны практически все, - не хватит жизни. Мы работали в тягах с плитов, приседаниях в "ножницах", в различных швунгах, в рывке от колен, в посылках веса из-за головы и во многих других упражнениях, не считая основных вспомогательных - приседаний и тяг.

Постепенно стало ясно, что надо отказываться от множества упражнений, свести тренировки к тем, которые определяют силу: приседаниям, тягам (рывковой и толчковой), рывку малым подседом (в стойку) и трем подсобным жимам (широким хватом, из-за головы и лежа под углом в сорок пять градусов). В общем, семь этих упражнений обрабатывали главные мышцы. За силу я мог не беспокоиться. По всем самым ответственным направлениям ее я должен был выстоять.

В таких тренировках (на "подсобке") я старался освоить новые веса: именно они поднимают силу-ту, которая пойдет на прирост результата в "классике" (жиме, рывке, толчке). Отказ от всех "мусорных" упражнений явился подлинным открытием. Кажущийся риск сразу же окупился значительным прибавлением силы. Погружение в "подсобки" на главном этапе подготовки, то есть почти совершенный отказ от рывка и толчка на целых три-четыре месяца, требовало, в свою очередь, и полной перемены отношения к соревнованиям. Ведь в этот силовой, подготовительный период я был совершенно растренирован в темповых упражнениях. Поневоле, пусть на время, я утрачивал скоростные качества. Мышцы из-за перегруженности теряли чуткость.

Все это оборачивалось бы срывами, выступай я, как этого требовал календарь, - в нем значилась целая роспись обязательных соревнований. Мне советовали не вступать в конфликт со спортивным руководством и подчиняться календарю, давая зачеты всем заинтересованным "инстанциям", но давая эти зачеты малыми результатами, не изнуря себя, не ломая график тренировок.

Но это был не выход.

Во-первых, малые веса как бы усыпляют волю, ты теряешь бойцовские

качества.

Во-вторых, загруженные мышцы искажают представления о весе. Небольшой, он оседает в памяти значительно большей тяжестью, чем является на самом деле. Это неизбежно переносится на настоящие тяжести, которых поневоле начинаешь опасаться.

В-третьих, титул "самый сильный в мире" и отношение публики не позволяют работать на малых весах.

И, наконец, в-четвертых, из-за перегруженности мышц, без отдыха и подготовки включенных в соревнования, возможны срывы и нулевые оценки.

Словом, я решительно восстал против официального календаря.

Учитывая последовательность и жесткую связанность циклов тренировки (нарушение хотя бы одного цикла сразу же приводило в беспорядок всю годовую работу, отбрасывая меня едва ли не на исходные позиции), я мог выступать два-три раза в год, не чаще. Это привело к обидным столкновениям с руководством и злобным поношениям. Я так устроен: несправедливое, ядовитое слово застрекает во мне и надолго лишает душевного покоя. А в то время я был молод, постоянно взведен изнурением тренировок и напряжением рекордных проб, и боль обид особенно мучительно разъедала душу. Я был огромен и могуч, но чрезвычайно уязвим для любой злобы, может быть, потому, что никогда не понимал радости зла. Нет, рассудком я признавал природу зла, а вот сердцем - отказывался, и поэтому для меня оно всегда было мучительно...

В предсоревновательный период энергия и воля тренировок переключались на темповые упражнения при неукоснительном сокращении объема силовой работы. Следовало не только оживить все технические навыки, но освоить новые тренировочные веса в рывке и толчке, то есть реализовать силу, набранную во вспомогательных упражнениях, как правило, чрезвычайно мощных. В эту пору происходит освобождение мышц от загнанности, отупления, скованности. Утомление растворяется, отступает; мышца преобразуется. Она начинает как бы лучше слышать, обретает чуткость, и чем основательней погружаешься в предсоревновательный период, тем более возрастают чуткость и взрывная сила мышцы. Это очень тонкий и волнующий процесс. Сила претворяется в новые результаты.

После такого пересмотра принципов набора силы тренировка стала круто отличаться от общепринятой. Но на этом ее изменение не прекратилось.

Уровень методического мышления 30-х годов, и вплоть до начала 60-х, не шел дальше "линейного" представления тренировки. Нагрузочные объемы от тренировки к тренировке разнились незначительно. В этом скрывался еще один резерв силы. Монотонные нагрузки недействительно преобразуют мышечную ткань. Организм быстро к ним приспосабливается и уже отзывается весьма скромным прибавлением силы.

Значит, если воздействовать на мышцу (организм) переменными объемами нагрузок, ставя ее всякий раз в необычные условия, можно ожидать более энергичного прироста силы. Так и случилось, когда мы с Богдасаровым постепенно переключились на работу с резко выраженной разностью объемов и интенсивностью.

Сейчас легко говорить и писать, а тогда это была крошечная тьма, в которой мы продвигались на ощупь. Сейчас все это - очевидные вещи, даже примитивные. А с какой же болью давался тогда каждый шаг!..

Именно в те годы (1958-1960) родился математический и графический учет нагрузок. Впервые в своей строгой, уже определенной форме он появился на наших тренировках. Его вызвала практическая потребность, а не просто учет работы для памяти.

Но и это было еще не все.

И в самом деле, а если попробовать подвергать организм ударным нагрузкам, ставя в критические положения, едва ли не на грань болезни?..

Такие нагрузки были решительно опробованы в 1961-1963 годах и принесли новый, по тем временам исключительный, всплеск результатов.

Ударной (сверхобъемной) тренировкой (при возможно высокой интенсивности) потрясти организм, вызвать сверхэнергичные приспособительные процессы, а стало быть, выгрести новую силу - вот задача, которую мы стремились решить. Освоение этой методики требовало определения множества величин: точных знаний объемов нагрузок, допустимой интенсивности, времени восстановления и т. д. Порок данной тренировки - необходимость определения этих величин через... перетренировку. Только так можно было узнать, что можно, что нельзя, ибо ни один учебник мира не содержал этих данных. Все предстояло прочесть впервые. Иначе говоря, требовались жестокость насилия над собой, определенное саморазрушение без всяких гарантий будущего, то есть успеха. Выражаясь образно, это был как бы мед на бритве.

Эксперимент обеспечил данные о таких ударных (пиковых) нагрузках. Я

восстанавливался от каждой из них через одиннадцать - тринадцать дней.

Тут же сама по себе встала новая задача, чрезвычайно увлекательная: а если стараться сблизить пики нагрузок? Опять все пробовать на себе.

Самые мучительные тренировки в моей жизни привели в итоге к тяжкому нервному истощению, результаты которого я нес в себе очень долго. И все же это была упоительная игра. Я, казалось, проник в кладовую силы и мог черпать ее в неограниченном количестве. Мог, но препятствиями оказались нервная система, сумма всех ошибок (перетренировок) с их болезненными последствиями, мучительным восстановлением, потрясениями организма. Всего этого было слишком много для одного человека.

Итак, эксперимент привел к еще более быстрому росту силы, но сопровождался серией срывов - перетренировок, очень глубоких и болезненных. Иначе быть не могло. Все приходилось искать и пробовать на себе. Организм лихорадило от всех этих испытаний. Особенно когда мы стали пробовать запредельные нагрузки, то есть те, которые заведомо превышали восстановительные способности организма. По нашему разумению, они должны были обернуться особенно мощным накоплением силы.

Это был единственный путь познания, другой не существовал.

Богдасаров относился сдержанно к ударным нагрузкам, справедливо полагая, что они не только изнашивают, но и, разрушая, сокращают жизнь.

Но я меньше всего думал о будущем.

Цель представлялась высшей ценностью. Я выдам результат - и прорвусь в будущее, то самое будущее, где меня ждет литература. И я прорвусь к ней, чего бы мне это ни стоило!

Надо спешить, после Олимпийских игр в Токио (1964) я оборву спорт в любом случае.

Литература - это же безбрежное пространство, оно дразнило, манило. Она лишена ограниченности и узости смысла спорта. Я пойду к высшей цели - напишу книги, которые будоражат мое воображение, напишу свою главную книгу - о судьбе, об истории России (материал для этого я собираю уже давно, почти тридцать лет).

Подступы к этим книгам и той главной - рассказы, которые я сейчас печатаю, это - школа и дисциплина художественного мышления и слова. И

цена достижения этой цели тоже не имеет значения. Сейчас надо спешить в спорте. Подкладывать под это движение все дни и часы. Не щадить время, превратить себя в цель, стать нечувствительным ко всему, кроме продвижения к цели.

Литература, та, которой я предан, не должна ждать. Мне пора распрямляться и в той жесткости и боли, которые составляют ее суть. Пусть я загнан, пусть чистый, спокойный свет для меня редкая радость, но еще немного - и я все сброшу с плеч и погружусь в свой мир, мир, который я люблю, которому предан и который никогда не изменит мне.

Спорт может изменить, когда станет убывать сила, когда обступят годы, но литература - никогда. До последнего дыхания слово подвластно тебе.

Да, да, литература - это главное, все прочее - тлен и суета. Литература - оправдание моей жизни. Ничто, никакие потери не могут остановить меня, каким бы безграничным, сурово-безграничным, ни было бы постижение ее. А что станет со мной, с той физической оболочкой, которая составляет мое "я", не имеет значения, не может иметь значения: лишь бы дотянуться до цели.

Да, да, все прочее не имеет смысла и цены, главное - постижение цели. Мое физическое "я" - лишь средство на этом пути, оно не может иметь значения...

Я не знал тогда работ Джона Рёскина и его знаменитого выражения: "Истинная вера человека должна быть направлена не на то, чтобы доставить ему покой, а чтобы дать ему силы на труд".

Нет, не на труд, а на присягу идеалам, мечтам, благородству цели, которые и назначают этот труд. И уже не человек, а они управляют событиями, всеми шагами человека...

Я много раздумывал и над этой материей - популярность, психоз известности. И лишь много позже осознал, что существует популярность, основанная... на невежестве...

Нет, в том, что я не вечный, я убедился очень скоро, даже чересчур скоро.

Разяще жесткой явилась эта плата. Что ж, я сам определил ее себе. Только прийти бы...

Овладение основными параметрами тренировки позволило впервые в истории тяжелой атлетики обратиться к расчетам. Мы могли с достаточной

точностью строить нагрузки на год, месяц, неделю вперед. Нагрузки определялись циклом - не имело значения, неделя это или месяц. Единицей измерения являлось время, потребное для восстановления от тренировки к тренировке. Впрочем, это не совсем точно. Ведь мы слишком часто не восстанавливались к следующей тренировке, сознательно насаивая усталость (это в пробах тех самых, экстремальных приемов тренировки). Поэтому единицей измерения служило время, определяющее допустимый минимум отдыха между тренировками.

Закон наращивания силы диктовал условия. Мы лишь старались уловить их. На миг вдруг проглядывали какие-то закономерности силы, сцепления этих закономерностей, все же остальное время тренировки оказалось пробой неизвестного.

Совсем не использованные возможности для увеличения силы таились в обращении к общефизической подготовке. Разработка гибкости, повышение тренированности сердечно-сосудистой системы, обогащение координационных навыков - вот направления, по которым дополнительно развивается тренировка с начала 1961 года. Такая доля общефизических упражнений явилась совершенно новой и оказалась возможной лишь с осознанием необходимости периодизации тренировки.

Это осознание периодизации тренировки и роли общефизической подготовки привнес Лев Павлович Матвеев.

Следующим важным источником силы оказались тренировки с переменными объемами и интенсивностью, при стремлении повышать не только объем тренировки, но прежде всего - интенсивность.

Это наиболее сложные и трудные тренировки. Для успешного ведения их необходимы тщательный учет нагрузок всех упражнений и наглядное графическое представление циклов тренировок. Зато это подлинный клад силы!

Именно в то время становится возможным управление выходом силы. Понимание этапности тренировок (периодизации) открывает возможность планировать высшую силу и к строго определенным срокам. Подбор объемов и интенсивности нагрузок, владение расчетом этих величин позволяют собирать высшую силу к определенным дням.

Это устранило срывы на соревнованиях и небывало продвинуло результаты. То был последний из пробных этапов моих тренировок. Его прервал уход из спорта.

Было бы нелепостью утверждать, что все это было открыто лишь с моими тренировками. Многие атлеты пробовали тренировки с различными нагрузками и привлекали общефизические упражнения, но все это - без осознания единства тренировочного процесса, его этапности, содержания этих этапов, роли и значения объемов и интенсивности нагрузок.

Нечего и говорить, что данные принципы, не являясь догматическими, незаметно становились достоянием всех. Уже к середине 60-х годов тренировка сборной команды не имеет ничего общего с той школой, которая еще несколько лет назад господствовала в тяжелой атлетике.

Именно в те годы свою школу создает Рудольф Плюкфельдер. Еще в пору своих активных выступлений он становится знаменитым тренером, воспитателем прославленных атлетов, автором самостоятельных и оригинальных приемов тренировки. В отечественной тяжелой атлетике ему нет равных по количеству подготовленных мастеров спорта, чемпионов страны, мира и Олимпийских игр. Знания его и опыт поистине уникальны.

Новые методические приемы становятся достоянием атлетов Польши, Венгрии, Японии...

Конечно, со временем знания о тренировке необозримо возросли, но то были первые шаги. И тогда такие знания уже давали определенные и весьма существенные преимущества.

Это был наш уровень осознания тренировки, сейчас кажущийся наивным, кое в чем и ошибочным.

Трагедией спорта оказалось приложение к тренировкам так называемых восстановителей силы (медицинских препаратов).

При употреблении этих гормональных препаратов по многу лет - в дозах, катастрофически превышающих терапевтические, - восстановительные возможности организма, а вместе с ними и сила, изменяются чрезвычайно. Организм все время находится под мощным непрерывным воздействием препаратов. Их действия таковы, что ненужными становятся не только знания тренировок, но даже природная одаренность.

Для атлетов сверхтяжелого веса теперь прежде всего имеет значение собственный вес. Этот прирост мышечной ткани и собственного веса, уже далеко не всегда мышечного, обеспечивают различного рода препараты, "химия", как говорят атлеты. И уже не знания природы силы, не опыт, а умение подобрать химические препараты определяет успех в тренировках. Тренер-педагог в значительной степени вырождается в тренера-

фармаколога. Происходит разрушение знаний, накопленных тяжелой атлетикой, по всем направлениям. Торжествуют подлог силы и имеющие мало общего с истинной природой силы знания. Уже не природная одаренность и мужество определяют преимущество атлета, а обладание более совершенным ("плодовитым") и наиболее неуловимым для контроля химическим препаратом.

Справедливость силы...

Применение химических препаратов сделало несопоставимыми две эпохи силы: допрепаратную и послепрепаратную. Рубеж между ними пролегал где-то по 1968 году. Нелепо сравнивать результаты этих двух эпох силы. Они несопоставимы - и эпохи, и сила этих эпох.

В книге рекордов Гиннеса приводится диаграмма роста рекордов в тяжелой атлетике за всю ее историю. Если не принимать во внимание взрыв результатов с конца 60-х - начала 70-х годов, вызванных тотальным обращением к химическим препаратам, самый внушительный взлет рекордов приходится на 1960-1964 годы - время моих рекордов и рекордов моих товарищей. И это убедительно доказывает правоту нашего времени, нашего пути освоения природы силы.

Препараты, победы (победитель всегда прав, успех не пахнет), выгоды, блага, молчание вокруг неправды...

Но любовь, страсть - выше благоразумия, расчета, выгоды и даже славы. Это великое, огненное чувство. И я верю, что все же оно, и только оно, в основе всех свершений в спорте.

Глава 111.

Забавен жаргон атлетов.

Мой первый тренер широчайшую мышцу спины называл "крылышками". И это очень точно. Слева и справа от плеч она наискосок опускается к пояснице, будто сложенные крылья.

Другие атлеты называют эти мышцы "боковиками".

Эти "крылышки" ("боковики") особенно крупными были у Саши Курынова, а он ведь совершенно не занимался культуризмом. Это были природой данные могучие напластования трепетных мышц.

Шею атлеты, особенно борцы, называют "хоботом".

Мышцы не тренируют, а "качают". Если мышцы особенно развиты, говорят: "Раскочегарил лапы". Рекорд никогда не бьют, а только "снимают". Мускулы называют только мышцами. И классические упражнения, к примеру, не тренируют, а "салятся на классику". И мышцы не утомил, а всегда только - "забил". И позвоночник не болит, а "закусило спину". И вес не вырвал, не вытолкнул, а "заправил". И на штанге не 250 кг, а "полтинничек", и не 220, а "двадцатничек", названия сотен килограммов всегда опускаются. И не пойду в зал на тренировку, а "поработаю", "покачаюсь". И не болезненная усталость переутомленных мышц, а "крепатура".

И сколько же таких выражений, точных, острых и почти всегда - ласково-насмешливых!

Глава 112.

Не спешить... Если бы все зависело от нас. Расчетливо, неторопливо выгребать силу, добывать, не подчиняясь необходимым условиям выступлений для зачета, указаниям календаря. Если бы...

Так трудно, почти невозможно было получить право самому определять, какие соревнования тебе необходимы.

Из-за этого проклятого календаря я не смел растренировываться в темповых упражнениях - работа совершенно лишняя в черновой этап тренировок, когда валишь силу, добываешь ее в тяжком труде на "подсобках".

При наборе силы атлет должен быть свободен, не опасаться за скованность и потерю скоростной реакции - первые и неизменные спутники массивированных нагрузок. В такую работу разумно впрягаться надолго - я мечтал о нескольких годах. Я бы подчинил тренировки заданным режимам, вызывая к жизни все новую и новую силу, выкраивая ее из дней, месяцев работы, преобразуя мышцы, перетряхивая всю "природу организма", взводя его на все новые, более мощные энергетические обороты.

А вся мелочь обязательных зачетных соревнований требовала вывода из таких нагрузок, нарушения всего хода, всей естественности роста силы. И в самом деле, если соревнования, то это обязательно - месяц на сброс нагрузок, недели - на предстартовые полунагрузки, после соревнований -

приводи себя в порядок - это же огромные куски времени! А ненужный нервный расход в работе перед зрителями?!

Но разве беда только в этом?

Все, что я любил, чему служил и отдавался самозабвенно, не считаясь с усталостью, срывами, болезнями, все это оказывалось смятым, ощипанным и обобраным. Тренировочный процесс, нарушенный из-за переключения на соревнования, требует повторения - повторения почти сначала, едва ли не с исходных позиций. Да и у самого этого черного, главного для силы процесса из-за обязательности будущего выступления (а их много, они часты) - уступчивый, половинчатый характер. А ведь что за соревнования? Большинство единственно ради казенного зачета. Вот и уродуются циклы тренировок, укорачиваются, форсируются, а все это бременем - лишним бременем - ложится на организм, и без того поставленный в работу на бешеных оборотах.

Может быть, я не прав и соревнования нужны не только для казенного зачета, хотя явно достаточно таких. И, само собой, суть всего спорта не во мне, и не для меня одного создавался спорт, но отречься от мечты я не мог. Боксер Пэт Глэндон, герой повести Джека Лондона "Первобытный зверь", вытренированный без временных, субъективных натяжечных приемов, мерещился мне всю спортивную жизнь. Эх, если бы эту выдумку измерить плотью дней! Не спешить с выходом на большой ринг, помост, ковер, стадион! Найти бы такого тренера, такую душу, помешанную на мечте, черствую к выгодам, соблазнам славы,- какие чудеса можно сотворить! Я видел эти чудеса, слышал запах, шелест - вот они, эти дни, вот доподлинность этих дней!.. А дотянуться не мог.

Поздно. Я отмахал чересчур много... по ухабам тренировок, ошибкам, вечной гонке за результатом... Да и кто станет корить, коли не профессионал?..

На большом помосте мы уже не принадлежим себе. Дурно выступать я не смел. И выход напрашивался: не считаться с усталостью, пренебрегать здоровьем, работать, вздыбливая себя против всех зол и неудач...

Конечно, это путь износа. Но согласиться на другие условия я тоже не мог, а они всегда есть: тащиться, наскребывать победные результаты, довольствоваться отпущенным. Вот этим искусством я не владел - довольствоваться отпущенным,- значит, быть в холуях у случая, усталости, благоразумия сытостей, значит - смирение?..

Трудности не остановят тех, у кого талант - отрицать смирение. Такой

человек везде и всюду будет стремиться к опрокидыванию "непреодолимостей" и всего того, что вяжет движение, во всем многообразии понимания движения. Всегда есть одержимые. Одержимые?.. Но в спорте прошла пора просто сильных и просто мужественных. Силу необходимо добывать в тяжком труде, мужество - воспитывать и прикладывать к будням работы. Лишь такой труд и наделит достойной силой, и приручит победы. Нужны годы прилежного ученичества... и святая уверенность, что ты прав, ты на пути к успеху, ты выберешься...

В природе спорта противодействие любым попыткам превзойти тебя. Без этого чувства нет и спорта. Ведь спорт - это соревнование. Большой спорт - все неизмеримо обостреннее. Важно не свалиться в болезненность чувств, а этому, надо признаться, весьма потворствует усталость. Ведь спортивная гонка не признает остановок. Остановиться - значит терять преимущество.

Поэтому не возраст определяет спортивный век, а время начала серьезных тренировок. Можно выхолоститься к двадцати пяти годам, если включиться в большую игру подростком. Можно и к сорока годам износиться, как в обычной жизни - к семидесяти. Не присуждали бы иначе спортсменам высшие ордена: труд их необычен.

Надо очень любить спорт, чтобы все это не замечать, принимать должным.

Мы подбирали ключ к новым тренировкам. Надолго ли?.. Даже ближайшие тренировки им уже нельзя было отпереть...

Я мечтал о несбыточном - выступать тогда, когда созрела новая сила. Тогда сериями выступлений застолбить ее выражение. И снова в путь! Снова в тренировки, в поиски силы, в ошибки и находки!..

Счастливы ищущие!

Глава 113.

Без отдыха - в новые тренировки: не просыхали майки, лопались старые мозоли, грудь и шею метили ссадины, синяки... Январь, февраль, март, апрель... я вложил в себя такие килограммы, что лишь отчасти переварил их ко второй половине 1963 года.

Тяжелая атлетика требует совокупности развитых мышц. В рывке и толчке участвуют практически все соединения мышц. Поэтому тренировка столь объемна и подробна. Необходимо обрабатывать главные мышцы, не говоря

о мышцах вообще, а на это недостает ни времени, ни энергии. Тогда и возникает вопрос об искусстве тренировки. Следует знать, как воздействовать на мышцу, дабы получить наибольшее прибавление в силе, быть сведущим не только в упражнениях, но и в числе этих упражнений в тренировке, а также в числе повторений каждого упражнения. И еще очень много "ведать" из того, что сводится к нехитрым тренировочным истинам. Вещи на первый взгляд простоватые, но за ними сложная наука опыта, не просто голый опыт. И тренерский опыт далеко не всегда может помочь. К тому же тренировка непосредственно зависит и от типа нервной системы. У всех все по-своему.

Сейчас все понимают, насколько сложен и труден этот материал - большой спорт, а в 1963 году при редактировании моего первого сборника рассказов Л. А. Кассиль говорил: "Знаете, что вам скажут: "Выдумываете!.. Вокруг ничего похожего нет!""

Я тренировался так, будто намеревался оставаться в большом спорте добрую четверть века. И поныне не могу дать вразумительный ответ, зачем вел те тренировки. Даже для результата в 600 кг они являлись чрезмерными. Однако я не сомневался в правоте. Но почему? Ведь через несколько лет я собирался уйти. Зачем тогда подобные нагрузки? Сила от них предназначалась далекому будущему, а я его исключал для себя в спорте.

Возможно, все проще. Ведь выигрывает прежде всего тот, кто умеет отдавать. Я не умел это делать расчетливо, копеечно.

Мой мир! Мой!..

Глава 114.

Не следует фетишизировать физическую гигиену как средство сохранения здоровья. Она бесполезна без гигиены психической. Все, что мешает выражению, исходу сильных природных и высших моральных, глубоко внутренних побуждений, приводит к заболеваниям, расстройствам здоровья, часто необратимым. Физическая деятельность-всего лишь дополнение к деятельности психической и умственной, приносящей удовлетворение и не ограничиваемой искусственно. Лишь в гармонии психического и физического - здоровье и радость. Сильные, естественные чувства, а также и глубоко моральные побуждения непременно должны находить выражение, никак не таиться. Подавлять в себе самые важные чувства и мысли - значит разрушать себя. Главные заболевания приобретаются из-за психических и моральных страданий. Физические занятия их не ослабят. Важно устранить

причину психической неудовлетворенности. В крайнем случае - осознать причину, дабы оградить организм от неизбежных разрушений, нередко трагических из-за необратимости. Разум стесненный - уже предпосылка множества болезней. Гигиена физическая в данном случае как-то оправдывает себя, действуя только отвлекаяще. Все это необходимо понимать в интересах сохранения здоровья.

Глава 115.

Однажды меня попросили согнуть пятак. Я не смог, а человек, который предложил, согнул. Но я видел: он будет раздавлен в тягах или приседаниях самыми заурядными для любого штангиста килограммами. Развиты у него единственно кисти. И развиты, как он признался, десятилетиями ежедневных упражнений. Но ведь это не сила вообще, а лишь качество отдельной группы мышц, причем очень ограниченной.

Не следует путать силовое выражение совокупности мышц с силой отдельных ее групп. Говорят: человек поднимает 400-600 кг. Я уже знаю наперед - это становая сила, подкрепленная силой ног, да и то проявленная в строго определенных "углах" - степени распрямленности ног (что очень важно)... Как правило, его руки и плечи не в состоянии отжать и сотни килограммов.

Человек способен добиться впечатляющих результатов в развитии отдельных групп мышц. Например, присесть с небывалым весом. Однако в спортивном многоборье он будет побит. В том и трудность спортивной тренировки - иметь все мышцы подготовленными.

Но и при гармоничности одна сила не есть сила здоровая. Необходимы занятия бегом, плаванием и другими упражнениями на выносливость, гибкость. Без них сила больна.

Первоклассный атлет задушен обилием мышц, но для здоровья они бесполезны, даже вредны. Вскопать огород для такого супермена - уже задача. К сожалению, профессионализация силы непрерывно увеличивается в тяжелой атлетике (конечно, не только в тяжелой атлетике). Поэтому современная тренировка с ее склонностью к узкой специализации должна предполагать занятия на выносливость. Это требования борьбы и здоровья, отнюдь не каприз.

В один из мартовских дней я решил опробовать рывок "низким седом". Я вырывал штангу "разножкой". Однако с ростом собственного веса я все

чаще и чаще начал задевать коленом помост. Мне уже не удавалась быстрая "разножка", я отяжелел.

В способе "низкий сед" подрыв полноценный. При "разножке" его поневоле обрезаешь, не заканчиваешь - иначе не успеешь отработать ногами. Кроме того, в "низком седе" высота подрыва много ниже из-за более глубокого ухода под штангу. Однако с равновесием сложнее. В "ножницах" ("разножке") доступно перекачивать центр тяжести с ноги на ногу, добиваясь устойчивости. А в "низком седе" возможности для исправления неточностей весьма ничтожны.

Богдасаров настаивал на переучивании. Я уклонялся.

Ошибка заключалась в том, что он решил переучивать меня на пустом грифе. Малый или средний вес я потянул бы правильно, в нужной плоскости. Сама тяжесть навязала бы правильность движения. А пустой гриф - я едва не снес им лицо...

В буквальном смысле кровавая неудача имела для меня совершенно непредвиденные последствия. Я отказался осваивать новый стиль в рывке. В результате потерял 1962-й и большую часть 1963 года. С ноября 1963 года я уже не сомневался в необходимости перехода в "низкий сед". Но к Играм в Токио (1964) лишь внешне владел механикой движений. В итоге - сбой на олимпийском помосте.

Насколько я опередил время и соперников в освоении стиля "низкий сед" в толчковом упражнении, настолько я опасно запоздал с этим в рывке, за что и заплатил потерей золотой олимпийской медали. И все же по-своему я горд. Никто не переучивался под конец своей спортивной карьеры на новый стиль упражнения. Ведь это не только иная затверженность движений, но и необходимость разработки суставов в совершенно непривычных положениях. Более того, новым способом я установил два рекорда мира. Конечно, я не доверял ему. Конечно, остерегался подвоха. И все же не столь сокрушительного, как в Токио.

А тогда травма в буквальном смысле слова отбросила меня от нового приема. Я потерял драгоценное время и отчасти самую победу на последнем мировом испытании...

Я уже во второй раз опаздывал с освоением необходимых технических приемов. Лишь перед Олимпийскими играми в Риме я переучился на "замок", а до той поры все веса в толчке (до 200 кг) брал обычным хватом - даже трудно поверить, но это факт.

В пятницу 16 марта 1962 года "Правда" поместила отчет о пресс-конференции, посвященной очередному розыгрышу Приза Москвы. Президенту Международной федерации тяжелой атлетики Джонсону был задан вопрос о возможности встречи Пола Эндерсона с Юрием Власовым.

Джонсон сказал: "Мы хотели бы, чтобы этот интересный вопрос из теоретического стал практическим. Но Эндерсон в последние годы выступал как профессиональный борец и боксер, а также участвовал в специальных цирковых представлениях по поднятию тяжестей. Поэтому он не может, по существующим правилам, вернуться в любительский спорт. Мне известно, что последние результаты Эндерсона, как штангиста, близки к достижению Власова, и поэтому их встреча вызвала бы большой интерес".

Для меня важным явилось признание, что результаты Эндерсона лишь близки, но не превосходят мои. Значит, наша оценка его возможностей верна. Значит, мои будущие килограммы, наработанные зимней и весенней тренировками, обеспечат перевес.

Мы с тренером полагали собрать на чемпионате СССР в мае околорекордную сумму троеборья, а к осени, когда нагрузки могучих тренировок более или менее усвоятся, выйти на 570 кг. Я даже опасался вслух называть эту цифру, чтобы меня не сочли хвастуном.

Первый удар по фаворитному упражнению Пола Эндерсона - жиму - я с тренером решил нанести в понедельник 2 апреля, на первенстве высших учебных заведений столицы (достаточно авторитетный уровень соревнований). В спортивном корпусе Московского энергетического института я выступал вне конкурса. Места за пультами заняли судьи международной категории.

Работать на себя, не на команду, гораздо проще. Иначе кладешь подходы, срывы ничем не угрожают. Отсюда раскрепощенность, свобода поведения.

В первом подходе я выжимаю 182 кг - новый рекорд СССР. При контрольном взвешивании штанга тянет на 182,7 кг. Есть рекорд- 182,5. Выжат шутя.

Теперь свалить рекорд Эндерсона в жиме 185,5 кг - самый старый в таблице высших достижений, установленный еще на чемпионате мира в Мюнхене 16 октября 1955 года! На грудь захватываю штангу с запасом, встаю ловко. По

хлопку судьи одними руками выдавливаю штангу. Все три судьи единогласны: есть рекорд 186 кг! Просто, обыденно...

При установлении рекорда Эндерсон весил 164,5, я - 126,5 кг.

Наконец все четыре мировых рекорда - мои: в жиме - 186 кг, рывке - 163, толчке - 210,5 и сумме троеборья - 550 кг.

Я не обольщался: Эндерсон выжмет штангу и потяжелее. В расчетах даю ему 195-200, себе - 190 кг. К чемпионату мира, к осени, овладею этим весом прочно. Возможно, и с перекрытием. Следовательно, в жиме Эндерсон может иметь преимущество от 5 до 10 кг. Но я видел его рывок. Больше 155 кг ему не взять. У меня же рекорд - 163. Я готов и на 165. С касанием колена я вырвал 165 еще в Днепропетровске. Следовательно, рывковым упражнением я "съем" его преимущество в жиме. А в толчке за мной победа. Во всяком случае, 210,5 кг - это действительно предельная тяжесть, поднятая до сих пор кем-либо на вытянутые руки. И это еще не все. Я добыл новую силу.

Вообще тренировочные веса к исходу весны выросли необычайно. Они поражали воображение моих товарищей по тренировке. Я выходил на новый, небывалый уровень силы.

15 марта я прокатываюсь в толчковых тягах через 260, 270, 280, 300 кг, задерживаюсь во многих повторениях на 250 кг. 26 апреля работаю на 250, 280 и 305 кг. Я отрываю от помоста и вытягиваю до пояса чисто все веса - без помощи крючьев и прочих приспособлений. При рекорде в толчке 210 кг тяга на 300 кг совершенно не нужна - это риск "порваться" и лишний расход энергии. Запас в тягах диктуется реальностью толчкового результата. Поэтому нецелесообразна работа на весах, больших, чем 240 кг. Но демонстрация силы нужна мне, я убеждаюсь в новой силе, в огромности этой силы.

В то же время я прокатываюсь в рывковых тягах до 230 кг. Но и этой тягой я готовлю себя к толчку. Захват новых тренировочных весов во вспомогательных упражнениях идет по всем направлениям.

В толчковых тягах я опробовал бы веса и больше, далеко превзойдя 300 кг, но тогда самым тяжелым диском был двадцатикилограммовый. Набор в 300 кг не оставлял на грифе места для новых дисков. Только сейчас стали выпускать диски весом в 50 кг.

Наклонами с гирями, пропускаемыми между высоких табуретов, я сохраняю растянутость позвоночника. Я иду по самым тяжелым весам без

позвоночных болей. И это после недавнего осложнения со спиной в Риге!

Чтобы уберечь бицепсы от тяжелых порывов, которые нередко при выполнении жима (я встречал такие травмы у рекорсменов мира Степана Ульянова, Федора Никитина), я ввел бицепсные выжимания штанги: стоишь прямо, штанга у бедер в вытянутых руках, потом сгибаешь руки к плечам. Хват - обратный. Этим приемом я подтягивал (выжимал), не сгибая туловища, 110 кг. Насколько я осведомлен, этот результат до сих пор никому не под силу.

Богдасаров запрещает утяжеление тяг, стремясь сберечь суставы. К чему неоправданный износ?..

И неожиданно - заболеваю. Все пройдено, все позади, а я заболеваю! Это значит - вся работа насмарку. Ведь все придется начинать сызнова. Болезнь размоет силу. Сейчас мне безразлично здоровье - потерял результат! Под угрозой результат!..

За десять или двенадцать дней до чемпионата СССР в Тбилиси я почувствовал полную невозможность сносить любые волевые напряжения. И ни температуры, ни лихорадки. И все хуже и хуже. Я еще не знал образы нервного истощения. Я полагал себя всемогущим: никто и ничто не способны ограничить волю моих целей.

А газеты сообщили: 28 апреля в Детройте Шемански сделал своим мировой рекорд в рывке- 164 кг. Это был последний мировой рекорд в рывке в истории мирового спорта, выполненный "разножкой", тем самым способом, который мне следовало срочно переменить. Данный технический прием исчерпал себя. С тех пор атлеты выполняют рывок способом "низкий сед". Переход на новый стиль вызвал энергичный прирост результатов в те годы.

А болезнь переутомления набирала силу. Я ненавидел штангу, будущее выступление на чемпионате СССР, рекорды, тщеславие первых. Я падал в пропасть усталости, отчаяния, потери себя. Я нуждался в отдыхе, щадящих нагрузках, а вынужден был пропускать через себя заданные тонны. Я не смел выходить из игры. Теперь ставкой были не медали и титулы, а жизнь. Для меня - моя жизнь. Я насиловал и мямлил ее. И я должен был молчать. В те дни я простился с молодостью и беззаботностью. Навсегда. И не забавлялся силой, а подставлял себя под неизбежные и обязательные удары. И таким бывает спорт. Я сошелся с ним в поединке, без жалости. Вперед, мой друг, жизнь - это всегда акт воли!

Глава 117.

"Пять дней под сводами Тбилисского дворца спорта рождались новые рекорды. Блестящим аккордом этой богатырской симфонии явился превосходный результат Юрия Власова в жиме. Когда снаряд весом 188,5 кг, побывав несколько секунд на вытянутых руках богатыря, рухнул на помост, пал и старый рекорд мира. Любопытно, что поначалу вес снаряда был объявлен в 187,5 кг. Но после взвешивания выяснилось, что штанга на килограмм тяжелее. Что творилось на трибунах! Десять тысяч зрителей, стоя, несколько минут бурно рукоплескали богатырю, скандировали его имя. Теперь все надеялись, что Власов установит еще и мировой рекорд в сумме троеборья. Но, выполняя рывок, Власов получил травму. Несмотря на это, он решил продолжать выступление. После долгих протестов врач и тренер согласились допустить Власова лишь к одной попытке в толчке. Подняв 185 кг, Власов в сумме троеборья набрал 522,5 кг и обеспечил себе звание чемпиона страны среди атлетов второго тяжелого веса" (Комсомольская правда, 1962, 12 мая). (С 1961 года в СССР была введена новая весовая категория: 100-110 кг.-Ю. В.)

Я получил травму не в рывке, а в жиме. Ошибка в движении отозвалась ударом боли и затем немотой. Но я исключал отказ от борьбы, если вышел на помост. Следовало лишь преодолеть боль... и страх. И потом, разве это боль? Я знал: травма взбесится назавтра. В первые часы боль обычно терпима. Отчетливо воспринимаешь изменение в суставах и мышцах, но боль еще тупа. Главное - не дать травме углубиться. Осторожно-осторожно пройти через необходимые веса. Облегчить нагрузку на поврежденный участок. Травма занимает все сознание. Крадешься через ее ограничения, пробуешь их. Травма все время очерчивает пределы движений и степень допустимых напряжений.

И вот тогда, в рывке, я доконал шейные связки. Травма расширилась, захватив их крепления и на спине, и позвонках. Нет, боль была сносной, очень неприятным и незнакомым были хруст и какие-то смещения в узлах крепления связок и мышц. И самое досадное - невозможность применения обезболивающих препаратов: приравняются к допингам. Обрабатывать снаружи место травмы можно, но только не шею.

Поэтому я и толкнул смехотворно малый вес. Однако и этот вес выводил меня на первое место.

Я в четвертый раз выиграл чемпионат СССР. Второе место занял Жаботинский с суммой троеборья 512,5 кг, третье - Вилькович - 475 кг.

Удивил собственный вес Жаботинского. С ленинградского чемпионата

СССР 1960 года этот вес в среднем увеличивался, пожалуй, на 15 кг в год. За увеличением уже проглядывала определенная система, ведь сообразно весу рос и спортивный результат...

Мой вес на чемпионате составил 126,3 кг.

Глава 118.

Я повредил не только шейные связки, как определили сначала, но и опять позвоночник. Эта травма преследовала меня до последнего дня в спорте.

Я угодил в корсет из бинтов. Травма шеи оказалась самой беспокойной из всех. С неделю я не мог сомкнуть глаз. Стоило опустить голову, как пронизывала боль. Только сидеть. Ни положить голову, ни подпереть рукой.

Я не относил травмы к чему-то особенному. Я злился: помеха для работы, надо работать, теряю высшую силу...

Вообще травмы свидетельствуют о тренировочных перегрузках, неспособности организма переваривать нагрузки.

Как только спала острая боль, я приступил к разминкам. Удавались лишь определенные упражнения. Боль порой прожигала основательно, но прекратить тренировки - все загубить! Ведь цикл черновой, силовой работы завершен. Впереди тренировки на спад. Интенсивность их возрастет лишь к главным соревнованиям - осени. Не позволю нарушить цикл, я столько выдержал, я столько жду от этой работы!..

Такой пример давали и товарищи: травмы преодолеваются в работе. Я встречался с таким мужеством!

Оставалось добрать сущую малость - и перевес силы за мной. Ведь Эндерсон мог в любой день на публике прихлопнуть мои результаты. И я незамедлительно должен ответить. Иначе чего стоили мои победы? И кто действительно самый сильный?

Дело не только в личных чувствах. Спорт - высшее из соревнований. Занялся им - изволь отвечать на вызов силой. И потом, скоро чемпионат мира,- кто бы верно истолковал мой отказ выступить? Ведь именно в эти недели завязался спор с Эндерсоном. Отказ означал бы признание превосходства Эндерсона.

Я должен выйти на чемпионат мира. Должен работать на новом результате. Теперь это уже долг...

Да, и это тоже акт воли!

Все взваливалось на волю.

Глава 119.

"Человеком сказочной силы" называл Эндерсона такой превосходный атлет, как Куценко (Физкультура и спорт, 1958, № 12. С. 6). Американские газеты в пору побед Эндерсона на чемпионатах называли его "титаном", "чудом природы", "подъемным краном". После победы Эндерсона на чемпионате мира 1955 года в Мюнхене губернатор штата Джорджия установил в штате "день Эндерсона".

Пол Эндерсон родился 17 октября 1932 года в городке Токкоа (штат Джорджия). Его родители-люди, совершенно чуждые спорту. Эндерсон хорошо закончил школу и поступил в Фурманский университет (штат Южная Каролина). Однако после первого курса покинул его.

Тяжелой атлетикой Эндерсон увлекся в школе. В январе 1952 года кузен подарил ему штангу. Пол установил ее у себя в спальне. Первые месяцы тренировок не отличались разнообразием. Он в основном приседает с весом на плечах. Уже летом ему удастся присесть с весом 250 кг два раза подряд. Постепенно молодой Эндерсон доводит приседания с весом до ста раз в день! Вес штанги колеблется от 209 до 250 кг. В конце первого года тренировок Эндерсон набирает в сумме троеборья 365 кг и выполняет одно приседание с весом 300 кг.

В марте 1953 года он набирает в троеборье 397,5 кг, в ноябре - 483,5 кг. Личный рекорд в приседаниях Эндерсон утяжеляет до 372,5 кг (Данные результаты показаны Эндерсоном до 1956 года, то есть до перехода в профессионалы и расцвета его силы).

С 1955 года до печально неудачного столкновения на Олимпийских играх в Мельбурне (1956) с Умберто Сель-ветти могучий Эндерсон выступает за сборную США.

В ноябре 1955 года на выступлении в Иракском Королевском спортивном клубе Багдада Эндерсон берет в толчке 207,5 кг. Кстати, только сев за книгу, я узнал об этом результате. В спортивной литературе упоминаний о нем нет.

Этот результат вызывает сомнения.

На профессиональных демонстрациях силы Эндерсону удалось оторвать от помоста и поднять до колен 1600 кг. Кроме того, он выполняет неполное приседание - "короткий подсед" с весом в 900 кг, ходит с 700 кг на груди и приседает по всем правилам с 425 кг.

Британская энциклопедия Менке ставит Эндерсона в один ряд с легендарными Луи Сиром, Артуром Саксо-ном, Евгением Сандова, Карлом Свободой, Георгом Гаккеншмидтом, и, на мой взгляд, не без оснований.

"Эндерсон стал чемпионом мира, выполняя стандартные упражнения, однако его удивительная сила ярче всего проявилась в различных трюках, в которых его никто не мог превзойти..." - читаем мы в энциклопедии.

"Мой отец был шотландского происхождения и весил 175 фунтов (около 80 кг. - Ю. В.}. Моя мать ирландско-английского происхождения и весила около 200 фунтов (около 90 кг.-/О. В.)... Я был атлетом и поступил в колледж главным образом для того, чтобы стать тренером и играть в футбол. Однако именно там я начал заниматься тяжелой атлетикой. Поскольку мое восхождение до международного уровня в тяжелой атлетике было таким быстрым, мне предстояло принять решение: продолжать ли официальное образование или оставить его и заняться заокеанскими путешествиями, которые неизбежны при участии в соревнованиях. Я выбрал поднятие тяжестей и никогда никакого колледжа не кончал...

Атлетикой заинтересовался из-за серьезного заболевания почек. Заболел, когда мне было меньше четырех лет, что предопределило отставание в физическом развитии примерно до десятилетнего возраста. Приложил все старания к тому, чтобы догнать сверстников. Это и заставило обратиться к атлетике. Спортом занимался еще в школьные годы. Однако поднятием тяжестей до поступления в колледж не занимался.

При натужном вставании из "низкого седа" очень сильно повредил колено. Повторяя этот подъем всю вторую половину дня, решил перед окончанием тренировки, уже под вечер, попробовать еще одно упражнение. Опоясал себя большим ремнем, зацепил крючком вес, но не смог оторвать. Сияясь оторвать 4000 фунтов (1814 кг. - Ю. В.) от земли, получил травму колена. Позже выяснилось, что снаряд примерз к земле после захода солнца...

Потом при уходе под вес, точнее при вставании с большим весом, повредил запястье. Затем автомобильная катастрофа - непосредственно перед поездкой в Вену, на чемпионат мира. Я ехал с другом, стоял очень жаркий день. Внезапно хлынул дождь. Мы обгоняли другую машину. Когда мой

друг повернул обратно на свою полосу, машина вышла из-под контроля и наскочила на дерево.

С Хоффманом впервые встретился в 1953 году в Пенсильвании. Был приглашен туда для участия в программе, где намеревался побить мировой рекорд в "дип ни бэнд" (одно из упражнений на силу.-Ю. В.). Это было мое самое первое выступление...

Мы жили в районах, где поднятие тяжестей как спорт не было особенно популярным, и у меня не было возможности пользоваться советами тренера... Мой отец служил в строительной компании, которая строила плотины и гидростанции. Мы постоянно кочевали по стране... Единственными клубами, которые я представлял как любитель, были "Йорк Барбэлл клуб" и "Оздоровительная студия Уайтфилда" в Атланте (штат Джорджия)...

Полагаю, что я побил два мировых рекорда: в Москве и в Мюнхене, в 55-м году. А еще два мировых - на чемпионате США в 1956 году. Мне сообщили, что последние два рекорда никогда не направлялись в Международную федерацию на регистрацию. Но определенно об этом я не знаю. Своих лучших результатов в тяжелой атлетике я добился на показательных соревнованиях, будучи уже профессионалом...

Касательно моего сломанного запястья... Мне было сделано повыше гипса искусственное приспособление с крючком на каждом конце, что позволяло свободно двигаться руке и пальцам и поднимать вес при сломанном запястье. Я укрепил больную руку - обмотал тремя ремнями...

Я никогда не заключал никаких контрактов для того, чтобы дать определенное количество выступлений в качестве профессионала. Моя профессиональная работа в значительной мере не была связана с исполнением номеров сильного человека, как полагали все. Я проделывал силовые трюки и даже какое-то короткое время выступал в цирке. Но это быстро прошло, так как не отвечало моим целям...

...Я специально выступал по вопросам христианства и морали и хотел внедрить в сознание молодых людей какое-то направление самосознания. Моя теория такова: если человек уважает себя и имеет достаточно высокое самосознание, он будет намного полезнее в любом деле. Моя деятельность сильного человека как профессионала шла попутно с лекциями. Во многих случаях выступал в номерах с тяжестями без гонорара, нередко же, получая гонорары, направлял их на обеспечение и создание приютов. Заработав своими выступлениями много денег, все их израсходовал на благотворительные цели. Таким образом, лично для себя выгоды не имел...

И сейчас постоянно разъезжаю и каждый месяц выступаю перед тысячными залами, провожу показательные демонстрации упражнений. Мне кажется, люди ждут от меня это. В среднем получается около пятисот выступлений в год...

Экспертом в тяжелой атлетике, и вообще в нынешней атлетике, я не являюсь, многого не знаю в ней, да и не особенно интересуюсь...

Полагаю, что некоторые нынешние тяжеловесы знают кое-что, чего мы в свое время не признавали. Это очень важно - "техника", пластичность. Уделяю много времени тренировке гибкости, чего не делал, когда был олимпийцем.

Роль Боба Хоффмана в американской тяжелой атлетике громадна. Он вложил собственные средства в этот спорт. В частности - в поездки целых команд за океан, и он был вдохновителем состязаний.

Прошу прощения, что не могу дать своих измерений тех лет, когда начал заниматься спортом. Сегодня они таковы: шея - 25 дюймов (63,5 см.- Ю. В.), предплечье (от локтя до плеча) -24 (60,96 см.-Ю. В.), бедро- 36 (91,44 см.-Ю. В.), икры-22 (55,88 см.- Ю. В.}, рост 5 футов 8 дюймов, или 5 ф 9 д (173-175 см.- Ю. В.), а вес-между 340 и 365 фунтами (154,2- 165,6 кг.- Ю. В.)...

Не жалею, что оставил любительский спорт, потому что действительно чувствую, что сделал много более важного с тех пор...

Да, я хорошо знаком с Дагом Хэпбёрном. Он навещал меня дважды. Это интеллигентный человек с почти фотографической памятью. Он может прочесть страницу книги и тут же процитировать ее дословно. Его самая большая сила - в могучем плечевом поясе. У него высохли поврежденные лодыжки и икра (нога ниже колена). Полагаю, что это от рождения. Потом опоздали со снятием гипса... Он мне сам рассказывал...

Я действительно не могу назвать имя человека, которого уважал бы как героя, когда был мальчиком. Большинство моих спортивных "героев" - команды по американскому футболу. Большинство моих друзей в колледже играли в футбол...

Люблю многие книги, будучи христианином, на первое место ставлю Библию...

У меня жена и дочь двенадцати лет...

Не исключена возможность, что я приеду в Москву на Игры 1980 года.

Ваш друг во Христе Пол Эндерсон.

Обучать основам американских принципов - значит создавать будущих лидеров. Это девиз моей компании"(Из письма Эндерсона автору книги от 29 мая 1978 года).

Глава 120.

Антропометрия дает условное представление о силе. Когда взяты эти данные, на склоне спортивных лет или в молодости, в период интенсивной тренировки или отдыха, значительна ли жировая прослойка, официально ли выполнены замеры или произвольно, без свидетелей?..

Например, окружность груди у меня на Олимпийских играх в Риме была 125 см, накануне Олимпийских игр в Токио- 136 см. Все эти величины постоянно меняются. неизменным сохраняется лишь рост. Мой - 187 см.

Конечно, величина мышц свидетельствует о силе, но весьма относительно. Есть качество мышечной ткани, нервная управляемость мышц. Это на глаз никак не схватишь.

Сложение Эндерсона, об этом явствуют антропометрические данные, как нельзя лучше соответствует подниманию тяжестей: невысокий рост при внушительном весе, короткие ноги и руки. Следовательно, тяжесть совершает весьма ограниченное смещение (в сравнении с другими атлетами такого веса их рост обычно на 10-15 см выше). Это разъяснение приводится не для умаления силы Эндерсона. Безусловно, он человек самой выдающейся силы в специальных атлетических упражнениях. Кто бы что ни говорил, и в приседаниях с весом на плечах, и в отрыве тяжестей от помоста, и в ряде других упражнений среди современников ему, пожалуй, нет равных. Это факт неоспоримый, доказанный.

Любопытно отношение французских специалистов тяжелой атлетики к Эндерсону. В энциклопедии Дэноэля Эндерсону отпущено более чем скромное место, нет даже его фотографии, хотя снимков других атлетов в ней предостаточно. Для знатоков силы во Франции собственный вес Эндерсона и его грузное, лишенное привычных пропорций сложение являются решающим обстоятельством.

Эта энциклопедия приводит прозвище, под которым, насколько я помню,

Эндерсона никто не знает: Бэби. И сообщает, что Эндерсон первым набрал сумму троеборья 500 кг, выиграл чемпионат мира 1955 года в Мюнхене и Олимпийские игры 1956 года в Мельбурне, а ныне выступает в странствующих цирках. И все.

Эта же энциклопедия, как я уже писал, минуя всех атлетов тяжелого веса, моих предшественников, передает титул "самый сильный человек в мире" от Шарля Ригуло непосредственно мне. Это, безусловно, неверно.

Кроме того, энциклопедия Дэноэля из всех вообще советских атлетов, выступавших до 1965 года, дает сведения (с фотографией) только обо мне. Других даже не называет. Этому я обязан тем, что, по мнению французских специалистов, явился непосредственным преемником почетного титула от Шарля Ригуло.

Тут могут быть любые расчеты, но отходить ради них от объективности, тем более в энциклопедическом издании, ошибочно. Впрочем, эта же энциклопедия не называет вообще Дэвиса - восьмикратного чемпиона мира в тяжелом весе.

Глава 121.

Летом 1984 года я получил от Рэджа Айланда сообщение о том, что Эндерсон чудом остался жив, в подтверждение Рэдж приложил вырезку из английской газеты. Как из нее явствует, болезнь почек, которую Эндерсон перенес мальчиком четырех лет, неожиданно и трагически дала о себе знать в самом начале 80-х годов.

Вот что писала английская газета летом 1984 года:

"Бывший американский чемпион Пол Эндерсон был известен как самый сильный человек мира за свои невероятные подвиги в поднятии весов, но сегодня он просто оболочка самого себя и мужественно сражается, приходя в норму после операции по пересадке почки. Атлет, превратившийся в евангелиста, теперь весит только 200 фунтов и старается вернуть свою прежнюю силу. "Моя жизнь в руках Господа,- сказал Пол (ему 51 год.- Ред. газеты).- Я просто благодарю Его за то, что Он дал мне бойцовский дух, что дает мне силы вернуться обратно к жизни".

Пол страдал болезнью почек и анемией почти всю жизнь. Когда он победил на Олимпийских играх в Мельбурне, у него была температура под 39 градусов. Год спустя американский герой покорила русские залы во время

турне по Советскому Союзу. Когда он вернулся в Соединенные Штаты, он "привязал 6270 фунтов (2840 кг.- Ю. В.) железа к своей спине"- самый большой вес, когда-либо поднятый человеком, если верить Книге рекордов Гиннеса. Затем силач стал собирать толпы своими проповедями, а не своей силой. Став евангелистом, он совершал поездки по стране. Деньги от проповедей пошли на содержание домов для умственно отсталых мальчиков... Полу отдала свою почку сестра Дороти, 59 лет. "Мы надеемся, мы уверены в том, что он выдержит это и выживет",- сказал доктор Джон Наджарьян из университета в Миннесоте, который сделал операцию.

Пол сказал, что теперь, когда он получил новую лицензию на жизнь, он планирует заново себя построить: "С тех пор, как я покинул больницу, тренируюсь по крайней мере три часа в день..."

Глава 122.

Собственный вес душит (Сейчас я не совсем разделяю это мнение. Сложение Эндерсона таково, что большой собственный вес не был для него обузой),- говорил об Эндерсоне мой тренер.- Для рывка важна скорость, для взятия веса на грудь в толчке тоже, а какой у него вес?! То-то! А сбросит - сразу потеряет силу. В Мельбурне сбросил - едва ушел от поражения. Выбирать ему не приходится. Или показывать силу в трюковых упражнениях при огромном собственном весе, или же, согнав его, быть обыгранным, но только уже по-настоящему, не как в Мельбурне. Заколотим рывок и толчок от души...

Я учитывал: посредственная подвижность не позволит Эндерсону реализовать силу в полной мере. Для технически качественного толчка и рывка ему недостает скорости. Он не успеет уйти под штангу в рывке на околопредельных весах и не успеет в толчке захватить ее на грудь. У него большая сила, но без возможности приложения к спортивному троеборью, как бы наказанная за громадность определенной неприспособленностью к действию. Но сама сила, без всяких оговорок, весьма внушительная. В приседаниях и тягах Эндерсону нет равных.

Поэтому я считал Эндерсона как бы среди действующих спортсменов и давал ему предельно высокие результаты. Может быть, даже чересчур высокие. Однако этого атлета носили ноги чудовищной силы.

Я не знал будущее. В конце концов, оно не исключало подобную встречу. Не исключалось и выступление Эндерсона без меня. И впрямь, что мешает ему поднять рекордные килограммы перед публикой?..

Я ждал.

Еще 23 июня 1961 года газета "Советский спорт" сообщала: "Андерсон просит изменить правила и ввести положение, чтобы спортсмен, в течение года не выступавший в качестве профессионала, вновь мог быть восстановлен в правах любителя. Менеджер Андерсона К. Вил заявил, что с сентября прошлого года (первого вызова на поединок тотчас после моей победы в Риме.-Ю. В.) Андерсон не выступал как профессионал..."

Сессия Международной федерации тяжелой атлетики в Вене в сентябре 1961 года местом будущего чемпионата мира определила североамериканский городок Херш. Для меня выбор США и Херша местом будущего чемпионата показался не случайным. Был умысел на обмен "любезностями" между мной и Эндерсоном.

В Вене Хоффман в частной беседе поставил передо мной вопрос откровенно: "На каких условиях согласны встретиться с Эндерсоном?"

13 января 1962 года я напечатал в "Известиях" сведения об этой беседе: "Мы решили, что такая встреча вполне осуществима на чемпионате мира 1962 года в США. После окончания соревнований атлетов тяжелого веса "занавес опустится" и чемпионат официально закроется. Потом "занавес поднимется" и Эндерсон постарается проделать все, что нужно, дабы считаться первым".

Неизменность данному решению я подтвердил еще несколькими заявлениями для газет.

За зиму 1961/62 года удалось справиться с основной задачей - свести превосходство Эндерсона в жиме к незначительному.

Через несколько недель после чемпионата СССР в Тбилиси я подтянул рекорд мира в толчке до 211 кг.

16 мая газета "Известия" напечатала под крупным заголовком очерк "Встретятся ли Геркулесы века?":

"Я никогда не чувствовал себя таким сильным, как сейчас, и думаю победить Власова. На тренировках я выжимаю 200 кг, поднимаю в рывке 165 и толкаю 207" - такое заявление корреспонденту ТАСС сделал американец Пол Андерсон.

Узнав о заявлении Андерсона, Власов заявил:

- Буду рад встретиться с американцем и померяться с ним силами. В крайнем случае можно организовать встречу на тех же условиях, что и в Херше. Что касается результатов Андерсона, то говорят лишь о том, что получает подтверждение в протоколах соревнований. Не знаю, что мешает Андерсону выйти на помост и в присутствии зрителей и специалистов подтвердить то, о чем он сказал.

...Он (Эндерсон.- Ю. В.) покинул цирковую арену. Конечно, в этом решении большую роль сыграли... успехи Власова. Андерсон начал тренироваться и бросил вызов советскому чемпиону, который принял его. Встреча самых сильных людей должна была состояться на чемпионате мира в Херше. Были оговорены и условия поединка. Поскольку американец еще не получил статус любителя, он не мог выступать одновременно с Власовым. Американец должен был выйти после закрытия чемпионата и попытаться превзойти результаты Власова. Но, как известно, соревнования пришлось перенести в Будапешт, ибо правительство США не гарантировало въездных виз спортсменам ряда стран.

"Перенесение чемпионата в Будапешт было для меня настоящим ударом,- сказал Андерсон корреспонденту ТАСС.- Мне очень хотелось встретиться с Юрием Власовым. Он прекрасный спортсмен и замечательный человек, к которому я питаю самое искреннее уважение".

...Юрий Власов не скрывает, что в нынешнем году надеется набрать в соревнованиях 570 кг. Его тренер С. Богдасаров считает, что эта сумма будет складываться из таких показателей: жим - 190 кг, рывок - 167,5, толчок-212,5".

Итак, я ошибался в оценке рывка Андерсона. И все же наши килограммы были тяжелее. Мою уверенность подкрепило и отсутствие официальных доказательств. Андерсон говорил, но нигде не показывал свои килограммы. Я свои все время утверждал публично, и на помостах разных стран. И уже не скрывал, был уверен в 570 кг. ! Теперь, после отмены чемпионата в США, силу можно было доказывать лишь в заочном поединке. Выступить в любой день - это никто не мог запретить.

Я свои результаты выкладывал: вот мои жим, толчок! Травмированный, но выступал весь май: Тбилиси, Париж, Оулу, Пори, Хяменлинна... Каждый раз открывал свою силу. В Хяменлинне утяжелил главный рекорд в толчке - 211 кг!

Ждал ответа Андерсона. Ждал его выступления.

Ответ не приходил.

Ждал еще какое-то время, потом перестал. Понял: свое время Эндерсон упустил безвозвратно. Больше этот вопрос нас с тренером не интересовал.

До меня как-то не сразу дошли слова Боба Хоффмана. 7 июля 1961 года на матче сборных СССР- США я прихватил на грудь 210 кг, вес по тем временам неслыханный. Это была притирка к рекорду и встрече с Эндерсоном.

Боб Хоффман очень взволновался тогда, в Москве, 7 июля. "Мы были свидетелями исторического события! -заявил он.- Впервые человеку удалось взять на грудь... и подняться с таким весом. Никто до сих пор не мог даже мечтать об этом. Власов-пионер атлетического космоса. И если даже в этот раз он не мог толкнуть штангу, это удастся в следующий раз".

"Никто до сих пор не мог даже мечтать..." - и Эндерсон тоже. Значит, в толчке - этом главном упражнении, I доказывающем, кто на деле самый сильный,- я имею неоспоримое превосходство. Я взял лишь на грудь 210 кг - и это уже "историческое событие"! А теперь этот вес уже взят в Днепропетровске и будет через несколько недель после чемпионата СССР в Тбилиси улучшен на выступлении в Финляндии.

Итак, время и сила все расставили как надо. Всегда и везде надо верить лишь доказательствам делами, а не словами. Все верно: пусть слабейший отражает удары.

Так спор сам по себе и заглох.

Однако опрометчиво судить о силе Эндерсона лишь по упражнениям спортивного троеборья или двоеборья. Его ноги и спина впечатляюще мощны. В упражнениях на данные группы мышц ему нет равных - это тоже факт.

Запомнилась та весна и забавным происшествием. Я тренировался с гирей в 56 кг, отлитой по моему заказу из свинца. В марте эта гиря сгнула. Я был не столько раздосадован, сколько озадачен. Ведь в зале стояли "двойники" (гири по 32 кг) и другая заказная гиря - в 36 кг, а похититель на них не польстился, унес именно эту. Унести из зала, не выдав себя, 56 кг в одной руке - с удовольствием посмотрел бы я на такого молодца!

Глава 123.

Я вернулся из Тбилиси злой: упустил рекорд в троеборье, схлопотать травмы... Из-за них терять наработанное? Все зимние и весенние тренировки насмарку? Не тренироваться? И тут еще непонятная болезнь...

Нет, выход один: переломить болезнь, продолжать выступления, не давать повода для подозрений, будто избегаю встречи с Эндерсоном. Наступать результатами. Переварю усталость, заглажу травму, освою новые веса (я как раз начал выходить на эти веса) - следовательно, непременно нужно оставаться в работе.

Это была грубая ошибка.

Я не отдавал себе отчета в том, что болезнь и травмы - свидетельство глубокой перетренированности, неспособности организма справляться с нагрузками, сносить их. Правда, я меньше всего страдал от травм. После нескольких недель досадной боли больше не обращал на них внимания. Но вот бессилие к тренировкам, невозможность отвечать волевыми напряжениями, угнетенность и устойчивая бессонница!.. Эта болезнь нова, непонятна. Как вести себя? Что со мной?

Однако вида я не подавал. Кроме тренера, о моих бедах никто не ведал.

Да, счастливы ищущие...

Об истинном характере травм, как и о своем состоянии вообще, я не подозревал. Именно поэтому через две недели после выступления в Тбилиси я выехал во Францию и Финляндию. И это с такими травмами и болезнью! Молодо-зелено...

Я выступил и провел показательные тренировки в Париже, Оулу, Пори, Хювинкя, Хяменлинне.

31 мая в Хяменлинне я продвинул мировой рекорд в толчке - 211 кг. И это при том, что целый месяц не тренировался, потерял почти 10 кг собственного веса и к тому же выступал с незалеченными травмами, на боли.

Когда спускался по трапу ИЛ-18 в Шереметьеве, пиджак на мне болтался. Я весил меньше 116 кг. И в таком состоянии я настиг в Хяменлинне новый рекорд - это ли не доказательство новой силы! Она поспевала в мышцах. Только бы сладить с болезнью...

Волей связать все чувства.

С юности я разделял убеждение, что физическая слабость, вялость и болезни - одно из самых больших оскорблений и унижений для человека. Сознание этого было одной из мощных побудительных причин для страстного увлечения спортом.

Я ценил красоту от спорта не за то превосходство, которым она наделяет по сравнению с другими людьми, а за радость, богатство чувств. Надо это испытать - мощь этих чувств и силу, с какой она привязывает к жизни. А поединки, победы, титулы - это уже прикладывалось само собой. Мучили мысли о нашем времени: дух, закованный в объятия скелета...

Глава 124.

Молодо-зелено...

Конечно, преступлением против природы и настоящего спортивного режима и результатов была моя жизнь в 1960-1963 годах. Ни для одного дня я не делал послабления. Я возвращался с тренировки около девяти-десяти часов, ужинал, отдыхал до полуночи, а в полночь садился за письменный стол, рядом стоял кофейник с крепчайшим черным кофе. Обычно я работал до четырех-пяти утра. Эта работа над словом пришлась на главные годы тренировок и рекордов.

Я ложился и спал до девяти-десяти утра, а там завтрак и куча разных дел, после обеда - сборы на новую тренировку.

Последствия такого "режима" я очень скоро ощутил. Разве жестокий нервный срыв накануне чемпионата в Тбилиси не был им подготовлен? И это ведь при условии, что сами тренировки обходились огромным расходом нервной энергии, постоянными волевыми напряжениями, а чемпионаты, рекорды - это же потрясение организма до самых основ...

Да-а-а, молодо-зелено...

Но и то правда, что вести себя иначе я не мог. Никто не дал бы мне времени на литературное учение. Тут или спорт, или учение. А я очень хотел писать - огромная работа ждала меня. Я мечтал писать хорошо, а главное - своим голосом. Я не щадил себя - и... спорт. Я ни во что не ставил спорт. Он был только средством в моем освоении литературы, ему доставалось от меня то, что не брала литература.

Вся эта жизнь строилась мной на волевом преодолении себя, насилии. Но

правда и то, что у меня не было другого выхода.

Но как же я был счастлив, когда писал! Как я любил эти часы за рукописями!

Молодо-зелено...

Глава 125.

Поездка в Париж вызвала печатные отклики, любопытные преданностью Шарлю Ригуло. Франция хранила память о своем самом сильном атлете. Что бы ни печатали обо мне, непременно вспоминали и Ригуло. Характерен очерк Жоржа Праделя в "Miroir-sprint":

"Юрий Власов есть продукт работы, знаний и культуры... Раз это возможно, он заставил себя стать целью... О себе Юрий Власов смог бы сказать старой французской притчей: он тот кузнец, который сам себя выковал. Год за годом он упражнялся все с большими тяжестями. Он начал в 1954 году, а в 1960-м -он олимпийский чемпион, в 1962-м - рекордсмен во всех трех классических упражнениях троеборья. И он допускает без какого-либо хвастовства, что показанные результаты не конец их длинного свитка.

В двадцать лет Шарль Ригуло стал олимпийским чемпионом. А в двадцать лет Юрия Власова никто не знал в мире. Двадцати семи лет француз оставил спорт, а в этом возрасте советский атлет полон сил, думает о чемпионате мира, о будущих Олимпийских играх... Юрий Власов выше француза? Быть может, нет. Потому что его сила - это результат методов тренировки, которые решительно изменились за четверть века. Знать - это мочь.

Мы спрашиваем себя: откуда у Власова такой аллюр в избранном спорте? Может быть, оттого, что он занимался не только тяжелой атлетикой? Ведь он занимался борьбой, боксом, легкой атлетикой... База по-хорошему верная и солидная. Безукоризненное распределение структуры. Логическая раскладка мускульной мощи.

Власов анализирует свои способности. Изучает спорт. Это позволяет свести два конца: возможности и требования. Чтобы получить результат, который в свое время "убил" такого атлета, как Ригуло, нужен не столько опыт, сколько отказ от распыления усилий - следствия множества упражнений.

Ригуло, который тоже был сильнейшим человеком в мире, часто проделывал десять - двенадцать упражнений. И каждое из них противоречило друг

другу. В частности, тренировка одной руки вызывала утрату мускульной гармонии и препятствовала прогрессу упражнений для двух рук.

Юрий Власов, как и все современные тяжелоатлеты, придерживается трех классических упражнений для двух рук: жим, рывок, толчок. Однако он их так изучил, наработал такой выход, что каждое из движений не мешает другому...

С тех пор как Власов занялся штангой в 1954 году, он ведет журнал - "записную книжку штангиста". В ней за длинные месяцы - реакция организма на тренировки и соревнования. Это позволяет ему вносить поправки в методику, одновременно упорствовать, упрямиться и прогрессировать. Методы Власова вдохновляются простейшим принципом: все эволюционирует. Разумеется, когда эволюция нормальная, когда она не принуждение и не дань ложным представлениям. Власов обрабатывает спорт как науку, подчиняет принципы тяжелой атлетики как в главном так и в частном, себе - своей морфологии, нервной системе, крепости своего позвоночного столба мускульным особенностям. Было бы ГЛУПОСТЬЮ считать, что советский атлет лишь утверждает себя на престоле физической силы. Нет, это успех гуманный, общий. Открытие это равно некоему новому направлению в методике. Направление, которое он ожесточенно продолжает исследовать с этой ударной идеей: все новое позволит совершить еще шаг вперед.

Этот спортсмен доказывает, что физическое могущество человека неограниченно, как и блеск разума. Все - вопрос поиска, открытия, культуры и мужества. Понять его - все равно что познать книгу под названием "Тяжелая атлетика для силы, дерзания всех!"

Самый сильный человек мира! Ему уже присвоен титул "самый сильный человек мира", как некогда Шарлю Ригуло. Власов первый не поверил этому. Власов прекрасно знает, что помимо него в мире существуют люди, способные поднять более тяжелые веса, и может быть, даже с меньшими напряжениями, но эти люди сами не ведают о своих способностях. Однако и сама по себе работа - пусть это даже золотой дар - не сможет, а в ряде случаев и не смогла, развить естественные способности этих людей, ибо в такой работе отсутствует подлинно научный подход.

Но олимпийский чемпион, рекордсмен мира - разве это само по себе не замечательно?! У этого спокойного богатыря отвращение к похвальбам смельчаков-хвастунов, провокациям бывшего олимпийского чемпиона. Пол Эндерсон - эта гора плоти и жира - выходит на поединок... Толкуют даже о матче Власов - Эндерсон. Предвидят его после чемпионата мира, который будет в Соединенных Штатах; Эндерсон, без сомнения, изучит советского

атлета своими убытками...

Есть еще и соперник Власову. Соперник, который только карабкается на первую ступень известности, но его шансы кажутся вполне серьезными: молодой толкатель ядра Гэри Губнер. Ему девятнадцать лет, рост - 189 см, вес-118 кг. Результат в тяжелоатлетическом троеборье - 490-500 кг...

Очевидно лишь одно - будущие чемпионаты мира позволят Власову сделать новый скачок вперед... Он хочет побеждать, он хочет бить рекорды. Но он, как я убедился, совершенно лишен интереса ко всему, что сопутствует славе ("второстепенное"-говорит он): лавры, почтение публики, газетная известность и пр..." (Miroir-sprint, 1962, 21 мая. С. 4-5).

Жорж Прадель основательно проследил мои тренировки в Париже и вообще каждый мой шаг. Я опустил в переводе его мнение о роли собственного веса для силы. А он издевается над этим направлением в большом спорте. Направление, которое, по выражению Праделя, полагается на фортуна, путая последнюю с искусством... "жрать". Прадель задает вопрос: "Власов - феномен, монстр?" И отвечает: "...Его ошеломляющие достижения прежде всего результат разумного отношения к тренировкам, своего рода выход от общей культуры, если угодно - мудрость".

Я привел очерк Праделя не для похвальбы. Спортивной славы я, что называется, хлебнул полным ртом. Мне дорого это подтверждение: да, существуют иные пути постижения силы. Это - знание, поиск. Никакие препараты (так называемые восстановители силы), хотя они и нагоняют в мышцы силу, не заменят работу разума. Большой спорт на пути сближения с наукой, искусством. Кто поймет это, а поняв, превратит в действие, тот откроет настоящие победы. Болезненное ожирение, подлоги силы, химические препараты - всего лишь уродства. И как уродствам им нет жизни.

Спорт - не только победа. Точнее, не всякая победа есть... победа. И спорт это с жестокостью доказывает, доводя отклонения от его сути до уродливых крайностей.

И еще: не след быть в услужении у славы и достатка. Тот, кто мечтает о победах, не должен мечтать о довольстве. Иначе он станет придатком спорта, но не его хозяином. И непременно предаст свои же цели. Цели и прекрасное существуют независимо от минутного торжества уродств. Человечество в муках и ошибках с неизменным постоянством пробивается к прекрасному. Оно не может отказаться от этой борьбы по сути своей, по природе. И это закон всеобщий, имеющий силу и для спорта. Все, что делает спортсмен, это в конечном итоге для всех. Человечество отрицает все, что не

имеет такой ценности.

Всем опытом, всем своим прошлым в спорте я пытался доказать: есть главный путь - постижение закономерностей организма, освоение возможностей, зашифрованных природой в нас. Именно с этого и начался спорт. Вот путь, который должно укреплять человечество и который должен оберегаться человечеством.

Очерк Праделя помогает избежать некоторых объяснений - ив этом одна из причин обращения к нему. К тому же автор верно схватил смысл моего отношения к такому явлению, как тренировка. Он дает понятие о ней как о неограниченном в кажущейся ограниченности.

Очерк связывает прошлое и настоящее тяжелой атлетики, переход от пятиборья к троеборью. И в очерке - гордость за великого Ригуло. Несколько болезненная гордость, так как сквозит желание убедить всех, что "наш Ригуло не хуже". Конечно, Прадель прав: совершенствуется методика, а знания и есть новая сила...

Я мог выступать долго. Мог иметь больше рекордов. Но в этом таилось и уничтожение меня как спортсмена. Я искал силу. Никогда не эксплуатировал ее ради выгод. Считал назначением атлета отнюдь не только победы, а бросок вперед, овладение новым. Победы - лишь свидетельство движения. Каждый раз рекорды до конца исчерпывали мою силу, и я поневоле должен был начинать поиск. Но разве это не замечательно? Разве знание законов, по которым складываются сила и физический облик, не есть победа над ограниченным в жизни, не есть отрицание ограниченности вообще, право на свободный разум, гордость разума, независимость достоинства познания, невозможность препятствовать познанию, тщетность любого ограничения?!

И отсюда совершенно иной взгляд на спорт. Это ведь не сборник анекдотов, кто сколько поднял, как выиграл, пробежал, и не хронология чемпионатов. Именно в подобном подходе - подавляющее большинство всех провалов в исторических исследованиях спорта. Вместо исследований - поминальник. Нет духа времени, нет судеб и качественного анализа вклада того или иного атлета. Не количество рекордов определяет место того или иного чемпиона в истории спорта. Есть люди - и они по-разному прикладывают свое сердце к дням жизни...

Спорт лишь тогда обретает истинный смысл, когда его рассматривают в общем потоке развития человечества. Нельзя его выхватывать, оценивать обособленно - убогость такого подхода и сказывалась на всей литературе о спорте и от спорта. Нельзя понять спорт вне общего движения человечества.

Нельзя корить спорт его недостатками и болезнями. Недостатки спорта и его болезни - прежде всего пороки и нездоровье самого общества. В едином целом все неразрывно связано. И одно лишь доказывает другое. Издеваясь над уродствами явления, мы издеваемся над самим обществом.

Образно определил назначение культуры (одно из назначений) Борис Пильняк: "Искусство всегда та "крыса", по которой моряки узнают, как течет корабль" (Пильняк Б. Камни и корни. М., Советская литература, 1934).

Но ведь искусство - элемент культуры, элемент общественного сознания, как и спорт. Только под таким углом зрения должно оценивать такое явление, как большой спорт.

Глава 126.

Свою силу Пол Эндерсон утвердил не в упражнениях классического троеборья - жиме, рывке, толчке. Он доказывал ее в специальных упражнениях.

В одну демонстрацию ему удаются полное приседание (и, естественно, вставание) с весом 544 кг, жим лежа - 284 кг, тяга штанги выше колен - 371 кг (это соревнования по так называемому силовому троеборью, широко практикуемому на Западе). Все эти результаты перекрыты. И, наконец, он устанавливает и поныне непобиваемый рекорд - отрывает плечами от стоек 2844 кг. Представительнице слабого пола Джозефине Блатт удается исполнить толчковую тягу с лямками на весе 1616 кг- тоже более чем внушительное достижение.

Нельзя не восхищаться мощью Эндерсона и других могучих людей, славных подобными рекордами силы. Мы, атлеты, знаем цену этих напряжений. Они требуют не только огромной подготовительной работы - годы такой работы,- но и таланта силы, физической одаренности высшего порядка, своего рода исключительности.

Но, в свою очередь, смею предложить испробовать свои способности в классических упражнениях. Покажите совершенство силы в рывке и толчке - здесь физическая мощь есть совокупность всех качеств, а не какое-то одно. Для классических упражнений необходимы сила, скорость, координация плюс самообладание и мужество.

Нет более объемного и справедливого выявления физических способностей, чем классические упражнения. Поднимите на вытянутые руки рекордный

вес - и, если это в толчковом упражнении, вы по праву станете самым сильным человеком, ибо это упражнение требует самых разнообразных проявлений и качеств силы, помноженных на волю и мужество. Без воли и мужества невозможно загнать себя под рекордные тяжести: конечное положение всегда такое, из какого сложно вывернуться. Тут хочешь не хочешь, а рискуешь. Нужны выдержка и отвага, дабы поставить себя в это единственное клинящее положение, в котором тяжесть задвинута наверх прочно и несокрушимо. Именно здесь - высшая сила и высшее мужество.

Глава 127.

"Как же мне держаться с ним?" Я так и не успел решить. Лифт остановился. На звонок отворила миловидная женщина и провела нас в гостиную. Скромная комната с портретом привлекательной мулатки над диваном. Больше я не успел ничего заметить. Вошел приземистый мужчина, плотный, кряжистый и представился: "Ригуло".

Я сижу рядом с ним... человеком, чье имя отождествляется с силой. Сижу рядом и слушаю.

- Родился в начале века, в девятьсот третьем году. Моя профессия? Рабочий-литограф, после - профессиональный спортсмен. Спорт полюбился мне сразу...

Слушаю и думаю, что он очень болен. Воспаленные белки. Высохшее бледное лицо. Большое изможденное тело. Ключицы выпирают из-под халата..." - так я писал в газете "Известия" в октябре 1962 года.

Настоял на визите бывший рекордсмен России по штанге, потом профессиональный атлет и авторитетный французский тренер по боксу, а ныне репортер газеты "Русские новости" в Париже, основанной русским патриотом А. Ф. Ступницким в 1944 году, Александр Григорьевич Красовский.

Красовский старше Ригуло, а статен, подвижен, быстр на точное слово. Меня подавила болезненность Ригуло, хотя я был предупрежден о его нездоровье, смертельном нездоровье - необратимо слабнет сердце.

Ригуло рассеянно улыбнулся на мое восхищение его подвигами в спорте. Я замечаю, как дрожат у него пальцы и как исхудало-преувеличенны кисти. И как он весь зыбок - ему трудно сидеть, трудно противиться дрожи, трудно подыскивать слова. И руки нескладно-длинные, вроде не его. Под халатом

могучий костяк, но мяса уже нет, съедено болезнью. Он никнет от слабости, однако не теряет улыбки. Она блуждает в бескровных губах. Тонкая пленка кожи хранит следы недавнего бритья. В глазах то вспыхивает, то гаснет любопытство. Слова редкие, без выражения...

Репортер сфотографировал нас - и уходит на цыпочках. И тут меня ударяет по сердцу вид комнаты. Она очень походит на все другие комнаты, в которых долго болеют и с болезнью нищают.

И я вспомнил восторженные слова Новака о встрече с Ригуло в 1937 году: "Сам среднего роста, кряжем. Грудь широченная, выправлена наковальной, такую не просто осадить. Любое "железо" примет. Атлет! Улыбается ясно, спокойно. А что за номер в цирке! На вытянутой руке очаровательная девушка. Держит на ладони, ухмыляется - забава! А она - одно упражнение за другим на гибкость. Что ты! А слава!.. Великий король спорта!.."

И рассказ Куценко. Он встречался с Ригуло дважды:

"Толстый, очень общительный и улыбчивый в 1950 году. За ним сохранялось звание сильнейшего в мире. Через четыре года я встретился с несколько другим человеком. Ригуло изрядно пил. Это не нравилось Жану Даму. И Жан Дам не скрывал..."

Как плясали буквы, когда Ригуло подписывал мне на память свою книгу и фотографию!

Неуверенно, всем телом он поворачивался к нам. Я знал эту печальную особенность бывалых атлетов - сращение шейных позвонков от бесчисленных повреждений и перегрузок. И Ригуло не мог повернуть голову - поворачивался всем туловищем. Он хрупок, нетверд в повадках, будто боится ошибиться, не то сделать. Напряженно принимает слова, пропуская и не пытаясь даже ответить на вопросы. В глазах навывкате - усталость и пустота...

Красовский не грассирует, речь у него интонационно не французская, но владеет языком безукоризненно. При нем я избегаю говорить по-французски. Неловко за себя.

Я испытал облегчение на улице. Даже поймал себя на том, что заговорил громко, часто. Старался отгородиться от чужой беды. Конечно, жить, жить! Все здесь радостно! Так славны встречные женщины, улыбчивы дома, город, небо за листвой!..

- Нагрузки сделали свое и еще вино, много вина,- сказал Красовский,

расправляя плечи. И завел рассказ о своем знаменитом ученике - чемпионе Европы среди профессионалов по боксу: -...Бабник из записных. Как унять? На тренировках выжеванный. И сколько ни убеждаю - без толку. Я его, голубчика, на экскурсию в больницу...- Александр Григорьевич называет больницу, район, там служил знакомый врач-венеролог.-...Мы его за собой по палатам, потом на осмотр, перевязки, процедуры. Вышли, а он - блевать... Что ты! Шарахался от юбок!..

Я знаю: в молодости Красовский держал один из рекордов в дореволюционной России. И это все. Но о его французском статусе уже наслышан. Здесь он начал выступать как профессиональный боксер. Дипломы тренера физической культуры и бокса ему выданы после экзаменов на специальном отделении при Парижском университете и Национальной федерации бокса. За свою жизнь Красовский тренировал несколько сот спортсменов. Среди них - "король ринга" легковес Клето Локателли, о котором писали, что он побеждал во всех столицах Европы. Потом Локателли стал звездой в Нью-Йорке.

Среди воспитанников были чемпионы Европы итальянцы Мерло Пресизо (полутяжелый вес) и Энрико Урбинатти (вес "мухи"), чемпион Италии средневес Тино Роландо, чехи Якш, Мюллер, Гампахер и Прохазка - все чемпионы Чехословакии. Труд Красовского отмечен высшей наградой Национальной федерации бокса Франции.

Александр Григорьевич вытаскивает у меня из-под руки книгу и фотографию, подаренные Ригуло. Щурясь, разглядывает. Мы отпустили машину и теперь идем к метро.

- Наверное, последний автограф,- медленно, в своей манере выговаривает слова Александр Григорьевич.- Сердце изнашивается...

"Вино, конечно, доконает любого,-думаю я.-Но одно ли вино? Как это легко - сбросить ответственность ссылкой на вино. Все сразу понятно, никаких тревог. . А нагрузки?! Ведь его изменили нагрузки: выкладывай силу на тренировках, удивляй на сцене! Рекорды. Почтение... А потом гонки - велосипедные, автомобильные. Потом борьба. Не такая, не с правилами - кетч. И на все - одно сердце..."

Александр Григорьевич, тонкогубо улыбаясь, развлекает парижскими историями. Это он устроил встречу с Ригуло. Ему, репортеру, этот визит - отличный газетный материал.

"Вино, конечно, зло - думаю я.- Но сначала от этого человека взяли всё. Выгребли все, что могли. Поди сыщи чемпиона по кетчу в пятьдесят лет, а

Ригуло им был... Качает головой: здорово пил. А что выгребали из него все - ни слова, будто так и нужно. Что сосали всем миром силу - ни слова... Вся жизнь - череда надрывных испытаний, общая жажда новых рекордов. Он сжигал себя. Не проматывал, а сжигал, ибо работал нечеловечески. Не алкоголь ли обманчиво выдергивает из такой усталости? А потом, разве не все ли равно, каким будет "потом"? Вряд ли лучше, чем эта чернота усталостей. И "раздергивал" ее алкоголем, доканчивая разрушение, сработанное профессиональным спортом. Все эти люди награждены славой, но не ее пониманием. Ведь сила, превращенная в профессию, убивает. Не может быть иначе, хоть обставляй все эти спектакли самыми "человеколюбивыми" правилами..."

Я размышлял о результатах, о том, что их нужно все время продвигать, а потом наступит день - и ты не нужен большому спорту, хотя всей жизнью прикипел к нему и другой жизни не надо. А тебя поучают: преодоление препятствий не есть исключительные свойства большого спорта, в любой области талантливый человек, идущий к далекой цели, должен обладать силой воли...

Я впервые задумался над тем, что значит дорости до понимания сущности событий. Что значит - верить правде, видеть правду? И верят ли правде, если она не обеспечивает сытостью?..

Ригуло потряс меня. Ведь ему нет и шестидесяти.

Я вспомнил, как этот бывший атлет выходил из комнаты. Он наотрез отказался фотографироваться в халате. Вернулся в черном пиджаке, белая рубашка без галстука, воротник расстегнут. Сел подле меня, протянул руку с книгой, позируя. Дышал прерывисто, громко. Робко, даже виновато улыбался...

Красовский вспоминает посещение училища при выпуске прапорщиков императрицей Александрой Федоровной и наследником-цесаревичем Алексеем. Это я спросил. Пережитое Красовским из смуты тех дней - материал, который я по крохам добываю для будущей книги.

- Ренненкампф? Каков собой, где встречались? - это мой вопрос.

- В Симферополе. Он уже был в отставке за отказ выручить Самсонова и предательство под Лодзью. На его совести гибель второй армии генерала Самсонова. Ходили слухи, будто он с японской войны зуб имел на Самсонова. Да и под Лодзью в ноябре четырнадцатого выпустил немцев из мешка... Любил сидеть в сквере у гостиницы, где жил. Мы в ресторане пообедаем - и в сквер: Карловича "заводить". Его звали Павел Карлович. И

вокруг колесом. Он должен на честь отвечать, а нам конца нет. Как только сядет, так пошел следующий. Он поднимается, руку к фуражке, а сам от злобы белее известки. Усы дрожат. Они у него стрелками в стороны, длинные... Его в марте восемнадцатого расстреляли в Таганроге, или, как тогда говорили, "в штаб к Духонину отправили"...

Думал, гадал ли я, что игра в силу заведет меня в дом к тому, чье имя если не священо, то почетно для каждого, кто любит силу. Его уже забывают. Вне Франции его знают лишь такие одержимые силой, как я. Старый, добрый Беранже, его "Барабаны" отбивают ритмы. Слушаю этого русского, что прожил на чужбине и ничуть не состарился в тоске по России, а в памяти озорство строф:

Прекратите, барабаны,

Музыку свою;

Вы спокойствие верните

Моему жилью!

Красовский всегда с портфелем. Что значит "всегда"? Я знаком с ним утро и день. Но у него славный портфель. Он щелкает замками и достает книжицу - шаляпинские воспоминания. Ласкаю рукой мягкий переплет.

Прибавляем шаг. Столько сегодня дел! И подальше от чужой беды, подальше...

Глава 128.

Я навестил Ригуло 18 мая 1962 года, а 20 августа он умер...

Для Франции он был не просто самый сильный в мире, но продолжение славных традиций. Силовой спорт чрезвычайно развит во Франции с конца XIX и начала XX столетия. В этом смысле явление "Ригуло" не случайно.

Вместе с его славой и французская тяжелая атлетика переживает триумф. Из шести золотых медалей, разыгрываемых на Олимпийских играх 1924 года в Париже, две - у французов Дэкотиньи и Ригуло. На Играх 1928 года в Амстердаме (Ригуло уже профессионал и не выступает на Олимпиаде) у французов золотая, серебряная и бронзовая медали. А ведь тогда было всего пять весовых категорий.

А через четыре года в Лос-Анджелесе из шести золотых медалей три-у французских атлетов (Сювиньи, Дюверже, Остэн).

За этими победами легендарная сила Ригуло. Его успех окрыляет французских атлетов. Его профессиональные выступления будят интерес к силовому спорту. Характерно, что с его уходом из профессиональной тяжелой атлетики сходят на нет и успехи французских атлетов. Он был набатом для силы соотечественников.

Шарль Ригуло родился 3 ноября 1903 года в Везине (Франция) (Сведения - из биографической книги, подаренной мне Ригуло. К сожалению, в ней нет привязок событий по времени. Есть подробные описания почти каждого рекорда, но когда он установлен, не указывается. Единственные выходные данные книги: "Imprimerie Ricard S. A. F." Marseille).

Согласно энциклопедии Дэноэля, его рост- 171 см, вес-90 кг (вес доходил до 103 кг.- Ю. В.).

И далее: "Известен под именем "Сильнейший человек мира". И в самом деле он был непобедим в свою эпоху. "Сильнейший человек мира" - им стал тридцать лет спустя советский атлет Юрий Власов. Олимпийский чемпион Парижских игр 1924 года в возрасте 21 года с суммой пятиборья 502,5 кг, опередивший швейцарца Фридриха Леопольда в среднем весе. Затем Ригуло переходит в категорию тяжелого веса, где побивает все рекорды мира. В 1931 году в одной из попыток на рекорд мира получает травму, которая и кладет конец одной из его карьер, так как он начинает выступать в мюзик-холлах, но главным образом в борьбе кетч, где в конце концов его противником оказывается Анри Деглан - тоже чемпион Олимпийских игр 1924 года в Париже по борьбе (по классической борьбе в тяжелом весе.-Ю. В.), страстно любимый целым поколением французских любителей спорта. Шарль Ригуло, без всяких сомнений, одна из легендарных фигур французского спорта, его популярность была необычной. На протяжении своей карьеры Ригуло побил 111 мировых рекордов.

Его дочь - Дэни - была после войны (второй мировой.-Ю. В.) чемпионкой Франции по фигурному катанию".

Глава 129.

И донныне немало противников того, что в спорте была эпоха Ригуло. Обратимся к фактам.

На последней странице книги "Сильнейший человек мира - Ригуло", подаренной мне Шарлем Ригуло, сведены в таблицу все его рекордные достижения: рывок правой- 122 кг, рывок левой - 113 кг, рывок двумя руками - 145 кг, толчок двумя руками - 186 кг. 1200 кг подняты на плечах со станка. Кроме того, он единственный атлет, который постоянно толкал ось Аполлона, 166 кг, и ее же, но нагруженную до 172 кг...

Результат в толчке двумя руками (по нынешней системе, в прошлом французской) - основной показатель силы - был превзойден Норбертом Шемански лишь в 1954 году. Итак, этот рекорд абсолютной силы принадлежит Ригуло без малого четверть века, а с ним и титул "самый сильный человек в мире". Никто четверть века (а это время историческая наука определяет как жизнь одного поколения) не был в состоянии осилить толчок двумя руками Шарля Ригуло. На жизнь целого поколения - рекорд.

Теперь обратимся к мнениям современников.

Французы могли быть пристрастными. Но что писали наши газеты и журналы?..

Год 1928-й. Отрывок из статьи "Тренировка лучшего французского тяжелоатлета Ш. Ригуло", опубликованной журналом "Физкультура и спорт":

"Повысил ли Ригуло свои рекорды в результате систематически проводимой им вышеописанной тренировки?"

Да... толкнул двумя руками - 176,5 кг...

Тренируется он в высшей степени целесообразно, не изнуря себя на тренировках и сберегая энергию к соревнованиям,- полная противоположность нашим атлетам.

Ригуло еще молод: ему сейчас только 24 года. И нет никакого сомнения в том, что ему удастся побить не только мировые рекорды по французской системе, но даже превысить абсолютный мировой рекорд толкания двумя руками 190,7 кило... который установлен был в Лейпциге австрийским геркулесом Карлом Свобода еще в 1912 году. Этот немислимый вес был взят в два темпа, а не в один, как требуется (этот рекорд Свободы не имеет документальных подтверждений.-Ю. В.).

Известность Ригуло такова, что кинофирма "Гомон" засняла все его движения со штангой и гантелями и демонстрировала фильм по городам

Франции".

Итак, уже в 1928 году Ригуло обладал высшим достижением в толчке двумя руками - 176,5 кг. Эту штангу он толкнул по современным правилам в один темп, а не в два, как толкал когда-то Карл Свобода. Следовательно, уже в 1928 году Ригуло по праву принадлежит титул "самый сильный человек". Это - факт.

Позже "господин самый сильный" доводит результат в толчке до 182,5 и, наконец, до 186 кг.

На Олимпийских играх 1928 года в Амстердаме лучшие результаты в толчке у атлетов тяжелого веса Лухаэра и Скоблы - 150 кг, соответственно серебряного и бронзового призеров. А в то время результат Ригуло - уже 176,5 кг! Разница сокрушительная.

На Олимпийских играх 1932 года в Лос-Анджелесе лучший результат у победителя в тяжелом весе чеха Скоблы - 152,5 кг. У Ригуло в ту пору - 185 кг!

На Олимпийских играх 1936 года побеждает немец Мангер, но лучший результат в толчке у эстонца Лухаэра - 165 кг. Ригуло со своими 185 кг недотягивает! (Сообщения о данных результатах есть в биографической книге о Ригуло, но не указано ни время, ни место соревнования. Уточнить же данные по французским архивам не представилось возможности: в поездке было наотрез отказано министром внутренних дел Щелоковым).

С 1937 года организуются постоянные первенства мира. И вплоть до 1954 года все атлеты из первых уступают в высшей силе Ригуло.

А как же современники?

Вот статья А. Жирмунского "Шарль Ригуло", напечатанная нашим журналом "Физкультура и спорт" в 1938 году:

"За Шарлем Ригуло, популярнейшим французским тяжелоатлетом, многократным чемпионом мира и мировым рекордсменом по штанге, прочно утвердилась репутация "сильнейшего человека мира". Этой репутацией Шарль Ригуло (или попросту "Шарло", как его принято называть во французских спортивных кругах) обязан своему подавляющему преимуществу над всеми мировыми гиревиками на протяжении длительного периода лет, начиная с 1924 года, когда он завоевал абсолютное первенство по штанге на Парижских Олимпийских играх (Ошибочное утверждение. Абсолютное первенство завоевал итальянец Тонани-517,5 кг-олимпийский

чемпион в тяжелом весе. Вторым результатом был у атлета тяжелого веса серебряного призера австрийца Айгнера - 515 кг и лишь третий - у атлета среднего веса Ригуло - 502,5 кг. Соревнования проходили по принципу пятиборья, включавшего рывок и толчок двумя руками, рывок и толчок одной рукой. Полутяжелой весовой категории не существовало),

вплоть до 1933 года, когда он выбыл из строя из-за тяжелой инфекционной болезни.

В чем секрет выдающихся спортивных успехов Ригуло, создавших ему мировую славу?

Одним из основных преимуществ популярного французского атлета-профессионала являются его колоссальные физические данные.

По сведениям французского спортивного журнала, измерения Ригуло (в возрасте 32 лет) сводились к следующему: рост - 1 м 74 см, вес - 103 кг, объем груди - 1 м 32 см, талия - 97 см, шея - 47 см, предплечье - 39 см, бицепс - 47 см, бедро - 70 см, икра - 47 см, спирометрия - 7 л. куб. см.

При столь мощных формах мускулатура мирового рекордсмена, в отличие от многих профессионалов-атлетов, не гипертрофирована.

По сведениям французской прессы, большой физической силой отличались отец и дед Шарля, по профессии мясники. Сам Ригуло еще в детстве прослыл выдающимся силачом не только среди сверстников, но и среди значительно более старших по возрасту ребят.

В не меньшей, если не большей, степени, чем своей силой, обязан Ригуло своими спортивными успехами неизменно прекрасному состоянию здоровья. По данным осматривавшего его в 1936 году французского врача, специалиста по вопросам физической культуры Пьера Шевилье, у Ригуло не обнаружено никаких признаков расширения сердца, склероза и т. п. болезней. Пульс у него прекрасный, ровный, 60 ударов в минуту в покое и до 200 ударов в минуту после больших физических усилий, причем он чрезвычайно быстро восстанавливается.

Легкие, печень, селезенка Ригуло в прекрасном состоянии, кожа также вполне нормальна. Нервная система безукоризненна. Атлет обладает хорошим, непреувеличенным рефлексом, спокойным, крепким сном, ровным характером. Сохранил все зубы.

Выдающаяся физическая сила и безукоризненно здоровый организм Ригуло явились фактором не только его спортивных достижений, но и большой

сопротивляемости организма, что ярко проявилось, когда он в возрасте 29 лет впервые в своей жизни тяжело заболел менингитом, сопровождавшимся тифом. Могучий организм атлета позволил ему не только перенести болезнь, имеющую обычно (у взрослых) смертельный исход, но и успешно ликвидировать почти неизбежные тяжелые последствия менингита (мозговые явления и т. п.).

В результате через год после начала болезни Ригуло был уже совершенно здоров и мог вернуться к спорту.

Сам Ригуло любит цитировать парадокс, сказанный ему после осмотра известным французским врачом: "Ваш организм так безукоризненно нормален, что это... почти ненормально!"

Ригуло ведет нормальный, здоровый образ жизни, хотя и не следует какому-либо специальному режиму. Питается он обычно умеренно, не перегружая свой организм большим количеством тяжелой пищи. Только в период большой затраты физических сил атлет переходит на более обильное питание со значительным удельным весом мясной пищи.

В области специального спортивного режима Ригуло всегда следует мудрому правилу - никогда не перетрени-ровываться. Регулярно работает он только с гирями и более или менее регулярно занимается ходьбой, бегом, прыжками. Уже после своего перехода в ряды профессионалов, работая как тяжелоатлет в цирке, Ригуло продолжал регулярно упражняться по 1 часу в день с гирями и штангой, поднимая в общей сложности около 1235 кг. В период же, предшествовавший наиболее ответственным своим выступлениям, Ригуло усиливал нагрузку, доводя общий вес поднимаемой тяжести до 3000 кг.

Учитывая свойственные Ригуло быстроту и спортивную "злость", понятны такие его феноменальные достижения, как рывок правой-116 кг, рывок двумя- 140 кг, толчок двумя - 182,5 кг.

В последние годы Ригуло заинтересовался вольноаме-риканской борьбой и после первых своих весьма быстрых успехов в этом виде спорта перешел в ряды профессиональных борцов.

Но его основное спортивное призвание - работа со штангой, в которой он, думается, еще далеко не сказал своего последнего слова".

Таким образом, в глазах современников Ригуло - атлет легендарной силы. Ими, а не нами ему безоговорочно отдан титул "самый сильный человек в мире".

Ригуло выступал в пору, когда отсутствовали правильно чередующиеся чемпионаты мира. Лишь неукоснительно следовали раз в четыре года олимпийские турниры и отчасти первенства Европы. Уход в профессионалы представлялся единственно разумным. Другого способа добывать средства и заниматься любимым спортом не существовало. Поэтому успехи Ригуло не фиксировались в качестве официальных мировых рекордов и, как таковые, не значатся в официальной истории спорта.

Ригуло атлет совершенно особого типа. При весьма скромном собственном весе, 95-103 кг, он выдает рекорды, которые держатся четверть века. А ведь их атаковали атлеты, собственный вес которых, как правило, превышал вес Ригуло на 50-70 кг!

Лучшие атлеты-чемпионы ушли, так и не одолев килограммы Шарля. И среди них - Черный Аполлон - Дэвис. Этот замечательный американский атлет умер в 1984 году в возрасте шестидесяти трех лет. Почти долгожитель среди атлетов.

Я включился в большую игру 9 марта 1957 года, установив рекорд СССР в толчковом упражнении - 183,2 кг, и 18 марта - 184,4 кг, а 29 апреля достал рекорд СССР в рывке - 144,5 кг. Эти рекорды подхлестнули двух наших фаворитов силы - Алексея Медведева и Евгения Новикова. Они в том же году перекрыли мои рекорды, перевалив наконец и за высшие достижения Ригуло в толчке двумя руками - 186 кг и рывке - 145 кг. Это стало возможным только в 1957 году! Дистанция огромного размера!

Ни одному атлету нового времени не удавалось так решительно опередить время, как Шарло (Антропометрические данные Ригуло по разным источникам крайне противоречивы. Кажется, каждый изменяет их произвольно. Даже на разных страницах биографии Ригуло, проверенной им же, эти данные различны. Весьма отличаются и цифры, приведенные энциклопедией Дэноэля. Вообще антропометрические данные очень условно свидетельствуют о силе. Действительно важную роль играют лишь собственный вес и рост).

Факты утверждают: история тяжелой атлетики, история высшей силы знали славную эпоху Ригуло. Это десятилетия поединков, турниров, чемпионатов, встреч, соревнований, в которых властвовала сила Ригуло. Никто столь долго не слыл хозяином высшего проявления силы - тяжести, поднятой на вытянутые руки согласно всем нынешним правилам и публично, а не где-то у себя в зале, на тренировке...

- Не правда ли, симпатичный? Сильный и вовсе не страхолюдный!..- говорит Жан Дам мужчине в берете. Дам держит его за локоть и кивает на меня.

Все это смешно и несколько неприятно, но я в гостях у Дама, в его "Маленькой Таверне". Она и в самом деле маленькая - столов на восемь - десять, от входа к стойке в два ряда. Вспоминаю, что Аик Бергер мечтает о такой, если уже не купил.

Дам ласково шлепает меня по затылку. Теперь он представляет меня немолодой даме. Я заученно улыбаюсь, но дама удостаивает меня лишь взлетом подведенных бровей.

Мужчина за столом ворошит газеты и потирает голый, скошенный ко лбу череп. Он водит пальцем по строчкам, надевает очки.

Наконец и мы усаживаемся. Но тут же мой хозяин, он же хозяин "Маленькой таверны", он же руководитель французской федерации тяжелой атлетики, сипловато покрикивая и размахивая руками, торопливо уходит. За стойкой его выслушивает немолодая женщина с усталым простым лицом. Не успеваю осмотреться, как господин Дам ставит на стол стаканы с беловатой мутной жидкостью. Аперитив, то бишь разбавленная анисовая водка "Перно". Не переставая разговаривать с женщиной за стойкой, он садится за стол и пучит на меня красноватые рачьи глаза. Затем набивает трубку и громко, напористо спрашивает о травмах. Это главное, ради чего он привез меня к себе.

Он сосет трубку, отвечает на приветствия и рассуждает:

- Замечательно, если завтра тряхнете рекорд! К чему разочаровывать людей? Не вспоминайте о травмах. Я думаю, вы тряхнете рекорд!.. Все-таки не сможете работать в жиме и рывке? Досадно, досадно... Но в толчковом упражнении?.. Позвоночник и шея... - Недослушав, он убегает в дверь позади стойки.

Он огорчен моим нежеланием "трясти" рекорд. Я рассчитывал на показательное выступление, но не на попытки взять рекорд и не на эту шумиху. Конечно, хозяева турнира встревожены. Весь спектакль силы затеян ради этого зрелища абсолютного рекорда силы. Уже снят новый, еще не полностью построенный Дворец спорта. Проданы пять тысяч билетов. Париж основательно напичкан афишами с моим ликом.

Появляется Дам, за ним женщина с тарелками. Дам ступает энергично, отчего весь всколыхивается. Рот полуоткрыт в натужливом дыхании. Серый пиджак с узковатыми по моде лацканами распахнут, галстук затиснулся вбок, под воротничок. Из ладони сине дымится трубка.

В момент, когда я пробую на язык аперитив, репортеры разряжают камеры - слепну под фотовспышками. Они приехали за нами и время от времени ловили меня в кадр. Теперь, галдя, уходят. Остается один, он заказывает коньяк. Следит за нами, улыбаясь белой вставной челюстью... Потом он подарил мне снимок: я вхожу в гостиницу - широкий, толстогубый, за очками - избалованность и довольство, под отпахом плаща - добротный светлый костюм. Ни дать ни взять удачливый коммерсант...

Дам выкрошивает золу с табаком из трубки, доверительно убеждает:

- Пусть одно толчковое упражнение. У нас будут работать и другие рекордсмены, но в толчковом упражнении тряхните рекорд.

- После разминки скажу, в состоянии работать на рекорд или нет.- Я рад бы согласиться с Дамом, но опасаясь, травмы отсекут свободу движений, а на мышце, завязанной страхом новой боли, не сложишь победную протяжку. Травмы не залечены. Инстинкт бережет их, отупляет все напряжения, сводит на заурядные. На разминке хочу определить глубину боли, способность к предельной собранности, нащупать допустимые перекаты напряжений.

- Стало быть, сегодня на разминке ваш ответ. Досадно, досадно... Но в любом случае не объясняйте репортерам, что отказываетесь от рекордных попыток.

- Обещаю.

Дам мрачнеет. Все это ему не нравится. Беспokoйно надавливает пальцами на стол. Руки жирноваты, в сплетениях синих вен.

Спрашиваю:

- Где вы были во время войны?

- Этой, с бошами?

- Да.

Дам выпячивает грудь и с пафосом повторяет:

- Маки! "Свободная Франция"!

Вспоминаю перелет из Москвы. Болтанка всегда сказывается на мне. Иногда укачивает до дурноты. После тщательного обследования мне разъяснили, что это последствие тяжелого недоеда военных лет. Еще бы, у меня тогда и выпали волосы на темени, и болел чуть ли не рахитом. От недоеда - вой, что только не пробовали в пищу... Я всегда жалел о силе, которая не созрела. Я рос стремительно - и от недоеданий страдал, даже плакал во сне. Я был бы несравненно крепче, война свернула физический рост, хотя среди сверстников я выделялся силой...

Впереди перелеты в Финляндию и по Финляндии. Как вот с болтанкой? Скидок на это никто не делает, залы будут требовать силу...

Хорошо, в этот раз не оплошал. В кресле впереди сидел помощник президента Кеннеди по связи с прессой Пьер Сэлинджер. Нас представили друг другу в Шереметьеве. Вот бы раскис при нем! И это - сильнейший человек, срам!..

- Я вам звонил с десяти,- говорит Дам.

- Навещал Ригуло. Меня проводил господин Красовский.

Дам пучит глаза и заговаривает с неожиданным раздражением, подрагивая дряблыми щеками. Я не все разбираю. Но одно ясно: он зол на Ригуло, не прощает ему чего-то. Заканчивая объяснение, Дам обреченным жестом подсекает воздух.

Я слышал: в самые счастливые годы для Шарля Ригу-ло его тренером и менеджером был Жан Дам. После разошлись.

- Нравится? - беспокойно ерзая, поводит подбородком на стакан, свой он уже успел выпить.

- Через несколько часов тренировка. Лучше бы "Виши".- Я отодвигаю стакан.

- Да, да! - Дам треплет меня по щеке, встает, шагает к стойке, отдавая распоряжение и перекидываясь словечком с лысым господином. Тут же возвращается с минеральной водой, за ним - женщина. Она расставляет тарелки: сыр, отбивные, зелень, бутылки...

Одутловатый, багровый, с мешками под глазами, Дам не способен

противиться страсти к движению. Он расталкивает тарелки, бурчит через плечо приветствия; чем-то заинтересовавшись, притиснувшись грудью к столу, смотрит на окно; вдруг, подавшись ко мне и глядя в спину уходящей женщине, свистящим шепотом рассказывает анекдот. Я делаю вид, будто мне смешно, однако сыр теряет аппетитность. Дам привстает и тем же сипловатым шепотом, прерываемым одышкой, пересказывает анекдот лысому господину. Тот просвещеннее меня, уже наслышан, приятно обоим - похохотывают. Потом лысый выкладывает новости об ОАС, Сустеле, генералах Салане, Массю...

И тут до меня постепенно начинает доходить, что не только из-за выступления на турнире привез меня к себе в закулочную Дам.

В Международной федерации господин Дам вечный вице-президент, а это обидно. И хотя держится он всегда независимо, однако же чувствует себя уязвленным из-за постоянной второй роли в федерации. И возраст поджмает - шестьдесят пять. Согласно уставу выборы нового президента на очередных Олимпийских играх. Стоит заранее побеспокоиться...

Но господин Дам роковым образом заблуждается. По его разумению, спортсмен такого калибра, как я, непременно может оказать влияние на позицию советского вице-президента в Международной федерации. Но сие так же далеко от действительности, как и значение моего вкуса для репертуара Большого театра. Я играю роль, самого же меня нет, есть только моя сила. Я пешка.

Господин Дам - один из организаторов современного тяжелоатлетического спорта во Франции. И этим искренне горд.

В 1945 году Дам основал журнал "Современная тяжелая атлетика". Свою информационную роль журнал выполняет недурно. В прошлом Дам - чемпион Парижа по атлетизму и штанге, ныне - директор сборной Франции, вице-президент Олимпийского комитета страны и СУДЬЯ международной категории (Энциклопедия Дэноэля сообщает, что Жан Дам был кавалером ордена Почетного легиона, а также Военного креста, медали Сопротивления и Военной медали. Умер Жан Дам в 1970 году).

В первой олимпийской пробе, в 1952 году, Дам поддержал наших атлетов. "За свою многолетнюю практику в Федерации тяжелой атлетики я не видел столь отвратительного судейства,- заявил он в Хельсинки журналистам.- Судей точно подменили. Как только начинаются соревнования между атлетами США и СССР, сразу исчезает беспристрастность. Спорта в таких случаях нет, есть политическая борьба. Когда выступают американцы, то какие-то личности начинают шептать судьям с явным намерением заранее

предрешить их мнение". В знак протеста Жан Дам вышел из судейской коллегии (Соболев П. Олимпия. Афины. Рим. С. 317).

...Эх, ежели бы отбросить обет монашества спорту, утопить в беспечности юности все тревоги, не играть в многозначие сильного, быть вне заданности чувств! Для чего расстановка чувств? Почему эти чувства выше всех беспечностей и нет выше их ничего?!

Глава 131.

Остановились мы в гостинице "Модерн" на площади Республики. Не успели распаковать чемоданы, как в дверь просунулась голова коридорного и молвила на ломаном русском: "Икра купить, крабы купить? Франки, пожалуйста!"

Тренер выругался. Голова убралась.

Нет-нет, а подхожу к окну: вот он, Париж! Не выступление - сейчас бы отправился бродяжничать. Но беспокойными мнятся прелести города. Смутно и нехорошо на душе: острая тоска болезни смешана с естественным, здоровым любопытством...

Весна небывало опаздывает. Париж гудит шквальным ветром. Резво выдувает он с Атлантики тучи ненастья. Мы прилетели в Париж 17 мая, а выступать 19-го, в субботу. И при желании не разгуляешься.

Деревья уже в листве, взлохмаченные ветром. Порывы дождя. Сумерки днем...

Великие своим оружием,

Куцые, как их штыки,

Гордые своими шпионами...

Это строки выделки Поля Элюара. О другом времени. Но только ли оно схоронено в .945 году...

Я не знаю Пикассо (сейчас владею альбомом с его пространным автографом). Лишь здесь, в номере, полистал журнал - репродукции работ Дали. Поразили. А Пикассо?..

Все от жадного любопытства к Петрову-Водкину. Этот выход на живопись смысла. Эта подчиненность природы направлению мысли. Это единство нового раскрытия мира в музыке, живописи, литературе. Это ощущение явления задолго до его свершения, это поворот к новому среди торжества традиций. Поначалу меня коробила нетрадиционность нового, даже оскорбляла. Потом вызвала любопытство. Я не понимал, не чувствовал новое, просто увлекла расшифровка. А потом новое и все старое (все традиции) слились воедино. Я внезапно увидел неразрывность развития. И тогда жадно стал вычитывать все смыслы нового. В нем символика и смысл преобладают над изобразительностью. Не у всех мастеров, конечно...

Все это совмещается с привязанностью к импрессионистам, старым классикам и вообще классике. Я только теперь уразумел, что одно не исключает другое. И это отнюдь не всеядность. Все в искусстве едино и неразрывно. Одно развитие переходит в другое, отражая не только изменения жизни, но и ее богатство, великую разность. И я увидел ее вдруг разной. В прекрасном - разной. В прекрасном это развитие, опрокидывающее принцип единственности и единообразия, отрицающее всякую законченность...

Великие своим оружием,

Куцые, как штыки,

Гордые своими шпионами,

Сильные своими палачами

И пресыщенные человеческим горем...

Это Элюар проклинал гитлеровцев, насилующих его Францию, а как похоже на нашу жизнь...

Быть может, болезнь лишала беззаботности, но все это я пережил с едкой впечатлительностью тогда, в Париже.

Эти стихи Элюара гвоздем засели. Я размышлял о содержании насилия, его назначении, душевном состоянии мира насилия. Я видел это насилие через стихи. Оно в тяжелой бездумности солдатских башмаков, заgrimированной сыскной тотальности, наглости прав на толкование мира, глумливой назойливости пустых символов, срететированной слаженности народного мнения...

Дух, закованный в объятия скелета...

Я не знал, что Элюар дружил с Пикассо и подсказал художнику колорит "Герники". Не знал, что Пикассо работал над "Герникой" только ночами, при электрическом освещении. Не знал слов Пикассо о быке, изображенном в левом углу картины: "Нет, бык-это не фашизм, это вообще грубая темная сила". О лошади на картине художник отзывался как о символе народа...

Вот ответ Пикассо на вопрос немецкого офицера: "Это ваша работа?" (художник всегда вручал посетителям-оккупантам открытки-репродукции "Герники"). "Нет,- сказал Пикассо,- ваша..."

Славный ответ.

...Спорт. Необходимости рекорда.

Жизнь помимо воли складывалась узко, заворачивала единственно на спорт, угождая единственно "господину мускулу". Я тревожился, не стреножит ли меня спорт, не лишит ли воли, не превратит ли в искателя славы и довольства. Дорога ведь накатана. Пользуйся...

Другая жизнь отступала перед непрерывностью тренировок, соревнований, физической и нервной усталостью от проб на живучесть. Я постоянно ощущал этот напор - он увлекал, отрывал от других дел, размывал другие желания. "Господин мускул" требовал меня всего, не соглашался делить с другой жизнью, заявлял о праве быть мною. ...Как же тяжело жить под гнетом громады "железа"- ни года жизни без него! За каждый глоток воздуха отвечай силой, выворачивайся силой, подыхай... или убирайся...

Глава 132.

Необычным был тот Париж. В скверах, на бульварах и площадях жандармы с автоматическим оружием, кое-где пулеметные установки-обилие жандармов, армейских патрулей. Местами развороченные стены зданий, преимущественно редакций газет,- следы пластиковых бомб. Везде и непременно в разговорах: "ОАС! ОАС!.." После второй мировой войны от Франции отпадают колонии. Самая кровавая из войн - против Алжира. До окончания войны в Алжире (1962) оасовцы убили две с половиной тысячи "неудобных" им французов, не говоря уже об алжирцах, которых пало в освободительной войне около миллиона!

16 сентября 1959 года президент Франции генерал де Голль в официальной речи признает право Алжира на самоопределение. Французские

колонизаторы в Алжире, верхушка колониальной армии, которая столь способствовала приходу генерала де Голля к власти и установлению режима Пятой республики, начинают с ним борьбу не на жизнь, а на смерть. Алжир в мятеже. "Ультра", мятежные генералы, даже бывшие соратники де Голля по Сопротивлению (1940-1945), образуют секретную террористическую организацию ОАС. С января по ноябрь 1961 года по Франции взрываются триста пятьдесят бомб. Другая террористическая организация - "Старый штаб армии" - подключается к охоте на де Голля. На их счету пятнадцать покушений, среди прочих - взрыв вплотную с автомобилем президента, стрельба в упор из автоматов. В то же время распространяются слухи, порочащие этого великого человека. Я слышал, что якобы де Голль виновник гибели героя Франции времен второй мировой войны генерала Леклерка, слышал, что "...де Голль ревнив к славе и не терпит конкурентов, вспомните его поведение с генералом Жиро..." Во время второй мировой войны генерал Жиро выдвигался американцами на пост главы французского правительства в эмиграции.

Тот майский Париж окружил нас тревогой. Ждали десант головорезов-парашютистов из Алжира, выступлений их сообщников в самом городе. Мы несколько раз по часу простаивали в автомобиле. Чтобы сбить террористов с толку, в городе перекрывали сразу много улиц. Де Голль пользуется автомобилем лишь до вертолетной станции. За ним - настоящая охота.

Но он ни в чем не изменяется. То же презрение к опасности, та же преданность идеалам. И французы верны себе: сколько же шуток в адрес генерала.

Осанку, величавые жесты и пафос де Голля пародирует какой-то актер. Он устраивает спектакль прямо на улице, обращаясь к публике из открытого автомобиля.

Смех, аплодисменты! Потом незначительное судебное наказание. Парижане спрашивали меня: "А если бы московский артист вот так бы спародировал Хрущева?" Я молчал. Даже в мыслях участь такого артиста представлялась жутковатой. Зато теперь на выступления актера публика ломится. Париж воюет вместе с де Голлем против колонизаторов, "ультра" и смеется над амбициями генерала.

Глава 133.

17 мая газета "Экип" напечатала: "Власов, богатырь всех времен, хочет удивить Париж!.. У этого результативного атлета намерение набрать 560 кг.

У парижан привилегия насладиться этим зрелищем".

Я хочу удивить Париж? Я обещаю набрать 560 кг?.. Ай да Жан Дам!..

18 мая "Экип" уточнила: "Власов в Париже! У него травмы позвоночника и шеи, но он решил завтра атаковать рекорд..." И так почти во всех газетах, до самых крупных. И среди них сообщение спортивного обозревателя Альберта Дахана: "Сегодня Власов сказал президенту Жану Даму: "Я дам ответ, смогу ли выступать, после тренировки в Национальном институте спорта". На тренировке в тяжелоатлетическом зале он был окружен знатоками и любопытными. Как впечатляюще, когда он обнажен! С головы до пят - атлет! При весе 123 кг - ни следа жира, 48 см - окружность расслабленного предплечья. Исключительно гибкий... И в то же время разминка без каких-либо необычностей. Несмотря на травмы, он толкнул 180 кг. При работе он избегает гримас..."

Да, на разминке я пообещал Даму "тряхнуть" рекорд. Мышечные напряжения обошлись без вяжущей боли. Бессонницы и травмы еще не сделали свое.

Пышность титулований. Серьезность измерений бицепсов и трицепсов. Портновский "метр" вокруг шеи, теперь захлестывая на ноге - что, подходяще?! Как тут быть серьезным? И эта тренировка на публике - в ней каждый жест от игры. Живот подтянут для пущей стройности. И всегда улыбка. И беззаботность. Подумаешь, невидаль - "железо".. А ревность? Разве ревновать к чужой силе - не вырождение?

Если очерстветь, ворочать только "железо", на годы стать МУСКУЛОМ - я, наверное не вытянул бы и десятой доли испытания от "железа" и вообще от всех напряжений. Каждый день сулит неизменность новых кгтограммов; ладони превращаются в подошвы из-за мозолей, и позвоночник саднит стертостью даже во сне...

Глава 134.

Кипа газет росла. Сколько обещаний! Какие обещания! Сколько моих улыбок по всем этим страницам!

Тренер по-прежнему верил в мою силу. Я злобился на поездку: вот влип!

И еще эта суббота - будет ли публика? То, что билеты якобы распроданы, могло быть чисто рекламным трюком.

Оглядываюсь: тренер вышагивает по номеру и насвистывает романсы на слова Апухтина. Тоже играет в беззаботность. А сломаюсь - всем плевать...

Побеждать, победить - значит прожить жизнь в соответствии с убеждениями.

Подлинная победа - это жизнь для любимого дела, независимость поиска этого дела, общего дела, уверенность в себе и, наконец, сохранение искренности, этого величайшего дара, уберегающего нас от лжи и выдумываний себя...

Под рукой, в узком луче лампы,- томик Беранже. Бог с ней, бессонницей. Если режим расклеился, организм отказывается держать его, так отведу душу хоть за бредом слов... Хоть в них есть честь.

Глава 135.

Ну и погодка! Разве это майские тучи на студеном, хлестком ветру? Улицы выхоложены, безлюдны...

Но к полудню в субботу тучи поредели. За прозрачным, вычищенным ветром воздухом глянулась высокая голубизна. Спокойнее зашелестела листва. По нашему номеру пополз нежаркий солнечный луч.

"Юрий Власов завоевал парижскую публику,- писал в отчете о соревнованиях Ле Бё,- но потерпел неудачу в попытке побить свой же рекорд мира. Покушение было долгим. Но никто из пяти тысяч зрителей не решился покинуть Дворец спорта, несмотря на поздний час и риск пропустить последний поезд метро..."

Вместе со мной пробовали силу атлеты шести стран. Никому не дался рекорд.

Глава 136.

Редкий случай - после соревнований целый день отдыха. Обычно сразу в самолет - и домой: только бы сэкономить на валюте, а точнее - на нас... Красовский - за гида. Весь день - из метро в метро. Ноги отваливаются, но жадничаю на улицы, площади, дома - буду ли еще в Париже (сколько монет

кидал там во все встречные фонтаны, а так и не вернулся в те города: обманная примета, факт)...

И вечер свободный, самолет почти в полночь. Можно посидеть в номере. Репортерам теперь не до нас: без рекорда я. И телефон онемел, он в таких делах ученый.

Красовский не курит, не пьет. Русоволос. Виски седоваты. Одет просто, но с аккуратностью и вкусом, которые выдают воспитание. Без следа сутулости - развернуто прям, пружинист. В тонких губах лукавость. И совершенно лишен угодливости, будто не его трепала на редкость пестрая судьба. Не пристал к нему и цинизм опыта лет. Спорт не любит - обожает. Вообще о силе высокого мнения, и о своей тоже.

Стоит у окна и рассуждает: "Тяжелая атлетика - это сила в очищенном виде. Здесь от хитростей соперника поднятый вес почти не зависит. Превосходная игра. И сражаешься один на один. Из всех видов проституции человека в обществе (а мы здесь все купленные, все совесть соразмеряем с обстоятельствами... Подлость?.. Именно!..) спорт - самая меньшая. Зарабатывать силой - за это предан силе. Из всех частей - наиболее достойная. Не валяешься ни у кого в ногах - силой и мужеством добываешь свой кусок. Благодарная судьба - атлет. Это, дорогой Юрочка, в старой России атлеты очень понимали. Великая охранная грамота на достоинство и собственное имя.- И Красовский выразительно чертит пальцем по воздуху.- Теперь давай-ка помассирую. Тебе еще выступать. И травмы подлечу. Надежные мази... давай шею..."

Вчера Красовский помогал Богдасарову: разминал, разогревал пастами, следил, чтобы я не остывал. Дворец - цементно-холодный, не обжитой...

Слушаю его и запоминаю, чтобы потом записать его рассказ...

"В 1912 году на V Олимпиаде в Стокгольме команда России заняла предпоследнее место, опередив лишь турок. Позор такого поражения заставил Всероссийский олимпийский комитет и Ведомство физического воспитания и спорта, его возглавлял генерал-адъютант В. Н. Воейков, принять довольно энергичные меры к подготовке команды для VI Олимпиады 1916 года в Берлине. Среди прочих мер - постановление об ежегодных Всероссийских олимпиадах по утвержденным видам спорта. Первая состоялась в августе 1913 года в Киеве. Все ожидания превзошло число участников: несколько сот.

В беге на 5000 и 10 000 метров победил москвич Хорьков. Петербуржец Гантварг первенствовал в легкоатлетическом многоборье. Немец Фукс, он

тренировался в Германии, выступил за киевское общество "Спорт", собрав целую коллекцию медалей. Фукс стартовал на дистанциях 400, 800, 1500 м и в эстафетном беге 4X400 м. Все приветствовали победителя в ходьбе на 20 км рижанина Рукса. В марафонском беге первое место занял семнадцатилетний киевлянин Алексеенко. В эстафете 4X400 м над всеми взяли верх Семенов, Вешке и братья Борис и Николай Орловы. На высоте 175 см опередил соперников Б. Милевский. Настоящий триумф выпал на долю поручика Голубятникова - победителя мотопробега Киев - Чернигов - Киев. Под овации зрителей поручик ворвался на стадион и добрый десяток кругов писал виражи. Со стадиона его унесли на руках. В борьбе спортивная слава сопутствовала петербуржцам Мартину Клейну - призеру V Олимпийских игр и Георгу Бауману - чемпиону мира в легком весе, а также молодому Карлу Пожелло и виртуозному "технику" Павловичу. Понравились знатокам москвич А. Мезит и рижанин Ян Полис.

Конечно же, кумиром публики был и чемпион России по поднятию тяжестей рижанин Ян Краузе. Однако его победа не затмила успехи других атлетов - чемпиона Прибалтийского края средневееса Артура Седата. В совершенстве сложения Седат мог бы соперничать с самим Сандова. Мощно выступил чемпион России в полутяжелом весе Аркадий Александрович. Подтвердил свой класс призер чемпионата мира и русский рекордсмен среди легковесов П. Херудзинский. Привлекли внимание Сиркен-Казаков и двое молодых легковесов Кузьмин и Ваприс - из команды петербургских штангистов.

Киевская же тяжелая атлетика переживала упадок. Киевское атлетическое общество, которое столь процветало в начале столетия и славилось такими атлетами, как А. А. Шварцер (псевдоним Аше), Кислюк, Голович, и в котором начал карьеру Иван Поддубный, приказало долго жить из-за финансовых трудностей. Лишь двое атлетов - легковес П. Латушкин и средневеес В. Мирный - представляли Киев на Олимпиаде. От Чернигова по борьбе выступил семинарист Евгений Певень, а по поднятию тяжестей - Котя Павленко и я, Александр Красовский. Тогда в Киеве первенство по тяжелой атлетике впервые разыграли в пятиборье согласно правилам новой системы, "французской".

"Французская система" требовала для поднятия штанги одной рукой брать ее с помоста тоже одной рукой, в рывке выхватывать штангу с помоста на вытянутую руку без дожима. А для жима и толчка двумя руками брать штангу на грудь лишь в один темп, а не в два, три или даже пять, как допускалось по старинной "немецкой системе". Правила объявили атлетам уже в Киеве. Участников разделили по трем весовым категориям: легкая - до 67,5 кг, средняя - до 82,5, а свыше 82,5 - тяжелая.

В то время я весил 4 пуда 10 фунтов (70 кг) и был грузноват для легкого веса, однако не годился и для среднего. До состязаний - два дня. Как похудеть на шесть фунтов? Теперь, при моей опытности, это пустяк. Боксеры перед взвешиванием в день матча сгоняют до пяти килограммов (около 12 фунтов). Я принял слабительное - и париться в баню. Взвесился - тяжелоатлет все-таки. Не помню, у кого раздобыл бараний тулуп. Голову закутал в башлык - и в Ботанический сад. Августовская жара, а я часы в кулак-и вокруг цветника: шестьдесят минут без отдыха! Набегался до отвращения. Плюхнулся на скамейку. Господи, птицы, цветы, тенистые деревья, а я насквозь мокрый, даже тулуп липнет! Отдышался - и поплелся по Владимирской в общежитие. Там проживали тяжелоатлеты. Иду, а прохожие шарахаются - что это за чудак! Взвесился в общежитии - еще фунт сверх нормы! С вечера - опять в парилку. А уже два дня не ем и не пью. Осатанел от жажды...

Состязания по тяжелой атлетике открылись на второй день Олимпиады. Взвешивание - с десяти утра. Становлюсь на весы - ровно 4 пуда! Это на 5 фунтов меньше, чем надобно! Я тогда не знал, что если спать голодным, не ужиная, то обязательно теряешь вес. Тренера не было, кто подскажет... А жажда! Я прямо с весов в молочную. За один присест опорожнил две кринки молока, а все мало...

Состязания начались вечером. Помост перед главной трибуной, подле беговой дорожки. Все состязания по легкой и тяжелой атлетике, борьбе, гимнастике, фехтованию и прочим видам спорта - на стадионе. На помосте - штангист, сбоку, на дорожке, соревнуются бегуны, а на ковре - его разостлали по газону в центре стадиона - схватываются борцы...

В легком весе набралось шестеро участников: петербуржцы Херудзинский, Кузьмин, Ваприс, киевлянин Латушкин и нас двое черниговцев - Павленко и я. В среднем весе лишь трое участников, столько же и в тяжелом...

На всех произвел впечатление Ян Краузе: высокого роста, широкоплечий, с выработанной мускулатурой при весьма скромном собственном весе - 95 кг. Он вырвал правой 220 фунтов (90,09 кг), толкнул левой 230 фунтов (94,18 кг), вырвал и толкнул двумя руками соответственно 250 (102,37 кг) и 320 (131,04 кг) фунтов. Сумма пятиборья-1250 фунтов (511,87 кг), ее и засчитали как 'официальный русский рекорд. Затем утяжелили штангу до 9 пудов (147,42 кг). Краузе взял ее в два темпа ("по-немецки") на грудь и легко вытолкнул. Доктор М. И. Го--лович объявил публике, что такой вес в Киеве еще никто не поднимал. Вторым за Краузе был Аркадий Александрович - пионер атлетического спорта в Минске, третьим - рижанин Клявинь.

Латыш Ян Краузе умер в 1920 году от тифа двадцати семи лет. Похоронен в Риге...

В среднем весе сошлись Седат и Сиркен-Казаков. Золотая медаль досталась рижанину Седату. Он побил русский рекорд в толчке двумя руками, подняв 290 фунтов (118,75 кг). Серебряную медаль получил СиркенКазаков, а бронзовую - киевский художник Виктор Мерный.

В легком весе Херудзинский без труда подавил нас. Но уж за второе и третье места - настоящая драка! Ваприс набрал 885 фунтов (362,41 кг) - серебряная медаль, я сделал на 8 фунтов (2,05 кг) меньше и заполучил бронзовую. На четвертом месте неожиданно для всех оказался опытный киевский атлет Павел Латушкин. Он всю жизнь мне это не прощал. Мы расстались недругами. В конце августа на Киевском ипподроме - это на Печер-ске - торжественно отметили окончание I Всероссийской олимпиады. После парада вручили медали и памятные значки.

Впоследствии я установил всероссийский рекорд в жиме двумя руками..."

Принял участие Красовский и во II Всероссийской олимпиаде 1914 года в Риге, скомканной мировой войной. Однако не закончил выступления из-за травмы.

Атлетическая Россия признала его. На чемпионатах страны 1915 и 1916 годов Красовский неизменно в призовой тройке. Возраст и отличные данные сулили в скором времени чемпионский титул. Он рассчитывал после войны и на успех в соревнованиях с лучшими легковесами мира...

Представление о нем, как и о Елисееве, помог мне впоследствии составить историк тяжелой атлетики Суханов.

"...Один из сильнейших профессионалов мира, русский силач Моор (Знаменский) имеет в толчке двумя руками 406 фунтов (166,26 кг)..." (Циклист, №131, 1897).

"Моор-Знаменский имеет в толчке двумя 406 фунтов и. в жиме двумя 8 пудов 10 фунтов (135,13 кг). Один из первоклассных гиревиков не только России, но и мира... Корифей русского атлетического спорта" (из статьи Чаплинского.-Русский спорт, 1911).

Моор-Знаменский с 1902 года начал участвовать в состязаниях по борьбе. Вывих в коленном суставе привел к искривлению ноги. В 1917 году оставил арену, был помощником начальника милиции одного из районов Мое квы. Умер в 1928 году пятидесяти восьми лет.

Красой и гордостью русского силового спорта являлся Сергей Елисеев. Он заслуживает особой памяти за выдающиеся рекорды, разумное отношение к тренировкам, любовь к России и светлую душу.

Кое-что сообщает о Елисееве книга Дюбуа "Как еде латься сильным" (1915). Вот выдержки:

"...Бонн считает русского Елисеева самым совершенным и самым классическим из всех атлетов России.

Многие спортсмены утверждали, что Гаккеншмидт (Русский Лев), слава которого как всемирного силача столь велика, сильнее Елисеева.

Бонн утверждает обратное, и нужно сознаться, что он ближе к истине.

Пусть Русский Лев Гаккеншмидт слывет победителем, однако не его, а Елисеева Петроградский атлетический кружок послал в Париж защищать свою национальную честь. Такому серьезному доказательству доверия и уважения не может противостоять никакое сомнение.

Не нужно забывать, что молодой русский атлет исполнял феноменальные номера (перечень их помещен далее) после десяти дней путешествия.

Бонн, со свойственной ему порядочностью, не преминул сообщить в своих заметках, что его русский соперник был немного удивлен новизной некоторых движений.

Каждая страна имеет свою манеру выполнения. Немцы не придерживаются тех правил, которые царят во французских клубах, у русских также свой способ выполнения упражнений. Нужно еще прибавить, что русский Елисеев был принужден выступать в продолжение 15 вечеров без перерыва и давать в своих упражнениях максимум силы, работая на незнакомых гирих. Составить себе ясное представление о его силе можно, просмотрев цифры, точно определяющие его рекорды:

на вытянутой руке за кольцо - 45 ф.;

на вытянутой руке на ладони - 60 ф.;

вырвал правой рукой - 150 ф.;

вырвал левой - 140 ф.;

выжал правой рукой - 100 ф.;

выжал левой - 105 ф.;

выбросил правой рукой - 140 ф.;

выбросил левой- 140 ф.;

выжал двумя руками - 220 ф.;

вырвал двумя руками - 200 ф.;

толкнул двумя руками - 270 ф.". (Здесь результаты даны в немецких фунтах; немецкий фунт равен 500 г.- Ю. В.)

Сергей Елисеев был незаконно репрессирован в 30-е годы и погиб. А о нем с уважением отзывался сам Дебоннэ.

Дебоннэ - фигура исполинская в становлении физической культуры во Франции, да и не только во Франции. Русские атлеты относились к нему как к бесспорному мировому авторитету.

Французы считают Дебоннэ "отцом современной физической культуры". Он прожил долгую жизнь - 86 лет (1867-1953), оставив солидный свод интереснейших работ, таких, как "Физическая сила".

Дебоннэ не уставал напоминать принцип Сенеки: "Человек не умирает, он убивает себя".

С начала века во Франции издается журнал "Физическая сила", который тесно связан с именем Дебоннэ. Журнал пропагандировал физическую культуру, уровень его материалов был очень высок. Без сомнения, это было одно из культурнейших изданий такого рода в мире.

В Музее физической культуры и спорта Франции я видел макет спортивного зала для женщин - вроде бы ничего особенного, если бы не дата. Зал действовал уже в 1843 году. Женщины тренировались в платье, сообразно взглядам эпохи, но это уже была настоящая физическая культура, движение к ней. Дата - 1843 год, а также сам зал и то, что он для тренировок женщин, впечатляют...

Глава 137.

Помянул Красовский и одного из теоретиков физической культуры и спорта дореволюционной России, журналиста и известного тренера Александра Константиновича Анохина (псевдоним-Б. Росс).

В течение ряда лет я выяснял судьбу Анохина.

Студентом-медиком Анохин публикует первые статьи. так или иначе связанные с физической гигиеной и тренировкой. Одна из них появляется отдельной брошюрой в 1905 году с предисловием профессора И. А. Сикорского

Впоследствии доктор Анохин издает семь книг, непосредственно посвященных различным системам тренировки (Сандова, Мюллера, Дебоннэ, Штольца, Дудлея. японской, русской). Лишь одна из них написана в соавторстве с В. К. Крамаренко. Его работа "Волевая гимнастика. Психофизические движения", напечатанная в 1909 году, выдерживает шестнадцать изданий! Из них восемь - посмертных, последнее - в 1930 году. Анохин являлся также редактором "Всероссийского календаря спортсмена" (Киев, 1914). Приложением к календарю был отчет о I Российской олимпиаде 1913 года. Анохина, несомненно, можно отнести к строителям русского спорта. Невозможно счесть его очерки, заметки в разных спортивных журналах, каждая-самостоятельный взгляд на судьбу того или иного атлета, а также на назначение физической культуры и спорта.

Это одна сторона жизни Анохина. Другая - руководство крупнейшим в дореволюционной России масонским орденом Андрея Первозванного (ложе Нарцисс). Вместе с ним в руководстве орденом оказался и С. К. Маркотун, который уже в эмиграции публикует об этом воспоминания. На Анохине как пророке ложи и вообще русского масонства замыкаются связи с орденом Изида, оккультной коммуной Гисбар и парижским Верховным советом мартинистов (через Маркотуна и небезызвестного французского консула Энно). У масонов строгая иерархия всех братьев по ложе. Есть высшее звание - пророк, есть - магистр, маг, рыцарь. Эти звания при написании обозначаются своей системой точек. Посвященный сразу прочтет...

Масонская ложа тесно связывает Анохина с будущим гетманом П. П. Скоропадским, "самостийником" С. В. Петлюрой, В. Н. Луниным - внебрачным сыном царского военного министра Сухомлинова, Воробиевским (он вывозил в карете "скорой помощи" гетмана Скоропадского в немецкий военный эшелон, отбывающий в Германию) - все они встречаются в этой ложе, все - братья по ложе... и ненависти к революции.

Еще до известных событий Петлюра приносит клятву в помещении масонской ложи на Львовской улице, 47, кстати, в присутствии будущего гетмана Скоропадского. В этом же доме квартиру под номером девять занимал Анохин.

В 1919 году при облаве на киевских валютчиков случайно задержан Анохин. Он не имеет никакого отношения к черной бирже, но при выяснении личности и допросе в милиции вдруг дает подробные показания о руководимой им масонской ложе и ее российских и международных связях. Важные сведения тут же поступают в Ч К.

Неизвестно, по каким причинам, то ли опасаясь возмездия, то ли в раскаянии за свою слабость (как-никак выдал святая святых-ложу и братьев по ложе), то ли по другим, неизвестным причинам, но Анохин кончает самоубийством в своей одиночке (все из-за той же важности сведений его посадили в одиночку). Характерна поза покончившего с собой - поза распятого Андрея Первозванного - символа любой русской масонской ложи.

Много и других, весьма интересных сведений дал этот розыск Анохина. К сожалению, им здесь не место.

Такова противоречивая и сложная судьба одного из зачинателей русского спорта.

Не о таких ли, как он, написал Борис Савинков:

Когда принесут мой гроб,

Пес домашний залает,

Жена поцелует в лоб,

А потом меня закопают.

Глухо стукнет земля.

Сомнется желтая глина,

И не будет того господина,

Которым называл себя я.

Этот господин в котелке,

С подстриженными усами,

Он часто сидел между вами...

Он родился, потом влюбился,

Потом убил, потом писал,

Потом скончался, я не знаю.

Потом по имени назывался,

И зачем свой путь совершил..

И вот мне все равно - ведь он умер давно...

Предчувствием конца жизненных дней, краха дела полна каждая строфа.
Удары погребального колокола в каждой рифме...

Когда принесут мой гроб,

Пес домашний залает.

Жена поцелует в лоб,

А потом меня закопают.

И закопали...

Глава 138.

Не удался спектакль в Париже.

Победа дорога прежде всего радостью всех. Тогда я воспринимал это только так. Стоило ли гнаться за победами, если они ничего не давали другим?

Добро обезоруживает. За доброе можно идти без усталости, не придавая значения тягостному и больному. Всякая мысль, учение, действие, исключаящее это чувство, лгущее в этом чувстве, не ставящее его целью, а самое главное - долгом своей практики, суть гнилые, обреченные и обманные. Не зло калечит жизнь - его уравновешивает воля сопротивления,-

а отсутствие добра. Вырождение доброго начала - есть истощение духовных сил человека и обращение его к инстинктам, вычерпывание жизни инстинктами, потеря чести...

От дней в Париже остались какие-то лоскутья воспоминаний. Город я не запомнил. Так и оставил его в мечтах.

Теперь, в 80-е годы нашего века, "Маленькая таверна" Жана Дама на Порт-Руайяль, 4, перестроена. Там новый хозяин - Жан Морэ, и никто не помнит о Даме и о том, что в этом ресторанчике четверть века собирались за бокалом вина самые сильные люди Франции и мира.

А нас ждала Финляндия с горячкой четырех выступлений - уже отделаться просто большими весами не удастся. Везде будет одно и то же: объявлена моя решимость взять рекорд. Что-либо изменить я уже не мог. Для отдыха перед каждым выступлением - всего день. После попытки на рекорд я обычно восстанавливаюсь десять - четырнадцать дней. Предстояло нечто необычное, если учесть и напряжения показательных тренировок, тоже уже оговоренных.

Я находился в неослабном чувстве ответственности перед испытанием. В то же время я должен исключить всякую возможность углублений травм. При подобной интенсивности выступлений таким рекордом мог быть только рекорд в толчке. Здесь у меня запас. Природная мощь и наработанный запас силы в ногах, пожалуй, способны перенести всю многодневную череду рекордных напряжений. Мышцы рук уже вывели из игры напряжение на парижском помосте. Им обрести свежесть только после возвращения из турне. В рывке я лишен необходимой скорости. Рывок требует исключительной нервной свежести - это не только высшая скорость движений, но и высшая слаженность, однако тут кроме усталости дают о себе знать и травмы. В толчковом упражнении скоростные качества не столь важны и движение не затрагивает поврежденные узлы.

Глава 139.

Финляндия.

Не то мы догнали непогоду, не то она нас. Дожди и ветры трепали еще голые деревья и кусты, обметанные полураскрытыми почками. Юная трава только-только скрепила послеснеговую жидель. Эта трава топорщилась в выщербинах и расколах серых скал, вдруг выпирающих из-за деревьев или домов...

Рекорд мира в толчке был установлен мной на чемпионате СССР в Днепропетровске и весил 210,5 кг. В Париже я захватил на грудь 212,5 кг. Посыл с груди сорвался.

Из Хельсинки мы вылетели без отдыха в Оулу. Там на разминке перед выходом на сцену я проявил полную неспособность к предельным усилиям, необходимым для установления рекорда. А публика ждала, требовала - ни одного свободного места.

Тренер запретил пробовать рекордный вес. И все же толчок мы выполнили по полной программе, нельзя было обойти зрителей: с одной стороны, забыть их, не принимать во внимание, с другой - просто пренебречь. Люди азартно ждали - и я не мог пройти безразлично мимо.

Эта бездна любопытства, страстей и доброжелательства!

Но ведь можно и рухнуть в эту самую бездну - и уже никогда не подняться. Пол мне казался раскаленным, зыбким. Я был в полубреду.

Болезнь воли подтачивала силы к сопротивлению, все размывая и размывая желание жить. Казалось, кто-то огромный дул и дул на огонь моей жизни... и вот-вот задует. Я был еще глуп по-детски и очень боялся смерти.

Конечно, не только глуп и не столько глуп: страх смерти - это еще и чрезмерная любовь к себе. Теперь подобное состояние во мне или в других вызывает отвращение. Оно недостойно человека...

А тогда физическая вымотанность, сон по три-четыре часа, усталость от постоянных переездов, предельные нервные напряжения на помостах, а ночью - с самим собой, постоянный, неослабный интерес публики и прессы, мучительные, бесконечные интервью, отсутствие покоя и необходимость полного внешнего владения собой - болезнь стремительно раскачивала меня...

Мне еще предстояло перешагнуть через себя...

Перешагнешь через себя, через любовь к себе - и обретешь свободу.

Меня высветили лучи прозрения, когда уже стал сесть, через длинные-длинные годы...

А тогда, в той болезни, я впервые менял кожу, а с нею и всего себя, весь строй чувств и мыслей.

В жизни я пережил несколько подобных перемен - и всякий раз нарождался на свет новым, оставляя себя прежнего чужим, ненужным для себя...

Ближе к полуночи закончилось выступление в Оулу, а на рассвете (собственно, рассвета не было - стояли, кольцо за кольцом, белые ночи, дымка этих ночей) мы вылетели в Хельсинки. Из Хельсинки в тот же день автомобилем устремились на новое испытание, в этот раз - в Пори. Дорога на долгие часы...

В Пори я попробовал жим. После веса 160 кг отказался - боль предупреждала об опасности игры. Остановиться на 160 кг, имея рекорд 188,5 кг, взятых какие-то три недели назад в Тбилиси, - скверно! Начал было рывок - и осекся. В рывке движения размашистые - не удержишь в заданном режиме, не получится куце. Сейчас нужно именно куце, чтобы не разбередить травму. Опять запрет. Сунулся пройти по всем попыткам в толчке. На околорекордном - срыв. Не держу над головой: жидкий, задыхаюсь, в душе - отчаяние... Казалось, вот-вот стены сомкнутся и раздавят меня. И я - жалкий, потерянный...

Ночью из Пори опять автомобилем в Хельсинки. Вяло воспринимаю дорогу, слова. Бессонница сократила отдых до каких-то нескольких часов. При таком режиме наладить сон невозможно. А отчаяние не оставляет ни на мгновение.

В Хювинкя прихватываю 211 кг, выталкиваю. Руки держат штангу над головой, но последнее усилие - вхождение под тяжесть - не дается: упрямлюсь, боюсь... и опять этот ужас в груди!

Стремлюсь овладеть мускульным взрывом. Вправить его в схему усталости, не уступать растерянности. А завязанность мышц, увеличение веса штанги из-за усталости ошеломительны. И еще этот подлый страх безволия;

ночи, полные беспокойства, тоски... уйти, сбежать от людей...

Мне представлялось, я пожираю раскаленные угли...

Но главное - выстоять и не подать виду. Во веки веков у людей любые нервные неполадки - это как позорное заболевание, вроде клейма неполноценности. Кто станет разбираться, отчего это?..

Но и без того я должен молчать и быть неизменным - исходить силой и уверенностью. Что бы ни происходило со мной, я должен быть для всего мира неизменным. Все переварить, сжечь в себе, ничем не выказать

слабость. Держаться! Я сам звал эту жизнь и основательно ею обожрался. Она оказалась жестче, беспощадней, чем мне это виделось даже в самых мрачных представлениях. Теперь лишь держаться.

Учиться терпеть. Жить - это значит терпеть, пережигать одну породу в другую. ...И много, обостренно размышлял о насилии. Сила способна сокрушить человека - и только. Никакой другой власти над ним она не получит. Вообще применение силы никогда не исправляет политической обстановки, тем более на длительном историческом отрезке времени. Насилие в таком случае плодит рабов или затаившихся врагов...

Ночью возвращаемся в Хельсинки. Лежу в белом покое северной ночи. Ни малейшего желания спать. Одна громадная усталость... и отчаяние.

Я брал рекордный вес или околорекордный через день. И не один раз, а в многие попытки. Все туже и туже скатывались в узлы мышцы. Боль переутомления сопровождала даже не упражнения со штангой, а обычный шаг. Завязан мышцами, связками. Истощен усталостью и бешенством вышедших из-под контроля нервов.

Тренер пытался облегчить питание мышц массажем, но раствори-ка эти узлы, если через день затягиваю по-новому. Да, жить - это значит терпеть.

Однако я преодолел бы усталость - движение искажала самостраховка из-за травмы. Я исправно выполнял самую трудную часть работы - захватывал рекордный вес на грудь и распрямлялся из "низкого седа". Но поспеть отправить его вглубь, на фиксацию, отказывался. Боль и инстинкт самосохранения, помноженный на боль, искажали движение. От выступления к выступлению я подавлял страх. Ближе и ближе притирался к правде упражнения.

Только бы обогнать изнурение! Ведь усталость накапливалась. И должен наступить день, когда мышцы не подчинятся.

Азартная гонка! Кто возьмет свое раньше - усталость или я, затравив страх за себя и боль?

В Хельсинки я рассчитывал на сутки отдыха. Но в программе турне оказалась совместная тренировка с финскими атлетами. Вместо отдыха показываю разминку, жим, рывок и опять толчок. Работа часа на два и еще слова, слова...

В каждом городе пресс-конференция и официальный прием, а я нуждаюсь в одном - отдыхе. Да, еще последнее выступление - в Хяменлинне. Для меня

это последняя проба: она даст ответ, кто я.

Даже если бы я все время был один, мне нет покоя. Воспаленное сознание травит горячкой возбуждения и бессонницами. Взять бы и расшибить голову - и тогда покой, тогда нет памяти, а стало быть, и боли; растворится, исчезнет все, что травит меня.

Я оглядываюсь на этот мир, господи, этот мир здоровых, сытых и самодовольных людей...

И опять переключаюсь на будущее усилие. Нужно собраться, нужно контролировать каждое движение, нужно взвести силу на весь предел, раскалить волю, взвести себя, а уже все слова жалости потом...

Взвести себя... Еще взводить... Я и без того пожираю не воздух, а раскаленные угли...

И снова переезд на машине, снова разминочный зал, теперь только в Хяменлинне.

На штанге-211,5 кг. Это не рекорд мира, это моя жизнь поставлена на кон.

Три зачетные попытки - вес не идет даже на грудь! До сих пор всегда захватывал любой вес,- не знал срывов: ноги и тяга никогда не подводили. Неужели усталость выиграла гонку? Ведь последнее выступление, последнее... И потом, в победе уже другой смысл, ничего от самолюбия и тщеславия. Сейчас победа означала бы, что я сильнее страхов и любой нервной болтанки. Тогда у меня будут доказательства, что я управляю собой, я не разваливаюсь, не погружаюсь в безмолвие, а управляю собой. Да, да, я не болен. Это доказательство рекордом имеет смысл жизни. Вся жизнь теперь в этом доказательстве. Сейчас станет все ясно...

Стою за сценой, а пол подо мной - как натянутый тент, живой пол, огненный, вязкий... Три минуты на исходе - пора... Не иду к штанге, а веду себя.

Больше попыток нет - только вот эта, четвертая, узаконенная правилами.

Уже не думаю ни о чем, превращаюсь в заученность движений. Заранее исключаю реакцию на боль. Вести движение в любом случае! И главное - ближе к грифу. Чем ближе, тем рискованнее, зато легче штанга...

Никакая болезнь, ничто не имеет власти надо мной. Я докажу! Я хозяин себя, не болезни, а я! Все верно: с мыслью можно бороться лишь мыслью...

Вес четко захватываю на грудь. Теперь встать, проскочить кислородное голодание. Ведь работа с тяжестями всегда на перекрытом дыхании. Разве перед посылом чуть глотнешь...

Встал! Штангу держать над яремной ямкой - не давай ей сползти! Гриф перекрыл сосуды, едва пускает кровь к голове. Успеть с движением! Я никогда не терял сознание. Но на судороги других насмотрелся...

Должен взять победу, должен! Докажи свою жизнь, докажи!..

Руки! Проверь руки! На скованных- не пойдет. Расслабить. В меру расслабить, чтобы вес не смял. И держи поясницу, держи!

Помни: глубокий подсед для посылки недопустим. Надо подсесть коротко и в удар вложить собственный вес, вытолкнуть себя всеми мышцами на тяжесть "железа". Для этого и наедают атлеты тяжелого веса килограммы. В удар вкладывают свой вес.

Стою - натянут до предела. В глазах багровый сумрак. Чувствую: лицо куда-то скопилось набок. Черт с ним, не до красот...

Это кажется выдумкой, но об этом помнишь, это обращается в привычку движения. Важно не позволить страху размыть эту вызубренность. Ни на мгновение не потерять себя. Сразу нарушится согласованность...

Ничего не вижу, кроме себя в черноте глаз - там я четко вписан в упор и систему рычагов.

Даю ход весу на вытянутые руки. Принимаю на позвоночник - надежная фиксация. Раньше опускать нельзя, не засчитают.

Совершенно слепой жду команды. Не задохнуться бы...

Наконец команда! Прорвалась из черного и очень горячего воздуха...

Есть! Моя взяла!..

Победа! И какая!..

Все доказательства за мной...

Мой мир! Мой!..

Я доказал свою жизнь и свою волю.

Но рана долго не затягивалась, отзвуки болей я нес в себе десятилетия.

Не менее значительную роль, чем экспериментальные нагрузки ("экстремные"), в нервном истощении и срыве сыграла литературная работа. Любой литературный образ и слово ложатся из нервного возбуждения. Недаром я вставал из-за письменного стола опустошенным и измученным, будто таскал тяжеленные мешки. В итоге я палил свечу с двух концов. Я и предположить не мог, что мне может быть износ.

В подобном состоянии обычно помышляют не о рекордах. Для рекорда холят, выхаживают мускулы, заботятся о нервной свежести. А я ступил после рекорда на весы и глазам не верю: без малого на десять килограммов отощал!

Победа из побед! Бессонницы, травмы, резкая и редкая потеря веса - и все-таки завалил рекорд.

Как это много! Каковы же действительные возможности организма! Верно, все дело в ломке почтения перед неизвестным - новыми весами...

Из меня уходил тот, больной человек. Уходил, чтобы уже никогда не возвращаться. Но сила нервного напряжения дала себя знать болезнями в олимпийский год, едва отбилась...

Счастливы ищущие!..

"Я, конечно, не хочу выступать в роли безошибочного предсказателя. Мысль о том, что предела совершенствованию нет, посетила меня в Финляндии, где... Юрий Власов, я бы сказал, очень изящно выбросил на вытянутые руки фантастический вес-211 кг",-вспоминал после Бруно Нюберг (Советский спорт, 1963, 19 марта).

Оказывается, даже изящно...

Да, мой друг, жизнь - это всегда акт воли! Сама по себе она не сложится - оборвется или пойдет наперекос...

Глава 140.

В Москве не до тренировок: заедают бессонница и бессилие воли - хвосты

болезни. Контролирую свое поведение, даю отчет в состоянии, а подавлен, угнетен, не сплю. Инерция болезненного состояния.

Волком озираюсь на день. Все шаги - будто по обнаженным струнам души. Топчу ее. И люди - казнят их любопытство. Горячают ночи, нет покоя. Во все глаза смотрю на мир: будто впервые увидел. Мнится жестоким. Ранят слова людей, музыка, смех. Книги - обжигают страницы. И каждое утро - не свежесть чувств, а новое испытание на боль...

12 июня обратился за советом к члену-корреспонденту Академии наук СССР, известному невропатологу Снежневскому. Встреча запомнилась. В комнату вошел загорелый человек, походка упругая, похож на теннисиста. Послушал, посмотрел - и смеется: "Я еще не видел такого здорового во всех отношениях человека. Совершенно нормальная, устойчивая психика, но... истощена работой. Тренировки и всякую работу прекратить. Два месяца отдыхать. После тренируйтесь сколько душе угодно..."

Сколько душе угодно. Моей - так десятка жизней мало, помешана на пробах себя и меня...

Еще бы, и быть иначе не могло: я уже испытал себя, что называется, огнем и убедился - везде и во всем владею собой. Вот только отвратительная разболтанность организма - тут одним волевым управлением не соберешь себя. Нужно время и изменение некоторых величин в тренировках - поправка на опыт.

Я взял отпуск - и на Волгу. Что ж, рассчитываюсь за пренебрежение всеми нормами отдыха, да и сама жестокость экспериментальных тренировок... ведь какой год пробую, перетренировываюсь, с ходу переключаюсь на новый режим работы, снова расшибаюсь, а еще выступления, мощный расход на рекорды, обязательные лекции-встречи (до пятидесяти- в год) и труд за рукописями.

Такое чувство, будто не живу, а пожираю огонь. Выжег он меня, а теперь трудно жить.

Я разумел свое состояние как совокупность ошибок. Шел я на эти ошибки сознательно. Нельзя докопаться до правды тренировок без издержек. Никто не пробовал эти дороги, ни строчки в учебниках. Все заново, все сызнава... О жалобах, обвинениях спорту и думать не смею. Вспоминаю с единственной целью: открыть, показать цену побед, существо борьбы и постижений нового.

"Кто уважает человека,- писал Горький,- тот должен молчать о себе. Кто дал

нам злое право отравлять людей тяжелым видом наших личных язв?.." По-видимому, это право все же есть, когда за ним - преодоление, дыхание и строение нового. Пути гладких судеб что утвердили?

По-моему, слова "такова твоя судьба" - лживые. Судьба - понятие посмертное, итоговое. Если способен к восприятию жизни - значит, строй ее, поворачивай. При чем тут судьба? Ведь даже гибель в строительстве цели не есть доказательство судьбы. Сколько раз она уже оборачивалась победой! А победа есть преодоление судьбы, если под таковой понимать и сопротивление среды. Но высший расчет борьбы - это взятие цели, обложение ее разумностью подходов и сохранение в себе достоинства при любых условиях. Жив - значит, сохранены все возможности для доказательства цели. Пока жив человек - ничто не поздно. Я уверен в этом и сейчас, в пятьдесят три года, после жестоких испытаний и потерь (Книга задержалась с изданием, и я еще раз просмотрел ее в январе 1989 года).

Глава 141.

Истощение забежало далеко. Ни июнь, ни июль я не прикасался к штанге. И вообще отказался от тренировок, даже обычных зарядок.

Минул август. При таком пропуске отказ от чемпионата мира неизбежен. Я иначе и не представлял. Что бы ни было, а эксперимент был правильный! Потерять около десяти килограммов веса, в состоянии морального и физического упадка, почти месяц сон не больше трех-четырех часов в сутки, в непрерывных переездах, без правильного питания, без единой полноценной тренировки за этот месяц - и взять рекорд! Значит, я вел тренировки в верном направлении. Следует просто кое-что учесть и повести эксперимент на другом уровне. Я докажу правоту новых методов работы. Я не сомневаюсь: мы на верном пути.

Я растренирован по всем статьям, нужны, по крайней мере, полгода для наверстывания упущенного. С таким настроением я и взялся за тренировки...

Но кто знал о моем срыве? Для всех я оставался первым, которого следовало атаковать и который должен отвечать силой новых рекордов.

В этом смысле примечателен очерк Эверта Лейона в шведском ежемесячном журнале "Аль спорт", напечатанный тогда же (All Sport, 1962, № 7. С. 22-25).

"Звучит как сказка, но это действительно так: 600 кг - заветная мечта феноменального атлета Власова. Сам Власов считает, что сможет добиться результата 600 кг... Если случится что-нибудь подобное - рекорд будет фантастический..."

Это цитата из одного олимпийского издания. Написана она после того, как феноменальный русский атлет побил в Риме, в 1960 году, как полагали, незыблемый рекорд в троеборье...

Не будем толковать, сможет ли Власов или какой-нибудь другой атлет достичь этого фантастического результата. Факт остается фактом: русский опрокинул все существующие представления о том, какую тяжесть может поднимать человек. Француза Шарля Ригуло считали феноменом, и старый Калле Свен говаривал: Шарль силен, как бог...

Рекорд немца Мангера в жиме двумя руками - 145 кг-продержался до 1948 года, пока техничный американский негр Джон Дэвис не увеличил его до 152 кг...

В толчке доминировал с 1947 года Джон Дэвис. Он внес поправку в рекорд Куценко, увеличив его со 171 до 174,5 кг, и потом довел до 182 кг. Шемански показал себя и здесь. В 1953 году он толкнул 187,5 кг, а через год- 192,5 кг. В 1955 году на арену вышел Пол Эндерсон и поднял рекорд до 196,5 кг. Но в 1959 году в игру вмешался Власов. В 1960 году на Играх в Риме выдающийся русский праздновал триумф - он первым в мире по всем правилам толкнул 200 кг. На штанге стояли 202,5 кг. Вместе с этим рекордом "испарился" также легендарный рекорд Пола Эндерсона... в троеборье, рекорд, который, по мнению специалистов, никогда не мог быть побитым...

После Олимпиады Власов улучшает рекорды... Что ж дальше?... 50 кг остаются до заветного рубежа. И кто этот феноменальный русский, который поразил мир силой и опрокинул все рекорды?.. (All Sport, 1962, № 7. С. 22-25).

Одновременно в журналах и газетах стали появляться заметки и такого рода:

"Можно быть убежденным, что будут поставлены новые рекорды, когда два величайших тяжелоатлета, олимпийские чемпионы, русский и американец, схожие как две капли воды, столкнутся в лязге штанг начинающегося на следующей неделе в Будапеште чемпионата мира. Юрий Власов, неоспоримый, выдающийся чемпион, с тех пор как впервые завоевал этот титул в 1959 году, и едва ли не национальный герой СССР, готов смело встретить на помосте создателя мировых рекордов Норберта Шемански из

США.

Возвращение Шемански после двух операций на позвоночнике, которые прервали его выступления на два года, явилось сенсацией. Немного погодя он накрыл один из рекордов Власова, подняв 362 фунта. У Власова лучший результат в сумме- 1212 фунтов, но нынешняя потрясающая форма Шемански дает ему возможность вплотную приблизиться к этому результату. Он даст бой Власову за каждую пядь..." (Tit-Bits, 1962).

Лестность публикаций оборачивалась требованием незамедлительного отпора Шемански. Я же обитал в постыдно ничтожных рабочих весах. Практически для тренировок лето пропало. Жим и рывок - с апреля ни одной стоящей тренировки, а май базарил силой в турне. Единственное утешение - успокоились травмы.

К новой силе маэстро Шемански я относился недоверчиво. Норбу - тридцать восемь. С возрастом организм отзывается на работу туго. Откуда черпанул силу? Нет, мои главные рекорды не достать. Вздор! Бумажная травля!..

Я заявил об отказе участвовать в чемпионате мира, который был перенесен в Будапешт.

И вдруг решение о моем участии! Без меня титул сильнейшего отходил бы к американцам. Впрочем, вторым номером в команду ввели Жаботинского. Он жаждал померяться силой, давал это понять всем поведением. Его и взяли для прикрытия.

Глава 142.

Чемпионат США 1962 года за Шемански - 1140 фунтов (517,1 кг): Не напрасно трезвонили газеты. Но до моих 550 кг дистанция великовата. Великовата, будь я в той форме.

Результаты Губнера не дошли до нас. Какое место, какова сумма? Зато доходила злость обещаний Губнера подавить мои рекорды. Губнер заявил, что в ближайшее время выдаст 590 кг. Я не встречался с Губнером, но к заявлению отнесся серьезно. Да и как иначе? В 1962 году (как и в 1963-м) результат Губнера в толкании ядра оказался третьим в мире, а значит, он резок, координирован. Весил он 140 кг, и, судя по фотографиям, а они не обманули, мускульным весом, без признаков жира. В росте превосходил меня. Вызывала уважение способность этого атлета выступать и в легкой атлетике, и в тяжелой. Не просто выступать, а быть в тройке лучших Мира

(Губнер не поднимется выше третьего места на чемпионатах мира по тяжелой атлетике. В 1966 году он победит на чемпионате США с суммой троеборья 1170 фунтов (530,71 кг)-и всё).

Глава 143.

Снова я форсировал нагрузки, но в этот раз из необходимости. Не оправься от болезни истощения, я уже опять работал на истощение. Прикрыть свою сборную - сборную страны в схватке с американцами. Как же мучительно я тренировался! Забыл силу, растерял выносливость. Дрябл, нескладен, угрюм...

Никому не выдать свое состояние. Держаться. Перед вызовом Шемански отступление исключено. Придавливала бессонница. Теперь я учился управлять собой в условиях нервного истощения. Вести себя среди нового измерения чувств. Другого выхода нет. Успеть в считанные тренировки разбудить силу. Успеть, успеть...

Толковать о спортивной форме нелепо. Успеть хоть что-то вложить в мышцы. Любой ценой убрать дряблость...

Конечно, я не мог выдать ту, настоящую, силу от зимних тренировок, однако надеялся на преимущество в результатах. В лучших - я недосягаем. Пусть теперь я плох, но преимущество в силе все равно держит меня впереди и должно выручить...

В эти недели я испытал рецидив возвращения бессилия воли - бунт непрерывно насилуемой нервной системы. Организм отзывался бунтом на новое, скоропалительное увеличение нагрузок, но дело требовало преодоления любых чувств и любой усталости.

Я вернулся в зал с первыми днями августа. Значит, до чемпионата мира пять-семь недель. Удручающе короткий срок. Однако оголить команду я не мог.

Тренер выписал цифры обязательных нагрузок - все они чрезмерны для нынешнего моего состояния, но без переката через них нельзя выступать. Не Богдасаров, так я бы сам их записал.

На сборы я не поехал. Тренировался в ЦСК.А, на Ленинградском проспекте. Чувствовал себя скверно. Нарушилась координация - следствие нервного истощения и нервной болтанки с жестокими бессонницами, а порой до

отчаяния, жути тяжелых душевных состояний - ничто не способно их унять, беззащитен. Пока воля обозначится, пока ощетинится доводами и сопротивлением... А при нарушенной координации рывок не удавался - тонкое движение зависит от волевого контроля, а какой тут контроль, себе гадок, себя едва ношу. А ведь именно в этом упражнении наиболее силен маэстро Шемански: с 28 апреля у него мировой рекорд. Но я решил в любом случае выйти на помост. Лучше самый жестокий бой, травмы, насилия над собой, чем упрек в трусости или себялюбии...

Я сознавал: природа работает на меня до тридцати лет, но разрушение уже идет. А после сорока пяти распад неизбежен. Сурово, но правда. Однако до сорока пяти еще надо дожить.

А Богдасарова начинали пригибать свои беды. Он поневоле меньше и меньше уделял внимание тренировкам, временами вовсе отпадал от них. Потом заболел - почти на год отнялась нога, но это случилось несколько позже, после чемпионата мира в Стокгольме...

Эксперимент обернулся злом - измочалил силу. Богдасаров к тому же винил и занятия литературой. Он приводил самые убедительные доводы: брошу литературу, сосредоточу энергию только на спорте - не будет равных, великие рекорды за столблю, "при жизни памятник поставят". Я только отмахивался...

Памятник!.. Я еще тащил себя из дряблости и немоготы, когда ударил день выезда.

Впервые выезжал с командой второй атлет тяжелого веса Леонид Жаботинский - для прикрытия. Он непременно хотел выступить, его нельзя было удержать. И понятно: зачем иначе ехать? Меня никто никогда не брал на чемпионаты просто так. Я выезжал на шесть чемпионатов мира и на всех выступал. Как можно отказаться от выступления, если приехал на чемпионат, согласился на участие?..

Итак, вторая встреча с маэстро Шемански, бывшим "самым сильным человеком мира", фанатичным бойцом "железной игры". Губнера я всерьез не принимал, да и самого Шемански - лишь отчасти, только как мастера рывка. Пусть я ослаблен болезнью и турне, но свои 530 кг соберу, а при удаче - и все 540. Эти килограммы я исключал для Шемански. Я исключал, но не он...

Глава 144.

В конце ноября 1986 года (уже при очередном просмотре рукописи этой книги - в который-то раз с 1979 года!) я получил письмо из США. Оно воссоздает, пусть отчасти, обстановку тех лет.

"Дорогой Юрий Власов!

Я старый штангист. Я соревновался штангистом от 1955 года до 1961, когда вы были чемпионом мира. Я тренировался в Детройте, Мичигане. Я был член клуба Шемански "Астро". Это был маленький клуб в подвале малой гостиницы в центре города. Я был студент в университет, где я учился литературе и истории и также русскому языку.

Кроме Шемански у нас в клубе был американский чемпион Джозеф Пулео и пять-шесть других хороших штангистов.

Потому что я читал по-русски, я подписывался на газету "Советский спорт", которую я алчно читал. Когда я приходил в "гим", товарищество, - штангисты меня спрашивают: а что нового о русских штангистах?

Если что-нибудь было в газете о тяжелой атлетике, я им давал известия. Имена и фамилии им нравятся, и они любят произносить их: Власов, Стогов, Минаев, Бушуев, Богдановский, Ломакин, Воробьев и Медведев. Они увлекались этими русскими атлетами и любили звуки странных фамилий и имен.

Когда я услышал, что вы писатель, я... узнал о книге "Себя преодолеть" (это моя первая книга.-Ю. В.)... В Нью-Йорке, во время 1966 года, я шел в русскую книжную лавку "Четыре континента" и заказывать "Себя преодолеть" - ваш "первый подход" в русской литературе. Когда я получил вашу маленькую книгу, я начинал читать с удовольствием...

В 1970 году я ехал в Колумбус на чемпионат мира как зритель. Там я встретился с русскими атлетами - Куренцов, Алексеев, Ригерт и Тальтс. Они подписывались внутри обложках вашей книги. Там же подписывались братья Мияке - от Японии, Дитрих - от Восточной Германии, Рединг - от Бельгии и Ладенрата, Курко и Кайяларви - от Финляндии. Я надеялся, что вы будете и подпишете эту отличную вашу книгу тоже...

Я тоже писатель. Я пишу статьи для газет, журналов о физкультуре, питании, здоровье. Я тоже пишу о других предметах, особенно общественных. Теперь я работаю над первым романом...

Чарлз Фрэйзер. 3 октября 1986 г."

Глава 145.

Осень в Будапеште напоминала венскую. Солнечные дни. Знойная дымка над крышами. А потом вдруг удари ли дожди.

Мы с Наташей остановились отдельно от всех в гостинице "Ройяль".

Главное - не показать соперникам спортивную несостоятельность, скрыть, утаить ущербность спортивной формы.

Мы коротали время подальше от гостиницы - в парках или на острове Маргит. Я даже тренера видел редко. Кроме силы я полагался на опыт. Я уже знал кое-что о борьбе. Вызовы Эндерсона, угрозы газет подавить меня силой Шемански, категоричные, порой бестактные заявления Губнера. На то и спорт - взять верх, отнять титул.

Я был сыт тренировками и силой. Сыт по горло. Все, что напоминало о штанге, вызывало отвращение. Мы с Наташей говорили о том времени, когда я брошу спорт. Нам казалось, это время будет замечательным. А почему бы ему не быть таким?..

Трамваем возвращались в центр. Старались незаметней проскользнуть в номер. А вечерами в ресторане к нашему столу подходил и играл скрипач-горбун. Каким глупым и надуманным представлялось мне бахвальство силой-чемпионаты мира! Сорю днями. Болью мечу дни. А зачем? Всего лишь очередной чемпион в списке чемпи-онов. Для чего все это, если время смывает, смоем па мять? Что доказываю?..

А газеты рассуждали совсем в духе венского журнала "Атлетик": "...Уже несколько дней Юрий Власов прогуливается со своей супругой, высокой, стройной блондин кой, возле гранд-отеля "Ройяль", заставляя восхищаться собой множество людей со всех концов света. Чемпион мира охотно появляется со своей женой, по слухам, художницей, и, надо признать, Власовы представляют собой прекрасную пару. В противоположность остальным -русским атлетам, Власов остановился в отеле "Ройяль"..."

И верно, кому какое дело до моего состояния? Я - чемпион, я - из счастливииков. Я купаюсь в славе. Я непробиваемо здоров и готов взять еще одну победу.

Это была не первая и не последняя встреча с газетной выдумкой, с узостью приложения к тому миру, который носит имя "большой спорт", с недопониманием существа спортивного труда, платы за победы, цены усилий, недопониманием конечности силы, выгребаемой предельными напряжениями.

Меня отличало выраженное честолюбие. В то лето оно выгорело в приложении к спорту. С тех пор я уже "делал дело". Да, надо было довести до конца работу, доказать определенные цифры. И я жил для этого, как для дела: сделать его и освободить себя. Отмерить назначенные шаги... Отступить я в любом случае отказывался...

Пройти все шаги...

Из страсти, любви, мечты эта большая игра внезапно обернулась делом. Суровым делом. Мой спорт вдруг потерял душу. Я не узнавал его. Дело, дело... Я пытался понять себя, движение, смысл, а слышал: "Счастливым! У тебя слава!.." Да что люди, помешались на этом? Что для них слава - сытость, убажнение лестью?..

К такому повороту в жизни я не был готов совершенно, А вопросы, которые она вдруг начала ставить, нарастали лавиной.

Я демонстрировал улыбки и бодрость. И в самом деле, разве это испытание? Это еще только начало испытаний. Оно так ничтожно, что его не видно от земли. "Берега дыхание,- внушал я себе.- И не отворачивайся от жизни. Она прекрасна! Она открывается лишь на чувства, ее достойные. Ты потерял их, но обязательно найдешь".

Счастливы ищущие!

Глава 146.

Шемански из того типа атлетов, который знает, что и как делать, дабы стать чемпионом. К 1962 году он уже обладал опытом семнадцати лет тренировок и выступлений. Он работал с такими атлетами, как Дэвис, Эндерсон, и с годами сумел превзойти их. При одаренности и опыте фанатичная преданность спорту превращала его в грозного соперника. Уязвимость его прямо зависела от возраста. Критический для спорта возраст сокращал возможности атлета с каждым сезоном.

Норб был совершенно лишен рисовки, не интересовался, какое производит впечатление. Вне тяжелой атлетики его мало что привлекало. Таким трудно уходить из спорта...

Руки Норба огрубели, обещая новую силу,- я это сообразил, как только встретился с ним на тренировке. Он ограничивался легкими разминочными тренировками. Однажды я написал цифру "527,5" и показал ему, Норб покачал головой. Значит, не дает себе такой результат. Что ж, это согласуется с моим предположением. Он готов на новый результат, но не тот, что прочат газеты.

После совместных публичных тренировок в Будапеште Жаботинский вдруг заявил, что у него болит кисть, и от выступления отказался. Надо полагать, его смутила обстановка чемпионата и неожиданно мощная форма американцев. И понятно: обстановка внутрисоюзных соревнований резко отличается от международных.

А жаль, Жаботинский мог бы занять третье место. Его результаты на чемпионатах СССР в Тбилиси и Днепропетровске оказались выше результатов Губнера в Будапеште. Ведь спустя год, в Стокгольме, Жаботинский занял третье место, и все были удовлетворены, даже больше,- сколько добрых слов было сказано. К тому же в Будапеште Губнер был, как и Жаботинский, новичком. Медаль была просто подарена Губнеру. Нет, не прикрыл меня в этот раз Жаботинский. Я шел навстречу одному из самых беспощадных испытаний. Лихорадка не давала мне забыть, где я и для чего. Проиграю - вылечу без выходного пособия. И прощай литература!

К сведению, никаких выходных пособий вообще не существует. Кончил выступать - выметайся на все четыре стороны, какие бы титулы ни имел, и знать тебя не знаем! Правда, за "хорошее поведение" иногда сохраняют стипендию на некоторый срок (тот еще хлыст для строптивых), однако я за "поведение" у спортивного и партийного начальства имел только "неуд".

С 1961 года старшим тренером сборной был Николай Иванович Шатов, добрый и милый человек, бесконечно преданный "железу".

Глава 147.

Быть недостижимым для беды! Быть спокойным! Пусть хотя бы внешне! Не подавать соперникам надежд и не растравлять их решимость! Да и спортивные журналисты падки на любую неосторожность чувств...

Пока сильный, довольно просто слыть волевым. Без соперников это, в общем, нехитрое умение. А вот не дрогнуть, когда сила на исходе, нет силы, ты измучен... Потом приходилось наблюдать таких чемпионов, гордых на похвальбы без соперников и жалких на ущербе силы, прижатых победным напором молодых атлетов. Не моргнув глазом они цепляли нулевую оценку в одном из упражнений: как же, лучше "нуль", чем проигрыш. "Нуль" - это еще не доказательство поражения и утраты первенства в силе, это вроде бы неудача, невезение - и только. Так и прятали за "нулем" свою чемпионскую доблесть. Или еще: обозначали травму... Сверхименитые...

Зато когда была сила, сколько сыпалось слов о своей замечательной воле, умении выступать! Знал я, к сожалению, таких многомедально-легендарных чемпионов-тяжеловесов, беспомощных без всяческих "сосок" искусственного восстановления силы, прячущихся за "нулем" при любом напоре более могучих соперников. И наглых, грубых в успехе... Любимцы народа...

А тогда, в Будапеште, я мучился: как быть? Ведь я совсем не готов. Я еще даже не поправился от болезней и травм. Отказаться от борьбы? Изобразить травму? У меня их достаточно. Здесь мои рекорды все равно не будут побиты. Я останусь самым сильным.

Подлость?

Но разве я выступаю не с нарушением элементарных условий спортивной подготовленности? Я нездоров, поставлен в борьбу, к которой не готов. Разве это справедливо?

Но разве я - это я? Здесь, в Будапеште, я уже не частное лицо. А как хотелось им быть, только бы не входить под обязательность напряжений! Взять и сослаться на травму и сесть зрителем в зал...

А ведь меня ждали с новыми рекордами. Килограммы, собранные в Днепропетровске, разжигали страсти. Еще в феврале 1962 года шведский журнал "Ньюа Крафт-спорт" писал: "...Нередко рассказывают о том энтузиазме, с каким зрители приветствовали легендарного русского певца Федора Шаляпина в его турне по миру. Меня тогда не было, но я убежден, что Юрий Власов был награжден не меньшими овациями после своей легендарной серии рекордов на чемпионате Советского Союза в Днепропетровске... Пятнадцать раз его вызывали на эстраду и 1500 зрителей скандировали: "Вла-сов, Вла-сов, Вла-сов!"

Это было после того, как он взял 210,5 кг в толчке и набрал почти Невероятную сумму - 550 кг в троеборье..."

Как быть? Ведь уже не раз пряталась многомедальная сила за "травму". Я видел трусость, списанную как травму,- знаменитые имена! Зато никакого риска. Все напряжения, позор проигрыша - все мимо. Как быть, если в самом деле не годен к испытанию?..

Глава 148.

Трудно было определиться еще и потому, что я считал скорый уход из спорта решенным. Тоска о спорте? Разве "железо" - это весь я? Или имеет смысл лишь то, что венчается славой?

Меня раздражало непонимание моего намерения уйти из спорта. Неужто это достоинство - быть его заложником? Если смысл игры разгадан, взят, доказан, не есть ли эксплуатация выгод вся дальнейшая "игра"? Что общего в этом со спортом, где соревнуются дух и сила?..

Глава 149.

Могу ли я ответить силой?

Да, но с риском проиграть! Этот риск проигрыша не давал покоя ни днем, ни ночью...

Я опасался ослабления контроля над движениями. В нарушениях координации - риск. Сбои в попытках могут отбросить на веса, посильные и Норбу. Я нервно ослаблен, это похуже физической слабости.

Я тогда впервые задумался, поддается ли тренировке воля. Или мы с возрастом просто привыкаем сносить боль и беды? Но тогда это лишь обыкновенное терпение.

Что есть воля, ее закаленность?

Разные мысли не единожды лишали душевного равновесия. И не единожды я обкладывал их доводами. Правда, простоватыми, любовыми, но я в них верил...

Итак, не прятаться! В любом случае продолжать борьбу, даже если и понесу настоящую травму. Не уступать.

Я отрубал концы - выступлю в любом случае. В конце концов, я мужчина, и сила, какая-никакая, со мной. Я могу и должен постоять за себя и... за всех.

Глава 150.

Атлеты самой тяжелой весовой категории выступали в воскресенье 23 сентября, на открытом стадионе "Непштадион" из-за огромного интереса к поединку. На параде представления я подсчитал - нас, участников, четырнадцать.

Накануне пролил дождь. Теперь было ясно, спокойно, но очень прохладно. Не только на трибунах, но и в проходах тесно от публики. Стадион восторженно приветствовал Шемански. Аплодисменты в мой адрес - жалкий шелест по сравнению с этими овациями. Это может усложнить борьбу. Когда в тебя верят, ждут результат, работаешь веселее, надежнее - настоящий попутный ветер для силы.

А репортеров! Боги благие, столько я видел лишь на Олимпийских играх!..

Как всегда перед стартом, кажусь себе чересчур слабым, сонным. Толкни - и рухну, ну совсем нет силы...

"...Власов, пока выступали товарищи по команде, томился ожиданием и с нетерпением рвался в бой. Было известно, что ветеран американской сборной Шемански значительно улучшил в этом году свои результаты и мог серьезно претендовать на высокое место...

Присматривались и к девятнадцатилетнему Губнеру, второму в мире толкателю ядра (это ошибка, у Губнера был третий результат.-Ю. В.), который впервые принял участие в мировом чемпионате штангистов, но уже имел на своем счету результаты троеборья, превышающие 500 кг...

Учитывая огромный интерес публики к выступлениям тяжеловесов, организаторы перенесли соревнования из зала "Щпортгаранок" на Малый стадион. Погода улучшилась, но температура воздуха была все же очень низкой. На стадион в этот день пришло около десяти тысяч Зрителей...

Губнер стартовал со 165 кг. По этому скромному началу сразу стало видно, что юный штангист не будет претендовать на золотую медаль. К тому же было заметно, что и начальный вес Губнер взял с очень большим трудом.

И вот, наконец, вступили в борьбу и главные силы. На штанге 170 кг, на помост вызывается Власов. Нашему богатырю пришлось стартовать в трудной обстановке. Дело в том, что перед этим судьи и апелляционное жюри не зачли Эчеру (венгерский атлет.-Ю. В.) 165 кг... Несмотря на шум, Власов решительно подошел к штанге и легко выполнил жим. Тот же вес взял и Шемански, а у Губнера началась серия неудач, которая преследовала его потом во всех упражнениях...

177,5 кг жмет Власов. То же самое делает Шемански. Вдруг Юрию не поддаются 182,5 кг, а американец поднимает этот вес, правда, с явной остановкой во время жима. Но мнение судей- 2:1 в его пользу. Итак, он теперь впереди на 5 кг. В рывке обойти его будет трудно - ведь он совсем недавно побил мировой рекорд в этом движении. События, развернувшиеся при выполнении второго упражнения, были почти точной копией соревнований в жиме. Только теперь первым подходил к штанге Шемански, а Власов повторял его результаты. 150 кг берет американец. Столько же у Юрия. После них два подхода на этот вес не может реализовать Губнер. До этого у него было 142,5. Шемански вырывает 155 кг. Власов делает то же самое.

Третья попытка. На штанге 160 кг. Американец настроен по-боевому. Штанга с легкостью взлетает у него над головой.

И тут завершается аналогия с первым упражнением. Власову не удастся взять 160 кг. Досадная осечка. Она позволила Шемански оторваться теперь на 10 кг, притом он легче Власова. Теперь, чтобы стать чемпионом, нашему спортсмену надо выиграть в толчке 12,5 кг. Власову нет равных в мире по выполнению толчка. Его рекорд равен 211 кг, но все-таки разрыв в 12,5 кг вызывал определенное беспокойство... появилось немало скептиков, предсказывавших неудачу советскому атлету...

Оставалось ждать решающих подходов. С огромными весами Власов хорошо знаком, а воли и уверенности в себе ему не занимать...

Губнер во втором подходе взял 182,5 кг, не дотянув в сумме троеборья лишь 2,5 кг до пятисоткилограммового рубежа.

Информатор объявляет фамилию Шемански. На табло зажигается цифра 190. Американец заметно волнуется. Он очень долго стоит у штанги, значительно дольше, чем перед жимом и рывком. Видно, он основательно перенервничал. Хотя у него в запасе 12,5 кг...

Шемански вскидывает штангу на грудь, но тяжесть придавливает его колени к помосту. Нет!

Проходят томительные минуты, и Шемански появляется снова. И вновь перед ним 190 кг. На этот раз он более решителен и после короткой подготовки выталкивает вес. У него в сумме 532,5 кг. Да, такого результата ветеран никогда не достигал. В этот день он как бы одержал победу над своим возрастом...

Теперь Шемански просит поставить на штангу 195 кг. Настроение у него лучше, чем после первого подхода. Вес взят! 537,5 кг! Товарищи обнимают Шемански и, бережно накрыв пледом, уводят с помоста.

Наступает пауза. Власов пока не появлялся. На табло возникает двойка, а вслед за ней два ноля. Зрителями овладевает волнение. На стадионе полная тишина. Быстро поднимается на помост советский спортсмен. Вот он уже у штанги. Не теряя ни секунды, берет ее на грудь, легко встает и выталкивает. Все получается так просто и обыденно, что забываешь, какая тяжесть в руках у Юрия. Так же быстро, как и появился, Власов скрывается в раздевалке.

Теперь на штанге 207,5 кг... Власов понимает, что у него еще два подхода. Тем не менее на третью попытку надеяться нельзя. И он уверенно толкает штангу. Это - уже победа.

Овации заглушают голос информатора. У Власова в сумме 540 кг и первое место. Публика встает и скандирует: "Ю-ра!"

Зрители бегут по проходам поближе к сцене, а на табло зажигается цифра 212,5 кг. Верный себе, Власов хочет в который раз улучшить рекорд мира в толчке. Вот уже штанга на вытянутых руках, но, составляя ноги, Юрий немного теряет равновесие... Тяжесть так и не дает ему выпрямиться...

Во время церемонии награждения Шемански улыбнулся и показал публике на Власова жестом, который означал: "Ну что с ним сделаешь! Разве его можно победить?.." (Советский спорт, 1962, 25 сентября).

Без тренировки я обрыхлел и прибавил в весе. На взвешивании потянул 130 кг, Шемански - 119,4 кг и Губнер - 124 кг. (Что значит слухи! Ведь писали, будто у Губнера 140 кг!)

По-разному воспринимали события очевидцы. Вот "отрывки из подробнейшего отчета венского журнала "Атлетик", дополняющие картину.

"...Юрий Власов был уверен в себе, он приехал в Будапешт, дабы получить еще один титул чемпиона мира, что, однако, не означает, будто Юрий

самонадеян. Да и кто мог бы подумать, что кто-то из тяжелолюбителей вообще может стать опасным для русского великана? Начинаящий Гэри Губнер или же "старик" Норберт Шемански? Юрий Власов - единственный штангист, о котором можно сказать, что он будет чемпионом мира. Это было единодушное мнение экспертов, за исключением разве американцев, которые знали, как хорошо подготовлен Шемански".

У нас с Богдасаровым не было определенного плана. На каких весах работать - я не представлял. Поэтому мы решили начинать в каждом движении с малого, а там смотреть, как сила. Позволит - идти на прорыв. Важно до рывка выбрать разницу в результатах с Норбом.

Осложняла выступление стужа: всего четырнадцать градусов! Близился вечер, точнее ночь. Низкая температура требовала дополнительной энергичной разминки. Каждый раз, сбрасывая шерстяной костюм перед большим помостом, я тревожился, не повредить бы мышцы - и так мечен-перемечен травмами. Как-то не хотелось потом "штопать" себя и учиться наново разным движениям. Воздух охлаждал в считанные мгновения.

Не помню, чтобы кто-нибудь работал после нас в такой холод. Ведь это был чемпионат мира, мы выходили к штанге в одном трико, по существу обнаженными.

Временами шум зала перекрывал голос центрального судьи, и я больше полагался на его жесты, чем на слух. Стадион яростно желал поражения мне. "Старик" Шемански покорил всех: спокойный, улыбочивый - за ним едва ли не вся история мировой атлетики. И в самом деле - важен результат. Все прочее - только сантименты...

Норб с первого и до последнего подхода выдавал именно превосходные результаты. Что творилось с публикой! Стадион грохотал, ревел, стоя приветствовал этого могучего человека.

Один из курьезов тяжелой атлетики в том, что никогда (почти никогда) не видишь соперника на помосте. Ты готовишься к выходу - самые горячие минуты, а в это время работает соперник (или наоборот). Даже если и досуг, смотреть не шибко будешь. Надо предельно собраться самому. Отвлечения рискованны. Держи в памяти будущие усилия, взводи себя командами, глохни для всего остального мира. Глаза твои открыты, но ничего не видят. И вообще ни к чему не чувствителен - весь в будущем движении. Если и есть слова, то дежурные. Сам их не воспринимаешь, нет для тебя ничего, есть только миг, сейчас шагнешь в него, сейчас!..

Как правило, я составлял представление о соперниках по разминке. На

разминке-вместе. Потом кого-то из нас вызывают. Тогда один из твоих помощников следит за подходом соперника и доносит во всех подробностях, как он работает, есть ли ущербность в силе или, наоборот, целый "вагон" силы. Только щеришься на все слова...

На разминке Норб перебирал обычные веса. Я видел его в упор. Он всегда работал невозмутимо. И в этот раз тоже ничем не выдавал настроение. Мы разминались на одном помосте, на одной штанге и за кулисами стояли у одного выхода. Память сохранила резкие, повелительные жесты Хоффмана и оживление Норба, когда я поддался ему...

В жиме я выложился, что называется, до упора. Это упражнение более всего страдает от пропусков. Жим требует постоянной тренировки. Он очень чувствителен даже к пропуску трех-четырех дней.

"...Власов не смог одолеть 182,5 кг, и, таким образом, после первого раунда Шемански вел с преимуществом в 5 кг против чемпиона мира.

Это была непривычная ситуация для Власова. Раньше русский получал преимущество уже после жима. В Вене, например, он вел уже после первого подхода, с преимуществом в 25 кг против Зирка (США). На сей раз его опередил Шемански, а второй американец Гэри Губнер с весом в 172,5 кг наступал Власову на пятки..."

Я действовал неуклюже, но другим быть не мог. Я казался себе жидким и очень тяжелым. И еще страшно хотелось лечь и не шевелиться.

Тягостны эти обязательные паузы в час с лишним между упражнениями, ничего не стоит потерять себя. 'А было от чего: все рушилось. И я бессилён.

Отяжелевшим, грузным и незнакомым казался я себе. "...После жима были заключены новые пари. Перед началом турнира Власов девятью голосами против одного признавался фаворитом, теперь же шансы уравнились (5:5).

Прежде чем оба аса подошли к штанге в рывке, еще двенадцать штангистов взошли на помост..."

Я не мог вернуть жим в считанные тренировки в рывке перед чемпионатом. Норб же практически довел свой жим до моего лучшего.

Я, будучи готовым в мае на жим 190 кг, сейчас едва взял 180. Это был удар! Ведь в рывке Норб не уступал мне, наоборот, был сильнее.

Я ждал чего угодно, но не этого увеличения силы в жиме. В таком возрасте

так увеличить результат и суметь выложить его на соревнованиях!

Эксперимент, турне, нервная лихорадка, пропуск в тренировках на месяцы, травмы... Я пялил глаза в надежде хоть где-то найти опору себе, но везде - зал, публика, атлеты и спокойный, медлительный Норб. Еще одна проверка на живучесть. Давишься счастьем борьбы...

В рывке я не преодолел вялости. Перегрузки зимних тренировок, нервный срыв - все это сказалось на слаженности движений, особенно важной для темповых упражнений. Я терял штангу с момента отрыва от помоста. Не слышал ее, не управлял ею...

Ни одно упражнение не нуждается так в нервной свежести, как рывок. Стремительное упражнение, для которого все - скорость и слаженность. А именно эти качества в первую очередь и потерпели урон от болезни. Я не мог бороться. Штанга была чужой. Я жалел себя и презирал одновременно...

"...Итак, специалистам все стало ясно. Шемански и в рывке отыграл у Власова 5 кг и, таким образом, его преимущество составляло уже 10 кг! Пари заключались 9:1 в пользу Шемански. По всему стадиону шли оживленные обсуждения случившегося; уже примирились с тем, что Шемански, а не прежний фаворит, будет новым чемпионом мира в тяжелом весе.

Другого мнения придерживались русские. За закрытыми дверями был произведен подсчет, точно изучена турнирная таблица и разработан план..."

Весь этот расчет был между нами - Богдасаровым и мной. Никто в наше дело не вмешивался. Само собой, были у нас и такие, кто хотел бы моего поражения. Как говаривал Сашка Курынов, "чтоб ты сковырнулся". И впрямь, давно пора поставить на место. Есть такая русская пословица: всяк сверчок знай свой шесток. Исключительно свободолюбивая пословица. Проветривайся на назначенном месте, говори назначенные слова, исповедуй назначенные истины - и проникайся их смыслом, в общем, будешь образцовым сверчком. Все последующие десятилетия ушли у меня на постижение глубин этой мудрости. И помогали, конечно, их постигать, не без того...

После рывка в мою победу не верили, и свои чувства окружающие не скрывали. Среди тех, кто помогал мне, снова оказался верный Пиньятти.

Я действовал среди внезапной перемены отношения ко мне. Отчуждение публики, атлетов, тренеров, товарищей. Даже Сашка Курынов как-то приумолк, поджался, вроде я опасно заболел.

Выходит, если ты без силы-ты банкрот в жизни.

Это меня оглушило. Я понял все сразу, внезапно.

Так вот каков один из законов бытия! Надо быть сильным, а без этой самой силы ты не имеешь ценности, ты тень человека, с тобой вообще можно не считаться. Без силы ты не обладаешь ценностью, ты ничто... ; Твои мысли, чувства, страсти ровно ничего не значат без властного утверждения себя силой. Нет людей, почти нет, которым ты был бы дорог сам по себе.

Эта мысль прихлынула сквозь омертвление и потрясла меня.

Вот в чем одна из справедливостей силы...

Именно так: ты должен утверждать себя, проявлять силу - тогда ты человек, достойный дружбы и уважения.

Справедливость силы...

Но все это - бред слов. А мне нужно отвечать настоящей, вполне реальной силой и сейчас, через мгновения.

Надо отвечать силой, но как?!

Меня лихорадило.

Жидкое полотно пола готово было поглотить. Я озирался, ища опоры для своей силы. Отчаяние было в каждом предмете, любом звуке и во всех чувствах. Мне представлялось, будто я из лохмотьев чувств и плоти: нет ни силы, ни мужества жить...

Но действительность не давала уйти в себя.

Я выполнял необходимые разминочные движения,

что-то говорил, а самое главное - улыбался. Это была выработанная до автоматизма привычка казаться бравым, несгибаемым человеком. Лопнуть здесь сейчас же, но не показать, что мне трудно, что я дрогнул...

Впереди последнее упражнение. Еще есть возможность остановить Норба!

Я с трудом передвигался - каждый шаг огромная тяжесть.

На самом деле это было не так, я спрашивал после Богдасарова, ребят: я

действовал четко и собранно. А мне казалось, я еле переставляю ноги, еле двигаюсь, и губы для слов - огромные, едва подчиняются...

Лечь бы! Забыть всех, все!

Толчок, если можно так выразиться, мое родное упражнение. Ноги у меня от природы сильны. Даже перерыв в несколько месяцев не мог их заметно ослабить. Я всегда держал очень большой запас силы в ногах. Я приседал на весах, которые намного превосходили необходимые. Я по шесть раз в подход без перенапряжений справлялся в приседаниях с весом 275 кг. Для тех весов, которые я брал в толчке, это сверхзапас, это гораздо больше, чем нужно.

Бездеятельность последних месяцев снизила энергию мышц, но только в этом сверхзапасе. Для тех же весов, на которых я собирался остановить Норба, энергии было достаточно. Я не сомневался, что выпрямлюсь со штангой и на 20 кг увесистей рекордной. Стало быть, веса, которые сейчас требует борьба, мне по силам.

Вообще вот этот сверхзапас свидетельствует о психологической неуверенности. Я устанавливал рекорды в толчке при запасе в 10-15 кг. Мне казалось, я выкладываюсь, а на деле я далеко не добирал до настоящей силы. Завораживало общее почтение перед рекордами, а вместе с общим и невольно мое, да и страх перед большим весом делал свое. Я считал, что его нет, а он вязал движение, оборачивался нетвердостью и неуверенностью движения.

Но где-то в глубине себя я чувствовал свое превосходство перед рекордами, сознавал истинную силу, хотя воля, а через нее и мышцы, подчинялись всеобщему поклонению перед рекордами, этому психозу робости.

Теперь я решил вытряхнуть себя. Потеряв за месяцы болезни часть силы, я все равно владел той, которая могла добыть победу. Важно преодолеть вялость и подавленность. Любая мысль переходит в твой физический строй. Надо помнить и быть господином своих мыслей!

Отчаяние и воля шли бок о бок.

Я должен был обойти отчаяние.

А правила соревнований навешивали ожидание, эту мельницу чувств, выколачивали остатки веры и энергии. Жди час, жди еще.

Несмотря на стужу, я здорово потел. Я был рыхл, совсем не в форме. Я

чувствовал себя громоздким, неуклюже-нескладным - мышцы за лето превратились в кисель, особенно на животе и боках. А жир - это всегда пустой вес. Я не годился для соревнований. Норб же на вид был свеж - совсем не запаренный.

"...Губнер допустил легкомысленную ошибку (в толчке.-Ю. В.) и бросил 182,5 кг, поэтому он должен был повторить попытку. Эта единственная неудавшаяся попытка была неприятна для людей Боба Хоффмана, так как они, возможно, хотели использовать Губнера как вспомогательную силу для Шемански.

Шемански хотел работать наверняка и потребовал для первой попытки 190 кг. Норберт, как казалось, чувствовал себя слишком уверенно..."

На запас в толчке рассчитывал и Богдасаров. Поэтому наши помыслы сосредоточились на организации последнего упражнения. А я все чужой себе - и мышцы, и движения. Какие-то обескровленные мышцы, без энергии, совсем глухие! На разминке штанга заваливает кисти, прессует, мнет меня!

Упрямо нащупываю движение.

Из отчаяния, тревог, неподатливости "железа" набираю нужное напряжение и связанность движений.

Мертвею на чувства. Не нужны сейчас, предают. Упрямством веду себя...

А потею! Будто из одной воды - и выжимать не надо, просто мокреть.

Над грифом жидок, как-то вихляв - все суставы елозят, не воспринимают равновесия.

Эти 200 килограммов! Самые сильные атлеты спотыкались о них в те времена. Тогда были свои мерки силы, сообразные пределам тех лет, а сознание и определяет степень и надежность усилия. 200 кг находились у пределов человеческой силы.

Я взял 200 кг в первом подходе - тоже своего рода рекорд, никто еще никогда (ни в какие времена) не начинал выступление с подобного веса. Следующим я обязан был атаковать вес меньше мирового рекорда лишь на 3,5 кг. На двухстах килограммах я делал как бы разгон. Длинный разрыв в весах - если бы я взял в первом подходе меньший вес, положим, 195 кг,- я не приспособился бы к перестройке на обязательный вес - 207,5 кг. Лишь они выводили на победу. Для них я и берег две попытки. Я должен был взять

207,5 кг! Другого выхода не существовало.

Разминаясь, я не бродил, я мотался по разминочной комнате. Я наступал не на пол, а давил себя: каждый раз ступнями придавливал в себе то, что отроду не имеет защиты. Это не выразить словами. Это какое-то надругательство над собой.

Да, выдумал же я себе развлечение.

И ничего от естественной силы. И улыбаться должен, обязательно бравировать: все это, мол, небольшая передряга, не больше.

А улыбаться и в самом деле должен. Зачем тут иначе журналисты, и сколько! У каждого в блокноте стопка чистой бумаги, у каждого ручка, полная пасты, и почти у каждого фотокамера.

На стадионе, да и едва ли не все атлеты, уже не верили в мою победу. Норба окружила говорливая, восторженная толпа. Конечно, есть чем гордиться...

Для победы мне следовало практически повторить высшее мировое достижение. А как на это сподобиться, из каких запасов, если я был жалок и беспомощен в жиме и рывке? Какой рекорд, если к нему месяцами выхаживают плоть, а я запущен в тренировках, потерян...

Какая победа?.. Я едва передвигал ноги, но надо, надо...

"...Шемански должен был повторить рекорд (на 190 кг.-Ю. В.) и уже набранные 200 кг были уменьшены до 195. Надежды в русском лагере росли, но Власова все еще не было видно..."

Я караулил. Действовать наверняка я мог только после использования Шемански всех трех попыток, когда он выйдет из игры. Тогда станет ясно, какие веса атаковать. И я ждал, уже понимая, что мой первый подход скорее всего будет на вес 200 кг. Всего два года назад в Риме этот вес с небольшой добавкой был тем, который закончил мое выступление и потряс воображение людей.

"...Во втором подходе Шемански уверенно толкнул 190 кг. Власова еще нет, и русские не заявляют о тяжести веса, выбранного для первой попытки. Чтобы выиграть время для Шемански (ему надо было отдыхать, это время давала попытка Губнера. К сожалению, рядом со мной не было Жаботинского, который вот так бы прикрыл меня.-Ю. В.), американцы вывели на помост Губнера. 192,5 кг Губнер одолеть не смог, но на это, кажется, никто и не рассчитывал. Вслед за ним Шемански взял 195 кг и

безукоризненно вывел вес на вытянутые руки. Ликование в американском лагере, ликование на стадионе! Шемански набрал в общей сумме 537,5 кг, на 7,5 кг больше, чем Власов в 1961 году в Вене.

Все это не взволновало русских. Власов для первой попытки потребовал 200 кг. Вошел со своим тренером на помост, решительно подошел к штанге, мощно поднял ее, оторвал от себя, как пушинку. Это был другой Власов, не тот, которого мы видели в жиме и рывке. Нам казалось, что он отмел от себя все препятствия. 5 из 10 кг Власов отвоевал у Шемански. Однако он должен был набрать 7,5 кг, так как тяжелее американца. 207,5 кг установлены на штанге, и Власов, так же как и при первой попытке, решительно поднялся на подиум..."

Я вышел на этот околорекордный вес в 207,5 кг, забыв себя. Пусть со мной что угодно, но вес будет моим. А с ним - все доказательства.

Я уже знал по опыту: при такой настроенности мышцы работают точно и в силу. Я взял вес на грудь и встал так, словно не болел и тренировался что надо. Но в последний миг, когда подсел для посылы штанги с груди, слабость поразила мышцы.

Внезапное бессилие! Понял: отправлю штангу наверх - не удержу.

К счастью, я только подсел, гриф еще не сорвался с груди. Иначе попытку засчитали бы как использованную - таковы правила.

Я оборвал движение, вернулся в стойку. Слабость не должна быть в мышцах.

Я не мог долго стоять - гриф душил. Несколько лишних секунд - и кислородное голодание, за ним - потеря сознания. Но я все же проникся решимостью - надо! Все чувства под контролем. Ни одно не отзовется малодушием в мышцах. Теперь можно! Мой мир, мои чувства!

Я подсел - и послал штангу наверх. Есть!..

И снова - венский "Атлетик".

"...Американцы вели себя дисциплинированно, хотя у них и была причина для протеста (американцы, Оскар Стейт и некоторые другие, усмотрели в том посыле с груди нарушение правил.- Ю. В.). Возможно, они не сделали это потому, что увидели: Власов, если будет нужно, уверенно возьмет 207,5 кг и в третьей попытке. (Точно, такие вещи доказывают только силой - справедливость силы.- Ю. В.).

Для последней, третьей попытки Власов потребовал 212,5 кг - толкнул вес, но его повело вправо, и в дополнительной попытке Власов не смог удержать 212,5 кг.

Юрий развел руки, пожал плечами, как будто хотел сказать ликующей публике: "Я охотно сделал бы для вас рекорд мира, но, к сожалению..."

207,5 кг и в самом деле оказались в те минуты доступными для меня, и зафиксировать их в повторной попытке не являлось задачей. Я рвался к убедительной победе - поэтому атаковал 212,5 кг. И если бы не досадная потеря равновесия, когда штанга уже надежно вышла наверх и я составил ноги, попытка попадала в зачет.

Лавиной на меня обрушилось облегчение. Все, не надо выворачиваться, все! Схватив чей-то халат, я начал размахивать им, как флагом. У меня дрожали руки, голова, ноги, тело. Я не мог унять дрожь.

Все, все кончено, все позади!

В последний раз я выдал свои чувства, когда вот так схватил халат. Никогда после я уже ничем не выдавал их, что бы со мной ни случилось.

После меня спрашивали: "Было жутковато?" - это перед решающей попыткой на 207,5 кг.

Да нет же, я не боялся и не переживал в обычном смысле. Я настолько был измучен, настолько отяжелел физически - будто не мое тело, а стопудовая тяжесть. И самое главное - нервы: ну будто это все не со мной происходит. Какое-то беспредельное омертвление.

Естественная реакция вконец заезженной нервной системы.

Я напрягал последнюю волю, те смутные волны ее, что едва могли сойти за возбуждение. Я должен был прорваться через изнуренность и безразличие, прорваться к нужной силе...

По существу, не тренировался май, июнь, июль - это уже провал. Даже при великолепном, нетронутом здоровье на восстановление после такого пропуска нужны полгода, а ведь я был еще разложен лихорадкой.

Я надеялся на свое превосходство в силе, но оно оказалось уничтоженным Шемански. Он не стоял на месте - и сумел сложить силу, которую я даже и предположить не смел за ним. Ведь старый атлет, избитый нагрузками,

дважды прооперированный, да и физически вроде пожиже, а поднялся - исполином...

Я надеялся на свое превосходство в результатах - до сих пор оно было куда как внушительно. Пусть осяду - это неизбежно в такой скверной форме, вернее, жалком ее подобии, но все равно буду выше соперников, пусть незначительно, но выше. Я строил расчеты, не сомневаясь.

Надо было вычерпывать все из воли, иначе говоря, нервной системы, без этого я безнадежно проигрывал. А что вычерпывать, коли вся нервная энергия на донышке, и донышко не прикрывает? Я пуст - и силой, и волей. Все эти месяцы меня жгла одна нескончаемая лихорадка...

Справедливость силы...

Глава 151.

Большой спорт со временем начинает угнетать своей публичностью, как и некоторые другие профессии. Вся жизнь на виду - и немало людей стремится вмешаться в нее. И чаще всего уклониться невозможно: это все идет от чистого сердца; уклонение будет выглядеть как высокомерие, пренебрежительность. Постепенно все это повышенное внимание создает определенный психический стресс. Не только тебе, но и твоей семье жить становится нелегко.

Твое личное, дорогое уже доступно почти всем - это очень ранит, лишает многие отношения чистоты, нежности...

Порой казалось, я дышу отравленным воздухом.

Люди поучают, обижаются, навязываются, сплетничают, грубят, попрекают своей "любовью" - дни и ночи этот вал чужих людей.

Каждый требует внимания, а таких ведь тысячи - это уже не сложно, а больно, порой даже очень. Люди звонят, пишут, приходят, обращаются на улице...

Меня очень тяготила публичность моего положения - всего того, что люди с такой мечтательностью называют славой. Я мечтал сбросить все это с плеч, чтобы никто не имел прав на меня. Печально, но, к сожалению, слишком часто так: нас не любят - в нас нуждаются. И меня... используют, но мне никто не рад.

Будапешт.

Несмотря на резкое столкновение в мнениях, я поддерживал с Оскаром Стейтом в будущем добрые отношения, Да, теперь публика ликовала. Меня ошеломила восторженность одного из репортеров. Оказывается, он, несмотря ни на что, ставил и ставил на меня. Предложения сыпались со всех сторон, и он не уклонялся. Он поступал наперекор фактам и мнениям знатоков. Репортеры уже передавали в свои агентства и газеты сенсационное известие о моем поражении, а он подписывал условия очередного пари... И теперь он высыпал передо мной в шезлонг целую охапку купюр - выигрыш в тысячи долларов... И говорил он каким-то путано-надтреснутым голосом, срываясь на крик. Он подарил мне серебряный католический крестик, сняв с себя...

И о другом, очень важном, что не дает покоя. Сталкиваясь всю жизнь с карательной силой, угрозой подавления именем государства, я много лет решал одну и ту же задачу: что же такое Родина? Я пришел к выводу: государство и Родина - это разное. Когда я впервые сформулировал эту мысль, она потрясла меня.

Государство и Родина - это разное...

Как же плохо я держался на ногах! Зыбка и неустойчива была вера в жизнь. Я после понял: меняю кожу. Я и представления не имел, каким может быть мир. Надломлен, загнан - катком прокатит через тебя, вернее, через то, что осталось от тебя. И все его милосердие!

Я был беззащитен и потому надорвался.

Там, в Будапеште, нервное расстройство давало о себе знать находками совершенно черного отчаяния, безнадежностью. Господи, хотелось разбить голову о стену - и забыть, навсегда все забыть!

Я старался все делать так, чтобы никто не догадался, как мне худо и что со мной. Впрочем, задушенность и какая-то безмерная усталость этому весьма способствовали. Со стороны я походил на весьма уравновешенного человека. Еще бы, я был поглощен борьбой в себе.

Нервная система буксовала, отказывала сносить все обилие новых напряжений.

Я был стиснут стенами. Настоящее удушье отчаянием и ужасами. Воздух застревал в груди. Уйти, лечь, не шевелиться, не видеть и не слышать. Будь все проклято!..

И все же я должен сложить все подходы, хотя это сверхнатуга на несколько часов. Я не смел быть другим, я должен был держать себя в руках, чтобы выворачиваться наизнанку в новых усилиях. Отступить некуда. Все решить и разрубить могла только борьба...

Ссылка Жаботинского на больную кисть...

Мое воспитание в спорте было несколько иным. Без запасных, без подстраховки - сразу в пекло самой злой борьбы - за звание самого сильного атлета в мире. На чемпионате мира в Варшаве я оказался перед грозным соперником - и никакого опыта международных встреч. Разве выступление в Лейпциге без соперников - это опыт?.. А тогда, там,- могучий Брэдфорд, зал, настроенный против меня, ухабы срывов, растерянность. А уклониться - и помышлять не смей.

Да если бы там у меня оказалась не в порядке кисть, все равно я должен был работать. Ведь работал я с восемью здоровенными нарывами и температурой за тридцать восемь градусов в Риме - все на грани сепсиса.

И здесь, в Будапеште, я тоже не смею отказываться. Смысл этой борьбы выше меня.

Я уже усвоил: жесткая борьба не всякому по плечу, даже очень не всякому. И я уже знаю, что такое предельное натяжение воли и мышц в схватках, равных по силе. Тут вместо души - камень, гвоздями дышишь... Поневоле сошлешься на кисть, спину, грипп...

Часы выступления...

Мне казалось, я с величайшим трудом переставляю ноги. Это не ноги, а чудовищные глыбы - их не оторвать, вбит в землю. И вместо век какие-то пудовые покрывала. Даже на ненависть к сопернику нет сил - только высчитываешь килограммы и свое тело: как выставить его под тяжестью, как провести тяжесть. Мутно, надрывно держать голову...

Почти все лето без тренировок и в лихорадке. Почему "почти все лето"? Да все лето без тренировки! Те редкие - это не работа...

И еще нервная болтанка без конца и начала. Словно чья-то гигантская рука

втирает меня в землю...

Не мышцы - кисель, сам разжиженный, дряблый, всякая силовая выносливость потеряна. Какой тут тонус? Какой праздник сильных? С неприязнью, граничащей с ненавистью, посматриваю на репортеров, особенно на одного: трется тут...

Тяжко, медленно пропускаю через сознание все, что происходит вокруг. И одна забота: чтобы никто ни о чем не догадался. И не только потому, что примут за желание оправдаться, скрыться за болезнь перед могучим натиском соперника. Если бы только в этом... Но ведь как поймут, если хоть на волосок догадаются, что со мной?.. Ведь во веки веков всякая нервная болезнь вроде позорной болезни, вроде клейма! Кому какое дело, что это истощение нервной системы, что это временно, что это издержки эксперимента?..

И потом, все это имеет для меня огромный смысл - смысл жизни. Если я выиграю, значит, я абсолютно здоров, никогда ничего со мной уже не случится. Я должен повторить "финское" доказательство.

Таким образом, я решал для себя самую сложную задачу, она уже не имела ничего общего со спортивной. Тем, что выиграю, буду первым, докажу себе, что совершенно здоров, нет и не будет со мной ничего и нервы мои в совершенном порядке, только зверски истощены...

Я смотрел на мир затравленно и в то же время с надеждой-Все было подернуто пеленой отчаяния. Я пробивался через ее липкие прикосновения. Она отравляла безнадежностью, ужасом. Я все время уговаривал себя, убеждал, что это не так. Я был наполнен беззвучным стоном и, однако, пробивался вперед - только так я мог обрести себя и победу. Мне казалось, я топчу себя, наступаю на живое тело, лицо...

И сразу после зачетной попытки, сознания победы - усыхание черного человека во мне, на всем нарастание света, какое-то пробуждение людей. Не я, а они казались мне неживыми, отодвинутыми на какую-то ватную неслышимость. А теперь настоящий проблеск света, нарастание света, и все голоса, звуки - в настоящую силу.

Все, я выбрался...

Глава 153.

Любовь к женщине... Что может сравниться с этим чувством? Оно дает осознание своей силы, всемогущества, бесконечной веры в себя.

Это любовь уберегает тебя от падения. Она поднимает тебя из ничтожества падения. Она не позволяет человеку быть жалким и грязным. Она делает тебя красивым.

Это любовь дает великое чувство отцовства.

Бесплодна, засушенно-черства жизнь без любви. Все чувства - недоразвитые стебли чувств, размытая тень настоящих чувств.

Я думаю, человек не пройдет и ничтожной части назначенного пути без любви к женщине. Он не выживет, отступит. В горестях, усталости, боли он предаст себя и свои цели. Это огненно-нежное чувство напоминает всем о таких "химерах", как честь, необходимость отказа от себя, презрение к себялюбию. Именно это чувство дает мужество увидеть себя в истинном свете... нередко достойным презрения. Благословенна любовь! Пусть каждый шаг осеняет страсть!

Ни возраст, ни увядание, ни все приметы старости не имеют власти над любовью

. Благословенны, благотворны, солнечно пронизаны все дни и часы любви к женщине - месяцы, годы, жизнь...

Любовь заколдовывает время, и оно, время, теряет власть над чувствами: любовь остается любовью, только это чувство с возрастом становится чище и нерасторжимей. И уже все в любимой женщине кажется великим даром.

Ты прав: что может быть важней

На свете женщины прекрасной...

Глава 154.

После победы Норба в двух первых упражнениях многие репортеры поспешили оповестить редакции о моей несостоятельности. На эпитеты в заголовках не скупились. Еще бы, я должен был начинать последнее упражнение с 200 кг, а в то время их могли поднять всего три человека, считая и меня.

Несправедливые отчеты о борьбе оскорбляли. Верно, человек удивительно защищен против жары, стужи, микробов, но незащищен перед завистью, ограниченностью, жестокостью. Те газеты, те люди, которые писали самые проникновенные слова, теперь не стеснялись. Я, по их разумению, выдохся, навсегда выдохся, и вообще не атлет, а тряпка. Потому нечего стесняться. Но ведь большой спорт глубже зрелища. Это целая жизнь, это знания, поиск, право на ошибки. Нельзя, чтобы он сходил только за зрелище.

Чувство зла. Носить его невыносимо. Я не могу взять в толк не само чувство ненависти - оно может быть. Но природу постоянного зла, устройство этого чувства я не в состоянии понять.

Обиды. Они оставались, но это другие, от несправедливостей.

Да, на соревнованиях меня охватывала неприязнь. Это от неприятия соперника. Это в природе борьбы. И уже после третьего, и последнего, подхода в толчковом упражнении - им заканчивается соревнование - я оказывался пуст для этого чувства.

В большом спорте меня угнетала власть людей вообще - их право судить, вмешиваться. Я понимал неизбежность этого. Ты уже не есть ты. Ты для всех. И все же...

Будапешт. Тяжелая игра, даже, пожалуй, чересчур... Но я многому научился. Я не знал очень многого. Будь спорт лишь игрой в превосходство, в торжество самых выдрессированных мышц, давно бы забросил "железо". Недаром я испытывал эту потерю смысла после Рима и завис тогда в бездействии сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь, январь, февраль. Считай, год надо восстанавливаться, только восстанавливаться, а соперники не ждут, уходят вперед...

Точно это передал Джек Лондон в повести "Первобытный зверь":

"- Вначале меня бокс не интересовал.

- Видите ли, это было для него слишком пустяковым делом,- прервал его Стьюбенер.

- Но потом,- продолжал Пэт,- когда пришлось состязаться с хорошими бойцами, настоящими и крупными боксерами, дело показалось мне более...

- Достойным вас? - подсказала она.

- Да, вы верно поняли,- более достойным меня. Я увидел, что дорожу своей

победой... да, действительно дорожу. Но все же бокс поглощает меня целиком. Видите ли, каждый матч является задачей, которую я должен разрешить своим мозгом и мускулами, хотя до сих пор я ни разу не сомневался в исходе состязания..." (Лондон Д. Полн. собр. соч., М., 1928, т. 6. С. 68-69).

Все так, но я не мог позволить себе быть увлеченным одним спортом. Впрочем, и Пэт Глэндон шел к осознанию и других ценностей жизни...

Хоффман после соревнований сказал мне: "Вы были похожи на тигра, которого долго дразнили и выпустили из клетки".

В напряженной обстановке я действую, наверное, как и все: я могу колебаться, даже уклоняться от борьбы, но только до определенного предела, когда меня, 'что называется, не загонят в угол, то есть до определенной взведенности чувств, потом я вдруг разом теряю к себе жалость и готов сделать с собой все, что угодно, но подчинить себе обстоятельства и настигнуть цель, решить ее. В такие мгновения, часы, дни для меня теряют значение боль, страх, последствия и вообще любые тяжести преодолений, к сожалению - и благоразумие. Холодная ярость ведет меня к цели. Только цель - больше для меня ничто не существует. И ни возраст, ни опыт не изменили этой особенности. Она такая, какой была в юности. Только в этой ярости я перестал терять себя. Зло и беспощадно пробиваюсь к цели, не утрачивая способности слышать и воспринимать мир вне себя.

Журналисты подхватили слова Хоффмана. Не знаю, на кого я был похож, но я едва не проиграл, это факт. Впервые после соревнований я чувствовал себя совершенно опустошенным. Более четырех часов испытания, казалось, вколотили меня в землю. Надо было их пережить. Ведь в мире нет другого спорта, где поединок ведется столько часов и один на один с соперником и с предельным напряжением... (Сейчас, с отменой жима и введением двоеборья, выступления и тренировки значительно упростились).

Глава 155.

Однако ж все эти испытания я вынес, окрепнув, хотя они, можно сказать, по-своему искалечили меня. И вынес не из одной восторженной любви к будущему, ради этого будущего - того будущего, в котором я смогу делать свое первородно-дорогое дело - писать. Я мостил путь к этому будущему годами учения, оплаченными годами тяжелых профессиональных тренировок.

Нет, я очень любил силу. Это была преданная, нежная страсть, насытиться которой я так и не сумел во всю жизнь. И сейчас, уже на пороге старости, я предан силе, как в юности, если не горячее. И свои нынешние тренировки (не боюсь быть дешево-выспренным) я пью с таким же наслаждением, как в те далекие годы, когда я жаждал великих свершений, женской любви и непобедимости силы, неустрашимости силы, гордости силы.

Всю жизнь я был очарован силой.

Я не щадил себя и расшифровывал ее письма, расшифровывал...

Справедливость силы...

Глава 156.

Первые шесть мест среди атлетов тяжелого веса заняли: Ю. Власов (СССР) - 540 кг; Н. Шемански (США)-537,5; Г. Губнер (США)-497,5; К. Эчер (Венгрия) -482,5; М. Ибрагим (Египет) -477,5; И. Веселинов (Болгария) - 470 кг.

Победила команда СССР - 39 очков. На второе место вышла команда Венгрии - 26 очков, на третье - команда США - 26 очков.

В порядке весовых категорий чемпионами мира стали: И. Мияке (Япония), Е. Минаев (СССР), В. Каплунов (СССР), А. Курынов (СССР), Д. Вереш (Венгрия), Л. Мартин (Великобритания), Ю. Власов (СССР). Спустя три месяца к медалям чемпиона мира и Европы 1962 года прибавился приз "Комсомольской правды". Этот приз - фигура льва из красного дерева - мне присудили по результатам читательской анкеты как "советскому спортсмену, который проявил в соревнованиях максимальную волю к победе".

...А тогда мы с Наташей постарались поскорей остаться одни. Вернулись в номер. Заснуть ни я, ни она не могли. Снова и снова окатывали нас мгновения поединка. Восторга не было.

Мы мечтали о радости отказа от всего того, что называют славой. Нами владела спокойная уверенность в достоинстве освоения того, что мы считали своим назначением. И в то же время мы сознавали, что не готовы к будущему. Еще выиграть время, спортом выиграть. Необходимо выиграть... Так я считал и чувствовал....

И еще я знал: 600 кг, ради которых столько испытано, практически открыты. Дорога к ним в основном пройдена.

Теперь, после выступления, я мог пустить в себя все мысли, снять запрет с любых чувств. Мог и смел.

Как долго продлится болезнь переутомления? Эта липучка мешает шагнуть в настоящие тренировки, а мне надо спешить. Я должен взяться за тренировки тотчас. После того, что случилось, тотчас. Соперники вышли на мой вчерашний результат. Разница в нашей силе - всего два года. Они готовы на мой результат 1960 года - значит, в два года способны достать меня, если я буду стоять.

Эта гонка - не исключительность моей судьбы. Таков всеобщий закон спортивной игры.

Трудно все это было назвать радостью победы. Я держался на внушении, что моя борьба с предельным напряжением, преодоление сопротивления среды нужны всем как часть их борьбы, часть общего движения. Победы большого спорта дают энергию для любой другой борьбы.

На этом чемпионате я совершил большую глупость. В Москве дал согласие передавать спортивные отчеты по дням соревнований для газеты "Известия". Это безумие! В репортажах я обращался к тому, о чем старался избегать думать. Надо было расспрашивать участников борьбы за призовые места, писать отчет и передавать по телефону в Москву, а это всегда было очень поздно вечером - ведь соревнования кончались к полуночи, а то и позже...

Я засыпал чуть ли не на рассвете. Тренер считал это грубой ошибкой. Еще бы, такой груз к лихорадке! Уж воистину: бог долго ждет, да больно бьет!

В Вене мне это удавалось делать иначе. Я передавал на другой день или сразу писал обзорный материал.

Но тут, в Будапеште, я вдруг ощутил, что это такое - совмещение груза ожидания соревнования с заботами репортерства. Ведь ожидание поединка - это предельное сбережение силы, предельно возможное успокоение перед взрывом силой...

Глава 157.

Собственно, что страшного в поражении? Конечно, задевает самолюбие. И все же...

Но тогда я внезапно ощутил, что проигрыш способен стереть весь труд. Ничтожным предстает прошлое перед мощью новой победы.

И вот это (раньше понимал, оказывается, чисто умозрительно), в какой-то мере надломило меня. Я начал считать то время, которое остается до ухода. Время ухода - Олимпийские игры в Токио. И ни дня больше. Я рассчитывал вложить в это расстояние сумму в 600 кг. Слишком много пройдено, уже утрачено невозвратно, чтобы не довершить бросок. И потом, я не успеваю с ученичеством в литературе.

Везде и во всем следовало спешить. Уплотнить время. Свести к наивысшей краткости...

Будущее же силы вообще, ее неиспользованность в полной мере при уходе из спорта на Олимпийских играх в Токио теряли значение. Эта игра не имеет конца...

Я бы уничтожил напечатанное в те годы. Слабое утешение в словах Б. Шоу: "Невозможно написать хорошую книгу, пока не напишешь несколько плохих".

Я писал после тренировок, соревнований. Время буквально воровал у силы, учился писать в ущерб и за счет силы, настойчиво печатал ученические работы. Знал - времени на учение не будет. Пока я атлет, это время есть, сила обеспечивает это время. И я торопился. Отнюдь не из жадности к успеху. Знал наверняка: никто другой не понесет на своих плечах бремя ученичества, кроме моей же силы. Только она обеспечивала ученичество. Спорт отнимал энергию, но давал время. Спорт награждал по-своему очень интересной жизнью, однако суживал интересы. Все подминали под себя тренировки, тысячи тонн "железа" и нервная, напряженная жизнь поединками.

И всегда присутствовал тот день - последний день, когда сила станет ненужной. Точнее, я для большого спорта стану чужим. День, назначенный каждому. Этот последний день.

И я спешил. В спешке приближал тот день и, главное, очень много терял в силе. Но другого выхода не существовало...

Спорту мировых результатов нужен лишь самый сильный.

Это всегда утверждает последний день.

Я не мог отделаться от мечты писать. Правда, не представлял, что это такое в действительности...

Опился я тогда силой. В душе уже зрела обида на необходимость прислуживать ей, быть не таким, каким хотел; жить не так, как хочу. Большая игра отнимала у меня мечты, заставляла говорить то, что я не хотел. Штанга, диски, рекорды присвоили мое имя. Меня оскорбляло, что без них я значу ничтожно мало. Я становился придатком "железа". И до меня ему не было никакого дела...

Легко сказать: пиши, спеши писать! А какой ты после тренировки, ведь вся энергия вычерпана. Какой кофе тебя возродит - все это байки... Пишешь мертвой рукой. И только сознание, что надо, что это - единственная возможность, не позволяет послать все к черту и лечь, лежать...

Но кто, кто пройдет этот путь вместо меня?

Глава 158.

Разбираю архив. Почему с этим человеком не поговорил? А вот с этим? А это что за история - такой человек, такие события!.. И поздно, поздно! Нет большинства в живых. Или разделяют страны.

И раздумываю: что же это за самодовольство - столько пропустил, не принял в себя! А потом, все та же правда той жизни: слеп был от усталости и усталостью. Все это видел, всех видел, а сил не доставало...

И еще: детский большой спорт вызывает глубокое сожаление. Я знаю силу переживаний в турнирах высокого класса, тяжесть тренировок, ограничения жизни ради результата. Что она оставляет подростку от жизни, что требует от него? Разве способен подросток дать себе отчет? "Ведь он участвует в большой игре взрослых. В игре по законам и правилам взрослых..."

Уже после Нового года я прочитал и этот отклик парижской газеты. Он обрадовал. Значит, тогда, в Париже, все сложилось не так скверно.

"В сентябре в Будапеште будет разыгрываться первенство мира и Европы 1962 года. Власов, без сомнения, получит еще две золотые медали и установит новые мировые рекорды.

Французская федерация тяжелой атлетики пригласила Юрия Власова приехать после чемпионата во Францию для выступления в Париже, Лионе, Лилле и Марселе. Был предложен даже день первого выступления - в пятницу 28 сентября в парижском Дворце спорта. Советская федерация отклонила это предложение...

После напряженной подготовки к состязаниям и после усилий, проявленных на чемпионате, мышцы и нервная система атлета требуют отдыха. Власов дал доказательства своей силы и неутомимости во время парижского и финских выступлений, но такие опыты не следует повторять.

Этого исключительного чемпиона нужно бережно вести и хранить для Олимпиады 1964 года в Токио.

И все же мы не теряем надежды снова увидеть Власова в Париже.

Председатель Французской федерации тяжелой атлетики Жан Дам, который сообщил нам о решении советской федерации, сказал:

- На первенстве мира в Будапеште я поговорю с советскими представителями. Если Власов сможет приехать в Париж во время зимнего сезона, наша федерация берется организовать спортивный праздник, но нам необходимо участие Власов? чтобы создать подлинно грандиозное зрелище. Париж и публика хочет увидеть советского чемпиона в полной форме. Своей силой и обхождением он очаровал парижан...

Так или иначе, Французская федерация празднует в 1964 году пятидесятилетие своего существования. По этому случаю она организует в Париже чемпионат Европы (этот чемпионат состоится в Москве.- Ю. В.). Таким образом, парижане увидят команду лучших советских штангистов с Юрием Власовым во главе.

По этому поводу Чарли Микаэлис - директор парижского Дворца спорта сообщил нам перед своим отъездом на Канарские острова:

- Мы думали открыть сезон 1962/63 года во Дворце спорта выступлением Власова. К сожалению, этот проект неосуществим. Все же надеемся, что сможем представить парижской публике русского атлета, который, несмотря на свое короткое выступление на помосте нашего театра, произвел на всех большое впечатление своей мощью и великолепной техникой.

В утешение Микаэлис сообщил, что в ноябре на сцене Дворца спорта выступит знаменитая группа И. Моисеева..."

"...Такие опыты не следует повторять..." А меня уже манили новые "экстремные" тренировки. Я с вожделием прикидывал нагрузки и будущую силу. Я непременно добуду ее. Я дам ответ силой.

О самом предложении (выступить в новом парижском Дворце спорта) я узнал несколько позже, на Московском чемпионате мира по тяжелой атлетике в 1975 году... через тринадцать лет... Щелоковы определяли жизнь: что нам делать, куда ездить и ездить ли, что писать и славить и вообще все...

После чемпионата в Будапеште я, конечно, мог оставить спорт... и не мог. Уйти - значит пустить на ветер весь труд ради главного результата, доказательства интересных путей. Результат заложен в меня. Нужно лишь привести себя в порядок и еще кое-что подработать. Да и просто уйти после такого поединка - значит расписаться в трусости.

Уйти лишь после победы. Настоящей победы.

Я не был сломлен. Я знал, как в действительности обстояло дело.

Какие это были тренировки, характеризует история с моим товарищем. Он был моложе меня, одарен физически, честолюбив. Ему казалось, он ничем не слабее меня. Словом, он увязался за мной в тренировках. Окружающие подстегивали, это был, в общем, нездоровый азарт, своя маленькая гонка, притравливание меня результатами тренировочных весов. Мол, вот цена твоей силе: парень работает на твоих весах - ни одного пропуска.

Пропуски, конечно были. "Пиковые" веса ему были не по силам, но в остальном он шел за мной почти плечо в плечо. Так мы отработали зиму 1961/62 года.

Я только поражался энергии своего напарника.

Лет через пятнадцать он признался мне, что именно те зимние тренировки убили в нем атлета. Они его так придавили, что потом он едва мог вести обычные тренировки. Остаточная усталость лишила свежести и желания тренироваться. Прошел год, другой, а возрождение так и не состоялось. Отвращением остались в памяти для него та зима и... штанга.

А ведь со мной тренировался не новичок, а мастер спорта и рекордсмен страны в первом тяжелом весе.

Я приступил к правильным тренировкам. Прервал их лишь в конце декабря 1962 года на восемнадцать дней, когда с советской делегацией вылетел на

Кубу.

Следовало завершить цикл тренировок, который выводил меня на результат 600 кг. Я верил в их достижимость. Одновременно, предвидя близкий конец в спорте, резко увеличил литературную работу. Поспевать с учением, поспевать... Ничего, что руки мертвы усталостью, не всегда так будет...

Мне казалось: вместо души у меня огненный расплав и он жжет, жжет... ни мгновения покоя.

Я не сомневался: раздвину завалы неудач, просчетов и снова узнаю счастье возрождения в силе. Из болезней и срывов я выходил закаленным и с запасом сил. Пусть эксперимент был жесток и во многом неоправдан, но силу я добыл.

Счастливы ищущие!

Чемпионат пятый (1963)

Глава 159.

Остановиться. Осмотреться. Вслушаться в других, в себя.

Тренировки. Мне казалось, я приговорен к "железу". Все дни, лучшее всех дней - его собственность. И никто не властен над другим порядком. Все замыкалось на власти тренировок, на подчиненности тренировкам.

Новая сила! Черпать ее! Черпать!.. Я так любил силу, что все испытания ничего не значили.

Господи, в зале я пьянел! Жизнь потоком вливалась в меня. Я вминал "железо" в себя, тяжелел усталостью, ощущая жизнь каждой ничтожной частицей себя. Это восприятие жизни обострилось чрезвычайно. Мгновение за мгновением я пропускал ее через себя - благословенны все эти дни, счастье этих дней, ощущение нежности и могущества этого потока жизни в себе. Откидывались на подоконник мокрые майки, волосы слипались, глаза белели, руки надувались огромными синими венами - реки жизни; мои верные слуги - руки...

Разве будущие поражения соперников видел я в те мгновения? Разве неудержимая бычья сила кружила мне голову?..

Я - и сила, я - и жизнь - мы упивались чистотой любви, широтой дней и всего, что в них умещается...

Быть силой - здесь схождение и разлом всех смыслов. Я это понял позже.

А пока - плата за каждый день силой. Расплата. Время всегда теснит силу большого спортсмена.

Превратить усталость в выдумки. Перемалывать усталость. Энергия всех побед - любовь. Проигрывает тот, кто перестает любить. Бездарен тот и лишь тот, кто лишен способности любить. Любить в полном смысле этого слова - терять себя, не придавать значения себе, гордиться нахождением чувства, быть властью чувств. Это и есть бесконечность воли. Время подчиняется законам воли. А я... я покачнулся в любви к спорту, спорту доказательств своего превосходства...

Глава 160.

"...Мы встретили олимпийского чемпиона по дороге в зал. Он в отличном настроении и приветливо со всеми здоровается.

Пока он готовился к разминке, мы выбрали подходящий момент и задали ряд вопросов. Первый и самый главный: "Как, собственно говоря, можно развить в себе необыкновенную силу?"

"Только в результате длительных и прежде всего непрерывных упражнений,- говорит Власов и, будто предвидя наш следующий вопрос, продолжает: - Чтобы овладеть техникой какого-либо вида спорта, достаточно поработать два-три года. Чтобы развить в себе силу, нужны многие и многие годы".

Разминка очень основательная. Атлет бегают, преодолевает различные препятствия высотой 120-130 см, упражняется с двадцатикилограммовой гирей, играет с увесистым медицинским мячом...

Уже в начале тренировки Власов поднимает не менее 100 кг. Пружинящее движение - и штанга на груди. Далее следует быстрое выжимание, пять раз подряд.

Сила!

Теперь он приступает непосредственно к самой тренировке. Вес снаряда увеличивается на 40 кг. Власов выжимает штангу три раза, все еще без заметного напряжения. Этому не надо удивляться: на тренировках он выжимает до 190 кг...

Сегодня Юрий ограничивается 180 кг: нужно сохранить силу для рывка и толчка.

"Для новых побед и новых рекордов необходимо развивать силу всех групп мышц,- замечает его тренер.- В особенности мышц спины и ног. Эти группы мышц можно развить интенсивными силовыми нагрузками"".

Власов завершает свою программу в рывке максимальным весом. Отдышавшись, он начинает приседания со штангой на плечах. Он делает одно приседание за другим. Вес штанги все время увеличивается. Штанга вибрирует, "кряхтит" под тяжестью. Кажется, металл не выдержит нагрузки.

А атлет? Он отдыхает три минуты... и идет повторять упражнение-десять подходов в приседаниях. Делает потому, что знает: вряд ли есть какое-нибудь более полезное упражнение для мышц ног.

Двенадцать тонн в воздухе

"Ну, теперь будет спокойнее",-переводит дух Власов, приводя в порядок свою специальную скамейку для выжимания штанги лежа с наклонной доской...(Наклон доски сорок пять градусов. Я старался приблизить работу мышц к их работе в стойке при выполнении классического жима). Упражнение способствует укреплению мышечной массы рук и увеличению объема груди, позволяя избежать крайне неприятные нагрузки на позвоночник, которые испытывают штангисты в классическом жиме (В этом упражнении облегченный режим работы сердца, возможность глубоко расслабить мышцы в повторных выжиманиях без опасений за позвоночник. И, наконец, можно выжимать гораздо большие веса, чем в стойку). Власов, ревностный поборник здоровья, настойчиво убеждает своих товарищей спортсменов больше внимания уделять этому упражнению. Сам он включает жимы лежа под наклоном почти в каждую тренировку...

Теперь Власов завершил основную часть тренировки и подводит краткий итог: меньше чем за два часа он поднял примерно 12 тонн металла.

Мы спросили, почему он не отрабатывает рывок и толчок.

"Сила развивается не в результате бесконечного повторения жима, рывка и толчка,- говорит Власов.- Ее основой являются вспомогательные упражнения и тщательно продуманная общефизическая подготовка".

Власов считает, что дальнейшее развитие тяжелой атлетики возможно лишь через развитие... силовых качеств, совершенство тренировки.

Тренировка с гирями

"Есть хорошие атлеты, которые никак не могут сдвинуться с места, так как считают, будто главное - это "техника", и занимаются в основном рывком и толчком... Я не хочу принижать роль "техники". Без нее сила, вернее сказать, силовая тренировка - напрасный труд. Но все надо делать разумно и соблюдая чувство меры".

Юрий просит прощения: он вынужден прервать беседу и продолжить тренировку... Атлет берет двухпудовые гири и выжимает их десять раз подряд. "Великолепное упражнение,- говорит Власов.- Раньше многие борцы использовали гири на тренировках. Сейчас нет. А жаль!

Более подходящего упражнения, которое развивает одновременно и гибкость и силу, трудно найти".

В любое время года Власов заканчивает тренировку бегом на свежем воздухе. Он меняет при этом темп, чередует медленный бег и быстрые старты, пробегая примерно два-три километра.

Приводим некоторые дополнительные подробности его тренировок. Чтобы развить силу спины, он делает наклоны вперед со штангой на плечах (К сожалению, я прибегал к этому упражнению очень редко. Поврежденная шея не позволяла надежно держать штангу), приседания со штангой на груди; он делает упражнения на брусьях с грузами, прикрепленными к ногам; развивает мышцы живота (я привязывал к стопам 15 кг и поднимал прямые ноги к перекладине пять-восемь раз.-Ю. В.) и т. д. В те дни, когда Власов занимается общефизической подготовкой, он с удовольствием плавает (в главные годы тренировок я не бывал в бассейне.-Ю. В.), делает упражнения на кольцах, на бревне, на коне (я вспрыгивал на "коня" высотой 130-140 см по три-четыре раза, с низким "конем" работал на растяжение связок ног и тазобедренных сочленений.-Ю. В.), играет в мяч (работа с набором медицинских мячей, самые разные упражнения.-Ю. В.). Данные виды работы он практикует тогда, когда не тренируется со штангой (в подготовительный период - а этот период составлял несколько месяцев - доля этих упражнений, без штанги, по их времени в тренировке приближалась к пятидесяти процентам.-Ю. В.).

Мы перечислили здесь средства и методы, которыми Власов куёт победное оружие.

"Какие же это тайны?"- спросят спортсмены. И действительно, так сейчас тренируются почти все. Но Власов не имеет равных.

Да, это так. Нет совершенно никаких тайн в тренировках Власова. Просто Власов - единственный в своем роде, необыкновенно одаренный спортсмен. Кроме того, он думающий атлет. И если этот во многих отношениях великий человек берется за что-либо, то он действует по принципу "семь раз отмерь, один раз отрежь". (Если бы это было так! Я кидался в работу, как наркоман.- Ю. В.) Он все делает уверенно, основательно, и самое главное - он все делает продуманно.

Мы рассказали о более чем трехчасовой тренировке олимпийского чемпиона. Если полистать его дневник, то окажется, что упражнения, сделанные за эти три часа,- лишь малая толика всех тех упражнений, которые Власов выполняет обычно" (Пересом, В. Три часа с Власовым.- Атлетик, 1963, № 16).

Я не сочинял тренировку ради репортеров. Была работа. Для посторонних - лишь выхват из всего вала работы. Для зрителя, даже профессионального, оставались скрытыми существо тренировок, смысл их строения.

Существо и форма. Смысл жизни и ее картинка.

Глава 161.

С тренировками я опять запаздывал. Организм был разболтан после потрясений весны и лета. Даже простые тренировки выводили из равновесия. Почти после каждой я чувствовал себя физически нездоровым. Я ждал выправления здоровья, но оно что-то не торопилось даже к своей обычной норме. Крепко качнул меня нервный срыв...

Конец декабря шестьдесят второго и почти три недели января нового года я провел на Кубе.

Она еще жила напряжением Карибского кризиса - недлинные месяцы отделяли от него. Мы приехали вскоре после правительственной делегации во главе с первым заместителем Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояном.

Я навестил виллу Хемингуэя. Дом еще не набрал лоск музея - жил жизнью своего хозяина. Открытость вещей, ненарочитость, и даже слуги на местах.

К людям, подобным Хемингуэю, приложимы слова Альберта Эйнштейна: "Моральные качества замечательного человека имеют, вероятно, большее значение для его поколения и для исторического процесса, чем чисто интеллектуальные достижения. Эти последние сами зависят от величия духа, величия, которое обычно остается неизвестным" (Кузнецов Б. Г. Эйнштейн. М., Изд-во АН СССР, 1962. С. 284).

Я вернулся с Кубы опять расклеенным. Потеря режима, отсутствие тренировок, опять нагрузка на нервы (я выступил с лекциями свыше двух десятков раз, а у меня практически любое выступление, даже просто интервью,- на повышенных, если не на предельных, оборотах нервов) - следовало незамедлительно восстанавливать силу. Соперники не ждали, а я уже так давно не только не продвигался вперед, но и не вел правильных тренировок. А что, почему - до этого ведь никому нет дела. Ты должен выдавать силу - или убираться из игры.

Великая гонка не делает исключения. Атлеты находят все новые и новые подступы к силе. Мой результат в Риме потряс воображение людей. Через двадцать четыре месяца его повторил в Будапеште Шемански, и тот "фантастический" результат сошел за будничным. Это - именно великая гонка. Ни один результат не может обезопасить от поражения, если не обновляется в год или два. Значит, в год-два найти новую силу! Найти или навсегда выпасть из великой гонки.

Я чувствовал себя своим в этой гонке. И не только своим, но и ее хозяином. Великий искус быть сильным снова превращал работу над собой в радость.

Этот искус, а с ним и желание оторваться от соперников исказили представления о тренировке. Я двинулся в новые испытания, в новый поиск. Мне следовало привести в полный порядок все системы организма. Я пренебрегал сбоями, больше того - презирал любые сокращения нагрузок как слабодушие и отступничество. До сих пор все уминалось в тренировках - ошибки и травмы. Я всегда выходил из тренировок обновленный и счастливый, даже если был перетренирован, что называется, вдрызг. И всегда - с опытом нового, драгоценностями этого нового.

Глава 162.

На Кубе я познакомился с многими, кто знал Хемингуэя. От капитана шхуны "Пилар" Грегори Фуэнтэ я узнал, что в 1936 году Хемингуэй побил мировой рекорд, поймав у берегов Бимини (Багамские острова) на спиннинг мако, которая весила 354 кг. Мако - родственница белой акулы, прозванной "белой смертью".

Роберто Эррера, исполнявший отдельные поручения Хемингуэя и считающий себя его секретарем, написал на томе из собрания сочинений писателя, привезенном мной из Москвы, слова любви к Папе (так звали Хемингуэя его друзья).

Эррера служил в универмаге. Там, за прилавком, я и нашел его. Я слушал Роберто до рассвета в своем номере гостиницы "Свободная Гавана". На стуле напротив нас стоял портрет Хемингуэя. Я тоже взял его с собой из Москвы - обложка "Лайфа", посвященного памяти писателя. Это очень тронуло и расположило Эрреру. Я услышал много интересного. Как и Ремарка, я мечтал увидеть Хемингуэя. Не называя себя, не смея называть себя, вообще не называясь, просто взглянуть на Мастера. Так же, несколько лет спустя, я стоял у калитки дома Паустовского. Я так и не отворил калитку.

У меня отвращение к излишним чувствам. Это удерживало от схождения с близкими по духу людьми. И все же, как думается теперь, я был не прав. Мастеру нужны добрые слова. Очень нужны. В большом мастерстве, в душевной щедрости Мастер все равно одинок. Слова понимания его труда всегда нужны ему. А какими еще могут быть слова, обращенные от сердца к сердцу?..

На Кубе я был представлен Че Геваре, разговаривал с Фиделем Кастро. Республика оставляла яркий след в памяти, ведь с победы революции минули всего три года.

После в дневниках Че Гевары я прочел, что именно в эти месяцы завершалась подготовка к переброске его в Боливию. Обращала внимание внешность: землистое, одутловатое лицо астматика, несколько мрачноватый взгляд исподлобья...

Глава 163.

К началу 60-х годов классический жим окончательно выродился в трюковую разновидность толчка, вернее толчкового швунга, или в выкручивание веса с глубоким провалом спиной назад, вполне справедливо запрещенных

правилами.

От меня жим прихватывал большую часть энергии. Я "обложил" силу множеством вспомогательных упражнений: отжимы на брусьях с отягощениями, жим широким хватом, жим лежа с наклонной доски, жим из-за головы, "брэдфордский" попеременный жим. Каждое из упражнений воздействовало на определенную группу мышц, участвующую в классическом выжимании штанги, обеспечивая мощный срыв веса с груди, преодоление зависания его в мертвой точке - положении переноса главных усилий с одной группы мышц на другие. Те и другие в данном положении действуют не в оптимальном режиме: следует за счет скорости, то есть силы определенных мышц, проскочить это мертвое зависание. Потом дожимание веса в классическом жиме - тут работают мышцы, разворачивающие лопатки, трапециевидные мышцы, разумеется, и трехглавые рук. Надо все мышцы - и не названные - не только вытратить, но и вытратить в соответствии одна с другой. Тогда усиление сложится непрерывным, имеющим опоры во всех точках прохождения веса.

И вот эту сложную, очень объемную работу (болезненную для позвоночника) зашельмовали трюковым жимом. Многие атлеты годами готовили мышцы к новым весам, взламывали сопротивление новых весов; другие - подменили эту работу шлифовкой трюка, когда и судейский глаз не успевал отмечать подлоги. К примеру, подлоги за счет удара ногами: атлет, выпрямляясь, бьет грудью по грифу - это запретный прием, так как на вес воздействуют не руки, а ноги.

Все большая и большая доля "технического" жима, как стали его уклончиво называть, благополучно преодолевала строгости судейства. Подлоги вытесняли честный жим.

Атлеты оказались в неравном положении. Одни продолжали работать над жимом согласно правилам настоящего классического жима, другие все более изощрялись в "техническом" жиме, который не требовал выдающихся силовых качеств. Трюковая манера жима сводила его тренировку к простейшим упражнениям, экономя силу для тренировки рывка и толчка. К примеру, у меня тренировка классического жима отнимала свыше половины всего времени и энергии. Выигрыш качества и количества от тренировки у атлетов, освоивших "технический" жим, оказывался более чем основательный. Особенное значение для "технического" жима (швунга) имел вес атлета (из обычного принципа взаимодействия масс, ведь здесь штанга не выжималась, а ударом тела отправлялась вверх). Это вызвало дополнительное стремление ряда атлетов наесть собственный вес. Таким образом, вместо мужества силовой тренировки наблюдался процесс отяжеления атлетов, выхолащивания силовой работы, выигрыш результата

трюкачеством.

К большим килограммам в жиме уже подступали атлеты, вовсе не обладающие достойной силой рук. Убедиться в этом просто. Они оказывались жалкими во вспомогательных упражнениях, закладывающих истинную силу, где само положение атлета (тело, станок) исключали какую-либо темповую подачу снаряда. Тут мои соперники проигрывали мне чрезвычайно много.

Дело явно подвигалось к вырождению древнейшего и славнейшего из атлетических упражнений, одного из первых, в котором почетно пробовалась сила.

И судейство явно буксовало - отсутствовали объективные формы контроля, по-прежнему все определялось на глазок; борьба сразу же учла это, пустив тренировки по новому руслу. Само по себе это не было такой уж новостью. И в старину практиковали жимы из хитрых. Но они являлись исключением, и атлеты рисковали напороться на нулевые оценки в соревнованиях. Впрочем, такие выжимания и не выдавали за жим, а называли "выкручиванием". Теперь контроль забуксовал.

В те годы я выжимал, лежа на доске под углом сорок градусов, штангу весом от 220 до 230 кг помногу в нескольких подходах (Некоторые атлеты имели в этом упражнении значительные результаты, но в том случае, когда практиковали его умышленно - для рекорда. В ряде стран фиксируются такие рекорды. Я держал тренировочный вес в зависимости от задач, которые предстояло решать в классическом жиме. Специальной же тренировкой этот жим лежа (или под наклоном) можно было куда как разогнать. Но я берег силу для других упражнений. Я не смел распылять силу. Всем повелевал принцип целесообразности).

Вес штанги в жимах из-за головы довел до 170 кг - я отжимал его три-четыре раза в подходе (в основном этот вес был освоен к Играм в Токио), а также порядочные веса брал в жиме широким хватом. Этот последний жим немилосердно осаживал позвонки ("закусывал спину", как говорят атлеты) - очень неудобный упор, на заломе спины. И все же профилактические наклоны со скамеек с гирей уберегали от радикулита и прочих неприятностей.

Борьба между атлетами двух школ приняла неравный и оскорбительный характер. Лжепатриотические соображения исключали принципиальную дискуссию. Отмечались лишь особо скверные приемы "технического" жима. Однако тренировки перестраивались именно под него.

Результат не заставил себя ждать. После Олимпиады в Мюнхене (1972) классический жим был изъят из программы соревнований. Двоеборье из рывка и толчка сменило прежнее классическое троеборье. С одной стороны, это безусловная потеря, но с другой - это упражнение не из полезных. Позвоночник изнашивается жимами безбожно.

Глава 164.

Аристотелю принадлежит выражение: нельзя одновременно быть и не быть.

При расширении этого понятия, приложении его к поведению людей оно обретает смысл, вдруг освещающий все нелепости нашего состояния, давая представление о существовании каждого определенного бытия вообще.

Оно чрезвычайно помогло и постоянно помогает мне верно оценивать свое поведение, примирять чувства с разумом и жить в условиях, когда нет сил жить.

Нельзя одновременно быть и не быть...

Нет, это не значит, что надо быть оппортунистом, соглашателем, принимать смирение.

Такое понимание исключает все промежуточные состояния, калечащие душу и тело. Оно уничтожает неопределенность позиции, наделяет ясностью поступков и преодолением себя.

В жизни надо определиться, строго выбрать свою сторону, позицию. Всякое промежуточное состояние уродует человека, не решая задачи его бытия. Человек саморазрушается в раздвоенности. Раздвоенность есть прямой путь к самоуничтожению... Перейти огненную черту и стать тем, кем надлежит быть. Пасть под ударами судьбы, но не быть у нее в просителях... Нельзя одновременно быть и не быть... И не удивляться, всегда помнить: кто в клетке зачат, тот по клетке и плачет. Горькая правда...

Глава 165.

Если говорить о подлинно однозначной тренировке, ее у меня не было. Никогда не было.

Я делил спорт с учением в академии. Спорт подразумевался как нечто третьестепенное, зависимое от занятости в академии и прочих дел. Учился я без всяких поблажек. Да они и невозможны были в военной академии, а Военно-воздушная инженерная академия имени Н. Е. Жуковского - учебное заведение с традициями, отборным профессорско-преподавательским составом и духом благоговения перед знаниями и наукой.

Здесь умели учить, но и спрашивать тоже. Шесть-семь часов лекций, затем лабораторные занятия, курсовые задания, консультации. Что оставалось спорту, то и оставалось. Но именно в год окончания академии я стал чемпионом мира, свалив самый тяжелый из рекордов мира - официальный рекорд в толчковом упражнении великого Эндерсона.

А после академии опять невозможность сочетания главного труда - литературного - с большим спортом. Опять спорт довольствовался тем, что оставалось от сил и времени, и ведь тогда вообще не существовало восстановителей; ни сном ни духом не знали о них, ни о законных, ни о противозаконных...

Редкими месяцами я был связан со спортом всей жизнью. Месяцы эти можно счесть по пальцам.

Искусство владеть будущим.

Вести поисковые тренировки в зиму 1963 года было опрометчивостью. Слишком много я их уже принял, потому и сорвался весной, не переварив. Точнее, я подавился ими. Надо было дать организму время на усвоение, а я все торопился.

Следовало переключиться на облегченные тренировки. Они обеспечили бы несравненно больший прирост силы, и самое важное - скрепили бы здоровье. Я чересчур давно изнурился работой на износ. Прок от очередного поиска был сомнителен - теперь это очевидно, а тогда... Тогда сама мысль о смягчении тренировок казалась изменой заветам силы. Я проявлял ограниченность фанатизма и упрямство недостаточной опытности, я бы даже сказал, зрелости. До таких тренировок надо дорасти не только силой...

Искусство владеть будущим. Я страшился упустить будущее. Я искал силу в усталости, разваливал себя.

Эта цель - 600 кг! Пробиться, искать, не отступать. Трезво оценить обстановку я не мог. Я заложил в природу работы самую серьезную ошибку. Она давала знать о себе многие годы...

В этой горячечной игре за результат я допускал спад в тренировках лишь за чертой 600 кг. Думаю, и это был самообман. Я погнался бы себя на новый результат. Ведь без движения спорт - своего рода продажа себя. Это было моим убеждением. Я мог изменяться, брать силу - следовательно, управлять движением. Задыханность нагрузками я преодолевал частым "дыханием", "учащением дыхания", но не снижением ритма и объема работы. Ведь к моменту моего ухода из спорта основная часть пути до 600 кг была пройдена: от официального мирового рекорда в сумме троеборья 512,5 до 580 кг - последнего моего рекорда в сумме. Главная сила взята в тренировках. Пусть в жадности, недостатке отдыха, но взята.

Искусство владеть будущим.

Усталость снова начала кренить меня. Я снова западал в грозную перетренировку. И без того я не выскребывался из нее уже второй год, однако старательно навешивал новую усталость. Следовало удивляться стойкости организма. Я был по-звериному живуч. Ну а как иначе достать такую силу?!

Нервное истощение держалось цепко. Писать о его проявлениях нет нужды - это болезнь, пусть временная, функционального характера. Но дни были настолько огненно-злыми, что я мучительно-натужно переваливал через каждый. Не жил, а, казалось, сдвигал огромную колоду, которая заслоняла свет и воздух.

Чтобы устоять, жить и снова собирать тренировки, я сложил девиз: "Я отвергаю и не принимаю все правила! Я подчиняю мироздание и все его процессы своей воле! Я изменяю неизменяемое! Мой организм подчиняется только моим законам! Высший судья - моя воля!"

Опять я топтал себя. Опять взводил волю и все взваливал на волю.

Я повторял эти слова дни и ночи: стать выше всех сомнений и слабостей, выжечь в себе цели - и служить им, даже если сотру себя, очень быстро сотру себя...

Отрешенные идут по этому пути. "На этом пути,- говорят они,- белое, синее, желтое, зеленое, красное... Этот путь найден, по нему идет знаток, добротворец, состоящий из жара..."

Да, труд на этих кругах постижения силы (во всем многообразии ее понимания) - жар! Белое, зеленое...- вехи знаний, достоинство опыта. И отрешенные - те, кто выдерживает направление только на цель, поклоняется лишь справедливости и с каждым шагом теряет страх...

Правы философы: ничто сколь-нибудь значительное в мире не совершается без страсти.

Вопреки всей усталости, ошибкам сила созревала. Я носил ее, слышал ее. Поил ею мышцы.

Счастливы ищущие!

Новые тренировочные результаты лишали всякой убедительности доводы моего тренера Богдасарова в пользу более спокойных тренировок, а он постоянно предлагал мне снизить объем работы, привести себя в порядок, беречь себя. Богдасаров был, конечно, прав.

Я люблю гордость большой силы. Те из ее хозяев, которых я знал или о которых читал - их уже не было,- отличались достоинством и гордостью. Всем присуща была общая черта -органическая несовместимость с угодничеством, кроме разве некоторых. В настоящей силе это сразу просвечивает. Это как бы ее душа.

...Я обычно обходился без утренних зарядок, да и настоящие длительные прогулки редко позволял себе: время забирали работа над рукописями, книги и тренировки. Я вообще крайне редко отдыхал. Пренебрегал отдыхом, считая его недопустимой роскошью. Я так понимал: мне отпущено очень мало времени. Сила во мне ненадолго, а спорт обеспечивает мое учение в литературе. И я гнал... с юношеских лет до последних подходов к штанге в большом спорте. Однако на этом гонка не кончилась и отдых не приблизился... И я снова гнал...

Такой режим жизни я считаю серьезным упущением для силы. Я никогда не был только атлетом. Никогда мои мышцы, мозг и тело не служили только силе. Я рвался в будущее, которое не представлял себе без литературы, а настоящее рассматривал лишь как одно из средств продвижения к цели. И топтал настоящее... Попутно с литературой я занимался историей, и в основном по источникам. Впрочем, какое это занятие! Это без преувеличения - страсть. История, как и память, оживляет прошлое, простирая его в будущее.

Глава 166.

И все же хроническая утомленность при необходимости круто увеличить результат к будущему чемпионату мира вынудила нас с тренером

произвести изменения даже в тренировочных средствах. Великая гонка называла новые цифры. Неспособные обратить их в силу мышц отпадали. Отчасти в этом и скрывалась причина поиска новых приемов тренировки. Изучение ее других направлений. Найти, раскопать силу...

Мы основательно сократили набор упражнений, но это не являлось уступкой. Наоборот, это позволяло увеличить нагрузку на главные мышцы. Так или иначе, упражнения из сокращенного набора заменяли почти все упражнения по совокупному воздействию на организм. Тренировка стала более поджатой, как бы менее неряшливой. Кроме того, мы отказались от координационно сложных упражнений. Вообще свели к наименьшему все то, что вызывает напряжение внимания и, таким образом, дополнительный нервный расход. Усталость физическая устраняется нехитро, нервная - долго, болезненно и прихотливо. А тренировки в пятнадцать-тридцать тонн за четыре часа работы при высокой интенсивности потрясали организм. Ведь мы не пользовались восстановителями, а жили и тренировались в обычных городских условиях на обычном питании. Господи, эти очереди! За всем - очереди!

По-прежнему мы мало "зубрили" технические элементы, что тоже высвобождало время, а дополнительное время - это опять-таки увеличение объема силовой работы. Да, сила! Только она подчиняет победы!

Гибкость и скорость - качества возрастные. При всем голоде на время мы ввели много упражнений на гибкость и поддержание скоростной реакции. О гибкости мы никогда не забывали еще и потому, что она сберегала суставы. Работа с предельными тяжестями предполагает крайние из допустимых растяжений суставных связок, нагрузку на узлы связок, головки мышц. Не всегда классические упражнения классически удавались на соревнованиях: тогда суставы оказывались в критических режимах - их подготовленность и уберегала от травм, не говоря уж о том, что гибкость сама по себе выигрывает в силе (глубже сед, глубже "разножка" и т. д.).

Режим для сердца в тяжелой атлетике весьма далек от полезного. Поэтому силовую работу необходимо сопрягать с бегом после тренировки. "Мотор" нужно держать под нагрузкой и контролем.

О канонах. При выполнении рывка я, согласно принятым канонам, держал ноги в стартовом положении сравнительно выпрямленными, дабы сразу обеспечить скорость штанге. Лишь в ту зиму я окончательно убедился, сколь много теряю из-за бездумного копирования. Ведь ноги у меня значительно крепче спины. Так зачем в повиновение канону я выбрасываю из усилия самые мощные мышцы? Зачем взваливаю на более слабые мышцы спины основную работу? Не проще ли изменить старт? По совету тренера

начал пробовать новый старт давно, еще перед Играми в Риме (1960), но только сейчас убедился в его преимуществах. Следовало вводить его в работу без ограничений. А старт забавный - толчковый, но для рывка!

Особое внимание я обращал на крепость брюшного пресса.

Все это, само собой, тренировочные мелочи. Поиск же касался существа тренировки.

Разумное питание, умение дышать, обилие свежего воздуха - основа нормальных обменных процессов. Об этом знают, но все внимание приковано к силе, отчасти и к размеру мышц, а также - громадному собственному весу. Чтобы избежать крупных неприятностей со здоровьем, как-то сбалансировать вред перегрузок большого спорта, надо помнить о разумном питании, полноценном отдыхе и закаливании. Тяжелоатлеты несут урон от неполноценного дыхания. Поэтому нужно осваивать специальные упражнения, не с тяжестями. Я, к сожалению, понял это слишком поздно...

Глава 167.

Традиционные мартовские соревнования Приз Москвы я пропустил. Шемански дал спектакль на полусиле. Он приехал не для опробывания мускулов своих и соперников - увидеть Москву. Этот атлет, как никто, умел распределять силу. Умел собираться. Глядя на его выступления из заурядных, нельзя вообразить, как он способен меняться в главной борьбе! Вялый, скучноватый, даже просто слабый, он преображался...

В те месяцы я открыл для себя А. И. Герцена и не мог отвести взгляда от слепящего света строк: "Он веровал в это воззрение и не бледнел ни перед каким последствием, не останавливался ни перед моральным приличием, ни перед мнением других, которого так страшатся люди слабые и не самобытные..." (Герцен А. И. Поли. собр. соч., 1956, т. 11. С. 16).

А Бальдассаре Кастильоне!

"Нужно повиноваться истине, а не большинству".

Или его же: "...правда и состоит в том, чтобы говорить то, что думаешь, даже если заблуждаешься..."

Не сворачивать с избранного пути, быть преданным центральным мыслям,

не разменивать эти мысли; победами и стойкостью утверждать правоту моральных принципов, гордиться принадлежностью к великим заповедям прошлого и настоящего.

"Истину нужно искать и принимать, отстраняя все посторонние для этого соображения, даже соображения добра", - моральность этой формулировки заставила меня ломать голову. Как без добра? Разве может быть здоровым то, что приносит в жертву добро?.. Снова и снова я заходил на эти мысли. Где ответ, в чем?.. А ведь именно в ответе - направление жизни; именно он, ответ, обнажит это направление и, следовательно, определит все дни твоей жизни... Она должна быть подчинена истине. Стремление найти истину и безусловно согласиться с ней - это обязательное требование, общее и для науки, и для морали, - позже эти своего рода постулаты подробно сформулирует советский математик академик Александр Данилович Александров, ректор Ленинградского университета в 50-60-е годы.

В тех месяцах - все противоречия моей тренировки. Я определенно выходил на новые результаты, преодолевал болезненность. Ту болезненность, которая не смывается неделями отдыха, заботливостью и уходом...

И я снова любил силу. Любил все той же молодостью чувств. Меня примяли борьба и ошибки, запалила гонка, но чувства не изменили цвета.

И в то же время все больше и больше людей вмешивалось и втиралось в мою жизнь. Все больше и больше я терял себя, становился человеком-символом. Я знал, что и почему, но это не избавляло от нелепой выставленное напоказ. Подобная жизнь убивает искренность.

И еще я страшился заданности в жизни. Она вытраивает человеческое. Знать, что будет спустя неделю, год, годы. Быть в казарменном шаге... А человек - это стихия. Он безграничен. И вдруг поднимается над самим собой. Он всегда таит возможность быть другим и созидать новое. Но только не жевать дни! Только не хоронить дни!

Глава 168.

Чемпионат США 1963 года выигрывает Сид Генри, в троеборье-1125 фунтов (510,3 кг). Мягкий, деликатный, в полном смысле интеллигентный, он казался случайным в "железной игре", или, как ее однажды назвал тренер и атлет, а по профессии архитектор Дмитрий Петрович Поляков, "железной свалке". И говорено то было старым атлетом с таким язвительным двусмыслием!..

Я видел, Генри увлечен силой, но не настолько, чтобы отдавать себя. А это определяет душу тренировки. При всем том Генри был смел и решителен в соревнованиях.

Что до интеллигентности... После чемпионата мира в Стокгольме Лев Кассиль напечатал в "Вечерней Москве":

"Незадолго до отъезда в Рим я говорил о Власове с одним из наших тяжеловесов, в прошлом не раз уходившим с помоста в звании чемпиона.

- Боюсь я за него, признаться,- сказал мне атлет.- Нервы могут подвести. Очень уж он у нас интеллигентный.

...И недаром в книге "Дороги ведут в Рим" приводится высказывание старого итальянского журналиста о Власове: "Невероятно! Это же ученый, а не штангист..."

Американские соперники Ю. Власова тоже делали ставку на то, что у нашего атлета сдадут "интеллигентные нервы"... Но он сумел собраться и доказать, что воля у него не слабее мышц. Он ушел с помоста, вернее, был унесен на руках восторженными "тиффози" чемпионом Олимпиады... показавшим совершенно невероятный результат...

Помнится, что в Палаццетто делло спорт не нашлось даже соответствующих таблиц. Цифру рекорда пришлось выводить от руки мелом на демонстрационной доске.

"Век Андерсона" сменился "веком Власова"..." (Кассиль Л. Перо и штанга.- Вечерняя Москва, 1963, 10 октября).

На мой взгляд и опыт, как раз черная, бессознательная сила неустойчива в борьбе. Она по природе своей лишена устоев, а следовательно, и способности сносить испытания, предполагающие определенные волевые напряжения, жертвы, самоограничения.

Победа Сиды вовсе не означала конец Шемански. Я знал, как умеет выколачивать силу маэстро Шемански. За ним еще сохранился рекорд мира в рывке, "узурпированный" 28 апреля 1962 года в Детройте. И надежды на то, что у атлетов с возрастом притупляются скоростные качества, не оправдывались: Норб держал рекорд цепко. Да, из всех соперников самым серьезным по-прежнему оставался он. Несмотря на возраст, у него был запас силы. Жим можно "качать" до последнего своего дня на большом помосте (когда мне было сорок три, я, не тренируясь со штангой десятилетие, за

полтора месяца довел жим лежа на наклонной доске, сорок градусов, с 95 до 190 кг; причем между делом, без нацеленности и соответствующего режима и при собственном весе 105 кг). Эту особенность силы учел Норб и тренировку изменил в пользу жима.

Зима, весна и начало лета 1963 года отлетели подозрительно мирно - никаких наскоков рекордами, неожиданностей результатов, газетной травли. Пружины будущих поединков взводились сдержанно и осмотрительно.

Я ощущал перемену в отношении к себе. Если я ушел от поражения в Будапеште с наименьшей из допустимых разниц - всего 2,5 кг,- то что может учинить Норб в Стокгольме, на будущем чемпионате мира? Что он готовит? Что и как свяжется в будущей встрече?

А пока я ляпал все ту же ошибку в тренировках: изнурял себя пробой новых приемов. Все было так просто, правда лежала на ладони - зачем искать? Сбавь обороты - и захлебнешься силой. А я ничего не видел! Я боялся остановки. Как же я был слеп: ведь отдых - это самое верное и неотразимое оружие спортсмена! Искусство владения им не менее сложно, чем знание нужных упражнений, характера нагрузок. Отдых возрождает силу, замороженную безрассудством фанатичной работы. Отдых в любом случае беспроигрышный ход. Совершенно надежный. Я им не владел. Не хотел владеть. Все перекладывал на способность "нести". Отдых является самостоятельной величиной, но не подчиненным элементом. непонимание этого - один из самых грубых промахов моей спортивной жизни.

Но ведь любят всегда неразумно, а я любил силу, не почитал, а страстно, горячо любил. Я гнался за ней, мечтал овладеть, приручить, сделать своей, нести в себе, не расставаться.

Еще юношей, задумываясь о смерти, я ставил себя в нее только сильным. Умереть сильным. Сделать последний шаг - и рухнуть, но сильным, прямым, не размытым страхом за себя и жизнь. Не унижаться перед смертью.

О таком последнем шаге можно только мечтать.

Глава 169.

В первые дни лета на стадионе в Лужниках на празднике, посвященном приезду Фиделя Кастро, выступали представители различных сборных команд страны. Меня, как назло, лихорадило. Не случайно, конечно. Я

рассчитывался за все извращения и насилия тренировок и вообще режима жизни. Температура болталась у отметки 38 градусов.

Все же Воробьев убедил меня выступить. Редко я встречал человека с таким задушевным даром убеждать.

В тот день было жарко - 29 градусов. В нише стадиона воздух стоял размороженный, лениво-неподвижный. Уже на разминке я почувствовал: дышать нечем. Я сделал три попытки установить мировой рекорд, в последней был очень близок к успеху, но... рекорд загадочно не дался.

И почти тут же я провалился в оупляющее безразличие. Не было сил пошевелиться. С трудом я воспринимал происходящее, все от меня отгородила какая-то ватная прослойка.

Мертвыми ногами я вышел со стадиона и прилег на скамейку. Я лежал под трибунами, обезвоженный, раздавленный. Связь с внешним миром я сохранял лишь усилиями воли. И сколько ни дышал - не хватало воздуха, я задыхался.

Пришел в себя лишь через несколько часов...

На спортивном празднике газеты "Фольксштимме" в Вене атлеты работали в такой же застойно-душный, жаркий вечер 29 июня. Я, по мере возможностей, избегал выступлений на открытом воздухе: нет пространственной привязки, следовательно, велика вероятность потери равновесия. А тут опять без тренера... из-за экономии средств. И все же мировой рекорд в жиме - 190,5 кг взял с первой попытки. Это сулило успех в толчке. Я уже давно должен был толкать 220 кг. Понимал: мешает усталость и, как следствие, боязнь. По силе же готов давно. Эта боязнь и определила поведение под штангой. Это только с виду я контролировал мышцы...

Соревновались в Пратере, крупнейшем венском парке.

Я решил прорваться на рекорд в толчке через возбуждение от победы в жиме. Как говорят атлеты, был в "кураже".

Толкаю 200 кг - разгон. Мышцы в порядке и движение на заученности. Заказываю рекордный вес. С запасом цепляю на грудь 212,5 кг, еще легче встаю - и вдруг отчаянно-больной удар по кистям, будто ломом. Гриф завис без упора на грудь. Пытаюсь уложить - стоит торчком, не льнет к груди. Ничего понять не могу, бросаю штангу. Первая мысль: целы ли кисти? В горячке боль не всегда острая. Вроде кости на месте... Думаю, выручили

бинты. Я защищался от суставных грыж эластичными бинтами - целым слоем бинтов.

А меня уже опять вызывают. Собрался. Выхожу. Пробую гриф, а он коромыслом согнулся! Поэтому и были торчком кисти. Подшипники втулок заклинило - вот и удар по кистям! Единственный в моей практике случай. Как штанги надвое ломались - видел. Сталь обрезало. От износа. Но чтоб гнулись?..

А в памяти Вена осталась не страхолюдной комичностью горбом согнувшейся штанги, а радостью от рекорда. После выступления с утра подались за город. Конец июня - линька птиц, а тут в приозерных рощах низко, флейтово заходятся в переборах черноголовые славки. Я люблю птиц. Начитан о них. Узнаю. Рад узнавать. И что славки смолкают позже всех, не в новость... Тучная в зрелости зелень, смутные озера, флейтовая нежность в распевах - это память взяла главным. Будто выпал из бездушного механического хода. Ошеломленно, жадно, с тоской ловил это движение жизни, другой, совсем забытой в гонке, недостижимой, пока в гонке... Искусственной, надуманной представлялась игра в озорство силы. Дни невозвратны, а я опаиваю себя силой, не вижу их. Все задвинуто ненасытностью силы... Долго я святил тот день в своей памяти.

После, вместе с Каплуновым, я выступал в Винер-Нейштадте и Эйзенштадте. Но уже другие события опять бросали отчетливую тень впереди себя.

Поездка легла ошибочным нерассчитанным грузом на последние недели перед чемпионатом страны - III Спартакиадой народов СССР. Будущее опять складывалось в задачу со многими неизвестными. Для решения ее требовалось протащить себя по новым испытаниям. Неизвестные величины сразу обрели плоть и выразительность...

Глава 170.

Странные это были выступления по всему свету. Огромные залы - ни одного свободного места. Яростные атаки на мировые рекорды. Безмерный риск (в случае несчастья грошовая пенсия - и все!). И ни копейки в честный заработок - за бешеный труд, риск, насилие над собой, за жестокое усечение своей же жизни. А ведь сколько битком набитых залов - десятки тысяч зрителей, слава, уважение самые громкие...

Сейчас это не укладывается в сознании. Впрочем, уже тогда поездка за

границу воспринималась как милость и награда. Холопами мы были. По прозвищу - свободные граждане, а по существу холопы, и отпускали нас, как в старину крепостных, на заработки. Но те хоть что-то себе оставляли, пусть гроши, а нам и того не доставалось. За благо подразумевалась поездка - милость, умильная благодарность и предмет гложущей зависти других. И как величайшее наказание - отстранение от поездок. Тот еще кнут для свободного гражданина!

Глава 171.

После возвращения домой следовало дать спад в нагрузках. Однако я продолжал гнуть намеченную программу.

Не снизил я нагрузок и накануне турне по Австрии. Все из того же желания выдержать годовой цикл, по которому спад должен был последовать лишь перед чемпионатом мира. Поэтому я поехал в Вену без отдыха. На турне меня еще хватило; вернулся же с окончательно заезженными мышцами, однако сразу включился в работу. Я прилежно насаивал ошибки.

Я поставил целью силу, достойную шестисот килограммов. И даже чемпионат мира уже мешал этой работе. И именно поэтому я был растренирован в классических темповых упражнениях.

Черновая работа на силу не увязывается с тонкой координацией, высокой скоростью и вообще хорошим мышечным тонусом. Кажешься себе тяжелым, глухим - реакция усталых мышц. Нет, я не был слеп, но эта работа не стыкуется с выступлениями, тем более частыми.

Сор соревнований стопорил движение, затуплял силу, путал график. Вскоре еще раз убедился в этом. А я любой ценой стремился соблюдать заданность в движении, то есть нагрузки по расчетам. Вот тут и мстили жестоко соревнования. Ведь, выступая усталым, с заезженными мышцами, кое-как глотнув в трех-четыре тренировки воздух отдыха, я работал на износ.

Я постоянно вводил ошибку. Я жил в мире реальных отношений, но жизнь - нагрузки, опыт - вел без учета, будто я свободен от всяких отношений. Надлежало строго учитывать все соревнования, вводить поправки на отдых до и после выступления.

Однако я был лишь с виду в такой степени прямолинеен. Поправки на соревнования в расчетах очень удлинили бы движение к заданным результатам. А я не смел рассчитывать на время такой длины.

Подобные ошибки я закладывал в 1961-1963 годах. Я был профессионалом. Календарь, то есть чиновничья роспись, определял мою жизнь. Свой план набора силы вступал в противоречие с этой казенной росписью. В этом крылись причины разного рода срывов. За счет надрыва я связывал воедино свою жизнь. Если бы я был свободен в тренировках!

Скверно чувствовал я себя в конце июля. Насилие худо отозвалось. А на приведение себя в порядок не оставалось тренировок. Впереди - обязательное выступление на III Спартакиаде народов СССР. Штанга, потяжелев, утратила подчиненность. Я сохранял лишь приблизительный контроль над ней.

Случалось, я приходил на тренировку, когда в зале никого не было. Богдасаров уходил в столовую, ребята мылись в душе.

Гулкий, пустой зал со следами чьих-то последних усилий: рассыпанные диски, неубранный станок, забытые лямки для тяг на подоконнике, густой запах пота.

Я перебирал взглядом ноты этих подробностей и думал, что вот я люблю силу, не щажу себя, а она порой приносит столько горя! За что?! За преданность?!

Я подходил к штанге. Она стояла смирно, холодно, сыто. Я крутил гриф и шептал, уговаривая ее: "Не причиняй мне новых печалей..."

Глава 172.

А вот уже не тень, а сами события!

"Вижу 575 кг!

Соревнования штангистов второго тяжелого веса, пожалуй, самый интересный этап спартакиадного турнира богатырей,- писал Я. Купенко в "Советском спорте", (1963, 2 августа).-Зрители были предельно возбуждены, порой несдержанны, шумливы; всех разжигал жгучий интерес к выступлению человека, ставшего символом советского спорта, Юрия Власова, и, безусловно, его ближайшего соперника украинского атлета Леонида Жаботинского...

Жаркая погода мешает Юрию Власову уловить нужный ритм движений. Он

фиксирует 175 кг, но сходит с места. Та же ошибка не позволяет ему во втором подходе зафиксировать 185 кг. И все же через три минуты он блестяще выжимает этот вес. Затем он заказывает 192,5 кг. Это уже мировой рекорд! Поднимет ли? Поднял... но в последний момент атлет сходит с места...

Пятый день длятся соревнования. Одолевает усталость. Я сажусь в уголок зала и мечтаю: все то, что происходит сейчас на помосте, как-то переплетается с прошлым. В памяти воскресают великие мастера жима. В 1950 году Джон Дэвис достигает в этом упражнении 160 кг. "Это новая эра", -отмечалось в журнале "Стрэнгт энд Хэлт". В 1953 году малоизвестный гигант из Канады Даг Хэпбёрн берет в Стокгольме 168,5 кг. Неужели это предел? Через два года в Москве в Зеленом театре Пол Андерсон фиксирует 185,5 кг (это ошибка, Эн-дерсон зафиксировал в Москве 182,5 кг.-Ю. В.). Фантастично, непостижимо!

И вот теперь в таблице рекордов имя Юрия Власова и его результат-190,5 кг. А на подходе новый рекорд. Что же дальше? Какие возможные резервы Юрия Власова в этом упражнении?

Я думаю, не будет бестактным с моей стороны сделать некоторые предположения, основанные на непрерывном росте результатов Власова. Стилль жима, умение подбирать нужные упражнения, увеличение собственного веса до 140 кг, разумеется, за счет мышечной массы, как это было до сих пор, позволит Власову в недалеком будущем выжать 200 кг...

Власов не в "рывковом" состоянии. Травма мышц шеи мешает ему точно закончить движение. Приходится ограничиться результатом 152,5 кг. А Жаботинский фиксирует... в дополнительном подходе... 165 кг. Неожиданность подвига потрясла всех...

Какая перспектива рывка у Юрия Власова и Леонида Жаботинского? Возможности у первого, на мой взгляд, далеко не исчерпаны, что касается Жаботинского, то и подавно...

Судьи вызывают Жаботинского, и он последовательно выталкивает 185 и 200 кг и с суммой 530 кг заканчивает превосходное выступление. У Юрия Власова другая раскладка: он толкает 195 кг, затем 205... Победил, как и предполагалось, Власов. Его сумма отличная - 542,5 кг. И все же чувствуется какая-то неслаженность в его выступлениях...

Когда я думаю о ближайшем рекорде в троеборье, то реально вижу 575 кг. Возможно, что этот результат будет показан на XVIII Олимпийских играх в Токио"... (Эти 575 кг я накрыл раньше.-Ю. В.).

Итоги личного зачета Спартакиады: Власов (Москва) - 542,5 кг, Жаботинский (Украина) - 530 кг, Поляков (РСФСР) -490 кг.

Я весил на соревнованиях 132,5 кг-сказалась мощная силовая работа. Меня затажили новые мускулы.

Купенко отроду не бывал на моих тренировках, не навещал в зале ни меня, ни тренера. Он видел выход этих тренировок. И все выводы делал по формальностям выхода.

Он не знал, да и вряд ли его это интересовало, что я перетренирован, качу тренировки на другую цель, не на спокойные, обеспеченные победы. Да и только ли Яков Григорьевич вел анализ без учета того, что я не "восстановился" после австрийского турне, что сам метод тренировок принципиально отвергает специальную подготовку к Спартакиаде? Наблюдатели исходят из цифр. Господствует метод оценки лишь по внешности фактов, при этом ускользают смысл действия, явления, и уж во всяком случае - широта оценки.

Усталость, перетренировки, перемогания, ход без передышек, понукания болельщиков - я вдруг почувствовал... слезы. Я стою на пьедестале почета, а на щеках слезы. Я первый! Я победитель, но никакой радости, а горечь и рыдания перехватывают горло...

Я стоял и не шевелился. Я даже не вытер слезы - тут же сами сгорели: я был еще в распаленности работы. Но после, уже когда я вышел из зала, сел за руль,- задохся слезами.

Слабость унижает, но в том-то и дело, что бывают состояния, когда невозможно ей не дать выхода; без этого в тебе что-то ломается, произойдет перенапряжение душевных сил.

Слабость, если она не в ладонях любимого, дорогого человека,- сколько же раз ее проявление бывает для унижения тебя и новой боли!

Я вел машину, окаменев, беззвучно плача. Путь домой из Сокольников лежал через всю Москву. Только иногда я шептал: "Не могу, больше не могу!.."

Это был приступ сокрушительной слабости; для посторонних - жалкая сцена, достойная презрения и слова "бедненький".

А я катил машину не через Москву, а в новую яму судьбы...

...К тому времени я убедился: цена благополучия в обществе - почти всегда потеря собственного достоинства. Чем выше достаток - ниже падение. Плата за блага - духовное и нравственное вырождение. Исключения довольно редки.

А уже Швеция ждала любопытством старого зала "Эриксдальсхаллен". У великой гонки пустые глаза и ход без сердца...

Поездка в Австрию-ошибка. Я уразумел это в канун Спартакиады. Да, рекорд был, но турне усугубило выход из нагрузок, рассчитанных на совсем иной ритм работы, дополнило и без того чрезмерное утомление.

Сами по себе частые выступления не опасны, но такой характер они неизбежно принимают при режимах плотных тренировок, преследующих более отдаленные цели.

Даже разминочные тренировки накануне Спартакиады складывались туго. Я был пришиблен усталостью.

Следовало без промедлений снижать нагрузки, а я все гнул свое. Я видел ту, настоящую силу, - до нее какие-то шаги из месяцев работы, силы уже в мышцах. Только свести хвосты нагрузок по расчетам. И никогда никакой "Будапешт" не повторится! Будет другая сила! Совсем другая!

И я не менял ни одной цифры в тетради.

Выдержать натяжение дней.

Я не надеялся на результат, я верил, знал: будет. Меня поглощала лишь одна мысль: возьму ли расчетный результат? В него не верят, его называют фантастическим, а он уже в мышцах. Еще немного, всего каких-то несколько шагов. Недели этих шагов...

И тут Спартакиада, ее килограммы - я не выдержал. Через несколько дней после Спартакиады я заявил по телевидению об уходе из спорта.

Я отказался выехать на всесоюзные сборы, обязательные перед чемпионатом мира, и прекратил тренировки. Ничего от привязанности к спорту - выжгли, обуглили непрерывные усилия, рекорды, турне, взведенность жизни и сама жизнь, как проходной двор...

Сколько же сыпанулось упреков в зазнайстве! Будто накормили грязью.

То, что принимали за заносчивость, в действительности являлось

подчинением жизни интересам дела. Все, что хоть в какой-то мере не соответствовало этой цели, исключалось, каким бы ни было дорогим или привлекательным. И это была не бравада и не рисовка. При несоблюдении этого правила я не выдержал бы ни ритма тренировок, ни напряжения литературной работы.

Зазнайство. К тому времени я имел все мыслимые титулы. Не существовало наград, которыми я не обладал бы. И если бы я гнался за благами, следовало вести себя иначе. Ведь несокрушимость здоровья - это и есть долгая жизнь в спорте. Я же это самое здоровье превратил в предмет беспощадной эксплуатации. Я стремился в отведенные мне судьбой годы достать 600 кг в сумме троеборья.

Разве не так: каждый шаг вперед - это и победа всех?..

Сила требовала преданности. Я дрогнул.

Отступил. Воля завела меня в тупик.

Мой неутомимый конь воли.

Стон заезженной плоти.

Надежда даже в падении. Солнце новой жизни даже в ночи крушения.

Я обрубал концы прошлого - пусть с мясом и кровью - ради будущего.

Новые химеры манили меня.

Я верил в величие слова, святость вязи слов, в мысль.

Я верил в литературу. Я клял настоящее и звал будущее.

Глава 173.

Я уже писал, что в наши годы медицинское наблюдение сводилось к эпизодическим и чисто внешним формальным осмотрам. А это наблюдение, будь оно правильно организовано, могло бы играть ключевую роль в определении нагрузок. Опираясь на ежедневные данные, можно идти верной дорогой.

Осмотры раз в несколько недель или месяцев не способны были уловить

перемены, предшествующие перетренировкам, отмечая лишь голый факт перетренировки. Вот и вся правда медицинского подспорья.

Конечно, досаждали и мелочи: грохот "железа", когда часами надо кричать, чтобы услышать друг друга (еще не было бесшумных штанг), теснота и переполненность зала. Не всегда соответствовало энергетическим затратам и питание. В подобной работе питание приобретает особое значение. От его добротности зависит работоспособность - иначе говоря, скорость "восстановления". К сожалению, в те годы обеспечить его, как нужно, не представлялось возможным. Впрочем, на это никто из нас не обращал внимания. Да и что это по сравнению с испытаниями, выпавшими на долю наших предшественников...

Все годы меня жгло страстное желание-мечта-дожить наконец до времени, когда будут названы имена отравителей народного сознания. Верил, это время наступит.

Мама знала, что я пишу и чем живу, и очень за меня боялась. И понятно, через нее прокатили ужасы гражданской войны - гибель брата, родных. Ее вызывали и спрашивали: висят ли портреты вождей у таких-то и таких? Она видела, как пропадали люди, она схоронила мужа - моего отца. И очень боялась, что этот самый молох не пощадит и меня.

Беды приходят сами, а к благу надо идти, и даже не идти, а мучительно пробиваться, слишком часто ломая на этом пути шею...

Глава 174.

В середине сентября - чемпионат мира в Стокгольме; команда давно на сборах, а я в Москве, и тренировки свернуты. Я даже не захожу в зал.

Неделя без тренировок, вторая...

В начале третьей я на несколько дней уехал в Горький. За команду не беспокоился. Вон как поднялся Жаботинский, все данные для победы.

Не оглядывался, а озирался, щерился на спорт: ничего, пойдет своей дорогой, сколько имен уже подмял - и в памяти не сохранились.

Любой из нас может выпасть из гонки, но сама великая гонка не ведает даже заминки. С каждым годом, месяцем и неделей все чаще и длиннее ее шаги...

"Драматические события вокруг напряженных мускулов

Главные события сентября в Стокгольме.

К сожалению, Швеция - воробей в кругу танцующих журавлей.

Феномен из феноменов в тяжелой атлетике - русский Юрий Власов.

Тяжелая атлетика в начале этого века являлась самым популярным видом спорта в Швеции. Тогда у нас были атлеты-рекордсмены, такие, как Старке Арвид, Оскар Валунд, Аугуст Юханссон, Яльмар Лундин, Калле Свен и другие крепкие парни, игравшие железными мячиками, как жонглер бильярдными шарами.

В наше время нам не совсем удастся поспевать за международными успехами в тяжелой атлетике - о причинах спорят посвященные. Однако и сейчас в Швеции есть "широкие парни".

Кроме того, Шведское объединение атлетов в третий раз за десятилетие выступает в роли хозяина мировой элиты атлетов: с 7 по 19 сентября в стокгольмском зале "Эрикسدальсхаллен" проводится чемпионат мира...

Чемпионат мира 1953 года имел огромный успех, несмотря на все пессимистические предсказания. Все билеты в "Эрикسدальсхаллен" вечер за вечером распродавались, дуэль между русскими и американцами стала настоящим бестселлером; тогда Советский Союз выиграл с тремя очками, и вообще на помосте действовали на редкость очаровательные личности.

Сильнейшим был канадец Даг Хэпбёрн, победивший в тяжелом весе с суммой 467,5 кг двукратного олимпийского чемпиона Джона Дэвиса - удивительно сложенного негра, который явно взял бы приз за красоту, если бы такой существовал.

Даг Хэпбёрн был едва ли красив: почти кубической формы, таскался повсюду как плохо перебинтованный конфетный киоск. Правая нога его была деформирована полиомиелитом и забинтована от щиколотки до колена. Но этот мужик был ужасно сильным: показывал 176,5+135+165 кг в троеборье, т. е. сильнее всего был в жиме! Дэвис занял второе место с 457,5 кг.

Самым популярным штангистом стал гавайский японец Томми Коно, выигравший в среднем весе с суммой 407,5 кг.

"Абсолютно фантастический результат", - заявили эксперты.

"Феномен из феноменов", - написала одна газета о Томми Коно...

Самым видным штангистом был Норберт Шемански из США, который преобладал в полутяжелом весе с 442,5 кг. Наиболее впечатляющим атлетом на этом чемпионате мира, занявшим второе место, был египтянин Салех. Его сумма троеборья - 400 кг.

На Олимпиаде в Мельбурне три года спустя результаты чемпионата мира в Стокгольме были превзойдены во всех категориях...

Историческая баталия грянула в тяжелом весе, когда предмет всеобщих пари американский колосс Пол Эндерсон оказался на волосок от поражения. Об этом я послал в олимпийский номер журнала "Аль спорт" следующее сообщение:

"Этот 24-летний слоненок явно был самым цветистым среди "хромосомных атлетов". Он низкого роста, толстый, и его добродушный лик обрамляют масляно-черные локоны. Всех задела различные мировые рекорды этого шарообразного детины.

Но Пол не в лучшей форме. Он простудился при здешней зимней погоде, получил воспаление ушей, и ему трудно сохранять равновесие при работе со штангой.

Однако Умберто Сельветти из Аргентины, еще более шарообразный усач типа колбасника, находился в своей лучшей форме. Он начал с огромного веса в жиме - 170 кг - и поднял его так чисто и красиво, что зал загудел.

"Хромосомному" Полу пришлось туго: 162,5 кг он поднял лишь благодаря большому отклонению спиной.

Этот вес ни в коем случае не следовало признавать взятым. На 170 кг его мощные руки, смахивающие на кули с мукой, сдали - первая сенсация дня!

- Ну, он вскоре наверстает, - думали все. Однако положение становилось все более и более угрожающим. Оба великана взяли 150 кг в рывке. Сельветти по-прежнему работал чище. Когда он свободно взял 180 кг в толчке, положение стало критическим для нашего друга Пола.

Он заказал 187,5 кг. Если поднимет, то, как и Сельветти, выйдет на сумму 500 кг, однако выигрывает золотую медаль благодаря своему несколько меньшему собственному весу.

Пол фиксировал штангу, словно она являлась злейшим врагом, пару раз покитовьи фыркнул, так что взметнулись облака талька, и втянул в себя воздух.

Огромный вес Пол оторвал элегантно, но вдруг остановился. Пол напрягся изо всех сил, лицо его стало красным, как брусника, но он не смог удержать штангу наверху и швырнул с грохотом на помост, который даже затрещал.

Три минуты отдыха согласно правилам - и новая попытка. Снова неудача!

Теперь вид у американцев по-настоящему задумчив. Осталась единственная попытка. Если Пол не справится, у него вообще не будет зачета в толчке, и его исключат не только из списка призеров.

Хорошо собранный и умеренно волнующийся, колосс в последний раз выкатился на помост - и - смотрите! - сопротивлявшиеся 187,5 кг взяты!"

Два года спустя чемпионат мира проходил в Стокгольме без участия Пола Эндерсона и Сельветти и без "перевязанных конфетных киосков" в стиле Дага Хэпбёрна из Канады.

Результаты в трех категориях оказались хуже мельбурнских, но были зарегистрированы четыре высших результата: в полулегком весе - "невероятные" 372,5 кг и в легком весе - 390 кг, оба - мировые рекорды. Томми Коно опять спустился в полусредний вес, где и собрал 430 кг, что так же стало рекордом мира.

Этот чемпионат мира со спортивной точки зрения был на два класса лучше, чем чемпионат, проведенный на этой же арене пять лет назад. Однако на этот раз мы воздержались от прыжков восторга на страницах газет по поводу "феноменальных результатов". Я, помню, писал: "Поднятие тяжестей-это вид спорта, явно пребывающий в процессе развития. Через десять лет мы будем свидетелями рекордов, которые сейчас покажутся просто фантастическими.

Маленький пример такого развития.

Когда я был школьником, сёрмлэндский крестьянский парнишка Старке Арвид поднял невероятный вес - 168,5 кг.

"Непобиваемый мировой рекорд!"-писали тогда все газеты.

Сейчас же русский Ломакин в среднем весе начал с 172,5 кг-и был на волосок от взятия 180 кг! А Томми Коно принадлежит рекорд мира в

полусреднем весе - 168,5 кг, в точности цифры Старке Арвида!

А ведь современное свободное поднятие веса на уровень плеч гораздо труднее поднятия "на пояс" начала этого века (имеется в виду "континентальный способ" толчка.-/О. В.). Что ж, "техника" совершенствуется.

Поэтому мы не были так поражены тем, что на Римской олимпиаде рассыпалось множество рекордов...

Зрители остолбенели перед замечательным русским тяжелоатлетом Юрием Власовым. Это был не Даг Хэпбёрн и не Пол Эндерсон, не какой-то там человек-бегемот, это был, безусловно, хорошо сложенный Геркулес, несмотря на внушительный вес- 122,5 кг.

Статный русский побил рекорд Пола Эндерсона следующей фантастической серией: $180+155+202,5=537,5$ кг.

"Самый феноменальный мировой рекорд во все времена!"- ликовала мировая пресса.

Второе место занял похожий на мастодонта американский негр Джим Брэдфорд с результатом 512,5 кг, третье - наш старый друг Шемански с суммой 500 кг...

Итак, в свете рампы появится красочный поток гладиаторов. Впереди, естественно, русский чудо-атлет Юрий Власов, величайший феномен в мире, какой только был до сих пор в этом виде спорта...

Шумная победа Власова на Римской олимпиаде для мира за железным занавесом имела эффект взорванной бомбы. Статный русский с чисто интеллигентными чертами лица совершенно не походил на прежних бегемотообразных поднимателей тяжелого веса. Он также перекрыл все прежние рекорды и переступил все границы возможного, установленные экспертами.

Канадец Даг Хэпбёрн, мужчина весом около 140 кг, был большим фаворитом публики в зале "Эриксдальсхаллен", когда в 1953 году одержал победы с 467,5 кг. Даг стал цирковым штангистом и довел личный рекорд до 485 кг, пока не исчез с арены.

Спортивно более изящным спортсменом в 1953 году был американец Норберт Шемански... Как и Томми Коно, Шемански - единственный из мировых мастеров 1953 года, сохранивший активность. Этот американец

теперь перекочевал в категорию тяжелого веса и слывет единственным претендентом, имеющим шансы угрожать русскому фантому Юрию Власову.

Карьера Шемански несколько лет назад оказалась на грани краха. Он получил тяжелую травму спины, пытаясь на тренировке толкнуть рекордные 200 кг. Его отвезли в больницу. Он перенес множество тяжелых операций, и его выписали только через год. Никто не предполагал, что Шемански когда-нибудь опять займется своей любимой штангой. Но он тщательно и энергично тренировался, участвовал в Римской олимпиаде и занял там третье место... На прошлогоднем чемпионате мира он улучшил личный рекорд, набрав изумительную сумму - 537,5 кг. И теперь мы получили телеграмму из Америки с сообщением о том, что Шемански с запасом превысил мировой рекорд Власова, набрав немислимую сумму 583,5 кг (газетная "утка".-Ю. В.).

Это похоже на сказку, но в сентябре в Стокгольме предстоит сражение!

Интересное знакомство стокгольмской публике предстоит также с молодым американским толкателем ядра Гэри Губнером, который выдал в сумме троеборья 510 кг и является обладателем всех мировых рекордов для юниоров, поставленных в прошлом году...

Англия посылает в Стокгольм самого сильного сейчас в мире негра (да простит нас Сонни Листон -Тогда чемпион мира по боксу в тяжелом весе среди профессионалов!)... штангиста полутяжелого веса Луиса Мартина с Ямайки, живущего в Лондоне, где он работает механиком. Мартина пригласили быть тренером шведской сборной...

Венгры относятся к величайшим достопримечательностям чемпионата мира в сентябре!..

Наши шведские штангисты будут, как говорится, "воробьями в кругу танцующих журавлей", когда сойдется в поединке мировая элита. Однако и у нас есть ряд парней с порохом в пороховницах..." (Очерк Хенри Эйдмарка в шведском журнале "Аль спорт". (1963, №8. С. 54).

Глава 175.

Из Горького я возвращался автомобилем. Не успел к ночи в Москву. Заночевал, съехав с дороги в кустарник. Разложил сиденья, стянув загодя чехлы. Этими же чехлами и укрылся.

К утру упала роса. Я не видел ее за отпотевшими стеклами. Озяб и проснулся с первыми проступами предметов. Распахнул дверцу. Даже в сумерках роса была почти как снеговая. Не знаю, что и для чего,- толкнуло побродить, увидеть темный след в замятостях травы. Я разулся, ожигаясь, прошел до проселка. Сучья заставляли стеречься, выщупывать землю...

Едой я не запасся. Пить по холоду не хотелось. И я погнал машину по пустой дороге, сталкивая воздух в просеки, овраги, зажатость леса. Туг и гулок был ход машины. Тогда было совсем мало автомобилей, и на рассвете дороги пустовали. От голода было приятно, легко. И тело радовало собранностью и подчиненностью.

Мысли очень свеже, ясно выговаривали себя.

Нельзя в одно время быть и не быть!

Да, но сейчас - дело! Я владею всем, что выискивает дело, утверждает дело. Все ноты будущих партий известны. Да, да, нет неизвестного.

Уйду - это значит "быть". В новом быть. Отдам долг-и уйду. А счет... какое это имеет значение... Отдам еще силу... Я заколебался. И в самом деле, не сделать ли последний бросок, ведь все уже подготовлено? Стать опять атлетом, быть только атлетом...

Глава 176.

Очень часто я сам против своих же определенных поступков, но, как это ни странно, не волен над собой. Что-то, просыпаясь во мне, вдруг начинает диктовать свою волю - и я принимаю ее как нечто неоспоримое, обязательное, категорическое, без чего жизнь дальше невозможна. Это нечто я не мог определить в себе, выделить для анализа и в дальнейшем уже предполагать, знать в себе. И именно оно, это нечто, вдруг опрокидывает мои же стремления избежать обострения жизни.

Я очень хотел быть другим и часто ищу и нахожу эти свои дороги, но вмешивается это нечто и направляет меня туда, куда я вовсе и не предполагал идти и не хочу. Какая же радость идти туда, где боль и тяготы, да еще провал в одиночество, пусть вынужденное?

Это правда: в том, каков я, очень мало моего "я", сознательного "я". И судьба моя тоже скроена не так, как я хотел бы.

Самое поразительное, что это нечто совершенно скрыто от меня самого и потому неизвестно мне, хотя живет во мне, является частью меня, не поддаваясь в то же время ни исчислению, ни анализу, ни даже обыкновенному узнаванию. Это нечто вдруг просыпается - и сокрушает все, что я старательно и вдумчиво возвожу для устройства жизни, до чрезвычайности усложняя жизнь и всегда не скупясь на тяготы, боли и страдания близких, родных.

Это нечто в себе я так и не узнал и не знаю. Оно пробуждается во мне на какие-то мгновения, как всесокрушающая стихия, тут же бесследно исчезая, оставляя свои мысли-императивы, которым я не смею не подчиняться...

Глава 177.

В третьей неделе оборвалось бездействие. Богдасаров тоже сумел убедить меня в необходимости довести дело, не оставлять, когда основная, если не вся, работа проделана. И в себе я почувствовал странные перемены. Вдруг все веса стали игрушечными. Штанга ласково отдавалась, я чувствовал ее ход самыми ничтожными мышцами. А скорость? Точность? Я не поднимал "железо", а изящно вправлял его в заданные траектории. Преображение в каждом дне - я не мог опомниться. Распались пределы силы. Бери "железо", вот оно, покорное, выдрессированное. Нет, это не то слово - "выдрессированное". Я люблю его, это "железо". Я нежу насечку грифа. В этом грифе столько от боли надежд, от страсти постижения, ярости обид, напора отчаяния. Только этот гриф знает, что и как было. И потому он столь отзывчив. Мы сходимся в бреду слов. Все слова от нас и наши. Горька ли эта жизнь, праведна, нужна или ошибочна, но мы творили ее страстно и без оглядки на все благоразумия.

Один в зале я внезапно слабел обилием чувств. Неужто прорвался! Неужто умялись все нагрузки?!

Глава 178.

По-разному складывались мои отношения с тренером. Я не считался с собой, но был жесток с теми, кто имел отношение к труду тренировок. Я не терпел расхлябанности в деле, где ставилась на кон жизнь. Ожесточенность столкновений требовала, пыталась, опиралась, ложилась на жизнь - крепость этой жизни. Не шалости избытка здоровья, а способность выжить, когда

расходы энергии на пределе, у предела и расходы в том выплеске, когда пуст для всякой другой жизни, выглотан силой напряжений - вот те дни...

А с 1963 года тренер на месяцы начал отпадать от нашего дела. Большая беда валила его. Нередко работа шла наперекос из-за его недосмотров. Прибитый горем, он допускал серьезные ошибки, давал им корезить меня. Все чаще и чаще я пересчитывал нагрузки после тренировок, ища и находя ошибки, пока не взял расчеты в свои руки. Мы только сверяли наши расчеты, согласовывали. А после чемпионата мира в Стокгольме у Богдасарова почти на год отнялась нога. И весь последующий год он волочил неживую ногу, чтобы не пропустить ни одной тренировки.

Сколько же он принял зла, назначенного мне, нес, таил несправедливость, назначенную мне! Он как умел защищал меня от моих же, подчас грубых, промахов. Он верил, считал, что я могуч силой и недоступен в ней, если отдамся "железу", не стану дробить себя между литературной работой и спортом, но главное - всегда верил в меня, не считал риском мои выступления против соперников любой силы и подготовленности, когда я плавал в болезнях и слабостях, - и это, в конце концов, было самой большой кровно-неразрывной связью. Я был привязан к нему (и привязан поныне) уже не дружбой, а родственной, неумирающей связью.

Глава 179.

"Во Франции в это время года все устремляют взоры на "Тур де Франс", - писал Красовский в парижской газете. - И даже самые крупные события незаметны, о них сообщают мимоходом. Между тем самым замечательным событием последних недель нужно считать мировой рекорд Юрия Власова... На чемпионате мира в Стокгольме можно предвидеть, что Юрий Власов повысит собственный рекорд в классическом троеборье (550 кг), который не так давно считали пределом человеческой силы..."

29 августа я выступил на "Вечере рекордов" в Подольске. Мировой рекорд в жиме без надрыва, как-то очень естественно сместился на 2 кг - 192,5 кг.

Из всех рекордов этот запал в память из-за... дороги. Я возвращался домой один окружным шоссе. Над лесом, прямо впереди, зависал большой белый месяц. И машина, и дорога, и мои мечты - все плыло в обилии света. Я оцепенел за рулем: один мир - белый, очень большой месяц и мои чувства. Что только не выговаривали мне эти чувства.

Хорошо бы эта дорога не кончалась...

Я снизил скорость почти до пешеходной. Казалось, в этом мире я один. Ни одного человека не встречал я, ни одной машины. И это обилие света... как ласка, радость, надежда на всю будущую жизнь...

И по сию пору плывет тот вечер белым колесом-месяцем...

Плывет в моей памяти, бесшумный, пахнущий влажными травами, льнущий к груди упругостью воздуха...

Глава 180.

За несколько недель до вылета сборной в Стокгольм я сказал тренеру: "В чемпионате будем работать, но надо избежать горения".

Да, обмануть предстартовую лихорадку, свести к наименьшему возбуждению. Поэтому мы задержались в Москве. Пусть команда вылетает. Мы будем там за два дня до выступления, не за десять, как обычно.

В те годы шаг этот был необычный. Никто никогда не задерживал свой выезд. Мне начислили еще один каприз...

Вместо томления в номере гостиницы, интервью, газетных стравливаниях соперников, слухов я спокойно отработаю все тренировки до единой в Москве - дома.

"...Организаторы соревнований были поначалу разочарованы, не увидев на аэродроме Юрия Власова,- написал Куценко из Стокгольма в заметке "Разведка в тумане".- Его выступление, кстати, как и других тяжеловесов, здесь считается кульминационным этапом соревнования. Власов вызывает огромный интерес, а следовательно, и большие споры, что немаловажно для устроителей чемпионата. Узнав, что первый богатырь мира прилетает 10 сентября, журналисты немедленно сообщили в прессе, что "король чемпионов" Власов не хочет гореть в предстартовом огне и предпочитает явиться на тяжелоатлетический "бал" сразу с воздушного корабля... Зал "Эриксдальсхалле" ("Эриксдальсхаллен".- Ю. В.) - знакомое нам, давно обжитое место. Здесь наша команда триумфально выступала в 1953 и 1958 годах. Старый служащий этого зала радушно встречает нас, показывает фотографии наших побед, журналы с нашими автографами. Не скрою, эти беседы, напоминания радуют, укрепляют веру в удачу предстоящей борьбы... В тяжелом весе все считают, что первым будет Юрий Власов. За серебряную медаль будут бороться Шемански и, возможно, Леонид

Жаботинский..." (Советский спорт, 1963, 7 сентября).

Снова старшим тренером выехал Куценко.

Глава 181.

Я не думал о соперниках. Разве они остановят меня? И вообще, что они значат в определении силы, ее сущности, извлечения из хаоса, из неизвестного, нащупывания в этом неизвестном?..

Каждый день распрямлял меня. Привет тебе, "господин мускул"! Счастливы ищущие!

...Конечно, заманчиво быть в Стокгольме. Еще один неизвестный и прекрасный в неизвестности город. Какая радость узнавать города! Но сейчас для меня этот город в запрете. Может быть, наступят дни - невозможные, фантастические,- и я, свободный от обязательств силы, приложу руки к стенам этого города, услышу город, пройду через множество других городов и не буду за это платить вздыбленностью силы...

Я ждал своего часа. Я всегда был злобноват к рекламе. У человека всегда своя ценность. А реклама подсовывала, унижала, продавала товар. И жужжала, жужжала... Отвращение вызывают вопросы о согнутых подковах, разможенных тяжестью туши креслах, аршинных плечах и обжорных чреслах. На меня нагоняли скуку интервью с ответами на хлесткость и вычурность - упражнения в острологии. Румяниться, гримироваться я отказывался. И все больше презирал заданность ответов. И вопросы в умысле на заданность ответов...

Обстановку чемпионатов мира я знал: в них всегда что-то от торгов. Во всяком случае, так ведет себя пресса на съездах сильных. Тон ее, как это свидетельствует лучшая из подобных корреспонденции - очерк Эйдмарка в "Аль спорт",- от развязности, нетребовательности во всем и глумливой легкости на оскорбления. Заведомо безответные оскорбления.

Нет, я готов был к разговору. Интервью? Пожалуйста! И слов невысказанных - по горло. Но кому сказать? Во что сложат слова? Какие слова оборвут, оставят - они ведь их тасуют на вкус? И что за разговор, когда взгляд на тебя заказан, определен, а на все слова давно отлиты штампы. Без штампов жизнь не узнавалась и не признавалась...

Я пишу много о себе. Но это все и не обо мне. О времени, которое делало

меня таким. О людях этого времени.

Это и о каждом, кто влюблен, кто, "остепенясь", не остывает в любви; кто, честь любя, встает во весь рост перед испытаниями; кто в пути, в движении; кто свят верой; кто не отрекался от убеждений перед лицом всемогущего общего суждения; кто не отпадал в закоулки сытых, "облагоразумясь"; кто презирает ремесло чувств; кто не может терять, ибо теряют скаредные, себялюбивые - люди без имен...

Глава 182.

За сутки до выступления атлетов тяжелого веса собрался тренерский совет. Пригласили и меня, как капитана команды. Обсуждались возможности мои и Жаботинского, а также Шемански и Генри. Надлежало определить наши подходы, то есть веса в каждом из классических упражнений троеборья.

Я сказал, что впервые за сборную работают два атлета тяжелого веса; это может привести к столкновению, но не с иностранными соперниками, а между нами. "Поэтому, - сказал я, - назову веса своих первых двух подходов в жиме, рывке и толчке. И уж ни в коем случае не позволю себе изменить ни один из названных весов. Только третьи попытки, последние, я считаю допустимым использовать по усмотрению, на решение личных споров силы". И я назвал цифры всех своих подходов, кроме последних (а последние я и сам не ведал, их назовет борьба).

Старший тренер команды Куценко согласился, как и тренер Жаботинского Медведев.

Куценко, в свою очередь, назвал цифры первых двух весов Жаботинского.

Итак, задача - не пропустить американцев (а только они являлись действительными соперниками) на первые места. По прикидочным результатам Жаботинский должен был закрыть Шемански. Опыт выступлений на международных соревнованиях у него тоже был вполне достаточный. При осторожной, верной раскладке весов Жаботинский имел все возможности для успеха. Тактика поведения здесь играла основную роль.

Генри не угрожал. Генри отдавали четвертое место.

Таким образом, я и Жаботинский знали все о форме каждого из нас. Куда уж больше знать - все цифры названы! И все же здесь было маленькое "но",

способное обратиться в очень большое "но". Оно и обратилось...

Форма Жаботинского меня не занимала. Я слишком превосходил его в силе, как, впрочем, и любого на чемпионате. Главное - не дать волю слабостям, во всем контролировать реакцию неокрепших нервов.

Мою же форму не знал никто, не назови я цифр. Ведь я тренировался один, вне команды.

Глава 183.

Воспоминания. Исследования. Прошлое.

"Когда я думаю, до какой степени искажаются события даже самого недавнего прошлого, я начинаю весьма скептически относиться к истории как таковой. Между тем поэтическая интерпретация истории создает общее представление об эпохе. Я бы сказал, что произведения искусства содержат гораздо больше истинных фактов и подробностей, чем исторические трактаты" (Чаплин Ч. Моя биография. М., Искусство, 1966. С).

Я участник событий, которые стали прошлым - историей спорта. И я поражаюсь забвению фактов, превратному их истолкованию.

Я принял обязательным для данных воспоминаний изложение газетных отчетов. В них - оценка современников, причем, как правило, из противоположных лагерей. Я лишь дополняю их тем внутренним смыслом, который скрыт от стороннего взгляда, даже профессионального. Безусловно, дополнения субъективны, но поэтому и приводятся газетные свидетельства.

"К сожалению, Швеция - воробей в кругу танцующих журавлей..." Это определение не для прошлого шведской тяжелой атлетики.

В 1909 году возник Союз атлетов. В Международную федерацию шведы вступили среди первых четырнадцати стран в 1920 году. Из спортсменов-любителей наиболее известны Арвид Андерссон, Ф. Эрикссон, С. Киннунен, Э. Эдберг, Л. Андерссон, Л. Нельсон.

Из них самый выдающийся атлет - Арвид Андерссон: чемпион мира в полулегком весе (категория 60 кг) 1946 года, чемпион Европы 1947 года, третье место на чемпионате мира 1949 года, но уже в легком весе (категория 67,5 кг), чемпион Европы 1949 года в легком весе.

Ф. Эрикссон выступал в полупрофессиональном весе, С. Кинну-нен - профессиональном, Э. Эдберг - профессионально-любительским, Л. Андерссон - профессиональным, Л. Нельсон - профессионально-любительским. Ближе к 70-м годам Швеция доказала, что у нее не перевелись "широкие парни". Однако я уже не выступал и рассказать о них не могу.

Ясно одно: чемпионат будет в стране, которая понимает тяжелую атлетику, умеет ценить силу и знает в ней толк.

Неизвестный город ждал.

Я уже заранее отказался от соблазнов узнать его. Это обидно. Люблю северные города, ритм северной жизни, страны светловолосых людей... Впрочем, как оказалось, вовсе не таких и светловолосых. Зато своеобразных - уж определенно...

Глава 184.

Я опекал силу в ожидании соревнований. Я знал свои мышцы - они редкостны восприимчивостью и отходчивостью к нагрузкам и в нагрузках. Разрушало силу нервное утомление. При всем том я научился владеть собой, познав срывы и заблуждения. Пережитое не измельчало веру - научился не придавать значения вывертам усталости и неудач. Воображение, инстинкты были дисциплинированы опытом.

Соперники не будили прежней неприязни. Отталкивали лишь грубость и ограниченность кое-кого из них, а также жадность и неразборчивость в погоне за славой.

Стойка и живуча проповедь особого поведения чемпиона - "знай себе цену". В ней столько от кретинизма откровенной бычьей силы, права невежества на превосходство вообще!

Большой спорт искажает характер отношений человека с обществом. С той и с другой стороны много несправедливого - в результате спортсмен слишком часто теряет себя.

Участники чемпионата жили в гостинице "Мальмё". Мы с Богдасаровым заняли 199-й номер.

После сенсационной стычки за титул чемпиона мира в тяжелом весе осенью прошлого года знатоки и поклонники "железной игры" ждали пробу сил в каком-то угаре. Спортивные разделы газет, журналы густо замешивали

страсти...

И настал мой день.

Еще один день великой гонки.

Глава 185.

14 сентября газета "Свенска дагбладет" напечатала:

"Юрий Власов - мировой штангист-гигант и настоящий спортсмен.

Была пятница, тринадцатое число, но это не беспокоило самого сильного человека в мире, русского Юрия Власова... Он вышел, как актер, исполняющий свою блистательную роль, с гордо поднятой головой: все казалось так легко, что стоило, как на тренировке, поднять 180 кг. Его встретили бурей аплодисментов... Насколько силен этот многосторонне одаренный русский, неизвестно, но, несмотря на свою силу и превосходство, он мягок по натуре. Говорят, что его сила не врожденная, она - плод тщательной и научно организованной тренировки..."

Как и другие газеты, дала свой отчет в тот же день и "Стокгольм-тиднинген":

"...Русский Юрий Власов обеспечил настоящий эпилог чемпионату мира по тяжелой атлетике, установив новые мировые рекорды... Набитый до отказа зал "Эриксдальсхаллен" восторженно приветствовал его как спортивного сверхчеловека..."

Власов - сильнейший. Он доказал это... Шемански был, как в Будапеште... Борьбы не было. Но Власов имел громадный успех... Геркулеса нашего времени восторженно приветствовала преданная ему публика...

Сначала появились жирные, умеренного роста тяжеловесы - сильные мужики, которые могли бы быть королями в любой бригаде грузчиков.

Потом появились грубые по натуре парни с руками и бедрами, точно из гипса или цементного раствора. Последними вышли хорошо вытренированные господа весом 120 или 130 кг, штангисты, методически созидающие свои мускулы...

Власов заказал 180 кг в качестве начальной разминки. Не обращая внимания

на шум и крики... медленно вышел он на помост, поправил очки, поклонился - не в ответ на бурные аплодисменты - и поднял свой вес... Шемански не взял 180 во второй попытке - смог выжать только наполовину; третья попытка тоже была не совсем удачна, но судьи довольно вежливо признали ее. Власов решил дело солидным жимом 187,5 кг...

Шемански в рывке начал на 5 кг выше, чем Власов... чтобы по возможности остановить этого русского... К сожалению Шемански, Власов положил конец этой браваре...

Напряжение образовалось вокруг борьбы за места после Власова, но была еще немаловажная деталь - возможность улучшения Власовым своих рекордов. Зрители сидели, затаив дыхание, как на рождественском представлении, и тесно было примерно так же, как на подобном представлении. Русский играючи поднял первый вес. Крики восторга взлетели к потолку, как на корриде. Но это был лишь шепот по сравнению с тем, что произошло потом..."

"Изблевал хулу" или "изблевал яд злобы своей" - так говорили в старину о такого рода красноречии.

Я на две трети сократил отчет: он оскорбителен для атлетов в тех двух третях. Но даже если бы привел его буква в букву, из него не составишь представления о чемпионате. Такое ощущение, будто коверный, кривляясь, хочет рассмешить публику любой ценой - иначе хозяин антрепризы вышибет его.

Недостойный тон отдельных газет противоречил отношению публики, ничего общего не имел с ним. В подобных репортажах сквозило нечто от полупрезрения и снисходительности, от отношения к силовому спорту, как к ремеслу низшего порядка. Для таких "знатоков" тяжелая атлетика была занятием малодостойным. Аристократические теннис, гольф, кое-какие виды легкой атлетики, плавание как бы укоряли в убожестве вкусов участников и приверженцев "железной игры". От циркового манежа сложилось представление о них, как о надутых толстяках с усами и в полосатых трико, нахрапистых хвастунах силы: сила есть-ума не надо...

В тоне газет проявлялись не только заносчивость и высокомерие так называемых образованных слоев общества, но и жестокость обывателей.

В этой большой игре сильных есть страстное изящество и благородство. Пороки же большого спорта - не пороки самой игры. Спорт лишь отражает болезни, несурзанности самого общества. Тут все в соответствии с русской поговоркой: "Каков поп, таков и приход".

Не верю, что подобное зубоскальство,

неуважительность к человеку по вкусу шведским читателям.

И еще я убежден в разрушительности бездумного подчинения. Хочет или не хочет этого человек, но бездумное подчинение превращает его в носителя зла, надежду и опору зла. Именно эту идею я и вложил спустя много лет в повесть "Постулат философии". В ней я задался целью исследовать, выражаясь языком науки, генезис подчиненности, неизбежность превращения ее в насилие, зло, несмотря на все личные достоинства носителя подчиненности, даже гуманность и личную порядочность.

В сущности, бездумная подчиненность смыкается с насилием другого постулата, который оставляет и оставил по себе смерть и горе: "Верую, не понимаю". Фанатизм веры без разума, без отчета в логике идей, пути этих идей...

Круг замыкается. Снова сила. Снова разные знаки этой величины.

Справедливость силы...

Глава 186.

Стокгольмский чемпионат оказался последним в короткой, но блестящей карьере Александра Курынова. Он выиграл его в изнурительной, равной схватке с венгром Хуской.

С Сашей я познакомился, если не изменяет память, в 1958 году на чемпионате СССР в Донецке (бывший Сталине). Нас тогда было трое юнцов, крепко поднажавших на рекорды страны и чемпионов: Виталий Двигун, Александр Курынов и я (Двигун - чемпион Европы 1960 года в полутяжелом весе).

Я сдружился с обоими. Однако с Александром судьба свела особенно близко и спортивной общностью путей. В сборную он был зачислен на год позже и впервые по-серьезному выступил в Риме, на Олимпийских играх 1960 года, не считая победы на европейском чемпионате в Милане.

Рим... "Мы были юны в последний раз!.."

В ту пору не было прославленной смуглого красавца Томми Коно - гордости

американской тяжелой атлетики и его опекуна - Роберта Хоффмана. Сколько ни пытались сломить Коно - он все равно побеждал либо за несколько дней до поединка (с сомнительным исходом) откочевывал в другую, совершенно безопасную для него весовую категорию,- и опять-таки побеждал. Коно с одинаковым успехом выступал в легкой, полусредней, средней и даже полутяжелой весовых категориях. Взять верх над ним не удавалось лучшим из лучших атлетов 50-х годов, и доказательство - восемь триумфов Коно на мировых пробах силы. А какие атлеты заседали!

Коно побеждал изящно. Казалось, борьба развлекает его. С каким трепетом я брал у него автограф в июне 1955 года, в первый приезд американцев к нам! Многомедальный бесстрашный Коно с гордым прозвищем Железный Гаваец. "Повелитель рекордов" - так писали о нем.

Александр сломал Коно в ночном поединке на помосте "Палаццетто делло спорт". То утро он встречал уже знаменитостью. Помню его сразу после возвращения из зала: осунувшееся лицо, черные разводы под глазами, непривычно тонкая кожа - изможденность от поединка, сухота губ и глаза - неуверенность счастья. Коно сказал тогда репортерам: "Курынов - страшный штангист".

О славе Курынова свидетельствуют приглашения. Не сборную команду страны, а его зовут на международные турниры. Мы вместе отработали на юбилее британской тяжелой атлетики в Лондоне летом 1961 года (там и "откушали" на банкете "салат из фруктов - Власов" и "крем - Курынов" - так значилось в солидной росписи меню).

Год спустя снова "закатили гастроль" (выражение Саши), на сей раз по Франции и Финляндии. Случай едва ли не единственный для советского спорта тех лет. Обычно выезжали только командами, а тут все выступление - два атлета. И я не помню, чтобы в залах пустовало хоть одно кресло, даже в богатом на зрелища Париже люди стояли в проходах, за кулисами, у сцены. Ощущение жара их дыхания, близости...

Курынов пачкой выдает мировые рекорды. Орден, медали, призы, почтение газет - все знаки внимания. Именно с Александром мы оказались делегатами XIV съезда ВЛКСМ.

Я был уверен в его победе и на Олимпийских играх в Токио, если бы его сохранили для сборной. Это доказывает результат победителя и характер борьбы. Помню тот день. Куренцов отработал вместо Курынова. Хороший результат для первой пробы - серебряная медаль. Я перекидывался в "дурака" с Вахониним, когда Воробьев обрушился на Куренцова с попреками за "серебро". Я терпел до тех пор, пока Воробьев не заявил:

"Тебя и в сборную не следовало брать, "загорал" бы дома!" Тут меня прорвало. Я напомнил Воробьеву его серебряные и бронзовые медали - что в них позорного? Результат Куренцова для первого боя с такими опытными соперниками совсем не постыдный.

По итогам чемпионата страны Куренцов был первый - все права на олимпийское выступление. Курынов уступил очень незначительно, но опытностью превосходил всех соперников - четыре золотые медали первого в мире атлета в полусреднем весе. И какие победы! В спортивном бою его всегда отличала стойкость.

Неприятности ударили по Курынову более чем чувствительно, если принять во внимание, что выступал он хронически больным. Скачки кровяного давления сказывались на его способности вести тренировки, а он их вел. И сколько я его помню - это улыбки, смех, шутки...

Для отпора соперникам необходимы массированные силовые тренировки, но их ему не позволяло здоровье. И в таких условиях он побеждал не только на Олимпийских играх в Риме, но и на чемпионатах мира 1961, 1962, 1963 годов, а также возводил и классные мировые рекорды.

Я надоедал ему разговорами о силовых тренировках. Я видел: вот-вот соперники выйдут на его результаты. Но был прав он, а не я. Он бы разрушил себя еще быстрее подобными нагрузками. Без преувеличения можно сказать, что Александр побеждал природной силой, лишь слегка подтянутой работой с тяжестями. Он был уязвим в силе ног, а руки и особенно спина - превосходны! Нездоровье отнимало у него возможность изменить силу ног: нужны были все те же мощные нагрузки. Вот на этом он и был, что называется, пойман. Надо отвечать силой, а он не в состоянии вести нужные тренировки. Мы были дружны. Не день, а много-много дней и недель провели с глазу на глаз. Думаю, беды, которые по-прижали меня при уходе из спорта, отозвались и на нем. Кое-кто не мог простить ему дружбы со мной. За строптивость мне спуска не давали. Куда там "железу", оно и близко не гнуло так, как эта тупая и увязчивая месть разного рода взматеревших "присыпкиных", густо усыпанных званиями, титулами, дутыми научными степенями. Точь-в-точь как у Саши Черного: "Взматерели дождевые черви..."

Помыслы и вся завидная энергия этих "присыпкиных" направлена не на расширение знаний, не на труд ради такого расширения знаний, а "освоение" все новых и новых льгот, чинов и ученых званий: жадное топтание на месте в стремлении крепче, плотнее присосаться к льготам и сломать всех, кто иначе понимает свое назначение в жизни. Столбятся угожья, где можно пожирней и без помех добывать деньги, давя всех прочих

всей тяжестью своих титулов и степеней. Это о них писал Герцен: "...постные труженики, копающиеся на заднем дворе науки... Педанты, которые каплями пота и одышкой измеряют труд..." Последний раз мы встретились с Сашей в 1966 году. Он был удручен отношением нового руководства сборной, особенно Воробьева. И еще несколько растерян перед будущим. Мы сидели в хоккейной раздевалке, примыкающей к нашему тесноватому залу. Был не сезон, и раздевалка пустовала - холодноватая, пахнущая пылью комната. Мы сидели на узенькой скамейке у стены. За этой самой стеной с лязгом обрушивалось на помосты "железо", и пол вздрагивал мелко, как-то упруго-тряско.

Я тогда больше молчал. Уж очень упрямылась, не подчинялась жизнь. Не идут литературные публикации, соперники обкладывают результатами - аж не продохнуть, нет прежнего азарта к тренировкам, гнетет усталость...

Груз испытаний, сведенный в спрессованность четырех-шести лет энергичных выступлений, подорвал здоровье Курынова. Меня потрясло известие о его смерти в декабре 1973 года. Ему не было и сорока.

Я не в восторге от слов "тяжелая атлетика", "гиревой спорт", "поднимание тяжестей". По душе старое именование - "силовой спорт". Его подсказал мне Красовский, точнее воскресил известное и принятое дедами...

Так именно в силовом спорте Курынов был велик. В жестком схождении силы, пробах силы ему в наше время было мало равных, совсем мало...

"Достойный аккорд

...Невозможно кратко рассказать обо всем пережитом, виденном в тот заключительный вечер чемпионата, когда выступали штангисты тяжелого веса,- сообщает Куценко в "Советском спорте"" (1963, 15 сентября),-это был настоящий триумф наших богатырей, и в первую очередь - Юрия Власова.

Большого почета достоин каждый призер мирового первенства, но самой большой славой увенчан тот, кто обладает наибольшей силой и достигает абсолютных результатов в тяжелой атлетике.

Чтобы увидеть борьбу спортсменов-гигантов, шведы стояли у касс "Эрикسدальсхалле" с раннего утра. И, разумеется, не все были счастливыми, не все желающие стали свидетелями незабываемого спортивного зрелища.

Впервые за всю историю тяжелой атлетики от команды Советского Союза в розыгрыше чемпионата мира участвовали два тяжеловеса. Как и ожидалось,

основная борьба разыгралась между Юрием Власовым, Леонидом Жаботинским, 39-летним американским штангистом Нор-бертом Шемански и его молодым соотечественником Си-дом Генри... Генри начал жим со 162,5 кг, затем поднял 170 и 175 кг. Жаботинский вышел на помост, когда на штанге было 170 кг. Следующий вес- 177,5 кг он также выжимает... Третий подход не приносит успеха...

Шемански удается выжать 180 кг.

...Власов удивительно легко фиксирует 180 кг и 187,5 кг, после чего пытается повторить свой же мировой рекорд- 192,5 кг, но это ему не удается.

В рывке состязания проходят также очень интересно. Генри останавливается на 147,5 кг. Власов и Жаботинский изящно вырывают по 150 кг. Затем чемпион мира уверенно развивает успех, фиксируя последовательно 155 и 160 кг. Столько же вырывает и его главный соперник Шемански. Жаботинский во втором подходе одолевает 157,5 кг и, стремясь догнать Шемански, идет сразу на 165 кг. К сожалению, этот вес был поднят неточно... Досадная неудача... К удивлению зрителей, он тут же просит дополнительную попытку для установления мирового рекорда... Штанга весом 167,5 кг застывает над головой... Как жаль, что этот результат ничего не дал Жаботинскому в борьбе за первенство!

И вот начинается заключительный этап всего чемпионата. Тяжеловесы приступили к толчку. Когда на штанге был установлен вес 182,5 кг, к ней подошел Генри. Он закончил выступление с великолепным результатом - 195 кг. Жаботинский уверенно толкает 190 кг. Большая потеря килограммов в жиме и рывке лишила его возможности победить Шемански, который поднял 197,5 кг и набрал в троеборье 537,5 кг... Дебютант чемпионата мира (Жаботинский.- Ю. В.) завоевал бронзовую медаль с хорошим результатом... 527,5 кг.

В победе Власова никто не сомневался. От него ждали только мировые рекорды. И он не обманул надежды.

Самый сильный человек земли, толкнув 195 кг, обеспечил себе золотую медаль и тут же поднял 205 кг. Это дало ему возможность показать в сумме троеборья 552,5 кг, что на 2,5 кг выше его же мирового рекорда. Затем чемпион мира поднял 210 кг и этим самым увеличил только что установленный рекорд еще на 5 кг.

Богатырь доволен... Он улыбается, но жестом руки показывает, что еще вернется на помост. На табло появляется цифра "212 кг"! Это же мировой

рекорд, но его еще надо воплотить в жизнь. И вот Власов вновь на арене. С легкостью, не соответствующей подъему такого огромного веса, он его толкает...

Всеобщему восторгу нет предела. А Власов снимает со штанги маленький диск, который был рекордной надбавкой, и целует его. Ассистенты сняли с табло четыре цифры, означавшие мировой рекорд, и преподнесли советскому атлету. Власов бережно прижал дощечки к груди. Зрители ликовали, а кое у кого из нас навернулись слезы..."

Глава 187.

На помосте зала "Эриксдальсхаллен" перед тремя тысячами зрителей соревновались 135 атлетов из тридцати трех стран. Прошлогодний чемпионат мира в Будапеште собрал 120 атлетов из двадцати семи стран.

В тяжелом весе (свыше 90 кг) выступили семнадцать атлетов из четырнадцати стран (по двое атлетов из СССР, США, ГДР). М. Лахоуби из Алжира после нулевой оценки в рывке выбыл из соревнований.

Первые шесть мест заняли: Власов (СССР) - 557,5 кг, Шемански (США) - 537,5, Жаботинский (СССР) - 527,5, Генри (США) - 517,5, Веселинов (Болгария) - 485, Эчер (Венгрия) - 485 кг.

Участники соответственно весили: Власов - 131,5 кг, Шемански - 117,55, Жаботинский - 149,2, Генри - 136,45, Веселинов - 109,3, Эчер - 127,35 кг.

Я получил пятую золотую медаль первого в мире атлета. В командном зачете первое место заняла сборная СССР, второе - Венгрия, отстав от советской сборной на тринадцать очков, третье - сборная Польши и четвертое - США.

Глава 188.

В "Эриксдальсхаллене" я был спокоен не напускным спокойствием, не нервной судорожной собранностью и вымороженностью чувств. Штанга вывешивалась мышцами точно. Мышцы работали на всю глубину силы. И ожидание не мучило: время в обычном развороте. Не замечал его.

Это было уже умение, хорошая форма, но главное - умение работать. Я

наконец владел им. И уже не терял.

Мгновения слаженности во всем, испытываемые прежде от случая к случаю, становились нормой. Я владел природой спортивной формы и собой - на соревнованиях. Высшее мастерство - это отрешенность, подключение чувств по мере надобности, работа без сорных, ненужных чувств, холодное наблюдение за собой и четкое введение команд.

Это великое удовлетворение. Я был счастлив, познав его. Счастлив художническим удовлетворением. Выправление ошибок давалось не отчаянием, не яростью команд - сосредоточенностью внимания и направленностью заданных усилий.

Я полюбил эту податливость материала - мышцы. Здесь никто не нужен - лишь дело, одно дело, поглощенность делом...

Мой мир! Мой!..

Чарование таких часов привязывает к делу крепче, чем длинные годы сытости. Противиться этому яростно-взвешенному упоению невозможно. Я уже хлебнул от этого напитка подчинения себе цели и торжества воли...

Какое замечательное чувство, когда нужен людям!..

И город на четырнадцати островах - Стокгольм! От тебя забираю в память все мгновения того вечера.

Глава 189.

""Всю турнирную мудрость вложил я в этот чемпионат",- записал за мной и поместил в свой репортаж "Фантастические рекорды" корреспондент "Комсомольской правды" Б. Базунов и подытожил:- Успех советского атлета ошеломляющ".

Среди множества телеграмм выделялась одна: "Браво! Потрясен. Сделайте шестьсот - мир поставит памятник..." Были с просьбами: "Не уходите с помоста. Просим!" Десятилетия спустя я познакомился с ее автором. Это Виктор Пронь из города Кропоткине.

Меня корят, будто в моих книгах спорт не праздник - слишком мрачно, очевидны преувеличения, слишком, слишком... Я писал, пишу об испытанном. Выдумывать лишне.

Но если даже допустить преобладание мрачного, трагического, то и оно ведь подчиняется законам прекрасного и по природе своей несет прекрасное. И в нем не меньше созидательной силы, творческой силы. Я не верю в бравурные писания, как и в безнадежность слов.

И конечно же очень многое зависит от прочтения. Есть музыка для пивного зала и пляжа, есть для одиночества дорогих чувств, очищения в чувствах и распрямления... Ведь истинно человеческое - это распрямленность... Попреки за "не ту музыку" неуместны, нужно дать себе отчет в "жажде" - и пойти в свой зал...

Около трехсот лет назад китайский монах с императорской кровью в жилах по прозванию Горькая Тыква (Ши Тао) писал в трактате "Беседы о живописи":

"Небо дает человеку в той мере, в какой он способен воспринять. Дар велик для того, кто владеет великой мудростью. Дар посредствен для того, кто ею не владеет..."

И еще о той же "жажде". Эльза Триоле вспоминала, как поносили Маяковского: в "Клопе" нет ни одного положительного типа!.. Со свойственным ему остроумием Владимир Владимирович отвечал: "Комедия - не "универсальный клей-порошок, клеит и Венеру и ночной горшок". Комедия направлена по одной линии".

Глава 190.

Впервые на чемпионате в Стокгольме выступил Серж Реддинг из Бельгии. При собственном весе 109,35 кг он занял двенадцатое место с суммой троеборья 440 кг.

Через восемь месяцев на чемпионате Европы в Москве он запальчиво убеждал меня, что наберет скоро 580 кг, а потом и 600. Русоволосый, с открытым лицом, он казался мне мальчиком, который не ведает, о чем толкует. Я кивал ему - и не верил. И в самом деле, в Токио он затерялся где-то на десятом месте.

А 17 мая 1970 года он оказывается вторым в мире человеком, преодолевшим рубеж в 600 кг. Правда, для своих 172 см роста он наедает чрезмерный вес (тут уже делали свое препараты: и результат, и собственный вес).

Спустя несколько лет он решает вернуться в человеческие измерения, сбрасывает лишние килограммы. И еще через несколько месяцев газеты оповещают мир о его смерти. Сердце отказалось служить прихотям большой игры.

А великая гонка даже не замедлила свой шаг; все быстрее, злее ее ход. И жажда на новые имена, любви ей только новые имена...

Наши прадеды отдавали себе отчет в опасностях узкой специализации силы. В российской "Военной энциклопедии" 1911 года читаем: "Атлетика разделяется на тяжелую и легкую. Тяжелая атлетика, ставя целью обучить поднятию тяжестей и развить силу, таким образом, является специально прикладным отделом физических упражнений. Ставя столь узкую цель, тяжелая атлетика создает атлетов, то есть людей силы, но вместе с тем, почти без исключения, развивая силу, портит внутренние органы, почему среди "чемпионов" весьма много людей, страдающих болезнями сердца и легких. Вследствие вышеуказанного, в войсках и во флотах почти нигде не входит в курс обучение тяжелой атлетике и только во Франции преподается курс... в остальных же европейских странах в войсках и флотах преподается только легкая атлетика. Легкая атлетика берет свое начало в греческом классическом пятиборье и в настоящее время состоит из упражнений так называемого естественного характера... Наконец (от этих упражнений.-Ю. В.) развиваются те органы, которые наиболее нужны для жизни,- сердце и легкие, тренировка которых и есть создание выносливости и умения владеть собой, а не огромные мышцы..." (Военная энциклопедия. Спб., Т-во И. Д. Сытина, 1911, т. 3. С. 245).

Тяжелая атлетика, подкрепленная бегом или плаванием, безусловно, укрепляет человека. Однако позвоночник все равно поставлен в невыгодный, скорее даже опасный режим, что всегда чревато самыми неожиданными осложнениями.

Долго жить - хорошо, но куда важнее прожить свои годы, пусть уж и не такие долгие, полноценно, в полной физической и духовной мощи. Человек должен быть закален физически, чтобы быть способным к любым испытаниям и нервным перегрузкам. Жизнь беспощадно ломает самых добрых и честных, если они не умеют противопоставить ее ударам физическую закаленность и устойчивость.

Сила нужна для преодоления зла. Чтобы выдержать напор жизни, утверждать правду, нужны и сила духа, и сила физическая.

И в этом тоже великая справедливость силы...

Но цветет и благоденствует и такая сила, о которой без натяжки можно сказать: она достоинство для рабов, ибо только раба может убедить сила, и только для раба она может стать верховным божеством.

Глава 191.

Здоровьем я, что называется, не был обижен. До тридцати лет не ведал даже, что такое головная боль. И это несмотря на все издержки больших тренировок. Простудам же начал поддаваться лишь в последний год главных тренировок - в 1964-м.

Все мои предки по материнской линии - кубанские казаки. Много историй я услышал от мамы. О приволье жизни. О том, как поднимали землю всем родом - от мала до велика...

В пахоту спали у телег вповалку. А в пекло пахали ночами. Семья у моего деда Данилы была обычной для казаков - двенадцать душ. Лишь детишки-сосунки не пособляли взрослым.

Нравились мне истории. Особенно та, в которой дед очнулся от сна - ступню кто-то зажимал клещевато. По унаследованной пластунской привычке дед не шелохнулся - только глаза скосил. Волчище! А в ту пору по Кубани еще стояли невырубленные леса. И не леса - чащобы. Волки, случалось, и во дворы забегали.

Дед гикнул - и бурку на зверя! Все на ноги. И потом не страх, а досада: бурка пропала. Как развиднелось, увидели волчьи испражнения. Дед с шомполкой по их следу. Метрах в трехстах - волк, на шее уздой ремень от бурки, а сам окоченелый. Со страху...

В другой раз волки стаей обложили сани с хворостом. По станицам скота вдоволь. Волк привык к человеку.

Дед воз в костер превратил. Лошади несут, волки с боков заходят, а напасть остерегаются. Так и ворвался в станицу на огненном возу...

А мамину младшую сестру - тетю Юлю (бабушка Наталья родила ее пятидесяти трех лет, очень стыдилась этой беременности) - волк едва не унес.

Ее, как самую малую, определили оборонять, но в ночь. Дни измучили, под сорок градусов. Взрослые - в версте, раков наловили, варят, часть домой

подалась - скотину доглядеть. А лунно. Маленькая Юля знай распевает и лошадь похлопывает. Оглянулась на борону, а там волк к прыжку ладится. Припал, уши зажаты. От детского истошного визга зверь в сторону. Вот тогда и понесла лошадь. Братья на своих лошадях едва их догнали. Борону день искали. Постромки - в ключья...

От того труда моя мама долго сохраняла силу. Помню, как осрамила она носильщика: тот не мог заложить на багажную сетку шестидесятикилограммовый мешок с ее любимыми кубанскими яблоками. Мама отстранила его и одним движением сунула мешок под потолок, а ей было под шестьдесят. И до старости она сохраняла стройность и женственность.

По отцу родовая линия - от воронежских крестьян. Однако дед был нрава не подневольного - вспыльчивый, широкогрудый, со смоляной окладистой бородой. И занятие - приставлен к лошадям, не кучер. Знал их, выхаживал. За то и ценили. И сейчас с фотографии семидесятилетней давности на меня смотрят бешено-пронзительные глаза деда. Он был на восемнадцать лет старше моей бабушки Ольги, но на фотографии она с ним в одни годы. Бабушка была в девках у помещицы. Отличалась сердечностью и ласковой русской мягкостью. Я помню ее.

Мой отец был вторым сыном у них. Юность отстучал молотком в паровозных котлах на Воронежском ремонтном заводе. До самой смерти отец помнил гул от ударов по котлу. Знал ли дед Парфен, что его сын, мой отец, станет представителем Коминтерна в Яньани под фамилией Владимирова и заставит считаться со своими волей и умом Председателя Мао? Да так считаться, что в больнице перед смертью отца будет прилежно навещать жена Председателя - Цзян Цин. Тому я был свидетель...

Глава 192.

Подвел итоги чемпионата и наш "Спорт за рубежом" (1963, октябрь, №19. С. 2-6, 16). На мой взгляд, его оценки - наиболее верные в понимании существа силового спорта, прогнозы безошибочны, а язык правилен.

"Прошедший чемпионат явился преолимпийским экзаменом для сильнейших тяжелоатлетов мира, и это заметно отразилось на составе и подготовке участников, накале борьбы и результатах. Продолжающийся из года в год прогресс тяжелоатлетического спорта на этот раз проявился особенно отчетливо...

Наиболее заметен рост результатов как у победителей, так и у спортсменов "второго эшелона"... Наконец, тяжеловес С. Генри (США), показавший 517,5 кг и превысивший таким образом считавшийся еще недавно феноменальным рекорд П. Андерсона, не обеспечил себе право подняться даже на третью ступень пьедестала почета...

"Триумфальным, фантастическим, незабываемым" называют зарубежные газеты выступление Юрия Власова. Французская "Экип" подчеркивает, что только начальные веса в каждом из трех упражнений... зафиксированные им легко и непринужденно, составляют колоссальную сумму, о которой не могут и мечтать штангисты Западной Европы. "Несмотря на "космическое" достижение в троеборье... выступление Власова еще не открыло всех его возможностей, так как он не встретил сколько-нибудь серьезной конкуренции",-отмечает газета...

Однако при всем том зарубежная печать не без основания указывает на то, что из года в год происходит снижение показателей, отражающих успех выступления советской команды на первенствах мира. Обратимся к примерам. В 1957 году наши штангисты привезли с чемпионата мира в Тегеране 6 золотых медалей и набрали в командном зачете 47 очков. В последующие годы эти показатели изменялись к худшему: 1958 год- 5 медалей и 45 очков, 1959 год-4 медали и 43 очка, 1961 год- 4 медали и 42 очка, 1962 год-4 медали и 39 очков и, наконец, 1963 год - 3 медали и 38 очков. Не в пример прошлому, наши штангисты одержали только одну убедительную победу. Ее принес советской команде Юрий Власов, опередивший американца Н. Шемански на 20 кг. Судьба же золотой медали в легчайшем весе висела на волоске до последнего подхода А. Вахонина, а титул чемпиона мира в полусреднем весе достался А. Курынову лишь после добавочного взвешивания при одинаковом результате с венгром М. Хуской.

Впервые в истории мировых чемпионатов американской команде досталось скромное четвертое место и всего две серебряные медали. С другой стороны, налицо заметный прогресс у многих членов команды и особенно у тех, на кого можно возлагать олимпийские надежды. Четыре американских атлета повысили свои результаты и установили четыре национальных рекорда... Ветеран Н. Шемански отметил свое 39-летие повторением высшего национального рекорда, являющегося вторым абсолютным достижением в мире..."

Глава 193.

Израсходуй Жаботинский попытки разумно, он завоевал бы серебряную

медаль и умял бы "второе абсолютное достижение в мире". Это неопровержимо явствует из раскладки весов на чемпионате.

"Большая потеря килограммов в жиме и рывке лишила его возможности победить Шемански..." - отмечает Куценко.

А эта потеря - из-за неоправданных бросков за мной, вопреки договоренности. При другой тактике Жаботинский непременно оттеснил бы Шемански.

Отчетливо обозначилось стремление Жаботинского сломать именно меня. Само по себе оно естественно. Однако я ожидал направления удара не с той стороны. Поэтому я и открыл своему товарищу свою форму и свои подходы: надо отбросить американцев, они идут по пятам.

Не знаю, какой разговор был у Медведева и старшего тренера с Жаботинским, и был ли, но с первых минут соревнований я ощутил, к великому своему недоумению и возмущению, что главный удар нацелен на меня.

Жаботинский нарушил обещание по всем направлениям, изменил все начальные веса, в том числе и вторые подходы, и старается не отпустить меня. Он отчаянно завывает веса - и срывается. И его тренер - Медведев - делает вид, что так и нужно, и старший тренер - Куценко - задумчиво расхаживает за кулисами. Что происходит?

Я не верил своим глазам. Все обговоренные цифры полетели к черту, и никому нет дела до Шемански, идет борьба со мной, борьба вопреки договоренности. И Жаботинский сыпется, а Шемански уверенно выходит вперед.

Положение щекотливое. Так что же, и мне отказаться от обязательства следовать названным весам?

Я не был на сборах, мотался в Горький и вообще долго не тренировался. Никто не знал после, какую я сумел набрать силу. Во всяком случае, моя спортивная форма на Спартакиаде не обязательно должна была сохраниться в неизменности до чемпионата мира. Стало быть, мой товарищ по команде уверовал в то, что я останусь таким, каким был на Спартакиаде. Раз пустил слезу на Спартакиаде - дави его здесь, и "золото" будет твое. С того дня прошло всего пять недель. Потом я публично отрекся от спорта (в выступлении по телевидению), следовательно, скверны мои дела, разваливаюсь. Атлет в силе не уйдет из спорта. Да чтоб добровольно отречься от титула чемпиона?.. Власов плох - вот таким я представлялся

окружающим.

Рекорд в жиме не доказывал крепость формы в темповых упражнениях. На Спартакиаде я был хорош лишь в жиме. А Жаботинский был талантлив в рывке - гибок, резв и уверен. Если сбить меня в жиме, победа, вот она, бери...

А я был именно в другой форме - качественно другой. И никто не узнал бы о том, не заяви я о своих начальных подходах тогда, на совещании.

И началась силовая игра со мной, обернувшаяся для Жаботинского срывами и потерей серебряной медали.

Уступая мне в силе, Жаботинский завышал подходы - и срывался. Он не накрывал маэстро Шемански разумным минимумом превосходства, а скакал в подходах, круто прибавляя веса: любой ценой, но прихлопнуть меня. Расчет был очевиден - моя нервная слабость. Слезы на пьедестале почета в "Шахтере" были учтены. Пригодилось и знание моих тренировок и меня тренером Жаботинского Медведевым. Я должен дрогнуть, не мог не дрогнуть. Это изменение направления удара было настолько неожиданным и яростно-злым, что я на какое-то время заколебался в доверии к старшему тренеру.

Ведь мы обещали не изменять величины "первых двух подходов" - класть их для команды, а у Жаботинского они все другие, не такие, какие назвал его тренер на совещании. Что это? Как может быть, ведь он пропустит американцев! Он сбивает меня с весов, не заботясь, как это обернется для команды! Как, почему они изменили слову? А обещание главного тренера выдержать веса "первых двух подходов в жиме, рывке и толчке ради интересов команды", чтоб не дать американцам возможности зацепиться ни за одно из первых двух мест?..

Ведь обо всем этом говорили вчера на совещании тренеров. Я присутствовал там как капитан команды. И я сам открыл свою форму, назвал величину своей силы. Я протянул руку товарищу для общей борьбы. Это соглашение не исключало борьбы между нами за золотую медаль. Но для этой борьбы - держать третьи подходы. Силен - возмешь ими победу. А вот первые два подхода - только для команды. Никакой игры против друг друга. И вот теперь ради "золота" любой ценой все забыто, давят только меня...

Но борьба есть борьба. Следовало принимать ее в таком виде, в каком преподносили соперники. И все же я счел недопустимым нарушить слово и изменить веса "первых двух подходов в жиме, рывке и толчке". Я выдержал их согласно договоренности.

Зато в своих последних попытках, третьих, я не видел от ярости ни соперников, ни штанги. Нет, я видел все, но через какую-то синеватую прозрачность ярости. Все необыкновенно четко, гравюрная рисованность: смысл всех слов, предметов, действий совершенно открыт.

Холодная, но беспощадная ярость. Беспощадная - к себе.

Воробьев писал в своих воспоминаниях, что я будто бы бывал страшен в эти минуты.

Что же, возможно. Со стороны виднее.

Но в такие мгновения для меня теряли (и теряют) значение страх самой сверкающей боли и все инстинкты жизни. Все съезживается, обесценивается, теряет смысл перед валом ярости.

Меня нет - есть только этот вал чувств..

. Эх, прошляпил я себя, прошляпил эту самую беспроявленную силу в себе - опору на этот вал чувств. Прошляпил в Токио, через год, на Олимпийских играх. Прошляпил, пустой был будто бы состоявшейся победой, поздно было вздыбливаться, не за что... в банкротях оказался...

"Быть искренним я обещаю, но быть безучастным - не могу".

Постепенно я осознал и другое: откуда и для чего похвальба Жаботинского. Два дня я был в Стокгольме, всего два дня до выступления - и два дня он наседали шуточками, намеками, издевками. Ну, теперь-то это понятно! Это был явный расчет лишить меня равновесия, допечь... Ведь ступенчался я тогда, на пьедестале почета в зале "Шахтер". Были слезы... Ох уж эти слезы! Во всю жизнь не плакал, разве только когда Наташу хоронил...

Д. И. Иванов, писавший о тяжелой атлетике для "Советского спорта", через день или два после этого происшествия на Спартакиаде предложил "прокомментировать материал о слезах" с фотографиями. Он уже все обмозговал для газеты. Каков материален!

Успехи Жаботинского в рывке не обескураживали. Я работал непроизводительно, стилем "ножницы". Освою, посажу себя в "низкий сед" - и за мной качественно новые результаты. Жаботинский, по нашему с Богдан-саровым мнению, не способен к длинному набору результатов из-за рыхлости, невыносливости. Его основное преимущество в непомерном собственном весе и "рывковой" гибкости, наработанной едва ли не

десятилетней шлифовкой упражнения. В чистой силе, силе по каждому из вспомогательных упражнений, он настолько мне уступал, что принимать всерьез его мы отказывались, особенно мой тренер. Конечно, это наш просчет. Надлежало учитывать свойства наеденного веса в соединении с силой. Мы не учли. Нам было ясно одно: соперник уступает по всем показателям силы. А у него были достоинства, и редкие: огромный собственный вес не снизил скоростную реакцию. Здесь и крылась опасность. Этот вес и увеличение его могли дать "довесок" к результату и в рывке, и в толчке. Недаром же атлеты тяжелого веса так прилежно наедают вес. Помноженный на скорость, этот вес и выводит наверх тяжести. И все же мы не были столь безоговорочно беспечны. Нет, я предвидел подъем в результатах у соперников, но учитывал и неизбежность подъема своего, при котором уже все не будет иметь значения. И в общем, не ошибался...

Я знал себя, знал дороги силы, которые прошел. Сила в мои мышцы лилась непрерывно. И я еще по-настоящему не пускал в борьбу собственный вес. Стоит этот вес довести килограммов до ста пятидесяти, и результаты сами, без особой тренировки, подскочут на 10-15 кг в каждом упражнении. Это уже такой выход силы! Из современников не по плечу никому.

И я не сомневался: освою новый стиль в рывке, будет моим, непременно...

...Разве я работал в Стокгольме? Игра! Настоящая игра! Недели без тренировок вернули силу, помножили силу, наделили нервной свежестью. Впервые я закончил соревнование, не сменив даже рубашки-полурукавки: ни капли пота. Хорошая, боевая испарина.

И эти 212,5 кг - давно я уже на них зол: не далась в Будапеште, после - в Лужниках и Вене. Достаточно притерся. Я не толкнул их, а "заправил", как выражаются атлеты.

Чувствовал себя уверенно. Впереди столько силы! Я и не брал от нее как следует. Только разбазаривал и разбазаривал в экспериментах и литературных занятиях, учении, ошибках и срывах.

Но я дал себе слово: после Олимпийских игр уйду непременно. И так, следующий год - мой последний год в большом спорте. Успеть черпануть силу! Выйти на предельную близость к заветному результату!

Знал ли я, что золотая богиня победы - медаль первого на чемпионате мира - в последний раз на моей груди? Пьедестал почета - я уже привык к его самой верхней ступеньке...

И мне нечего рассчитывать на мир и покой вокруг себя. Мое понимание

силы это исключает.

Надо полагать, это мой удел - переламывать ход судьбы, взламывать направленность судьбы, не подчиняться предназначенному, не ложиться в яму судьбы...

Во всяком случае, в это я постепенно стал верить.

И это стало моей высшей судьбой - это, а не постное выгадывание месяцев и лет у жизни.

Нет, не ложиться в яму судьбы.

Глава 194.

В Стокгольме я не открыл людям всю силу, которая была в мышцах. Я вдруг прикоснулся к ней и увидел все обилие ее! Нужна жизнь, нужно очень беречь жизнь, быть очень скупым на все, кроме "железа",- и, однако, не достанет дней вычерпать ее.

Мышцы не знают ограничений в развитии - это из их природы. Их возможности таковы, что они способны заморить организм тренировками, сохраняя способность к росту. Надо лишь уметь заставлять их отзываться на работу. И приспособительная реакция их и есть накопление силы...

Мне недоставало гибкости в тренировке. Я был фанатичным исполнителем заданного. Я делал уступки в незначительном, но всегда отказывался изменять работу на целых участках - участках в месяцы, а жизнь неоднократно требовала это. Я служил идее силы, как идолу. В этом - искажение творческого принципа и причины неизбежных падений.

При всем том в большом спорте именно надо служить идее, не поддаваться капризам случаев, обидам, несправедливости, наскокам злых или непосвященных.

В основе должна быть огромная, безоглядная вера в то, что ты делаешь. Если работает сомнение, хоть на немного, хоть на чуточку,- ничего не добьешься.

И без преодоления себя ничего не добьешься. Побеждают лишь те, кто умеет отречься от любви к себе, перешагнуть через себя. И нельзя ни о чем жалеть - все время стремиться вперед. Всякая оглядка назад, всякие жаления

о прошлом и т. п.- это уже признание слабости, возможности остановки, неспособности вести борьбу с прежней яростью, потеря себя...

Для меня сила имеет душу. Меня покоряет способность силы к возрождению и самосозиданию. Я презираю силу как только свойство горы мяса и удручающей узости интересов.

Все так, мне нечего рассчитывать на мир и покой вокруг себя. Мое понимание силы это целиком исключает.

"...Лучше бороться всю жизнь, чем питаться овсом, который в хороших конюшнях из милости уделяют состарившимся лошадям..."

Монах Горькая Тыква писал:

"Было сказано: "Человек совершенный - без правил". Это означает не то, что он не имеет правила, а лишь то, что его правило - в отсутствии правил. В этом и состоит высшее Правило. Все, что обладает постоянными правилами, должно непременно обладать изменяющимися свойствами. Если есть правило, надо, чтобы в нем была заложена способность к изменениям;

желание любой ценой походить на такого-то мастера сводится к тому, чтобы питаться остатками его супа, для меня это слишком мало;

что касается глупости и вульгарности, то в них есть общие черты: снимите шоры глупости, и вы обретете разум; не допускайте следов вульгарности, и вы найдете чистоту..."

Искусство - это прежде всего дух, развитие духа и его взаимодействие с миром.

В свою очередь, большой спорт есть выражение поисковой энергии человека. Пусть форма этого выражения и груба.

И еще: важно не то, сколько и что вы прочли, а что уяснили и приняли сердцем из прочитанного...

Вообще, настоящее чтение - это суд над собой; его не все выдерживают - это чтение и этот суд...

Способность воспринимать прекрасное, а значит - жизнь, непрерывно совершенствуется. Человек - не застывшая форма, если он открыт знаниям и слову. Для такого человека жизнь имеет склонность к постоянному углублению своего смысла и сложности (с одновременным упрощением

этих представлений). Чем ограниченной человек, тем менее ценна жизнь в его глазах, более жи-вотна, коротка смыслами и, в общем, неинтересна: вместо оркестра с богатством звуков и оттенков - несколько нудноватых жестяных звуков. Прекрасное для своего восприятия требует настоящей работы над собой. Без ощущения прекрасного жизнь в значительной мере остается запертой для человека, отражаясь в его сознании уже исключительно как убогая и примитивная. И, как видим, это не простое упражнение своих чувств и разума. Это имеет самое непосредственное отношение к поведению человека, такому итоговому понятию жизни, как судьба. Смерть для всех поставлена в конце жизни - это верно. Но вот цвет дней жизни... Этот цвет у всех разный. И тяготы испытаний, и вообще жизненная борьба - все-все тоже горит другими цветами...

"За гремучую доблесть грядущих веков, за высокое племя людей..."

Глава 195.

В ту ночь после чемпионата собрались я, Шемански, Курынов... Исповедовались мы не перед бутылками, хотя было приятно от сознания того, что мы свободны от обязательств перед силой и можем вот выпить, не поспать, не пойти на завтрак и вообще делать кучу вещей, запрещенных выхаживанием силы. Мы с Сашей глотнули и за то, чтобы увидеть еще много городов, чтобы странствия сильных открыли нам другие страны.

Тосты за города Норб не понял. Но вот о женщинах заговорил с пылом. Я понял. "Что ты чемпион,- говорил он,- еще ничего не значит. Важно быть любимым женщиной, уметь любить. Еще лучше, если тебя в жизни любило много женщин и ты ни перед одной не ударил лицом в грязь..."

В переводчиках был тренер американцев Липски. Он захмелел очень быстро, заявив вдруг, что плевал на Хоффмана (Липски применил русские слова очень тяжелого калибра) и вообще он, Липски, ни от кого не зависит...

Знал ли Норб слова Хемингуэя из "Прощай, оружие!": "Когда люди столько мужества приносят в мир, мир должен убить их, чтобы сломить, и поэтому он их и убивает. Мир ломает каждого, и многие потом только крепче на изломе. Но тех, кто не хочет сломиться, он убивает. Он убивает самых добрых, и самых нежных, и самых храбрых без разбора..."

Я тогда бредил Хемингуэем. Его смерть явилась для меня ударом. Что-то важное исчезло навсегда. Я написал Хоффману, и он прислал "Лайф", посвященный памяти Хемингуэя. А сюда, в Стокгольм, Хоффман привез его

полное собрание сочинений, мне в подарок.

"Эриксдальсхаллен" - я не запомнил его. В памяти остались какие-то пестрые куски: раздевалка, коридор, сцена, толпа за кулисами...

Зато в памяти осталось лицо Куценко. Я разозлился на него из-за потяжки Жаботинского за мной вопреки договоренности и старался быть посуше и побезразличней. И мой тренер - у него уже начала сдвигать нога. Он морщился, когда оставался со мной наедине, и потирал бедро. А потом, в работе,- цепкая собранность Богдасарова. У меня было такое впечатление, что я был для него снарядом. Он заряжал меня, направлял и выстреливал.

После соревнований не хмелеешь - нервы на сумасшедшем взводе. А с меня к тому же будто съехала тяжеленная плита. На ней все стояли. А теперь ее нет - и дышать очень легко. Да, если можно говорить о гладкой победе, это была она.

В полдень мы улетели в Москву.

Всего неполных три дня меня не было в Москве.

Очень удобные, как раз по мне, эти первые дни по возвращении.

Так славно засыпать без гвоздя тревоги в голове. Приятная пустота, дело отодвинуто, утолена жадность дела. И долг - его нет. Обычно он всегда с тобой, а тут его нет.

"...С помощью времени смывать горести и следы крови..."

Глава 196.

Чувство любви к родному несовместимо с презрением или снисходительностью к остальному миру, страхом за свое национальное перед достоинством и силой национального развития других народов. Любовь к отечеству есть и любовь ко всему человеческому, бережению всех культур.

Большой спорт не скупился на предметные уроки. Я научился (надеюсь) и узнавать, выделять из мишуры слов, потока чувств истинность патриотизма - любви к родному. Эта любовь всегда там, где справедливость. Это ее безошибочный признак. Там, где требуют уступок от справедливости, патриотизм перекрашивается в национализм. А национализм был и есть

спутник насилия, расправы над теми, кто веками вырабатывал, отстаивал, пробивался к принципам гуманизма - человечности. Об этом я вспоминал не только когда видел распаленные национальным самодовольством толпы, но и когда читал многоречивые истории спорта. Сколько же национальной похвальбы, приглашений к маршировке!..

Я зачитывался историей Ирландии (в который раз с юношеских лет!). Я знал все, что было напечатано на русском языке об Эммете, О'Коннеле, Митчеле, Лалоре, Даффи, Парнелле, Девитте и, конечно, Бругга! Железный Бругга!.. Я зачитывался работами историков о "Молодой Ирландии", фениях, "непобедимых", Земельной лиге, шинфейнерах... Восстания против угнетателей и кровь, кровь... Я никогда не забывал слов Мирабо: "Человеку, чтобы разорвать цепи, дозволены все средства без исключения".

Глава 197.

Меня поражал маэстро Шемански. Есть удары, после которых сложно оправиться. И в самом деле, я каждый год круто взвинчивал результаты. Разница в силе между нами представлялась безнадежной. А Норб и не помышлял о смирении: год, другой - и сматывал разницу. Но на этот раз игра для него была кончена. Я понял это в Стокгольме. И ее обрывал не истощенный дух атлета (об этом и речи не могло быть), но возраст.

Сколько былых чемпионов превратилось в тучных свидетелей своего прошлого, а их сверстник все перетирал и перетирал новые килограммы, тонны "железа"! Норб не подбирал победы, а обкладывал подступы к ним новой силой.

Даже после Стокгольма Шемански еще надеялся на успех. Ведь всего год назад он чуть не сломал меня. Моя болезнь не в счет. В этой гонке силы нет никому дела до захлебывающихся усталостью. Права первая, высшая сила!

В отношении Шемански к спорту присутствовало нечто такое, что нельзя было не уважать. Приняв "железо" в жизнь, он уже не признавал себя в другой роли, кроме как бойца. Он не цеплялся за места подле первых, а сражался, доказывая свою силу.

Каким бы ни было соперничество, Норб не позволял себе ничего, что могло унижить соперника - ни печатно, ни поведением. А ведь его жизнь - поединки "на ребре", когда до последнего мгновения победа не определена. Как легко сорваться на грубость, найти повод для любых слов!

Есть атлеты, в которых заносчивость и хвастовство силой, своей единственностью находят выход не только в соответствующих словах, но и в "обоснованностях" поведения, за которым примитивность, духовная убогость, жадность - и ничего другого. Но эта вульгарность, хамство, право кулака вдруг обретают под пером знатоков (есть такие) даже некие права и доблесть.

Глава 198.

Я основательно "раскачал" жим и запустил толчок, довольствуясь природной силой. Доля тренировки толчка по сравнению с долей жима была ничтожной. В то же время соперники все чаще прибегали к швунгу - не жиму, а подобию толчкового посылы с груди. Запас силы, отпущенный мне в самом главном упражнении - толчке, я не разрабатывал достойным образом. Что 212,5 кг для моих мышц? Ведь мои толчковые тяги чудовищно превышали эти килограммы. Я выкатывал в тягах к тремстам килограммам, обычно же тренировался на двухстах пятидесяти. И приседал с двумястами пятьюдесятью килограммами на плечах по многу раз, но нередко баловался и на двухстах семидесяти пяти. Я не кокетничаю - именно баловался. Если бы погнать силу ног на всю мышцу, на всю способность ее к тренировке - результат в приседаниях, несомненно, подвинулся бы к четыремстам килограммам. Казалось, ноги могли нести любой вес. Недаром их многослойных мышц так побаивались массажисты. Только приведение в порядок мышц бедра занимало у них полтора часа.

Нет, я работал в тягах и приседаниях, но что это за работа рядом с громадой тренировки жима?..

Я предал главное упражнение, в котором природа наградила меня особыми данными, значительно превышающими возможности всех моих товарищей по весовой категории, предал ради силы рук, то есть результата в жиме, того самого жима, который выродился в трюкачество и уже не способен был обеспечить надежной победы в борьбе. Ведь с рекордов в толчке и началась моя жизнь в большом спорте. Толчковое упражнение, и никакое другое, проложило мне дорогу к вершинам спорта. А я его предал, не тренировал...

Как вернуть рекорд в рывке, я знал. Однако этот рекорд намешал страсти, которые черной зыбью пошли вокруг моих тренировок и выступлений. Обозначилось новое соперничество. В отличие от Шемански Жаботинский был молод, моложе меня на несколько лет.

Анализ спортивных возможностей Жаботинского давал преимущества мне.

Очевидны были его рыхлость, относительная слабость рук и ног, и самое главное - узость общефизической базы, этой опоры силы. Именно в этой базе (и только в ней) - возможности для развертывания настоящих тренировок. Без этих тренировок нет и не может быть силы, как бы ни был талантлив спортсмен. Весь же талант Жаботинского подпирали его огромный собственный вес.

Без этого внушительного собственного веса талант силы Жаботинского был в большой ущербности передо мной. Ничего не мог он добиться при весе 120, 130, 140 кг. И лишь перевалив за 140 кг, стал угрожать мне. И он, Жаботинский, отлично понимал, что дает ему силу, понимал и с особой тщательностью следил за весом, непрерывно наедая его. Он перевалил в весе через 130, 140, 150 кг и вплотную приблизился к 160 кг, которые впоследствии тоже "одолеет" и остановится лишь вплотную к 170 кг.

Рост Жаботинского (194 см) в какой-то мере скрадывал огромность этого веса.

Жаботинский нуждался в развитии общефизической базы - здесь он был особенно уязвим. Я уверен: при работе над этой базой он приобрел бы несравненно большую силу, чем ту, которой прославился.

В "черной зыби" был и другой смысл: я начинал надоедать публике. Перемены, новые имена, столкновения, провалы и ошибки - это всегда дорого публике. Пять лет моих побед, неизменное превосходство в силе приелись. В понятие "кумира публики" и это входит.

В общем, обстановка вокруг будущих выступлений начала электризоваться сразу же после возвращения из Стокгольма.

В те же дни инсульт поразил Якова Григорьевича Куценко - четырнадцатикратного чемпиона СССР в тяжелом весе, какое-то время обладателя высшего достижения в толчке. С ним команда потеряла опытного старшего тренера.

Яков Григорьевич не позволил болезни сломить себя. Практически лишенный речи, полноценного движения, он написал интересные воспоминания о спорте своих лет...

К Новому году место старшего тренера сборной занял Воробьев. Это усложнило положение. Я не мог больше рассчитывать на справедливое отношение. Почти все годы Воробьев делал все, чтобы Богдасаров не был в сборной, то есть чтобы я выступал на самых ответственных соревнованиях без тренера. Любой чемпионат мира или Европы начинался для меня с

хождений по кабинетам, где я доказывал, что Сурен Петрович нужен для выступления, без него ответственное выступление просто невозможно. Это было и унижительно, и обидно, но так было всякий раз. Да и мой опыт выступления в Риме убеждал, чем может обернуться любая несобранность или оплошность. Теперь я уже должен буду находиться в постоянном напряжении...

Мне много приходилось слышать разного рода суждений о долге, интересах дела, партийности, Родине. Мне часто приходилось видеть беспощадные столкновения по принципиальным вопросам. Много приходилось читать в газетах и журналах о тех же высоких материях. Присутствовал я и на собраниях, где подавляли всем миром одного честного человека или группу таких же людей и все во имя тех же высоких устремлений.

Я не отрицаю наличие высоких нравственных побуждений. Я преклоняюсь перед людьми, которые ради них жертвуют благополучием, а нередко и жизнью. И таких людей я знал.

Однако чаще всего за тем, что обозначается как гражданский долг, идеалы и т. п. и что приводит к настоящей сече, скрывается совершенно иное, прямо противоположное.

Корысть и зависть - вот тайная пружина действий многих людей, вот отравленный родник высоких слов и подлых поступков.

Корысть и зависть делают людей слепыми. Отсюда - и злоба, и жадность, и жестокость, и ложь, и предательство, и все-все дурное. Кричим об идеалах, интересах дела - и давим... справедливость, правду, чистоту...

И еще: нельзя оставлять на растерзание человека-борца, пусть даже иногда он сражается за справедливость по отношению к нему самому, но ведь за справедливость! Читать, как на него клеветают в газетах, видеть, как демагогией подавляют на собраниях, видеть, как унижают, травят и, в конечном итоге, уничтожают (человек не выдерживает напора зла, несправедливости и погибает) - и молчать, не действовать, даже не осуждать? К сожалению, это явление стало обыденным. Нам не хватает даже простого трезвого соображения: не постои за волосок - головы не станет; завтра - уже твоей головы, твоей и, возможно, других... И еще. Титулы, звания, должности вовсе не означают человека обязательно высокой пробы, в том числе и культуры. Истинно крупный человек - это ценность сама по себе. Отними у другого должность и звания - от него пустое место останется, ничего не значит, нуль...

А истинная крупность, истинное дарование - что с ним ни делай, он все тот

же. И ему ни к чему побрякушки, прописи чинов, должность...

И еще. Не всегда так, но часто: чтобы корысть и зло преуспевали, им нужны чины и должности. Они дают им силу, оберегают их и все время ставят справедливость в подчиненное положение...

Да, чины, должности, звания... упорное стремление к ним...

Глава 199.

Мне казалось, не цель определяет мое время в спорте, а привычка к славе, знакомствах и обеспеченность жизни, неуверенность перед другим будущим. И это чувство подступало все чаще и чаще. Я, как большой барабан, гудел на одной ноте, все во мне было на одной ноте.

Неужто не решусь отказаться от спорта, неужто смел лишь в мечтах, неужто стану цепляться за сытость славы, довольство от прошлого славы?..

Я ощущал недостаток здорового воздуха. Воздух великой гонки отличен от обычного. Я слишком долго насыщался им. Я уже мечтал о чистом воздухе... об освобожденное™ дней... независимости дней...

Принявший мир, как звонкий дар,

Как злата горсть, я стал богат...

Разве такие слова сложить земному человеку? От них слепнешь...

Глава 200.

Итак, в 1963 году я выступил в четырех соревнованиях (из них - двух международных, если турне по Австрии принять за одно выступление). Установил пять мировых рекордов: два в жиме, один в толчке и два в сумме троеборья (один из них собран и тут же побит мной, так называемый "проходной" рекорд). Я в пятый раз стал чемпионом мира и Европы (если победу в Риме приравнять к победе на чемпионате мира, ведь сущность та же: проба сил. Правда, на Олимпийских играх борьба куда ожесточеннее).

Титул "самый сильный человек в мире" неизменно сохранялся за мной. Никто не владел им в эти годы, кроме меня. Мои рекорды были самые

тяжелые. Я перемолол самых упорных соперников - американцев. Один за другим откатились Эшмэн, Брэдфорд, Зирк, Губнер, Генри, Шемански - вся гвардия Хоффмана.

И Пол Эндерсон уже не проявлял никакого желания помериться силой.

И рекордами я уже выходил на подступы заветных шестисот килограммов. Я был благополучен для всех. Барабан моей славы гудел во всю мочь.

А в бессонницы - они уже не отпускали меня с достопамятного душевыворачивающего потрясения "экстрем-ных" лихорадок - я молил судьбу: пусть все сбудется, я ведь не щажу себя, пусть все будет по справедливости, пусть не посылает новых испытаний, я уже обожрался ими, и лаской людей в том числе, весь в ушибах от этих ласк...

И тут же я взрывался яростью.

Я никогда ни у кого не просил милости - ни в чем. Я проложу дорогу к любой своей мечте - и ни у кого не буду спрашивать разрешения. Я проложу дорогу... или полягу, но никогда ни о чем не стану молить!

Слышишь, судьба! Не стану молить! Ты вправе убить меня, но я у тебя не в холуях и просителях...

Возвращалась лихорадка. Простыни становились горячими, я раскидывался. Огромные часы распластанно-медленно проползали через меня, пробуя мою волю. Иногда отчаяние застревало в груди, но я знал: я сильнее, оно отступит. И оно отступало. Все дело было в том, что я был сильнее. Как бы ни душили отчаяние, тяжкие прозрения будущего, я все равно был сильнее.

А в окна уже намывались серые краски рассвета.

И будущие тяжести, и ненаписанные страницы, и вся жестокая требовательность людей - уже овладевали мной. На Востоке говорят: "Мечь может состариться, но она не умирает". Я как-то не заметил, чтобы она старилась. Мне ничего не забывали. Мстили за сопротивление несправедливости.

Вы, кто метил клеветой и ненавистью меня и всех, кто смел иметь свое мнение (вспомните Герцена:

"Речь - дерзость, лакей никогда не должен говорить!" А кто мы для всего этого племени хозяев наших жизней-безгласные исполнители, "винтики"), - слышите, я ни в чем не раскаиваюсь, не беру назад ни единого своего слова,

не отказываюсь ни от одного своего шага. Я презираю вас как трутней, как зло и несчастье моей Родины.

"Рано пташечка запела, как бы кошечка не съела".

Глава 201.

Я все равно оказывался сильнее судьбы. После Стокгольма решил: Олимпийские игры-это конец великой гонки для меня, как не дорожить каждой тренировкой.

Тогда, после Стокгольма, навестил меня дома, глянул на тренировки, вежливо и рассудительно побеседовал Хайнц Шеве - московский корреспондент западногерманской газеты "Ди вельт". И напечатал очерк.

"Самый сильный человек в мире.

Самый сильный человек в мире тренируется ежедневно... в армейском спортивном зале на Ленинградском шоссе (нет, в ежедневных тренировках не было надобности, да мы их и не осилили бы, ведь тренировались без восстановителей силы.- Ю. В.). В это время к окнам зала прилипают московские мальчишки. Открыв рты, они мечтают о том, чтобы стать такими же, как Юрий Власов.

Юрий Власов как раз мучается с весом 225 кг. Штанга сгибается под тяжестью веса, который раз за разом, четыре раза подряд поднимается на уровень груди. Прежде чем ступить на помост, он осторожно снимает роговые очки и кладет на подоконник. В этот момент он лишь тяжелоатлет Юрий Власов.

После того как он опускает штангу на помост, он тотчас же спешит надеть очки, в тот момент снова превращается в профессора Юрия Власова.

В этом атлетическом теле соединилось невозможное. Кто может предположить в самом сильном человеке мира знатока певчих птиц? Кто поверит, что будучи лучшим тяжелоатлетом земного шара, он одновременно является дипломированным инженером, офицером Советской Армии в чине капитана, что он часами способен вести дискуссии о Ницше, Шопенгауэре, Канте и Гегеле (вот Гегеля читал так ничтожно мало, что не осмелюсь и заикаться.-Ю. 5.)? Кто поверит в то, что обладатель самых сильных бицепсов является истинным знатоком литературы?

Для Юрия Власова нет ничего невозможного. И самое удивительное при этом то, что все это он считает совершенно естественным.

Дома в своей квартире на 5-й улице Октябрьского поля (ныне улица маршала Рыбалко.-Ю. В.) -д. 20, кв. 62 - он держит пятнадцать различных видов певчих птиц. Юрий Власов знает лучшие соловьиные места вокруг Москвы. На своей "Волге" он выезжает весной и слушает соловьиные концерты. Я думал, что назову ему неизвестное место между Баковкой и Переделкином (между дачей маршала Буденного и могилой Пастернака), но, оказывается, это место Юрию Власову известно давно.

Работу Ницше о Заратустре Юрий Власов изучил серьезно. Для него Ницше фаворит среди философов (не фаворит, конечно, я примеривался к его манере письма.-/О. В.). Не произвело ли на него при этом понятие "сверхчеловека" особое впечатление? Власов нерешительно пожимает массивными плечами - быть может...

Кроме литературы и соловьев Юрий Власов любит еще и Наташу (слава богу, хоть после литературы и соловьев.- Ю. В.).

Наташа, его жена, молодая впечатлительная художница. Однажды совершенно случайно, в поисках новых мотивов, она пришла на соревнования московских штангистов. Она нашла супруга и отца, гордящегося своей четырехлетней дочерью Аленой.

"Я никогда не беру дочь на соревнования",- говорит Юрий Власов.

Девочка не имеет представления о том, что ее нежный отец - самый сильный человек в мире и что он поставил перед собой цель: в три захода взять 575 кг и выиграть золотую медаль на Олимпийских играх в Токио.

Как должен жить человек, осуществляющий такие замыслы? Юрий Власов не употребляет спиртных напитков и не курит... "Сласти?.. Да, иногда, но я не большой их любитель". Он ест то, что готовит ему Наташа...

Его тренер - Сурен Богдасаров. Ему сорок три года, в молодости он был мастером спорта СССР в легком весе.

У тренера специальный дневник, в котором отмечаются все нагрузки. Каждое упражнение, каждый вес фиксируются с датами. "Штангисту нужно обладать большим опытом,- считает Юрий Власов.- Нужно знать, на что ты способен. Однако же, пока ты это поймешь, неизбежны ошибки, разочарования, даже срывы".

Власову не удалось избежать травм. Растяжения связок были самыми легкими испытаниями в ряду "болезненного" опыта. Его левое колено всегда туго забинтовано, как и запястья.

Совместно с тренером Юрий Власов разработал программу, которая самое позднее через два года позволит ему достичь такой формы, чтобы он смог взять 600 кг в троеборье. Еще недавно вес в 500 кг слыл среди штангистов сказочным.

Юрий Власов уверен в себе: "600 кг я возьму через два года точно, а может быть, и раньше". Этот вес превышает в 4,5 раза его собственный (Власов весит под 135 кг). Этот будущий груз, который принес бы честь Геркулесу, требует строгого режима. Даже в день, когда ему исполнилось 28 лет, - 5 декабря - Юрий Власов тренировался как всегда. После тренировки он сказал:

"Это доставляет мне удовольствие..."

Глава 202.

Серия перетренировок, связанных с экспериментами, позволила решить ряд задач - ведь без ошибок нет эксперимента, ошибка - в природе опыта. Однако перетренировки опять вывели меня из строя к лету 1963 года. Я не вмещал заданную работу, путался в кажущейся простоте. И все же именно эксперименты, освоение новых приемов позволили мне утяжелить рекорды страны и мира в дотолле невиданных масштабах - на многие десятки килограммов, не прибегая к наеданию собственного веса (я прибавлял вес мышечной массой, неизбежной при такой работе). Богдасаров противился тренировкам эксперимента, видя, что с новой силой я теряю и здоровье. Он считал, что я перенасыщен силой, что я и без того природно очень силен и этого с лихвой хватит на мой спортивный век.

Окончание одного этапа всегда знаменует начало нового. Тренер и я определили ближайшие и дальние цели: жим-200 и 210 кг, рывок-180 и 200 кг, толчок- 220 и 230 кг.

С первых же тренировок после чемпионата мира я стал вработываться в новый стиль выполнения рывка - "низкий сед". Я знал: никто в мире не проделывал подобное, ведь десятилетний навык почти неистребим. И вот за какие-то месяцы закрепить навык, довести до автоматизма. Риск, конечно, ведь я отказывался от прежнего движения, терял сноровку, делал его непригодным. А новое? Успею ли? Ведь его нужно выгонять на рекордные

веса.

Я тренировался иступленно. В свою исключительность я не верил. Я же видел, сам вынес - при определенных физических данных все решают работа... и готовность ни во что не ставить свое благополучие.

Оценивая прошлое, я должен признать тот печальный факт, что за право вести тренировки сообразно своим взглядам, иметь на эти тренировки и выступления свой взгляд я заплатил нервным расходом никак не меньшим, чем от самих этих тренировок и выступлений. Нелепо? Глупо? Но это так. Преодоление сопротивления среды, которая по своему назначению как раз должна была обеспечить эти тренировки, обходилось не меньшим расходом нервной энергии, чем сами эти тренировки. Нечего и говорить, каким дополнительным бременем это ложилось на нервную систему. Я только озираюсь: откуда еще будет удар?..

Спорту достались усталые мышцы, усталые нервы - я обязан был решать задачи и в литературе. Не будет другого времени. И вообще жизнь складывалась не гладко. Для гладкой жизни нужно следовать решениям, а не искать...

В романе "Теперь ему не уйти" норвежского писателя Юхана Боргена сказано:

" - Закон? - переспросил я с любопытством.- О каком законе ты говоришь, Лео?

- Это закон служения. Кто хочет жить долго, должен служить..."

Я должен был все время делать новое дело - иначе движение невозможно. Тут не смиренное служение, а взламывание всех прежних отношений едва ли не во всем, в противном случае в тебе погибнет атлет.

И быть другим я просто не мог. Я ни в чем не сочинял себя. Я жил, другой жизнью не мог жить, это было бы противоестественно. Я согласен: это принято называть непрактичностью, неуживчивостью, заносчивостью... Пусть.

Но я и шага не ступил бы вперед, будь я другим.

Смирение, служение - это для проторенных путей, это ради желудка, это испытанная чиновничья лямка.

Не иметь ничего своего.

Нет, этот хлеб я не могу жевать.

Я верил, исповедовал: каждый человек-это значимость. Ценность и достоинство не зависят от впаенности твоего имени в газетные строки. Я всю жизнь прикладывался к живительности слов Уитмена: "Каждый из нас безграничен".

Нет, я не тренировался, я не выигрывал чемпионаты - я пробовал жизнь: это фальшивое или не фальшивое?

Глава 203.

Мне всегда казались болезнью, ложью, малодушием знания без практического приложения. Впервые я остро это осознал, набредя, нет, не набредя, а обрезавшись словами Гете: "Впрочем, мне ненавистно все, что увеличивает мои познания, не призывая меня вместе с тем к деятельности, не переходя непосредственно в жизнь". Разве не ложь - знать, узнавать, познавать и существовать вне этого знания и опыта? Накопление знаний, культуры всегда представлялось мне материалом, инструментом для организации жизни на более достойных началах.

Глава 204.

Наше поколение пришло в сборную, когда тренировались примерно так. Тренер спрашивал спортсмена:

"В прошлый раз толкали?.. Тогда сегодня - жим и рывок, потом подделаешь тягу. Устал от тяг?.. Давай тогда жим широким хватом.." Никакого учета объема работы, никакого анализа и попыток математически определить выход и направление работы. А уж о расчетах тренировок, тем более на месяц и год, и в помине речи не было. Тут многое помог осознать Матвеев.

Опыт, ошибки, срывы... Все было не напрасно. И ошибки - я тоже превращал их в силу. Туже, туже затягивался узел умения, мастерства. Я работал над силой по заданному рисунку. Конечно, я осознавал ничтожность и примитивность добытого, но на том месте, которое занимало понимание силы наших дней, это было уже знание.

И я действительно начинал понимать душу силы, справедливость силы -

быть сильным духом. Это от природы тех, кто ищет свои шаги, кто неподкупен, кто видит в жизни не случайность, не прихоти случайностей, капризы судьбы, а железной волей выковывает свою судьбу. Тот самый сильный, кто ни на кого не полагается. Я и не заметил, как утратил высокомерие первых лет выступлений, когда стыдился быть атлетом.

Я уже с гордостью нес умение подчинять силу. Нет, одной страстной любви к спорту и силе недостаточно. Без такой же огненной веры в себя никому и никогда не стать атлетом в высшем значении этого слова.

Стать одним из тех, кто, не дрогнув, пробует прочность жизни на излом, чтобы верить в себя и людей, чтобы никогда никого не предавать...

Увы! Ты истощишь свой дух над письменами,

Их смысл утерянный толкуя вкривь и вкось...

Нет, огненной верой, от которой тесно жизни, сплавить страсть и дело, слова и действие...

И для меня всегда священ тот,

Кто - бог или герой - взойдет

На дальнем горизонте поколений;

Кто, словно радуги чудесный свод,

Поднимется среди владений

Вражды, страданий и лишений..

Хоть мудрецы еще под мертвый шум цитат

Истолковать хотят

Отжившей догмы лепет...

Верхарн. "Деяние"

И во веки веков: пока жив человек - ничто для него не поздно...

Глава 205.

В декабре, на прикидках, я вплотную подступил к мировому рекорду в рывке. Я был неустойчив, зыбок в конструкциях нового стиля, работал коряво, но даже при несовершенствах владения новым стилем сказались все выгоды. Теперь о результате 180 кг в рывке мы с тренером заговорили открыто, не стесняясь свидетелей.

Всего два месяца понадобилось для освоения нового стиля - это достижение из высших.

Я энергично разрабатывал связки. Это упражнение требует змеиной гибкости и совершенной точности. Я одомашнивал это упражнение. Почти каждую тренировку сводил к зубрежке частей упражнения. Любые технические достижения тогда есть оружие, когда они в бессознательности выполнения, когда думаешь не о том, как их сложить, а о силе, которую надо вызвать. Не просто яростно взметнуть тяжесть, а, чередуя напряжения, превратить ее в послушность мышц. Не может быть победы на мышцах, скованных напряжением. Есть сознательность включения и выключения мышц, сознательность определенных усилий, искусство слышать все мышцы, искусство перебирать мышцы, настраивать нужные.

Глава 206.

Наступало время жатвы силы.

Все заветное, все невозможное, что казалось вымыслом, несбыточным, опыт и труд превращали в реальность.

Я выходил к черте шестисот килограммов. Оставалось прибавить к лучшим результатам в каждом из упражнений троеборья по пять килограммов - и я ложился на заколдованную черту силы. И за какое время совершен этот проброс - каких-то три-четыре года! А ведь только от 400 до 500 кг в сумме троеборья атлеты шли без малого почти четверть века. И все усилия раскладывались на поколения. Выбывал один - начинал приручать "железо" другой...

Мангер, Дэвис, Шемански, Хэпбёрн, Эндерсон...

Я всегда был осторожен с прогнозами. Знал: сила каверзна. Падение может ждать тебя и на последнем шаге. Но тогда, с Хайнцем Шеде, я впервые открыто заговорил о шестистах килограммах. После того как освоил новый

стиль рывка и на тренировках начал выкатывать наверх, и без натуги, веса, близкие к мировому рекорду, я утратил прежнюю скупость на слово. Теперь она даже мешала, лучше даже подстегивать себя словом. Главное препятствие преодолено. Ведь в рывке сосредоточивалась прежде невосполнимая потеря килограммов. За результатами вспомогательных упражнений я уже видел цифры, из которых складывалась рекордная сумма. Я выходил из нее - уже ничто не могло удержать меня.

Поэтому я и сказал Шеве: шестьсот - они скоро будут моими.

Да, шестьсот!

Мне по душе два откровения Эразма Роттердамского: "Другим, чем какой я есть, быть не могу", "Люди, поверьте мне, не рождаются, а формируются".

И еще я помнил запись в дневнике 17-18 ноября 1853 года Л. Н. Толстого: "Ничто столько не препятствует истинному счастью... как привычка ждать чего-то от будущего".

Волей подчинять обстоятельства и судьбу!

Чемпионат шестой (1964)

Глава 207.

Следовало проверить себя в новом стиле рывка. В воскресенье 26 января я выступил вне конкурса на соревнованиях молодых штангистов Москвы. Прохладно, неуютно чувствовал я себя. Задолбить едва ли не десятилетием управление штангой в "ножницах" - и теперь все забыть. В новом стиле каждое положение чужое, неудобное. Я просто выхватывал штангу, не управлял ею - это стало ясно.

28 января "Советский спорт" сообщил о моем выступлении:

"Власов попросил установить на штангу 168 кг. Этот рекордный вес он вырвал с третьей попытки. Примечательно, что олимпийский чемпион изменил способ подседа под штангу: перешел с "ножниц" на "разножку" ("низкий сед".-Ю. В.)...

Рекорд был установлен с такой легкостью, что специалисты ожидают от Власова в ближайшее время нового мирового достижения в этом упражнении.

Итак, теперь все четыре рекорда мира (в каждом из упражнений троеборья и сумме троеборья.-/О. В.) для атлетов тяжелого веса принадлежат советскому богатырю Юрию Власову".

Рекорд в рывке часто ускользал от меня в годы владения титулом "самый сильный в мире". Теперь я надеялся прочно привязать его к себе.

Я не владел техникой этого упражнения. Я рвал на силу: грубо протаскивал штангу наверх - и подсаживался под нее. Ни мощного, разового подрыва, ни темпового, резвого и слаженного ухода вниз, под штангу,- только одна грубая сила.

Легкость, которую отметили специалисты, тоже была от этой новой силы.

Глава 208.

Необычностью веяло от зимних месяцев. Какой-то миг в жизни - взять золотую олимпийскую медаль. Никто не хотел упустить этот миг. Затрещали мировые рекорды по всем видам спорта. Газеты, журналы день ото дня пухли новостями.

Нашей сборной по тяжелой атлетике уже не угрожала команда Хоффмана. И все же мы чувствовали себя слабее, чем перед Играми в Риме.

"Хотя наша сборная возвратилась из Стокгольма с девятой "короной" чемпиона мира, ее выступление привычного резонанса не вызвало. И дело тут не только в том, что на этот раз наши атлеты привезли на одну золотую медаль меньше, чем с предыдущего, будапештского первенства.

После Стокгольмского чемпионата возник, и не без основания, тревожный вопрос: "На что мы можем рассчитывать в Токио, если запас победной "прочности" на мировом помосте продемонстрировал только Юрий Власов?.."

Как известно, в Стокгольме наш атлет легчайшего веса Алексей Вахонин сумел вырвать победу у японского дуэта - Сиро Исиносеку и Хироси Фукуда. Удастся ли ему повторить успех? Ведь Вахонин намного старше своих опасных соперников, он прогрессирует медленнее, и главное - они

будут выступать дома... Пока очень слабые у нас надежды и на атлетов полулёгкого веса. Прочные позиции в легкой весовой категории... Однако после стокгольмского урока, преподанного поляками Марианом Зелинским и Вольдемаром Башановским, нужно помнить, что рекорды - еще не победа. Отдавая должное прославленному полусредневесу Александру Курынову, нельзя умолчать и о его грозном сопернике - венгре Михе Хуске... По мнению Рудольфа Плюкфельдера, в средней весовой категории вне конкуренции находится венгр Дёзе Вереш. "Только непредвиденный несчастный случай,- говорит Плюкфельдер,- может лишить Вереша золотой олимпийской медали". Нет пока у нас и полутяжеловеса, который сумел бы победить англичанина Луиса Мартина и поляка Иренеуша Палинского. На этом не очень-то радужном фоне гордо звучит только имя Юрия Власова...

Взросшая конкуренция предъявила исключительные требования к лидерам - спортсменам СССР и США. Американские штангисты оказались обезоруженными. В командном зачете они откатились на четвертое место и лишились всех мировых рекордов..." (Советский спорт, 1964, 30 января).

Старый Хоффман сделал все для любимой "железной игры". Благодаря ему она обрела в Соединенных Штатах определенный размах. И вот вместо удовлетворения - сплошные разочарования. Американцы становились зрителями в этой большой забаве.

Глава 209.

В феврале на I Международном конгрессе тренеров и представителей национальных федераций тяжелой атлетики в парижском Национальном институте спорта собрались восемьдесят делегатов из тридцати стран.

"Я не говорю по-английски, а Боб Хоффман изъясняется только на родном языке,- писал Красовский в "Русских новостях".-Чтобы узнать мнение американского специалиста, я вывел на клочке бумаги: "Токио - Власов - $195+170+215=580$, Жаботинский - $180+170+210=560$?" Боб Хоффман изучил мою записку, ткнул пальцем в цифру 170 (это результат в рывке.-Ю. В.), подумал и сказал: "Власов йес, о'кэй! Жаботинский?.. Гм, гм..." И отдал мне бумажку. Тогда я нашел переводчика и задал вопрос: "Будет ли Шемански участвовать на Олимпиаде в Токио?" Боб Хоффман ответил: "Норберт и Гэри наберут форму, если все будет в порядке. О'кэй, они получат медали". Переводчик добавил: "Он не сказал - какие". Не готовит ли старая американская лиса новое "чудо" для будущей Олимпиады?.."

Не готовил. Возраст исключал необходимый рост Шемански, он не поспевал за результатами, хотя и прибавлял в собственном весе. Губнер оказался неприспособленным к "железной игре". Нужен талант силы. Внушительные мышцы, молодость и желание еще ничего не значат.

Бытует ошибочное представление о самых сильных: ладони-лопаты, саженные плечи, толстенное чрево, шея бревном и не поступь, а сотрясение почвы. Громада туши выдается за силу. Умение поглощать непомерное количество пищи и водки тоже сходит за силу. И это устойчивый, живучий предрассудок. А ведь все эти люди, поставленные в тренировки, все без исключения, оказывались беспомощными, в лучшем случае выполняли норму "мастера".

Все это не может иметь ничего общего с настоящей большой силой. Ее прежде всего определяют качество мышечной ткани, нервная система, способность организма усваивать физические и нервные нагрузки, и конечно же воля.

Кроме того, на мой взгляд, "умная" сила всегда имеет преимущество перед животной силой. Тут уже почти все определяется свойствами нервной системы.

Это не имеет прямого отношения к Губнеру, но его внешность (действительно атлетическая, могучая) оказывала определенное воздействие на людей, даже искушенных в силе.

Сколько их прочило ему самые великие победы!

Глава 210.

Вот выдержки из моего дневника:

"...Понедельник, шестнадцатое марта. В субботу сознательно пошел на серию тяжелых тренировок. Без них не будет заданного роста силы. Следует выдерживать их до пятнадцатого апреля. Объем работы в субботу - 12 тонн, интенсивность - 185 кг. С тренировкой справился просто, оставался запас. Но, очевидно, относительно высокая интенсивность подействовала возбуждающе. Дома не мог сидеть от возбуждения. И не ночь - тревожное забытье. Проснулся под утро - и жадно глотал воду. И не позвоночник - огненная боль.

Сдавал рассказы К., он редактирует мою книгу, известный детский

писатель. Я рассказывал о тренировках, он недоверчиво улыбался. Конечно, я выдумщик, я все преувеличиваю!..

Надо снова садиться и писать и еще поправлять рассказы из сборника, а сил нет. Когда же кончится эта жизнь в насилиях над собой?..

И опять ночь. Глаз не сомкнул. Противная это штука: лежишь с открытыми глазами в темноте - и какие только глупости не лезут в голову. И жар морил безбожно...

Но этот год олимпийский и мой последний год в спорте - надо выбрать силу...

Девятнадцатое марта. Вчера не поехал на тренировку: крепко температурил, хотя тренируюсь и с температурой, болезнь тянется четвертую неделю. И опять ночь без сна. Лежал и вспоминал последние годы. Ничего, кроме изнурительных тренировок и работы за письменным столом. Попытка заснуть. Задремал раз, другой - и уж потом совсем не заснул. Лежал и слушал ветер. Второй день отчаянно дует ветер.

Останутся ли силы писать после такого спорта?.. Включил свет и читал... Только ни о чем не думать. Около пяти утра заснул. На тренировку не поехал, но писал много. С двадцатого марта буду тренироваться без пропусков. Переведу болезнь в работу..."

Глава 211.

21 марта в спортивном зале "Крылья Советов" открылись ежегодные соревнования на Приз Москвы. Газеты посетовали, что я не выступаю. Я действительно прихварывал. Однако и делать мне на соревнованиях было нечего. Я пребывал в разборе, то есть целиком во вспомогательных упражнениях, и решил в олимпийский сезон не нарушать очередность нагрузок.

Во вторник 24 марта лицевую страницу "Советского спорта" заняли строки: "Олимпийский размах. Богатырские рекорды: рывок- 168,5 кг, толчок-213 кг, сумма троеборья - 560 кг (180+167,5+212,5)". И фотография Жаботинского.

Результат в сумме троеборья не смутил. Я имел здесь в запасе не один десяток килограммов. Опасаться молодости Жаботинского тоже не приходилось. Я старше всего на три года. Правда, изношенность у нас

разная...

Меня встревожил толчок Жаботинского. Это было по-настоящему внезапное явление.

На какое-то мгновение я лишился титула "самый сильный в мире". Спустя несколько месяцев я все вернул на круги своя: сначала - на чемпионате Европы, позже - на выступлении в Подольске.

На тренировках всегда достает зевак. Теперь я выставлял их. Это были не атлеты и не специалисты. Истинные атлеты и знатоки ведут себя иначе. Страсти нагнетались с каждым днем. Черные страсти, от травли...

Нездоровым, гнилым был этот интерес к тренировкам.

А лихорадка гнездилась во мне: ни дня покоя.

Вот, к примеру, дневниковая запись 4 апреля:

"Все бы ничего, да почти второй месяц какая-то непонятная и злокозненная лихорадка. С утра температура, и я как в огне. Голова чугунная. И мерзну, мерзну! К полудню чувствую себя неплохо, а вечером - озноб. Измучен вконец.

С лихорадкой тренироваться и вовсе несладко. В каком-то двойном огне - и от тренировки, и от болезни. После тренировки ноги дрожат, от слабости готов свалиться. Со мной такое впервые. Правда, нечто похожее все же было в Париже, на выступлении весной 1962 года.

С литературой не ладится. Работаю из последних сил. И даже спад в нагрузках, за которыми отдых, не радует. Заезжен экспериментальными тренировками и литературными нагрузками (по пять-шесть часов за рукописями).

Вчера пять часов кряду записывался на радио. Вымотался, но интересно. Вдруг увидел, что мой готовый рассказ очень слаб. А мне-то казалось!.. Ехал после записи по вечерней Москве. Прохожих мало, хотя на улице и не так сыро. Сегодня первый такой день после ненастий - бледная голубизна, словно выстиранное небо..."

Глава 212.

Есть привычка к труду, а есть потребность и, что выше всего, призвание. Есть страсть создавать новое, назначенность к этому новому.

"В семьдесят восемь лет, простонав всю ночь, Ренуар заставлял нести себя в мастерскую..." Скрученные ревматизмом пальцы не держали кисть. Ее привязали к руке. Ренуар писал, подпирая правую руку левой. И так много лет. (Из воспоминаний А. Воллара.)

Призвание - уже своего рода долг. Поступить иначе ты не можешь. Но тот, кто хочет добиться успеха и чувствует себя способным, должен отказаться от подражания. Да, усвоить все прошлое и пойти своей дорогой.

Мир стремится к совершенству. Это в природе материи. Лишь наиболее совершенное и есть наиболее жизненно стойкое. Совершенство в искусстве, науке и любой деятельности человека - проявление этого всеобщего закона. Совершенство - это потребность, это внутренняя необходимость развития. Совершенство - это всеобъемлющий закон природы и человеческого общества...

Уйди так глубоко в себя мечтой упорной,

Чтоб настоящее развеялось, как пыль!..

И тогда, и особенно теперь не покидает мысль: а если бы отдаться тренировкам без остатка - весь спорту! Что за результат можно было бы добыть! Понятно, любой результат обречен на заурядность времени. И все же...

И все же сколько бы я ни тренировался, измождения не ведал. Я уставал до немоты мышц, до обезвоживания организма, но после короткой паузы снова оживал и был готов к работе. И я работал. Даже кожа на руках не всегда выдерживала, лопалась обувь, сгорали рубашки, а я все еще был могуч силой...

Благословенна работа.

Сочна и правильна жизнь, осмысленная через работу. Крепка здоровыми чувствами. Все мгновения полновесны. Ни единого дыхания вхолостую. И вся земная твердь особенно близка и понятна...

На мой взгляд, атлет значителен не победами. Новое, что несет с собой атлет, и превращает его в настоящего чемпиона - чемпиона среди чемпионов, в имя среди тысяч медальных имен - в этом значение такого человека.

Борис Кузнецов в книге об Альберте Эйнштейне писал: "Гений не тот, кто много знает, ибо это относительная характеристика. Гений много прибавляет к тому, что знали до него... Эпигоны гения знают, как правило, больше него, но они не прибавили ничего или почти ничего к тому, что люди знали раньше, их деятельность характеризуется, может быть, большим объемом познанного, но нулевой или близкой к нулю производной по времени..."

Своим существом большой спорт не составляет исключения. Он тоже - от жизни общества. И при всей внешней далекости от науки подчинен тем же законам. Ее категории приложимы и к его смыслу. Все в развитии человечества переплетено в единый клубок общего.

Тяжело и жалко смотреть на людей, которых страх смерти вынуждает жить с опущенной головой и в вечном бережении каждого шага.

Да пусть она провалится, смерть, чтобы она, пока бьется сердце, диктовала поведение! Пусть подождет в передней, а еще лучше - на дворе, под дождем и в слякоть. Никто, пока я жив, не станет хозяином моих страстей и желаний. Никто и никогда не затенит мне солнце.

Смерть есть, но это не значит, что ты у нее в холуях.

Пока я жив - буду искать радость и улыбку себе и людям.

Я склоню голову только перед радостью - "радостью, имеющую тысячи лиц..."

Слово "подвиг" - производное от слова "движение". Подвиг - это значит что-то продвинуть, вырвать из заурядного, познанного. А это всегда - новое.

Друг мой, храни героя в своей душе!

Глава 213.

Я без удержу пробовал сверхнагрузки - больше, больше!..

Богдасаров пытался образумить меня, уговаривал: "Не нужны потрясения, опасны эти сверхнагрузки и пробы. Довольно! Твоей силы хватит на добрый десяток лет вперед. Верь: я тебе не принесу вреда, ты мне как сын..."

"Ты мне как сын..."

А я видел только "железо" и будущую силу.

Это уже было не честолюбие, а какое-то опьянение: любой ценой грести силу, повелевать силой, доказывать знание силы.

Нет, это было даже не опьянение, а какая-то наркомания, когда наркотиком стала сила.

Я мог тренироваться сутками все годы - и мне было мало. В мышцах постоянно зрела жизнь. Неукротимость этой жизни, ее широта, ее безмерность лишали меня чувства реальности...

Я честолюбив, и даже очень, но мое честолюбие лишь в особых случаях способно ранить или давить другие жизни - в этом я убедился. Оно целиком сосредоточено на мне. Я себя не щажу, я себя превратил в средство достижения всех своих устремлений. За все плачу я - только я. Это чувство делает меня беспощадным - я уже ни во что не ставлю себя. Исполнить назначение - прочее не имеет смысла.

Запись из дневника 16 апреля 1963 года:

"Это не тренировка - мучение. Я люблю тренироваться и тренируюсь с радостью, но эти тренировки - мучение.

Эти тренировки из тех, которые должны пробивать дорогу, вытаскивать организм вверх по восходящей линии физических возможностей.

Для этого надо столько поднять и такие большие веса, чтобы все в тебе было выработано, запасы были на нуле. Лишь тогда восстановительные процессы наиболее эффективны и лишь тогда происходит расширение твоих физических возможностей, а с ними захват новых весов во всех упражнениях.

Именно такой была тренировка и сегодня.

Я ехал домой с одним желанием - пить.

И пил все подряд: молоко, компот, а когда все кончилось - кефир и воду. Я раздулся от жидкости, а пить хотелось по-прежнему, то есть я горел от жажды. И я в самом деле горел. Я лежал весь остаток вечера, но это не доставляло ни облегчения, ни удовольствия. Эта необычная работа перешла в сильное возбуждение. Хотелось резких движений. И раздражали какие-то

незначительные мелочи, музыка, шум за окном. Этот шум за окном и в нормальном состоянии не дает спать-дни и ночи по шоссе грохочут самосвалы, ревут дизели. Окно на эту сторону я заделал книжными полками, получилась не комната, а нора. Но от шума все равно не удастся избавиться. А после таких тренировок он не вмоготу. Я затыкаю уши ватой, накрываю голову подушкой - и все равно не могу заснуть. А уж воздух... одна гарь...

До трех часов пополуночи не мог заснуть: цедил воду и лежал с открытыми глазами. А после - сон, но бредовый, с кошмарами.

Эта не та привычная усталость, когда радость от покоя,- я весь горел. Да, этот спорт смахивает на войну - войну на грани нервного и физического истощения.

И этот бесконечный поток людей, писем, звонков, требований выступить, приветствовать...

Как изменился Н.! Я не узнал его, а ведь какой был интересный и вдохновенный человек. Такие встречи укрепляют в убеждении не поддаваться жизни - нажиму обстоятельств, мнений, суждений, усталости... Я за людей, которые не звереют и не опускаются, а главное, не предают себя...

Что я делаю, зачем?

Какое назначение исполняю?..

Я веду события или они меня?.."

Глава 214.

В приближении Игр сматывался моток страстей. Каждый вплетал свою нить в надежде, что она окажется самой крепкой.

МОК опубликовал решение о выступлении спортсменов ФРГ и ГДР общей командой. Правда, с оговоркой, что сие - в последний раз. Потом газеты обратили внимание на секретаря Международной федерации Стейта - он превышал полномочия. Его обвинили в политиканстве и недопустимом использовании международной спортивной должности в личных целях. Первое, что сделал Стейт, вступив в должность после выборов на Играх 1960 года,- заказал новую печать ФИКХ. По штемпелю надпись: "Оскар Стейт, генеральный секретарь..."

Что ж, это не так страшно, всего лишь маленькая дань тщеславию...

Словами философа: "У них есть свое маленькое удовольствие для дня и свое маленькое удовольствие для ночи: но здоровье - выше всего..."

4 апреля, в субботу, в Лос-Анджелесе двадцатитрехлетний Лонг послал ядро на 20 м 10 см... Новости нарасхват!

В те же дни я и заболел той самой "неврогенной" лихорадкой. Как выяснилось уже много позже Олимпийских игр, это был сухой плеврит. Штука, надо признаться, неприятная.

Что хуже всего, подлее всего, болезнь могли принять за трусость. Во всяком случае, за страховку от возможных поражений, уклонений от встреч с Жаботинским: мол, прячусь за болезнь.

Новости не вмещались в газетные полосы. И все - от напора на результаты, от надежды, что твоя нить силы из самых крепких! Никто не хотел упускать своего счастья.

А тут хилость в болезни. Поначалу я надеялся: вот-вот распрямлюсь, остынет лихорадка. Не понимал и не знал, что болезнь питалась выжимками от долгих лет усталости и с ней тащиться до августа. Я вынужден был навешивать на себя новые усталости: последний сезон, и к тому же поставлен работать за сборную на чемпионате Европы в июне. Каждая тренировка на счету. Ни с одной нельзя сбиться. Сила именно складывается из непрерывностей ритма в нагрузках.

Глава 215.

Я в Париже. Опять в Париже. Должен выступать на соревнованиях в честь пятидесятилетия Французской федерации тяжелой атлетики. Снова публике обещаны рекорды. Слава богу, в этот раз со мной тренер. И потом мы не одни: я в составе группы атлетов.

А лихорадка верна себе - тоже со мной.

За три недели до поездки в Париж я прямо с тренировки угодил в больницу. С почечными болями отмаялся несколько часов. За эти несколько часов, казалось, навсегда потерял силу. Я был настолько слаб, что несколько дней с трудом передвигался. И еще потом несколько месяцев нес в себе довольно

ощутимые боли. Тут же, на окне в спортивном зале, стояли цистенал и другие почечные лекарства.

В тот год лето основательно запаздывало. Слишком много тени от туч. Земля томилась по теплу.

Опять я в "Маленькой таверне" Жана Дама. Вспоминаем Ригуло. У Дама беспокойные руки. Все время что-то ищут.

- Шарль? - Дам вминает пальцами свои щеки. Они у него висловатые, в склеротических прожилках.- Талант! Если бы все было, как я хотел, как должно было бы быть! Загубленный талант!

Я снова дарю Даму массивный янтарный мундштук. Он вскакивает, почти бежит по ресторанчику, показывая друзьям. Уж и не такая радость, но в этом весь Дам - бурный от чувства. Назавтра он появится на соревнованиях без своей толстой трубки. Помашет мундштуком с сигаретой: "Видите, ваш! На счастье! Успеха вам!.."

Первое выступление завтра, 30 мая.

Глава 216.

А уже в восемь утра начались будни перед соревнованиями. Напряженное вслушивание в себя: как мышцы, неторопливый перебор будущих усилий, размеренная ходьба возле гостиницы, после - лежание на кровати и опять ходьба...

Успех...

Какой успех? Слабость от лихорадки была в каждом движении. И при всем том я отлично брал на грудь 213,5 кг- мировой рекорд, но оказывался беспомощным в посыле с груди: разжижила слабость.

Мы выступали в цирке "Медрано" - ни одного свободного места, публика даже в проходах.

По логике тренировок я не должен был ехать: болен, не готов, и в тренировках путаница, из-за поездки путаница. Но я знал: моему спорту конец. Скоро я и спорт разойдется. А без почета от спорта мне не видать Парижа. И я смалодушничал... Купил поездку званием "атлета". А что тут заторного? Платил силой, своей...

Радостно и грустно я встретился с Красовским: все от того же чувства - не увидимся, конец игре. Это покажется выдуманным для красоты, но это было так: в канун соревнований я получил от Красовского томик И. Бунина "Темные аллеи", тогда эти рассказы еще не печатались у нас.

Я забыл о режиме, о лихорадке, о выступлении. Я ласкал руками страницы. В каком-то бреду, упоении, восторге юности, которая давно минула, я читал и читал. Я заставил себя отложить книгу и заснуть, когда занималось утро; крыши одна за другой выступали из мрака...

Обязательно нужно было спать, меня ждал поединок с "железом" - предельное напряжение мышц и нервов, а я не мог отделаться от волшебства строк. Это было одно из самых могучих литературных впечатлений моей жизни, и по сию пору отношу этот сборник к вершинам русской литературы.

Я задремывал, и вся Россия входила в меня одной огромной любовью-страстью...

Я не завидовал ни одной строчке, это огромное счастье - видеть и знать их...

"...И вдруг, выехав за деревню и погрузившись уже в полный мрак, перевел лошадь на шаг, взял вожжи в левую руку и сжал правой ее плечи в осыпанной холодным мокрым бисером жакетке, бормоча и смеясь:

- Таня, Танечка...

И она вся рванулась к нему, прижалась к его щеке шелковым платком, нежным пылающим лицом, полными горячих слез ресницами. Он нашел ее мокрые от радостных слез губы и, остановив лошадь, долго не мог оторваться от них... Все сразу поняв, она тотчас соскочила к нему и, с быстрой заботливостью подняв весь свой заветный наряд, новое платье и юбку, ощупью легла на чуйку, навеки отдавая ему не только все свое тело, теперь уже полную собственность его, но и всю свою душу".

Мне помогла выстоять страсть к женщине. Это чувство не оставляло меня в покое, оно все время переворачивало меня, делало могучим и неутомимым, а главное - не позволяло пасть, отступить, унизиться, признать себя побежденным.

Это было одно нестихающее, мощное чувство.

И эта страсть, это одно огромное соединенное чувство давали мне силы

жить тогда, когда, казалось, жить невозможно,- обложен болью и мукой преодоления.

Это великое, огненное чувство. В нем созидательность всех свершений.

Я благодарен судьбе, что она с избытком наградила меня чувством и способностью любить женщину.

Только поэтому я прошел свой путь, выстоял в поединках и ни на мгновение не терял веру в жизнь.

У меня на подозрении поклонение, особенно стадное. Испытываю к нему отвращение. В нем и самоунижение, и традиционное тяготение к холопству, и умственная, скорее даже нравственная незрелость. В работе над своим романом "Женевский счет" я наткнулся на предостережение одного из высших полицейских чинов старой России П. И. Дурново, оно запало в память: "Не верьте коленопреклоненным мерзавцам!"

Здесь - ничего от презрения к людям, лишь трезвая оценка подлости и нравственно-идейная неустойчивость подобного поведения. Это не просто отдельные люди, это целая среда, очень заметная в народе. Иногда такой истерией заражается и весь народ.

Именно этим возмущались великий Руссо, наш Шаляпин (помните знаменитую сцену с возвращением фотографии Плехановым - не совсем то, но очень близкое по духу, стадно-близкое), везде это просвечивает и у Пушкина.

В природе этой среды политическая и нравственная неустойчивость, поразительная готовность к переменам оценок, шараханье из крайности в крайность,- словом, предательство и низость.

"Не верьте коленопреклоненным мерзавцам!"

Глава 217.

"Мы приехали в цирк и долгие часы ожидали в душной и грязной раздевалке для артистов - настоящий каменный мешок без окон и всякой вентиляции,- писал в своей газете Красовский.- Колоссальный Власов - его вес свыше 130 кг-сидел на деревянном стульчике, понутив голову. Я расположился рядом и старался чем только мог развлечь его. Дышать было нечем, с нас обоих лился пот. Каково же сильнейшему русскому атлету,

который приехал в Париж опробовать мировые рекорды?! Около полуночи мы спустились по боковой лестнице в вестибюль, где уже разминались атлеты тяжелого веса перед выходом на помост. Цирк полон, публика пришла посмотреть на Власова. Особенно много нас, старых русских..."

После соревнований я получил специальный приз от Джозефа Уэйдера: атлету тяжелого веса с лучшим гармоничным сложением. Я был рад словам, что "среди сотен атлетов тяжелого веса, которых знали помосты мировых чемпионатов, лишь Дэвис и Власов могут по праву обладать подобным призом".

Для меня этот приз был своего рода отличием в большой принципиальной борьбе, доказательством возможности побеждать без наедания веса и прочих искусственных приемов.

За заботами опять не увидел Париж. Краем глаза глянул, когда ехал на прием в редакцию спортивной газеты "Экип", потом - "Юманите". А как хотелось влиться в его улицы!

И еще я мечтал вернуться в Рим. Побродить, вспомнить - не выступать, конечно, не жрать часы-угли перед соревнованиями... И еще было много городов, которые обещали сказки нового. Я знал: мне их уже не видать. Спорт на исходе...

Я очень люблю Восток. Это, конечно, от той же любви отца. Сколько же маршрутов я складывал в памяти! Города, горные перевалы, чудеса неожиданных встреч, ослепление вдруг возникающим новым - задыхаешься этим внезапным счастьем...

Я мечтал о дорогах, над которыми только пролетают самолеты (если пролетают), о тишине, в которой слова отчетливы, их беззвучно отдает тишина, их смысл священен. Это удивительное свойство заурядных слов - вдруг освящены смыслом, вдруг в блеске первой красоты. Тишина знает самые точные пути к красоте.

Я бредил всеми новыми странствиями. С ними - праздники перемен, погружение в жизнь, отпадение фальши жизни...

Я заплатил за право увидеть Париж попытками свалить мировой рекорд. И хотя наша группа потом вылетела в Лилль, на повторное выступление, у меня не осталось сил. Это весьма огорчило французских организаторов турне. Но я оказался в полной разложенности после атак на рекорд.

"В конце девятнадцатого века профессиональные борцы и цирковые атлеты сыграли основную роль в развитии русского атлетического спорта. Под их влиянием в ряде городов возникли атлетические общества и кружки, в которых зачастую воспитывались профессионалы..."

Речь очевидца о чемпионатах былых времен притягательна. Я слушаю Красовского внимательно, однако не забываю отмечать ход лихорадки. Все в соответствии с присловьем: "Кто о чем, а вшивый - о бане". Так и я, хочу или не хочу, а сворачиваю в мыслях и чувствах на лихорадку: все время стучится в сознание, все время напоминает о себе. Жар невелик, но я постоянно мокроват, испарина и обжигает, и холодит. И еще эта разжиженность. Я, привыкший к постоянной собранности, чуткости каждого мышечного волокна, ощущаю какую-то размытость, сонливость и возбуждение в одно и то же время. Хочется лечь - и все позабыть, лишиться памяти на все.

"В каждом провинциальном цирке был свой цирковой атлет с титулом "чемпион мира". Он жонглировал "двойниками" (двухпудовыми гирями), ворочал чугунные "бульдоги", гантели самой различной формы. На его груди раскалывали камни или ковали раскаленное железо.

Цирковой атлет, как правило, должен был быть и борцом. Он принимал вызовы любителей и боролся с ними на поясах. С начала двадцатого века, когда в России привилась французская (классическая) борьба, по большим и малым городам начали кочевать труппы профессиональных борцов. Борцы в те годы не блистали "техникой": пять-шесть приемов в стойке, столько же в партере. Борец, способный выполнять "мост", уже почитался за "техника" борьбы..."

Ни я, ни Красовский не пьем. Минеральная вода - вот и вся наша "заправка". Красовский за четыре десятка лет так и не поддался темпераменту французской речи: на слово спокоен, в красивых губах усмешка. Он в пиджаке из толстой шерсти, галстук тускловатой расцветки. Шея не стариковская, без складок и жилистости. Мы в моем номере гостиницы "Португалия". Она по соседству с Лувром. А мой крошечный номер весь красный. Стены из красного пластика, мебель обита красным плюшем. Номер настолько тесный, что при закрытой форточке через четверть часа начинаешь ловить ртом воздух...

Я отвлекаюсь на мысли о лихорадке, будущих тренировках, Париже - виденное скачет в глазах, но речь Красовского память впитывает надежно.

Из русских профессиональных борцов первого поколения Александр Григорьевич отмечает Георга Луриха, бывшего волжского крючника Ивана Заикина, Петра Янковского, Замукова, Моор-Знаменского, Ступина, Лукина, Снежкина, Ивана Поддубного и Петра Крылова. Лурих потом был хозяином чемпионатов, в которых сам и выступал. И как хозяин распределял роли, где и кому проиграть ("лечь") или тушировать на такой-то минуте.

Впоследствии таким же хозяином (в доле с Лурихом) стал и знаменитый борец Аберг...

Александр Григорьевич любит повторять девиз русского дореволюционного журнала "Сила и здоровье": "Двигайтесь и тренируйтесь, ибо в движении - жизнь, в застое - смерть!" И при этом спрашивает: "Правда, мне не дашь мои годы? А ведь пережито!" И выпячивает и без того крупную выгнутую по-гвардейски грудь.

И обо всем забывает Александр Григорьевич, когда заводит речь о Петре Федотовиче Крылове. Петр Крылов родился в семье московских интеллигентов за двадцать девять лет до конца девятнадцатого века. Учился в гимназии, но не успевал в латинском и греческом. Родители перевели его в реальное училище. Там он не поладил с математикой. Родители отдали его в мореходные классы.

В плаваниях Крылов развлекался силовым спортом. "Двойниками" набил себе мускулатуру. Особенно развиты у него были грудные мышцы, татуированные двуглавым императорским орлом. Там, на Дальнем Востоке, в каботажных плаваниях и обзавелся Крылов редкостной татуировкой. С каботажки Крылов был определен в штурманы дальнего плавания. В этом звании проплавал три года. На четвертый решил переменить профессию и вернулся в Москву, на хлеба профессионального атлета.

В 1895 году на масленице ярмарочный предприниматель Лихачев раскинул балаган на Девичьем поле. Он ангажировал в группу и начинающего атлета Петра Крылова. От Лихачева (где молодой атлет имел громкий успех) Крылов подался в передвижной цирк Камчатского, на Покровской слободе (ныне город Энгельс). Там ему приходилось выступать до двадцати раз в день, а в промежутках между представлениями стоять "на раусе" (помост перед балаганом) и зазывать публику.

Крылов рвал цепи, ломал подковы, поднимал гири, снимал с подставки и носил по арене живую лошадь, а также боролся на поясах с любым из охотников. Цирковым атлетом Петр Федотович проработал несколько лет, но, поняв значение быстро развивающейся профессиональной борьбы, досконально изучает приемы французской борьбы. Благодаря силе и

хорошей для своего времени "технике" Крылов занимает одно из первых мест среди профессиональных борцов России.

"...В 1907 году, когда я был гимназистом второго класса, в Чернигов прибыл чемпионат борьбы. Это взбудоражило весь город. Во главе двенадцати борцов - они боролись в цирке Труцци - был "чемпион мира" Петр Крылов, среди других - поляк Болеслав Дернау, чех Хербек, латыш Карл Микул (боролся под именем "баварец Штейнберг"), смуглый цыган из Елисаветграда Иван Кисса (его представляли как "чемпиона Африки и Алжира Жана Киссо"), уроженец Чернигова киевский студент М. Головач и колоссальных размеров студент нежинского лицея Соболев, впоследствии учитель истории в черниговской гимназии. Я часто смотрел борьбу, а встречаясь с борцами на улице, глазел на них с восхищением.

Однажды я осмелился подойти к Крылову и спросить, что нужно, дабы стать таким же сильным, как он?

Петр Федотович рассмеялся, ласково похлопал меня по плечу и сказал: "Если захочешь, то станешь атлетом, только надо соблюдать строгий образ жизни и много работать".

Мы подружились. Крылов рассказывал, как укреплять себя: "Бегай, прыгай, плавай, катайся на коньках, а когда исполнится 15 лет, займись гантелями".

Я послушался.

Летом 1912 года я приехал в Петербург. Там в саду "Эдем" шел чемпионат, организованный Дядей Ваней (И. В. Лебедев.-Ю. и.). Я отправился посмотреть.

В параде на сцену выходили лучшие борцы России: Николай Вахтуров, Иван Спуль, Григорий Колотин, Кос-та Майсурадзе, которого я уже видел в Чернигове, и "король гирь" Петр Крылов.

Я пошел за кулисы.

Крылов вспомнил меня. Обрадовался, трогал мои бицепсы и представил другим борцам как своего последователя.

А в это время на ковре шла борьба. Спуль победил какого-то немца, а Вахтуров возился около часу с "рабочим" Лобановым - тот боролся в штанах и грязной рубахе.

В последней паре вышел на ковер Петр Крылов. Он в темпе атаковал

Антон Кречета и на пятой минуте эффектным приемом припечатал к коврику.

Осенью 1915 года немцы прорвали фронт и повели наступление на Украину. Разразилась паника. Киевский университет эвакуировали в Саратов. Как студент, я последовал за ним.

В Саратове заканчивался чемпионат борьбы с хорошим составом: "чемпион мира" Клементий Буль, француз Шевалье де Ридер, индус Кахута, австриец Риссбахер, сибиряк Норкин и мой старый друг Петр Крылов, который сохранил прекрасную форму и был таким же жизнерадостным, как и прежде.

Победителем чемпионата вышел великолепный "техник" и скульптурный атлет Клементий Буль.

Второй приз разделили Норкин, который боролся под маской, и Крылов, победивший Риссбахера и Кахуту на моих глазах.

Из Саратова борцы уехали в Сибирь.

Много лет спустя во Франции я узнал, что один из славнейших русских атлетов-борцов Петр Крылов не дожил до глубокой старости... как и все сильные люди. Человек исключительной мощи и здоровья, он покинул сей мир на 57-м году жизни (в 1928 году)..."

Глава 219.

До первой мировой войны в России существовало правительственное учреждение - ведомство спорта. Ведомство возглавлял свиты его императорского величества генерал-майор В. Н. Воейков.

С началом войны обнаружилось крайне неудовлетворительное физическое состояние новобранцев. Правительство решило исправлять положение использованием спортивно-гимнастического движения. В декабре 1915 года оно приняло так называемую программу мобилизации спорта. Программой руководил все тот же дворцовый комендант, доверенный императора Николая Второго генерал-майор Воейков. Его возвели в должность Главнонаблюдающего за физическим развитием народонаселения Российской империи.

В марте 1917 года Воейков среди десятков других царских сановников, министров, крупных должностных лиц был заключен в Петропавловскую

крепость. На допросе Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства от 28 апреля 1917 года он показал: "Почти всю жизнь я много занимался спортом и особенно сблизился с государем тогда, когда организовал поездку русских спортсменов в Стокгольм, на международную Олимпиаду; затем я был организатором нового учреждения физического развития в России; затем я составил инструкцию по гимнастике, которая и теперь действует в войсках; по поводу этой работы я имел доклад у его величества..."

Из дальнейших показаний следует, что была создана Канцелярия Главнонаблюдающего за физическим развитием.

Надо признать, что не в пример другим Воейков, как, впрочем, и Спиридович, держался отнюдь не подобострастно перед следственной комиссией, сохраняя почтительную преданность арестованному императору (* Падение царского режима, т. 3, Госиздат, 1925. С. 59, 81).

К слову, секретарем этой Чрезвычайной комиссии был А. А. Блок. Это дало ему материал для книги.

В Трубецком бастионе Воейков занимал камеру номер 72 - самую дальнюю по коридору. В камере номер 70 сидела печально знаменитая Аннушка Вырубова - любимица императрицы Александры, главное лицо, через которое действовал Григорий Распутин. Правда, в те годы это была уже не кокетливая любимица царской семьи, а пожилая, грузная женщина с изувеченной ногой, отличавшаяся, как и все из окружения императорской четы, глубокой религиозностью. По соседству с ней - через камеру или две - сидел бывший военный министр и полный генерал В. А. Сухомлинов, к тому времени уже 69-летний старик. И тут же, в камере, ждал своей участи блестящий теоретик политического сыска, главный "сторож" царя жандармский генерал А. И. Спиридович. В каждой из этих семидесяти двух камер находилось лицо, громко известное в России. Не всем удалось скрыться после Октябрьской революции, но Вырубовой, Воейкову, Сухомлинову, Спиридовичу - удалось... В эмиграции они издали воспоминания, частью переизданные в Советском Союзе во вторую половину 20-х годов...

Итак, в исполнение программы мобилизации спорта в городах царской России были созданы военно-спортивные комитеты. Инициаторами первого из подобных комитетов явились крупные московские капиталисты: Фульд - покровитель Московской футбольной лиги, Шустов - член правления Сокольского (гимнастического) общества и др. В подчинение комитету вошли общества "Санитас", "Богатырь" и т. д. Примкнули к движению и ведущие теоретики и организаторы русского спорта - Анохин, Песков,

Пиперон, Чаплинский (вскоре погиб на фронте)... Однако к исходу 1916 года градоначальники стали отмечать в служебных донесениях еще более удручающее снижение физического состояния призывников, а также непопулярность программы мобилизации спорта. Крах программы объяснялся отчасти и спадом "патриотически-монархистских" настроений народа, характерных для первых месяцев войны. Так, в день обнародования высочайшего манифеста о вступлении России в войну площадь перед Зимним дворцом заполонила густая толпа, которая на коленях пела "Боже, царя храни...".

Анохин, Песков, Пиперон и другие пытались исправить дело заменой программы мобилизации спорта оригинальной русской системой физического воспитания, учитывающей национальные традиции и практические возможности. Однако надвигалась революция, монархия рушилась...

Кстати, через бывшую спортивную общность деятельно налаживали связи участники белого движения. Бывшие спортивные организации часто являлись центрами сплочения белых, как бы своего рода белыми клубами. Особенно деятельно выступали на стороне белых члены Сокольского общества. По традиции преподаватели гимнастики приглашались из Чехословакии и лишь отчасти из Германии. В пору мятежа Чехословацкого корпуса члены Сокольского общества дружно выступили против Советской власти.

Глава 220.

Уже по возвращении из Лилля Красовский подарил мне томик стихов Шполянского (Дон Аминадо). По титульному листу скоропись: "Мое искреннее желание, чтобы золотая медаль в Токио не ушла от русских. Молю провидение, чтобы вы, дорогой Юра, были снова героем Олимпиады, на этот раз в Токио. Не оставляйте спорт, не вернув себе официального звания - "самый сильный человек земного шара"".

С тем и расстались. Навсегда. Я исполнил завет русского атлета, наверное, тогда самого старого, не считая здравствующего в ту пору Гаккеншмидта. Я вернул рекорды. И спорт оставил в звании "самый сильный человек".

...Вечных запаха Парижа

Только два. Они все те же:

Запах жареных каштанов

И фиалок запах свежий.

Есть чем вспомнить в поздний вечер,

Когда мало жить осталось,

То, чем в жизни этой бренной

Сердце жадно надыхалось!..

Но один есть в мире запах

И одна есть в мире нега:

Это русский зимний полдень,

Это русский запах снега...

Дон Аминадо

Глава 221.

Лихорадка загнездилась во мне, уже вторая неделя июня, а после третьей - чемпионат Европы. Я прекратил литературную работу и уехал в Дубну. Там готовилась сборная. Я рассчитывал на чистый воздух, покой, сосредоточение энергии только на тренировках. Одновременно началось лечение, хотя название болезни никто не знал. Два месяца через вену прокачивали дезинфицирующие растворы. Кроме того, на меня обрушили лекарства и внутримышечные инъекции. Аппетит поддерживали искусственно, с помощью лекарств. Опять начали сильно болеть почки.

Противясь кризисам болезни, я шептал в те горячечные, пустынные ночи: "Я изменяю жизнь волей. Мне все удастся. Не дам распясть себя болезням..." Я повторял это десятки, сотни раз, наполняясь смыслом слов. Я верю во всевластность мысли.

Я знал лишь тренировки, лечение и прогулки. Раньше я отрицал досуг: слишком мало дней, остановки недопустимы. Теперь же я радовался ему: можно видеть жизнь, изменение времени, чувствовать себя в потоке жизни и видеть, все видеть... Видеть столько, сколько не дадут множества самых заманчивых поездок в другие города, встречи с тысячами людей...

Я чрезвычайно мучительно, до физических страданий, до отвращения к жизни, нежелания жить воспринимаю несправедливость.

Это постоянно держало (да и, пожалуй, держит) меня в нервной скованности, душевном горении, каком-то горячечном спазме невысказанных чувств и слов.

Временами мое положение становилось невыносимым. Я выступал на партийных собраниях в своем армейском клубе или совещаниях в ЦК ВЛКСМ против профессионализации спорта, за здоровый и доступный спорт для народа, всячески отстаивал право атлетической гимнастики на существование в нашей стране или хлестал высокопоставленных бездельников, всех поучающих и все закрывающих, защищал и своих товарищей, попавших в беду,- и мне мстили, давили беспощадно.

Немалое значение в моем уходе из спорта имело это давление аппаратного чиновничества. Всей мощью власти они гнули меня к земле, сами недостижимые и непробиваемые в своих святогосударственных оффисах. Каждый шаг надо было делать с величайшим трудом - и жизнь казалась мне порой невозможно грудной, просто убийственно трудной. Такой она и была по существу.

А ведь надо было клепать результат - соперники не ждали, болезни не давали спуска, как и прочие недруги. Каждый день надо было складывать силу в станках и на помосте и, настороженно озираясь, ждать нового пинка, нового удара, новой клеветы или угрозы.

Мне казалось, что я ломлюсь через какую-то непролазную чащобу...

Житейская мудрость. Один почтенный тренер многожды подавал мне совет. Совет этот весь, слово в слово, сохранился в моей памяти:

"Если кто-то очень хочет, чтобы ты его почесал там, где у него чешется,- сделай милость, что тебе стоит,- почеси... Зато жить будешь по-человечески..."

По-человечески...

И чешут, чтобы "по-человечески"...

Глава 222.

Чемпионат США выигрывает маэстро Шемански: в сумме троеборья 1160 фунтов (526,18 кг). Учитывая месяцы до Олимпийских игр - недурной результат, пока прочно третий. Но это не все. Хоффман много пишет об использовании Норбом суперпротеинов - специальных препаратов, способствующих быстрому увеличению мускульного веса. Хоффман связывает с этим надежды на успех. Надо знать, ведь протеины и т. п. - это его, Хоффмана, продукция!

Прибавление веса ничего не даст. Норб еще выиграет чемпионат США 1965 года с суммой 1155 фунтов (524 кг) и оставит спорт...

Я понимал: Норб не угрожает мне ни в одном из классических упражнений. Великая гонка безжалостно списала его...

Несмотря на внушительные результаты Жаботинско-го, я сознавал свое превосходство. В жиме мне нет равных, в жиме разрыв с соперниками чрезвычайно велик. Новый стиль выполнения рывка снова вывел меня вперед. Во всяком случае, даже здесь, в излюбленном упражнении Жаботинского, исключалось его преимущество. Я доказал это 26 января.

В толчковом упражнении я тоже бесспорно сильнее. Я уже десятки раз толкал 210 кг. Жаботинский - всего два раза. И, кроме того, я не пускал по-настоящему толчок в дело. Подавлю болезнь - и дам в этом упражнении полную нагрузку. Следовательно, и при самых лучших результатах соперника я выходил на первое место в сумме троеборья, причем с внушительным отрывом.

Это и определило характер тренировок. Главное - не нагрузки. Восстановить здоровье - с ним оживет сила, наработанная за эти годы. Обязательно оживет. Она во мне... Впервые я отказался от гонки за силой.

Прибавление собственного веса Жаботинским совершенно не сказалось на манере выполнения рывка: несмотря на тучность, он сохранял гибкость. В его рывке были изящество и красота. Конечно, за этим стояло десятилетие тренировки рывка данным стилем, но все же при таком громадном весе ничего не потерять в "технике"! Здесь проявлялась физическая талантливость.

Однако для больших результатов Жаботинский был жидковат, лишен той крепости, которую дает сила во вспомогательных упражнениях. Эта "прореха", как я уже писал, восполнялась искусственно-громадным собственным весом. А жаль, упор следовало переносить на овладение силой

во вспомогательных упражнениях - это раскрыло бы истинные возможности атлета. Но именно здесь и допустил Жаботинский основной просчет. А ему были суждены не такие победы и результаты...

Мой тренер оказался прав. Он считал порочным метод увеличения силы Жаботинским, главное в котором - прибавление собственного веса. Такой подход к увеличению силы лишал Жаботинского возможности вести полноценные тренировки. Сурен Петрович отрицал за ним в будущем большую силу. Спортивная судьба Жаботинского подтвердила его оценку. Он не достал даже 600 кг в сумме троеборья, на которые был готов уже я...

Редко я был таким плохим, как перед чемпионатом Европы: лихорадка, бессонница, черные мысли и какая-то затравленность. А может быть, и не "какая-то", а самая настоящая...

При всем том выступать надо. Без этого выступления нет дороги в Токио - таковы правила великой гонки. Без единой паузы на отдых, на лишний глоток воздуха... Но, как говорится, бог не выдаст, свинья не съест. Должен выступить, должен...

Какое издевательство - эти шаги, определенные нищенством физических возможностей, подлая зависимость от своей физической природы! Какую толщу жизни можно прожечь, не будь ограничений природы с ее одним-единственным, маленьким, задыхающимся от непрерывной работы сердцем!

Я не жалею о сердце. Оно служило куда как исправно, а уж я-то на нем катался! Как вообще уцелело! Могло бы тысячи раз отказать. И все равно мне мало его оборотов, его способности нести.

Меня угнетали убожество возможностей, черепаший шаг, черепаший доблесть - словом, спячка. Уж я бы погнал жизнь...

Глава 223.

"...Последние годы прошлого столетия были ознаменованы созданием любительских союзов и клубов в Вене, Париже, Петербурге, Мюнхене, Москве. За несколько месяцев до первых современных Олимпийских игр Роттердамский клуб тяжелоатлетов, организовал и успешно провел первый официальный чемпионат Европы. Невелико было количество конкурентов, программа конкурса составлялась произвольно: каждый участник демонстрировал силу в излюбленных им упражнениях.

Чемпионом Европы стал немец Ганс Бек. Он выжал двумя руками 130 кг, толкнул 135 кг и семидесятикилограммовый чугунный "бульдог" выжал двумя руками двадцать семь раз подряд.

Взвешивание участников и разделение атлетов на три весовые категории впервые было проведено на третьем первенстве Европы в 1902 году в Гааге. Появление разборных штанг с вращающимися грифами резко подняло потолок рекордов, но шаровые и насыпные штанги с непомерно толстыми грифами, огромные гантели и "бульдоги" мирно уживались с новыми снарядами на официальных соревнованиях вплоть до Олимпийских игр 1928 года.

До первой мировой войны гиревики Европы разыгрывали свой чемпионат шестнадцать раз, а в некоторые годы (1907, 1909, 1911) чемпионаты проводились дважды. Если учесть, что в этот период на территории Европы было проведено семнадцать первенств мира и два олимпийских турнира, то может показаться, что сильнейшие люди большую часть жизни проводили в дорогах с чемпионата на чемпионат. Первенства мира и Европы зачастую организовывались в одни и те же дни, в одной и той же стране. Инициаторами выступали различные клубы, редакции спортивных журналов, администрация международных выставок и ярмарок.

В 1912 году был проведен I Международный конгресс по тяжелой атлетике, официально учредивший Всемирный тяжелоатлетический союз...

Конгресс выработал программу соревнований - бокс, борьба, упражнения со штангой (пятиборье - рывок, толчок разноименными руками, жим, рывок и толчок двумя руками), перетягивание каната, толкание камня и тяжестей весом свыше 10 кг. Конгресс установил постоянное деление участников соревнований на пять весовых категорий, совершенно точно соответствующих современным полулегкому, легкому, полусреднему, среднему весам. Все, кто весил более 82,5 кг, объединялись в тяжелую весовую категорию.

Президентом союза был избран доктор Татич (Венгрия), а одним из членов исполнительного бюро - Л. А. Чаплинский, ставший в 1913 году председателем Всероссийского тяжелоатлетического союза.

Бюро сделало попытку выработать единые правила исполнения классических упражнений, то есть тех, что включены в программу соревнований, но дискуссии вокруг жима успеха не имели...

В общем, программа европейских первенств за шестидесятивосьмилетний период своей истории претерпела существенные изменения. С 1896 по 1905

год основными упражнениями на соревнованиях были жим и толчок двумя руками и выжимание на большое количество раз "бульдогов" по 70 и 80 кг (тоже двумя руками). С 1907 года все чаще стали появляться упражнения на одну руку - рывок и толчок. Рывок двумя долгими годами был под запретом. Шли споры: можно ли дожимать штангу и в каком положении - выше головы или подбородка? Лишь в 1924 году на первенстве Европы в Нейнкирхене рывок двумя руками впервые был включен в программу чемпионата. С Олимпийских игр 1928 года и по сегодняшний день все европейские первенства проводятся по программе троеборья. Только в 1933 году было сделано исключение из этого правила..." (* Из материалов М. Аптекаря.- Советский спорт, 1964, 25 июня).

Глава 224.

Несдержанность характера отравляла мне жизнь. Я слишком часто говорил и делал то, что чрезвычайно осложняет жизнь. Я так и не научился соразмерять правду с жизнью. А как это здорово - иметь дрессированную правду!..

Это всегда было мучительно сложно: жить - и сочинять себя, быть не таким, каков ты на самом деле. Когда тяготы жизни прижимали к самой земле, я твердил: "Не будь большой серой крысой!"

Я это говорил, потому что слабость склоняет к отступничеству, а отступничество всегда оплачивается сытостью и еще определенными преимуществами. Значительно позже я познал целительную и звенящую твердость, гордость, достоинство, мощь слов Бальдассаре Кастильоне:

"Правда и состоит в том, чтобы говорить то, что думаешь, даже если заблуждаешься..."

Это было сказано еще в эпоху Реформации - четыреста лет назад!

Именно так: упрись, стой на правде-и не будешь большой серой крысой, даже если жизнь станет уходить от тебя. Не прячься от правды, закаляйся правдой - и не будешь большой серой крысой...

Правда - единственная в жизни материя, с которой сила ничего не может поделать. Любое силовое отношение к правде может на время отодвинуть ту или иную кризисную ситуацию, но кризис непременно вернется, и в куда более суровом обличье.

Не верь, будто твоя правда тонет в миллионах голосов и ее не слышно и потому она бесполезна, бесплодна и никому не нужна. Не верь, что ты ничего не можешь изменить, а потому лучше, как говорится, не высываться. Все это - мудрость больших серых крыс.

Ложь сама по себе, наверное, не может существовать. Она нужна, чтобы прикрывать зло, превращать, перекрашивать зло в добро. Переступи через страх за себя - и ты убьешь в себе серую крысу.

У человека есть несколько вещей, ради которых он живет: любимая, дети, мать, отец и Родина. Мне кажется, к ним, этим понятиям высшей любви и добра, должна примыкать и Правда.

Глава 225.

25 июня 1964 года открылся чемпионат Европы в Москве - первый на нашей земле. Страсти расходились. Болельщики приехали бог весть откуда. Событие!

В спортивном Дворце ЦСКЛ соревновались атлеты тринадцати стран. Атлеты тяжелого веса выступали 28 июня в шесть часов вечера.

"...Вдумаемся, еще несколько лет назад рубеж "500" казался незыблемым, и его заокеанский первооткрыватель в расцвете сил спокойно покинул любительский помост, полагая, очевидно, что никелированные блины будут отныне вечным памятником славы Пауля Андерсона. Сегодня же на наших глазах разыгрывается не имеющий себе равных дружеский поединок на подлинно высшем уровне. Поединок на подступах к цифре "600",-да, да, мы не вправе сегодня скептически воспринимать эту непомерную величину. Совсем недавно Леонид Жаботин-ский бросил вызов Юрию Власову, показав 560 кг. Позавчера Власов ответил - вызов принят. Ответил достойно и весомо. Весом 562,5 кг...

Позавчера Власов волновался, и мы это видели. У него не пошел жим, и он чуть медленнее, чем обычно, натирал магниезией огромные ладони (кстати, ладони у меня совершенно некрупные.-Ю. В.), чуть чаще, чем всегда, потрагивал очки. Мы понимали, что ему нелегко, но тем ближе он всем нам, и тем убедительнее его победа. И недаром щедрый на аплодисменты московский зритель... был по отношению к Власову, своему давнему любимцу, вроде даже и строг. Настороженное молчание встречало его на помосте. Ни звуком, ни дыханием не хотели нарушить его глубокой сосредоточенности мастера и творца. Зато потом - шквал..." (Советский

спорт, 1964, 30 июня).

Ленту чемпиона накинул мне на плечо Кларенс Джонсон. Я в шестой раз стал чемпионом Европы.

Первые шесть мест чемпионата в личном зачете: Ю. Власов (СССР)-562,5 кг (190+165+207,5), К. Эчер (Венгрия) - 490 (170+140+180), С. Рединг (Бельгия)-452,5 (152+127+172,5), Ж. П. Фультье (Франция)-447,5 (142,5+140+165), К. Штемплингер (ГДР)-445 (155+125+165), У. Кверх (Австрия)- 445 кг (160+122,5+162,5).

Обозначилось укрепление нашей команды по самым ненадежным весовым категориям. Молодые атлеты выходили на мировые результаты.

Командные места распределились: СССР - 48 очков, Венгрия-29, Чехословакия-14, ГДР-13, Франция - 13, Румыния - 12.

Служащий государственной библиотеки в Брюсселе Рединг заявил после соревнований: "В прошлом году на чемпионате Европы в Стокгольме я был девятым. Теперь же в Москве поднялся сразу на третью ступень пьедестала почета рядом с вашим изумительным атлетом Власовым и венгерским спортсменом Эчером. Мой тренер Ви-тэнбол перед отъездом на соревнования сказал мне:

"Россия - страна сильных людей. Там, Серж, нельзя выступать плохо. Так что уважь меня, старика, постарайся показать все, на что ты способен". Я все время помнил об этих словах".

Глава 226.

Нет, жим был нормальный. Конечный результат почти соответствовал мировому рекорду. Просто я кое-что изменил в стиле. Это и дало сбой. Я совсем подогнал стойку под жим лежа - точнее под жим на наклонной доске. Так развернул грудь, будто я со штангой в этом станке. Это естественная мера - всю зиму больше, чем когда-либо, работал в жиме лежа. Тут мышцы необыкновенно развились. Рывком я был доволен - вихлявый, ненадежный, однако тоже под мировой рекорд.

В толчковом упражнении я отделался очень низким результатом - впервые выдохся. Откупился от усталости наименьшим из весов, который требовала рекордная сумма. Лихорадка выхолостила силу. Я выдохся. Ни рекорд, ни медаль чемпиона Европы не интересовали. Я свел результаты в рекордную

сумму на пределе возможностей. Лихорадка все усложнила и переиначила. Вся память о том чемпионате - безразличие, слабость и необходимость собрать заданный результат.

Волнение? Нет, я управлял собой надежно. Просто впуталась болезнь... То, что зрители и репортер принимали за волнение, являлось необходимостью дополнительного сосредоточения внимания и воли. Я работал в неестественном состоянии, изменилось и поведение. И еще этот рывок... он отказывал мне в надежности. Но, как говорится, нас долбят, а мы крепчаем.

Настороженность зрителей? Суть не в их требовательности. Прежде у меня не было соперников, а симпатии зрителя, за редким исключением, всегда на стороне того, кто поднимается. Не всем нравилось мое продвижение к рекорду. Правда, я и не давал обещаний нравиться всем.

Меня уже сбрасывали со счетов, и не только болельщики...

В такого рода делах все определяет результат. Пирамиду отношений вообще увенчивает результат, все вне ее - сантименты. Эту "мудрость" настойчиво подсовывала мне жизнь.

К спорту примешивались неприязнь, отравы соперничества, настороженность, грубость инстинктов. Я не любитель таких отношений и такой жизни, даже если они ради победы. Это угнетало.

Я вдруг поймал себя на ревности к газетному слову. Скверно. Для родного, кровного дела подобное не должно иметь значения. Я исподволь врос в роль кумира; мне же представлялось, будто я другой. Теперь я ощутил фальшь, она настоялась во мне.

Болельщики так досаждали, мне их любопытство было порой столь назойливым, что я вынужден был совсем отказаться от телефона и пять лет пользоваться телефоном-автоматом внизу, у магазина.

Случалось, компания болельщиков вставляла в приоткрытую дверь палку или ногу - и вступала в дискуссии.

Напряженным был быт - уже с утра отработал в зале и ночь отсидел за рукописью. Это был обычно вечер. Сил пойти в театр, кино, встретиться с кем-то, просто отправиться побродить не хватало. Отсиживался в кресле или на диване. Книги не читались, так, полудрема.

...Сколько же вокруг людей, побежденных жизнью! И как я ошибался,

считая, что жизнь - это всегда переход от неразумного к разумному! И что значит быть русским? Безропотно умирать? Быть на все согласным?..

Глава 227.

Лу Синь был совершенно лишен рисовки. Он не играл в красивые слова. Он был писателем. Кто ценит его, сразу узнает в строке из письма: "Я похож на корову: сам ем траву, а доят из меня молоко и кровь". Это из природы настоящего литературного труда, впрочем, не только литературного.

А слова Бернарда Шоу: "В литературе так: новичок стремится любой ценой овладеть литературным языком, а кто неопытнее - освободиться от этих пут".

Или фраза, оброненная Анатолем Франсом в беседе с Полем Гзеллем: "Но чистокровные писатели сами сохраняют для себя правила или, лучше сказать, у них нет правил... Поэтому они не могут писать хорошо по общепринятому мнению".

И далеко не шутовское замечание Дюма-сына о Флобере: "Это мастер, который вырубает целый лес, чтобы смастерить один шкаф".

Я стремился заполучить рецепты силы - и вырубал, валил свою силу. Целый лес этой силы...

Я начал уставать от соперничества.

Застыть в одних чувствах, гнать себя одними путями, тускнеть в одинаковостях чувств - я окончательно изживал себя в привязанности к "железу". И действительно, к чему выпренные слова, зачем высокие слова, если чистое, доброе глохнет? Пусть даже под усталостью. Зачем тогда все движение, любое движение, все усилия?..

Глава 228.

Недели перед испытанием в Токио на Олимпийских играх я обратил на восстановление здоровья. Нельзя, опасно быть таким, каким я был на чемпионате Европы. Я не изнурял себя тренировками, тем более прикидками.

От меня потребовали выступить на чемпионате СССР. Я отказался. К чему наложение усталости? Я и без того захлебываюсь усталостью, каждый день лихорадка ее замешивает наново. До Игр какие-то месяцы. Все тренировки проглядываются. А тут еще лихорадка, не заткнуть ее ничем...

Отказ выступать на чемпионате СССР породил подозрения в трусости и обложил попреками. Все это оказалось пустяком: уже закончив выступать (через три года), точнее, решив прекратить выступать, я услышал коллективный упрек за "спортивную трусость". И даже тренер тогда сник перед общим осуждением. Смолчал тогда, когда потребовали врача на предмет выявления моей годности для выступления на IV Спартакиаде народов СССР (1967), чтобы публично уличить в трусости. И это после всех беспощадных поединков, гордости побед! Награда за всю жизнь... Я слушал, и во мне рушился, догорая, целый мир. Профессионал, терпи, слушай и терпи: тебе же платят. Терпи, даже если льют помои. С мстительным удовольствием дождались своего часа - не чемпион я. Сколько же они ждали этого часа!.. Тоже встряска из незабываемых...

Всяк сверчок знай свой шесток.

Я очень скверно обучался знанию своего места, а уж сверчок из меня и вовсе получался никудышный. Не обучался я искусству трещать назначенные слова. И за это меня залепили ярлыками - с головы до пят залепили, даже дышать было трудно. И стал я пугалом.

Не сверчок - так пугало...

Когда я сбивался с ритма тренировок и лихорадка особенно трепала, я повторял: "Стать выше жалости к себе! Болезнь уступит, не может не уступить! Ты уже все вынес! Теперь только выстоять!"

Как по расписанию, маршировали повышения температуры, ознобы, ледяные потения, невозможность спать больше пяти часов...

Я был очень крепок, но развалил себя сверхтренировками и за это расплачивался. За все надо платить - печальнее истины я не знаю.

Совершенно за все...

Стать выше жалости к себе!

Друг мой, источник жизни и борьбы в тебе!

Разжигай его, твори жизнь вопреки всем доводам и приговорам! Не уступай себя ничьим мнениям - держи огонь жизни в себе ярким и радостным.

Глава 229.

Даже на заре современной тяжелой атлетики нагрузки вели к ускоренному нервному износу. Показательна статья Людвиг Чарлинского в журнале "Геркулес" (1913, № 16):

"У громадного большинства выдающихся гиревиков наблюдается повышенная нервность. Да оно и естественно: для работы с тяжестями мало одной "спящей" силы, которая была у Ильи Муромца до начала его героической карьеры. И тем не менее он "сиднем сидел" до тех пор, пока калики перехожие не вдунули в него "искры божией", иными словами, не дали ему той силы воли и нервного подъема, без которых немислимы подвиги.

Тот, у кого нет "природного дара" или кто не выработал в себе восприимчивой нервной системы, тот не будет выдающимся гиревиком, если даже природа наградила его и хорошим здоровьем, и хорошим костяком. Ошибочно думать, будто гиревой спорт развивает одну грубую силу и в качестве необходимой предпосылки требует наличности только этой силы. Гиревая атлетика более, чем всякий иной вид спорта, основывается на нервной силе и при разумных занятиях укрепляет нервную систему, а при безрассудных ее расстраивает.

Для достижения сколько-нибудь заметных результатов в области тяжелой атлетики требуется огромная сила воли и выдержка. И поэтому занятия тяжелой атлетикой в сильной степени укрепляют волю и приучают к самообладанию и к разумной трате наших природных сил. Вот в чем первичная и главнейшая заслуга тяжелой атлетики, а затем уже, конечно, и в том, что ни один вид спорта не развивает так быстро нашу мускульную силу и нашу фигуру, как та же гиревая атлетика".

Нечего и толковать, сколь серьезна эта нагрузка и сколь значительней будет в ближайшие десятилетия.

Штанга не прощает неоднозначности в мышлении. Если есть раздвоенность - даже ничтожная тень от подобной мысли, - штанга не пойдет, обязательно выбьется из движения. Рекорд подчиняется лишь всевластному желанию, цельности воли и, соответственно, строго однозначным командам мозга. Надо помнить, что любая мысль находит отражение в нашем физическом

строе. Отрицательная - не только взводит мышцы-антагонисты, но и угнетает жизненные процессы. И чем уверенней действие, тем меньше сопротивление "рекорда". Если при надлежащей подготовленности "рекорд" не уступает,- значит, ты не свободен от сомнений. Они спрятались в другие мысли, чувства, образы; они спрятались, ты не подозреваешь о них, а они в тебе! Вытрави их! Вытравляй их - и ты познаешь всемогущество! В этом все отличие победителей от побежденных. Только в этом.

И еще: что значит уродливо-большой собственный вес? Разве это главное? Главное - золотые медали!

Я убедился: из всех качеств человека жажда славы - наиболее неразборчивая и всеядная. Важен результат, то бишь победа. И она, эта победа, а стало быть, и слава уже искупают и покрывают все: и способы достижения победы, и самую личность героя. Даже поговорки есть. Скажем, такая, как "победителя не судят"...

Спортсмены с громадным собственным весом лишены возможности нормально тренироваться. Они просто не могут много и тщательно работать. Не выдерживает организм. Приходится выбирать: или огромный собственный вес, или могучие силовые тренировки. Недаром Эндерсон, когда сбрасывал его на 12-25 кг, не был способен даже близко подойти к своим рекордным результатам, более того, мог проиграть более слабым соперникам.

Надо видеть, как люди, силу которых во многом обеспечивает громадность личного веса, заботятся о нем. Тут ради аппетита и лишних килограммов пущено в ход все. И вечером, утром взвешивания: не дай бог потерять граммы этого веса! С такими вещами не шутят. И есть надо много, сколько влезает, и даже когда не влезает, уже некуда, а все равно надо пихать в себя. И еще надо поменьше двигаться и вообще не беспокоиться, и спать - как можно больше лежать и спать. Иначе и победу потеряешь, а с ней и славу с медалями.

Таким образом, культура тренировок приносится в жертву временному успеху и самому понятию того, ради чего возник спорт.

Торжествует низменный смысл.

Глава 230.

Словами старого атлета Яна Спарре, в Подольске мне удалось "сочинить те

еще рекорды". К прискорбию, самого Яна Юрьевича уже не было, а он почитал мою силу искренне; звал, умирая, к себе в больницу. Силе отдал жизнь, с силой, которую воплощал я тогда, хотел и проститься...

Вот она, та афиша:

"3 сентября 1964 года. Спортзал "Космос". Город Подольск, ул. В. Дубинина.

10-й традиционный чемпионат подольских атлетов, посвященный началу учебного года. Среди участников - абсолютный чемпион мира Юрий Власов. Последнее выступление перед Олимпиадой в Токио.

Судейская коллегия: судьи международной категории В. Симаков, К. Артемьев, П. Немчик, Д. Поляков. Главный судья соревнований - М. Аптекарь. Начало в 13.00".

4 сентября, в пятницу, на первой странице "Советского спорта":

"Феноменальное достижение Юрия Власова: жим - 196, рывок-170,5, толчок-215,5, сумма троеборья- 580".

И три мои фотографии.

На той же странице отчет об установлении рекордов: "Такого еще не бывало..."

"Обстановка торжественная, приподнятая и чуть тревожная, как всегда в преддверии больших событий. Получится ли?

Об этом думал и Юрий Власов... Он начал соревнование в жиме с веса, который всего лишь на 2,5 кг ниже рекорда мира. Мало кто в мире отважится начать с такого веса даже толчок... Власову редко удаются первые подходы. Так было и на сей раз. Атлет вел себя слишком скованно - вмахнул снаряд на грудь- и уронил.

Вот теперь самое главное. В этот решающий момент не "железо" его соперник, а он сам со своими сомнениями, со своей вполне понятной тревогой и надеждой.

Зал провожал его молчанием. Он ушел и почти сразу же вернулся из-за кулис, как будто что-то забыл на помосте и теперь вспомнил. Второй подход был безупречен. И третий - тоже. Штанга весила на 5 кг больше, даже на 6 - как оказалось при взвешивании...

Один рекорд есть, а ему нужно четыре. Вот его фраза:

"Я сегодня очень жаден". Он жадно берется за гриф... Легко и как-то задорно вырывает ее (штангу весом 160 кг.-Ю. В.), идет на 170 кг-второй мировой рекорд. Роняет, ничуть не огорчается, выходит снова, и снаряд наверху, но тянет могучие ручки вперед, казалось, почти падает... Однако Власов непостижимым жестом эквилибриста уравнивает штангу, встает на вытяжку... Рекорд Леонида Жаботинского... превышен на 2 кг.

Толчок. 205 кг. Великолепно! Рекордная сумма уже есть - 570 кг. Но Власову мало. Кто-то советует закончить соревнование. "Я так не могу",- говорит он.

210 кг. Есть! На штанге 215 кг... Не штанга подчинилась Власову, а он ее себе подчинил... Мировое достижение Л. Жаботинского превышено сразу на 2,5 кг".

Я утяжелил рекорды во всех трех классических упражнениях: жиме, рывке и толчке. В итоге навесил на мировой рекорд в сумме троеборья 17,5 кг!!

Но в четверг, 3 сентября, я имел возможность дотянуться и до шестисот килограммов, отнесись к выступлению иначе. Следовало прибавить в каждом упражнении еще 5 кг,- эти килограммы были потеряны в жиме, не по моей вине, а уже после мной придержаны и в рывке и в толчке намеренно.

В жиме я попросил установить 195 кг. Судьи ошиблись и установили 193. Я загубил попытку, а их всего по правилам три. Из них первая не удалась, вторую "запороли" судьи...

Мудрость силы - экономность движений с тяжестями.

Выступление запало в память свободой владения силой. Казалось, ей нет конца. В каждом из упражнений я заканчивал выступление рекордом - и всякий раз был далек от натуженностей последних усилий. Везде энергия владения штангой, запас силы. Я выложил четыре здоровенных рекорда и даже не устал. Добротная мускульная работа, слаженность работы. В каждом из упражнений - запас. То был порыв, вдохновение - пусть заранее определенное. Я уже научился складывать силу. И все же нервный и физический подъемы были необыкновенны.

Мой мир! Мой...

Наконец я переступил через все ошибки и слабости и вернул себя! Мы с тренером не сомневались: в Токио наброшу недостающие килограммы и "объезжу шестьсот", во всяком случае, выйду к ним вплотную.

Этот выход силы мы ждали, но она открылась в таком просторе и обилии на выступлении 3 сентября, что мы решили не выбирать ее до дна, приберечь к столкновению с соперниками. Пусть думают, что я уже не смогу ничего прибавить... если, конечно, еще надеются на победу...

Я же рассчитывал в Токио на успех Рима. Уйти из спорта с такой концовкой славно. Тренер тоже рассчитывал на успех Рима, но в надежде удержать меня в большой игре еще на несколько лет. И оба мы придерживали порыв, не довели до предельного выхода силу.

Не учли: подобная форма - редкость, особенно когда атлет на уклоне спортивной жизни. А я уже выступал десять лет. Из них восемь-с рекордами мира и страны. И еще. Рисково добывать рекорды в соревнованиях класса олимпийских. Слишком изнурителен каждый шаг. Так уже в подольском выступлении зашифровалась ошибка для будущего токийского поединка. Мы вели себя крайне непоследовательно. Говорили, что поведем борьбу лишь за олимпийскую медаль, не за результаты, а сами готовились свалить именно рекорды.

Последовательны же мы были лишь в одном: оглушить соперников новыми результатами. Оказаться вне досягаемости.

И конечно, выступление важно было с точки зрения утверждения веры в себя. Год складывался трудно. Результаты задерживались. Надлежало укрепить веру в свои силы.

Из-за небывало объемной работы в жимах изменилась даже стойка. Особенно сказалось влияние работы в станке. Помимо воли произошло перераспределение усилия в классическом жиме из-за чрезвычайного роста грудных мышц.

Как я уже писал, в то время я гонял в жиме на наклонной доске (45 градусов) 230-235 кг по три-четыре раза. Даже по нынешним меркам это более чем внушительный результат. В условно-приблизительном пересчете на жим лежа в горизонтальном положении это тянет на 270-280 кг. Для тех же лет это был просто сокрушительный результат.

Чрезвычайно окрепнувшие грудные мышцы сами приняли на себя основную часть работы. Классическим жимом я уже одолевал веса, как бы находясь в станке для жима на наклонной доске (этот станок, несколько облегченный, и

появине у меня дома; я лишь изменил наклон доски на 25 градусов- меньше работает позвоночник).

4 сентября парижская "Экип", напечатав мой портрет, рассказала о соревнованиях под заголовком: "Власов на пути к 600 кг!"

"Обновлены все рекорды в тяжелом весе. Юрий Власов?.. Поразительный человек. Могушество и воля.

Необыкновенная мускулатура Юрия Власова принесла новые документальные доказательства, в которых не меньше силы его воли. Власов не мастодонт, как подавляющее большинство его предшественников, это превосходный атлет".

"Экип" отмечает поразительный рост результатов с моим появлением в спорте. За какие-то годы почти преодолен путь от пятисот до шестисот килограммов.

Если и было во мне что поразительное, так это упорство. Быть так заезженным "железом" - и продолжать гонку, радоваться находкам. Ведь правильное решение тренировок - это радость... Вся эта моя "поразительность" проросла мозолями, обильно умащена горьким потом...

Все верно: если ты наковальня - терпи, молот - бей...

5 сентября "Советский спорт" возвращается к событиям в Подольске: "580-не предел!"

Мои ответы на некоторые из вопросов:

"- Что вы думаете о будущем тяжелой атлетики и ее рекордах?

- Я уже не раз говорил, что настоящие рекорды впереди, они только начинают "делаться", так как лишь недавно атлеты научились разумно добывать силу. Прежде у тренировок был малый коэффициент полезного действия. Теперь путь к рекордам сократился, так как многие научились не совершать лишнюю работу. Пусть людей не поражает непрерывный рост рекордов. Это есть процесс осмысленного развития физических и духовных сил атлетов. Естественный процесс.

- Что вы испытываете после установления новых рекордов?

- ...Самое главное для спортсмена - это та победа, за которой видишь новые перспективы. Я не испытывал ни свинцовой усталости, ни предельного

изнеможения, как иногда бывает. Я почувствовал, что по крайней мере у меня в каждом упражнении есть по 5 кг запаса...

- К чему вы будете стремиться в Токио?

- Думаю только об одном - о выигрыше золотой медали, а не о рекордах, о них - потом.

- Что вы хотите видеть на Олимпиаде?

- Я знаю цену победам и поражениям, хотя еще ни разу не проигрывал... Очень хочется, чтобы не прославлялась грубая сила, сила кулака... Чтобы обстановка вокруг больших рекордов и спортсменов была светлой и чистой. Духом Олимпиады, спорта должна быть добрая мысль и благородная сила..."

4 сентября парижская "Орор" сообщила о рекордах: "Власов у порога 600 кг". А "Франс-суар" на другой день сопроводила сообщение о рекордах типичным для газет заголовком: "За два часа Власов улучшил все рекорды мира!"

И Красовский отозвался в Париже: "Этот умопомрачительный рекорд является третьим этапом карьеры русского богатыря. Первым была Римская олимпиада, где он набрал 537,5 кг. Вторым - первенство СССР 1961 года в Днепропетровске. Там Власов установил рекорд, который поразил весь мир,- 550 кг. В Токио он может совершить новое чудо - быть первым человеком, который перейдет рубеж 600 кг. Это - рекорд, который еще недавно считался только недостижимой мечтой..."

На соревнования в Подольск приехал всего один фоторепортер. После он признался моему товарищу: "За два часа я заработал почти тысячу рублей, а ехать сначала не хотел, из Москвы тащиться в такую даль..."

Глава 231.

И даже в это время меня обязывали выступать на вечерах в различных организациях, собраниях, сборах молодежи... Уклониться было невозможно, хотя все это пережигало силу.

Такие выступления, в общем-то самые обычные, обходятся мне не одной, а несколькими бессонными или полубессонными ночами. В слове я прогораю до самых глубин своего "я".

Как правило, мне не удается словами сказанными выразить главные мысли, у меня это лучше получается на бумаге. Отсюда неполное проникновение мысли, даже непонимание. Лучшие формулировки с гравюрной четкостью рождаются после. И недоумение по поводу своего косноязычия, вязкости зала, в котором вязнут слова - очень важные слова...

Зато потом, в бессонные ночи, эти слова переплавлялись в лучшие главки, куски рассказов и повестей. Разбуженное, вызванное к борьбе сознание приводило к точным, сжатым и убедительным образам и доводам. Бессонницы не скрашивали, а насыщали упоительнейшие часы работы. Если бы тебя при этом хватало на всю ширь жизни...

Великая, исцеляющая сила слова!

Справедливость силы этого слова!

Сколько раз в боли, упадке духа и несчастьях я обращался к тебе - и ты не изменяло.

Я сбивал слова в формулы разума. Они прокладывали путь к сердцу-и стон сердца приглушался...

Великий поклон тебе, слово...

Слово... Горе, обиды переплавлялись не в злобу и мстительность строк, а в мерное, густое звучание воли или жесткость убедительных образов, схождения парадоксов и кажущихся несуразностей...

Слово-вождь...

Сколько раз оно переворачивало меня и делало бесчувственным к невздам.

Великий, мудрый поводырь - слово...

Усталость, навязчивость силы... и вся эта жизнь...

Хотелось содрать с себя шкуру - и сжечь ее, а после уйти в этот мир, но уже другим: без этой памяти (она все бережет и копит), не с тем лицом, не с теми словами...

Я звал этот миг. Он должен был наступить. Не вечно же мне быть при штанге и рекордах...

Как и многие люди, я мечтал о странствованиях - не в самолете и не по европейским столицам. Это не прельщало, хотя в молодости будило любопытство.

Суровая реальность вскоре убедила в совершеннейшей детскости подобных мечтаний - не видеть мне чужих земель, не сидеть у новых, незнакомых рек, не впитывать с жадностью чужую жизнь.

И еще я очень любил тишину... тишину природы, когда только шелест трав, несмелый плеск воды, бесшумный полет паутины.

Почему так устроено, почему всегда то, что любишь, достается в ничтожном размере от жизни, просто в удручающей скудности?..

Я когда-то мечтал пройти русскую землю пешком. Спать, где застанет ночь. Вставать с солнцем - и снова идти...

Глава 232.

Зимами на мои тренировки в клубе частенько заглядывал Александр Григорьевич Мазур - великий знаток классической борьбы и сам борец из знаменитых. Еще юношей, суворовцем, в Саратове, я ходил на Мазура и Коткаса - их имена были знакомы всем, и не только потому, что в Саратове проходил чемпионат страны по борьбе, Александра Григорьевича знали и ценили лучшие борцы старой и новой России. Всегда ровный, спокойный и до самых преклонных лет - могучий... Я помню тот вечер в клубе, на тренировке,- крохотный зальчик на один помост. Я недавно установил свои первые всесоюзные рекорды - самые первые - и цвел счастьем. Богдасаров предупредил: "Будет Мазур". И Александр Григорьевич пришел глянуть на меня. Сколько лет помню его, он всегда здоровается в одной манере: "Истинному богатырю земли русской" (он приветствует так всех атлетов). И тогда он тоже протянул широкую мягкую ладонь и забасил глуховато вот эти самые слова. Я задохнулся от счастья. Это говорит тот самый Мазур, в которого я был влюблен!..

А Всеволод Бобров! Имя его было, бесспорно, самым популярным. Великий из великих спортсменов. Ни Мария Исакова, ни Григорий Новак при всей своей необычной всесоюзной знаменитости не могли сравниться с ошеломляющей популярностью Всеволода Боброва во второй половине 40-х годов и во все 50-е.

В годы тренировок я встречался с ним едва ли не каждый день. В 1968 году я ушел из клуба, много лет не встречал Боброва и увиделся с ним только накануне его смерти. Он подошел ко мне и обнял, и мы так стояли довольно долго, удивляя прохожих: он и я, уже немолодые мужчины. Потом он меня расспрашивал: где, что делаю... Думал ли я, что его не станет через две недели... Многое нас связывало, но больше всего - жизни, которые мы прожили в спорте. Это был наш пароль. Он сразу открыл нас друг другу. Поклон тебе, великий Всеволод!

Глава 233.

Александр Григорьевич Мазур и растолковал мне истинный смысл того поединка между Збышко-Цыганевичем и Поддубным в лондонском "Павильон-театре", свидетелем которого 1 декабря 1907 года явился Гаккеншмидт. Об этом есть рассказ в главе о Гаккеншмидте.

- Честной борьбы между Збышко и Поддубным никогда не было,- объяснял Александр Григорьевич.- Оба пользовались исключительной известностью, и оба договорились заработать на этом. Однако быть побежденным никто не хотел - это и учли при заключении соглашения. Бороться вничью, собрать предельное количество публики - вот смысл тех встреч.

Чтобы не быть голословным, Александр Григорьевич принес и показал мне третий номер журнала "К спорту" за 1917 год, разъяснив тонкости схваток.

"Петроград положительно безумствовал (это 1906 год.-Ю. В.), имея к своим услугам два исключительных по составу чемпионата. В одном из них кумиром толпы был король польских борцов Станислав Збышко-Цыганевич, подобно метеору выдвинувшийся на одно из первых мест среди гладиаторов нашего времени. Изумительная сила, кошачья ловкость и знание борьбы уже успели создать Цыганевичу большой успех у публики и позволили называть его главным противником "самому" Поддубному.

А Поддубный в это время вне конкурса выступал в другом саду (не в саду, а в цирке Чинизелли.-Ю. В.). Говорить о том колоссальном успехе, которым пользовался этот чемпионат, излишне. Имя Поддубного каждым произносилось с каким-то особым торжественным выражением, с лихорадочным блеском глаз. Да и как же могло быть иначе? Ведь Поддубный, "наш Поддубный", был в полном смысле грозой всех чемпионов и слава о нем как непобежденном, исключительном борце гремела по всей Европе. А Европа в то время и жила борьбой. Недаром муниципалитет Парижа поднес Поддубному чемпионскую ленту своего

имени, которую и теперь рыжеусый казак считает своей высшей наградой...

Так вот, в одном саду Збышко (он боролся в саду "Неметти". - Ю. В.), в другом - Поддубный. И публика, как бешеная, металась от одного к другому, каждый вечер заполняя сады. "Знатоки" с пеною у рта спорили о классе этих двух чемпионов, пытались сравнивать их силы, технику выполнения приемов и т. д. Вокруг "знатоков" собирались огромные кучи "приверженцев" и горячие, слишком даже горячие разговоры туманили их головы и влекли, влекли к борьбе.

Никто не знал друг друга, но все здесь были знакомы. И ежевечерние эти "знакомые", точно по делу, спешили в сады и уже часа за полтора начиналось:

- А вы слышали, как Поддубный в Париже... Еще бы! Ведь Збышко в Кракове... Эге-ге! Да у него один бицепс 52 сантиметра!.. А ноги-то у Поддубного!!! Знаете, сколько его отец на спине от села до деревни носил?

И так без конца.

Понятно поэтому, какое землетрясение произошло в головах у знатоков, приверженцев, любителей, когда в один прекрасный день их как громом поразила сенсационная новость: Поддубный сделал вызов Цыганевичу!

Последний торжественно принял вызов. Предстояла борьба не на жизнь, а на смерть и... публика сходила с ума.

Збышко ставил 500 рублей, если Поддубный его победит, и 200 - если продержится против него в течение часа... Борьба состоялась в саду "Неметти". Так как в первый вечер встреча никакого результата не дала, то схватку решили продолжить на второй день. Но и тут победа не была достигнута... Такой неопределенный результат борьбы еще больше взволновал публику и вызвал бесконечные разговоры..."

Александр Григорьевич уточнил: в конце второй встречи Поддубный отрывает Збышко от ковра и бросает на судейский стол. Стол разламывается на куски.

Через год борцы встретились в Лондоне, куда Поддубного привез Пипер, который назначил пять тысяч франков премии любому борцу, который продержится против Поддубного в течение часа.

Вызов сделал Збышко-Цыганевич. С согласия борцов арбитром был назначен Гаккеншмидт.

На поединке Поддубный обнаружил, что Збышко намазан жиром и сильно скользит. По требованию Поддубного Збышко несколько раз вытирали, но тело стало еще более скользким. Тогда Поддубный и повел борьбу грубо. Судьи, в свою очередь, схватку остановили и засчитали Поддубному поражение.

- Не надо быть специалистом,- говорил Александр Григорьевич,- чтобы разобраться в исходах этих встреч. В Петербурге Поддубный бросает Збышко на стол и считает себя победителем. В Лондоне повторяется уже знакомая история. Тело Збышко источает жир, как когда-то Рауля Буше в Париже. Все здесь сделано так, чтобы увлечь, заморочить голову публике и сорвать куш побольше. Ни в той, ни в другой, ни в какой-либо вообще схватке ни один из борцов не оказывается на лопатках. Но ведь борьбу нужно вести, иначе не сорвать тот самый сказочный куш. И выход найден: сначала Збышко летит на стол, потом, в Лондоне, судьи дисквалифицируют Поддубного за грубость, но лопатки ни одного из борцов не коснулись ковра. Честь всех соблюдена.

Еще одна встреча Поддубного с Збышко закончилась вничью. Борцы встретились в Америке летом 1927 года. Автор первой книги о Поддубном Я. Гринвальд (Русский богатырь Иван Поддубный. М., Физкультура и спорт, 1948) написал об этой встрече: "Нападая в течение двадцати минут на Поддубного, Збышко стал выдыхаться, перешел к обороне, думая только о том, как удержаться на ногах. Когда лица борцов в один из моментов схватки сблизилась, Збышко, горячо дыша в ухо Поддубному, шепнул ему: "Не клади меня, Иван Максимович. Это поражение будет моим концом..."

Это целиком выдумка автора, и неудачная. Збышко, прочитав эти слова в книге Гринвальда, возмутился: "Поддубный был большой борец. Я это признаю. Но если бы я сказал эти слова, я повесился бы. Это не соответствует действительности".

- Конечно, оба борца пользовались большим авторитетом и дорожили им,- говорил Александр Григорьевич.- Это и заставило их найти выход из положения, не ущемляя своего достоинства. Ни тот, ни другой не хотели ложиться на лопатки, вот и опять ничья...

Глава 234.

Нет, в этой игре я вел себя фальшиво. Я уже многое изменил в себе ради того, чтобы держаться в первых. И это многое - из действительно хорошего,

доброе, естественное.

Да, я решал задачу "шестисот килограммов".

Да, я сводил игру к формулам-это увлекательно, это от смысла.

Но за всем этим скапливалось все больше и больше лжи. Я лгал себе. Я не жалел себя на помосте - в этом видел оправдание, свою честность. А на самом деле я все списывал этим оправданием. И то, что меня искренне раздражала слава ("в ней пустота, безмозглость"),-тоже не являлось оправданием, хотя я верил и в такое оправдание. Я не внушал себе эти оправдания, но стал замечать фальшивость себя и в себе.

А за всеми этими оправданиями - искаженность чувства, искусственность доброты, справедливости, достоинства. И сама жизнь?.. Вся для доказательств своего превосходства. Любой ценой, но быть лучше соперников!

В то же время я избегал людей, не хотел, чтобы во мне узнавали знаменитого спортсмена, не терпел разговоров о спорте; хотел, чтобы все забыли о моих рекордах и славе, не приставляли штангу и моих соперников к моей жизни. Нет, куда точнее: слава - это серый пепел. И, как пишет Иннокентий Анненский, цвет пепла - это "цвет бесполезно сожженной жизни". Я был мастер жечь дни...

Мне претили громоздкость, сверхобъемные мускулы, тяжкая налитость весом. Я вынужден был следить за весом, дабы не давать соперникам лишний шанс в игре. Эта раскормленность от силы угнетала. Разве я не отступал от своих же принципов? Разве не тянулся за победой любой ценой?..

Шоу шутил: самобичевание - лучшая форма саморекламы... Возможно, не спорю. Для меня самым важным являлось другое. Я становился неприятен себе. Я с тревогой следил за переменами в себе...

Прозреваемое завтра...

Глава 235.

Конечно, есть своя спортивная мода, и за мои без малого теперь уже сорок лет в спорте она не раз менялась.

В 40-е годы и начале 50-х годов на тренировки ездили только с чемоданчиком, в кепке и никогда не носили спортивный костюм вне зала или спортивной базы. На крышке чемодана изнутри нередко были наклеены фотографии близких или спортивных героев.

С середины 50-х годов чемоданчики были вытеснены громоздкими портфелями. В них умещалось все: и костюм, и обувь, и книги, и еще бог знает что. На смену кепкам пришли шляпы. Но по-прежнему настоящие спортсмены не появлялись в спортивных костюмах нигде, кроме залов и стадионов. Своеобразным шиком были тренировки в ковбойках. И никогда никаких гетр, высоких носков: тело должно дышать и закаляться. И вообще, настоящие, классные ребята предпочитали костюмы попроще, повиношенной (от пота и тягот работы), на заплатки не скупилась. Всякие там цветные полосы, наклейки, названия фирм - это недостойно истинного джентльмена в спорте - мастера побед, посвященного в беспощадность труда; это для тех, кто не вытянул в настоящие, все это дешевка, нетребовательность высшей степени, мещанские потуги на причастность к большому и суровому делу.

С середины 60-х годов исчезают шляпы, появляются различного фасона сумки, а все цветное, рекламно-накле-ечное входит в моду. Спортивные костюмы становятся обычной одеждой, уже никому нет дела, что прежде это считалось профанацией спортивного звания.

Настоящий мужчина не должен светить рекламными наклейками и попугайскими красками - так считали в пору нашей спортивной молодости. Он разденется в зале или на беговой дорожке - и все сразу станет на место. Истинное не нуждается ни в рекламе, ни тем более в каких-либо демонстрациях. Это правило жестко выдерживалось. Ни один уважающий себя спортсмен не мог появиться на улице даже просто в спортивном костюме...

Еще в академии я выучился тренироваться в одиночку. Слишком часто учебные занятия и различного рода домашние задания занимали вечера, другого времени для них просто не существовало. Поэтому я начинал тренироваться поздно вечером и кончал едва ли не ночью - часы тишины остывающего зала, ласкового напора силы, вздора юношеских мечтаний, влюбленность в женщину - бред прошлых и будущих встреч,- сознание тут не скупилось на самые жгуче-чувственные картины. Словом, никто позже меня не уходил из зала. За мной уже закрывался и сам зал. Сколько раз я вынужден был обрывать тренировки: дежурный администратор отказывался ждать, с каждым из них надо было уметь ладить. До глубокого вечера меня обычно задерживали различные академические задания: лабораторные работы, курсовые, прочие дела...

Возвращался ночными улицами, Петровским парком, пустым трамваем, а чаще всего троллейбусами до "Сокола" - они в изобилии катили в депо. Дома уже все спали. Искал на кухне ужин. Мама заботливо заворачивала его в одеяло или придавливала подушками: не остынет.

Как же мама и отец любили друг друга! Как нежны и беспредельно чисты были в отношениях!..

Я тренировался совсем один. Чаще всего и мой первый тренер - Евгений Николаевич Шаповалов - уезжал: надо было спешить на вторую работу...

-- Эта привычка работать в одиночку пригодилась в большом спорте. Литературные занятия не позволяли тренироваться со всеми, я и на сборы почти не выезжал, где там писать...

И теперь, в Дубне, я тренировался один под присмотром Богдасарова. Какое-то время тренировки со мной делил Курынов, но в основном я работал один.

От сборов в Запорожье я отказался. Соперничество между мной и Жаботинским превратило бы эти сборы в большую и опасную травмами дополнительную нагрузку. К тому же я не верил Воробьеву и не хотел с ним работать, а он уже прочно вошел в обязанности старшего тренера.

Мое решение вызвало раздражение Воробьева. С ним я выступал на чемпионатах мира в Варшаве, Риме, Вене. Он был беспощаден к себе и ко всем, кто стоял на его пути. А всех, кто не соглашался с ним, он относил к этому числу и старался любыми способами убрать с дороги. Он искренне убежден, что правда - одна-единственная и она неизменно у него. Отношения наши были не лучшими после Олимпийских игр в Риме. Теперь же они стали едва ли не враждебными. Воробьев утверждал, что я избалован, а поэтому и тренируюсь в отдельности.

А я уже давно избегал сборы. Я учился писать. Знал: у меня не будет времени для учения, и снес тренировки на вечер, а ночами и утрами работал. Много работал. И, конечно, вечером уже был не тот на помосте, но другого выхода не существовало.

Я сознаю, что и сам не ангел, но за мной стояла неоспоримая правда: я должен был делать дело ради общей победы и никто из тех, кто был поставлен для его обеспечения, не смел мешать. Это святое право тех, кто не соразмеряет свои дни с выгодой существования...

А Воробьев не верил, твердил, будто я пренебрегаю коллективом, старался в этом убедить и команду. А ее в то время пополнили новички: Голованов, Куренцов, Вахонин. Каплунов. Я чувствовал себя одиноко. Однако понимал: это последние дни, еще шаг-и прощай спорт! И я набирал нагрузки, пробовал силу и, как водится, жадничал на силу, все старался побольше вбить в себя.

Ждал и верил в справедливость силы и людского суда...

Впрочем, со всеми ребятами, кроме двоих, я сошелся быстро, оно и понятно - дело общее, в полном раскрое чувств и силы. Доброе это чувство - идти вместе.

Глава 236.

У меня были очень мощные ноги - чисто природное, наследственное качество (от отца). В детстве я даже стеснялся: мне казалось, в бедрах они такие крупные- ну совсем как у женщин! Всякий раз, когда я оказывался в бане со своими товарищами по выпускной роте Суворовского училища, я испытывал неловкость: "бабские" ноги! Шагнешь, а они вздрагивают, перебираются,- на ребят лучше не смотреть...

После первых трех месяцев тренировок в 1954 году - только пригляделся к штанге, еще в робости перед ней - я без натуги стал приседать с двумястами килограммами на плечах.

Я мог поднимать силу ног до любого уровня. Сколько ни тренировался, ни разу не было так, чтобы я наткнулся на предел силы в приседаниях.

Но еще большим физическим даром явилась способность к перенесению нагрузок. Я исключительно быстро усваивал, казалось бы, самые невероятные из них. Я "восстанавливался" много быстрее любого из самых именитых атлетов своей весовой категории. Атлеты легких весовых категорий не в счет. Их организм усваивает нагрузки проще и быстрее (и живут не крупные люди заметно дольше)... Но и с ними я мог поспорить на ударных тренировках. Казалось, я не знал усталости. Я тренировался на внушительных объемах при самой высокой интенсивности: гнать эти два показателя вместе - высочайший объем и высокую интенсивность - предельно сложно. Организм в таком напряжении, кажется, весь вибрируешь - ну в разрыв идешь! А все равно испытывал удовольствие.

Как я предан силе! Как люблю тренироваться!

В памяти партийные собрания тех лет: собирались десятки замечательнейших спортсменов прошлого и настоящего, почти старики и совсем юноши.

Как-то я предложил выступить известным спортсменам против системы большого спорта как разновидности профессионального. Оказался один против всех. Чего только не наслушался!

Были и другие памятные собрания. На одном партийном собрании мое выступление, думаю, уберегло Всеволода Боброва (Всеволода Великого) от более чем серьезных неприятностей. По всему было видно, что с ним решили свести счеты, и по-крупному, так сказать, поставить на место. А был Всеволод Великий независим, знал себе цену и никому не давал садиться себе на шею, не существовало для него подобострастия и гипноза авторитетов.

Его, что называется, подловили с десятидневной поездкой на матч ветеранов в Одессу - "самовольная отлучка", считай "дезертирство из части" (и это в клубе, где большие спортсмены сплошь и рядом уезжали куда хотели, и все только расшаркивались перед ними, но Бобров как раз "вышел" из больших, уже не выступал).

Пожаловали высшие чины из Главного политического управления - генерал за генералом. И начался загон: ни слова в защиту великого спортсмена и честного человека. Самый настоящий загон. Все молчат - начальства-то сколько! Меня от возмущения начало трясти - ну точь-в-точь как перед попыткой на рекорд. Я выступил, а от нервного потрясения, очевидной несправедливости творимого Бобров расплакался. Но уже собрание определенно приняло его сторону, и чиновникам из Глав-пура пришлось уматывать ни с чем.

Я сам, случалось, плакал, но не перед этими... Тут я твердо знаю: вся эта чиновничья братия может загрызть меня, но ни одной слезы не увидит, вобьет в землю, но не согнет.

Неожиданно, может быть и не к месту, вспомнил я человека, с которым давно уже развела меня судьба... Впрочем, почему же не к месту? Он любил силу как мало кто из встреченных мною людей...

Грех не помянуть добрым словом Петра Васильевича Сорокина - фанатичного почитателя силы. Штабс-капитан царской службы, генерал-майор Советской Армии, он отличался исключительными физическими данными. Годы после отставки (50-60-е) он увлеченно тренировался, особенно любил тренироваться со сборной страны. В семьдесят лет он легко

поднимал веса за сто килограммов. У него было много ранений, а левая рука почти наполовину не распрямлялась. В плечах и груди он был значительно шире и крепче меня и смотрелся очень убедительно. Спортивную силу он просто обожал. Немало я слышал от него рассказов о первой мировой войне: он возглавлял тогда полковую команду разведчиков.

В молодости старик, видно, был редкостно храбр. Во всяком случае, набор царских и советских боевых орденов у него был внушительный.

Глава 237.

"...Если бы нашелся прорицатель, который в марте нынешнего года предсказал, что через шесть месяцев мировой рекорд (в троеборье.- Ю. В.) "подскочит" сразу на 17,5 кг, его объявили бы по меньшей мере фантазером и ничего не смыслящим в спорте.

И все же самое фантастическое из того, что произошло на подольском помосте, укрылось от зрителей... Тогда, в Подольске, на помосте шла игра в полном смысле слова. Никогда раньше Власов не обращался со штангой так свободно и, если хотите, даже непринужденно...

Я разговаривал с Власовым после одной из первых тренировок (после выступления в Подольске.-Ю. В.). Человек, который практически в одиночку продвинул абсолютный мировой рекорд в поднятии тяжестей с 500 кг до того рубежа, откуда отчетливо видно 600 кг, рассказывает:

- Весной я заболел... надо было срочно поправлять здоровье... Посоветовали отправиться в Дубну. К тому времени работа над сборником рассказов, выходящим сейчас в издательстве "Молодая гвардия", была закончена. Возможным стало целиком посвятить себя спорту (в общем, пока не посвящать, а потихоньку вытаскивать себя из мерзкой лихорадки и литературного обалдения - в ту зиму я основательно перехватил с литературными заботами: писал, как оглашенный.-Ю. В.).

На подольском помосте Власов не только прорубил окно в новую эпоху тяжелой атлетики - эпоху борьбы за взятие шестисоткилограммового рубежа. Юрий свершил невиданное в спорте вообще: на одних соревнованиях он установил шесть мировых рекордов. Сперва были побиты рекорды в жиме и рывке. Они позволили спортсмену уже в первом подходе третьего движения толчка... установить рекорд в сумме троеборья - 570 кг. Второй подход принес четвертый рекорд, опять-таки в сумме движений - 575 кг и, наконец, последний вес 215,5 кг-это мировой рекорд в толчке -

позволил набрать рекордную сумму в троеборье 580 кг. (Я думал, у меня беспредельный мир впереди - все станет распутываться по-новому, а там, за отсчетом недель - каких-то жалких дней,- меня уже, куксясь, поджидал финал - крушение планов. И литературные дела скоро тоже все съехали наперекос: и впрямь, что значила моя литературная работа без моей "железной" славы... Я по-детски продолжал сочинять себя - ну воистину блаженный, истовый поклонник химер и выдумок.- Ю. В.)

...Юрий, взяв карандаш и листок бумаги, стал рассказывать, как выглядит ближайшее будущее тяжелой атлетики.

-...Сразу же после Токио шторм рекордов возобновится... Мой главный прицел - 600 кг... Если бы мне удалось сейчас "забросить" жим и рывок, сосредоточив все усилия на тренировке толчка, уверен, через месяц-полтора достиг бы результата 230 кг. Я люблю это движение больше всего, ведь в нем находит проявление абсолютная физическая сила. Я попросил у Власова листок бумаги с россыпью фантастических цифр, этот вексель, выданный мировым рекордсменом. И, чтобы сделать эти цифры еще более ценными, написал сверху: "Диапазон между 400 и 500 кг штангисты одолели за 20 лет". А если Юрию Власову в 1965 году удастся осуществить свои планы, то дистанция между 500 и 600 кг в сумме троеборья будет пройдена за десять лет..." (Комсомольская правда, 1964, 30 сентября).

Не за десять, а за шесть моих. Я знал, какие это были шесть лет - чаще всего не жизнь, а тиски.

Но кто меня вложил в эти тиски, кто непременно закручивает эти тиски, кто выводит меня на бесконечно длинные и частые шаги?..

Я, только я...

Но это тоже не так...

"Причины, двигавшие мною, были вне меня", - писал Виктор Шкловский. Это именно так.

Ни один человек не рождается только для себя. Каждый принимает и несет посильную долю всех.

Я старался нести свою долю, как мог, а я могу это делать более чем основательно. Пусть эта ноша от грубого и примитивного смысла, но она была назначена мне. И я нес... я несу ее по сей день. Только в ноше другая тяжесть...

А та, от спорта, она была назначена мне. Это только кажется, будто я выбрал ее. Она назначена. Иначе не будет высокого смысла достоинства, чести, справедливости, благодарности, любви и человеческого могущества, всего того, что составляет смысл нашего странствования по жизни...

В той статье я предполагал в качестве запасного варианта и выступление после Игр в Токио. Их единственная цель - 600 кг. В том, что они достижимы, я не сомневался, в сроках-тем более. Уложусь за год. Следовательно, в 1965 году-обязательно. Результат уже во мне. Его нужно собрать. Задача силы решена.

Глава 238.

Быстрота, с которой я вчерне столь успешно освоил новый стиль в рывке, не радовала. Упущены годы. Я бился над килограммами, которые уже давно должен был взять, будь я настойчивее и не откажись от освоения нового стиля несколько лет назад, хотя бы тогда, когда разнес себе нос пустым грифом...

Сколько же силы перерасходовано, сколько упущено рекордов! Как вообще я проиграл в росте! Уже два-три года назад я вышел бы на килограммы, которые только сейчас взяты рекордами.

И все же надежность в новом упражнении отсутствовала. Чтобы чувствовать себя своим в рычагах усилий, надобны годы. Пока же я вымахивал штангу одной голой силой, используя из "техники" лишь преимущества необычайно низкого ухода под вес. Я не управлял весом, не "надевал штангу на себя" как настоящий мастер рывка. Я вымахивал ее грубо, полагаясь в основном на силу. В этом была и страховка трусости - так безопаснее, на одну голую силу. Изуродованное в молодости левое плечо, когда меня винтом, до выхода костей из суставной сумки, прокрутило вокруг оси (я пытался зафиксировать вес в "ножницах"), никак не пускало штангу в настоящий "сед", отказывалось идти на замыкание, откуда сложнее уйти, освободиться из-под веса в случае неудачи (потери равновесия).

Пишешь эти строки и думаешь: это не воспоминания атлета, а роман о силе, мечтах и крушении мечтаний сильных, о том странном схождении: живая, податливая, уступчивая плоть - и бесконечная твердость бескровного, холодного "железа"...

Мы с Суреном Петровичем бегло, торопливо осваивали новое упражнение - оставались какие-то недели до Токио. И я не мог не понимать, что одной

"техники" недостаточно. От тренировки к тренировке все четче движение, а вот автоматизма, чтобы все было привычно, ладно, без сомнений, когда думаешь не о том, как выполнять движение с весом, а как разрядиться высшей силой,- такого автоматизма не было. На это нужны не месяцы, а годы и годы. Лишь автоматизм позволяет вкладывать силу в движения с наименьшей потерей... и безопасно.

При всем старании я никак не мог превратить этот навык в автоматизм за считанные недели. Оставалось только верить в силу и рисковать. Возвращение к старому стилю ("ножницы") сразу давало соперникам могучую фору. Нет, возврата не могло быть. Если я на такой паршивой "технике" овладел мировым рекордом, я сумею пройти через испытания олимпийского поединка в Токио.

Я упустил время переучивания, я опоздал - и теперь должен рисковать. И в конце концов, у меня на победу все шансы: мировой рекорд именно в этом, для меня несовершенном, корявом движении за мной.

Надо оживить "железо".

При этом я был влюблен в новое упражнение, влюблен, хотя в душе не доверял ему, опасался. Бывает вот и такая любовь... Воля, сила, опыт оказывались бесполезны без автоматизма, и самое главное, я не был уверен ни в одной попытке. После подрыва штанга уходила с помоста вверх - я терял ее, терял до того мгновения, пока не поймаю наверху. Я не контролировал ее прохождение, не управлял им. Срыв, сбой, катастрофическая неудача были зашифрованы в работу на помосте. Я был поставлен в безвыходное положение.

Но мне ничего не оставалось делать, как только идти вперед. В "ножницах" я слишком много уступал соперникам. Да и 600 кг не сложить без нового рывка. И я шлифовал рывок, шлифовал...

Я верил в свою способность управлять любым усилием под штангой. Чувствовал я себя превосходно. Лихорадка угасла. В Подольске использована лишь часть силы. Все результаты впереди - сила только заваривается, на меня надвигается громада новой силы.

Я был доволен, да нет, не доволен, а счастлив, и не просто счастлив, а покорен счастьем.

Все было не напрасно. Я нашел, подчинил силу, оживил "железо".

От риска большого спорта, страданий и тяжелых сомнений меня никто

никогда не удерживал, кроме мамы: справлюсь - так справлюсь, а нет - так с богом, сам виноват... А втайне так хотел услышать мольбу о том, чтобы я все это бросил. Небо манило, обещало счастье будущей жизни. Победы в этой жизни... Сделай шаг в эту жизнь. Не бойся быть обманутым - сделай эту жизнь прошлым, шагни в новую. Там все необъятно, там новые слова, неизмеримость чувств, и там нет конечности усилий - там мир!

Шагни - и эта новая жизнь тоже уступит. Расплавь ее жаром чувств и преданностью труда. Шагни.

Небо, небо...

Глава 239.

Пока я был поглощен выведением силы на рекорды, грянул праздник Олимпийских игр.

Огонь для чаши стадиона в Токио по традиции был зажжен лучами солнца на горе Олимп и доставлен на Олимпийский стадион в Афины, где в 1896 году состоялась I Олимпиада нашей эпохи.

Команда из двухсот двадцати спортсменов поочередно пронесла огонь от Олимпа до Афин, последний из них - чемпион Греции в беге на 100 м Иван Комитодис.

Церемониальное шествие девушек в древнегреческих одеяниях под античную музыку открыло праздник передачи огня. Олимпийский гимн встретили колонны греческих спортсменов. Об окончании парада возвестил огонь над Акрополем. И вместе со вспышкой пламени над олимпийским стадионом один за другим прозвучали гимны всех стран, принимавших Олимпийские игры нашего времени, кончая гимном Японии - страны нынешних Олимпийских игр. С последними аккордами гимна Японии на стадион вбегают Иван Комитодис. Его приветствуют сорок тысяч зрителей. Он бежит под размеренность торжественных слов: "Пусть это священное пламя будет маяком для молодежи всего мира, дабы она следовала по пути правды, величия и красоты". Все атлеты опускаются на колени. Артист греческого национального драматического театра Афанас. Костополус читает олимпийский гимн. С его последними словами Комитодис вручает факел королю Греции. Король направляется к светильнику. Факел зажжен. Эстафета несет его на аэродром Элинкон. Последним к самолету подбегает Костапаниколау - чемпион Греции по прыжкам с шестом. Факел - у японских спортсменов.

Лихорадка в сентябре заглохла окончательно. От болезни и потрясений последних лет остался один след - снотворное. Через ночь-другую я вынужден был прибегать к искусственному сну. Это мешало тренировкам, угнетая нервную систему, и пусть незначительно, но нарушало координацию в темповых упражнениях - очень тонкое, "ювелирное" чувство.

Тренировки на восстановление здоровья оправдали себя. Я крепнул силой. Каждый день приносил силу. Я ждал ее, но был ошеломлен неземным полегчанием штанги. Те же диски, но штанга... я забавляюсь ею, она будто пустая - ну не чувствую тяжести, нет ее!

Да, силу заложил поиск предыдущих лет. Я не ошибался, когда раскачивал себя сверхтренировками. Теперь я даже не крепну силой - она просто навалилась на меня. Это какое-то расточительство, избытие мышц и силы...

До выступления в Токио - чуть больше шести недель. Раннее вхождение в форму опасно, а я уже с 1 сентября в высшей спортивной готовности. Необходимо уйти от предельного сосредоточения энергии. Такое сосредоточение энергии само по себе разрушает силу.

К тому времени я уже достаточно овладел теорией и практикой тренировок. Поэтому после выступления в Подольске мы заметно сбавили рабочие обороты: некоторая растренированность являлась необходимостью. Нет, мы не внесли ничего нового в график нагрузок. Снижение было намечено еще до выступления в Подольске. График предусматривал движение на многие месяцы вперед. Расчеты были настолько точны, что необходимость в поправках не возникала. Я идеально вписывался в заданные кривые нагрузок.

И, само собой, растренировку предполагала не усталость. Я в отдыхе не нуждался. Это было расслабление перед новым сосредоточением силы, ее предельным выражением.

Главный поединок - в Токио! Он завершит мою спортивную жизнь. Все лучшее отдать ему. Все отдано ему.

Глава 240.

Приятными и спокойными оказались последние недели в Дубне.

В жиме как-то сам собой случился переход на новые, весьма внушительные

тренировочные веса во вспомогательных упражнениях. Это сулило еще большую прочность успеху. Кстати, уход во вспомогательные упражнения и есть растренировка.

В рывковой тяге я высоко и уверенно поднимал 230- 240 кг. Я стал мало работать в толчковой тяге. Рывковая - выше подрывом, добротней нагружает спину. В толчковой тяге я лишь отрабатывал отрыв больших тяжестей, готовил старт, привыкал, чтобы не сбросить перед тяжестью рекордных весов.

В марте 1978 года я спросил у главы американской спортивной делегации на розыгрыше Приза дружбы в Москве (так переименовали традиционный турнир на Приз Москвы): выжимал у них кто-либо 170 кг по четыре раза из-за головы, стойка солдатская?.. Он покачал головой: "Нет, никто и никогда. Думаю, не выжмут и в будущем. Нужны сумасшедшая тренировка и очень талантливые мышцы. Мы знаем, что такое чистая сила..."

Я тоже знаю, что такое чистая сила, цену ей...

О послереволюционном взгляде на спорт дает представление статья из энциклопедии Граната, выпущенной в 1932 году.

"Цель Олимпийских игр - показание успехов физической культуры и выявление рекордных достижений в области чисто индивидуалистического спорта. В противовес Олимпийским играм буржуазно-капиталистических стран Красный спортивный устраивает Международные рабочие спортивные праздники (спартакиады), ставящие своей целью пропаганду физической культуры как средства оздоровления пролетариата и классового воспитания рабочих масс. Помимо отдельных спортивных соревнований, здесь выдвигаются массовые выступления. Первая Всесоюзная спартакиада с участием иностранных гостей состоялась в 1928 году в Москве. В 1932 году происходила Всемирная спартакиада Красного спортивного интернационала" (спортивного интернационала).

Тот спорт отрицал куплю-продажу тела и здоровья: нет профессионализму. Спорт - только для укрепления здоровья, и никогда никакого рекордсменства. Быть сильным, крепким - вот задача физической культуры и спорта в рабоче-крестьянском государстве.

Из Дубны я и Богдасаров вернулись в Москву, из Москвы с частью советской олимпийской делегации вылетели в Хабаровск, из Хабаровска - в Токио. В Хабаровск из Владивостока прилетела и сборная по тяжелой атлетике.

Я отправился в Токио со своей первой книгой - сборником рассказов и очерков "Себя преодолеть". Название сборнику нашла Наташа в стихах Эмиля Верхарна "Меч".

Несколькими годами раньше я пережил острое увлечение Верхарном.

...В тебе прокиснет кровь твоих отцов и дедов,

Стать сильным, как они, тебе не суждено;

На жизнь, ее скорбей и счастья не изведав,

Ты будешь, как больной, смотреть через окно...

Себя преодолеть! Когда б ты мог... Я не обольщался: сборник, безусловно, ученический, посредственный, даже хуже, но это неизбежный этап в писательстве.

Сколько же та, первая, книга, а кроме нее, и статьи, очерки, репортажи отняли у меня рекордов; как замедлили выходы на рекорды, снизили потолок рекордов!

"Свободен тот, кто сознает себя живущим,- записал Толстой в дневнике 31 июля 1891 года.- Сознать же себя живущим - значит сознавать закон своей жизни, значит стремиться к исполнению закона своей жизни".

Закон своей жизни.

Сознание своего пути. Назначенность к этому пути. Сознание себя. Для чего сознают себя?..

Среди прочих заповедей стойко держала меня в своей власти и заповедь Оноре Мирабо (граф Буря): "Я всегда полагаю и буду так полагать и впредь, что безразличие к несправедливости есть предательство и подлость..."

Готовность, не раздумывая, платить любую цену за возможность следовать закону своей жизни. Преданность этому закону выше всех инстинктов самосохранения. Это не мрачная узость фанатика - это светлая вера в правоту жизни во имя всего человеческого. И нет большого, малого дела - есть исполнение закона жизни. Это служение закону жизни делает каждого очень интересным, необходимым, важным и украшает жизнь, укрепляет жизнь всех...

Пусть ты истерзана в тисках тоски и боли

И так мрачна! - но все ж, препятствия круша,

Взнуздав отчаяньем слепую клячу воли,

Скачи, во весь опор скачи, моя душа!..

Четкая рисованность стиха, мрачная энергия мужества покоряли. Я тогда знал наизусть Верхарна едва ли не всего из переведенного Брюсовым...

...Стреми по роковым дорогам бег свой рьяный,

Пускай хрустит костяк, плоть страждет, брызжет кровь!

Лети, борясь, ярься, зализывая раны,

Скользя, и падая, и поднимаясь вновь...

Я тяжелел мускулами. Я ощущал в себе необыкновенную прочность. Это счастье свершений!

Да, да, счастливы ищущие!

Глава 241.

"...Дальнейший путь Юрия Власова в спорте таил в себе странный парадокс. В течение четырех лет (тогда уже пяти.-Ю. В.) он неизменно подтверждал репутацию самого сильного человека в мире. Он завоевал золотые медали чемпионатов мира в Вене, Будапеште, Стокгольме (еще медаль чемпиона - в Варшаве и олимпийскую золотую-в Риме.-Ю. В.), постоянно обновляя рекорды. Он один низверг за этот период всю мощную армию американских тяжелоуловесов: никому из них не удалось хотя бы приблизиться к его феерическим результатам (один раз удалось Шемански, в Будапеште.- Ю. В.). Потолок рекорда в сумме троеборья Власов за пять лет поднял на 70 кг- с 510 до 580 (это с учетом всесоюзного рекорда.-Ю. В.). Он усовершенствовал и обновил всю методикy... Покинув спорт, он оставил поколениям, пришедшим за ним, систему тренировок, которая стала обязательной для всех штангистов... (использование различного рода восстановителей силы начисто изменило всю тренировку.-Ю. В.). Тренировочный помост он превратил в экспериментальную площадку. Он искусственно вызывал в себе болезни перенапряжения, чтобы первым испытать все и сказать идущим за ним: "Можно!"

Осуждая способ достижения высоких результатов "за столом", то есть с помощью увеличения личного веса спортсмена, он доказывал всем, какие запасы мышечной энергии скрыты в человеке. Говоря высокопарно, он освещал дорогу другим. Но и факел горит не вечно. Помня об этом, Власов таким образом построил подготовку к Олимпиаде в Токио, чтобы она завершила его многолетний эксперимент..." (Кавалеры ордена Ленина. М., Физкультура и спорт, 1974. С. 72).

В большом спорте жизнь нераздельна с тренировкой. Все, что происходит, воспринимаешь лишь через тренировку: на пользу ей или во вред. Как замечено о подобном состоянии в одной книге: "Это так нестерпимо утомительно - нужно быть вечным сторожем своего времени и своих сил..."

И это не эгоизм. Это невозможность добыть результат без расхода едва ли не всей жизненной энергии. Я чувствовал, как тренировка изымает силы, пожирает будущее, сводит жизнь к одному будущему: быть приживальщиком от спорта. Да, но сначала лупи в барабан славы, доказывай превосходство!

Все, что я предпринял против одной голой власти спорта над своей жизнью, все попытки вести жизнь не только мускулами разрушали, подтачивали силу. Это было невозможно - делать что-то помимо спорта. Ничему другому не оставалось сил.

"Господин мускул"...

Жизнь подсовывала готовую роль - роль спортивного бойца, потом - приживальщика от спортивной славы. Узкий смысл такой жизни не угнетал - оскорблял. И я воевал... против себя. Я все время вел борьбу против власти того, чему отдавался в те годы,- спорта и результатов.

Надсадный, неумолчный грохот в барабан ради доказательств неодолимости твоей силы! Одно и то же! Движение в узком смысле узкозаданного. Заученность роли. Этот грохот вечного доказательства своей непобедимости.

Есть чувства, которые просветляют мир, а есть такие, которые лишь напрягают мускулы.

Я иначе понимал назначение человека, соотношение разума с жизнью. Несмотря на глубокую любовь к физической деятельности и упражнениям, я всегда считал главным развитие интеллектуального и духовного начала. В данном случае гармония физическая есть подчиненная категория по

отношению к гармонии умственной и духовной. Назначение человека - совершенствоваться и расширять разум, знание. Все остальное должно быть этому подчинено. И спорт - укреплять человека, помогать достигать эту главную цель, а не становиться самодовлеющей величиной.

Глава 242.

Но возраст - это тоже следовало учитывать. Той жизни, к которой я готовился, о которой мечтал, бредил мечтами, тоже нужны молодость чувств и энергии... и просто время. Всему живому, чтобы созреть и дать плоды, нужно время. Без этого времени это живое может остаться всего лишь недоразвитым побегом.

Нельзя сказать, чтобы гонка многих лет не утомила. И все же я любил спорт. Когда я оставался с ним один на один, без страстей соперничества, власти различных обстоятельств, газетных бестактностей, просто наедине с силой, я чувствовал всю меру этого большого чувства, прежнюю чистоту и нетронутость этого чувства. Я льнул этим чувством к славной игре в силу, гордился верными решениями задач силы.

Противоположные чувства, каждое в своей значительности и объективности, сходились во мне.

Так, наверное, всегда. Усложнение жизни. Огненный узел неразрешимых задач. Потом рассечение этого узла ради правоты и однозначности дней. Потом опять огненная завязь новых смыслов...

И все эти чувства я нес в поединок, на токийский помост.

Я был открыт жизни, всем чувствам и оттенкам жизни и в то же время чужд к чувствам и вообще ко всему, что мешает победе...

Мой мир! Мой...

Глава 243.

"...Если желаешь жить мало-мальски человеческой жизнью и желаешь расширять, углублять, возвышать ее и делать все напряженнее и напряженнее,- не говорим во имя общего, а даже своего собственного счастья,- знакомься с книгами, с возможно большим числом их, приобретаешь

знания..." - писал великий знаток книги Н. А. Рубакин (Рубакин Н. А. Среди книг. М" Наука, 1911, т. 1. С. 1, 6, 7, 12).

Даже если книги художественно совершенны, для меня они не существуют, если... Я не могу принимать полуправду, треть правды, всю эту условную правду.

На мой взгляд, настоящее чтение - это суд над собой, его не все выдерживают. Книги такого рода мучительно медленно и остро проходят через меня - и не проходят, а проникают в глубины "я".

Жестко, бессердечно ровно они выводят мне мой истинный портрет, мои истинные чувства, картину времени и общества.

Я откладываю книгу после каких-то нескольких страниц - они заполняют весь объем мыслей и чувств, больше разум и плоть принять не в состоянии. Иногда возможен прием всего нескольких строк в несколько дней.

И снова читаю - не читаю, а приколачиваю себя к доске.

Для меня чтение -это всегда суд над собой...

Книгу может прочесть каждый, но прочтет ли?

Книга открывается не каждому. Прочитать и подняться на уровень заложенных в ней идей и чувств - совсем разные вещи. К чтению следует быть подготовленным. Следует быть подготовленным к этому воспитанием, образованием и культурой.

В отношении Рубакина к книге и слову вообще есть все то, что я испытываю. И прежде всего - любовь к творимости книгой новой действительности, книгой и через книгу. Всю жизнь я живу среди книг, обязан им всем и хочу сказать им слово нежности и благодарности.

Когда мне дают интересную книгу, о которой я прежде не знал, а она оказывается выше меня, я испытываю мощный и светлый прилив чувств.

И впрямь, неужели эта книга - моя?! Неужели она всегда будет раскрыта передо мной?!

"..."История тоже делается людьми, и деятельная личность не может не иметь в ней значения" (Рубакин цитирует Г. В. Плеханова.-Ю. В.). Книжные богатства тоже созданы людьми, существуют для людей, оцениваются людьми. И каждая отдельная книга, и все они вместе взятые, все книжные

богатства человечества, вся литература, в самом широком смысле этого слова. Исходя из этого, мы прежде всего должны понять и помнить, что как суббота существует для человека, а не наоборот, так и книга тоже существует для человека... Любовь к книге ради книги не должна существовать. Можно любить книгу, лишь поскольку любишь человека - отдельную человеческую личность и человечество, совокупность их. Жалости достойны те любители книг, книголюбы, книгоеды, которые, забывая человека, любят книгу ради ее самой, забывая, что живая сила человеческой мысли и чувства, в ней кристаллизованная, только тогда проявляется как сила, когда вселяется в человека снова...

...Я, личность,- судья всякой книги, и только я могу решить, что ты мне даешь или можешь дать, и в рай или в ад крошечный ты стремишься превращать те условия, в которых я живу в настоящее время. От твоего, книга, ответа, который я сам же себе прочитаю, то на строках, а то и между строк, зависит всецело,- я друг или враг твой. Отсюда следует: критерием всякой книги, пробным камнем ее всегда была, есть и будет личность человеческая..."

Именно так: не стоит забывать, что человек может чувствовать гораздо больше всех десятков, сотен тысяч страниц. Книги нужны не только чтобы учить и образовывать нас или доставлять радость, но и для того, чтобы оттачивать, обнажать в нас то, чем наделила природа и что томится, просится в жизнь. Люди истинны, а не книга. Не ты, книга, а ты, человек, выше и лучше книги; пусть не всегда, но ты несешь в себе способность к преобразованию; ты всегда можешь стать новым смыслом, взлетом новых чувств...

Н. А. Рубакин в 1887 году окончил с золотой медалью физико-математический факультет Петербургского университета. Продолжая дело своей матери - заведование библиотекой, предоставленной в общественное пользование,- он посвящает жизнь книгам. В библиотеке Рубакиных работают Г. В. Плеханов, В. И. Ленин, Н. К. Крупская, Л. Мартов... Это не та библиотека, где господствуют чиновники, заперты книги, недоверие, волокита с документами, разрешающими доступ к книге, где над всем око власти.

Это чиновничество, вечно знающее, что нужно и не нужно подданным царя, с их идеалом и практикой, иссушающими любое живое дело. Это подлинное равенство всех в рабстве... Вряд ли сыщется характеристика похлеще для чиновничьей бюрократии и в то же время доказательно-убедительнее, чем Герцена из романа "Былое и думы": "...какое-то гражданское духовенство... сосущее кровь народа тысячами ртов, жадных и нечистых. Это грязное подземелье, в котором куются судьбы русского народа".

Разве терпимы для царя и вольная библиотека, и вольные книги, и свободные речи? Разве не дерзость - иметь свое мнение? Разве понятие "патриотизм" не превращено здесь в пугало для свободы и не служит для узаконения бесконтрольной власти казней над любой независимостью и любым независимым?..

Против Рубакина "принимают меры". В 1907 году он эмигрирует в Швейцарию. Он живет долгую, исключительно плодотворную жизнь - 85 лет. Правда, в стороне от бурь, которые потрясают Родину. В 1946 году, после смерти, его библиотека - восемьдесят тысяч томов (отборные тома - сгусток национальной и мировой мысли), - согласно завещанию, была передана из Швейцарии в Государственную библиотеку СССР имени В. И. Ленина (Волей случая я познакомился с сыном Н. А. Рубакина - в ту пору уже глубоким стариком. Сын прожил пеструю, временами буквально каторжную жизнь, о которой оставил воспоминания (Рубакин А. В водовороте событий. М., Изд-во социально-экономической литературы, 1960).

"...Если истина действительно страшная сила, так именно благодаря своему соответствию с фактами жизни и с интересами большинства, то есть трудящихся классов. Сравнительно с книгой, сеющей ложь, книга, сеющая истину, действительно представляет собой страшную силу... Еще многие тысячи лет назад книга в руках лучших представителей человечества сделалась одним из главных орудий их борьбы за истину и справедливость, и именно это орудие придало этим людям страшную силу..."

Что такое страх перед книгой, гонения и запреты книги, как не публичное признание запрещающими своей неправоты, преступности всего дела?..

Я всегда искал книги, которые не только насыщают потребности в знаниях, чувствах, понимании жизни, но наделяют желанием быть сильным. Нет, не силой мускулов. Быть сильным знанием, а самое главное - силой справедливости, неразмываемостью в этой силе.

Знать и выдерживать закон своей жизни.

Глава 244.

Почти в каждой японской газете или журнале появлялись интервью со мной или сведения обо мне. Журнал "Асахи гурафу" напечатал фотографию на всю полосу. Расставив ноги, я разглядываю диски: как лучше собрать

нужный вес? Ракурс такой, что я кажусь одним огромным мускулом с маленькой головой. Что ж, намек куда как прозрачен.

Я не прятался от репортеров - это их работа. Я был лишь по возможности сдержан. И потом, все газетные и журнальные строки - это тоже часть борьбы. Разумеется, и личной тоже.

Итак, Токио!

Да, это не сон. Мы в Олимпийской деревне (бывший американский военный городок). Все испытания позади. Позади ради главного...

Из журнала "Майнити гурафу":

"Я посетил великого атлета. Как же поживает этот могучий человек? Он расслабленно лежал. Привстал, отложив томик Бабея, сказал: "Очень приятно. Рад вам". И протянул руку, такую неожиданно мягкую и ласковую. Загорелое лицо с поблескивающими очками располагало к себе. С его полных губ слетали слова, произносимые тихим, мягким голосом.

"Я впервые в Японии, но занят только тренировками и с Токио еще не знаком".

На подушке лежал томик Маяковского.

Первый претендент на золотую медаль сказал:

"Предсказать победителя никто не может. Однако без желания победить спорта нет... Еще надо справиться и со своим малодушием. Почему я занялся спортом? Я хотел быть сильным, если угодно, и красивым. Любимые писатели? В разные годы разные... Сейчас - Хемингуэй, Горький..."

Мы сфотографировали Власова. Когда мы попросили принять удобную для снимка позу, он без каприза согласился. Кто-то из нас сказал: "Как прост!" Хотя мы не понимали друг друга, мы чувствовали широту этого человека, как бы слегка прикоснувшись к его сердцу".

Накануне главного испытания я владел собой - это и удостоверяет "Майнити гурафу". И верно, какие колебания, в чем, ежели победные килограммы в мышцах? Расчет результатов по соперникам давал все преимущества мне. Жаботинский? Ни в одном из движений не способен иметь преимущество - доказано моими результатами на тренировках и публично- в Подольске. Выступление Жаботинского на чемпионате страны в Киеве по всем статьям

оказалось хуже. Его тренировочные килограммы во вспомогательных упражнениях - основных определителях силы- тоже заметно хуже.

Шемански, Губнер?.. Уже только зрители в великой гонке. Они лишь поспевают за высшей силой, но не называют ее.

Мне двадцать девять. Я еще никогда не был столь уверен силой. Я вырубил ее из всей громады неизвестного. Дал ей сознание. Во мне опыт десятилетия тренировок, испытаний на соревнованиях и в рекордах.

Итак, все доказательства в воскресенье... третье воскресенье октября.

10 октября-открытие Олимпийских игр.

11 октября - сшибка для атлетов первой весовой категории - легчайшей.

18 октября в зале "Шибюйя" на кону силы - золотая медаль для нас, самых тяжелых атлетов...

Восемнадцатое октября.

Глава 245.

Мне двадцать девять лет, Шемански - сорок, Жаботинскому - двадцать шесть, Губнеру - двадцать два.

Норб - маэстро "железной игры", азартный игрок в силу. Впервые участвует на чемпионате самых сильных в 1947 году - второе место. А я тогда задираю нос: как же, уже в пятом классе! На Олимпийских играх 1948 года в Лондоне Норб - снова второй. На чемпионате мира 1951 года - первый! На Олимпийских играх 1952 года - золотая медаль! И 1953 год тоже отмечен золотой наградой чемпионата мира. Я в тот год заканчиваю Саратовское суворовское военное училище - все пытаю рукой щеки: когда же бриться! Уже темнеет пушок над верхней губой; можно обойтись, однако я начинаю бриться. И погоны на плечах уже взрослые - с окантовкой курсанта. И от взгляда женщины бросает в жар... Господи, как я их ласкал в своем воображении! Как сумасшедше далеко заводило это воображение! Господи, неужели ни одна не обернется и не ответит взглядом!.. Я задышался самыми исступленными признаниями и ласками...

Восемнадцатое октября!..

В 1954 году маэстро Шемански - чемпион мира. Затем перерыв на пять лет и третье место на Олимпийских играх 1960 года в Риме. На чемпионате мира 1962 года - второе место, 1963 год - опять серебряная медаль.

И здесь, в Токио, Норб не для того, чтобы подбирать медали: результат в мышцах новый. Но возраст: сила прибывает, однако не в нужном темпе, не поспевает за первой...

А хорош! Еще шире в плечах, мышцы массивнее, грузнее. И возраст-то - лишь в седине по вискам.

Эту мощь, конечно же, подпирала современная фармацевтика.

Уже в 50-х годах в США действовали предприятия Хоффмана по производству протеина, который столь способствует формированию качественной мышечной массы.

Другие предприятия Хоффмана производили витаминные препараты - все это в специальных соединениях с минеральными добавками. Это, слов нет, помогало Шемански набирать мышечный вес и справляться с постоянно возрастающими нагрузками.

Мы же об этом не имели даже представления.

Когда Хоффман подарил мне в 1961 году образчики своей продукции, там была и килограммовая банка витаминизированного протеина. Что с ней делать, я не знал. Не ведали этого и тренеры, как и врачи. Миша Аптекарь предложил себя в подопытные и, "рискуя жизнью", ел порошок несколько недель. С ним ничего не случилось, да и не могло случиться. Банку все же выбросили,- черт знает, для чего она! Мы и без нее - первые...

Восемнадцатое октября!..

Губнер напряжен. Это худо. Надо отпадать от "железа" после тренировок, необходимо отпадать, тем более перед турнирами. Иначе обопрешь на вымученную силу. Жажда победы сжигает этого атлета. Она в его лице, скованности, угрюмости. Окаменело, заморожено он бредет за призраком славы самого сильного атлета мира.

Я видел: Губнеру не подняться в первые. Нет, мышцы увесисты, выразительны, но... глухи. В них нет податливости благодатного материала, они не сочны восприимчивостью, грубы скованностью.

Восемнадцатое октября!..

Несмотря на многие годы знакомства, Норб держится отчужденно. Очевидно, из-за чувства соперничества. Срабатывает закон неприятия соперников, на нем идет вся турнирная рубка...

В Норбе я соперника не видел. Пытался выйти за формальности дружелюбия, но Норб и Губнер старательно выдерживали дистанцию. Что ж, и это не в новинку.

Я не чувствовал угнетенности прошлых лет. Окрыляла радость близкого ухода из спорта, узость которого душила, отравляла. Последний шаг - и сброшена тяжесть.

Неужто это возможно? Здесь, восемнадцатого октября, последний шаг...

Сердце в полном порядке, мышцы, связки - ни одна -не болит. Я чист огромной силой, и даже позвоночник не саднит - гибок, крепок и чуток... Старый хирург рассказывал мне после первой операции (она была в марте 1983 года), как невероятно поглумилась надо мной боль. Его поразила мощь моего позвоночного столба, когда он обнажил его скальпелем. "Ничего подобного я не видел за всю жизнь",- сказал он. В то же время его поразила изношенность позвоночного столба. Такую тотальную изношенность ему тоже пришлось увидеть впервые. "Уму непостижимо! - Он был в растерянности.- Как вы могли жить с таким позвоночником и такой болью?!"

Я смолчал, хотя мог бы сказать ему, что и предположить не мог о существовании на свете подобной боли...

Я был в реанимации и после четырнадцати часов огненной боли наслаждался спадом ее. Какое счастье - без боли!..

Глава 246.

Вспоминаю солнце Рима, потом неприятности с бойкотом, тяготу ожидания и почти с десятков нарывов в правом бедре - от колена до паха пульсирующая боль и жар. Тогда, в Риме, неприятности с бойкотом и всей той нервотрепкой могли и не осложнить выступление - не доложи рано поутру начальству Воробьев о моем нарушении спортивного режима: комнаты-то с общей дверью, услышал, доложил. Я и не сообразил утром, кто и зачем меня будит, а это Куценко, Громов... С того утра и закрутились разные разбирательства. Я должен был до выступления вернуться домой на

позор и крушение всей спортивной жизни. Сам кругом виноват, но круто звели пружину... для мертвого боя. Господи, за юношеский вздор платить искалеченностью жизни...

Но все это прошлое. Ничего подобного быть со мной здесь не может. Всего четыре года прошло, а кажется, прожита огромная жизнь, и юность была где-то далеко, и такая она была беззаботная, светлая, чистая, хоть и в ухабах ошибок, но ведь мы же люди, а не цифровые машины.

Кстати, слово "бойкот" ирландского происхождения. Знаменитый деятель борьбы за независимость Ирландии Парнелль произнес 19 сентября 1880 года в Эннисе одну из своих замечательных речей. Тогда он и предложил подвергнуть осуждению всякого из англичан или сотрудничающих с ними, если кто-либо выгонит фермера-ирландца со своего участка, либо исполнит приказ об этом, либо арендует очищенный таким способом участок. фермеры были забиты и совершенно безответны, их мог попирать кто хотел, и при любом неурожае они вымирали со своими семьями десятками тысяч. Совет Парнелля принес плоды. И по имени первой жертвы общественного осуждения (и презрения) такой способ воздействия на человека стали называть "бойкотом"...

"Какая разница, кто первый толкнул 200 кг?" - прочитал я в одном из отчетов с очередного чемпионата мира.

И в самом деле, чего тут считаться.

Однако, если вступить на этот путь и раскручивать спираль от ничтожных по значению событий до вселенских, то какая, спрашивается, разница, кто первый совершил кругосветное путешествие? Сейчас его совершают в одиночку на утлой яхте - утлой в сравнении с большими парусными кораблями времен первых кругосветных... Или, подчиняясь все той же логике, какая разница в том, кто первый поднялся в воздух на самолете, полетел в космос, вышел в открытое космическое пространство? Ведь были полеты на Луну, а будут - на очень далекие планеты...

Вся эта ползучая логика - от недостатка мужества, чести, порядочности, которыми надо обладать, дабы перейти роковую черту первым. За это ведь всегда плата особая...

Глава 247.

И совсем неожиданная встреча: Сельветти! Единственный из атлетов,

заставивший испытать страх поражения могучего из могучих - Эндерсона. Отчаянный боец. Гроза фаворитов чемпионатов мира 50-х годов. Сколько раз любовался им на фотографиях, а теперь не узнаю. Мы почти однолетки, разница в трех годах, а передо мной пожилой человек: опущенные плечи, жидкий живот, в одутловатом лице утомленность...

Сельветти шагает через помосты тренировочного зала и обнимает меня...

"Прошлое даже боги не в силах изменить",- присловье моего тренера. Какое прошлое смяло Сельветти? Что в этом прошлом?

Восемнадцатое октября!..

Предстартовые тренировки должны развязать силу, ничто не должно закиснуть в усталости.

Большая сила досыпает последние часы в мышцах.

Все время слышу силу. Каждый шаг в таких днях от необходимости силы, для силы, с оглядкой на силу.

Я опробовал в стойку 180 кг, затем щегольски беру на грудь в ту же стойку 190 кг. Больше нельзя, хотя мышцы дразнят запасом.

В жиме "четверю" 170 кг из-за головы - один, второй, третий, четвертый подходы... В жиме работу можно вести несколько дольше, даже нужно несколько дольше - тогда набежит полная сила. Жим из-за головы закрепляет силовую точность и чистоту... Знатоки только пялят глаза. Такое никому еще не удавалось... А почтение приятно. К чему лицемерить-приятно... и греет...

Для рывка и толчка - свои упражнения. Ими тоже настраиваются мышцы. Это сложное ощущение разных движений, разной степени напряженности, расслабленности...

Восемнадцатое октября!..

Не примять силу последними тренировками. Теперь я справлюсь с собой, научен...

Провались в беспечность, расслабься. Нет забот - выдуманы.

Пора единения с силой.

Глава 248.

Суббота 10 октября.

И вот черед нашей делегации сделать круг по стадиону. Снова, как и в Риме, перехватываю древко за конец. С первых трибун и, кажется, до самого неба - лица людей. Нет, стадион не взбаламучен по-итальянски - вежливые аплодисменты.

Снова в линию сходятся делегации. Снова, ломая строй, грудятся спортсмены к первым шеренгам: поглазеть на шествие, на великих знатоков побед. Новые имена, почти все новые!

"...Игры в Риме родили своего героя - Юрия Власова,- писал днем позже "Советский спорт".- Вот он впереди нашей колонны. Ее капитан, ее знаменосец... То, то Юрий Власов - самый сильный человек планеты, знают все".

Делегации, в одной линии -лицом к ложе императора Японии. Председатель организационного комитета Олимпиады Дангоро Ясукава приветствует спортсменов.

Голос Кубертена, стертые давностью слова: это радиозапись 1936 года. В буквальном смысле голос ушедших поколений, завещание этих поколений.

Билеты дороги. На трибунах - избранные. Чопорное любопытство, чинность в выражениях чувств. И день - ясный, но не под прямым солнцем, белесоват дымкой. Воспитанно-сдержанный день.

У микрофонов седой плечистый старик с осанкой аристократа - тоже в буквальном смысле седая старина Олимпийских игр - президент МОК Эвери Брэндедж. Я знаком с ним. Меня представили господину президенту в Большом Кремлевском дворце, когда в Москве проходила сессия МОК. Весьма влиятельный господин.

Император Японии Хирохито почти вышептывает единственную фразу: "Восемнадцатые Олимпийские игры открыты". Да, это голос Журавля, как называют в Японии императора. Его будто не коснулись беды. Из глав государств - самый старей, не возрастом - властью, пусть ныне формальной, и единственный из здравствующих руководителей главных государств - участниц второй мировой войны.

До 1945 года культ императора составлял часть государственной религии Японии - синтоизма, одна из догм которой утверждала: император - божественное лицо, его божественность в божественности предков, их достоинства - от физических и духовных свойств богини Солнца - праматери всех Журавлей. Кстати, третья догма государственного синтоизма законодательно закрепляла принципы агрессивных войн Японии (до 1945 года):

"Подвести весь мир под одну крышу", то бишь японскую...

Я невольно думал обо всем этом, когда разглядывал щуплого человека с подбеленными годами усиками, в манекенно-безукоризненном сюртуке. Рядом с ним - наследник. Ростом в отца, но щеки упругие и взгляд не отчужденный, не приелись дни и поклонение... Ложа - близко. Я увидел трибуны еще ближе, когда знаменосцев вызвали на олимпийскую клятву.

Восемь моряков маршируют с полотнищем олимпийского флага. И вот смыкаемся мы, знаменосцы. Наши знамена перед гимнастом Такаси Оно (самым упорным соперником нашего знаменитого гимнаста Бориса Шахлина).

Такаси Оно старается говорить поторжественней: "От имени всех спортсменов я клянусь, что мы будем участвовать в этих Олимпийских играх, уважая и соблюдая все правила, по которым они проводятся, в подлинно спортивном духе, за честь своей страны и во славу спорта". Да, те же слова. Традиция слов. Только сейчас звучат по-японски.

Какой-то глухой шум - и взрыв восторга десятков тысяч людей. В воротах - Иосинори Сакаи, в руке - факел. В девятнадцать лет легко одолеть все ступени к чаше в одном темпе. И уже бесцветно расплывается пламя. Дробь барабанов, молитвенное пение трехсот пятидесяти человек. Игры сбылись!

"Пусть это священное пламя будет маяком для молодежи всего мира, дабы она следовала по пути правды, величия и красоты..."

Вот они - лучшие из спортивных бойцов мира! Тесно от них на поле - и все одержимы страстью к победе. Лучшие дни отданы приближению победы.

Что ж, я не против доказательств силы. И есть от чего оттолкнуться: четыре из регистрируемых мировых рекордов - мои. Все рекорды в таблице - мои! А уже припасены новые.

За честь своей страны и во славу спорта!

Глава 249.

Для спорта важна огрубелость чувств. Если ты в огрубелых чувствах, ты вынесешь все нагрузки. Этого требует природа занятия.

Эмоциональному человеку чрезвычайно сложно в большом спорте. Он несет двойную, тройную нагрузку. На моих глазах такие атлеты, богато одаренные физически, изнашивались и сходили в два-три раза быстрее, чем остальные.

В искусстве, наоборот, должна быть предельная обостренность чувств, ее надо вызывать. Другое дело, что ты долго на ней не потянешь - это саморазрушение. Но чем острее чувства, чем подвижней, тем ты ближе к цели.

В спорте это невозможно.

Усвоил я в то время и другую "науку": известность - это зависимость, зачастую разлагающая способности и характер человека.

А одно из слов я просто ненавижу: "привыкнет". Безнадежное и очень грустное слово.

Закон своей жизни... Так ли прочтен? Ведь будет поздно, не вернуть спорт, не переиграть дни. Надлежит дать ответ на вопрос: чем оборачивается дело твоей жизни для всех? Не только сейчас, но и в будущем.

Анатоль Франс говорил: каждый выкраивает себе из веры то, что ему на потребу, так сказать, себе по мерке. Из догм тоже выкраивают. И вообще, ложь - нередко в образе правды...

"Целебной ты кому травой станешь?" (Низами).

Станешь ли...

Опыт опытом, а ожидать скучно. От Будапешта через Стокгольм прорубилось в памяти недоверие к сопернику. Теперь я все, кажется, предусмотрел. Не обойти меня ни словом, ни большим рывком, а похвальба... посмотрим. Мне впервые попался такой бесцеремонный соперник.

Я не сомневался в успехе. На все предложения (куда как привлекательные и лестные!) посмотреть Японию отвечал отказом: после соревнований - с

удовольствием. Я даже составил расписание, где и когда побывать. А теперь все подчинить предстоящему поединку.

Да, я знаю и могу рассказать, что такое великая гонка. Я принял ее не только своей жизнью, таковы законы борьбы; я измерил ее жизнями других, отчаянием и надрывом других. Мы загоняли друг друга на грозные веса. Мы пробовали себя на крепость и живучесть. Это и есть любовь к силе. И это чувство не убито. Ухожу с ним. Оно не память, оно во мне.

В Токио турнир тяжелоатлетов открывал Олимпийские игры - таков устав. Зато в Мехико, на XIX Олимпиаде, этот турнир завершит Игры. В этой перемене мест кому как повезет - ведь ждать, не выступать до последнего дня Игр - уже усталость.

По порядку весовых категорий доказательства силы для атлетов тяжелого веса приходились на седьмой день Игр - 18 октября. В турнире участвовали атлеты из пятидесяти шести стран. Всего один атлет представлял Монако - Рене Батаглия. Он выступал в полусредней весовой категории - там, где работал прежде Курынов, а теперь будет - Куренцов.

Как и в Риме, я забавлялся чтением газет, точнее - переводами. Невероятно, но факт: немалая часть журналистов судила силу по внешнему виду атлета. Чем внушительнее руки-лопаты, объемистей чрево, пугающе огромен собственный вес атлета, тем охотнее приписывали ему богатырские качества. Но ведь это все равно, что судить о качестве книги по ее толщине. Силу прежде всего характеризует талантливость мышц, то есть их качество, потом нервная организация вообще и уж потом все прочие данные.

"...Только вспомните, с какими нарывами в бедре вы выступали и чем рисковали? - написал мне спустя семнадцать лет после XVII Олимпийских игр в Риме Суханов.- А рисковали жизнью! Мог быть сепсис - и прощай, жизнь, или, наверняка, здоровье и спорт! Судьба в Риме упала вам на орла, а могла и на решку. Это не в смысле победы. Американцев вы разгромили..."

Глава 250.

С первых больших побед в спорте я внушал себе:

"Не старайся казаться большей величиной, чем ты есть на самом деле: это уже потуги и это - жалкость. Жить, не выдумывая себя. Быть таким, каков ты есть..."

На стене в нашем номере календарь - полуметровый лист. Утром, днем, вечером вижу его. Что за этими цифрами-днями?.. Сосед по номеру - Владимир Голованов... Короткой была наша дружба. На Играх встретились, после Игр расстались... и больше не виделись. Здесь, в Токио, Голованову выступать в полутяжелом весе. 17 октября он получит золотую медаль. А 18-го, в день выступления, я не выдержал и написал на календаре: "Этот календарь вытянул из меня душу. Он висел напротив меня с 26 сентября по 18 октября - день моего выступления. Я не знаю, что будет на помосте, но испытал: ждать невероятно тяжело! И это-"соленый" кусок хлеба!"

Глава 251.

Нервные перенапряжения - их я знаю не только по собственному опыту... В июле ко мне на сборы в Дубну приехал Сашка Курынов. Мы любили вечерами, после тяжелой работы в зале, пройти на моей "Волге" по окрестным шоссе. Места болотистые, в сочной зелени. Ближе к ночи запахи - хмельные и в падах - туманы.

Я гоню машину больше ста километров в час. Шоссе пустынно. Я откинулся на сиденье - приятно. Руки после работы саднит, в мышцах тяжесть. Вечером массажист помнет. Щурюсь: заходит солнце. Вдруг представляю колонны наполеоновских гренадеров: идут в полной выкладке - кивера, ремни, ружья. В самое это время подходили к Смоленску, до Москвы недалеко оставалось. Чудятся мне в туманах кивера, лица, штыки...

Сашка рассказывает о разговоре с Воробьевым, тренировках, отказе взять его на Олимпийские игры. Говорит сбивчиво, напряженно, часто не к месту смеется. И вдруг краем глаза замечаю, как он нажимает на ручку двери.

Я давлю на тормоза всей тяжестью веса, сообразуясь лишь с тем, чтобы машина не опрокинулась. Скорее инстинктом, чем сознанием, круто бросаю машину к обочине: успеть, там он не разобьется, земля в густой траве, влажная...

Уже никого нет на сиденье,, дверца болтается взад-вперед, а меня все тащит и тащит. Наконец машина замирает. Я выскакиваю. Сашка лежит метрах в ста - белый недвижимый бугорок. "Убился!" - ожигает меня жуткая мысль.

Я бегу назад. "Нет Сашки, разбился". Я напряженно всматриваюсь: может, шевелится...

Он неподвижен: голова и руки прижаты к животу, сам на боку, крючком. Я

падаю на колени и ощупываю его: крови нет, и грудь шевелится в дыхании. Крови и ран вроде бы нет. Расцарапан основательно, но это чепуха. Я наклоняюсь к нему - и тут же падаю, точнее, сажусь на землю. Сашка поднимается невероятно быстро и, поднимаясь, отбивает меня назад. Я вскакиваю за ним. Он уже далеко, бежит изо всех сил. Какой-то белый шар катится по траве между кустов. Но ведь там, впереди, бетонная стена шлюза. Если он добежит в такой горячке, он не заметит и рухнет. Он не увидит ее. К тому же темнеет.

Все это я додумываю на ходу, когда бегу за ним. Но я не в силах его догнать. Расстояние даже увеличивается. Еще немного - и он взбежит по откосу и... Я не спускаю глаз с белой рубашки и начинаю кричать: "Стой! Стой! Там обрыв!.." Но он словно заряжен какой-то бешеной энергией. Я кричу, я даже выгадываю в расстоянии, сокращая на прямых. Сашка петляет между кустами, а я сзади могу выбирать путь покороче. И вдруг я вижу, как он падает, падает мгновенно, будто срезанный. Я вижу, его нога запуталась в лозе. Эта лоза стелется от самого куста по земле, низко-низко...

Я с лета накрываю его телом. Он бьется подо мной - один сумасшедше упругий мускул - и хрипит: "Ненавижу тебя, Воробьева, штангу... Всех вас ненавижу! Вам всем только одно: "Давай, давай!" Не люди вы! Будьте прокляты!.."

Этот крик запечатлевается в моей памяти, как и ощущение крепко сбитого, чрезвычайно упругого тела. Мне, кажется, не унять его. Я грубо прижимаю его к земле, боясь отпустить, а он выкрикивает свои страшные слова.

И вдруг он стихает, распадаясь в безвольную массу. Поднимаю его на руки и несусь к машине. Он шепчет: "Я не могу больше, не могу..."

Когда я уложил его на сиденье возле себя, только тогда заметил, что двигатель не отключен.

Назад мы ехали едва ли не на двадцати километрах в час. Я мял правой рукой его за плечи и говорил, говорил...

Спать положил его у себя в номере, на диване. На всякий случай запер дверь на ключ, а ключ спрятал под подушку. Но Сашка все равно ушел. Когда я заснул, он спустился с четвертого этажа по отвесной бетонной стене и всю ночь просидел на скамейке у Волги, не машины, а настоящей Волги. Если эта гостиница и сейчас стоит - река течет от нее метрах в трехстах...

Глава 252.

И вот последнее доказательство, для меня совсем последнее.

Восемнадцатое октября, зал "Шибюйя" (иногда пишут - "Сибуйя").

На взвешивании мой вес 136,4 кг, Жаботинского- 154,45, Шемански - 120,9, Губнера - 125,45 кг.

"В последний день турнира зал "Сибуйя" был в осаде. Он мог вместить только три тысячи зрителей, а жаждущих присутствовать при споре самых сильных людей планеты было в несколько раз больше. Интерес к выступлению штангистов тяжелого веса подогревался японской прессой, которая предсказывала небывалую битву за звание сильнейшего между советскими атлетами Юрием Власовым, Леонидом Жаботинским и американскими - Норбертом Шеманским, Гэри Губнером...

Начало состязаний для наших атлетов было исключительно удачным. Губнер сумел выжать только 175 кг, Шеманский - 180, а Жаботинский с этой тяжестью справился шутя в первом подходе. Затем запорожец поднял 187,5 кг, с которых вступил в борьбу Власов.

Шорох удивления прокатился под сводами "Сибуйя", когда наши силачи заказали 192,5 кг. К сожалению, Жаботинский не справился с этим весом, а Власов выжал его довольно уверенно. И вот на штанге 197,5 кг, что на 1,5 кг выше рекорда мира, установленного Власовым в сентябре. Атлет мощным усилием вскинул снаряд на грудь, поднялся из подседа (не из подседа, а из "седа", так как вес загнал меня глубоко вниз.- Ю. В.) и выжал штангу на прямые руки (выжать и значит распрямить руки.- Ю. В.). Ассистенты с трудом тащат снаряд на весы. Есть новое мировое достижение!

Отличное начало должно было воодушевить Власова. Он впереди Жаботинского на 10 кг. Кроме того, Власов весит 136,4 кг, а Жаботинский 154,45 кг, то есть ему нужно отыграть в рывке и толчке 12,5 кг. Эта задача казалась невыполнимой. Однако успех в жиме в какой-то степени расхолодил Власова. В этом мы убедились, когда начался рывок.

Для первого подхода Власов заказал 162,5 кг, Жаботинский - на 2,5 кг меньше. После того как Жаботинский, справившись с весом, стал готовиться к следующему подходу, на арене появился Власов. И тут атлета постигло несчастье. Он легко взметнул штангу вверх (передача техники исполнения упражнения очень условная, неточная.- Ю. В.), но она упала. Не удержал над головой и во втором подходе.

Можно представить, что творилось в зале. И нетрудно догадаться, какое героическое усилие потребовалось от Власова, чтобы в решающей третьей попытке вырвать коварную штангу.

Власов избежал нулевой оценки, но он израсходовал все подходы, а Жаботинский сумел поднять 167,5 кг и затем сделал попытку поднять 172,5 кг. Но рекордный вес ему не подчинился. И тут на помосте снова появился Власов. Он просит четвертый, дополнительный подход. И - о чудо! Штанга легко летит вверх и застыла на прямых руках атлета. Власов на 2 кг побил свой же мировой рекорд, и это, пожалуй, была ошибка. Стоило ли тратить драгоценную энергию, которая так необходима для успешного финиша, ради рекорда?

По-видимому, Власов в какой-то степени недооценил силу своего соперника и поплатился за это.

Состязания достигли наивысшего накала, когда атлеты приступили к толчку. Никому из соперников наших спортсменов двухсоткилограммовый снаряд не подчинился, а Жаботинский, словно палку, поднял его с первой попытки. Власов начал борьбу с 205 кг, поднял этот вес и попросил установить 210 кг. А Жаботинский?

Он ждет. Ему нужна только "победная штанга". После того как Власов толкнул 210 кг, тренер Жаботинского Алексей Медведев попросил установить 217,5 кг. Неслыханный вес! Он на 2,5 кг выше мирового рекорда Власова. Столько же хочет поднять и Власов, но первым на помост выходит Жаботинский. Попытка оказалась неудачной - атлет не поднял штангу даже на грудь. Не справился с весом и Власов. Но борьба не окончена: у Жаботинского есть третий, зачетный подход. И вот стопятидесятипятикилограммовый богатырь снова на помосте. Жаботинский очень взволнован. Он полон решимости вырвать победу у своего друга и соперника. И на этот раз штанга поднята по всем правилам. Жаботинский - чемпион Олимпиады. Четвертый чемпион нашей команды! На помост поднимается Власов и целует Жаботинского: "Молодец, Леонид, я не думал, что ты возьмешь 217,5 кг, поздравляю!" (Советский спорт, 1964, 19 октября).

Эти слова я не говорил, не мог сказать. Да и как кто мог услышать нас, если мы находились одни на сцене?

Я поздравил Жаботинского - не с радостью, а по долгу. Я представлял команду. Жадно, во все глаза следили за нами из зала и из-за кулис. Чувствую я дал волю после, когда, не дожидаясь никого, ушел в Олимпийскую деревню. Я уже был в правах частного лица.

Я был потрясен проигрышем, крушением надежд. Для меня в проигрыше заключалась величайшая несправедливость. Разве все дело лишь в золотой медали? А все поединки, а пройденный путь, а поиски пути?.. И еще много чувств-образов сковало воображение. Неужто за все - поражение?..

А поведение публики, знакомых, даже близких? Это зависание в пустоте. Этот восторг, который вдруг ни во что поставил весь твой труд. За всю иступленность тренировок вот этот вечер?

В каком-то бреду я шел сквозь дождь в Олимпийскую деревню. Душноватый, задымленный воздух окутывал фонари - тусклые, газовые шары. Поблескивали плащи. Автомобили гнали огни по мокрому асфальту. Рядом молча шагали Володя Голованов и Богдасаров. Он прихрамывал - память о минувших потрясениях.

Преданность спорта. Я еще не был научен немо делать дело, любить дело, а не мнение о нем других - этот суррогат любви и суррогат признания. И я был зол - я нес огромную силу, большую, чем у соперника, а ответить не сумел. Я давился огромностью силы. Я ненавидел ее за бесполезность.

У меня было одно желание: как можно быстрее вернуться домой - и сразу за книги. В той работе не будет подлогов смысла. Спорт казался мне подлогом смысла.

Глава 253.

Лишь когда писал эту книгу, прочитал отчет о соревнованиях атлетов тяжелого веса в Токио. Прочитал через пятнадцать лет. Я вообще потом ничего не читал о спорте. По разным причинам. Отнюдь не только из-за уязвленного самолюбия.

"...Вырвать победу у своего "друга и соперника..." Соперниками мы были, друзьями- никогда.

Причина моего поражения в том, что я вел борьбу со штангой, исключив человека. Были для этого основания. Все вместе это называется - недооценка соперника.

Глава 254.

Выдержки из моего дневника шестьдесят четвертого года:

"...Улетели из Шереметьева. Самолет довольно долго выходил на заданную высоту. Подошел командир корабля Цхворебов (я с ним летел в 1963 году с Кубы - пробный беспосадочный рейс Гавана - Москва) и пригласил в кабину. Там привлекли внимание сотни приборов. Я поздоровался с бортинженером. Оказалось, вместе учились в академии, только он на год младше курсом и с другого факультета. Познакомился с радистом: пожали в темноте руки. Я примостился на вертящемся стульчике в ногах у первого и второго пилотов. Потом перебрался в нос, к штурману. Синел рассвет за плексом кабины...

Хабаровск встретил стужей и снегом, а Токио - солнцем и теплом. Живем в бывшем американском военном городке - это и есть Олимпийская деревня.

Сдвиг на шесть часов при высочайшей отлаженности всех процессов в организме весьма обременителен. Днем заспанный, оглушенный. Нынче не спал вовсе. Под утро полил дождь. Ветер застучал раздвижными рамами.

Наседают журналисты, и вопросы, будто сговорились: сколько едите, можно сфотографировать с большой бутылкой молока, кого знаете в японской литературе, выиграете золотую медаль, с каким результатом?..

Мы в одной комнате с Володей Головановым. Он лежит на кровати и рассуждает: "Отчего подлость?"... Потом пустился в рассуждения о Воробьеве: "Тяжелый человек. Людей делит на категории. По-разному речь ведет. Для одних - улыбка, а другим едва цедит слова..."

Вечером в комнате Богдасарова. Он листает тетрадь и говорит:

- Ты опять наметил большой толчок. А ведь вчера был мощный жим. Разве можно себя снова подвергать потрясениям? Переезд, сон утрачен, климат чужой. Надо приводить в порядок организм, а ты опять в потрясение! Я тебе результаты твоих противников сейчас распишу. Если кто больше сделает, я не тренер тогда! Гляди.- Богдасаров стал писать в тренировочную тетрадь.- Шемански не видел, но уверен: жим - 185, рывок-160, толчок-200 или 202,5 килограмма. Жаботинский: жим-185, рывок-165, толчок-205 килограммов. Сумма - 550 или 560. А ты обладатель всех мировых рекордов! Ходи да поплеывай! Тебе что? Только форму поддерживать - и музыка выйдет на соревнованиях...

За окном сгустились сумерки, стихал город. Олимпийская деревня.

Богдасаров сказал:

- У тебя снова побаливают почки. Не пей все эти суррогатные воды и кока-колу, не надо! Яблоки, молоко и чай - это для тебя. Кто беспокоится о здоровье людей? Мешают "химию"...

Потом сказал:

- Голованов? Голованов флегматичен, а разойдется!.. Идет к штанге - глаза злые, горят, в одну точку... Весь устремлен вперед.

- Зато я спокоен.

- Ты?! Только внешне! У тебя на соревнованиях пожар в груди.- Богдасаров провел по груди.- Все большие атлеты таковы. И это хорошо. А вот Минаев и Куры-нов опустошенные. С ними трудно, Сашку в последние месяцы нельзя узнать...

И все же... какой бы ни была работа, без таланта она - одно ремесленничество, голое ремесленничество. А одно ремесленничество, пусть при самом неистовом труде, никогда не поднимет человека до высот вдохновения и подлинного успеха... Я не сказал об этом Сурену Петровичу. Да и к чему? Он наверняка того же Мнения.

Сегодня пасмурно, ветрено. Тянет ко сну. Накатался на велосипеде, взмок. Когда ездил, оглядывался. Представляю картину: почти 140-килограммовый дядя на велосипеде.

В Подольске штангу в рывке брал решительно. Руки в суставах выключил - и тянул, не колеблясь, выскочит вверх или нет. Просто вкладывал силу...

"Выжму сто девяносто - и дальше Власову конец",- сказал Жаботинский. Его разрывает от похвалы. Ведет себя заносчиво, на грани грубости. Тут дело не только в воспитании...

Богдасаров, услышав об угрозе Жаботинского, даже потемнел:

- Совсем потерял совесть. Ни в одном силовом упражнении сравниться не может, и вряд ли вообще сравнится, а такие вещи позволяет себе. И ведь еще ничего для спорта не сделал и сам никто. Вся сила в огромном животе. Сгони с него хотя бы пятнадцать килограммов - жалкий будет на помосте.

- Он еще сказал о себе, что, мол, когда кончу выступать, начну писать

романы,- сказал я, смеясь.

- Тебе сказал?

- Мне сказал.

- Это нарочно! Тебя выбить из равновесия! Знает твою нервность. А, бог с ним! Знаешь, американцы приехали. Заглянул к ним на тренировку. Шемански выглядит прекрасно, а Губнер - худой, жалуется на руку.

Вечером был в международном клубе. На лицах пустота и любопытство. Накурено!..

Мы собираемся на обед.

- Был на тренировке,- говорит Богдасаров,- Плюкфельдер жал...

- А мне засчитают жим? - спрашивает Куренцов.

- Не поймут судьи. Ты быстро выполняешь жим. Не углядят, растеряются. Все очень быстро. А вот снимут на пленку - и на следующий год прихватят... Правду надо говорить. У Вахонина правое колено "гуляет" - и никто ни звука. А Плюкфельдера, боюсь, прихватят. Ты, Куренцов, учти: первые два подхода смотрят придирчиво, работай почище, а в третьем можно немного шуровать...

- Как дела, Юра? - спросил грузин, когда мы выходим в коридор.

Не знаю его фамилии. Знаю только, что из борцов-классиков.

- Все может быть: спорт,- отвечаю я.- Конечно, мечтаю о победе.

- Брось, выиграешь шутя. Ты так надоел своими победами, что о них следует самыми маленькими буквами...

После обеда читаю "Крымскую войну" Тарле. "...К самому концу жизни Николай Первый иногда просто терялся, не зная, кому же доверять. Из русских выходят декабристы. Из военных немцев декабристов не бывает, но кто же их знает,- может быть, они по-другому неблагополучны..."

В декабризме мне понятно и близко все, кроме одного: почему декабристы с такой легкостью поголовно выдавали друг друга на допросах? Ведь пыток в прямом, страшном смысле для них не существовало... Для меня это мучительная и вечная загадка... Кажется, проясняется, как надо построить

повесть. Мысль пришла неожиданно. До обеда разрабатывал структуру главы будущей книги. Ловлю себя на подражательстве, это злит.

Ключья туч. Духота. Потом внезапная прохлада. Совсем не хочу есть, а вес держать надо. Ем через силу.

- Тонкие кисти у Мартина Луи и с Мартин (Великобритания) - чемпион мира 1959, 1962, 1963 и 1965 годов) отлично! - говорит Воробьев.

Я иду на четвертый этаж в комнату шестнадцать, к Славе Иванову (Вячеслав Иванов - чемпион Олимпийских игр 1956, 1960 и 1964 годов в академической гребле на одиночке).

Он позвал, чтобы передать фотоснимки. Я видел их у секретаря ЦК ВЛКСМ А. Камшалова.

- Болею вот,- сказал Иванов, морщась.- Хронический фронтит замучил. Накачивают бицеллином.

- Это от усталости,- говорю я, чтобы его успокоить.- Я перехворал в этом году - не дай бог! После Игр уйду.

- Надо в Мехико, Юра! На третьи Игры! Я ведь сколько работаю!

- Нет, решено! Баста!

- Я слышал Жаботинского: такие вещи говорит! Очень непорядочно. Я не стал слушать - ушел. А я верю в тебя! Ты сильнее, ты выиграешь!

Я взял открытки. Вышел на улицу. Темнели кроны больших деревьев в парке. Слабо задувал ветер.

Как же хочется заглянуть в будущее! На сердце и в душе холодное кипение.

Иду в столовую.

- Знаешь,- говорит с приятным акцентом Юдит (венгерская метательница). Она повторяет "знаешь" через каждое слово.

- Пойдем ужинать, Юдит.

- Не могу, знаешь. Тренер не позволяет. Знаешь, два килограмма лишнего веса.

После ужина интересная беседа с Попенченко (Валерий Попенченко - чемпион Олимпийских игр 1964 года и чемпион Европы 1963 и 1965 годов по боксу во втором среднем весе). Много вспоминали: мы оба в прошлом суворовцы.

Провел тренировку. Зал гудел от штанг: едва ли не два десятка помостов! Еще с порога заметил американцев. Хоффман восхищенно щупал руки, разглядывал меня. Тэрпак жаловался на усталость после перелета. Губ-нер уныло молчал... Парню-то всего двадцать два года! Только и клепать силу!

Разминался отменно. В стойку вырвал по два раза 160 кг. Я ликовал: сила поспекает. Ходил, отдыхая, между подходами, под десятками любопытных глаз. Живот сам втягивался. Чуть-чуть - и гарцевать начал бы, как жеребец...

Штанга - затянувшееся детство. И как же серьезно все мы принимаем эту игру!

Долгое интервью журналиста из ФРГ.

- Накидал ты ему камней в желе мозгов. Все стереотипы побил, - сказал после Эрик (наш переводчик).

Опостытели суета, кичливость силой! В березы бы, в одиночество...

У себя в комнате разглядывал снимок Гарри Купера. Поразил в фильме "По ком звонит колокол". Все пытался понять, в чем красота этого человека. Наверное, человек всегда красив, если характер выражен во внешности отчетливо, даже резко. В обычном смысле тут красота ни при чем.

- Юра, поздравляю с рекордами в Подольске! - сказал Константин Васильевич Назаров. Он только прилетел. Мы обнимаемся.

- Как верно рассчитал тактически! В самое время!.. - продолжает Константин Васильевич... Уже заканчиваю "Крымскую войну".

"...Вязьмитинов о Малаховом кургане: "Небольшое пространство между траверзом и бруствером было сплошь залито кровью. Смесь крови с пылью, толстым слоем покрывающей землю, образовала какое-то тесто... буро-красного цвета... Как бы густо ни летели пули, но обыкновенно слышится некоторая разделенность свиста одной из них от свиста другой. Здесь же слышалось сплошное шипенье; казалось, что поток пуль как бы струится, ощущалось какое-то течение свинца..."

Вечером славно потренировался. Приплелся на тренировку раздраженный и

опустошенный. Тоска по Наташе, вдруг острая, щемящая, и усталость. Отголоски нервного потрясения весны 1962 года. И еще все время мысли о дочери.

Меня поджидало много публики. Автографы. Просьбы сфотографироваться. Летучие интервью. Пришел Пиньятти с Гранди (Гранди - итальянский атлет) и Маннирони. Тут же разминались усталый, бледный Палинский (Иренеуш Палинский (Польша) - чемпион Олимпийских игр 1960 года и чемпион мира 1961 года) и парни из Австралии, Индокитая, Марокко... В сторонке наблюдают Хоффман и Стейт. Пришел Айланд, самый верный и преданный мой болельщик и редкий знаток силы, - он путешествует за моей силой и победами по всему свету. Я никогда не разговаривал с ним долго и откровенно, но воспринимаю от него настоящее излучение ласки, доброты и глубокой врожденной порядочности.

Сила мощно изливалась из меня в каждом движении. Штанга потеряла тяжесть. Я ожидал приближения новой силы, но все равно растерялся. Это какой-то чудесный подарок! Зал даже не аплодировал, как обычно, а подавленно молчал. Сотни людей, застыв, наблюдали за мной. Даже атлеты прекратили разминки.

Провел жим, потом толчок. Никто не ушел из зала. Мне осталось проделать кое-какую мелочь для связок, гибкости, и я сказал публике: "Все!"

Подошел Стейт: "Бэль форм!" Айланд показал большой палец и улыбнулся: "Гуд!" Пиньятти тоже улыбался: "Трэ фасильеман! Завтра зайду". Жали руку незнакомые люди. А через полчаса я один в комнате и снова со своими мыслями...

Истомившимися по ласке губами тысячью поцелуев покрою умную морду трамвая.

Воробьев рассказывал, как Хоффман отзывался о нашей команде: "Фокусник достает множество предметов из небольшого саквояжа. Кажется, всё уже, ничего нет, а он вдруг извлекает нечто новое..."

И сколько хлопот, неприятностей из-за книги! Издательство, в которое сдал ее по договоренности, наотрез отказалось печатать. Причина: таким спорт не может быть. Где, как напечатать рукопись? Еще одна забота, которую не обойти, - ведь это мое будущее дело... Почему будущее? Оно уже давно в каждом мгновении моей жизни...

Надо было решать эту заботу. Не печалиться или сетовать на непонимание, а решать. Решать, несмотря ни на какие тренировки, срывы, лихорадки и

почти категорическое сопротивление рецензентов...

А теперь эта книга здесь. Вот она - "Себя преодолеть". Прислали несколько сот экземпляров в нашу делегацию (ничего, что с купюрами,-такой книге рад).

Но сколько мне эта книга стоила! Первая моя книга...

Какая же длинная дорога вела в этот город, в эту комнату... Мне кажется, тот человек, каким я был в Риме, так далек!..

Ничего большое, в прозе, читать не могу. А может быть, просто настроение на стихи... Это, наверное, от взведенности. Стихи ведь пишут не для спокойных и сытых...

Въедливы слова Маяковского:

Нет людей.

Понимаете

крик тысячедневных мук?

Душа не хочет немая идти, а сказать кому?

Надо очень сдержанно вести себя. Сплетни, ожидание выступлений с прогнозами, похвальбы - очень легко сорваться в дурное, замараться.

Антипенюк (один из ответственных работников Всесоюзного комитета по физкультуре и спорту) в машине, когда ехали с тренировки, сказал: "Ты, Юра, в большом порядке". Воробьев добавил: "Должен выиграть! Ты сильнее на голову. Твой противник - ты сам..." Я стал такой широкий. Один занял больше половины заднего сиденья. Разносит от силы...

Читаю. Богдасаров, закрыв глаза, лежит на кровати Голованова и слушает. Станный я человек. Одна строка, один стих могут овладеть моим настроением, надолго стать настроением дней.

Вечер просидел с ребятами. Помыслы всех на последних тренировках: кто больше поднимет, кто кого "съест"... Размышлял о неудаче с несколькими рассказами. Написал весной. Очень часто дыхание, настроение вещи гибнет при отделке. Настроение часто в разорванных, даже угловатых фразах. Отделка смывает настроение. Надо уметь при доводке рассказов сохранить тот строй - в нем настроение тех минут...

Солнце и сильный ветер. Хлопают на сквозняках двери, рамы. Меня массировал Деткин, когда пришел Пиньятти.

- Здесь хуже, чем в Риме,- после обычных приветствий сказал Эрманно.- И особенно питание хуже... Юри, а как быстро время? Дети мои взрослеют. Давно ли я выступал в Играх... Пойду, поищу своих. Себастьяно (* Себастьяно Маннирони) связался с женщиной, не ночевал. Нет, я не ханжа. Еще долго до выступлений. Другим - пожалуйста, но только не ему! Ему - нет! В тридцать пять лет уже не те восстановительные возможности. Тридцать пять немного?.. Как кому. Другой и в пятьдесят молод, а он "сгонщик". Ревматические боли, солевые отложения, слабости - ему и без женщины достается, а впереди еще соревнования. Нет, пойду искать Себастьяно. Женщины потом. Бон кураж!

Сколько же раздаю автографов! Некоторые просят еще что-нибудь написать. И пишешь всякие постные, нравоучительные пожелания.

Отлеживаюсь после тренировки. Хочется выступить легко, мощно. Чтобы никто не видел, как велика тяжесть! Чтобы все усилия - как молитва солнцу!

Разгулялся ветер. Шквальный.

Пришел Богдасаров:

- Я с тренировки. Чертов Мартин! Какая прикидка, ведь скоро соревнования! Жал 160, рвал 142,5, толкал 170! Еще такая тренировка - и перетренируется, но вынослив! Обернется это ему бедой. Большие веса любого изнашивают, пусть хоть крепче крепкого.- Потом, чмокая и жуя яблоко, говорил: - Вечером пойду гляну на американцев. Шемански так работает, что ничего нельзя сказать о форме. Опытный атлет... Ты осторожнее на велосипеде. Я чуть под машину не попал. А наш доктор тоже хреново ездит... Такой ветер! Ужас просто...

Горным потоком ревет ветер. Лежу и слушаю. Мысли вялые: "Газеты дружно по мне отслужили панихиду весной, когда Жаботинский накрыл мои рекорды. Одного вознесли, от другого с полным равнодушием отвернулись. Умные газеты и газетчики..."

Зависть - я не обращаю на нее внимания; вернее, стараюсь не обращать, но для меня она всегда - болезнь. Я заболеваю, когда сталкиваюсь с ней.

Судьба, будь милостива! Не дай очерстветь и огрубеть в испытаниях!..

Я не люблю хвастунов силы, мне приятна здоровая сила. Сильным, совершенным телом можно и стоит гордиться, как славной книгой...

Половодье чувств...

Блажен, кто хоть раз смог, хотя бы закрыв глаза, забыть вас,

у, ненужных, как насморк, и трезвых, как нарзан.

У Вереша (Дёзе Вереш (Венгрия) - чемпион мира 1962 и 1963 годов) существенно ухудшилось зрение из-за тренировок с тяжестями, не снимает темные очки. Однако категорически отказывается бросить спорт. Говорил о нем с венгерским тренером.

Я всю жизнь в очках; тренируюсь отчаянно, а зрение не ухудшается.

Очевидно, здесь что-то другое.

Пришли наши газеты. В них кое-что и обо мне. Остро ощущаешь, как газетчики грешат, пишут о том, что не знают или знают понаслышке: худосочен, бесцветен слог тогда.

Богдасаров рассказывает за обедом:

- Мартин снова работал около пределов. Мама родная! 150 выжал, 135 вырвал и 180 толкнул! Ужас просто!.. Жаботинский толкнул 205...

И часа нет, чтобы не думал об Алене. Еще с весны дочь заболела, почти со мной вместе,- и тяжело. Теперь ей долго лечиться... Год... ну не придумаешь труднее. Одна беда за другой...

- Знаешь, какой был Серго! - говорит Богдасаров, и я выслушиваю (в который уже раз!) очередную историю о Серго Амбарцумяне. О нем Сурен Петрович может вспоминать без конца - и всегда восторженно...

Мое нынешнее существование - пустое мотание, болтовня.

Жизнь без исполнения дела, без направленного движения мысли, без напряженного приложения и чувства к любимому делу кажется суетой, чем-то ненастоящим, лишенным смысла и значения. Весь мой строй начинает терять что-то важное. Я четко ощущаю, как становлюсь хуже, гаже, мельче, становлюсь неинтересным даже самому себе.

Я не сомневаюсь, уверен: я подл и мелок, когда дело, в котором реализуются

мой ум и страсть, а главное смысл, которому подчинен и служу, останавливается по какой-либо причине, простой затягивается, и я вынужденно отдаляюсь к другой жизни, чтобы отдать должное этой другой жизни - она тоже требует меня, как это бывает в жизни и любого другого человека...

Сегодня нет ветра, но духота! Есть не хочется. Последние полгода вообще ем через силу, особенно когда лихорадило с апреля по сентябрь... Жизнь сужается. Последние десять дней - как в заточении. Нельзя рисковать формой. Ведь столько вложено! Опасаюсь простуд, травм. Не сажусь у открытых окон, избегаю резких движений, не пью остуженную воду.

Спорт? Эта игра в повышение результата не имеет конца. И вдруг пишу в дневнике вот эти слова: "Думай, как лучше и покрепче выступить! Надо драться, не ной!"

У меня заметное преимущество во всех упражнениях над любым из соперников. Впрочем, после Подольска я избегаю большие веса. Прикидки только поверхностно затронули мою настоящую силу. Вахонин сказал: "Не сомневаюсь в твоей победе. Ты еще десять лет можешь побеждать, а коли весок прибавишь - никто не подступится. Зачем уходить из спорта?.." Он маленький, весь из сухих мышц. Ходит вперевалку. Мешают крупные мышцы на бедрах. Пять лет отработал в шахте под землей: "Худо в мокром забое и еще когда неделями работаешь на карачках: машины не во все забои проходят. Отстучишь отбойным молотком - мозги разжижаются, как пьяный..."

Читаю вперемежку Тарле, Маяковского, Есенина, О'Генри, Горького, Хемингуэя, биографию Вагнера. Заговорщик против покоя и застоя - О'Генри.

Почти не сплю. Падает вес. Если сейчас есть по аппетиту, я, наверное, потеряю сразу килограммов двадцать. Поэтому вместо воды с сегодняшнего дня буду пить только молоко. Превращаюсь в животное. Вот и все твои убеждения.

В бессонные ночи растрескиваешься волей, как старая деревяшка. Ночи - самые большие испытания для нервов. А заноз в душе - и если бы только я их туда понатыкал!..

Доктор сказал: "Не принимай снотворное". Я ответил, что осталось десять дней. Теперь, нужен сон любой ценой. Он снисходительно улыбнулся.

С утра - хмарь. Сыплет дождь. На улицах шипенье воды под колесами автомобилей. Держу чувства наглухо запертыми. Научился скользить по поверхности чувств...

Спросил Нину Еремину, как было после, когда ушла из спорта. "Я бросила жестко. Поначалу было очень тяжело. Тянуло вернуться невыносимо!"

Интересно, а меня будет тянуть невыносимо?..

После завтрака Богдасаров говорил о Жаботинском: "Опять хвастал: мол, "задушу" Власова! А сильный-то никогда не хвастает! Ты правильно делаешь, что не показываешь вида, будто это задевает тебя. Жить надо своими результатами, знать цену себе, своему труду - и не поддаваться на травлю. Чего тренировками удивлять? Я видел Бергера, Мартина... Думаешь, то же самое соберут на соревнованиях? Шиш! Соревнования - особое искусство. Лишь единицы умеют доносить свою силу неприкосновенной. Здесь по опыту нет равных тебе, кроме старины Шемански. Силой же ты на голову выше любого. И жить тебе потому следует только своими результатами. Эх, если бы не твоя литература, гробишь на нее столько здоровья!.."

Не выдержал и сказал на тренировке Воробьеву: "Остались считанные дни - и конец моему спорту. Я ведь знаю ваше настоящее отношение ко мне. Вам будет хорошо без меня. Никто не возразит, и команда в кулаке".

После раскаивался: "Зачем я это?" Подобные срывы - из-за нервной напряженности... В это время пришли Айланд, Стейт и Пиньятти. Снова публика не расходилась, ловила каждое движение. Я работал скучновато, сказывалась усталость предыдущей тренировки, так и должно быть. Потом пришел Жаботинский и уселся напротив.

Я разгуливал по залу между подходами и ловил в зеркале его неотрывный взгляд. Я оборачивался - он принимал отсутствующий вид. Прежде Жаботинский не приходил на мои тренировки. Во всяком случае, я никогда не позволяю себе это - не смотрю тренировки соперника: в этом кроме бестактности всегда нездоровый привкус. Сразу пришла в голову мысль, что это умышленно, дабы "завести" меня, потрепать нервы: ведь мы готовились несколько месяцев порознь - но я тут же прогнал эти подозрения. Все проще и примитивней.

И все же я "завелся". И 160 кг не по плану выжал в подходе пять раз кряду, что совершенно излишне, так как "объемный" жим, пусть даже пустяковый, забивает мышцы и перед соревнованиями вреден. Богдасаров промолчал, но я понял, что он недоволен. Дальше тренировался строго по плану.

После тренировки публика разбрелась. Мы остались одни в большом пустом зале. Мы - это я, Богдасаров, Эрик, Голованов, Воробьев и Айланд.

Я сижу рядом с Айландом и переодеваюсь. Эрик переводит (он отлично владеет и английским, и немецким, и вообще классный парень).

- Редко мы видимся,- говорю я.

- Раз в год - на чемпионатах мира. Я ведь приезжаю посмотреть вас.

- Сколько помню большие международные соревнования, вы всегда в зале.

- Вы мой герой,- смущенно говорит Айланд.

- Вы мой добрый гений, Айланд. С вами всегда победа. Надо было и теперь догадаться и послать телеграмму: выезжайте, без вас не рискую выступать.

- О, это лишне! Вы и так победите.

- Что ж, круг нашего знакомства замыкается. Я оставляю спорт.

- Для меня вы по-прежнему останетесь героем.- Айланд краснеет и церемонно кланяется.

- Спасибо. Подобные слова я, признаться, слышу впервые. Хотя есть и такие люди, которые могли бы их мне сказать. Вот не знаю, чем заполнить пустоту от спорта, сколько же места он занимает!

- Литература. У вас она обязательно получится.

- В литературе я никто, а в спорте долго еще мог бы крепко стоять на ногах.

- Вы всегда добьетесь своего. Такие, как вы, добиваются.

Мы еще долго беседуем. Я остываю. Наконец подсыхает пот - можно и в путь. Мы уславливаемся встретиться завтра, в двадцать тридцать.

- Гуд бай!

Когда Айланд уходит, я говорю себе: "Конечно, лучше самому себя выставить из спорта, а не ждать, чтобы это сделал другой".

Как же тягостно постоянно нести напряжение! Не только ради продвижения

к цели, но и от подчиненности долгу, от множества условий, делающих невозможным всякое снижение этого напряжения. Конечно, если воспринимаешь свое участие в большом спорте как долг, не только развлечение или насыщение честолюбия.

"...Из всего написанного люблю я только то, что пишется своей кровью..."

Я не умею сдерживать себя, не умею говорить правду "от и до". Для меня это самое большое мучение: всегда помнить, где границы правды "от и до".

...Я взял девятый и двенадцатый тома Тарле - и не жалею. За чтением - другое настроение, вырываешься из мира назойливых мыслей и чувств.

Делаю выписки. Бывший военный министр Милютин о правительстве Александра Второго: "Я убежден, что теперешние люди не в силах не только разрешить предстоящую задачу, но даже и понять ее".

После взрыва в Зимнем дворце, организованном 5 февраля 1880 года Степаном Халтуриным, Адлерберг намекнул на необходимость "заставлять" допрашиваемых говорить. "Государь прервал его, спросив с неудовольствием: каким же образом заставлять? Разве пыткой?.."

"Переписка и данные, идущие, например, от Победоносцева, лживы в самой основе своей. Узок был кругозор этого озлобленного и насмерть перепуганного реакционера, за всю жизнь не высказавшего ни единой мысли, которая хоть на вершок возвышалась бы над шаблонными идеалами полицейского гнета и гонения всякой умственной свободы".

И уже забываю Тарле и думаю о своем. Лежу на кровати бессильный, расслабленный. Не обращать внимания на болтовню и стравливания. Не исключен и расчет - лишить меня уверенности, взволновать. Это вполне в духе теперешнего соперничества, если учесть характер борьбы на чемпионате мира прошлого года. Там, в Стокгольме, оно дало свой настоящий цвет. Надо исключить из сознания любые слова, мнения других, будто их нет в природе. Я делал вид, что ничего не замечаю,- и отлично! Не позволять себе впадать в недостойное...

За ужином набиваю желудок ради сохранения собственного веса и раздумываю: все наэлектризованны, сколько несвойственных поступков!

Потом стараюсь оценить свое поведение: я, пожалуй, резок в суждениях, скор на обострения. И сразу во мне протест: не могу быть человеком-машиной! Не могу только набивать брюхо, следить за весом, тренироваться, массироваться, меряться силой!

Перед тем как заснуть, долго говорили с Головановым. Внезапно он сказал: "Ты уйдешь-тоскливо будет. С кем поговорить?" Я потом долго лежал. За окном протяжно сигналили электрички. Я стал считать промежутки между поездами...

Весь день лил дождь. Весь день донимали журналисты. Все, что сейчас надергают обо мне, вывалиют перед публикой - и себя не узнаешь. Слишком "часто от мудрости их идет запах, как будто она исходит от болота".

Пришел проститься Айланд. Сразу после моего выступления уезжает. Переводит Эрик.

- Для меня, Юрий, вы всегда герой, кто бы ни оказался в чемпионах. Любой ваш соперник, из всех кого я знаю, не может стать чемпионом. Он может выполнить эту формальность - выиграть первое место, но от этого не станет чемпионом. У чемпиона - самостоятельный, великий дух. С чемпионом в спорте всегда эпоха, это всегда особенный человек, он ведет всех дорогой силы... Юрий, я всегда готов прийти к вам на помощь. Только дайте знать... Не спрашивайте меня о силе. Если бы я умел делать силу, как умею делать деньги... Война? Я воевал с тридцать девятого по сорок пятый. Живым остался. Я лондонец... кокни! Бизнес?... В Калифорнии. Много работы, но мало времени, даже не всегда могу зайти в зал, хотя он у меня дома... Вы мне годитесь в сыновья... Вы во всем добьетесь успеха!

- Я больше ждать не могу, трещу по швам,- говорю я.

- Вы готовы к бою?

- Я трещу по швам от силы. Ее очень много. Она не хочет ждать! Я готов к бою и хочу боя!

В памяти остались белокурые волосы, крупный изогнутый нос, голубые глаза. Сильная фигура атлета...

Мартин снова тренировался на больших весах. Все! Он не возьмет первое место, он уже отсоревновался! Иметь силу на золотую медаль - и размотать на тренировках. Ведь невозможно восстановить силу в оставшиеся дни. А Шемански - молодец! Суета, зрители ему нипочем. Пристают - буркнет и делает свое. Тренируется без нервов, без горения. Матерый зверь...

"Больше всего после соревнований я люблю не пьедестал почета, не газеты и телеграммы, а душ,- сказал Воробьев.- Стоишь расслабленный, мягкий - и никому ничего от тебя не нужно..." Это очень верно. Блаженное это чувство:

все позади, никому ничего не должен. Мякнешь под водой, тело жидкое, слабое - не верится, что оно держит такое "железо"... Но об этом сейчас думать нельзя. Такие чувства разжижают волю...

Как же человек расположен к лестям! Я старался быть с репортерами посуше, поформальней, а датский репортер начал беседу со слов: "Вы человек-легенда",- и я растаял и говорил с ним часа полтора, хотя обещал Богдасарову ни с кем не говорить больше пятнадцати минут. Ведь они не просто расспрашивают, а идут по самому больному. Сразу начинаешь гореть.

Американец Мюррей интервьюировал меня перед ужином. Переводчик (нет, не Эрик) несколько раз повторял: "Он гадкую статью написал о советских легкоатлетах. Будьте осторожны".

Журналисты заездили. Распаленный непрерывными беседами, я заснул в три часа ночи, но без снотворных. Засыпая, мечтал о соревнованиях и победе. А это плохо, нельзя оживлять в памяти соревнования - это сразу взводит...

Хорошо бы чувство уважения не зависело от спортивных результатов. Слишком резкий переход от восторга к прижизненным некрологам.

После удачной тренировки азартно ужинали и так смеялись, что все оборачивались (как не вспомнить Шекспира: "Перед бедою люди веселятся, а перед удачей их томит тоска"). Ким Буханцев (К и м Буханцев - чемпион СССР в метании диска 1958 и 1963 годов. Участник Олимпийских игр 1956, 1960 и 1964 годов) рассказывал:

- Сегодня выступал руководитель в нашей команде. Поучал, просвещал в трудностях спортивной борьбы.

Мы грохнули смехом:

- Это нас-то!

- Мы ему можем прояснить, а не он! - уже хохотали и наши соседи.

Борец-грузин, я не знаю его фамилии, выругался.

- Идеал Мольтке в приложении к спорту был вовсе не дурен: быть больше, казаться меньше,- сказал я.

После ужина разговорились с Литуевым (Ю р и и Литуев - серебряный призер Олимпийских игр 1952 года, чемпион Европы в беге на 400 м с

барьерами 1958 года. В 1953 году побил мировой рекорд, который простоял до него двадцать лет незыблемо. В 1964 году - тренер сборной команды страны по легкой атлетике). Он вспоминал: "Вы молоды, не были на первых Играх (наши первые Игры в Хельсинки в 1952 году. - Ю. В.). Я выступил, был свободен и решил посмотреть на штангистов. Как раз на другой день работали "полутяжи". Шемански божественно работал, сам больше на легкоатлета похож - стройный. К помосту выйдет - и халат на руки массажисту, на публику жест. Гриша Новак увидел - и давай то же самое. С ним четверо выходят, а он им халат на руки. Потом потянул штангу - неудачная попытка! Вторая попытка-опять неудача! Тут все забегали, про халат забыли. Кое-как в последней попытке Гриша одолел вес, а он в жиме думал обойти Шемански. Тот ведь рвет и толкает замечательно. Вызвали к рывку Шемански. Подходит к штанге - и спотыкается. Засмеялся, рукой махнул: мол, тяни не тяни, а все будет неудача! Оторвал штангу и даже не стал пробовать - бросил. Смеется: примета! Потом прибавил десять килограммов - и вырвал как пушинку... А Гриша за пах хватается: повредил, мол..."

Рядом сидел Вахонин. Он уже не обедает и не ужинает второй день: лишний вес. А ведь при том тренируется. От него один нос остался.

Солнечный день, но не душный.

Опять тренируюсь. Еще в мышцах усталость, но времени достаточно, в самый раз "восстановлюсь".

Итак, сегодня выступает Вахонин. Его соперники Исиносеки и Фуруяма перегорели и сорвались в жиме. Но вот фокус: в жиме Лешку обошел венгр Фёльди! (И м р е Фёльди (Венгрия)-чемпион Олимпийских игр 1972 года и чемпион мира 1965 года. Едва ли не рекордсмен в спортивном долголетии. Выступал на чемпионатах мира без малого почти два десятилетия, почти догнав в этом Норберта Шемански. У Фёльди множество серебряных и бронзовых наград).

Я подошел к окну. Внизу на скамейке сидел Каплунов.

- Знаешь,- обернулся он ко мне,- Григорьев (Олег Григорьев - чемпион Олимпийских игр 1960 года по боксу в легчайшем весе, чемпион Европы 1957, 1963 и 1965 годов) выиграл. Сняли противника из-за травмы. - Заплакал тот.- Каплунов, помолчав, добавил: - Пусть плачет.

- Жаль парня,- сказал я.

- А что делать? Пусть лучше он плачет, чем наш. Григорьев - боксер из

классных. Прибежал Куренцов:

- Вахонину два к одному судьи засчитали 105! Разрыв сократился до 2,5 килограмма! У них уже рывок!..

Я подумал: "Так вот почему Фёльди все дни был не таким веселым и подвижным! Напружиненный, сосредоточенный. Чувствовал силу - и готовился!" Смотреть соревнования, даже по телевизору, я не могу: начинаю гореть. Могу отсоревноваться до своего выступления.

- Сегодня на тренировке опять усталость,- сказал я Богдасарову.

- К соревнованиям отдохнешь,- безразличным тоном отозвался Богдасаров.- День в день поспеет форма.

Я снова высунулся в окно. Каплунов сидел на том же месте.

Я сказал:

- Представляешь, как темнили венгры! Никто не брал в расчет Фёльди. Серыми были у них прикидки.

- Боюсь за Рудика,- сказал Каплунов о Плюкфельдере.- Как бы ему Вереш не подложил свинью.

- Тоже ничего не известно.

После ужина я и Богдасаров сидели на скамейке. Пришел Ким. Он смотрел по телевизору схватки боксеров.

- Скажу я вам: Григорьев - штучка! Левая рука - пружина. Чуть щелка - трах! Левша, а боксирует в обычной стойке. Гладит, гладит, а потом как заутюжит! У венгра бровь рассечена. Мотает головой, не дает смотреть судье. А Григорьев, как скромница, губки поджал и в уголочке стоит. Венгра сняли. Он в отчаянии чуть руку себе не отгрыз. Зубами в канат впился и плачет.

И тут мы услышали крики. Кричали у телевизора - там каждый вечер толпа. Это выиграл Вахонин, толкнув мировой рекорд. А еще через сорок минут сам Вахонин, ошалевший от счастья, рассказывал мне:

- Фёльди толкнул 137,5-унесли на руках! Не верили, что я могу взять 142,5! А я взял, Юра! Фёльди, бледный, трясет меня за плечи в раздевалке и чуть не плачет с горя, все выпрашивает: "Как, как ты их толкнул? Как?!" А я ему

отвечаю: "Как ни болела, а померла".

Пришел Воробьев. Вдруг обнял меня и затих в избытке чувств...

Все галдят, тормозят Вахонина.

Мы расходились, когда появился доктор.

- Поздравляю,- сказал он.

- С чем? - спросил я.- И мы пахали?..

- Ну что ты? - сказал доктор.- Ты сейчас неплох. Борьба, правда, предстоит серьезная.- И быстро пошел в дом.

Богдасаров проворчал:

- Серьезная борьба? Вот чудак! Что несет? Тоже знаток. У тебя стойкое преимущество. Твои килограммы еще никто в мире не поднимал.

Я понимаю: Сурен Петрович настраивает меня.

Заветная сумма - шестьсот. Прибавь по пять килограммов в каждом движении - и ты на ее черте. А ведь эти килограммы в мышцах. Не дрогнуть - и они мои...

Большой спорт воспитывает беспощадной непрерывностью движения, учит верить в себя. Но для меня этот спорт - не финиш движения вообще. Только после такой школы у меня злая решимость и готовность к испытаниям. И я не оглядываюсь назад! Я ни о чем не жалею, ничего не теряю! И если даже не достану цель - все равно не стану ни о чем жалеть и не стану оглядываться.

Мы сидели с Кимом. По дороге в столовую прошел низкий для баскетболиста, но юркий, подвижный спортсмен, смуглый, длиннорукий. Кажется, капитан сборной по баскетболу.

Ким сказал: "Редкий парень. Спортивная натура. Злой. С мячом бежит и все поле видит..."

Ибрагим (египтянин) мечтает "зацепиться" четвертым, целится под Губнера. Мы с ним катались на велосипедах. Ибрагим повторял:

- Не растет собственный вес. Сто пятнадцать килограммов - и больше не

идет. Еще тренер плохой, кто научит?!

- Я выполняю упражнения как следует тогда, когда мысли идут в ритм с движением, не опережают и не отстают,- сказал мне Шемански. Он шел с Губнером, я позвал Эрика. Не знаю переводчика лучше. Чувствуешь человека... Эрик работал с нами еще в Вене, три года назад.

Массажист рассказывает мне:

- Вахонин пошел на 110 килограммов в жиме, а мне убежать хочется. Кажется, лопну, не выдержу нервного напряжения. А доктор развалился на стуле и в зеркало себя разглядывает!

Соблазнился - и глянул в телевизор на выступление Иосинобу Мияке (Иосинобу Мияке (Япония) - чемпион Олимпийских игр 1964 и 1968 годов, чемпион мира 1962, 1965, 1966 годов. Отличался исключительной надежностью в выступлениях).

Результат исключительный, но чувствуется, что это труд. Во всем и за всем гигантское напряжение - его чувствуешь, принимаешь в себя. Я не люблю такой стиль работы. У нас так выступали Воробьев и Медведев.

- Слушай, желаю тебе новых побед,- говорил я Григорьеву.- Сердце тебе отдам.- Я положил руку ему на плечо. Чувство нежности и добра замыло меня. Григорьев покраснел и пожал мне руку.

Чудный, прохладный вечер с дымкой.

- Никуда не хожу,- рассказывает мне Роберт Шавлакадзе (Роберт Шавлакадзе - чемпион Олимпийских игр 1960 года по прыжкам в высоту). - Другому хоть бы что, а я посмотрю соревнования только по телевизору - и просто в огне. Теперь ученый: перегорел из-за этого на чемпионате Европы - и проиграл...

- И я избегаю смотреть,- говорю я.

- Мне бы сделать то, на что я готов,- мечтательно округляет глаза Роберт. Они у него темные, возбужденные.

- Этот всегда ноет перед соревнованиями,- кивнул Ким на толстого атлета без шеи и с широко расправленными руками.- Теперь у него рука болит. Перестраховывается.

- Надо уметь проигрывать. Надо уметь отвечать и нести с достоинством

любую беду,- говорю я и вдруг ловлю себя на нервной запальчивости, говорю громко, горячо и торопливо.

По случаю победы Мияке возле зала - плакаты, японские флаги...

А ведь потом это будет трагедией - жить без спорта. Признайся себе!..

Каплунов дрался против Башановского и Зелинского (Вольдемар Башановский (Польша) - гордость польской тяжелой атлетики, чемпион Олимпийских игр 1964 и 1968 годов, чемпион мира 1961, 1965, 1969 годов; Мариан Зелинский (Польша) - чемпион мира 1959 и 1963 годов. Один из самых "возрастных" атлетов, начал тренироваться, когда ему было ближе к тридцати, чем двадцати годам. Оба отличались спортивным долголетием и умением после неудач снова побеждать. Кроме золотых наград у них множество серебряных и бронзовых) ... и проиграл "золото".

- О, феноменальная борьба! - сообщил доктор перед сном.

- Рубка была отчаянная,- сказал Голованов. За окном - дождь и черная, полная мокрых звуков ночь.

Когда шел на завтрак, меня подозвала доктор Миронова:

- Хочу вас предупредить: Жаботинский ведет себя неспортивно. Я ему ввожу гидрокортизон в плечевой сустав. Так вот... С полчаса назад он мне нагрубил и кричит: "Рукой не пошевелю!" Стонет, охает. Я велела раздеться. Осмотрела - рука в порядке, подвижность стопроцентная и безболезненная. Он как забудется, так отлично работает рукой.

Я подумал: "Ищет оправдания на случай поражения. Учтем".

Ким по поводу преждевременной радости Каплунова после рывка (Володя разбежался и прыгнул ребятам на руки) сказал: "Бога нет, но судьба есть. Зачем радоваться, если борьба не окончена?.."

Если ты есть, судьба, укрепи мою волю!..

Эх, все дождит и дождит. Многовато воды.

Нет Саши Курынова. Без него одиноко. Из тех, кто выступал в Риме, я один. Плюкфельдер был в Риме, но не работал.

Станный мир: все заняты только собой, почти никто не слышит другого, едва ли не глухи. И эти глухие непрерывно говорят в надежде быть

услышанными, понятыми...

В эти дни с каким-то холодным равнодушием думаю о своем выступлении. Равнодушие - это не усталость, это владение собой. И чем ближе к поединку, тем больше это спокойствие. Научился все же владеть собой.

Утром, измеряя давление, доктор говорит:

- Бросишь спорт - и ладно. Это иллюзия жизни, а на самом деле - пустота. А вот вложишь опыт жизни в работу... Давление отличное-115 миллиметров! Молодец, владеешь собой! Ни у кого такого давления нет, ты просто гигант.

Я вспомнил, как доктор проводил измерения в Тбилиси на чемпионате страны 1962 года. За пять минут до вызова на помост у меня было 165 мм, у Жаботинского - 195 мм. Достается сосудам... А разве можно сравнить жесточенность столкновений на чемпионате страны с олимпийскими?..

Дождь без продыха, дождь и дождь...

Пусто. Богдасаров с Головановым уехали в город. Остальные расплозились неизвестно куда. Под ветром над окном раскачивается витой шнур. Белый шнур.

Раздумывал о Мияке. Несколько отталкивает механическая бесчувственность - такая настроенная машина. Все человеческое заморожено. Очевидно, когда человеческое заморожено, лучше работать. Кирпич вообще ничего не чувствует, для любой кладки годится... Я вспомнил: после больших удач Мияке щерил крупные белые зубы... Откуда я знаю? Может быть, это большой и интересный человек. Нельзя внешне брать человека... Но все-таки кирпичом быть проще и уважают больше...

Выписываю из Тарле: "...Царь (Николай Первый.- Ю. В.) знал, что его предадут и покупают именно те, кто ближе всего к нему стоит..."

"...У нас бомбардировка (август 1855 года-Ю. В.) выбивала от 2000 до 2500 человек ежедневно... В первые дни этой августовской бомбардировки таких огромных ежедневных потерь еще не было... Мы теряли в сутки от 600 до 1500 человек... С ночи на 24 августа бомбардировки неслыханно усилились. В среднем каждые сутки погибало до 2500 и более защитников..."

Так и нет времени посмотреть Токио. А когда?..

Уверенность - это мышцы без страха, мощные и, самое главное, точные движения!

...Куренцов проиграл, растерянный, жметесь. Сел и смотрит на меня. Глаза виноватые.

Вошел Воробьев, заговорил резко:

- Смалодушничал! Тебе бы туристом в Токио, а не атлетом! Тьфу, противно!

- И с треском лег на свою кровать.

- Я не трус,- попробовал защищаться Куренцов. Кровь прихлынула к голове, я не выдержал:

- Вы же столько раз были вторым, Аркадий Никитович! При мне уступили чемпионат мира в Варшаве! При мне в Вене оказались третьим на чемпионате мира! Куренцов ведь новичок! Вы так ломаете парня, а ему еще выступать!

В углу, сгорбясь, никак не реагируя на слова, писал что-то Медведев.

В свое время я был встревожен, когда узнал о том, что тренером Жаботинского стал Медведев.

Этот человек знает обо мне все. Он был атлетом, которого я лишил побед в самый расцвет его силы. А каким долгим был его путь к этим победам!..

Потом Медведев готовил диссертацию. Он уже не выступал. Тренировку за тренировкой высиживал в зале ЦСКА. Он изучал мои тренировки, мой характер, мои слабости. Я был открыт для него. Я не скрывал ничего. Он может знать, какие тренировки мне по плечу и, стало быть, что я могу добыть спортивным трудом.

Теперь он тренер Жаботинского. Правда, Медведев держится джентльменски, но мне от этого не легче. Я как бы высвечен перед своим соперником...

Нынче никто не выступает. День солнечный.

Пошел к Жаботинскому. С ним были Плюкфельдер и Каплунов. Я сказал:

- Леня, давай забудем, кто что говорил. А кто пристанет и зашепчет гадости обо мне - гони в шею. Я же не говорил ничего и не буду говорить - обещаю!

- Хорошо,- кивнул Жаботинский.- Пусть так. Почти весь день просидели с Богдасаровым в парке. Людно в Олимпийской деревне, а хочется уединения.

Целые дни долбят люди: вопросы, автографы, фотографирование, порой и ощупывание мышц. Заглянул перед ужином Вахонин.

- А, соизволили навестить бедных родственников,- сказал я.

- Плечо болит! - пожаловался Вахонин.

- У тебя золотая медаль, а ты - плечо!

- Да пусть руки хоть отсохнут после соревнований,- мрачно сказал Богдасаров.

- Куришь теперь в открытую? - спросил я.

- Нет, прячусь от Воробьева,- заулыбался Вахонин,- Вчерась пачку выкурил - ходил за Куренцовым. Так пережил - ночь не спал! Лучше самому работать.

Каждый раз, когда бросаю в урну бумагу или яблочный огрызок, загадываю: попаду - выиграю олимпийские. Счет 21:9. Девять-это попадания.

Я зашел побриться в душевую. Там уже брился смуглый армянин. Его я не знаю.

Чтобы как-то смягчить молчание, я сказал:

- Ждешь, ждешь, кажется, все жилы выкрутило ожидание.

- А у меня финал еще позже твоего выступления. Семь килограммов согнал - и работаю. Девять дней надо держать вес - и бороться. Почти не ем. Вот,- он оттянул курчавую прядь,- сколько седины, а мне двадцать семь! Почти полгода не был дома. Последние четыре месяца - только на ковре, в схватках... А что взамен?..

Уже третий вечер снова с пяти вечера поднимается температура. Лихорадка рвется по проторенному пути. История знакомая. О ней я молчу. Здесь это примут за малодушие, за желание спрятаться. Никто ничего не должен знать. Я крепок и благополучен.

Эх, заглянуть бы в завтра...

Да, но я, по-моему, слишком серьезно начинаю принимать эту игру. Так и сорваться можно...

Сидел с борцами. Один из них удивлялся японскому борцу - олимпийскому чемпиону: "Сгонщик, одна кожа и кости! Ну, дезертир с кладбища, а скорость невероятная! Откуда это?!"

Голованов и Богдасаров поменялись местами. Теперь Сурен Петрович неотлучно со мной. Это важно перед соревнованиями. Настолько надоело ждать, что порой безразлично, как выступлю. Хочется побыстрее расквитаться со спортом. Чего уж, эта жизнь исчерпана.

Стараюсь прятать, не проявлять чувства. Нельзя давать повода никому для обвинения меня в капризности и прочих эгоизмах.

Самое высокое мужество - прожить жизнь честно. Многие ставят на первое место доброту, но можно быть добрым... и соглашателем. Даже храбрый, смелый человек производит неприятное впечатление, если он способен поступиться честностью. Долг, преданность, чистота, идейность - все это замешивается на цементе честности. Для меня это качество - каркас человеческой личности. Недаром слова "честность" и "честь" - одного корня...

Ким неудачно выступил. Неразговорчив, угрюм. На ночь попросил снотворное.

На тренировке снова встретился с Сельветти. Поразил физической дряблостью. А какой же был атлет!

На разминке вдруг как бред: ничего не сумею сделать, разрушается координация!.. Нагрубил Богдасарову. Без радости в мышцах прошел чепуховые веса. И лишь когда стал вырывать раз за разом 160 кг, успокоился. Через силу обрел себя. Проверенный ход.

"Железо" съело кожу на ладонях. Не ладони, а подошвы. На шее и груди, около яремной ямки, сплошной багровый синяк...

После ужина сидели с Кимом, Богдасаровым и Литувевым. Ким день провел на стадионе:

- Не женщины - богини! На шесть метров семьдесят сантиметров прыгают и при том женственны, не огрубели. Кэтберт четыреста метров бежала, как у нас мужчины-десятиборцы не бегают.

Потом рассказывал Литувев:

- Меня Филиппов (Армейский спортивный работник, генерал-лейтенант)

остановил и спрашивает, почему Дутов (Николай Дутов-чемпион СССР 1964 года в беге на 5000 м) сошел с десятикилометровой дистанции... Я вот солдатом был, и на марше у меня печень схватило, а на плече пулемет. Я несколько раз выдохнул: "Хы, хы!" - и как рукой сняло! Печень!..

Мы не смеемся, а гогочем.

Сколько же здесь дармоедов...

Мимо идет доктор. Возле нас задержал шаг:

- Проигрываем "золото". Все американцы берут и немцы. Ничего, по общему числу медалей отыграемся. Говорю ребятам, как доктор сказал:

- Четвертое поколение штангистов переживаю...

Ким зло бормочет:

- Испил бы полбадейки от нашего пота и тревог - и на одно поколение бы не хватило. Литуев:

- А сколько здесь таких! И держатся высокомерно, будто мы при них!

- Что тут толковать: масть к масти подбирается,- отзываюсь я.- Ничего, нас дерут, а мы крепчаем.

- Емельянов (Вадим Емельянов в Токио получил бронзовую медаль) нокаутировал поляка,- говорит Ким.- Правда, поляк слабенький. Богдасаров усмехается:

- А может, Емельянов сильный? Мы смеемся.

Емельянов выступает в тяжелом весе. Тоже из бывших суворовцев. Совсем молод, ему только выступать. Боксеры - удивительно дружная команда...

Сидели долго. Вечер был прохладный. Вышел, украдкой покурил Голованов. Ему работать завтра. Он уже горит: порывист, говорит громко, пятнами румянец по лицу.

Потом пришел Плюкфельдер. Он выиграл золотую медаль. Начали поздравлять. Я обнял его. Он крепко прижался. Как никто он заслужил победу!..

Теперь мне надо попридержаться в весе килограммчика три, проворней буду

на помосте, свежей...

Не спалось. Всякое лезло в голову. Вспомнилось, в какое неловкое положение попал я однажды, как растерялся перед прекрасной женщиной.

Воспитание мое, да и не только мое, складывалось так, что я не целовал и не мог поцеловать руку женщине. Ну поздороваться, ну пожать ручку - это по-нашему, а вот поцеловать...

После Олимпийских игр в Риме я говорю приветственную речь на сцене московского кинотеатра "Россия", и звезда мирового экрана Джина Лоллобриджида протягивает мне руку для поцелуя. Я мучительно краснею и тарашусь на ее руку. Нет, это просто невозможно. Куда деться от стыда?.. Джина поднимает руку выше и ближе ко мне и обвораживающе улыбается; надо видеть ее близко - она была тогда в расцвете, совершенно фантастической красоты женщина, нечто пенорожденное. А глаза у нее... И тогда я, нелепо перекривившись, схватываю ее руку и мну в товарищеском пожатии. До сих пор у меня хранятся эти снимки. Сногшибательная Джина - и я, нелепо склоненный над ее рукой...

Пасмурное, прохладное утро. Завтра выступать мне. Утром, умываясь, я сказал Сенаторову (Александр Сенаторов - чемпион СССР по классической борьбе 1939 года. В 1964 году - государственный тренер по борьбе):

- Скорей бы время! Ну всю душу выело!

Ласковые руки сильного человека сжали мне плечи: - Время нельзя торопить, Юра! Его никогда не повернешь! Умей принимать время...

- Положение локтей - основа правильного жима,- сказал Богдасаров, одеваясь утром. Он даже одеваться пришел ко мне. Спозаранку начинает настраивать меня, в упряжь ставит мои чувства. Пусть, мне легче. Есть на кого опереться. Пусть говорит...

Потом мы сидели с Кимом в парке и перебирали японские газеты. Прогнал нас ветер. И вот, нарастая, дует уже несколько часов... Слежу за собой. Вроде ровен, спокоен. Постылая игра в браваду...

Рама колотилась, дребезжала. Богдасаров прижал ее картоном и ехидно спросил: "Что не стучишь? Давай, милая!"

Картона и бумаги в моем номере много - журналы, книги... чемодан. Да-да, чемодан. Фибровый желтый чемодан с моими вещами стоит в углу комнаты. Если скажешь, что этот чемодан - первый приз за победу на чемпионате

мира в Стокгольме, никто не поверит... А его можно проткнуть пальцем - ведь он из спрессованной бумажной массы...

Получил из Москвы от Аптекаря фотографию. Мое подольское выступление. Поставил фотографию сбоку на ночной столик. На фотографии - победа..

Побеждать, победить - значит прожить жизнь в соответствии со своими убеждениями.

Подлинная победа - незамутненная жизнь в любимом деле, независимость твоего дыхания и твоего дела, уверенность в себе и сохранение искренности. Без искренности человек - это все равно что солнце за дымкой...

Голованов выиграл! Вот и разгадка прикидкам Мартина: опытный атлет, трехкратный чемпион мира упустил победу, заездил себя прикидками. Сомневался, как новичок,- и прикидывался, загонял себя на большие веса, не верил в себя, горел.

А много ли людей умеет верить в себя?..

Пришел Вахонин. Откинулся на кровати:

- Опустошен до предела!

- Ну и здорово! - сказал я.- Мне бы так опустошиться!

Вахонин покрутил транзистор, он висел у него на плече, сказал:

- За хорошими людьми и мы хорошие.

Оживи, "железо"!..

Весной 1962 года в Леселидзе, как раз накануне нервного срыва, я познакомился с Дмитрием Дмитриевичем Жилкиным - тренером метателей: с нами на сборах были легкоатлеты и боксеры. Мы звали Жилкина Димычем. Мы-это я, Ким Буханцев и еще несколько парней из сборной по боксу. Впрочем, его, наверное, так звали многие.

Димыч - своеобразная личность, очень гордый, во всем самостоятельный, войной битый-перебитый, травленный-перетравленный. Он служил в диверсионно-десантных отрядах. О войне рассказывает скупно, но очень образно. Кроме всего прочего, талантливый самоучка-конструктор. Многие его радиоприборы были отмечены дипломами на всесоюзных выставках.

Было бы несправедливо сказать, что он любит спорт,- он его не любит, он его обожает. От спорта ему не надо благ - лишь бы существовала возможность тренировать ребят и самому тренироваться. Его ученики становились чемпионами страны.

В общем, он производит сильное впечатление,

О чем мы только не толковали в эти долгие ночные сидения до рассвета!..

И вот в такие сидения Димыч заговорит о чем-нибудь, а потом вдруг без всякой связи спросит: "Скажи, Юра, как ты его поднимаешь? Как ты умеешь делать "железо" живым? Скажи, открой секрет..."

От неожиданности не сразу соберешься с мыслями, да и как ответить на такой вопрос. Начну что-то объяснять. Он только мотнет головой: "Нет, не то, не то!..- И опять за свое: - Отчего у тебя "железо" живое?" И уставится: глаза крупные, серые, немигающие...

Оживи, "железо"!.. Завтра мне это нужно обязательно.

Даже вот эти записи вести сложно. Подглядывай за собой, а это взводит. Дремать - самое лучшее состояние.

Вот и все. Завтра мой черед.

Все было ради этого дня - все-все!

В пять утра проснулся и лежал с полчаса. Между домами с карканьем носились черные вороны. Потом задремал.

Утро непогожее - это я уловил, встав уже довольно поздно. Ровно шумел дождь. Что ж, дождался, выворачивайся силой - из твоих удовольствий...

Верю в победу. Подвел себя к старту неплохо, по законам высшей опытности: не болен, не потерял вес, кроме тех трех килограммов, что придержаны умышленно, отдохнул, не горел, все связки и мышцы здоровы. И еще до сих пор никому не проигрывал! Значит, не научен проигрывать.

- Дождь льет,- сказал Голованов,- к счастью. Пришел доктор:

- Жаботинский жалуется на руку. Я сделал все необходимое. Я думаю, что это такая травма, которая не должна мешать выступлению. Рука в порядке.

А я вспомнил Миронову. Конечно, перестраховывается, а вдруг сыпанется, тогда на руку можно будет все и свалить...

Говорю доктору:

- Я совершенно здоров.

Пришел корреспондент "Комсомольской правды" Базунов, полистал пачку телеграмм на моем столе, рассказал анекдот.

По дороге на завтрак слышал со всех сторон: "Ты будешь первый!" Я отмахивался и говорил: "Дождь льет на счастье не одному мне".

И потом я писал уже на программе соревнований:

"Перед отъездом посидели молча. У машины стоял Михаил Степанович (Михаил Степанович - работник Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту) : "Я тебя, дорогой, жду уже тридцать минут. Фронтвики суеверны... Вахонина и Голованова провожал - выиграла. Теперь тебя жду. Ты не улыбайся, это не психотерапия. Первый! Только первый!" Он обнял меня.

Дождь поливал нас.

В машине Воробьев сказал: "Люблю дождь".

...Только что вернулся со взвешивания. Мой вес - 136,4 кг. Отличный вес! Значит, не горел!.. Я копался в сумке, отбирая вещи, бинты. Сбоку говорил Воробьев:

"Не буду ждать окончания Игр - улечу послезавтра. Самому выступать легче. Из сил выбился за всех болеть. Столько волнений!..""

Оживи, "железо"! Слышишь, оживи!..

Итак, победа за мной. Этот подход может мне дать еще один рекорд - третий мировой рекорд в этих соревнованиях. Что может быть почетней такой победы!.. Еще подход-и всему конец, вообще всему!!

Я натер подошвы ботинок канифолью, чтобы ноги стопорились в посыле. На ботинках красной краской выведены имена побежденных соперников: Эндерсон, Брэдфорд, Шемански, Эшмэн, Сид, Зирк, Губнер...

Штанга закручена замками. Не прикасаясь к грифу, я ощутил эту тяжесть,

бесшумную в замках, отзывчивую на любое движение. Гриф упругий и на хороших подшипниках: удобно цеплять на грудь. "Элейко" - высшего класса гриф.

Я примеривался к грифу и воспроизводил в памяти движение. Проверял готовность мышц, взводил их командами, отрешался от всего, кроме надвигающегося усилия. Жар опалил, сушил. Не зал, а топка...

Я не выпускал из сознания самые важные стартовые правила: не согнуть руки в тяге, особенно при отрыве веса, а в посыле не клюнуть и подсед сделать коротким... Можно гордиться: выдрессировал себя.

Я еще не брал гриф. Выцеливал хват, ширину стартового положения ног, прикидывал положение плеч.

Нет, я не пускал в сознание мысль о том, какой будет тяжесть! Пусть это самый большой вес. Пусть его никто не брал. Пусть я тут первый...

Я отучил себя воспринимать все иные чувства, кроме рабочих.

Пора...

Мышцы подключались уверенно, без сбоев, и вес набирал скорость. Я стал необыкновенно твердым, когда вытянул его в точку подрыва,- в этот момент штанга весит намного больше, чем в покое. Все внутри сжалось в ком. И все напряжения были жгуче-горячими и каменно-твердыми.

Я сделал главное: зацепил вес на нужную высоту. Уход уже не представлял сложностей. Самое главное - не смалодушничать, подставить себя под вес, войти под него.

И я вошел! Я принял его на грудь мягко и точно. И встал я очень легко. Зал охнул - я это услышал.

Когда вес на груди и ты уже распрямился, нельзя долго стоять. Очень ограничен запас воздуха в легких, а дышать нельзя: разрушишь опору из мышц. Можно только перед самым посылом коротко захватить воздух ртом, совсем немного, чуть-чуть... И нельзя стоять - мышцы затекают. И вес нельзя переключать. Вес уже должен лечь на место, когда заканчиваешь выпрямление, в самый последний момент...

Выдрессировал себя...

В эти мгновения нельзя сомневаться, совсем нельзя, даже тень подобной

мысли допускать нельзя. Любая мысль отзывается в мышцах и движениях. Необходимо подгонять себя уверенностью - тогда вес много легче. Я присел коротко, чтобы вес не осадил. И ударил гриф грудью, силой ног. Поймал его наверху, но чуть впереди и на едва согнутой левой руке.

Куцый посыл! Сомнения держали на поводке движения. Я незаметно для себя перестраховался. Все, что случилось с моими мышцами и суставами до этого - во Львове и на том, первом чемпионате страны, мозг помнил. Он по-своему оберегал меня, не пускал под тяжесть. Мышцы-антагонисты притормозили посыл. Гриф бился в руках. Осечка!

Я коротко шагнул вперед и попытался выпрямить руку. Она заюлила. Я поймал штангу и уже был под нею, но рука еще не вывела вес, не могла вывести. Я попытался темповым дожатием загнать штангу на место. Это не безвыходное состояние. В Стокгольме я установил рекорд в гораздо худшем положении. Тогда я просто шел за штангой и дожимал ее, почти такой же вес.

Штанга ломала меня. Мелькнула мысль: "Зачем? Ты уже первый! Медаль за тобой. Можешь установить рекорд после. Куда денется?.."

И эта мысль тотчас отозвалась в мышцах. Она сразу разрушила опору. Я увернулся из-под веса. И в самом деле, зачем рисковать, еще найдутся соревнования.

Как ни болела, а померла... сэр...

Глава 255.

И запись тут же, после выступления:

"Два зала: разминочный и для выступлений. Неумолчные жалобы Жаботинского. И у меня не меньше чувство отвращения к выступлению, но чтобы оно было у Жаботинского?! После-омертвение в неудаче с рывком; второй раз в жизни я оказался в таком положении, а сила - огромная.

Предложение Жаботинского перед последним упражнением (мы стояли за сценой): "Давай закончим выступление? Сделаем по одному подходу на 200 для зачета - и финиш!!"

Так ведут себя лишь те, кто сломлен. И я решил: соперник сдался, треснул.

"Нет,- сказал я,- я буду клепать все по плану. Это мое последнее выступление. Я уже накрыл два мировых рекорда. Может быть, удастся и этот, в толчке. Не хочешь - не работай, а меня не держи. Не пойдешь на другие веса -я пойду..."

В ответ на мои слова Жаботинский снизил начальный подход с 205 на 200 кг. Я принял это как отказ от борьбы, как смирение. Испекся Леня. Зачем бахвалился тогда...

И вот перед последней попыткой его внезапное появление - и неудача! Еще бы, он хотел срезать рекордный вес; он, который сломлен. Зачем он это делает, ведь он уже не верит в борьбу?..

И я за ним попытался зафиксировать рекорд, но тоже срезался. Все, больше попыток у меня нет. Все выстрелены. Были три - и все выстрелены, но это не имеет, значения: олимпийская медаль за мной, это факт.

И опять попытка Жаботинского - теперь уже последняя. Для меня - чистейшей воды авантюра.

Леня с рычанием сбросил плед. Я видел, как он переглянулся с Медведевым, как рванулся к лестнице - всего пять ступенек на сцену. Что-то в его жестах, поведении насторожило. Я с тревогой впился взглядом в штангу. Она у него на груди! Он встает! Штанга на вытянутых руках!!

И крик Медведева: "Он же олимпийский чемпион!!!"

Я окаменел.

Я проиграл из-за недооценки соперника и, как следствие, потери воли к борьбе. Разговоры с соперником, которых я не допускал во всю мою спортивную жизнь,- его жалобы на усталость, а затем предложение отказаться от борьбы, удовольствоваться одним подходом в толчке, на начальном весе все и закончить - нарушили великий закон борьбы - закон предельной собранности, а если грубее, без вежливости: я нарушил закон ненависти, закон яростного неприятия соперника - ненависти спортивной, на мгновения борьбы.

Это я все сам устроил, своими руками. Мне показалось недостойным: в одной команде выступаем, а будем в разных раздевалках. И я решительно потребовал, чтобы мы были в одной раздевалке. Зачем кормить сплетнями газеты и всю околоспортивную шушеру?..

Впервые я сидел, лежал бок о бок с соперником. Я и не мог предположить,

что мы будем говорить, да еще столько. Жаботинский жаловался на спорт, клял и говорил, что бросит, не будет выступать. Я только удивлялся:

ведь он еще и не хлебал большого спорта, откуда это? А после решил: я сломал его, борьба сломала, не выдержал напора ожидания, а теперь - борьбы. Все это расхолаживало. О каком неприятии могла идти речь, какой злости, ярости, о каком риске?..

Осталась всего-навсего необходимость выступать, а ярость и упорство стушевались...

А потом я прозевал перемены в сопернике, прозевал и расхолодился, а он собрался и совершил спортивный подвиг, свалив мировой рекорд. Мне показалось, не я окаменел, а все вокруг.

Все равно: надо уметь побеждать.

До конца бороться - и побеждать.

Господи, какая большая и сложная жизнь, а я мучаюсь честолюбием, ревностью. Да, да, я играл себя все эти годы, не был собой, предавал свою жизнь. Я страшился открыть себя, прятался за слова, отгородился целой системой слов. Обманная, фальшивая жизнь! Господи, как я позволил этой игрушечной жизни стать моей жизнью?!

Как легко и свободно, когда все это стаптываешь с себя! Нет прошлого - все достану, будущее - за мной.

И лишь через неделю в дневнике следующая запись, попытка изложить события более 'или менее упорядочение:

"Олимпийское выступление.

Условия для разминки плохие. Проходной двор, а не место разминки, даже стульев нет, а болтается кто угодно.

Писали, что зал переполнен, а я видел предостаточно пустых кресел.

Жим.

На моих глазах Шемански два раза ронял штангу перед судьями и лишь в третьем подходе изогнулся, задрожал, но выжал. Хоффман даже осунулся, а я почему-то припомнил наше столкновение в Будапеште. Вот и отвернулась фортуна, ребята. Несладко, а?.. Теперь поешьте того, моего хлеба...

Если слез моих хочешь, ты должен сначала

Плакать и сам...

Я в жиме чувствовал себя отменно. Однако излишне перестраховался в первой попытке. Сорвал вес одними руками, исключив начисто работу корпусом.

Жаботинский с весом 192,5 кг сел на ягодицы и, таким образом, сразу отстал. А я снова выжал вес, и снова голой силой. Сколько же я чувствовал в себе этой силы!

В третьей попытке я пошел на 197,5 кг - рекорд мира. Хлопок судьи лег в самый раз. Я сорвал вес и едва не потерял равновесие. Штанга так послушно пошла, что я выпер ее одними руками. И уже в темноте (кислородное голодание) завел штангу на место.

Все несчастье рывка - маленький начальный вес. Я выхватывал штангу, не успевая толком развернуться под ней и почувствовать, чтобы уравновесить. Я выкладывался на полную, а вес был слишком мал. Я мог вырвать его в стойку. И только в третьем подходе - это отчаяние, закованное в решимость, это и беспокойство, и омертвление чувств, и жестокий контроль чувств. Потом, в четвертой попытке, выхватил рекорд мира. От неуверенности и пережитого одна рука против правил чуть "сыграла", но судьи от обалдения ничего не заметили.

После рывка совершенное спокойствие - Жаботинский был сломлен, и я уже знал, что выиграю... И еще эти разговоры Жаботинского! И я пошел кратчайшим путем к победе!!"

Глава 256.

В 1957 году на чемпионате Вооруженных Сил во Львове я, тогда молоденький лейтенант, повредил позвоночник. В посыле, побаиваясь рекордного веса, который захватил на грудь, я вытолкнул штангу неточно. Эта неточность - один из подсознательных приемов страховки. Я не нагружал полностью спину, не замыкал суставы и мог в любой момент уйти от веса.

Когда штанга вышла на прямые руки, я неожиданно почувствовал, что она весит сущие пустяки. Вес мой! Должен быть моим! Я сунулся под него, но

штанга валилась вперед. Я рывками продвигался за ней, стараясь поймать центр тяжести. И вдруг почувствовал, как мягка спина, потерявшая опору в беготне по помосту. А боль!!

Штанга ломала меня, а я медлил. Я рассчитывал утихомирить ее. И лишь когда оцепенел от боли и желто, тягуче поплыл свет в глазах, а рот свела судорога, я выскользнул из-под веса. Я опоздал, но могло быть хуже...

С тех пор я потерял уверенный посыл. Все рекорды я устанавливал при изрядном запасе. В 1958 году я впервые участвовал в чемпионате страны. И снова сошелся с рекордом в последнем толчковом движении. На этот раз "железо" наказало меня при уходе в "низкий сед".

Сидя на корточках с весом на груди, я слышал, как раздавливается хрящ в коленном суставе, и еще так громко трещат связки! Мне казалось, треск слышат все.

Однако снова, как и тогда во Львове, не бросил штангу. Взять рекорд! Зал стонал, топал, радуясь рекорду. И я, дурень, полез с весом вверх. Взять этот вес, удержать! Еще чуть-чуть! Взять!..

Я слышал, как хруст . разъедает коленный сустав. Я выпрямился с весом, но послать с груди уже не мог.

Утром массивный гипс украсил мою ногу от паха до лодыжки.

После этих травм, по мнению многих, мне уже не было места в испытаниях большой игры. Знаменитый старый атлет съязвил: "Мальчик сразу из ясель пошел на покой..."

Но я стал приучать себя к "железу": всему учиться заново, создавать свой стиль работы в темповых движениях, особенно при взятии веса на грудь. Меня ждал тот еще "покой"...

Однако метки той боли от позвоночника зафиксировались в памяти - и это прорвалось наружу! Стоило чуть ослабить контроль, расслабиться - и прорвалось! Лишь на мгновение я сам перестал быть "железом"! Я отпустил ярость, уже тешился медалью, не сражался, а играл...

Глава 257.

Потрясение дало себя знать после, ночью. Уже в номере, расшнуровывая

штангетки, я вдруг увидел их. Вдруг как-то отчетливо увидел свои старые штангетки!

Неужели все?! Я не увижу зал, зарево огней?! Все, теперь уже все! Я шагнул к окну и швырнул серебряную олимпийскую медаль в окно. Что за глумливая награда? За все годы в ярости поиска, преодолении, жестокостях борьбы и беспощадности к себе - вот это, серебряный кружок на пестренькой ленточке?! Я отрекался от этой награды, не признавал ее.

Ночь эту отчетливо помню до сих пор. Одиночество этой ночи. Черную, хлюпающую мглу за окнами.

Та ночь после поражения...

Я казался себе смешным. Как же, в одиночку выстроить всю огромность силы, выгнуть напрямую все пути к силе - и подавиться ею!

Я отрицал усталость, как слабость духа. Я наделял силу, тренировки смыслом одушевленности. Я выдумывал, выдумывал... Слишком всерьез принял я эту игру в силу. Ведь для всех она лишь забава, приятные часы у телевизора или за спортивной газетой. Меня дергали за шнуры самолюбия - и я кривлялся в потугах рекордов...

Нет, успех в жиме не расхолодил меня - это автор отчета в "Советском спорте" нафантазировал. Не мог расхолодить. Я был горд рекордом. Рекорд в зачетных попытках - это истинно драгоценные килограммы. Я их добыл. И пошел в рывке на вес Жаботинского - мне нужна была рекордная сумма троеборья. Только через рекордный рывок я мог ее достать. А "засох" в рывке. Со всей своей дрессированной силой, самой большой силой не сумел распутать движения. И понятно: сорвался в упражнении, которое лишь кое-как освоил. Нужны годы, чтобы затвердить его. Подвел навык, автоматизм.

В мощном возбуждении навык дал осечку. В этом возбуждении все решает автоматизм движений, степень заученности. Тогда думаешь не о движении, а о победе, то есть силе. И мышцы сами выхлестывают на нужной силе. А как они выхлестывают - не помнишь, не знаешь: это все на заученности. И чем устойчивее навык, тем прочнее схождение всех рычагов, натяжений, режимов работы мышц.

Меня обыграли в рывке - я обязан отвечать силой. Не мог не ответить. Ведь я доказывал силу. Ведь вся эта игра и существует лишь для доказательства силы. Если не это, позволительно спросить: что взамен?.. И потом, любой твой успех - это удар для соперника, а такой, как мировой рекорд, даже не удар, а подрыв его веры и воли. Это я тоже учитывал.

Упреки обрушились и на моего тренера. Нелепые упреки, упреки от незнания сущности дела. Да и как упрекать кого-либо из нас, не зная характера наших отношений, не зная задач, которые мы поставили для решения в тот вечер?

Какие подходы делать - решал я. В данном случае тренер являлся надежным помощником, но последнее слово было моим. Я же прорывался к рекордной сумме, если не 600 кг, то предельно к ней близкой.

Я доказывал силу, а не торговал силой, не выгадывал силой. В эти часы никто не был властен надо мной. Отдав первые подходы для зачета команде, я сразу шел в бросок - встать на заветные килограммы. И утверждал принципы силы, порядок ее выражения.

Отбить у соперника охоту к борьбе, подавить его волю - вот что такое тактика высоких результатов. И я на нее очень рассчитывал.

Сердцем принимаю ответ Михаила Голицына Петру Первому. Приступом Нотебурга - крепостицы небольшой, но толково обороняемой - руководил сам царь Петр. Против ожидания, быстрого успеха не последовало, крепостица огрызалась преобильно. Петр приказал снять осаду. Приказ передали командиру отряда семеновцев подполковнику Голицыну. Подполковник руководил штурмом не из штабной землянки. На крепостном валу услышал повеление государя. В гневе, боевом запале отрезал посыльному офицеру: "Передайте царю, что сейчас я во власти не Петра, а бога!" И повел семеновцев в атаку...

Я не Михаил Голицын, а зал "Шибюя" - не Нотебург, но владела мной решимость сражаться - не прикидывать, выгадывая.

Да и в самом деле, кто мы, если наши поступки, слова - лишь рассудок?.. Иначе поступить я не мог. Иначе - от торговли силой. Ведь была сила, много силы - и я вводил ее в поединок. И потом, как уступить в противоборстве, когда ты сильнее, привел себя к этой силе, жил ради нее, ради этих часов? Не ответить на вызов силой?!

В 1960-1962 годах я мог презреть вызовы Эндерсона, тренироваться спокойно. Я был слишком далек от соперников по любительскому спорту. И не бывать бы тогда критическому сближению результатов на чемпионате в Будапеште с Шемански. Без утомления, на свежей силе от зимних и летних тренировок я бы выиграл шутя. У меня все равно было преимущество. Правда, не такое, которое я тогда закладывал в мышцы... А тогда, затравленный экспериментальными тренировками, доведенный ими до

нервного истощения, я едва наскреб силу для отражения натиска Норба. Но не мог же я увильнуть от вызова Эндерсона, отдать тренировки пережевыванию упражнений и делать вид, что нет Эндерсона. Какой же я атлет, если посвящаю жизнь силе и меня срамят силой, а я молчу, уйду от ответа?..

Жаботинский проиграл мне в жиме. В раздевалке он мне говорил, что тоже устал от спорта и бросит его. Накануне он всем говорил, что будет первым, а сейчас отказывался даже от спорта. Значит, борьба смяла его - так я понял.

"Давай кончим! Ни ты, ни я не сделаем больше ни одного подхода!" - предложение Жаботинского. Мы стояли перед проходом на сцену. Оба разогреблись для последнего упражнения. Я сказал: "Нет!"

"Как хочешь", - и Жаботинский велел перезаявить свой первый подход на меньший. Для меня это было доказательством отказа соперника сражаться. Ведь в борьбе всегда завышаешь первый подход. Тут и задача тренера - не позволить зарваться: не дай бог "баранка"!

Соперник предложил больше не выступать. Соперник снизил подход. Мне стало ясно, что он сломлен, или, как говорят атлеты, накормлен "железом". Мне было ясно, что мои рекорды в жиме и рывке оглушили его. И я сбросил его со счетов.

Я почувствовал свободу. Теперь я один. Все подходы будет определять только целесообразность рекорда, точнее - наката на этот рекорд... Я спокойно назвал тренеру цифры двух оставшихся подходов. Я мог бы установить другой промежуточный вес и обезопасить себя наверняка. Тот промежуточный вес я уже брал не один раз и зафиксировал бы уверенно. Тогда Жаботинский вообще не мог угрожать мне. Но в том-то и дело, что я уже не считал его соперником. Все факты выстраивались один к одному, и вывод следовал вполне определенный: Жаботинский из борьбы выбыл, фактически признал свое поражение, ведь натиск я начал еще в Подольске.

Я назвал цифры подходов, думая лишь о рекорде. Подчинил соревнования интересам рекорда - притирке промежуточным весом к рекордному, наивыгоднейшей разнице между промежуточным весом и рекордным. Рекордный вес не должен ошеломлять тяжестью. Я как бы накатывался на него через оптимальные весовые промежутки.

И забыл о Жаботинском, для меня он уже закончил выступления.

Ведь еще кроме этих слов было много других. И все от настроения свернуть поединок, жалобы на усталость. Не мои слова. Но они тоже работали. Я ими

проникся. Жаботинский до поединка вел себя так, словно моя участь решена. Это задевало. Я весь подбирался к схватке, настраивал себя на беспощадность. И вдруг - в жиме у меня мировой рекорд. Можно понять Жаботинского: рекорд в зачетной попытке! И ведь даже при срыве в рывке я остался впереди, а толчковое упражнение - из моих самое могучее. Надежд на победу у него почти нет - я так раскручивал его слова и поведение.

Ведь в памяти чемпионаты - и какие! В Будапеште Жаботинский вдруг отказался выступать, сославшись на больную кисть. А Стокгольм?.. Игра против своего вопреки обязательствам, совершенно ошеломляющий натиск заодно с американцами... Здесь все эти спектакли у Зои Сергеевны Мироновой... Для Жаботинского не столь унижительным явилось бы поражение. При обоюдном согласии все выходило вполне сносно: у Власова - успех в жиме, но неудача в рывке (конечно, относительная, ведь я установил рекорд мира), и все же у него, Жаботинского,- определенное возмещение: пять килограммов отыграны в рывке, а в толчковом упражнении мы мирно расстаемся на заурядных весах. Все это само собой подсказывало сознание, точнее, навязывалось сознанию фактами...

Я уже сражался не с соперником, а со штангой - это принципиальная разница. Это искажение закона борьбы. Не та ярость, не та мобилизация, не та решимость и цепкость. Для меня это уже была не борьба, а всего лишней рекорд. Медаль для меня уже отчеканена... в золоте! Ведь соперник предложил мировую...

Я нарушил великий закон борьбы - закон собранности. Для меня он имел всегда первостепенное значение. На этом чувстве я выиграл когда-то в Горьком, потом в Будапеште, Стокгольме... Да всегда я проникался жгучим неприятием соперника, оно закладывалось в мышцы и волю.

Я был очень удивлен, когда Жаботинский вдруг вызвался на 217,5 кг. Но эта его первая никудышная попытка - 217,5 кг даже не приподнялись выше колен. Обычно под вес все же пытаются прорваться - это от ярости борьбы, серьезности намерений, не от блефа. А мне соперник еще раз показал несостоятельность. Полная потеря себя в усилении.

Это была столь впечатляющая демонстрация бессилия, что меня сразу бросились поздравлять с золотой медалью. Для всех я уже был победителем.

Для меня 217,5 кг-мировой рекорд, и только! Победа уже за плечами. Я лишь должен освоить новый рекорд. И я пошел спокойно, деловито, ничто не угрожало мне, а когда штанга неточно пошла в посыле с груди, я и упираться не стал.

Я этот рекорд увидел в завтра. Все равно надо собирать заветную сумму. Здесь не сложилась - будет завтра.

Зачетных попыток всего три, мои - исчерпаны.

У Жаботинского же - еще одна. И он с блеском ее исполнил. Я беспомощно глазел. Но уже никто меня не вызовет: все попытки использованы. Я всего лишь зритель.

Робости и зависимости от штанги не было и в помине. Я владел собой надежно. Однако все получилось совсем не так, как мы это задумали с тренером. Выступление было замешано на противоречивых установках. И свое понимание событий внесла стихия, то есть темперамент (азарт, страсть). Штанга подчинялась моей воле, но я уже не был рабом расчета, свое место заняли страсть и азарт. И я увлеченно, самозабвенно побеждал, чтобы... проиграть...

Глава 258.

Сколько же раз я возвращался в памяти к этому выступлению, особенно к последней попытке в толчке! В ней отсутствовала воля сопротивления. Я нарушил закон собранности - и поплатился...

Вес я брал на грудь с запасом, вставал легко. Ведь на тренировках гонял себя в приседаниях с весом 275 кг на плечах.

И посыл с груди этих рекордных 217,5 почти удался. Вес чуть-чуть не добрал до распрямления рук. Я уже прилаживался его дожать в темпе. Но мысль о том, что это всего лишь рекорд, совсем иначе заставила себя вести. Она уже сидела приказом в мышцах. Я был уже в чемпионах. И без этой третьей попытки выходил на первое место. И не стал бороться с весом.

"Ерунда! - решил я.- Все равно уже два мировых рекорда сегодня мои - в жиме и рывке! И я чемпион! Все сбылось! Конец!"

И не знал, что через несколько минут проиграю.

Я уходил с помоста, опустошенный борьбой, немного раздосадованный, но, в общем, довольный. Я сумел вложить наработанную силу в подходы. В рывке, правда, сорвался и "засох" на первом подходе, но все поставил на свои места, когда четвертой незачетной попыткой установил мировой рекорд. Если бы тот вес оказался зачетным!

Навстречу поднимался Жаботинский. А потом случилось то, чего я не ожидал. Он превосходно взял вес, который сразу вывел его на первое место. Откуда эта перемена? Откуда этот взрыв силы? Ведь он сломлен, он не способен к борьбе, он практически выбыл из борьбы! Что случилось? Как это могло случиться?! Как я проглядел эту перемену?! Как это стало вообще возможно?!

У меня не было подходов для ответа...

Господи, сколько же я об этом думал!

Первые шесть мест после соревнований атлетов тяжелого веса распределились: Л. Жаботинский (СССР) - 572,5 кг (187,5+167,5+217,5), Ю. Власов (СССР)- 570 (197,5+162,5+210), Н. Шемански (США) - 537,5 (180+165+192,5), Г. Губнер (США) - 512,5 (175+150+187,5), К. Эчер (Венгрия) - 507,5 (175+ 147,5+185), М. Ибрагим (Египет) - 495 (162,5+145+187,5); и командные: СССР-43 очка, Польша- 25 очков, Япония - 22 очка, США - 20, Венгрия - 18, ЧССР - 9.

Если не считать атлетов довоенного времени, когда сборная не участвовала в чемпионатах мира и официальных международных турнирах, кроме рабочих и профсоюзных встреч, я оказался во втором поколении советских атлетов. Первые сражались за утверждение нашей тяжелой атлетики в мировом спорте. Поражения от американцев и отчасти египтян следовали одно за другим. И все-таки это поколение прорвалось к победам. Мы учились у этих атлетов, гордились даже обычным знакомством. Они попали под удары самых сильных и все же заставили их уступить золотые медали чемпионов. Поколение победителей: Григорий Новак, Иван Удодов, Рафаэль Чимишкян, Николай Саксонов, Трофим Ломакин, Аркадий Воробьев. Их опыт помог понять тренировки. От них сборная второго поколения впитала дух победы, дерзости поединков, страстного упорства в столкновении со всеми королями помоста. Для нас это - легендарные имена. Без практики международных встреч, в условиях тренировки, которые ныне кажутся жалкими, они врубались в толщу мировых рекордов и чемпионатов - и вырубали победы, рекорды и самое понятие "советская школа тяжелой атлетики".

Мы, атлеты второго поколения, уже приручили победы. Командой мы не проигрывали чемпионатов мира.

Время чистой и благородной силы.

Все препараты, искусственно возвращающие силу, были получены во

второй половине 60-х годов, когда мы уже ушли с помоста.

Эти так называемые восстановители силы исказили облик мирового спорта.

Сделан подлог: на препаратах поднят потолок рекордов, а историки спорта, журналисты продолжают сравнивать результаты - результаты атлетов, по существу, разных эпох. Да, был осуществлен подлог, нечестность дала дополнительную, и значительную, силу. Невозможно, недопустимо и в высшей степени несправедливо не замечать это и продолжать сравнивать силу от чести, мужества тренировок с силой, возвращаемой и возвращенной на препаратах и разного рода восстановителях.

Настоящую силу побед учили нас добывать тренеры Я. Ю. Спарре, Я. Г. Куценко, Н. И. Шатов, А. И. Божко, Л. Б. Механик, Д. П. Поляков, С. П. Богдасаров.

Богатое прошлое всего русского силового спорта явилось благодатной основой, без которой немислимы были бы все последующие успехи. Великие имена атлетов прошлого, их подвиги одаляли любовью к "железной игре" - за честь своей страны и во славу спорта!

Славные традиции русской силы. Ее воплощали девизы первых русских атлетических журналов:

"Каждый человек может и должен быть сильным" ("Геркулес").

"Двигайтесь и тренируйтесь, ибо в движении - жизнь, в застое-смерть" ("Сила и здоровье").

Нет и не могло быть нас без страсти к силе наших предков, без почитания силы. Я весь из этих чувств, только вносил свое отношение к силе: очищать ее от слепоты.

Сила - это и поэзия, и разум.

Я стремился к единству формы и содержания. Человека не должна унижать физическая немощь. И в то же время человек не смеет отрывать идеалы от практики жизни. Сила, тренировки, поединки закаляют для жизненной борьбы вообще. Звон слов должен быть и металлом дела. Все, что человек делает, должно в итоге воплощаться в утверждение принципов справедливости.

Владение телом, упоительность движения награждают высоким наслаждением. Наслаждения такого рода воодушевляют, защищают мысль,

оплодотворяют волю и мысль свежестью, чистотой и здоровьем.

Жизнь - не только борьба за коллективное начало, но и борьба за широту, глубину и яркость человеческого "я". Эта борьба множественна. И большой спорт - игра с очень серьезным смыслом. Именно из этой множественности борьбы возникло общественное явление - большой спорт, и разные формы его, и разные взгляды на него.

Глава 259.

Вена... Никогда после я не имел возможности столь выразительно слышать... время.

Город в ту пору - начало 60-х годов - хоть и столичный, по укладу был провинциальным.

Вечерняя мгла затушевывала городскую четкость, смывая все в единую черную массу. Глохли, избывая, шумы. Уже после восьми часов в узких окраинных улицах даже обычные голоса разносились до неприличия громко. Покой, дымка, какая-то мечтательность в теряющих четкость предметах... словом, то состояние, когда взгляд нередко устремляется внутрь себя.

Если посидеть спокойно, вот так отдаваясь течению мыслей, то можно было послушать, как падают каштаны. Они срывались резко и неожиданно среди безмятежной тишины и неподвижности вечера.

После психоза переполненного зала, выворачивающих усилий в доказательствах своего превосходства, бешеных бросков за золотой медалью и всей лихорадки страстей от этого мира сгущающейся тишины веяло мудростью и достоинством. Нелепыми и какими-то кривыми, ненастоящими казались те забавы на подиуме чемпионата мира.

Я забывался, уходя в видение будущей жизни - жизни без забав на потеху публике, без боли растравленного самолюбия, насилия над своей волей и истинным назначением. А кругом, в парке, маленьких дворовых и ресторанных садиках, срываясь, постукивали каштаны. Возникало ощущение, будто в землю не каштаны ударяются, а ведет свой счет... время. Отмеряет дни, часы, мгновения... и все в невозвратности.

Это поражало - я засиживался до ночной темени. И в ней по-прежнему продолжали выбивать свой ритм каштаны: уже и не каштаны, конечно, а

воплощение самого времени...

Я приходил послушать их в свободные вечера, а они почти все были у меня свободными. Перед соревнованиями копишь силу, а это значит, во всяком случае для меня, постараться быть одному, избегать напряжения в разговорах и утомления от движений. В общем, скамейка ждала меня каждый вечер, и после посиделок с Грозовым я приходил к ней - и сразу ослабевала хватка забот и тревог...

То ощущение ухода жизни было настолько явственным, что удержалось в памяти прочнее, чем сам мировой чемпионат, краски которого изрядно выцвели, пообтерлись, а то и вовсе исчезли, хотя там, на помосте, происходила довольно суровая проба на прочность, вроде бы должна была врубиться в память навечно.

Минули двадцать шесть лет. Эти строки пишу вдогонку давным-давно законченной рукописи (в который уже раз!) в октябре 1987 года. А главным в памяти оказапись именно те вечера - не победа, не опьянение рекордом, а плавный ход тех вечеров с "каштаным боем времени" - четкие, прерывистые звуки. То глуше - удар в землю, то звонче - удар в стол или скамейку, то шелестяще-живой - удар в палую листву, то зависание тишины...

Вот так, по-своему запечатлелся в памяти и Токио - вместе с горечью поражения, но куда несравненно ярче: ветер за окном, погромыхивание рам, тягуче-немошные дожди, тепловатый, маслянистый, влажный воздух - и плита бесконечной усталости, нет, не физической...

Лечь бы - и не шевелиться.

Пожалуй, это совершенная правда: старость-прежде всего величайшая в мире усталость. Да, мне было далековато до старости, я был в зените молодости, но, забегая вперед, вдруг осязаемо четко смог представить, что такое старость.

Лечь бы - и не шевелиться.

В той усталости скорее всего и хоронилась неизбежность поражения, если не в Токио, то в самом близком будущем. Ведь для меня, в глубине души, не нужны были никакие доказательства (они не захватывали меня, были чужды) моего превосходства. Да и смысл всей той натуги (и прошлой, и будущей) - обезьяний, от ограниченности, когда чувства вместо прямого роста идут вкось, на изгиб. Что-то ползучее, фальшивое придают им доказательства твоего превосходства над всеми и каждым...

Ничего не надо, только лечь - и не шевелиться. Вот и все, что припасла Великая гонка... Там, за горизонтом...

Это может сойти за выдумку, преднамеренность, но я тосковал об одиночестве, о полной достоинства жизни - без чужих слов, выпрямлений по чужой правде, ковыряний в тебе и твоём сокровенном, чужого надсадного любопытства, гадкого прикладывания чужих мерок души к твоей и липкого, гнусного измельчания в сваре чувств...

Борьба...

Первый... Золотой... Заткни... Задави... Выстой... Лучший... Непобедимый...

Я почти бежал навстречу одиночеству. И когда оно сомкнулось - не пожалел. Это был чистый воздух, не отравленный ничьей скверной.

Все удары сердце выбивало громко, отчетливо.

Я смывал мерзостный грим, учился настоящим словам.

Оглядывался: где же молодость? Я не видел ее, не жил совсем - ведь лишь горячка, один вибрирующий раскаленный нерв, задох и черная пелена в глазах,- а нет этих двенадцати лет, нет...

Я и не заметил этих лет - с юности и до тридцати... Все выжег азарт поединков, запластовал жир грима и завалили вороха, груды фальшивых или ненужных слов и отравленных желаний. И в память-тяжесть надорванности и... неуважение к себе.

Важно не успех перед людьми, не то, что выдается за ценности (и ты сжигаешь ради этих ценностей жизнь), а твой суд над собой и перед самим собой.

Нет ничего унижительней, чем жизнь единственно ради насыщения честолюбия, ради доказательств своей исключительности, превосходства - пусть даже просто значительности. Это прежде всего оскорбляет... тебя оскорбляет. И всякое нарушение естественности чувств - уже разлад с собой и кружная дорога в жизни, часто - как петля...

Нет ничего целительней, зато и трудней, чем подавление своего второго "я", которое непрерывно заявляет о себе, доказывает свое исключительное право быть тобой и требует неустанных усилий и доказательств для своего утверждения. Это "я" ненасытно и самоистребляюще по своей природе. В

нем источник самоотравления.

Будь проклят этот второй человек в тебе - человек тоже с твоим именем! Но отказ от этого второго человека, подавление его в себе и есть то, без чего жизнь со временем становится тягостью, страданием, одной выгодой и подлостью. Именно в этой нехватке чистого воздуха человек предает себя, ранит себя и других, отныне и во веки веков считая только себя правым.

Весь этот большой спорт (явление, рожденное в значительной мере искусственно) оказался для меня (не распространяю свое мнение на других) купанием в нездоровых страстях. Впрочем, большой ли спорт виноват?.. В любом случае эти доказательства своего превосходства-от суженности жизни. Сам мир этих доказательств - в смраде, низменных побуждениях и потрафлениях инстинктам. И не хочешь, а тебя затаскивают в грязь. Слишком много животного будит эта жизнь, слишком близко пролегает она к животному.

В истинной жизни - жизни согласно природе и внутреннему смыслу - никогда не надо доказывать это "я", надо жить. Ты и есть доказательство всего.

Что до силы... она была и будет доказательством лишь для рабов по натуре, ибо только раба по натуре убедит и смирит сила. Это мое самое главное, стержневое убеждение.

С этим чувством я жил в спорте. Оно не сразу стало таким осознанным. Но уходил я с глубоким отвращением к прошлой жизни, с презрением к ее лживым божествам, с верой в первородство души и жизни по естественности чувств, святости человека.

В человеке два начала: духовное и животное. Отсюда двойственность его природы и, стало быть, все противоречия. Одно тянет в одну жизнь, проявляет себя больше; другое на время уступает... Случается, животное начало и руководит всей жизнью...

Все это старо, давно известно, но знание не делает тебя другим, не вносит мир в твою душу. Страсти и рассудок в непрерывном несогласии и борьбе. И так сложно прийти к миру в себе. Только чрезмерная усталость или громадная боль вдруг создает желанный покой - не покой, конечно, а видимость покоя...

Что до спорта... существует любовь, страсть - они выше благоразумия, расчетливости, выгод, инстинктов и болезненного, нарывного "я". Это великое, огненное и созидательное чувство. И я верю, что оно, и только оно,

в основе всех подлинно великих свершений в спорте.

И еще о спорте, который называют большим.

Летом 1963 года я выступал на партийном собрании Центрального спортивного клуба армии и предложил всем ведущим спортсменам армии (и страны) обратиться в ЦК партии. Смысл обращения: тот спорт, которым мы занимаемся, не имеет ничего общего с любительским, тем более массовым, более того, он обирает массовый спорт... С другой стороны, так называемый большой спорт - откровенно профессиональный, беспощадный по своей сущности. И вывод: большой спорт в таком виде не нужен стране, его следует ликвидировать...

Это предложение вызвало негодование почти всех армейских спортсменов-коммунистов. Меня обвинили в том, что я разоружаю нашу идеологию перед буржуазной. Дело приняло такой оборот, что встал вопрос об исключении меня из партии. Доложили обо всем Н. С. Хрущеву, но он одобрил мою принципиальность, и это приостановило дальнейший разворот событий.

Потом я выступил точно с таким же предложением в ЦК ВЛКСМ. Мое выступление было третьим или четвертым - после него совещание сразу же закрыли... Я продолжал в интервью, рассказах высказывать сходные мысли и заработал ярлык человека, "враждебного нашему делу".

Мне заткнули рот - почти на двадцать лет...

Глава 260.

"Два самых сильных человека России - Хрущев и Власов пали почти в один день", - напишет японская газета. Именно тогда консервативная бюрократия лишила власти Хрущева.

"После поражения непобедимый Власов заявляет об отказе от дальнейших соревнований... 18 октября в 19 часов 45 минут (по японскому времени) окончилась безраздельная гегемония Власова. Когда оркестр готовился исполнить советский гимн, побежденный, такой спокойный, словно он был зрителем, поведал нам: "Это последний раз. Я не могу перенести того, чтобы быть вторым. Я хочу быть первым, только первым!"

Я слышал много отзывов об этом поединке. Мне приписывали слова, которые я не говорил; чувства, о которых знать, естественно, мог лишь я, и

намерения, которые были вовсе мне чужды, но эти слова репортеру "Экип" я сказал. Когда я их прочитал, мне показалось сначала, что это - ложь. Но потом я все вспомнил...

Я стоял в коридоре. Еще не мог опомниться, когда меня начали фотографировать со всех сторон и засыпать вздорными, порой унижительными вопросами.

- Это организованный загон? - особенно настойчиво спрашивал через переводчика какой-то человек.

Я глянул: на пиджаке значок представителя прессы.

- Против вас сыграли свои, да? Это загон, да? - продолжал выкрикивать он.

Я только махнул рукой. Так хотелось сказать: "Отстаньте!"

Всем хотелось знать, какой я после поражения. Такое липкое, настойчивое любопытство!.. А там, в другом конце коридора, толпа окружила Жаботинского. Со мной почти никого, кроме нескольких журналистов. Им важно сделать материал похлеще, мне - любой ценой не выдать своего настроения. И тогда я произнес эти слова. Рэнэ Моизэ спрашивал на правах старого знакомого, и я ответил. Я подчинился первым чувствам, но только с одним желанием - не быть жалким, не показаться сломленным, побежденным. Я не верил, что есть в жизни такая сила, которая способна сломить меня. Убить- да, но сломить, приручить - нет, это исключено... Никто не заставит меня просить пощады - я в это верил, потому что это - моя суть. Сделать меня другим - значит убить меня. Я не могу иметь другое лицо, голос - это невозможно. Многому научила меня жизнь, но не отказу от себя и своих убеждений...

Какое-то время я не уходил. Нельзя дать и этот шанс журналистам. Завтра же все спортивные газеты напишут, будто я спасался бегством. Я улыбался и отвечал по возможности обстоятельно. Впрочем, улыбка была естественная. Все внутри окаменело, и мне, как это неправдоподобным ни покажется, очень многое представилось уже вздором, базарным и ненастоящим.

Я не стал дожидаться окончания Олимпийских игр и через день улетел в Москву.

Раз эта жизнь оборвалась - скорее начать новую. Прикидывал: когда у меня отнимут стипендию? Литературные заработки ничтожны. Как ни натягивал, а жить не на что. И все равно - надо начинать. Пора.

Глава 261.

Разве это книга о спорте - тренировках, поединках, рекордах, славе и обманах славы и славой?..

Это книга о людях и жизни. Люди строили что-то новое в жизни. Это новое не давалось и наказывало их. А люди не уступали, хотя и пригибались под поражениями и страданиями.

Это была обычная и необычная жизнь - маленький скол ее со своим характерным строем борьбы. Люди назвали этот ее скол Спортом, но это была все та же жизнь, точнее, было от одной необъятной жизни всех.

Особенность этой жизни, называемой Спортом, в том, что она развивается, главным образом, на виду у всех, и она очень короткая, гораздо короче той, что мы называем обычной, то есть жизнью всех.

Нет, это не воспоминания о Спорте, это как книга-исповедь о надеждах, вере, крушении надежд... и негасимом огне веры.

Глава 262.

Я был действительно в хорошей форме. Мозоли на руках сошли лишь через год...

Справедливость силы, святость побед, поиск силы - слова, слова... Я дал обещание больше не быть атлетом, не смотреть поединки, забыть свое прошлое. В том прошлом я казался себе выдуманным, больным манекеном сверхчеловека (если только манекен может болеть).

Святость силы, справедливость силы, благодарность силы... Я не читал ничего о соревнованиях. Недоразумением и глупостью считал ту жизнь. Потерянные годы... Гладиаторство...

Догнать время! Взять это время! Вернуть его исступленной работой! Снова найти себя! Утопить в работе память прошлого, излечиться от прошлого, отречься от прошлого. Найти себя. Опрокинуть пошлую истину той единственности в "железе". Живет, борется, страдает другая жизнь - огромная жизнь. В ней тонут все прочие ограниченные смыслы. Служить этому общему смыслу.

Уйди так далеко в себя мечтой упорной,

Чтоб настоящее развеялось, как пыль...

...Как опасна похвала писателю. Как важно сохранить в себе свой голос. Как легко сбиться с него. Премия, слава - западня для писателя. Тогда он уже не художник. Угодить, удержаться на гребне - эти заботы все больше и больше захватывают его воображение, направляя творчество к профанации. Угодливость заменяет ему основные качества и открывает дорогу.

Я не верю в то, что люди называют любовью.

Любовь дает человеку слишком высокую энергию жизни - ответственность и натянутость в каждом мгновении ее слишком категоричны.

Я верю в дружбу - она тот ровный, верный огонь, который надежно и преданно обогревает нас. С годами чувства в дружбе приобретают совершенно иной характер. В них появляется столько нежности, пластичной мягкости, сбережения женщины-друга, столько тактичности, столько радости, что это, надо полагать, и есть та самая любовь. Возможно, такая дружба неизбежно переходит в любовь.

Но это уже не та любовь, которую мы знаем. Это чувство гораздо более высокого порядка. Его можно назвать любовью-дружбой, но мотив дружбы всегда звучит мощно и властно. И это делает любовь немеркнувшей, невозможной и неспособной к разрушению. Есть нечто большее, чем физическая близость и страсть,- нужность друг другу, духовное родство, величайшее понимание друг друга с неизменным следствием этого - терпимостью.

Там, где настоящая дружба, любовь никогда не гаснет.

Мне представляется величайшим даром судьбы для мужчины и женщины эта любовь-дружба.

Она неспособна к измене, непорядочности - это не из ее природы. Она обычно обрывается только смертью, одной лишь смертью - и ничем больше... А как часто у людей на вопрос: "Он любит ее?" - я слышал в ответ:

"Конечно, жалеет..." Тоже любовь.

Глава 263.

В Хабаровске я оставил ТУ-114 с олимпийской делегацией из-за мозгового спазма.. Самолет ушел по графику, меня не стали ждать. А мне куда? Слабость, порой рвота с кровью, и земля норовит сбить с ног... Только бы не свалиться.

В Хабаровске уже поздняя осень, морозит. На мне нейлоновый плащ, летний костюм. Распаковал сумку, надел шерстяной костюм с нашитыми белыми буквами "СССР" - и на скамейку, отлеживаться. День к вечеру. Чужой город. Какой-то человек углядел под плащом буквы, притащил очень крепкий чай в кружке. Не чай, а чи-фир. Полегчало, смог подняться, уйти в сторонку, где никого нет. Стыд не позволяет быть слабым на виду у людей. А тот человек не бросает, помогает: то сумку возьмет, то подопрет - уж очень мутит меня. Я только поглядываю на него с благодарностью. Он маленький, до подбородка мне. Наконец нашел скамейку в стороне от здания аэропорта, здесь ряды высоких тополей и никого из людей. Ветер с поземкой, леденящий. Я лег на скамейку. Человек достал старое тонкое одеяло - вроде солдатского, накрыл меня, сел рядом. Он невзрачен, плохо брит, в руках не рюкзак, а скорее котомка - уже очень заношена... Я подумал о тех многих десятках людей и Воробьеве, которых унес ТУ-114. Скоро прилетят в Москву, дома у меня будут волноваться...

Кружка чая...

И я забылся на час. Человек не оставил, стерег меня...

Если бы я сейчас мог его встретить! Пусть удача и здоровье не обойдут его!..

А раскис я тогда основательно. Даже в забытьи мутило и все не хватало воздуха.

Очнулся. Человек спрашивает, куда я теперь. Говорю, надо на поезд, самолет не для меня сейчас. Спорол с куртки буквы "СССР" и отдал человеку. "На память",- сказал ему. Он стал предлагать рубли на такси - отказался. На такси меня умоляет. И так весь дрожу, не от холода, конечно. Слабость такая: ткну-упаду. Простились. Я кое-как пошел. Понимаю одно: надо спешить, пока еще не кончился рабочий день. Уже план есть - занять деньги в окружном доме офицеров. Представлюсь - не должны отказать. И точно - ссудили деньги под расписку. По правилам, когда выезжаешь за границу, сдаешь все до рубля (тогда было так). Так что и чай, если бы захотел, взять не смог бы. И вообще ничего не смог бы - без копейки, без документов. На счастье, есть хоть олимпийское удостоверение - это для

Токио, но при случае сгодится и здесь. Впрочем, в окружном доме офицеров без того узнали и поверили...

В поезде спазм не отступал трое суток. Я лежал в полузабытьи, не ел, не двигался. Вагон насквозь пустой, гремит, мотается.

Проводник,- степенный, словоохотливый украинец, узнал меня по газетной фотографии. Принес газету, в которой все о моем поражении, и вот тут очень забавно выразил свои чувства: "Да-а-а, бывает! Настоящая зеленая собака!" И стал меня уговаривать не грустить: он решил, что это я от расстройства чувств морю себя голодом и третьи сутки не выхожу из купе. Я и рад был бы встать, да спазм к полке припечатал.

Я ехал в одиночестве, все купе пустовали. Проводник как-то заметил: "Хотите, посажу блондиночку? От меня зависит, где ей дать место, а могу и по составу пошукать. Блондинками надо лечить горе. Без промаха бьет лекарство..."

Он подрабатывал тем, что пускал в пустые купе парочки. Нет-нет, а простучат по коридору каблучки и голоса сдавленно, смущенно зашепчутся.

В Иркутске я одолжил денег у своего поездного хозяина и самолетом вылетел в Москву. Организм уже преодолел слабость.

Все дни жена металась в поисках. Никто ничего не мог сообщить, да и кому до этого было дело... Аппарат, который поначалу должен был обслуживать спорт, сегодня с помощью спорта обслуживает себя. Спортсменам все дается ценой нечеловеческих усилий, ценой потери здоровья, ценой унижений, а чиновничество сыто спортом. Оно куда как безбедно живет за чемпионским столом. Их, сосущих спорт, десятки и сотни тысяч.

Что мы для них? Средство, источник благополучия, не больше.

Я был очень спокоен на олимпийском помосте. Даже газеты не без удивления помянули об этом. И после я был спокоен.

"Но мне по-прежнему знакома радость. Радость, имеющая тысячи лиц".

Это как в старинном русском песнопении: ярость, зло, зависть, смерть... не отрешат от жизни вечной.

Не отрешат...

Не ложиться в яму судьбы...

В те дни я решил продолжить "железную игру". Взять шестьсот - и уйти. А для этого привести себя в порядок. Достаточно года неторопливых тренировок. Я и предположить не мог, что мне в этом откажут...

На память идут слова Жени Минаева (вместе работали за сборную): "Как за границей, так меня там все "сэр", "сэр", а как домой вернешься, так матом меня..." Да, уж тут не будут величать сэром.

Он был прав: в случае неудачных выступлений отношения не только с руководством спорта, но и с болельщиками четко складывались по схожей схеме.

Это, разумеется, не воодушевляло.

Помню встречу на вокзале после одного из выступлений. Я пошел навстречу своим, радуясь, улыбаясь, пряча боль всех тревог и обид.

Незнакомый человек окликнул меня. Я остановился, еще толком не понимая, что же ему нужно, но уже чувствуя, что будет новая боль.

Человек протянул руку, сильно встряхнул мою и сказал:

- Я тоже хозяин страны... Что ж ты арену бросил, мать твою!..- И разложил передо мной все богатство своих слов - минуты на полторы, не меньше.

"Арена" тут припуталась из-за моего заявления об уходе из спорта. Заявление напечатали многие газеты, разнесло радио.

Если бы такая встреча была эпизодом. В той или иной форме я слышал подобное постоянно - всю спортивную жизнь и десятилетия спустя. Да-а, сэр...

Случайные, чужие люди вспарывали тебе грудь злыми, несправедливыми словами (порой преследовали письмами, звонками). И все надо терпеть. Ведь если ты знаменит, тем более знаменит от спорта, ты уже собственность всех. Я почти не встречал участия и бескорыстной доброты - едва ли не каждый вырывал из тебя часть жизни, пусть небольшую, но вырывал... И уже никто никогда не сомневался в своем праве поступать таким образом. И даже десятилетия спустя это продолжается...

"Власов был буквально деморализован неудачей в Токио..." - написал один из "биографов", который все ведает обо мне (недавно опять напечатал мою биографию), совершенно не интересуясь мной и питая застарелую

неприязнь ко мне.

Курьезны эти биографии. Их пишут после одной встречи, часто даже после вялой часовой беседы. В них так все лихо расставлено! А этот "биограф" вообще не знался со мной после Олимпиады в Токио. Следовательно, не слышал от меня и о поединке в Токио.

Помню рекорд в Днепропетровске. Я толкнул 210 кг. По тем временам это было чем-то невероятным. За кулисы ко мне пришел Н. и долго восхищался моей "техникой". Он был одним из ведущих тренеров.

В Токио Жаботинский толкает 217,5 кг, и я с удивлением читаю в газете статью Н. Он сетует, что Власов не владеет "техникой" толчка и вообще не умеет тренироваться...

Что это, один из способов заработка на жизнь или непорядочность?.. Впрочем, в те годы я и не такого "добра" навидался...

Штанга на весах времени.

Что характерно - никаких желаний сводить счеты, посрамить соперника. Только собрать шестьсот! Я рассчитывал отдыхом вывести себя на тот единственный результат и тогда атаковать, вломиться в него. Отдых оказался невозможным. В нем было отказано. Причины те же самые: если остаюсь в большом спорте, должен выступать, да еще по календарю. Особенно настойчивым в изживании меня из спорта оказался Гулевич - начальник отдела тяжелой атлетики армейского клуба. А ведь никто не поздравлял меня с победами столь горячо, как он. Спортсменом он никогда не был - похоже, не только спортсменом...

В сборной команде страны этим в не меньшей степени был озабочен Воробьев. И уж как мог ему пособлял Дмитрий Иванов, штангист, ставший спортивным журналистом.

А я нуждался в сбросе нагрузок, одном затяжном щадящем ритме без выступлений.

Что значит выступать? Я не смел бы отделиваться посредственными результатами и подтверждать тем самым "закономерность" своего поражения. Значит, стирать себя в бессмысленных выходах "ради зачета" на большой помост. Все выходы бессмысленны, если не открывают новую силу, не подводят к новой силе. Соревнования перемалывали бы силу, взводили бы на травлю результатами, а я и без того нервно измотан.

Глава 264.

В Токио, после выступления, я получил странное письмо на итальянском языке, вернее на какой-то смеси итальянского и французского, да еще с латинскими вставками.

Перевод его озадачил.

Все там было: и спортивная история, и советы, и сочувствие, и даже рекомендации для любовных отношений с женщинами. Среди всего этого выделялась заключительная фраза:

"Если хотите достигнуть успеха в жизни, а ваша борьба трудна и опасна, делайте свое дело в одиночку - никто не продаст, а самое главное - будьте наиболее безобиднейшей тварью, двуногой тварью с очень примитивными запросами. Зато в решительный момент - момент, определяющий всю вашу жизнь,- вы неожиданно предстанете для всех коброй. Понимаете: вы всегда и всего лишь безобидное существо, а по сути - мудрая кобра. Только в этом случае ваш удар будет сокрушительно разящ, а успех неотразим..."

Много позже хлынули письма упрекающие, разоблачающие, поучающие, ухмыляющиеся...

Но то, из первых, я запомнил: путь к победе - всю жизнь быть мирным, безобидным существом, чтобы вмиг стать коброй...

Взглянуть бы на автора письма. Судя по почерку, не старый человек: буквы узкие, вытянутые, но сильные.

Каких только советов не понаслышался я за свою спортивную жизнь... До чего ж люди жаждут победы.

Глава 265.

По количеству рекордов 1964 год оказался для меня самым урожайным. Вот они с учетом проходных:

в жиме- 196 и 197,5 кг;

в рывке- 168, 170,5, 172,5 кг;

в толчке - 215,5 кг;

в сумме троеборья - 562,5, 570, 575, 580 кг.

Десять мировых рекордов!

Таким образом, в последний год выступлений я установил наибольшее их число, причем с внушительным наращиванием каждого. Моя сила была не на исходе. Наоборот, набор ее шел круто по восходящей. Физический расцвет был впереди. Поиск силы, наделение силы разумом оправдались. Все замыкалось на невозможности сочетать два очень серьезных, творчески нервных, изнурительных дела - литературу и спорт. Причем к жизни литературной я так и не успел подготовиться. Слишком мал оказался срок. Что верно, то верно: служить двум богам нельзя.

Моя книга "Себя преодолеть" вышла за несколько недель до Олимпийских игр в Токио. Художник-оформитель переживал: на обложке крупный серебряного цвета круг. С беспокойством спросил: "Вы не в обиде, я ведь вроде накликал "серебро", знакомые попрекают: сглазил!.."

После выхода книги меня опять стали поносить за сгущение красок, преувеличения. Но каким же я должен был изображать спорт? Ведь я сердцем принял его суть! А зная, лгать?! Лгать на свой труд и труд товарищей?!

Поражение в Токио оказалось единственным за всю мою спортивную жизнь. На большом помосте я не знал поражений. И никогда не уклонялся от борьбы, прячась за мнимую или действительную болезнь. Все соревнования я доводил до конца.

Великая гонка сильных не признает исключений. Я отказывался принадлежать ей. И я выпал из нее.

Глава 266.

Я долго не был в залах. Любое сравнение с атлетом оскорбляло. Мне казалось, на мне снова застегивают ошейник той жизни: только "железо", только помост, только заботы о силе. Нет! Нет!..

Эти тренировки - каждый вес держи под контролем. И это постоянное напряжение - вслушиваешься в себя:

как ведет себя организм, как принимает работу, где сбой... И забота: перемолоть усталость к следующей тренировке. И это желание отлежаться и никого не видеть...

Непомерность завязанной силы. Завязанной - потому что не приспособлена к жизни. Искусственная сила, совершенно ненужная и лишняя для жизни. Обременительная для здоровой жизни. Здесь все от ложного представления здоровья и счастья...

Лишь в 1974 году воровски, глубоким вечером, задворками я пришел в ЦСКА к своему залу. Как далек я был от себя - атлета! И как дороги были те годы! Вытравить их из себя я не смог. Наоборот, они приобрели новый смысл. Чистой, лишенной фальши, благородной и достойной представлялась та борьба.

10 сентября 1975 года я получил приглашение на чемпионат мира по тяжелой атлетике - он впервые проводился в Москве. Я не решился пойти ни в первый, ни во второй, ни в третий день... Я не выдержал и пошел во Дворец спорта на восьмой день чемпионата.

Лужники! Я сжался, когда вошел. Исподлобья, осторожно приглядывался к залу. Здесь в 1958 году я впервые выступал на международных соревнованиях. Плохо, правда, выступал... Здесь же в 1961 году выступил на матче сборных команд СССР и США. Здесь установил рекорд...

Вообще я поначалу не умел работать в просторных залах. У меня нарушалась координация - без близких, привычных стен не за что было зацепиться взглядом. Для координации имеет значение вот такая пространственная привязка. Только потом это потеряло для меня значение...

Все в зале было таким же. Пестрые флаги стран - участниц чемпионата, сиренево-белый дрожащий свет прожекторов, встречающий атлета на сцене, и даже голос в репродукторах. Соревнования вел секретарь Международной федерации тяжелой атлетики англичанин Стейт. Под его слегка гнусавый и невозмутимый речитатив уже полтора десятка лет выступают атлеты.

Я мгновенно стал мокрым, будто работал сам. Сердце торопилось напоить мышцы кровью. Звон "железа" на помосте отзывался в мышцах.

Я задохнулся беспокойством. Вот сейчас меня вызовут! Какое-то наваждение! Даже голос моего тренера - он сел рядом со мной.

Подошел бывший вице-президент Международной федерации тяжелой

атлетики Назаров и попросил вручить медали призерам чемпионата. Я всегда избегал роли почетного генерала, но вручить медали атлетам... Разве сам я не атлет, разве не отвеживал всех этих "соленых радостей железа"?

Я пошел с ним за кулисы. Атлеты готовились к вызову. Сразу же после награждения борьба возобновлялась. Я слышал скороговорку тренеров, лязг дисков, мелькали горячечные лица. Мне объяснили, как я должен выйти и что сделать.

Слева, возле занавеса, стояли болгарин Христов, старший тренер болгарской сборной Абаджиев, с ними еще несколько человек. Абаджиев что-то говорил и энергично показывал. Глаза Христова широко открыты. То, что он увидел сегодня, всего несколько минут назад, потрясло его: эта победа и отклик зала! И собственная сила, такая вдруг неожиданно-большая, легкая, кажется, весь мир уступает тебе, радуется, зовет тебя. В его облике не было сдержанности, сосредоточенности, свойственных опыту. Он отдавался непосредственным, первым ощущениям, как отдаются большой любви: без оглядки, в восторге чувств.

Мне вдруг захотелось подойти, но я сдержался. До того ли ему сейчас? Стоит ли путаться с выражениями чувств? А потом, я не знаю, какой он, как поймет. Я все-таки был чемпионом, знал громкие победы, триумфы побед, семь лет я носил титул "самый сильный человек в мире". И потом я узнал очень многое о силе, и это за мной узнали другие. Я помню: в Вене на афишах чемпионата мира было напечатано: "Выступают атлеты 38 стран и Юрий Власов". Правда, тогда в Вену они приехали из 33 стран.

Теперь я "экс" - это весьма изменило поведение многих. Я научился спокойно к этому относиться, но зачем лишний раз вызывать самодовольство чужой силы?

Диктор пригласил на сцену призеров. За призерами вышли мы.

Диктор перечислил участников торжественной церемонии.

Я не ожидал: зал ответил ревом на мое имя. Я напрягся, дабы скрыть волнение. У меня задрожали руки, потом я весь задрожал. Черный, вздыбленный зал в движении и этот могучий глас: "А-а-а!.." Будто я впервые увидел со сцены зал и услышал крики, обращенные ко мне. Нет, сейчас все было иначе. Все было ярче, значительнее. Я вернулся в зал! Я вернулся в эту жизнь! Я освободился от всего, что загораживает жизнь.

"Но мне по-прежнему знакома радость. Радость, имеющая тысячу лиц..."

Зал не унимался. Мгновения, в которых годы, в которых прошлое и будущее...

Прошлое вдруг распахнулось передо мной.

Я услышал чудесный и чистый бой колоколов прошлого.

Я слепнул, погружаясь в прошлое.

Оживи "железо"!

Тренировка - дни и ночи слышишь только себя и тяжесть, ты в великой слитности с этой тяжестью...

Смысл тренировки, кроме развития силы, то есть качества и количества мышечной ткани,- это настройка себя в единый лад с тяжестью, которую надо поднять предельно точно; именно тогда она весит меньше всего и как бы входит в твой физический строй, ты вырастаешь в нее, она становится живой!..

Время чистой и благородной силы.

Нет, я атлет! До последнего часа жизни - атлет. Я принадлежу этим людям. Людям, нарекшим испытания - своей судьбой, борьбу - своей жизнью...

Мой мир! Мой!..

Говорить то, что думаешь

Судить по этой книге - я идеален, пусть речь даже только о спорте. Конечно же это не так. Как говорили средневековые схоласты, дьявол и ангел держатся за одну и ту же книгу.

Я делал сколько угодно и ложных шагов, и опрометчивых, и строил отношения нередко с предвзятостью. Но совершенно точно одно: в главном я был неизменным. И это главное - бескомпромиссное движение к цели, такой, какой я ее представлял. И в этом движении я ни во что не ставил себя. Здесь я действовал без колебаний.

Воспоминания...

Воспоминания невозможны без личного. Следовательно, они всегда с достоинством и слабостями личного. В какой бы среде человек ни действовал, какими бы общественными идеями ни руководствовался, это личное неистребимо.

"...Мы знаем,- писал Жан Жорес,- что экономические условия, форма производства и собственности составляют основу истории. Как и в жизни большинства людей на первом плане стоит профессия, то есть экономическая форма индивидуальной деятельности, которой чаще всего определяются привычки, мысли, страдания, наслаждения и даже мечты людей, так в каждый период истории экономическая структура общества определяет политические формы... и... общее направление мышления... Однако не следует забывать, что, как это никогда не упускал из виду сам Маркс, которого слишком часто унижают истолкователи... людские страсти и идеи изумительно разнообразны, и почти бесконечная сложность человеческой жизни не поддается грубоватому механическому подведению под экономическую формулу. Хотя содержание жизни человека определяется прежде всего человечеством, хотя человек более всего испытывает на себе разностороннее и непрерывное влияние общественной среды, однако он живет, чувствами и духовно, в более обширной среде... Итак, Маркс предвидит период полной интеллектуальной свободы, когда человеческое мышление, не искажаемое экономическим рабством, перестанет искажать мир..." (Жорес Жан. История Великой французской революции. Госиздат, 1920, т. 1. С. 7, 9).

Вздорны упреки авторам воспоминаний в личном отношении к событиям. Лишь через человека и возможны история и общественное. Нет истории очищенных чувств и мыслей. Есть страсти, если угодно, предвзятости - это ведь почти одно и то же.

Люди выступают не как запрограммированные машины, некие символы от чувств и долженствующих слов, а живыми отражениями своего времени. Несуразна критика с обзором воспоминаний, указующая некую усреднение-шаблонную линию поведения, выражений чувств и мыслей. Ведь это - отказ от правды, прямой отказ от себя, растворение своего <я" в нечто безликое.

Коллектив - условие существования и развития человечества. Однако что он без воли каждого? Что эта общность без яркости и талантливости каждого? Всякий отказ от себя в конечном итоге предполагает отказ от ответственности за справедливость в жизни. Без выработки оценки личной невозможна оценка общая. Они взаимодействуют, устанавливают друг друга.

У каждого-долг перед обществом. Долг в отстаивании идей (во всем своеобразии их приложения к жизни). И сила воспоминаний-в искренности. Только тогда это документ времени и истории.

В искренности и правде.

А "правда и состоит в том, чтобы говорить то, что думаешь, даже если заблуждаешься..."

Долгая жизнь Гаккеншмидта - результат сознательных усилий, настоящая организация жизни. Она была бы несравненно более долгой, если бы не концентрационный лагерь в годы первой мировой войны и не надрывные схватки на профессиональном ковре. Физические нагрузки наносят ущерб лишь в состоянии изнурения.

Думаю, что подлинный атлетизм - атлетизм не для рекордов и чемпионатов - это наибольшая приспособленность к физическим напряжениям, то есть отсутствие лишнего веса, высокая двигательная выносливость при определенном мускульном развитии. Это - настоящий идеал физически совершенного человека.

Спорт как средство оздоровления универсален, но не универсально его приложение в каждом случае. Нет и не может быть строго единой методики. Все надо переводить с коэффициентом поправки на себя. Это очень важно.

Человек не должен унижать себя не только физической немощью, но и дряблостью, безобразием.

Следует не забывать совет Декарта: "Наблюдайте за своим телом, если хотите, чтобы ваш ум работал правильно". Но я добавил бы: не только за телом. Любая мысль вообще переходит в физический строй человека. Тяжелые и унылые мысли калечат, радостные - оздоравливают. Счастлив, кто легок настроением.

И веса, предшествующие рекордам, уже освоенные сознанием поколений как доступные, обыденные, тоже входят определенным физическим изменением в наш строй. В том и заключается смысл освоения новых пределов. Для нас заурядны веса, которые поддавались с таким трудом нашим предшественникам и которые почтительно именовались рекордными. Сознание того, что данные веса уже взяты и освоены людьми, делает превращение их в тренировочные совсем простым делом, совершенно не сравнимым с преодолением принципиально нового рубежа.

Для большого спорта значение мысли много выше, чем даже для

интеллектуальной деятельности, если сознавать, что каждая-каждая (!) непременно отзывается на физическом строе человека, а мысль упорная, волевая - непременно входит в физический строй человека.

Всевластность мысли.

Я убежден: если есть недомогания (в том числе и самые серьезные), значит, нет духовной раскрепощенности, нет освобождения от страхов, тревог и нет светлого настроения во всех днях. Физической сутью жизни правит мысль.

Стремление к долголетию естественно, но погоня за ним вполне здоровых людей порой принимает формы подлинного аскетизма, чуть ли не умерщвления плоти.

Жалки все потуги обойти смерть - будь они диетологического характера или победно-философского.

Мне кажется, жить надо мужественно - светло и мужественно.

Полнокровная, созидательная жизнь, не сосредоточенная на своих физических отправлениях и выхаживании себя,- вот что достойно уважения.

Как не припомнить слова столь почитаемого мной Александра Ивановича Герцена - свет-Герцена:

"Когда вся жизнь сойдет на самосохранение и на обдуманность... тогда прощай удвоенное биение сердца и все прекрасное и энергическое..."

Струятся сквозь пальцы воспоминания - и никакого следа, только память строк и какие-то бездушные предметы - свидетели прошлого.

Проходят призраки прошлого. В сердце то ласка, то боль, то стыд и досада... И над всем - лицо Жизни: понимание того, что есть высший смысл - жить в согласии с собой, не ломать себя, быть искренним...

Нет ничего выше самой Жизни. Ее дней, цвета, запаха.

Для счастья, хотя бы его подобия, неплохо бы не иметь памяти. Чтоб память ничего не копила. Бремя воспоминаний...

Несмотря на обилие ошибок и намеренных искажений, книга Дэвида Уэбстера "Тяжелая атлетика" - из самых полных.

По цифровому же материалу - все чемпионаты мира, все зафиксированные

рекорды и т. п. - первенство за книгой Владана Михайловича "1896-1979. Тяжелая атлетика".

Уэбстер сочетает статистический материал с биографиями, описанием событий и характеристикой этапов развития силового спорта - пока единственный труд такого рода (В моей книге ничего об английском, немецком и французском силовом спорте, как и о десятках славных атлетов прошлого. К огорчению, это не позволяет сделать объем издания).

"Успехи атлетов СССР в сверхтяжелом весе совершенно феноменальны, - пишет Уэбстер в главе "Красные звезды" (с. 135).- В этой высшей категории американская монополия многие годы являлась незыблемой. Это - великие Джон Дэвис, Норберт Шемански и Пол Эндерсон. Так было до тех пор, пока с ними сначала не сравнялись, а затем и не затмили их Юрий Власов, Леонид Жаботинский и Василий Алексеев (против Алексеева американцы не выступали, некому было, а против Жаботинского один раз успешно отработал Джон Дьюб, выиграв чемпионат мира в сверхтяжелом весе осенью 1969 года; больше американцы действительно о себе не напоминали.-Ю. В.).

Юрий Власов одержал победу над Медведевым, отнял у него звание сильнейшего в мире - это случилось в 1959-м. Через год, на Олимпиаде в Риме, его сумма увеличилась на 37,5 кг (не совсем ясно, по отношению к какому результату.- Ю. В.). Он улучшил рекорды Эндерсона. Последовательно наращивая свои рекорды, Власов стал первым, кто взметнул над головой 450 фунтов (это 204 кг, но еще раньше я поднял 202 кг.-Ю. В.}. Он был непобедим до самого 1964 года -до Токио, где Жаботинский преподнес неожиданный сюрприз... Лучший результат Власова в олимпийской сумме - 580 кг.

Вероятно, он был самым мозговитым из всех сверхчемпионов. Он хорошо, всесторонне образован, у него большие интеллектуальные запросы, в особенности литературные.

Власов занялся атлетикой в 1954 году, будучи слушателем Военно-воздушной инженерной академии имени Жуковского. По профессии - радиоинженер, но увлекся писательством и значительное количество своих работ опубликовал, включая книгу коротких рассказов, которая хорошо распродавалась во время Олимпиады в Токио.

В мае 1968-го он освободился от службы в Советской Армии, где был лейтенантом (капитаном.- Ю. В.}, и тогда весь свой талант сосредоточил на литературе и одновременно начал работать тренером тяжелоатлетов в спортивном клубе "Труд" (несколько лет я прирабатывал тренером.-Ю. В.).

Его карьера блестяща. В мировом спорте ему сопутствовал триумф, какой только можно представить. Его наградили орденом Ленина. Но свое призвание он искал только в литературе и не смог нести двойное бремя - спорт и творчество...

Власов никогда не жалел тысячи часов, потраченных на тренировки. Спорт открыл ему мир, дал возможность познать интересных людей, дружить с коллегами. Самым близким ему среди атлетов был Курынов. В 1961 году, когда мы втроем бродили по Лондону и проводили время в содержательных разговорах, Власов был среди нас устным переводчиком. Он хорошо разработал свои планы. Он тогда говорил: "...пока есть надежда на успех, на удачу - надо выступать в состязаниях, бороться до того, пока почувствуешь, что достиг предела. Это мое "белое мгновение"!.."

Его первые рассказы построены на биографическом материале, на переживаниях памяти, на чувствах - они полны нервного напряжения. Став зрелым писателем, он избирает другие объекты. Но я с тех пор не видел его работ..."

Книга Д. Иванова "Сила самых сильных" мало достоверна в той части, где речь идет обо мне. К тому же автор не бывал на соревнованиях, о которых пишет. Чтобы судить, надо, по крайней мере, быть свидетелем. Ни в Риме, ни в Будапеште, ни в Стокгольме, ни в Токио Иванов не был. Его книга - это условный и пристрастный пересказ со слов других, не свидетельство очевидца, это подделка под правду, но не правда.

К сожалению, и остальные работы не отличают точность и соответствие фактам. А факты таковы. Я родился 5 декабря 1935 года в городе Макеевке Донецкой (бывшей Сталинской) области. Мой отец-Власов (Владимиров) Петр Парфенович - закончил Институт востоковедения в 1938 году, был представителем и связным Коминтерна при ЦК КПК в Яньани (Китай, провинция Шэньси) почти все годы второй мировой войны. Потом-дипломат. Скончался осенью 1953 года в возрасте сорока восьми лет в ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в Бирме. Моя мать - Власова Мария Даниловна - из старинного рода кубанских казаков. Родилась и до двадцати трех лет жила в станице Мингрельской, по соседству с теми местами, которые описал Толстой в "Казаках". Любовью к книге я обязан матери, урожденной Лымарь.

В последние годы войны (1943-1945) она заведовала школьной библиотекой. Застарелый туберкулезный процесс лишал ее возможности любой другой работы. И вот эта библиотечная служба матери оказала решающее, я бы сказал, взрывное воздействие на меня. Я начал не продето

читать - я читал запоем, нажив скоро близорукость, как и мой брат Борис.

Книги обрушились на мое сознание ледоходом. Некоторые из них вызывали подлинное потрясение. Я фантазировал, бредил, выдумывал...

В 1953 году я закончил Саратовское суворовское военное училище. В феврале 1959 года в звании лейтенанта закончил Военно-воздушную инженерную академию имени профессора Н. Е. Жуковского в Москве.

С весны 1960 года и по май 1968 года я служил инструктором по спорту в Центральном спортивном клубе армии (ЦСКА). В мае 1968 года по личной просьбе уволен в запас из кадров Советской Армии. Последнее воинское звание - инженер-капитан.

Наталья Никитична (моя бабушка по материнской, казачьей, линии) родила младшую дочь (для меня - тетю Юлю) на пятьдесят четвертом году жизни, а прожила Наталья Никитична, сохраняя полную память и силу, девяносто шесть лет, и каких лет, - вместивших гибель взрослых детей, разруху, эпидемии, голод, надрыв тяжкого труда первой мировой, гражданской и Отечественной войн.

Мой родной дядя (любимый бабушкин Вася) пал под Царицыном - есаул.

Старшая дочь - моя тетя - не вынесла позора гнусных приставаний богатого станичника и застрелилась еще до войны 1914 года. Вторая дочь сгинула вскоре после гражданской войны. Тогда же от потрясений угас далеко не старым дед Данила - почти в один год с моим прадедом Никитой - Георгиевским кавалером, получившим награду за бои под Плевной, он был станичным атаманом.

Два других моих родных дяди пали в Отечественную войну. И всех - оплакивали бабушка и моя мама с тетей Юлей.

Моя мама, Мария Даниловна, четвертая из выживших дочерей Натальи Никитичны (М. Д. Власова умерла 16 января 1987 года на семьдесят втором году жизни).

...Такая уж у нас история - надо умудриться выжить.

Эта женская ветвь моего рода отличалась исключительной жизненной стойкостью. Корни этого рода уходили в Запорожскую Сечь. После разгона вольницы на Днепре Екатериной Второй мои предки подались на Кубань: лучше погибнуть в стычках с горцами, нежели тащить рабское ярмо крепостничества, из которого они уже один раз освободились...

С 1959 года я печатал очерки и рассказы. В 1964 году в издательстве "Молодая гвардия" выпустил сборник рассказов "Себя преодолеть" - тот самый, с крупным серебряным кругом на обложке. В 1972 году в издательстве "Советская Россия" я опубликовал повесть и рассказы в сборнике "Белое мгновение". В результате исследовательской работы в архивах, опросов очевидцев, используя материалы отца, его дневники (воссозданы строго документально), я напечатал в 1973 году в издательстве АПН книгу "Особый район Китая" под именем отца, точнее его псевдонимом - Владимиров. В 1976 году в издательстве "Советская Россия" выпустил первую книгу романа "Соленые радости".

Часто спрашивают: "Что легче - писать или поднимать тяжести?" Вопрос нелепый. Как писать, каков уровень твоего письма, твое отношение к этому письму... И опять-таки, как поднимать "железо"... Американский публицист Рэд Смит говорил: "Писать легко. Смотришь себе на каретку машинки, пока на лбу не выступят крошечные капельки крови..."

Я вошел в число первых атлетов страны зимним началом 1957 года - серией всесоюзных рекордов. Последний мировой рекорд установил 22 апреля 1967 года, выиграв чемпионат Москвы. Всего на моем счету двадцать девять мировых рекордов. Причем некоторые утяжелены сразу на десятки килограммов в одно выступление. В наше время такое лишь однажды удалось Полу Эндерсону. За мной двенадцать рекордов страны.

В жиме я установил шесть мировых рекордов: 186; 188,5; 190,5; 192,5; 196; 199 кг. В рывке-семь мировых рекордов: 151,5; 153; 155,5; 163; 168; 170,5; 172,5 кг. В толчковом движении-девять: 197,5; 202; 205; 206; 208; 210,5; 211; 212,5; 215,5 кг. В сумме троеборья семь: 537,5; 550; 552,5; 557,5; 562,5; 570; 580 кг (Данные из протоколов Международной федерации тяжелой атлетики. В таблице, приложенной к книге Владана Михайловича, путаница с моими рекордами).

Я выиграл пять титулов первого атлета мира и один - второго. Это победы на четырех чемпионатах мира: в Варшаве (1959), в Вене (1961), в Будапеште (1962), в Стокгольме (1963), а также на Олимпийских играх в Риме (1960). Звание второго атлета я получил на олимпийском турнире в Токио (1964). Я выиграл шесть чемпионатов Европы (1959- 1964). С 1960 года по всем статьям мной был завоеван титул "самый сильный человек в мире". С 1964 года по 1967-й я делил его с Жаботинским.

Мой рост-187 см (измерение 1980 года). Самый большой собственный вес в пору выступлений - 136,4 кг (на олимпийском турнире в Токио).

Я далеко не исчерпал свои возможности. Знаю, какие запасы силы таились во мне. Я никогда не соблюдал режим: как угодно ел, пил, спал. Пренебрегал отдыхом, отпусками, лечением, писал ночами. Моя сила, как и у моих товарищей, складывалась только из тренировок.

Я имел все существующие в то время спортивные титулы. И покинул спорт, владея тремя из четырех фиксируемых мировых рекордов (1964), то есть с полным силовым преимуществом.

В столкновениях за звание чемпиона мира я был самым легким в сравнении с моими прямыми соперниками, кроме Норба Шемански. Причем эта разница была порой более чем значительной - в десятки килограммов. В борьбе за превосходство в силе я никогда не обращался к увеличению личного веса как более скорому и безболезненному средству прибавления результата. Мой вес утяжелялся вместе с разработкой мускулатуры.

Я отказался от активных тренировок тотчас же после Олимпийских игр в Токио (1964). Но к осени 1966 года в моем бюджете обозначилась большая брешь. И тогда я решил заработать старым испытанным способом - рекордами; возобновил тренировки и выступил на чемпионате Москвѳг-32 апреля 1967 года. Тогда я и присовокупил к списку своих рекордов последний- 199 кг в жиме. Меня хватило только на этот один рекорд. Я получил на руки 850 рублей. Спустя год я официально простился с большим спортом. 1 июня 1968 года "Советский спорт" в сообщении "Власов прощается с помостом" написал: "Юрий Власов, чье имя стало легендой..." Да-а, сэр...

Сила сохранялась (сохраняется, да и, по-видимому, будет сохраняться) в моих мышцах долго и без тренировок, причем на очень высоком уровне. Я уже не тренировался год, когда оказался в Норвегии. Публике объявили, что я буду поднимать двести килограммов. Тогда этот вес посильным был только для трех-четырех человек в мире. Публики для маленького зала оказалось больше чем достаточно. Никому не было дела до того, что я выступал в Норвегии с лекциями. И пришлось поднимать 200 кг - и я поднял их с запасом. И газеты сообщили об этом с восторгом. А я ведь не прикасался к грифу больше года. Вообще не приходил в зал!..

И в то же время я был свидетелем того, как чемпион из атлетов сверхтяжелого веса после месячного перерыва не мог взять в жиме 120 кг. Кстати, вот такие перерывы вообще хорошо выявляют искусственность или природность силы.

Я верю в любовь как основную силу преодоления сопротивления среды, сохранения личности и силу созидания всего достойного, единственную

силу, которая организует жизнь, оберегает жизнь и превращает ее в то, во имя чего стоит бороться.

Дух должен преобладать над всем телесным и пошлым.

Лев Толстой писал: "...Человек признает себя Богом, и он прав, потому что Бог есть в нем; сознает себя свиньей, и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом..."

Чувства ненависти, презрения, если они не уравновешены чувством добра и действуют постоянно, годами, неизбежно ведут к саморазрушению, вырождению или сумеречному состоянию.

Люди беспокойны духом, бурлят, бунтуют по разным причинам, прежде всего, как мне кажется, из-за желания остаться людьми. И по существу, это не всегда осознанное чувство является и первоосновой литературы. Все великое, значительное рождается из этого чувства сохранить в себе человека.

"Цвет пепла, цвет бесполезно сожженной жизни..."

Ничего случайного в моих спортивных победах не было. Все, чего я добился, явилось результатом привязанности к силе. Я был верен ей с детских лет. С тех же лет делал все, чтобы развить силу. В этой работе я не знал жалости к себе. Безусловно, это закаляло волю. Но разве только одну волю? Разве победа над тяжестью, бессилием, преодоление страха перед испытанием не есть победа духа?..

Беды приходят сами, а к благу надо идти. И дорога эта чаще всего длинная, во всю жизнь, и надо не идти, а прорываться, теряя силу и близких, может быть, теряя все, кроме веры и убеждений...

С юношеских лет мне пришлось по душе слова Оливера Кромвеля:

счастливы нашедшие, но счастливы и ищущие... Есть слова, будто отлитые для тебя. В них все твое, не переставишь ни единой буквы.

"Быть ищущим - почти то же самое, что стать нашедшим; кто раз начал искать, тот не успокоится до конца. Счастливы нашедшие, но счастливы и ищущие!"

Счастливы ищущие!..

"Истину надо искать и принимать, отстраняя все посторонние для этого

соображения, не исключая даже соображения добра. В этом состоит подчинение истине".

Жизнь научила меня своему пониманию счастья. Чтобы не ошибаться, быть по возможности счастливым, во всяком случае, не в большом разладе с собой, надо слушать сердце и не верить умным, логичным и самым привлекательным словам-расчетам, если от них оторвана душа...

Как я сейчас убеждаюсь, победа в Токио ничего не изменила бы в моей жизни. Ее не изменило бы и множество других, пусть самых фантастических успехов.

Лишь сила, постоянная и непреходящая, удерживает человека в сознании людей на уровне его внешних достоинств.

И все это тоже от справедливости силы.

Цинизм силы. Общество, сшитое силой. Жизнь, в которой высшее достоинство-сила. Всегда сила. Оправдание всего-сила.

Я имел честь выступать с такими замечательными атлетами и знатоками силы, как Александр Курынов, Виктор Бушуев, Рудольф Плюк-фельдер, Норберт Шемански, Томас Коно, Иосинобу Мияке, Иренеуш Палинский, Вольдемар Башановский, Луис Мартин...

Это было время спортивной борьбы на чистых мускулах. Наверное, к нашему счастью, все эти анаболические препараты и прочие восстановители силы были освоены широкой практикой спорта лишь во второй половине 60-х годов, когда все мы ушли из спорта. Мы знали лишь одну чистую, природную силу.

Как я убедился, главная причина неудач классных атлетов в соревнованиях - переутомление. Спортсмен не верит отдыху, старается побольше вместить в себя силы и поступает так тогда, когда это уже недопустимо.

Мои сбои в спорте тоже начались с усталости. Я накапливал физическую усталость до тех пор, пока не стала буксовать нервная система. Тут все в полном соответствии с римской поговоркой. Нервная система просто не хотела, точнее не могла служить двум богам с одинаковой истовостью - литературе и спорту рекордов. А я был, да и остаюсь, большим мастером жечь свечу жизни с обоих концов. Пусть так, но никогда не ложиться в яму судьбы.

Слышишь, никогда...

За тринадцать лет тренировок с тяжестями (1954-1967) я убедился, что физически способен переносить практически любые нагрузки, даже просто фантастические. Первой и единственной системой, которая сдавала, являлась нервная. На моих глазах по этой же причине вынуждены были уйти из сборной Курынов и, казалось бы, непробиваемо-невозмутимый Ломакин. Они ведь ничем не уступали соперникам, но вести тренировки на новом уровне уже не могли. Нервная система отказывалась руководить организмом на таких оборотах жизни. И подобных примеров сколько угодно.

Когда я вспоминаю прошлое, тренировки не представляются мне тягостными. Нет, это было счастье - черпать силу. Я любил ее и тренировался азартно. Самым неприятным, поистине перемалывающим душу и тело являлось ожидание соревнований. И чаще всего именно в этом ожидании теряются победы и рекорды...

Я ушел из спорта рекордов и чемпионатов мира, далеко не выбрав свою силу. Еще значительная часть результатов была в мышцах.

За десятилетие в большом спорте (1957-1967) я не имел ни единой нулевой оценки; считал их позором и делал все, чтобы в любом состоянии выступить достойно.

И единственным, постоянным тренером во всех испытаниях был Сурен Петрович Богдасаров.

"...Не для себя, для грядущих поколений эллины выявили ту истину, что не собственность и наслаждение, а борьба и стремление до конца жизни должны быть призванием человека и источником его радостей. Поэтому Олимпия остается и для нас священным местом, мы принесем в наш мир размах воодушевления, самоотверженную любовь к Родине, священный огонь искусства и силу, которую нам дает побеждающая все трудности радость" (Из доклада английского историка Эрнста Курциуса в январе 1852 года в Берлине об Олимпийских играх древности).

Спорт утверждает жизнь, и в этом его вечность. Он связан с проявлением жизни - ее физической активностью высшего порядка.

Русский журнал "Сила и здоровье" за 1912 год (№22-34) писал о возрождении Олимпийских игр и вообще о новом взгляде на физическую культуру и спорт:

"Всенародное правильное физическое воспитание, разумный спорт и

захватывающие игры на свежем воздухе - вот путь к одной из величайших мировых целей: красота - сила - здоровье человека!..

Да, воскресшие Олимпиады должны быть тем великим испытанием, на котором каждая страна покажет, что она сделала за последние годы для возрождения культа красоты, похороненного вековым гнетом "христианнейшего изуверства, рабьего уродства моды и социальных ужасов "культурной жизни" человечества"".

В каждом человеке есть материал для того, чтобы воспитать в себе силу. В сильном же от природы человеке есть задатки для того, чтобы стать самым сильным, если его это привлекает. Но силу определяет воля. Единственный непреложный талант для силы, без которого она беспомощна,- воля, освещенная разумом.

Цена жизни

Сразу после неудачи в зале "Шибюйя" ко мне смутной догадкой пришла мысль о том, что здесь, в Токио, все несколько сложнее, чем просто проигрыш одного спортсмена другому. После двадцати лет "консервирования" (я был начисто исключен из общественной жизни, а печататься мог с огромными трудностями) я на сей счет просветился окончательно. Нет, я не преувеличиваю значение спортивных событий. Просто на моей судьбе отразились характерные особенности того времени. Формально - я проиграл в Токио Жаботинскому. В действительности же - не устоял в столкновении с системой. Сколько я успел вынести к тому времени ("консервирование" будет после)! Такой груз неприязни, ненависти, скрытой травли и противодействия тащил на себе - куда уж штанге до него!

Жаботинский являлся всего лишь олицетворением, символом того мира, то бишь той системы, чего он, кстати, не понимает и донныне. Именно с такой радостью и поспешностью меня отодвигали потом отовсюду, дабы забыть, исказить мое прошлое (занятие привычное: напрочь стереть память). Свое отношение к тем событиям я впервые высказал в интервью для журнала "Юность" в октябре 1988 года-в эпоху коллективного прозрения.

Тогда все было гораздо сложнее: я не принадлежал себе, я был профессионалом. Именно это право государства (спортивного клуба и Госкомспорта СССР) на мою силу, которую я уступал за определенную

месячную плату, и порождало все конфликты. Лицемерный статус любительства делал нас, спортсменов, бесправными. И в самом деле, ведь мы любители. Кто нас неволил? Нет силы, недоволен - уходи.

Я не принадлежал себе и не мог с этим мириться. Какие бы принципы ни декларировались, я был всего лишь вещью - пусть живой, но вещью. И отстаивание своих прав или прав товарищей вызывало клевету и злобу аппарата. Однако заткнуть мне рот представлялось делом не столь легким. Я носил единственный в своем роде титул "самого сильного человека в мире", и носил, надо сказать, с честью. Вся надежда моих хозяев по спорту (и не только по спорту) возлагалась на соперника, хотя бы равного по силе. Лишь он был в состоянии развенчать меня - и тогда эти люди получали возможность сводить со мной счеты по всем направлениям.

Я редко срабатывался с начальством. Это не только настоящие трутни, но в большинстве своем и разрушители нашей жизни. И как бы по чьей-то великой росписи - неподсудные, не ответственные за преступления перед нами. Это как бы существа, рожденные вовсе не от земных людей, - бездушные, высокомерно-лживые и поразительно жалкие, ничтожные без своих регалий и званий.

Да, я неуживчив, но, согласитесь, сложно быть уживчивым с теми, кто едва ли не всех и не все попирает и, за малым исключением, рассматривает свою должность как феодальное право распоряжаться людьми. Какой страшный след они оставили (и оставляют) на нашей земле...

Мне претит роль человека страдающего, заслуживающего жалости. Как умел, подавлял в себе слабость...

Хорошо, когда в желтую кофту

душа от осмотров укутана!

Если бы желтая кофта действительно уберегала от осмотров! Нет, не убережет. Человек настолько хрупок, настолько уязвим, что даже при самых совершенных законах его легко сломать, затравить, оболгать, загнать в ловушку, а после выставить безумцем. Но ведь сумасшедший дом - это расправа, замаскированная смертная казнь, даже хуже.

Однажды старшая дочь сказала мне:

- Ты не мужчина.

- Почему?- Я был искренне озадачен.

- А потому: ты - доверчивый. Это не мужское качество. Мне казалось, я ослышался. Ведь по существу это от того же гонения на честность. Но от кого я услышал! Вот тебе и общность крови...

Искренность, вера, честность...

Сколько же гонений на честность! И со всех сторон.

Нервная система профессионала-атлета, рискующего и здоровьем, и жизнью ради высоких результатов и побед, должна быть очень выносливой. Изнурительные (я бы назвал их беспощадными) нагрузки на многие годы, порой целую жизнь, опасные травмы, отказ от большинства земных радостей, выступления по многу часов в поединках без всякой жалости к себе, а также осознание того, что после ухода из спорта ты не будешь обеспечен, - все это требует исключительно крепкой нервной системы; иначе не устоять, не пройти и ничтожной части пути. Хотя борьба на уровне высочайших результатов и неизбежно закаляет. Атлет из первых - это прежде всего человек могучей нервной организации, поистине образец волевой надежности.

Большой спорт разрушал меня. Но он же, закалив, наделил определенной силой сопротивления, верой в себя, умением сносить боль и удары судьбы. Без его суровой школы вряд ли выдержал бы выпавшее на мою долю. Верил: людям нужна правда, которую я вплавляю в строки своих книг, и еще - любовь к жизни, неподатливость злу в самых невыносимых условиях существования.

Я был нестигаем до тех пор, пока с середины 70-х годов не решил писать в стол. Обстановка убедила: слово правды, даже просто честное воссоздание жизни в данных условиях исключено, более того - чревато опасными, а нередко роковыми последствиями.

Только одна книга "Особый район Китая" досталась таким перенапряжением, что вспомнить жутко! Одно непрерывное насилие... Лгать, приспособливаться?.. Нет, я решил писать, наотрез отказываясь от любой условной правды, от уступки даже на четверть правды. А это позволяла работа только в стол. Зарабатывал на хлеб поденным литературным трудом, ничем не проявляя себя как писатель. Свою главную работу, дело жизни я ломил в тайне от всех. Любая неосторожность - и тогда тюрьма или "психушка"...

Не сразу приспособился к подобной жизни и понес чудовищное нервное напряжение. Писать и не провалиться, настоящая жизнь в подполье: ведь

никто не должен был догадываться об этой работе, истинном направлении моей жизни.

Следовало зарабатывать, а на заработанные средства писать без выходных и каких-либо перерывов на отдых. Так, с 1976 по 1985 год я вообще не выезжал из дома, опасаясь помимо прочего оставлять архив, то бишь крамольные рукописи. А как же горько, обидно нести образы своих книг, находки, законченные рукописи и никому об этом не говорить! И еще - сомнения в том, что вещи, возможно, не удаются, не удались: нельзя проверить их публикациями. От этого и вовсе было горько тянуть дни. Огромный пресс: ломятся плечи, но нести надо, иначе не могу...

Я убедился: человек способен приноровиться к самым невероятным физическим нагрузкам. Главное в срыве здоровья - нервная изношенность, нервная напряженность, удары по нервной системе.

Меня почти не печатали. С огромным трудом удавалось протаскивать книги о спорте - в другом качестве меня "тормозили" почти сразу, намертво.

Сколько же раз я прибегал к цитированию (даже в этой книге), чтобы защитить свои мысли, чтобы, прикрываясь цитатами, развить собственные идеи. Без цитат "основоположников" это было совершенно невозможно.

Это проклятое иносказание (им перенасыщены три первые части этой книги)! Через отвлеченные рассуждения, не имеющие прямой связи с повествованием, стараешься высказать свои мысли, убеждения. А это так утяжеляет рукопись! Разве это литература! Думаешь не о решении задач искусства, а о том, как бы протиснуть мысль, и насыщаешь действие множеством ненужных ходов. Но куда деваться? Надо было принимать игру и по таким правилам.

Я задыхался, пытаюсь вырваться к читателю, и разбивался о незримую стену. Любая из моих немногочисленных книг - это мучительнейшее, надрывное протаскивание каждого слова. Я не испытывал радости: книга выходила оскопленной, изуродованной. Но даже эти книги-калеки издавались с великим трудом. Не будь "Особого района Китая" (эта книга несколько раз переиздавалась), жить мне последние одиннадцать лет было бы не на что, а впереди теснились годы тяжелых болезней. Спортивную стипендию я потерял, едва прекратив выступления, - сразу, без промедления, да еще с постыднейшими оскорблениями, публичной процедурой поношения. За все сквитались...

Я писал, а книги гибли, не пробиваясь к читателю. Подобное душевное состояние никак нельзя назвать естественным. Совершенно отсутствовали

удовлетворение и радость, было насильственное равновесие, принудительное приведение всех чувств к согласованности. И эти постоянные спутники: тревога, напряжение, временами страх... Как результат - резкое ухудшение здоровья в 1978 году. К этому физическому развалу издержки большого спорта не имели никакого отношения. Операции на позвоночнике случились и того позже, настолько внезапно, что можно сказать - грянули.

К 1979 году я был живой труп. И лишь мысль-протрезвление (я погибну, уступив злу, тому самому, против которого пытаюсь подняться своими книгами) переродила меня. Это был сложный, долгий, но неуправляемый процесс обновления. Я пересмотрел все основы отношения к злу, месту человека в обществе, создав новую для себя систему поведения. Это дало возможность организовать борьбу за возрождение здоровья, возродить его, пережить мощные удары судьбы и не потерять литературу, а обратиться к ней сильным и уверенным в себе и правоте дела.

Справедливость силы...

За познание я заплатил физическим распадом, равным гибели. Не только работать - жить уже было не в состоянии.

"Иногда мне казалось: лучше быть кирпичом, чем человеком. Кирпич всегда среди себе подобных, он выполняет свое назначение и не чувствует ровно ничего. Стоит зимой и летом, не страдает от жары, не страдает от холода, и никто не терзает его...> Добавлю: и его никто не может предать - ни друзья, ни близкие. Никто!.. Признаться, существенное достоинство.

Ни одно сколько-нибудь значительное дело невозможно без обеспечения, так сказать, с тыла. Без крепкой семьи, любви и преданности родных людей сложно держать шаг к цели и не задохнуться.

Меня никогда, ни в каких обстоятельствах не сдерживали - речь идет о годах в большом спорте. Даже тогда, когда я брел по черте предельного риска (увы, не только в спорте). За мной холодно, с любопытством наблюдали: выживу или свалюсь.

Не свалился.

Я ощущал фальшь, пустоту, но понять - откуда - не мог.

Верно, можно предать человека, но дело? Оно ведь не только в нас. Что наши жизни на пути к цели, которая свята?!

Именно ради этого я жил, и прочее не имело значения: достаток, успех, болезни... Впрочем, я так окреп - болезни отпадали одна за другой. Как солнечны слова Стивенсона - автора славной книги "Остров сокровищ": "Но мне по-прежнему знакома радость. Радость, имеющая тысячи лиц".

Все верно, ведь конец - это всегда начало. Именно так: конец - начало новой жизни. Умей терять, умей не бояться всех и любых начал новой жизни.

А после, как бы в подкрепление и в награду, наступило время и для свободного слова. Гласность...

Сколько же раз я разматывал прошлое, приглядывался к разорванным нитям когда-то полнокровных живых связей. Нет, не жалел о прошлом - каким другим оно могло быть в те годы... Старался держать верный шаг - вот и весь я. Случалось, спотыкался, оступался, но шаг держал, не изменял смыслу движения, наращивал убежденность.

Нить за нитью перебирал оборванные, иссохшие, уже почти чужие связи. Нет в них искренности, а главное - единомыслия. Чем упорнее я шел, тем более одиноким становился. Нити отношений истлевали и рвались.

Раздумывая о спорте, испытывал горечь. Я не посторонний спорту. Я вложил в него не только любовь - поставил на ребро жизнь... А сколько сделал для раскрепощения спорта! Первым в стране стал писать о нем как о профессии опасной и тяжелой. Тогда это была совершенно недозволенная тема. Ярлык приклеивали в момент - и уже вся жизнь наперекосяк. Писал о том, что было абсолютно неведомо обществу: об изнанке и подноготной рекордов, олимпийских побед, славы... Тогда, на исходе 50-х и в начале 60-х годов, я выступил против неуважения к спортивному труду, отношения к спортсменам как людям второго сорта, неспособным в силу умственной ограниченности ни к какой иной работе, кроме самой примитивной - мускульной. Я говорил о необходимости страхования этого труда, пенсионного обеспечения. Коли существует большой спорт - пусть относятся к нему как миру, где люди сгорают и разрушают себя в считанные годы. Я вступал в конфликт с чиновничеством, сосущим спорт, то бишь жизни людей.

А скольким же ребятам я просто помог!

И никогда ни слова признательности - стена отчуждения. И если бы только отчуждения - ожидание нового удара, все оттуда же - из сверкающего мира спорта.

Я достаточно закален. Не жил с этим ощущением обиды, оно постепенно

исчезало. Его нет во мне и не было как постоянного живого чувства, определяющего поведение.

Разве можно жить, травя себя злом, тем более требуя от него справедливости?.. Надо идти. Остальное не имеет значения. Для людей, но не для крыс.

Как же кусаются крысы! Такая крыса нередко может выступать почти в твоём обличье - и лгать на тебя, желать твоей гибели, подталкивать к ней. Ведь у крыс высшая ценность - квадратные метры площади, вещи,- словом, имущество.

И они кусают!

Господи, как же трудно заживают раны!

И как трудно устоять!

И как тогда зловеще одиночество!

И все равно - идти. И навсегда избавиться от такой химеры, как благодарность тебе. Ее не бывает. От осознания этого только выиграешь. Всегда ждать нового испытания. Лишь в этом случае жизнь не свалит, будешь идти.

Нет людей. Понимаете крик тысячедневных мук?

Душа не хочет немая идти, а сказать кому?

Со временем во мне сложилось убеждение - есть гордость избранного пути. Ничто не имеет значения: ни оскорбления, ни глумление, ни клевета, ни даже измена родных, ни извращение ими смысла твоего дела и предание его публичному осмеянию. Шаг ни на мгновение не ослабевает...

Ошибки, падения, горе, катастрофы...

Сколько раз движение вело в глухой тупик, а жизнь ради этого движения превращалась в глухое замкнутое пространство! Сколько же раз приходилось все начинать сызнова! И это все из того же принципа - ждать нового испытания, в рост встречать - и продолжать идти, и не бояться крушений.

С того часа, как я узнал эти строки, читая исповедь протопопа Аввакума, питаюсь неисчерпаемой живительностью их:

"- Долго ли мука сея, протопоп, будет?"

- Марковна, до самыя до смерти!"

Протопоп говорил это в утешение жене. Оскорбления, голод, побои, ссылки, публичные унижения - чего только годами не переносил во имя негасимой для него идеи Аввакум, этот совершенно беззащитный перед всем миром человек: ни средств, ни поражающей воображение физической силы, ни вооруженной рати, ни даже обыкновенного дома, да что там дома - угла. Ничего - лишь одно: слово. Неукротимое слово веры! "Да не забвению предано будет дело... Управи ум мой и утверди сердце мое приготовитися на творение добрых дел..."

Без физических нагрузок (и довольно значительных) не воспитаешь человека крепким и выносливым, а ему, этому человеку, не сохранить в будущем здоровье. Современный город, объем школьного учения, вся дневная нагрузка требуют противопоставления физической закаленностью. В данных условиях существования (не столь редко это можно назвать и "выживанием") человек вынужден обращаться к тренировкам (как единственно действенному средству), дабы выдержать натиск среды, забот и труда.

Для долгой и здоровой жизни занятия спортом важны в той же мере, что и разумное питание (естественно, при соблюдении режима). Однако я знавал людей весьма преклонных лет: они курили, даже выпивали.

Их долголетие я относил исключительно к природно крепкому здоровью, генетически обеспеченному. Но однажды я услышал от девяностолетнего человека (он, кстати, женат на далеко не старой женщине) слова, которые, я думаю, отчасти высветили существо долголетия. Старик - а его трудно назвать стариком,- суховатый и прямой мужчина с умным, пытливым взглядом, сказал тогда: "Мне очень приятно жить". Я услышал и окаменел. Сколько же в этом смысла! Да ведь именно здесь объяснение долголетия одних людей и, наоборот, болезней и преждевременного угасания других.

Если человек находится в обстановке, которая не угнетает его, ему по душе дом, люди, которые его окружают, и он с удовольствием (а не с тревогой и напряжением) встречает каждый день, он будет долго жить, если не долго - все равно выберет свои годы, не рухнет на подходе к истинно зрелым летам.

"Счастлив тот, кто счастлив у себя дома",- написал Толстой, уже прожив долгую жизнь. Как это мало и как вселенски много!

Целый мир радостей, больших и малых,- нет без них пульса жизни.

Можно перешагнуть через горе, беды, потрясения, если с тобой мир любви и радостей.

Радость могут принести (и приносят) и физические нагрузки, тренировки. Но не сразу, не в одночасье. На первых порах (может быть, на это уйдет полгода или год) понуждать себя к занятиям непросто, какая уж тут отрада, когда приходится истязать себя бегом или поднятием тяжестей. Но, когда к человеку приходят выносливость, сила, ловкость, тогда сами занятия начинают приносить ему удовольствие. И чем выше тренированность, тем выраженное это чувство. Именно оно, а не только сознание необходимости и полезности физических нагрузок привязывает к тренировкам. Человек испытывает удовлетворение от владения своим телом, освобождается от слабостей, двигательных ограничений, присущих дряблости, крепнет его уверенность в себе, жизнь приоткрывается с новой, неизвестной стороны.

Время и воля нужны, чтобы прорваться к силе, выносливости, закаленности.

За этим преодолением уже не только избавление от болезней и немощи, но и наслаждение работой, которая делает тебя совершенней и неутомимей; много дел становятся доступными, возрастает ширина и глубина охвата жизни, меняется само качество жизни.

Справедливость силы...

Накопление силы, удовлетворение от физического обновления для некоторых молодых людей превращается в самоцель. Необходима подстройка этого влечения. Это - и воспитательная работа тренера, и отношение родителей, и вся мораль общества: не могут слепая сила, животная мощь и выносливость являться первостепенным достоинством, тем более содержанием жизни. Не могут заменять главные ценности жизни ни мускулы-шары, ни безупречное владение приемами рукопашного боя, ни иные какие-то сверхкачества. Молодости с ее динамичностью нравится власть над людьми (над мнимой заурядностью), которую дают сила и умение ею распоряжаться. Не меньшую власть над молодым сознанием имеет хвастливое чувство превосходства мускулов, их внушительное и по-своему грозное развитие - это сразу ставит юношу над сверстниками, наделяет все той же мнимой исключительностью.

В общем, это свойственно людям. Не одна привязанность к технике, искусству управляет будущим инженером, поэтом или артистом. Если честолюбие не отрывается от реальностей, не смыкается с маниакально-тщеславным чувством единственности своего дарования, в нем нет ничего

ущербного. Но возведение силы в абсолют, в верховного распорядителя отношений между людьми неизбежно калечит личность, дает простор сорным и опасным чертам характера, обрекает на умственную и душевную ограниченность. Ценность такого человека для общества - весьма скромная, ибо он способен лишь к самой примитивной работе; отсюда неизбежность столкновения высоких амбиций с невысокой стоимостью действительных способностей и возможностей.

За культом героев Олимпийских игр-тысячелетние традиции. Здесь нет передержек: человек в спортивной борьбе выявляет те черты характера, которые не могут не вызывать восхищения,- волю, презрение к риску и болям, преодоление трудностей; большинство из них не по плечу обычным людям. Какая же убедительная демонстрация превосходства над любым из смертных, что за сила, ловкость, неутомимость!

Демонстрация превосходства для довольно существенной части молодых людей оказывается самым притягательным, определяющим в спорте. Что естественно: ведь спорт и есть соревнование. Но рука об руку с этим чувством поспевают другие, кровные братья его - агрессивность, утверждение кулаком и насилием своего "я", своей исключительности и, конечно же, самовлюбленность, самолюбование.

Спорт - это обязательность соперничества, а стало быть, воспитание воли, умение прорываться к победам через риск и трудности, но всегда и во всем здесь непременно есть, пусть в зачаточном состоянии, чувство превосходства. Оно-из необходимости силой и выносливостью подавлять соперников, то самое ощущение исключительности.

Присутствие данных черт характера прослеживается у всех великих и невеликих чемпионов, и часто в явственно-гомерических дозах, когда уже и от самих побед разит... разит и мутит. Для людей несложившихся, а в большом спорте, как это ни прискорбно,- в подавляющем большинстве случаев выступают именно такие, это неизбежно оборачивается сужением интересов, обеднением личности, а в соответствующих условиях и вырождением. Немало я встречал подобных суперменов с самыми громкими именами, залитых почтительностью газет, подобострастием публики, суперменов с сознанием вседозволенности (закон для них - это прописи для "заурядностей" и "ничтожеств", разных там "доходяг", "очкариков"...).

Не надо забывать и о том, что существует и популярность, основанная на откровенном невежестве. Есть кумиры черной силы, кумиры невежества и грубых примитивных чувств.

Спорт соединяет в себе два начала, которые находятся в непрерывном

борении: воспитательное, созидательное и разрушительное, низменное, тяготеющее к животному. Животное всегда имеет преимущество в этом противоборстве - оно от более древней основы человека, от инстинктов, от бережения прежде всего себя и подавления других.

Ведь древняя поговорка греков "В здоровом теле - здоровый дух" переведена неточно. На деле она звучит так: "Надо молить богов, чтобы в здоровом теле был здоровый дух". Это уже совсем другой смысл!

Сила сама по себе не означает нравственного и духовного здоровья. Ее качество будет прямым образом зависеть от воспитания. Что будет заложено в человеке, то и станет воспроизводить сила.

Спорт - могучее средство здорового воспитания и не менее действенное средство разложения личности.

Без понимания этого вряд ли можно определить верное направление спортивного движения, характер отношения к нему всего того, что формирует нашу мораль.

Знание, культура, любовь к труду - вот то скальное основание, которое должно подпирать спорт. Должно... Но в определенных условиях животные качества - звериная энергия, правота кулака, всеядность как выражение философии побед во что бы то ни стало и любой ценой (победителя не судят, победитель всегда прав и привлекателен)- становятся частью морали общества.

В нынешнее время возвеличивания героизма большого спорта, общего преклонения перед его идолами, гипнотического влияния на массы (выражаясь языком сталинской эпохи), особенно на молодежь, воспитательная функция спорта дает трещину (да что там трещину - пропасть!), открывая поистине безбрежный простор прославлению мускулов и физического превосходства над обычными людьми. Доказательства такого рода еще более ядовиты из-за тотальной поддержки государством большого спорта. Хотят эти люди или не хотят, но животная мощь, физическое подавление одного человека другим, преобладание грубой силы над духом, чувствами самого высокого порядка уже занимают ведущее место в морали общества. Извечные ценности, добытые и добываемые упорной работой мысли, горьким опытом поколений и целых государств, и прежде всего искусство (обращение к душе как высочайшей святыне, смыслу всех деяний рода "гомо сапиенс"), а также разум, творящий мысль, уважение труда, созидание через добро тускнеют, смахивают на уродцев, достойных лишь снисхождения. Сужается круг культуры духовной - расширяется замах животных инстинктов, как определяющий живучесть

общества. Это тоже, разумеется, культура, новая культура. Ее подпирают своя музыка, свой язык, свои духовные ценности и свои пророки.

Против кого эта сила и энергия инстинктов - какой мир, какие ценности они утверждают, что за ними? Выражением каких процессов в обществе они являются?..

Засилье, насилие - что за зловещие производные от слова <сила"...

Тень крысиного ложится на землю...

Из торжества красоты, мужества, дружбы, уважения соперничества спорт на ступенях высшего развития вырождается в разрушителя человеческих ценностей. Эта программно-погребальная функция как большого, так и подражающего ему обычного спорта искажает такие духовные начала, как душа, презрение к наживе, творчество, добро, справедливость, любовь, жертвенность. Нечто утробно-грубое, роботное надавливает необъятной пятой на человечество. Вонь и смрад невежества, нетерпимости, всеядности, собственничества и жестокости отравляют кровь и дыхание. Люди-крысы ничего не дают справедливой жизни. Они жиреют на равнодушии, злобе, боли и неправде. Всё себе на прокорм и про запас. И даже любовь к женщине у них крысиная: взять и ничего не отдать, ничем не поступиться. Они, кстати, и не верят в любовь как бескорыетяет-честь, долг-Для крыс это иероглифы, закрытые для чтения.

И еще раз вспомним Толстого (запись эта была сделана незадолго до смерти, так сказать, итог всей жизни): <Человек признает себя Богом, он прав, потому что Бог есть в нем; сознает себя свиньей, и он тоже прав, потому что свинья есть в нем. Но он жестоко ошибается, когда сознает свою свинью Богом".

Все непонятное и отличное от себя род крысиных старается опошлить и разрушить. И эта их работа везде: и в обществе, и в семье.

Примитивность и самодовольство присваивают и осваивают жизнь. Блаженны нищие духом.

А спорт? Ослепительное свечение и бряцание олимпийских наград. Рев и буйство стадионов. Кумиры с надутыми мускулами и пустыми глазами. Огромный механизм машин государственного и общественного возвеличивания силы и мощи - наркотическая притягательность титулов, медалей, поклонений... твоей единственности...

Не случайны побоища на стадионах - люди схватывают из спорта именно

его звериное, оставаясь совершенно невосприимчивыми ко всему прочему. Не случайны такие убого-позорные явления, как спортивные школы, где воспитывают из детей лишь штангистов, лишь прыгунов, лишь гимнастов (и во всех без исключения - не дерзость ума, пытливость, самостоятельность, а послушание). Не случайна и народная любовь к победам подобного рода - это уже отравление и отравленные. Не случайно и почитание победителей вне их других достоинств. Да будь победитель трижды негодяй и ничтожество, но ведь он выпекает золотые медали - и уже молитесь на него, подражайте. У каждого общества свои идеалы и свои герои.

Смысл дней - разум, творчество, созидаящая работа, верность справедливости, поклонение истине и утверждение добра. Не могут, не должны и не смеют инстинкты от силы, превосходства мускулов менять масштаб ценностей в жизни.

Сила заявила о себе как о кумире жизни. И как ей не поклоняться, если, в свою очередь, сила государства стирала каждого в прах. Этой силе подыгрывает и сила мышц. В новой морали она устанавливает истинный масштаб ценностей.

Нет юности и молодости без идеалов (к прискорбию, от них весьма свободны так называемые зрелые годы). И когда в эти мечты, образы незаметно укладывается представление о физической мощи как об идеале жизни, едва ли не о смысле бытия,- это уже вырождение. Нет и не может быть отрицания спорта - это нелепо, глупо. Однако недопустима и такая его роль, такое значение, когда неизбежен обмен коренных человеческих ценностей на инстинкты, а с ними и размывание опорных понятий жизни. Спорт в любом его масштабе тогда служит обществу, когда выполняет подчиненную роль в системе общественных и моральных отношений.

Нынешняя эпоха в спорте воспитывает, зовет к совершенству, так или иначе благотворно сказывается на каждом. Но она же, непрерывно расширяя границы своих владений, урезает пространство других ценностей жизни. Без понимания двуликой природы спорта нельзя и дальше относиться безучастно, бездумно к такому феномену, как большой спорт.

Мир вокруг - вечная природа, любовь, продвижение к цели в научном поиске, искусство и достоинство честного труда. Разве это изжило себя, утратило смысл? Разве все чувства замыкаются лишь на деньгах, карьере, насыщении животного? Разве достойно иступленное почитание славы, погоня за ней во что бы то ни стало, пусть ценой любых потерь: за счет разрушения здоровья, благополучия близких?

Цена жизни... Естественно, каждый волен распоряжаться своей жизнью, и

все же...

За что класть жизнь, ради каких идеалов? В спорте гибнут на склонах неприступных гор, в океанских просторах, на ринге, даже в рискованно-обыденных тренировках и, само собой, в различного рода трюках за определенную плату.

Жажда подвига - в крови человека. Но ведь складывают голову и в столкновениях с врагом, защищая Родину, справедливость, женщину, преодолевая насилие догм и мертвящую одинаковость, серость существования.

Какова же цена саморазрушения, риска и даже гибели в спорте? Цена подвига...

А если нет подвига, если жизнь выше всех этих подлогов? Я не оговорился, в спорте высших результатов, на мой взгляд, происходит подлог тех целей, во имя которых оправданы риск и саморазрушение. Вокруг предостаточно того, ради чего приходится поступаться здоровьем и жизнью.

Конечно, риск присутствует и в обычной жизни, как и саморазрушение (часто, к сожалению, вынужденное): автомобильная и авиационная катастрофы, ошибка врача, да и просто несчастный случай. Однако все круче, все охватней берет свое риск очевидный, сознательный. Риск жизнью единственно ради славы и денег. Причем слава и деньги чаще всего выступают общим понятием, почетно прикрытым наградами и разного рода титулами. Процент людей, согласных на это, невелик, его и не углядишь на бумаге. Но суть в том, что эти люди, рискуя собой, являются примером для массовых подражаний, входят своим поведением, обликом, моралью в плоть и кровь поколений юных.

Ради чего риск, это безудержное разбазаривание энергии и здоровья? Какой предстает цена жизни? Кому нужно обесценивание и обесчеловечивание жизни? Что выражают и отражают дробление, измельчание смысла нашего бытия?..

Достижения искусства и науки по своей природе требуют от своего создателя всех сил и в конечном итоге жизни. И люди отдают ее. Их творения, открытия, труд становятся движением вперед всего человечества, облегчают, украшают жизнь едва ли не каждого из нас. Иное же отношение к истинным ценностям прежде всего свидетельствует о коренном неблагополучии в обществе, выражением чего и является невысокая стоимость жизни. А спорт - золотые, серебряные медали, ордена, почет... Спорт часто красит несправедливо устроенную жизнь в розово-благодные

тона.

"Камни месить человеческой красотой..."

Жизнь семимильными шагами стремится к фальшиво-бездушным, торгашеским идеалам. В крови таких свершений - ради славы, побед, различных форм превосходства над всеми - отравы. Весь большой спорт - уже продукт купли-продажи, уничтожение человека и человеческого именем наживы, истребления в себе доброго и достойного. Да и столкновение там, на высших витках силы и прочих совершенств, жестоко и бескомпромиссно. Жизнь усекается, гнется на опасный предел, а что взамен?..

Жизнь подставляет людям лживые и ложные идеалы. За лозунгами спортивной красоты, здоровья, силы происходит дробление ценностей, подменяется высокая устремленность к добру, чистоте, расширению границ разума бешенством и неразборчивостью побед, за которыми мишура лозунгов, голая нажива, низменные страсти. Это все так смыкается с окопно-ущербным представлением бытия, когда весь мир зрится враждебным, его надо покорять - топтать, брать и покорять.

Прогресс. Святость движения вперед.

Поневоле приходят на память слова Герцена: "Если прогресс - цель, то для кого мы работаем? Кто этот Молох, который по мере приближения к нему тружеников вместо награды пятится назад и в утешение изнуренным и обреченным на гибель толпам (разумеется, ради движения вперед.-Ю. В.), которые ему кричат: morituri te salutant,- только и умеет ответить горькою насмешкою, что после их смерти все будет прекрасно на земле..."

В том-то и дело, что и после смерти не одного, а многих поколений все предстает далеко не прекрасным, а даже наоборот, иногда значительно хуже.

От Пушкина, Гоголя, Льва Толстого, Достоевского, Владимира Соловьева, Чехова, Булгакова - преклонение перед человеком, яростная рубка зарослей предрассудков, непримиримость к насилию, надругательствам во имя ложных представлений, расчистка путей к душе - вся упорная, кроваво-жертвенная работа поколений, биение мысли и совести, надежды всех и каждого... Освобождение души. Душа без оков. Свет души. Отрицание насилия.

Да разве не являются все наши падения (тот самый "период застоя"), дикости пыток и расправ именно результатом возвеличивания и

преобладания фактора экономического, материального, под пятой которого все должно уминаться, в том числе и душа, и прежде всего ее стержень - совесть? Разве не служит доказательством нашего крушения в достижении всяческих благ пренебрежение человеческим в человеке? Разве не возлагалась на машины, трактора и заводы роль воспитателей душ? Разве душа не есть самостоятельная ценность, пренебрежение которой способно обречь на провал не только реформы, но и революцию?!

Любое социальное, общественное и всякое иное движение обречено на провал, если смыслом его не является человек и человеческое. Сами по себе не могут существовать отдельно экономическая и духовная потребность общества. В центре любого движения, претендующего на прогрессивность, созидательность, прежде всего должны стоять человек и человеческое. Любые несправедливости, насилия над человеком и человеческим непременно отзовутся крахом экономическим с неизбежным распадом нравов и морали. И везде, во всем и всегда (с завидным постоянством) - унижения; это безжалостное измалывание души, своеобразная дрессировка на отказ от здравого смысла, достоинства, права на уважение. Униженность существования: всегда втянутая в плечи голова, взгляд под ноги и хлыст беспощадных слов... Унижение на каждом шагу, необходимость везде и всегда просить, просить... Об этой России Борис Пильняк писал как о "хамодержавии". Участь твоя - безмолвно, но с максимальным экономическим эффектом ложиться под шаг движения ("истории"). Ты ничтожен, твое назначение быть средством, только средством.

Люди не смеют высказать и доли тех мыслей, которые рождает разум. Сдавленная мысль! Мысли, умерщвляемые во чреве. Ведь мысли и чувства - это все, это - созидаящая сила Вселенной.

Нигде общество, его правящая сила не должна проявлять столько безупречной чистоты и правдивости, сколько в бережении человека и человеческого. Малейшая фальшь здесь непременно даст знать о себе во всех процентах выпуска тракторов, машин, специалистов... В этом, казалось бы, загроубелом и сугубо материальном мире, пораженном пороками неверия, упадком культуры (особенно классической), бьется очень трепетное ощущение совести. Ни ложь, ни посулы рая, ни прямое разложение взятками, должностными преступлениями, ни возвращение водкой и неизбывными, как день и ночь, тяготами жизни - ничто не остудило этот нерв совести и боли за справедливость. Над горем, обманом, надрывным существованием, безвременными болезнями и смертями возвышается израненная душа человеческая. Ничто не способно утешить ее.

"Березка беленькая, как свеча тоненькая..."

Всякое забвение справедливости, чести, достоинства и уважения человека уже предполагает гибель любого экономического поворота, любых самых правильных реформ. Разве насаждение казенной культуры, глумление над традициями души, честью (унизительность всевыщупывающих анкет, делящих людей на категории чистоты, степени доверия) не привели к одичанию душ? Разве душа - постыдное понятие, вымысел литературы, попов или меланхолических дамочек? Разве не бездушие привело наше общество к краю пропасти? Суть этого шествия к бездне не в искажении передовой философии разного рода невеждами, вульгаризаторами, насильниками, не в грубых просчетах того или иного толка, а в пренебрежении человеком и человеческим, возведении в абсолют насилия как главного средства достижения цели. Отсюда и отношение к человеку только как средству. Произошло великое пренебрежение человеческим. Надо терпеть - и молчать, терпеть - и молчать. Давление чувств и оскорбленного разума, давление от необходимости терпеть, сносить, молчать - это давление жгуче нарастает, оно уже сродни духовному (и душевному) самосожжению.

Ты - и договор с жизнью, условие на условную жизнь и условную правду. Своего рода общественный договор...

Ложь и фальшь делали каждый миг убийственным для души - и планы рухнули (планы на волокно, заводы, трубы, грамотность...), не дали того, что от них ждали, потому что лозунги, параграфы догм не в состоянии заменить душу. Человеческое отказалось существовать в чащобе голых цифр, подменах смысла, окриках, обращении на угрозах: всегда и во всем - это страх расправы, продолжение все того же насилия, освященного принципами учения. Человеку уготована одна роль - быть строительным материалом. Зачем душа, если можно обходиться одним послушанием, а совесть разменять на притворство всех степеней или камень молчания? Главное же - научиться терпеть, сносить любые унижения. В этом гражданский долг, смысл всех обучений в школах и университетах, смысл искусства и самой природы - терпеть и молчать...

Быть только средством-вот назначение любой жизни и тайна рождения любого. И это дает жутковатый эффект: нет такого извечного понятия, как "стыд"- основа морали. Вместо него есть понятие "сколько". И при определенной цене уже нет стыда - есть бесстыдство. Весь вопрос лишь в цене... Та же купля-продажа.

Нет людей.

Понимаете крик тысячедневных мук?

Не могут сталь, чугун, бетон, моторы воплощать человека. Чтобы строить новые отношения, надо прежде всего не наступать на сердце сапогом лжедолга, лжепатриотизма...

Душа не хочет немая

идти, а сказать кому?

Человеку, который ощущает себя лишь орудием государства, наносится глубокий нравственный, духовный ущерб. Впрочем, реакция у разных людей на это неоднозначна: с одной стороны, появился новый тип человека - человек-крыса (продукт естественного приспособления), неуязвимый в своем безразличии; но с другой - остаются все же такие, которые никак не могут отказаться от роскоши иметь душу.

Не может быть душа ременным придатком экономики, эпохальных преобразовательных планов. Душа - всегда самое важное, она - смысл и цель бытия. Материальную значимость ее стараются не замечать то ли по невежеству, то ли по умыслу. Ведь душа неуловима, ее не измеришь, не взвесишь, зато она отлично (но не всегда надежно) ограждается тюремными решетками и карающими приговорами - "презрением трудящихся".

И это точно: под каждым могильным холмиком не прах человека, а душа.

Общество, которое не научится беречь свою культуру, не вырвет детей из цемента бездушия школ, не покончит с издевательским, пренебрежительным отношением к делам и вере пращуров; общество, которое не в состоянии заметить у людей душу и осознать, что нельзя топтать ее,- обречено на варварство. Никакая развитая экономика, послушная наука послушных академий, форумы различных организаций, тем более Олимпийские игры, не в состоянии обеспечить такому обществу здоровье и процветание. Все извращения недавней нашей истории, вся та убогость существования били (и всегда будут бить) прежде всего по человеку и человеческому. Опасно это не замечать или отметить как нечто метафизическое, лишенное реальных связей с жизнью и вообще противное духу передовых идей.

В речи на митинге Фидель Кастро заявил (Правда, 1983, 16 ноября): "Никакое преступление не может быть совершено во имя свободы и революции".

Никакое.

Как с этим "никакое" обстояло на Кубе, судить не беремся: не можем знать. А вот у нас преступления совершались именем государства и народа: во имя революции и ради свободы - массовые избиения, массовая безнаказанность, возведенные в доблесть.

Это - история насилия, обожествления и превращения его в норму жизни, плоть и естество жизни; своего рода обыкновенность задавленности, неправды и смирения перед неправдой, даже веры в неправду.

Именно поэтому любые возвращения к правде, жизни по совести и справедливости вызывают сопротивление, и не только бюрократов, но и заметной части народа, об отдельных чертах которого с такой определенностью высказался в свое время Михаил Булгаков: "страшные черты".

В первые десятилетия после Октябрьской революции эти "черты" получили исключительно благоприятные условия для своего развития. Это итог превращения насилия в естественное состояние общества. В этом заданном состоянии, состоянии постоянной недомолвленности, постоянного расчета на каждое слово, жизни в неправде и боли под именем правды и счастья прямая речь уже не кажется, а представляется недозволенностью, едва ли не оскорблением. Она оказывается дерзостью для людей, привыкших к существованию, образно определяемому как холопство по убеждению, ибо отлучение от самостоятельного мышления уже создает поколения нравственно ущербных, ведет к потере великих национальных качеств, измельчанию, оскудению душ.

Для определенной части народа становится выгодна жизнь при насилии и под насилием. Те силы, которые служили и готовы служить насилию, покорны лишь одной истине: верить, не разумея, иконно - и чтобы на коленях перед ней, этой силой.

Это они, порождение той силы, диктовали нам правила морали (понемногу пытаются диктовать и поныне). Да-да, это они, которые не доросли до понимания самых простых и непреложных истин человеческой морали (повторю очень дорогие мне слова, которые уже приводились в книге): "Правда и состоит в том, дабы говорить то, что думаешь, даже если заблуждаешься", "Нужно повиноваться истине, а не большинству".

Сказано это было Бальдассаре Кастильоне еще в XVI веке.

Эти истины еще раз прозвучали из уст Достоевского три века спустя: "Правда выше Некрасова, выше Пушкина, выше народа, выше России, выше всего, а потому надо желать одной правды, искать ее, несмотря на все

выгоды, которые мы можем потерять из-за нее, и даже несмотря на все те преследования и гонения, которые мы можем получить из-за нее..."

А те, кто обосновал свои насилия теорией, называя ее самой передовой, убивали и заблуждавшихся, и незаблуждавшихся, но самостоятельно мыслящих, не гнувших спину. На трупоедстве возшла их сила. Их заслуги перед миром насилия поистине неохватны.

Террор оперся на подлоги по всем направлениям (и в невиданных масштабах) и, конечно же, на обман. Террор призвал в союзники невежество, неразвитость и вообще черное в людях ("страшные черты"). Ум, культура, самостоятельность принимались за чуждость и, следовательно, за враждебность.

Право на выживание было одно - отдать душу. Нетерпимость, жестокость, грубость становились нервом нового общества. Проще всего сохранить жизнь - не иметь души. По данному принципу и происходило замещение людей в "хамодержавии". Шибко пошло в рост все сорное и ядовитое.

"Березка беленькая, как свеча тоненькая..."

Перед уходом из Ясной Поляны Лев Толстой заносит в записную книжку: "Разве можно улучшить жизнь, продолжая жить дурно?"

Вот и ответ-ключ к разгадке причин нашего рокового шествия к краю пропасти среди победных процентов выпуска тракторов, турбин, специалистов... Нельзя дурным созидать хорошее. Не может из любого признания дурного, обращения к дурному (якобы во имя святости конечной цели) произрасти хорошее. Не могут хорошее и светлое увенчать дурное. Непонимание этого, более того - обращение к злу, как якобы к кратчайшему (и неизбежному) средству достижения цели, и привело к разрухе и запустению в душах и, как следствие, ко всем провалам математически (научно) выверенных "этапов и планов". Это еще раз доказало, что и сама наука (кстати, не только гуманитарная), если лишена человеческого, в отрыве от человеческого (и довольствуется своей сытостью и своей защищенностью), - антиобщественна, опасна и разрушительна.

Человек, признание его высшей ценности - та твердыня, отрицание которой всегда будет оборачиваться жесточайшими катастрофами как в жизни отдельных людей, так и в жизни целых обществ. На судьбах обществ это скажется быстрее и глубже, разрушительней, ибо эта жизнь великого собрания людей не обладает гибкостью и подвижностью жизни отдельного человека.

И случилось то, что не могло не случиться,- умерщвление душ. Не у всех и не окончательно, но достаточно всеохватно и емко - до самого дна. Так что стало возможным топтать могилы отцов и дедов... "Березка беленькая, как свеча тоненькая..."

Я был убежден (и сохраняю это убеждение и поныне), что сила, если она не от силы духа или силы сопротивления,- достоинство для рабов, ибо только раба смирит сила и для раба она будет божеством.

С другой стороны, сила нужна, даже просто необходима, чтобы утверждать и отстаивать определенные ценности, если угодно - высшие духовные ценности. Она должна укреплять и вести по жизни, охранять жизнь создателя всего высшего и прекрасного - человека.

Но силе, которая утверждает только самое себя, я всегда желаю поражения и краха.

И еще. Бернард Шоу говорил:

"Человек, пишущий о себе и своем времени,- единственный пишущий о всех людях и о всех временах".

1978-1979. 1987-1989 годы